

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

————— **ХРЕСТОМАТИЯ** —————

Под редакцией
А. П. Майорова, доктора филологических наук

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Я 411

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол 8 от 7 декабря 2021 г.

Рецензенты
Е. А. Бардамова, д-р филол. наук
Э. Д. Эрдынеева, канд. филол. наук

Издание осуществлено в рамках государственной программы
«Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие
народов России в Республике Бурятия»

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Текст печатается в авторской редакции

Я 411 **Язык семейских в исследованиях ученых. Хрестоматия** / Н. А. Дарбанова, А. П. Майоров, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова; под редакцией А. П. Майорова. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. — 320 с. ISBN 978-5-9793-1673-4

Хрестоматия включает научные труды, освещающие звуковой строй, лексику, морфологию и синтаксис говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья с XIX века до наших дней, а также библиографический указатель трудов по языку семейских и сведения об авторах. Издание такого рода предпринимается впервые и посвящается 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума.

Language of the Semeiskie in Research of Scientists. A Chrestomathy / N. A. Darbanova, A. P. Mayorov, M. B. Matantseva, I. Zh. Stepanova; edited by A. P. Mayorov. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. 320 p. ISBN 978-5-9793-1673-4

The chrestomathy includes scientific works on the sound structure, vocabulary, morphology and syntax of the dialects of Transbaikal Semeiskie (Old Believers) from the 19th century to the present day, as well as a bibliographical guide to works covering the Semeiskie's language and information about the authors. The book is dedicated to the 400th anniversary of the birth of Archpriest Avvakum.

doi: 10.18101/978-5-9793-1673-4-2021-1-320

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-9793-1673-4

© Н. А. Дарбанова, А. П. Майоров,
М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, 2021
© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
І. ОБЩИЙ РАЗДЕЛ	
<i>Ровинский П. А.</i> Об особенностях сибирского наречия и словарь.....	7
<i>Селищев А. М.</i> Введение.....	24
<i>Селищев А. М.</i> Забайкальские старообрядцы.....	33
<i>Козина О. М.</i> Этноним «семейские» как результат продуктивной словообразовательной модели диалекта.....	52
<i>Майоров А. П.</i> Забайкальские старообрядцы — они же <i>поляки</i> , они же <i>семейщики</i> , они же <i>семейские</i>	54
<i>Архипова Н. Г.</i> Старообрядцы (семейские) Амурской области: история и особенности языкового существования.....	60
<i>Юмсунова Т. Б.</i> Говоры семейских Забайкалья как говоры вторичного образования.....	71
<i>Дарбанова Н. А.</i> Парадоксальность самоидентификации в речи семейских Забайкалья.....	74
<i>Майоров А. П.</i> Семиотика погребального обряда (на материале описания обрядовых действий у семейских Забайкалья).....	79
ІІ. ФОНЕТИКА	
<i>Калашиников П. Ф.</i> Фонетические особенности говора семейских.....	86
<i>Козина О. М.</i> Особенности функционирования гласных ударных фонем как отражение специфики старообрядческих (семейских) диалектов.....	91
<i>Козина О. М.</i> Пути трансформации старообрядческих (семейских) говоров Бурятии (на материале функционирования гласных фонем).....	99
<i>Копылова В. И.</i> Фонетическая система говора семейских Красночуйского района Читинской области.....	110
ІІІ. ЛЕКСИКА	
<i>Козина О. М.</i> Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Бурятии.....	117
<i>Тынтуева Е. И.</i> Особенности изучения истории слов старообрядческого говора — говора позднего заселения.....	121
<i>Матанцева М. Б.</i> Темпоральная архитектоника говоров: словообразовательный аспект (на материале лексики говоров забайкальских старообрядцев).....	146
<i>Матанцева М. Б.</i> Заимствованная лексика охотничьего промысла в говорах забайкальских старообрядцев (диахронический аспект).....	154
<i>Дарбанова Н. А.</i> Территориально-сопоставительная характеристика экспрессивной лексики говоров забайкальских старообрядцев (семейских).....	167
<i>Дарбанова Н. А.</i> Наивная геометрия русских говоров Бурятии: круглое в восприятии носителей народной культуры.....	182
<i>Дарбанова Н. А.</i> Образы движения в языковой картине мира старообрядцев Забайкалья (на материале экспрессивной лексики).....	188

<i>Дарбанова Н. А.</i> Время в языковой картине мира забайкальских старообрядцев.....	195
<i>Степанова И. Ж.</i> Особенности картины мира старообрядцев Забайкалья (сравнительный анализ по романам Исаия Калашникова и данным социолингвистического опроса).....	203

IV. ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА

<i>Юмсунова Т. Б.</i> Семейные обряды в говорах семейских — старообрядцев Забайкалья.....	219
<i>Майоров А. П.</i> Обрядовая лексика говоров семейских Забайкалья в свете социокультурной адаптации их носителей.....	247

V. МОРФОЛОГИЯ

<i>Калашников П. Ф.</i> Морфологические особенности говора семейских.....	262
<i>Юмсунова Т. Б.</i> Материнская основа говоров семейских и ее трансформация на территории Забайкалья. Морфология.....	264
<i>Козина О. М.</i> Сопоставление основных грамматических особенностей говоров Д, Нк, НД и старожильческих говоров.....	273

VI. СИНТАКСИС

<i>Козина О. М.</i> Глава 2. Синтаксис.....	280
<i>Юмсунова Т. Б.</i> Материнская основа говоров семейских и ее трансформация на территории Забайкалья. Синтаксис.....	284

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ ПО ЯЗЫКУ СЕМЕЙСКИХ.....	292
ПЕРСОНАЛИИ.....	311

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя жанр хрестоматии предполагает собрание произведений, систематически отобранных в учебных целях, адресат у данного издания шире, чем у традиционной хрестоматии. Книга предназначена не только для работы со студенческой аудиторией, но и для специалистов в области изучения старообрядчества, лингвистов широкого профиля, поскольку имеет определенную научную ценность в связи с переизданием некоторых труднодоступных текстов, носящим характер их вторичного введения в научный обиход.

История исследования говоров семейских насчитывает свыше 150 лет. Если брать в качестве точки отсчета деятельность П. А. Ровинского в 70-х гг. XIX столетия, то начало изучения этого своеобразного идиома совпадает с проявлением активного интереса ученых к народной речи, с зарождением русской диалектологии как самостоятельной научной ветви еще молодой науки лингвистики. В истории исследования говоров семейских прослеживаются несколько этапов, и на первом этапе относительно полное системное описание говоров было осуществлено А. М. Селищевым. Со второй половины XX в. преимущественное внимание уделялось звуковому строю, а затем — лексике данных говоров. Все это так или иначе нашло отражение в содержании хрестоматии.

Неустанный интерес к говорам семейских не случаен. Оказавшись в условиях инодиалектного и иноязычного окружения, эти переселенческие говоры превращаются в уникальное явление, потребовавшее и требующее до сих пор рассмотрения сложной природы данного социолингвистического феномена на всех языковых уровнях. Разнообразие аспектов и предмета исследования предопределило соответствующее структурирование хрестоматии. В основной ее части выделяются разделы «Общий раздел», «Фонетика», «Лексика», «Обрядовая лексика», «Морфология» и «Синтаксис». Помимо этого, в хрестоматию включены «Библиографический указатель трудов по языку семейских» и раздел «Персоналии».

В «Общий раздел» вошли фрагменты трудов, освещающих историко-генетическую природу говоров семейских и подробности истории переселения и жизнедеятельности первых семейских в Забайкалье (П. А. Ровинский, А. М. Селищев), особенности исторического развития говоров семейских в Забайкалье (Т. Б. Юмсунова) и Амурской области (Н. Г. Архипова). В статье Н. А. Дарбановой ставится проблема языковой и культурной идентичности семейских, а в статье А. П. Майорова разрабатывается семиотический аспект описания обрядовых действий и языковых средств их выражения. Не теряет актуальности вопрос о происхождении термина *семейские*, что также отображено в разделе (О. М. Козина, А. П. Майоров).

В раздел «Фонетика» вошли фрагменты работ П. Ф. Калашникова, О. М. Козиной, описывающие фонетические особенности говоров семейских и пути трансформации говоров в зеркале их звукового строя, а также одно из пионерских исследований фонетики говоров семейских Красночикоийского района Читинской области — статья В. И. Копыловой.

Как уже отмечалось выше, словарный состав говоров семейских является объектом наиболее пристального внимания исследователей. В связи с этим

огромное количество работ и многоаспектность изучения лексикона семейских вызвали необходимость распределения трудов, посвященных изучению словаря семейских, по двум разделам: 1) «Лексика» — раздел, представляющий структурно-системное и историко-генетическое описание диалектных слов (работы О. М. Козиной, Е. И. Тынтуевой, М. Б. Матанцевой), а также лингвокогнитивный взгляд на представления семейских о некоторых пространственных и временных явлениях (работы Н. А. Дарбановой) и особенности картины мира старообрядцев Забайкалья, отраженной в романах Исаия Калашникова (И. Ж. Степанова); 2) «Обрядовая лексика» — раздел, отражающий актуализацию в конце XX-го столетия лингвокультурологического подхода к исследованию говоров семейских, который проявляет себя в возрастании соответствующих научных исследований (Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров).

В разделы «Морфология» и «Синтаксис» включены фрагменты монографических исследований О. М. Козиной и Т. Б. Юмсуновой и статьи П. Ф. Калашникова, характеризующие основные грамматические черты говоров семейских.

Следует отметить некоторые особенности публикации текстов научных исследований. Поскольку все они в свое время вышли в свет в тех или иных печатных изданиях, в хрестоматии сохраняются черты эдиционной практики, присущие изданиям соответствующего периода. Это различные способы оформления наименований статей, имен авторов, подачи иллюстративного материала, лексических единиц как предмета исследования и др. Например, во фрагменте исследования Е. И. Тынтуевой сохраняем непривычное сегодня оформление слова как объекта исследования посредством кавычек — "поветь", "изба".

В «Библиографическом указателе трудов по языку семейских» предпринята попытка представить исследования семейских говоров максимально полно. Читатель найдет не только выходные данные практически всех исследований ученых, чьи отдельные работы переиздаются в данной хрестоматии, но и труды тех авторов, чьи работы, к сожалению, в хрестоматию не вошли: это работы В. А. Бельковой, Л. Л. Касаткина, Е. И. Пляскиной.

Заключает хрестоматию раздел «Персоналии», который дает краткую характеристику научной деятельности ученых и знакомит наглядно с их личностями.

Будем надеяться, что знакомство с результатами научных исследований не в учебном изложении — пособии, курсе лекций и т. п., а в виде оригинальных источников расширит круг знаний и, возможно, изменит представление о говорах семейских и их носителях.

Авторы-составители выражают глубокую благодарность Т. Б. Юмсуновой, Н. Г. Архиповой, Т. Ю. Игнатович, оказавших помощь в подготовке к изданию хрестоматии.

I. ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

П. А. Ровинский

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИБИРСКОГО НАРЕЧИЯ И СЛОВАРЬ¹

(статья дейст. члена П. А. Ровинского)

При изучении какого бы то ни было народа, рядом с фактами из его жизни, со всею обстановкой: с окружающей природой, жилищем, одеждой, обычаями, религиозным культом и т. д., рядом с чертами его наружного типа и склада, конечно нельзя не обратить внимания и на язык. Скажем больше: не зная языка народа, вы не можете изучить его народности. В этом случае язык не только служит средством для изучения быта, проводником, так сказать, к душе народа; но должен составить прямую цель изучения, потому что язык, если можно так выразиться, есть самое субъективное произведение народного духа; в нем, можно сказать, лежит душа народа вся целиком, со всеми впечатлениями, которым она когда либо подвергалась.

<...>

Всестороннее изучение языка дает вам полную физиономию народа, дает более точное понятие о том, что заключается под его наружным типом и до чего по сию пору не дошли еще на физиогномика, ни этнография, хотя **обе** науки именно к тому и стремятся.

Высказывая взгляд на изучение языка и значение его для этнографии, я имел единственную целью пояснить, почему свои исследования, предпринятые по соглашению с Сибирским Отделом Географического Общества и при его содействии и имея прямою задачею этнографию края, я начинаю с языка: это, как было уже высказано, единственная сторона народной жизни, охватывающая ее всецело и единственно доступная для непосредственного наблюдения во всякое время и во всяком месте; тогда как для наблюдения других сторон народной жизни нужно улучать особенно благоприятные моменты и обстоятельства, нужно иметь особенные случаи, чтоб сблизиться с человеком и проникнуть в глубь его души, нужно, наконец, продолжительное время, чем путешественник, как временный гость каждой местности, не обладает.

К тому же человек легче изменяет своей внешней обстановке, меняет свои обычаи, религиозные и нравственные воззрения, чем свой наружный тип и язык, тесно связанные одними законами природы и менее всего зависящие от его личной воли. Народ, раз выйдя из неподвижного состояния, легко бросает свое старое платье, отрекается от своих старинных песен, увлекаясь костюмами и песнями новыми, модными, хотя бы они совершенно не шли ему, не отвечали его природе, но в языке непременно скажется, кто он такой. Зато уж, если он совершен-

¹ Ровинский П. А. Об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества, издаваемые под редакциею правителя дел отдела А. Ф. Усольцева. Т. IV. № 1 (26 марта 1873 г.). Иркутск: Печатано типографией Н. Н. Сеницына, 1873.

но изменил своему языку, то значит, что еще прежде он изменил своему прежнему образу жизни и прежней физиономии.

Итак, на первый раз мы представляем материал для словаря наречия Восточной Сибири и несколько замечаний о формах и фразеологии его, что может составить материал для грамматики.

Всего мы собрали **более** тысячи слов таких, которые не вошли в Областной словарь великорусского языка, изданный Академиею, и в толковый словарь Даля и другие известные мне сборники слов, как напр., Кривошапкина и Авдеевой, или составляют варианты к напечатанным прежде.

В академическом словаре помещено достаточное количество сибирских слов и многие из них не отмечены сибирскими.

Просмотревши его, я отметил в нем всего более тысячи слов. Из новейших сборников мне известен только словарь, приложенный к сочинению г. Кривошапкина, «Описание Енисейского округа», состоящий более чем из 800 слов, из числа которых половина находится и в Академическом, и все-таки около 400 найдется новых.

Все это наличное богатство восточно-сибирского наречия составляет уже около 3000 слов; но оно должно еще значительно увеличиться. Если мне одному в 2 года удалось собрать более тысячи слов, то, без сомненья, при участии многих лиц собрание это должно значительно увеличиться.

В этих соображениях я тороплюсь представить для напечатания имеющийся у меня материал, и, печатая его, имею в виду вызвать замечания и дополнения со стороны знатоков сибирского наречия.

Скажем наконец, каким образом мы собирали этот материал.

Начало собиранию положено в Иркутске: мы собирали ото всех сословий, не исключая и чиновников, которые, конечно, менее, чем все другие сословия, по языку, как по всему остальному, могут сливаться с массою; но надобно заметить, что сибиряк, даже в чиновничьем мундире, остался верен своему народному типу; он будто гордится этим и, сколько мне приводилось наблюдать, как между чиновниками, так и между священниками, сибиряк стоит гораздо ближе к простому народу, чем так называемый *российский человек*.

Вот почему я смело черпал свой материал и из этой среды; но в то же время я ни одного слова не заносил прежде, чем не слышал его от нескольких лиц. Беря слова от людей более развитой среды, я замечал иногда искажение с их стороны вследствие сложившегося у них убеждения, что простой человек говорит не так правильно, как они, тогда как часто бывает совершенно наоборот; в этом случае я делал поправку по народному говору. Относительно простого народа затрудняет иногда неясность произношенья и некоторая неопределенность смысла; в этих случаях я старался заставить повторить, но это нужно было сделать неприметно для говорящего, иначе он не повторит или станет подделываться под ваш говор. Очень может быть, что иное слово я схватил не совсем верно; тем не менее я считал себя не вправе записать его иначе. Так, у меня есть слова: *тунные* сборы, *бандора*, *сокуль*, *тогильная* дорога; тогда как эти же слова есть в областном словаре и другими произносятся иначе: *темные*, *байдора*, *сокуй*, *тодильна*. В этих случаях, я думаю, лучше оставить обе формы, покуда не выяснится истинный смысл слова и корень его, от которого оно произошло.

I. Общий раздел

Потом я помещал только то значение слова, в котором оно еще было неизвестно; напр, *векша* в смысле белки известно, поэтому я отметил его только в значении блока, на котором спускают собаку на ночь; *кислица*, в значении *красной смородины*, употребляется везде и в Западной Сибири, есть и в академическом словаре, и я отметил его только в том смысле, в каком употребляется исключительно в пограничных караулах, именно: *узколистый щавель*. Надобно заметить, что это самое растение точно так же называется и на Дону.

Для словаря собственно нужно только верно записанное слово и по возможности самое точное и короткое толкование его общепонятным языком, или просто перевод его; мы же иногда представляем целое описание выражаемого словом предмета, например, плуга, ткацкого станка, принадлежностей судоходства. Отчасти это мы делали для того, чтобы представить по возможности побольше черт из народной жизни, дать больше материала для этнографии, а отчасти потому, что не могли найти для них соответственных слов и выражений из общепонятного словаря. И при подробном описании все-таки чувствуем, что много остается не совсем ясно и в некоторых случаях вернее передал бы рисунок, что мы и намерены сделать при описании быта.

Еще больше затруднений представляют названия растений: я собирал только те названия, которые, по моему мнению, не известны в остальной России, но многих только я не знаю, тогда как они есть, может быть, уже в общем словаре или в ботаническом словаре Анненкова. Не имея под руками ни того, ни другого, я не забочусь о том, чтоб не повторить, я стараюсь только не пропустить и представляю до 80 таких названий.

Некоторых из этих растений я совершенно не знаю, другим не знаю соответствующих общерусских названий, а ученого названия не знаю ни одному почти растений. Поэтому я собирал самые растения, которые могу представить с местными названиями специалисту-ботанику, и тогда этот недостаток может быть пополнен.

Прежде чем говорить об особенностях наречия Восточной Сибири, скажем, какое из наречий России легло в основание его.

Смотря на разнохарактерность сибирского населения, в котором принимала участие вся Россия, и по сию пору, по крайней мере 1/3 составляют инородцы, думается, что этот край должен выработать себе такой жаргон, который вообще можно назвать только русским, но никак не может быть приурочен к какой-нибудь одной местности России. В действительности, однако, оказывается другое. Природный сибиряк, П. Словцов, занимаясь историей своего отечества, останавливается также на вопросе о составе сибирского населения и о том наречии, которым оно говорит, и пришел к такому заключению: «сибирский говор есть говор устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией, говорившею тем же наречием.

Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздники устюжских *чудовторцев* <так в тексте!>, вошли как хозяева в доверие у инородцев, скупали у них мягкую рухлядь на табак, на корольки и топоры, а к ним привозили кресты, перстни, запонки, финифтовые табакерки и проч. щепеткие (галантерейные) изделия своей работы. По какому-то жребию единообразия даже казачьи команды пополня-

лись из таких городов, где говорили тем же наречием. Как бы то ни было, нельзя, однако ж, не видеть причины, для чего московский говор, легкий и приятный, как счастливый баловень, не успел в Сибири взять поверхности. Воеводы и их товарищи, дьяки и письменные головы, хотя приезжали с семьями и домочадцами, отделялись степенями состояния от жителей, которые, если видят к себе презрение, любят лучше передразнивать надменных, чем им подражать. Много было детей боярских и стрельцов, но не москвичи урожденные. *Сибирское наречие в произношении буквы о свято держится отдельного букварного выговора так, как бы всегда лежало ударение на нем. Сверх того, наше наречие удержало обветшалые слова, уполномочило самодельные и переиначило ударение многих.* Сибирский разговор ленив и холоден, но без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом и, к сожалению, темноват по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль. Перевалясь из Екатеринбурга в Тобольск, замечаем чувствительную разницу в разговоре и от того, что он свертывается в домашний и томится около своих муравейников. *В Иркутске тем чувствительнее разница, чем далее от России.* (Историч. Обзорение Сибири, I кн. 140 — 2 с.).

Действительно «по какому то жребию единообразия» главное население, так сказать, кадры, составляют выходцы если не из Устюга Великого, то вообще из северных окраин России и преимущественно из Вологодской губернии. Устюжан и по фамилии устюжаниновых мы встречали в Иркутске, на Лене, в Илимске, в Нерчинском округе, теперь есть и на Амуре. Устюжанинов Священник обвиняется в деле Бенковского в Нижне-Камчатке в 1771 году. Огромная фамилия Токмяковых, выходцев из города Тотьмы, по местному выражению Токмяковых, распространена внизу Ангары по всему волоку от Братского острога до Усть-Куты на Лене, на юг до Кяхты между пограничными казаками Нерчинского округа; по старым документам упоминаются также в Камчатке; Зыряновых и потомков Зырян также мне приводилось встречать везде, где я ни был, даже между семейскими на Чикое¹.

Сколько я ни знаю селений Восточной Сибири, все они, если не ясачные, то выходцы из Вологодской губернии, и частью к ним принадлежат архангельцы, потом пермяки и вятчане. Мы представили уже данные относительно нижних частей Ангары и Ангарско-Ленского волока; в непродолжительном времени сообщим имеющиеся данные относительно Лены и потом о Забайкалье; а до тех пор остаемся при голословном заявлении и обращаемся к языку этих местностей.

Я имел уже случай указать, что особенности говора в Иркутске и его окрестностях, в более полном развитии, мне встретились в низовьях Ангары и на Илеме. В том же году летом, путешествуя по Забайкалью, я подметил их в Верхнеудинске; но по округу его меньше, и только на Чикое, особенно на заимках между Чикоем и Ингодой, эти особенности выступают несколько резче; есть они отчасти и по Ингоде, но нельзя было не удивиться, встретивши их во всей резкости у пограничных казаков по Онону и по всей 2-й конной бригаде, а также у пеших казаков по Аргуни. То же самое я встретил в Нерчинске, по всему округу, где приводилось быть, и у всех поселенцев вниз по Шилке и по Амуру, где почти все из Забайкалья и преимущественно из Нерчинского округа. Те же самые признаки

¹ Лет двадцать назад я знал в Иркутске одного чиновника этой фамилии, родом из Охотска. У него было не только не русское лицо, но и какой-то особенный, отчасти шепелеватый выговор. **В. Вагин.**

I. Общий раздел

другие путешественники указывают на Колыме, в Камчатке и у Охотского моря. Какие именно признаки, мы отчасти указали, а в подробности укажем дальше.

Наречие это так прочно и стойко держится во всех упомянутых выше местностях, что все жители Восточной Сибири, откуда бы ни происходили, из России или из ясачных, принимают его как свое. Правда, сибиряки много изменились по образу жизни, смотрят уже более горожанами; им привились мещанские привычки, мещанский вкус во всем, начиная с роскоши и кончая пеньем романсов и танцеваньем полек и кадрилей; вместе с тем они приняли множество иностранных европейских слов и рядом с ними, окруженные со всех сторон инородцами, живя в самых тесных сношениях, заимствовали и от этих сожителей массу слов. Иные усвоили от инородцев множество обычаев, их одежду и отчасти, может, быть, нравы и вкус; но тем не менее все они говорят одним своим особым наречием, которому подчиняются даже люди, стоящие вне массы: купцы, священники и чиновники, несмотря на то, что их переделывает школа и более тесные и постоянные сношения с людьми из Европейской России.

Такая распространенность и устойчивость говора Восточной Сибири, имеющего свою особенную фонетику, много особенных грамматических форм, отчасти особенное словообразование и своеобразный способ выражения, с словарем более чем в 3000 оригинальных слов, неизвестных в общем русском языке, дает ему полное право занять место в ряду с остальными наречиями России, как наречие *северно-русское*, в основе которого лежит говор новгородский, *среднерусское* в московском говоре, *западное* или *белорусское*, и южное или малорусское, не говоря уже об тех, который произошли от смешенья, как, напр., курское, новороссийское, вятское и др.

Сибирское наречие, конечно, с основанья произошло от северно-русского; но двухсотлетняя разъединенность с остальной Россиею, совершенно иные естественные условия жизни и иные условия исторические, вместе с разнообразными столкновениями со множеством других народностей, о каких в северной России не имеют и понятия, дали ему развитие вполне оригинальное.

Представьте себе, что жителя вологодской губернии из страны земледельческой, где множество лесу, рек и озер, дающих развитие рыболовству и лесной промышленности, где зимой почва завалена снегом, а летом выгоняет сочные травы, волокнистый лен, из которого зимними вечерами женщины ткут тонкие полотна, — эти люди попадают в Монгольскую степь: высокую, сухую, без леса, почти без воды, крайне холодную, но бесснежную; — где они впервые встречают безрогих с курдюками баранов, верблюдов, которым они не знали даже названия, где все призывает их к иному образу жизни. Вместе с массою новых предметов они усвоили и самые названья. Напр., верблюда они назвали по-бурятски и все что относится до его обовьючки и жизни, получило также бурятские названия. То же самое относительно оригинального сорта овец, относительно новых трав и других принадлежностей и свойств новой для них природы. Такое заимствование слов является неизбежным следствием знакомства с новыми предметами.

В то же время они в говоре продолжали развивать те самые начала, которые вынесли из своей родины; отчасти этому помогало то обстоятельство, что и позднейшее доселенье, можно сказать, до последнего момента, происходило из тех же северных краев. Но тогда как однокраяне сибиряков, сидя постоянно па одном месте и связанные преданьем и обычаями, больше держались начал, вло-

женных исстари, туго изменяли им, сибиряки чувствовали себя свободнее, менее стеснялись преданьями старины, которые отчасти терялись во время продолжительного пути, и во всем допускали изменений больше. Сибиряк в умственном отношении далеко вольнее и прогрессивнее <так в тексте!>, чем русский из Европы. Это, само собою разумеется, не могло не отразиться и на складе языка.

Время, отдаленность и новизна всех отношений заставили их отчасти забыть старину, потерять чутье к старым формам языка, поэтому в сибирском наречии вы встретите развитие прежнего начала, но оригинальное и иногда неправильное. Наприм., в Сибири везде вместо *можно* говорится *мошно*, что произошло из *мочно* (могу, мочь); форма эта встречается в наших старых грамотах и, вероятно, она сохранилась у наших северян; но сибиряки по этому образцу переделали и другие слова; только невпопад: *лошечка*, *крушечка* вместо *ложечка* и *кружечка*. Чрезвычайно оригинально у них употребление некоторых предлогов; так, предлог *по* является в следующих сочетаньях: *по имя* — к ним и за ними; *по нас* — для нас; *по людьми* — за людьми; *по людях* — в людях; *по* другое время — в другое время. Сочетанье предлога *по* с дательным, винительным и местным падежами, хотя не так широко распространено в литературном русском языке, в простонародном довольно употребительно, только и здесь *по имя* в значении *к ним* — вряд ли употребляется где-нибудь в России, а уже с творительным падежом совершенно немыслимо. Это сочетанье, видимо, произошло от потери сознания некоторых форм: у сибиряков употребительна еще форма двойственного числа; имя — может быть и дательный и творительный; поэтому они по аналогии заключают: если можно сказать *по имя* и *с имя*, то можно так сказать *по людям* и *людьми*. Много оригинальных форм и сочетаний произошло именно вследствие подобного рода потери ясного сознания старых форм: это уже начало разложения и расстройств старых основ языка, из чего возникли уже новые, оригинальные. Многие, однако же формы, возникшие таким образом, мы не вправе назвать неправильными, потому что разложение — это неизбежный закон для всех языков, и то, что мы наблюдаем в сибирском наречии, наверно можем сказать, совершается всюду над русским языком; это мы встречаем даже в языке нашей литературы. Поэтому мы их заносим в свои замечанья как оригинальные формы, самостоятельно и органически возникшие на сибирской почве.

Вот в каком направлении и вследствие каких общих причин совершалось обособление сибирского говора в целое наречие.

Как ни одинаков говор во всей Восточной Сибири, вы даже при мимоходном знакомстве заметите разноречья. Так, в одной местности найдете больше слов, взятых от инородцев, в другой меньше. В караулах 2-й конной бригады, напр., вы чуть не десятое слово слышите монгольское. Очень много таких слов вообще в Забайкальи, и в особенности в нерчинск. округе. В Иркутской губернии их гораздо меньше. Между низовьями Ангары и Леной также найдете разницу: на Ангаре язык резче отличается от общерусского, чем на Лене, потому, вероятно, что на последней теперь гораздо больше проезду. Кроме того, на последней больше инородческих слов, наприм. на Ангаре: *мирской сход*, на Лене *суглан*. Причина понятная: на Лене много из ясашных тунгусов и бурят. Кроме того, есть разница и в употреблении чисто русских слов: то, что на Лене называется *падло* и *таволга*, на Ангаре *пропасти́на* и *ерни́к*. Таких признаков, в сущности неважных, но

I. Общий раздел

тем не менее указывающих на происхождение населения или на особенность его положения, немало.

Более важное отличие составляет наречие *семейских*: они, в противоположность всем сибирякам, *акают*, выговаривают *г* очень мягко, и в 3-м лице глагол постоянно оканчивают на -ть. Это они приняли из западнорусского наречия в то время, как жили под господством Польши. Все, что касается их, мы отмечаем особенно.

Наконец, по численности довольно важное место занимают малороссияне, поселившиеся в начале нынешнего столетия в верховьях Ингоды: они по сию пору сохранили свое наречие, хоть уже значительно измененное, так как из малороссии они сюда попали уже на третье место, если не больше. Они умножаются подобно семейским, сильнее чем старожилы, распространились по разным селениям вниз по Ингоде, поэтому там в чисто великорусских селениях вы нередко услышите малороссийский выговор: это или малороссийское семейство, или в нем кто-нибудь из старших членов малороссиянин.

При первом нашем знакомстве с Сибирью, которое мы начали с Тункинского края, нам такие признаки, как слова: *мордовать*, *коштоваться*, *коморник*, *пильновать*, жить *паном*, *смазать* и *сложить* вместо *смазать*, *сложить*, *железо* вместо *железо*, *исть*, *хлеб* вместо *есть*, *хлеб*, *симь* вместо *семь*, казались малоруссизмами, что подтверждалось некоторыми чертами в образе жизни тамошнего населения и прямыми указаниями на происхождение многих семейств из Малороссии. Впоследствии, при более близком знакомстве с сибирским населением, обозревши гораздо большую область, мы должны были отказаться от этого мнения если не совсем, то значительно ограничить его.

Известно, что в Сибирскую службу во второй половине XVII столетия присылалось много литовцев, поляков, малороссиян; кроме того, были какие-то команды западных славян с немцами. Словцов говорит: «трактат 6 марта 1686 года заключенный, гораздо ближе относится к Сибири, потому что *все пленные поляки и литовцы*, не упоминая здесь о важных возвратах российского достоинства, ни о **решенном перевесе** России над Польшею, оставлены навеки во владычестве России, тем с большею пользою, чем более *сибирские казачьи команды избыточествовали служилыми славяно-западного поколения* (кн. 1 с. 298–9).

Это обстоятельство не могло пройти бесследно; очень вероятно, что влияние литовско-польских и малороссийских команд отразилось отчасти на языке Сибири не одной какой-нибудь местности, но повсеместно. Не должно, однако ж, забывать того, что северно-русское наречие и южное имеют много общих черт, отличающих оба эти наречия от среднерусского или Московского, напр., «оканье», употребление *и* вм. *е*, смешение *ц* и *ч*, *ж* и *з*, особенное ударенье и особенные слова. Эти сходственные черты очень древни. Сравнивая древние наши летописи Новгородские с Ипатьевскою (южною), вы в языке их найдете гораздо больше сходства, чем в языке степенных книг, которые начались при московских государях в XVI столетии, с современным языком Новгородской области. Язык массы остался верен древнему новгородскому говору, тогда как письменность приняла своим орудием новое наречие, московское.

Итак, говоря, что в язык Восточной Сибири вошло кое-что западно- и южно-русского, мы допускаем это влияние в крайне умеренной доле и язык сибиряков считаем вполне представителем северно-русского наречия. Оно, конечно, значи-

тельно изменилось, все равно как, по всем вероятностям, и в своей первобытной родине, Новгороде, не осталось без изменений, но оно здесь так сильно, что откуда бы ни являлись поселенцы в Сибирь, все они вскоре начинают говорить по-сибирски, а их дети делаются уже чистыми сибиряками. Нам не раз случалось в Забайкалье встречать чистейших сибиряков, у которых отцы были поляки, немцы и финны.

Рядом с этим сибирское наречие, поглощая все входящие в него посторонние элементы и накладывая на все свою печать, само претерпевает значительные изменения. В этом случае, конечно, чем больше входит в него новых элементов, тем больше оно изменяется; чем дальше места от проезжих дорог и разного рода посторонних влияний, тем оригинальнее, первобытнее и наречие. Самые оригинальные черты мы собрали между Ангарой и Леной и в южных казачьих караулах; в этих наиболее отдаленных друг от друга местностях вы найдете наиболее сходства и оригинальности.

Разнообразные явления на Сибирское наречие других наречий сказываются не тем, чтоб каждое из них вносило в него свое собственное, но они производят в нем некоторый беспорядок, расстраивают его, действуют на него, так сказать, отрицательно и приготавливают почву для восприятия общерусского языка, который является во всеоружии многочисленности, письменности и образованности.

Уступка в этом направлении, конечно, идет вместе с прогрессом Сибири во всем. Собственно для языка это имеет несомненную пользу в том отношении, что должно избавить его от множества варваризмов, происшедших от влияния инородцев. В настоящее время в Сибирском наречии есть много слов бурятско-тунгусского происхождения, существующих без надобности, как напр., *адали* (точно, подобно), *дымбэй* (напрасно), *каптурга* (кисет), *тымэн* (верблюды), *яман* (козел), *иргэн* (валух); *дабан* (хребет, гора) и множество подобных, которым есть соответственные чисто русские; есть какая-то небрежность в употреблении грамматических форм, в роде *дай корму курицам, по людьми, проса, сливка* вместо просо, сливки, *проносу* вместо проношу, холоднее время и т. д.

В свою очередь, сибирское наречие дает много таких слов, которые, если узнаешь их, так и подвертываются под перо; как напр., *гольцы* (высокие, лишенные растительности, состоящие из одного камня горы), *сонка* (отдельная гора), *зарянка* (ветер, дующий на вечерней заре), *отзáривает* (тухнет заря), *хиузит* (дует неславный, но очень резкий ветер), *расколотка* улиц (распланировка), *плавкий* экипаж (нетряский), *сидит голодом* и т. д.

Эти слова и выраженья так ловко отвечают соединенному с ними понятию, в то же время так просты, так согласны вообще с духом русского языка, что легко усваиваются в общем разговоре. Но еще больше найдется таких, которые обогащают словарь специальных сочинений по части естествоведения и народной экономики и технологии. В сибирском наречии найдется множество слов, превосходно характеризующих различные местности, растенья, минералы, явления природы, хозяйственные занятия и принадлежности, для чего в общерусском языке употребляются описания, иностранные слова или неудачно сочиненные русскими грамотеями.

После этих общих замечаний мы можем перейти к частностям, на которых основаны наши общие выводы.

I. Общий раздел

Начнем с того, что прежде всего кидается в глаза после словаря, — с ударения, которое настолько отлично от нашего, что кажется, будто оно сложилось нарочно с исключительной целью противоречить общепринятому русскому. То оно наперекор оттягивается на первые слоги: *рѳстить* (ростить семена), по *вѳде*, *полѳжить*, *тѳрмасить*, *рѳчей*, *рѳчьи*, *порѳчить*, *прѳценты*, *прѳдмет*, *выѳснить*, *зѳкуска*, *зѳпас* (в смысле заготовленья на будущее время, а есть слово *запѳс*, которое означает муку), *глѳзы*, *стѳнок*, *тѳлково*, *спѳстя*, *хѳчу*, *кѳсты*, *ѳглы*; или, наоборот, переносит дальше от начала к концу: через *рекѳ*, *пальмѳ*, *санкѳ*, *девѳчка*, *дочкѳ*, *средствѳ*, *толстѳй*, *парѳ*, *четвѳро*, *накосѳмся*, *слезѳет*, *терпѳит*, *ловѳт*, *ходѳт*, *косѳт*, *былѳ* *жилѳ*, *свечѳ* (им. и вин. множ. чис.). *пакостѳть*, не *пакостѳ*, *итѳгѳ*, *ногѳ*, *рукѳ*, на *горѳ*, *семействѳ*, *чайнѳя* торговля, *чертѳчка*.

Резко поражает непривычное ухо чрезвычайно распространенное в сибирском говоре йотированье, т. е. произношенье *е* как *ѳ*: *четвѳро* содѳржат, *вѳтошь*, *осѳнная* ночь, *лѳдник*, *бѳздна*, *чѳствовать*, *умѳрла* (сем.) и рядом совершенно противное: *зелѳный* лес, *ночи* *тѳмныя* (в песне и в разговоре); *дешѳво*, *казѳнка*, не *отпѳхивай*.

В словообразованьи нельзя не заметить множества слов, образуемых из глагола прямою приставкою родового окончанья к корню: *пѳл*, *падѳ*, *твердѳ* (твердая земля), *пѳкатъ*, *лѳствень*, *рясь*, *здынь*, *плавѳ*, *зѳтѳсь*, *нѳумь*, *неимь*, *нѳгодь*, *глѳзь*, *копѳ*, *бѳстерь*, которым в общерусском языке соответствуют более сложные формы или целые описанья: лесной или степной пожар, *падѳина* или *впадѳина* (долина); *покѳтость*, *лиственница*, густота листьев на дереве или ягод, *крутой* подъем, *перѳправа* через воду, *зѳтѳска* на дереве, *болѳзнь*, в которой теряется сознанье, *лошѳдь* и вообще домашнее животное, трудно дающееся ловить, *негодный* человек или животное, *скользкое* место, *окоп*, *быстрина*.

Особенное пристрастие сибирское наречие имеет к предлогу *при*: *приругатъ*, *придрѳть* шубу, *прѳмарѳть* платьѳ, родители у меня *прѳмерли*, леса *прѳгорѳли*, *прѳбить* — значит убить до смерти, *прѳкотѳсѳть* — разбить-разломать.

Часто употребляется предлог, где в общерусском языке вовсе нет предлога, напр., *вырѳшить* вопрос, *сѳзлыѳ* конь, *вычерченье* карты; или употребляется вместо другого: *слѳгчить* баржу — облегчить, *обзорѳть* — разорить, *одобрѳть* землю — удобрить, я *перѳставил* хлеб — представил, *занѳтъсьѳ* в солдаты — за кого, *змазѳть* телегу, *зложѳть* поклажу с саней; он *созвал* меня, да и *приругал*; *перѳтишьѳ* — *зѳтишьѳ*, *прѳбудущѳе* время (последнее употребляется и в других местах России).

Иногда будто теряется сознанье, что при слове есть уже предлог, вполне выражающее требуемое отношенье и ставится без надобности другой: идти *взѳмуж*, быть *взѳмужем*, спорился — с кем-то, варить сахар *из* — *со* свеклы; точно также, вероятно, образовалось слово *правѳдедушки*.

Предлог *за* служит для образования превосходной степени наречия: *за* много, *заглухо*, *заболь*; также предлог *во* усиливает качество, приданный к положительной или сравнительной степени: зерном-то *хлебѳшки* хороши, да *вѳредки*; вода *вѳтепла*, не годится умываться; муки *вѳмало*, нельзя пышки изготовить, здесь дорога будет *вѳближѳе*.

Часто слышится прибавка словца *ка* ко всем словам, не придающая никакого особенного смысла или оттенка: *нету-ка*, *ести-ка* (есть, имеется), *туда-ка*, *тамо-ка*, *я-ка*, *мне-ка*, *иду-ка*, *несу-ка*.

К наречию времени и места придается *-ча*: *нонеча*, *топерича*, *отселеча*. Странную форму представляет наречие *всюдых* — *всюду*.

Перейдем теперь к фонетике — законам соединенья звуков и перехода одного в другой вофлексии <*так в тексте!*>, т. е. с изменениях <*так в тексте!*> слов для определенья различных отношений их в целой речи.

Начнем с гласных:

1. В наречиях, в конце, часто ставится полугласный **ь**, вм. **ъ** или даже вместо гласного полного: *попередь*, *взадь*, или *назадь*, *съизновь*, иногда вместо целого слога: *подробь* — *подробно*; также большая склонность оканчивать *-ть* третье лицо в глаголе — не только у семейских, но и внизу Ангары и в некоторых других местах.

Есть случаи и обратной замены **ь** полными гласными: *ести вси*, *есть*, *мела* или *отмела* вм. *мель*, *отмель*.

Это смешенье кратких гласных отразилось на плавном *л*: оно также в некоторых местах выговаривается иначе; так: *болшой*, *болшущий* и *мальчй*, *Шилька* (название реки).

Вследствие того же смешенья произошли формы: *подрезей* и *дожжов*, вместо *подрезов* и *дожжей*.

2. Чистый звук *а* не представляет здесь никаких особенностей; иногда только он претерпевает смягченье, напр., *тятенька*, у *ножнях* вместо *в ножнях*. Последнее слово у семейских, которые и во множеств. числе им. пад. муж. р. твердое окончание на **ы** смешивают с мягким на **и**; у них же и *аканье*, т. е. выговор **о** без ударенья как *а*: *нагá*, *гарá*, *угáлья* — *угли*, и **е** и **ё** после шипящих переходят в *а*: в *шалй* — в *щели*, *чаво*, *нижае* — *ниже*, слабое *аканье* заметно, впрочем, и в других местах, особенно внизу Ангары, или это вернее назвать ослабленным оканьем. Вследствие этого произношения из слова *скалá* вышло *скóлы*, места *скóлистые* (на Байк.), а у семейских *брóнить* вм. *бранить*. Здесь заметна уже потеря сознания духа языка: *а* с удареньем принят за **о**.

Вместо краткого **ь** употребляется *а*; *иха* вм. *их*, и *о*: Иркутско, Илимско, Стретенско, Нерчинско, и т. д. Эта форма, впрочем, древняя.

3. **Ъ** и **е** смешиваются с **и**: *исть*, *сиверный*, *хлеб*, *переихали*, *симь*; и наоборот: *шалеть* вм. *шалить*, *бреться*, *разлев воды*. Кроме того, **Ъ** переходит в **я**: *сял*, *белясоватый*, *добряе*. От смешенья **е** и **Ъ** с **и** и **я** произошли формы: *досях мест* и *опеть*. В слове *жинка* (Нерч. окр., если только оно сложилось не под влиянием малороссийского, в котором **о** переходит в **и**), **и** произошел из **е**: *женка*.

4. **Е** и **о** также между собою чередуются: *собе*, *тобя*, *топерь*, и ни *ёдного*, с *тей женой*, с *какей стороны*, *я в одной шкуре*, как и он.

5. **У** вм. **о**: *супка*, *нуги*, *откуль*, на туй стороне, *дуле* (доле, внизу) *подгурье*; также вм. смягченного **ю**: *бруква*, *бруквишник*; и вм. **ы**: *добувать*, *добуваает*, *добувывали*, и наоборот: *пышнина* вм. *пушнина*, *камысы* вм. *камасы*.

Особенность составляет чередованье **у** с **в**: *в меня*, *вже*, *вдарь*, и у дому, *кроу* (кровь) (семейск. и кое-где в других местах).

6. Тонкие гласные **и** и **е** употребляются вм. широких **ы** и **о**: *бригадний командир*, *обратний путь*, *холоднее время*, *попутний ветер*.

7. В виде придыханья в начале слова перед **о** ставится **в**: *вольха*, *вольга*, *восенью*, *вочередь*, *вуголь*, *вось*, *Вурицк* (больше у сем.)

I. Общий раздел

В середине или в конце слова в виде придыханья служить *л*: залец, зальца, горносталь, личиги вм. ичиги, как бы не довольствуясь тем, что во избежанье слиянья (стеченья гласных) уже есть йот. И наоборот, там, где в общем говоре *йот* после *у* следствие прираженья <так в тексте!> звука, является в виде согласного *в*, здесь остается гласным: обуй вм. обувь, буать вм. бывать; подобное же отношение между словом простокиша, употребляемым вместо простокваша.

В замене согласного кратким гласным сибирский говор идет еще дальше и употребляется *кай* быть вместо как быть; потом *ку* быть. Местоимение 3-го лица в косвенных падежах обходится без придыхательного *н*: с *ём*, с *имя́*, к *имя́*.

8. В произношении плавных *р* и *л* слышно то, что называется картавость, т. е. нетвердое произношение их, а потом смешенье их; *гаава*, говою вм. говорю, Коючин вместо Колючин. Это особенно заметно на Колыме и у Охотских берегов, что дало повод в подражание тамошнему говору сложить такую фразу: *Юн гонит зальца* — лунь (птица) гонит зайца¹.

Но повсеместно вместо твердого *л* употребляется *в*, быва *вошка* (ложка), *Ковыма* (в архивных (бумагах), *Ивга*, (река и село Илга.) *кувак*, *Куварки* (сел. на Шилке, Куларки). Иногда этот *л* заменяется мягким придыхательным *г*: *иду за кагачами* (калачами). Иногда, наоборот, вместо *в* и *г* является *л*: *треложить* (езде), *Елдынья* (Евгения у семейских) *завселды*, *колды*, а последнее слово перешло в *ковды*.

Вместо *л* вследствие смешенья может являться *р*: *терогрей*, *гря* (для); *грядите* (глядите); но еще страннее *р* вместо *д*: *гре-то* — где-то.

В словах: *восподи* (господи), и *восподин* — *в* употреблен как замена *г* и как придыханье вроде: *вось*, *вуголь*.

9. Между согласными заметим замену одного другими между губными *б*, *п*, *в* и *м*.

а) *б* употребляется вместо *в* и *м*: *удоблетворить*, *побеление*, *обоши*, *зблекать*, *взбалновать*, *клятба* (клятва), *торбас* (тормас).

б) *в* вм. *п* и *м*: *вшеница*, *цевь* (цепь), *вного* (много), *не повню* (не помню)

10. Как остаток древности первообразный *г* вместо производ. *з*: *польга*, *польги*, вместо *польза*.

11. Ассимиляция предшествующих *б* и *д* с последующими *в*, *м* и *н*: *овводить*, *овварные* калачи, *оммануть*; *ланно* (ладно), *оннако*, *сунно*, *три нни* (три дни), *срунной* (сродной).

В некоторых случаях выказывается особенное пристрастие к носовому *н*: *ни-мо* вм. *мимо*, *санапрядка* вм. *самопрядка*, *сумна* вм. *сумма*, *ондай*, *ондам* вм. *отдай*; *слендом* вместо *следом*.

Перед *н* выбрасывается *з*: *не наю* — не знаю.

12. Оригинально смягченье чистых *к* и *т*, переход их в шипящий *ч* и дальнейшее изменение вследствие смягченья шипящих в свистящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, в *з*, *ц*, *с* и их чередованье между собою.

а) *к* перед тонкими гласными *и* и *Ѣ* переходит в *т*: *руковичти*, на *речте*, *гранушти* (от *гранушка* — *мониста*), *тинулся* (*кинулся*), *титайка*, *Тяхта*, *тина* (*кина* — *огуречпая ботва*). А потом идет уже просто смешение *к* с *т*: *кесто* вм. *тесто*, *карандус* вм. *тарантас*.

¹ От Неймана

б) *т* смягчается в *ч*: числовая кровать (тесовая), чесныя места (тесные) и как будто восстанавливается этот коренной звук в предлоге *терез* вм. *через*.

в) *ч* переходит в *ц*: цай, цево (чего), *ш* в *с*: на пасне (пашне), лопасня (лопашня, весло), песие казаки, сесть (шесть), наси (наши), сироконск (широконск), слячча (шляцца, шляется), *ж* переводит в *з*: зивотные (животные), зимолостка (жимолостка), железо.

Еще дальше идет смягчение *ч* и *ш* до *с*: сай (чай), общественная земля (общественная). Иногда вместо *ш* употребляется *ш*: в *шали* (в щели), *баршовник* (борщовник); есть случаи, что и *ч* вместо *ш*: *чиколка* вм. *щиколка*, *чикотать* — *щекотать*.

Обратно *с*, *ц* и *з* заменяются звуками *ш*, *ч* и *ж*: *ш*троенье, *чурухайт* (Цурухайтуский казачий караул), *тридчатъ*; *слячча* (шляцца, шляется), *ж*аливат (заливает), *ниж*авой ветер (низовой), *ж*алог (залог).

З и *с* перед тонкими гласными произносятся особенно остро, так что приближаются к *ж* и *ш* (вроде польского *z* и *s*): *ж*има (зима), *нешёт*, *шиверко* (сиверко, холодно). В слове *жерло* на Ангаре слышится тот же звук, как будто усиленный; а в слове *шиверка* (шивера, мель) усиленный *с*.

Шипящие и свистящие требуют после себя тонких гласных: *я* вм. *а*, *ь* вм. *ь* и очень тонко выговаривается *и*: *беж*ят (3 лицо множ. ч.) *дунь*ча, *филь*ча, *крыш*я, *вож*ь, неизвестно, *шазы*гли (сожгли,) *аршин*, *кувшин*, *широкий* форма, *лоч*ка, *лоч*ки (лодка), *прищот*ка от пристрастия к шипящим.

13. В неопределенном наклонении глаголов, имеющих в корне *д*, вместо его ставится *с*: *ся*сти (сесть), в сибирском наречии это ведется дольше и говорится *сясьте* вм. *сядьте*; а наконец вставляется *с* даже там, где вовсе нет *д*: *взясьте*, *угнасьте*, *достасьте*.

Напротив, *г* и *к* в том же случае не выпускаются, а только *ть* переходит в *чи*: *бегчи*, *могчи*, *пекчи*.

14. Какой-то закон благозвучия требует непременно вставки *к* в следующих словах: *бацк* (междометие — бац), *бацкн*уть, *закутк*аться, <в тексте *закутк*уться!>, *пополоск*нуть.

15. Перестановкой образовались следующие формы: *лим* (ильм), *невзап*но (внезапно), *гольз*ко (слезко, скользко), *варгон*ья (гармония; здесь еще *в* вместо *м*), *шалев*ить (шевелить), *сошт*ок (шесток).

16. В собственных именах, взятых из иностранных языков, *х* ставится вместо *ф*: *Хилип*, *Ехимка*, *Ехрем*.

17. Есть чрезвычайно интересное превращение *в* в *х*: *Васév* (прозвище крестьянина на Лене) назыв. *Васéх*. Это превращение повторяется в окончании родительного падежа множ. числа муж. рода: *Буат Ваньча* не привозил ли *прутьо*х; из 20 мешкох вышло только 10.

18. Наконец, мы уже упоминали о смешении *ш* и *ч* в некоторых словах: *коч*ма вм. *кош*ма; *шомп*ур и *чомп*ур вм. *шомп*ол, *ачан*, и *ачен*, и *ашан*, *ашен* (вьюк на верблюде), *качер*ик и *кашер*ик.

19. В употреблении иностранных слов нарицательных и собственных имен есть тоже своеобразность: *развед*енция — резиденция золотоприскателей, *селип*етия — экспедиция о ссыльных, *арцыз*ной — акцызный, *совирез*ный — серьезный, *бар*ята — бурята (выговор народный здесь правильное, потому что сами буряты называют себя *барят-кун*) *Лифан*т — Ксенофон; *Проску*та — Прасковья, *Пóк*ля, *Пóк*линька — *Панк*ратий, *Павл*юк, *Пещé*нок; прозвище по женскому

I. Общий раздел

имени: Марис, Дуниченко (Лифант и проч. семейские). Но и русские слова являются иногда в форме иностранных; *равенция* — деленье поровну, *поведенция* — поведение.

Части речи

1. Некоторые имена существительные имеют род, отличный от общерусского: *путь, лебедь, гусь* всегда женского рода; в некоторых местах женского рода — *пень, проса, сливка, ужина*; вместо дерн — говорится *дерно́*; вместо конопля — *коноплé*. Собирает. *скот* употребляется как единичное: выпустить пасти скота, бить скота, рекой понесло скота; много разных скотов.

2. Родительн. пад. множест. чис. в одном случае грешит против рода: *векиш* (от векиш — блок) <так в тексте!>, а другой раз против окончания: *дожжов*.

Есть форма такая: поехали к сестры, положи подушку к спины. Не знаю, это смешенье звуков *Ъ* и *ы* или смешенье управления предлога. Примеры последнего мы имели в употреблении предлога *по*: по нам, по людьми. Есть также форма: в пыле *вм. в пылу*.

Очень употребительна форма творительн. пад. множ. числа на *м* *вм. ми*, возникшая, видимо, по подражанию форме двойственного числа, утратившего уже смысл в сознании народа: вытащить кошкам; заняться деньгам; там; <так в тексте!> продают хлеб мешкам; впереди гляди глазам, а назад ушам, ловить плашкам.

Есть совершенно неправильности: идти в речками, поди к воротами, дай пить курицами.

Форма двойственного слышится и в местоимении с *имя*, к *нимя* — с ними и к ним.

Слово *батька* (священник) склоняется как в малорос.: тянули (на лодке) *батька*, а не *батьку*, как говорится в России. Интересно склонение слова *кол* — клык у кабана; ед. числ. *кла, клу, клон*, — множ. *клы, клон, клами*.

3. Есть не совсем обыкновенная форма прилагательных: конь гостиный *вм. гостя* или гостев, проса Андриюшчина (у семейских).

4. Очень употребительна форма глагола, выражающая повторение действий или постоянное его продолжение: *белковать* — охотиться на белку, *нерповать* — охотиться на нерпу (тюленя байкальского), козовать — подобно этому: *обихаживать*, кушевать (кушать — есть), слезавать.

Последнее спрягается так: слезаю, слезаёшь, слезаёт, подобно: одеюсь, одеются.

Есть простой, первообразный глагол *стичь*, который спрягается так: стигу, стигём, стигёт, стигут: силы мои не *стигут*; теперь я этого не стигу — не в состоянии сделать; смотри, погода нас *застигёт*.

От *бодать* употребл. первообразная форма — *бость*: корова чуть не *забола*, бык очень *бóлся*; от глаг. *плыть*: *плову, -ёшь, -ёт, плавить* кого или что — переплавлять, сплавлять.

Имеются еще такие формы: *хóчу, хотишь, хотит*; не *мóжут* найти; ляжу (будущ. время); сапогов полгода не *проносю*; *куплять* (покупать). В глаголе иногда отбрасывается возвратное местоимение: дом *загорел* *вм. загорелся*, и наоборот: сумка *висится* на дереве *вм. висит*.

Глагол *буду* в смысле настоящего времени: каждый год, как только жеребята будут, волки и задавят — как будут отрывать (заваленных землю на алгачинском руднике), а земля и повалится. Глагол в прошедш. вр. совершенного вида

употребляется в значении настоящего и буд: Ты куда *пошел*? или просто: ты куда? — Я *пошел* на базар. Ну мы *поехали*? можем ехать? и утвердительно мы *поехали*, знач. мы едем, сейчас тронемся с места.

Значительная свобода в образовании глаголов от других слов: *козовать*, *нерповать*, *белковать*, лошадь *огрибела* — захворала болезнью, называемую «гриб», *застолбить* — поставить столбы для обозначения известной местности, занятой уже для земледельческой разработки или для золота; *заитоговать* — подвести итоги; лошадь *копытит* — выбивает копытом снег, чтоб достать траву; *обнатуриться* — свыкнуться со средой, в которой привелось жить человеку, образоваться; ты хомутай коней, а тот покамест *начаюется*; *запурганило* — поднялась пурга, вьюга; *озонтуглеть* — оступеть, одряхлеть в умственном отношении, обезуметь (от бурят. слова *зонтугло*).

Пристрастие к более сложным формам: *слезавать*, *кушевать*, *теснотиться* вм. слезать, кушать, тесниться.

Управление слов

Особенности управления представляют след. выраженья: *обнатуриться с кем*, *skonфузиться на кого* (рассердиться), *судачить на кого*, пахать за пары (под пар); держать лодку (когда тянут ее бичевой лошадьми или людьми) по себе, по коням, *по воде*, возле берегъ, иди *возле реку*, *возле воду*, *возле обрывъ*, веди лодку возле бокъ; *кадить* кого: что нас всех кадишь? (дымишь или коптишь); завладеть землю, блудить гору: зареви ему, скличь его; тунгусы не сродны хлебопашеству, глаза яму (у него) затворились (сем.); он живет прямо нас; играть картами, имельцами в карты, в имельцы (жмурки); решиться именья, попуститься коня.

Обороты речи

1. Деепричастие вместо причастия или наречия: окно было заткнувши; семейства были не разбивши; он уехал крадчи.

2. Вместо одного слова употребляется описательная форма, придающая более образности: *взять вид* — видеть; они прежде *шибко славные были* убийствами (славились); *давать спасибо* (благодарить); *давать покойную ночь* — проститься; прежде тут *сухой ногой* ходили — посуху; *пойти в отпор* — не сознаться.

3. Смешение понятия предметного с отвлеченным, одушевленного с неодушевленным и человека с остальными животными: *кого* будем делать? вм. что; *кто* плывет: олень ли, собака? здорово ли у Вас *скотоводство*?, палы ходят, медведь из лесу *выезжает*, *задавить* войлок у юрты, когда его поднимает ветром, пьяного человека *задавить* (уложить); зубы взяли, лихорадка *взяла*; *отдать головой* — собственными руками; чаша кипит, из ума выходит; огонь отдохнул, отпустить пал. Есть и обратное: *урожай белки*, как будто урожай орехов.

4. Есть выраженья иносказательные к метафорические: хлеб пропал *от божией воли* — от дождей; делить хлеб *с лопатки* — тотчас, как только обмолят и провеют, ветром *измыло* — выдуло рытвины в песке или земле, *остался только с бичом* — потерял весь рабочий скот; чего ты ходишь? только *слоны продаешь*? чего ты расходился, как *пузырь освиной* (гнездо, соты осиные); вишь бегаёт как *саврас без узды*.

Некоторым словам придается оттенок особенный от общерусского: мы пришли *поторговаться* — купить чего-нибудь; кормить лошадей *хлебом* значит овсом, горохом и вообще зерном. Болит *всякое* место, и живот, и сзади, и все. *Елозит* плуг, когда сошник нейдет в глубь от того, что суха, тверда земля или неправильно

I. Общий раздел

насажен; *елозит* борона, когда в зубья набьется много травы и она не задевает ими земли. Он упал с крыльца *на морду*, да тут и кончился, я с коня упал прямо *на морду*. Ребенок то *рылом* весь в мать *Бегунец* — и рысак, и скакун, все равно. Он ходит да следя так и *садит*. Кучера мне не нужно: что он? только *давит*. Лошади *потащили* — понесли, *растащили*, *стащили* — разнесли, снесли с горы.

5. Много есть таких выражений, которые трудно подвести под какую-нибудь известную рубрику, но которые, однако, составляют постоянный общепринятый оборот речи, более или менее характеризующий как язык народа, так и склад и направление его ума. Поэтому мы такие выражения приведем целиком, без системы и классификации.

Сибиряк не любит слова *что*: мы уже видели, что вместо него он часто употребляет *кто*, но если нельзя избежать, то он возьмет это местоимение в косвенном падеже: А ты *чего* давно не говоришь? *чего* ты там делаешь? да ты паря *чего*? Вместо *ни за что* говор. *ни почему*. В одном только слове он допускает его: *пошто* — зачем.

Очень много выражается местоимением *сам*, *самый*: есть у нас колодезь с кислой водой; как дожди, так она *не самая*, а как дожгов нет, хороша. — Есть у вас рыба? — спрашиваете вы. — Водятся щуки в реке, да *не сáмо*. Как вам нравится новое положение? — (у казаков) оно буат хорошо; *да сáмого-то нет*.

Приглашая к себе, говорят: гуляйте к нам за всяко просто; или — милости просим на прок (вперед) к нам гулять. Просим покорно по всей — говорят вам, поднося рюмку вина; или: кушайте *с-под себе* т. е. что поставлено перед вами, перед носом, — так угощают у семейских.

Не в требу ли вам чаю? не в требу ли вам нас? — так предлагают разного рода услуги.

В казачьих караулах хозяйка обнесет гостей чаем, а печенья разных сортов на тарелках поставит на стол и скажет: пожалуйста, гости, хлеба получать. Вместо обычного *пожалуйста* часто услышите *будьте добры*. Спрашиваете: есть ли у вас изюбри? — Ну! значит, есть; — или: *нет, один-один* (редко). — А белка? — и белки мало, *одна-одна*, потому *шишка* не родится, да и *тварь (инородцы)* отбивает. Инородцев всех называют *тварь*, и все что их — *тварское*.

Такие все Орочоны? — спрашиваете вы, увидевши одного. — Точно так, тут вам вся *фантазия* орочонская, — отвечает казак. Вообще казаки любят иностранные европейские слова, да и вообще сибиряки этих слов знают гораздо более, чем русские в Европе.

Вместо *не знаю* часто услышите: *не могу доказать* и *не хочу знать*. *Все единство* значит все равно, все единственно.

Один другому предлагает сделать вечерку, а этот отвечает: — Вишь: делайте вы, говорит, вечерку а *нежели бы вы*.

Ехать на фарт — на удачу, без дороги. Вм. 10 лет назад говорят — годов *через десять*; или недели *через две* назад тому.

На помощь приглашают словами: милости просим с серпиком пивца испить. Когда женщина доит, её приветствуют: море под корову; а она отвеч.: доброжаловать. Мяснику, когда он разнимает тушу, говор.: Репа-мясо, а он: — Режь да ешь.

На лодке, судне или пароходе в ответ на команду отвечают всегда: *есть!* или *есть! то и делаю*.

Есть выраженья, смысл которых весьма неуловим, но для сибиряков он понятен: Как хватит хлеб помхой, солома и станет темная, будто малиновая, такая голубая. Это совершенно то же, что в песне *калина-малина, черная смородина*. Семейские, сравнивая свое **наречие** с наречием сибиряков, как они называют всех православных, не семейских, говорят: у них совсем другое поречье, будто *тягостнее*, а у нас полегче.

Жалуясь на тщетность всех хлопот по делу, один выражается так: Писал, писал — ответу нет: *как в камский мох!*

Кроме известных сибирских ругательств: *пятнай* те или *чтоб те язвило*, есть еще оригинальные: Вишь ты какой *дénный* (хитрый) хочешь меня провести; злое мясо! будь ти недараво или Будь ти киловато. *Будь ты недаровой!* Чур тебя до трою! Ах расчерная ти немочь, голубочка, христос с тобой, — бранится семейская баба, увидавши, что свинья роется в ее огороде и узнавши в виновнице свою собственную: Ах ты ширхойдой, распухой ты мой! она же ласково ругает своего любимого, самого малого сынишка, который носится по улицам как *саврас без узды*. И тут же другим тоном накидывается на маленького нанятого пастушонка, явившегося с докладом, что коровы сдрочились и разбежались: Ах ты йидоленок треххвостый! ирод ты этакой!, хвороба ти на пуп!

Клятвы и уверения семейскими выражаются так: Знать не знаю, ведать не ведаю, вот те солнце красное; через хрест евангелие пройду.

Матросы на Амуре почему-то называют поросят французами.

В заключение приведем несколько *пословиц* и *поговорок*.

Шель да шевель, ан смотришь и готово. Не ладили — кошки лазили, стали ладить и собаки стали лазить, Детям что? Едят вареное, а делают говореное. — Спорина в квашню, — говорят хозяйке, которая месит хлебы; а она в ответ: сто рублей тебе в мошню? Для одной выти да брюхо мыти — т. е. не стоит для одного человека что-нибудь делать, напр., готовить целый обед.

Кто чай пьет, тот от Бога отчаен (сем.).

Твои бы слова да Богу в уши.

Не надо пяти коров, только б сам был здоров.

Середка сыта — концы говорят.

Привыкла собака ходить за телегой, пойдет и за санями.

Не смотри на рожу, а спроси здоровье.

Смирного бога телята лижут.

Не мылься, бреться не будешь, т. е. не рассчитывай, на другого или на чужое.

Кошка низко глядит, да мышку ловит.

Не бывать славы бабе грамотной, ни кобыле винохойдой.

Не кажи ты мне соловья на сосне — не говори небылицы, не поверю я тебе.

Неимь не имя знает все, ровно что: рыбака рыбака далеко в плесе видит. Это взято оттуда, что когда хотят из табуна поймать лошадь или другое животное, то плохо дающееся в руки, *неимь*, догадывается и уходит, а за нею же все такие неими.

Гостима выть до порога говорят, если гость отказывается есть, ссылаясь на то, что он уж поел прежде т. е. в гостях много не наедаются, а только так, что как придутся, и опять готов аппетит.

Замечанья наши, конечно, не дают полного представления о составе и свойстве наречий Восточной Сибири; они не исчерпывают вполне даже того материала, который собран нами и теперь же представляется; в словаре нашем найдется

I. Общий раздел

много материала для грамматики, в особенности для управления слов и фразеологии, потому что мы записывали каждое слово целиком фразой и формой, в которой слышали его из уст народа; но нашу задачу составляет на первый раз указать только главные черты, характеризующие наречие, определить только направление, в котором идет его обособление от общерусского языка, и дать только материал, собиранье которого мы еще продолжаем.

Замечу еще, что многие слова, а также грамматические формы и обороты речи составляют остатки отдаленной древности, утраченные уже в России; многие составляют достояние этого наречия, вместе с наречием некоторых местностей Европейской России и указывает *<так в тексте!>* на их ближайшее родство; есть, наконец, много таких, которые составляют принадлежность чуть ли не всех местностей России и которым поэтому место не в областном, а в общерусском словаре. Это может решиться тогда только, когда будут представлены материалы для всех наречий. Поэтому мы поместили много слов и выражений, особенно технических, о которых положительно знаем, что они принадлежат другим наречиям, но в академическом словаре пропущены.

Относительно сибирского наречия дальнейший наш план такой:

1. Собранный и представленный нами материал просим знатоков проверить и пополнить; мы со своей стороны будем продолжать собирать.

Все замечания и дополнения должны быть также напечатаны.

2. После этого мы намерены соединить вместе все, что собрано нами и что напечатано до нас, для чего, как уже было замечено, в академическом словаре мы отметили все сибирские слова, всего более тысячи; к ним нужно присоединить и из других словарей.

3. Затем отметить, в каких еще местностях употребляются те же самые слова и выражения. Для этого есть достаточно указаний в академическом словаре; но многое может быть еще указано; мы уже заметили, что в нем было пропущено.

Только после такой обработки весь материал, собранный частью для сибирского наречья, может войти в состав полного областного словаря всех русских наречий.

Мы со своей стороны сделаем все, насколько позволит время и обстоятельства, но единичный труд в этом случае бессилён и мы опять, представляя свое, имеем в виду призвать к содействию других.

Примечание. В словаре сокращенно обозначено, из какой местности взято слово или из какого сочинения и от какого лица. Некоторые сокращения понятны сами собою, напр., волг., ол., вор. и т. п. вологодской губернии, олонецкой, воронежской и т. д., другие нужно пояснить: Заб. — Забайкалье, Каз. — казачьи пограничные караулы; Об. — областной словарь, изд. академией; Д. — Даля словарь. Ю. — Юренский, доставлявший мне около 150 слов, Заг. — Загоскин. Ваг. — Вагин, также помогавшие мне, Крюк. — Крюков, бывший учитель в Нерчинске, от которого осталось несколько записанных им слов, Кр. — Кривошапкин, составивший Описание Енисейского округа и словарь.

А. М. Селищев

ВВЕДЕНИЕ¹

«Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна». — писаль 27 лѣтъ тому назадъ акад. А. И. Соболевскій въ своемъ «Очеркѣ русской діалектологіи»². Въ характеристикѣ говоровъ Сибири указаны имъ немногія черты восточно-сибирскихъ говоровъ на основаніи статей П. А. Ровинскаго и записей, находящихся въ «Верхоянскомъ Сборникѣ» (1890 г.) и «Сибирскомъ Сборникѣ» Ядринцева (1887 г.). Относительно западной Сибири «у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній»³. Отмѣчены на основаніи случайныхъ указаній по 3 черты говоровъ Тобольской области и населенія Алтая. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ появился длинный рядъ описаній русскихъ говоровъ въ Европѣ и было опубликовано много записей, относящихся къ этимъ говорамъ. Среди этихъ записей и описаній были и научныя описанія той или иной діалектической области и простые перечни-отвѣты на діалектологическія программы, изданныя Отдѣленіемъ русскаго языка и слов. Ак. Наукъ, редакціей «Живой Старины и Московской Діалектологической Комиссіей. Накопившійся матеріаль, хотя и неравноцѣнный и далекій отъ желательной полноты, позволилъ Московской Діалектологической Комиссіи составить, въ качествѣ опыта, діалектологическую карту русскаго языка въ Европѣ и снабдить ее приложеніемъ очерка русской діалектологіи (М., 1915). Русскіе говоры Сибири на эту карту не занесены. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нихъ въ в очеркѣ. Причина, очевидно заключалась въ томъ, что Комиссія не располагала достаточнымъ матеріаломъ, который относился бы къ этимъ говорамъ: свѣдѣнія о говорахъ Сибири попрежнему оставались весьма скудными. Ни научныхъ описаній, ни хорошихъ записей сибирскихъ говоровъ не появлялось и послѣ «Очерка» А. И. Соболевскаго. Попрежнему, если рѣчь заходила о русскомъ языкѣ сибирскаго населенія, то описыватели ограничивались общими указаніями на «отклоненія» и «неправильности» этого языка. «Особенно полна неправильностями и своеобразностями рѣчь сибиряка, живущаго гдѣ-либо въ далекомъ таежномъ углу, или среди бурятскихъ улусовъ»⁴. Иногда указывались эти неправильности и своеобразности». И этими указаніями, какъ ни скудны и какъ ни случайны они, діалектологъ воспользуется съ благодарностью. Но иногда отмѣчаемая «особенности» относятся скорѣе къ вкусу описывателя, чѣмъ къ сибирскому говору. Такъ, Г. Я. Маляревскій, описывая говоръ Тобольской губ., отмѣчаетъ прежде всего слѣдующее. «Первая особенность сибирскаго говора... монотонность и невыразительность. Сибирякъ говоритъ безъ повышеній и пониженій голоса, безъ отгѣнковъ, «какъ капусту рубить»... Эта особенность сибирскаго говора, вѣроятно, стоитъ въ связи съ сухимъ и разсудочнымъ характеромъ старожила, не склоннаго къ изліянію чувствъ. Въ связи съ этимъ стоитъ

¹ Селищев А. М. Діалектологическій очеркъ Сибири. Иркутскъ: Изданіе Иркутскаго государственнаго университета, 1921. Вып. 1.

² Живая старина. Г. II, вып. II. С. 24.

³ Тамъ же. С. 26.

⁴ Осокинъ Г. М. На границѣ Монголіи. СПб., 1906. С. 132.

I. Общий раздел

другая особенность сибирского говора — неполное раскрытие рта, свойственное вообще говору сѣверныхъ народовъ»¹.

По отношенію къ разнымъ пунктамъ Сибири опубликованы, въ качествѣ образцовъ, записи тѣхъ или иныхъ говоровъ. Правда, безупречныхъ записей среди опубликованнаго матеріала не имѣется. Но все же изъ этихъ записей возможно извлечь указанія на тѣ или иныя черты данной діалектической группы. Этотъ діалектологическій матеріалъ представляютъ записи сказокъ, отдѣльныхъ словъ или фразъ обыденнаго разговора. Нерѣдко отдѣльныя слова и выраженія можно встрѣтить въ разныхъ статьяхъ, относящихся къ этнографіи Сибири. Такова, напр., обширная статья Н. П. Сокольникова: «Болѣзни и рожденіе человѣка въ селѣ Марковѣ на Анадырѣ»². Опубликовано порядочное количество пѣсенъ русскаго населенія Сибири. Кое-что можно извлечь изъ этихъ записей. Но слѣдуетъ не забывать, что языкъ пѣсенъ, хотя бы онъ былъ и хорошо переданъ въ записи, представляетъ собою ненадежный матеріалъ для характеристики обыденнаго языка данной мѣстности: съ одной стороны въ языкѣ пѣсенъ сохраняются по традиціи такіе архаизмы, какіе давно утрачены въ разговорной рѣчи, съ другой стороны, въ языкѣ пѣсенъ отражаются черты говоровъ той мѣстности, откуда занесена та или иная пѣсня. Въ пѣсняхъ новой формации нѣтъ чертъ архаизма; но въ нихъ сильно отражается вліяніе городского мѣщанскаго говора. Кромѣ того, очень многія записи пѣсенъ Сибири сдѣланы безъ передачи чертъ ихъ языка.

Съ открытіемъ историко-филологическихъ факультетовъ въ Томскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ и Института изслѣдованія Сибири дѣло изученія Сибири, при этомъ и языка русскаго населенія ея, не замедлитъ дать желательные результаты. Правда, слѣдуетъ оговориться, что на долю русской діалектологии вообще и сибирской въ частности въ новыхъ очагахъ культуры на Востокѣ великой Россіи удѣлено мало вниманія или вовсе забыто о ней. На историко-филологическомъ факультетѣ во Владивостокѣ не читается ни одного курса по русскому языку и другимъ славянскимъ языкамъ. Болѣе вниманія удѣлено діалектологии Сибири со стороны томскаго историко-филологическаго факультета. Недавно (въ 1919 г.) профессоромъ А. Д. Григорьевымъ издана «Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія діалектологической карты русскаго языка въ Сибири»³. Она представляетъ собою перепечатку программы, составленной Моск. Діалект. Комиссіей (вып. 2); но «въ ней мною сдѣланы только необходимыя для Сибири измѣненія и дополненія», — заявляетъ проф. Григорьевъ. Къ сожалѣнію, эти «измѣненія и дополненія» совсѣмъ незначительны, а дѣйствительно важные пункты въ отношеніи говоровъ Сибири не указаны въ программѣ. Такъ напр., нѣтъ пункта о судьбѣ сочетаній — согласный-) — І (неслог. і) гласный — (платье, божья, веселье и т.под); нѣтъ вопроса о «среднемъ» І в м. твердаго л о j в м плавныхъ, о мѣнѣ ш и с, ж и з (шам, раш, посол, заркой...); отсутствуетъ указаніе на возможность ch в m v или неслогового y передъ согласнымъ, не обращено вниманія на губно-губной w, близкій къ b (б); нѣтъ запроса о формахъ дат. — мѣстнаго ед. именъ съ прежней основой на — ь (і) (печь, путь, лошадь.); упущена справка объ инфинитивныхъ формахъ на — сти (стасти, боясти...) и многое другое въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ.

¹ Ежегодникъ Тобольскаго Музея. 1917 г., вып. XXVIII. С. 2.

² Этнографич. Обозрѣніе. 1911. № 3–4. С. 71–172.

³ Оттискъ изъ «Извѣстій Томскаго Университета». 1919.

Что касается Института изслѣдованія Сибири, то, какъ обнаружено было въ программныхъ докладахъ, читавшихся на съѣздѣ по организациі его (въ январѣ 1919 г.), тамъ, повидимому, господствуетъ тенденція узко-практическаго, техническаго изученія Сибири. Между тѣмъ, изученіе говоровъ Сибири представляетъ глубокой интересъ. Не говоря объ общемъ научномъ значеніи этого изученія, отмѣтимъ слѣдующія стороны діалектологіи Сибири.

1) Русскіе говоры Сибири, оторвавшись отъ ближайшихъ говоровъ европейской Россіи, начали свою жизнь съ тѣмъ запасомъ звуковъ, формъ и лексики, какой былъ свойствененъ говорамъ ихъ метрополи въ 16-мъ, 17 мъ вв. Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи и въ 17-мъ столѣтіяхъ. Съ другой стороны, такое изученіе укажетъ, какіе языковые процессы были пережиты русскими поселенцами въ Сибири въ теченіе послѣднихъ 300–200 лѣтъ.

2) Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи опреѣлитъ путь, сибирской колонизациі.

3) Русскіе выходцы изъ разныхъ местностей Россіи, поселившись въ Сибири, оказывали вліяніе одни на другихъ. Ассимиляція происходила и въ отношеніи языка. Вліяніе шло преимущественно со стороны носителей сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Отъ средневеликоруссовъ или отъ языка «общерусскаго» усвоено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ аканье и иканье.

4) Русскіе поселенцы въ Сибири и сибирскіе инородцы приходили въ различныя взаимоотношенія. Слѣды этихъ взаимоотношеній отражаются также въ языкѣ и русскаго населенія и инородческаго.

Пожелаемъ же, чтобы скорѣе настало время, благопріятное для дѣла всесторонняго изученія Сибири. И въ утомъ изученіи пусть займетъ надлежащее мѣсто наука о томъ, благодаря чему, по словамъ Гумбольдта, человекъ сталъ человекомъ,— о языкѣ его. А нижеслѣдующія замѣтки основанныя на опубликованныхъ матеріалахъ, разбросанныхъ въ различныхъ изданіяхъ, и отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ, пусть напомнятъ еще разъ, какъ скудны наши свѣдѣнія о языкѣ русскаго населенія Сибири.

Въ основу сибирскихъ говоровъ легли говоры сѣверной полосы европейской Россіи,— говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской? Вятской и Пермской губерній. Оттуда шли основныя старыя колонизаціонныя волны въ Сибирь. Всѣми главными явленіями звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими сибирскіе говоры находятся въ ближайшей родственной связи съ этой сѣверно великорусской діалектической областью (подробнѣе въ III ей главѣ) «Въ числѣ раннихъ поселенцевъ въ Сибири были носители, повидимому, не въ большомъ количествѣ, другихъ русскихъ говоровъ, но ихъ потомки ассимилировались съ основной массой стараго русскаго населенія. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Сибирь было выслано много семействъ старообрядцевъ изъ западной Россіи. Одни изъ нихъ поселились на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ округахъ, гдѣ известны подъ именемъ «поляковъ», другіе добрались до Забайкалья, и осѣли въ Верхнеудинскомъ округѣ, где извѣстны подъ именемъ «семейскихъ». По чертамъ своего языка семейскіе относятся къ южно великорусской группѣ. Описанію ихъ говора посвящена III глава моей работы: «Забайкальскіе старообрядцы. Семейскіе» (Ирк. 1920, стр. 44–69). Данныя, изложенныя тамъ, относятся къ говору семейскихъ въ сс. Тарбагатай, Десятниково, Куналей, Мухоршибирь, Новый Заганъ, Хонхолой, Никольское, Харзузь, Шеролдай, Би-

I. Общий раздел

чура. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ о говоре ихъ сородичей на Алтаѣ, указываютъ, что онъ принадлежитъ той же діалектической группѣ. Позднѣе въ Сибирь катились волны изъ центральныхъ губерній Россіи. Выходцы изъ этихъ местностей до сихъ поръ сохраняютъ черты говоровъ средне-великорусскихъ и южно-великорусскихъ. Были переселенцы и поселенцы и изъ западной и южной Россіи. Малорусскія поселенія находятся и въ западной и въ восточной Сибири. Компактныя малорусскія группы еще сохраняютъ черты своего нарѣчія. Единичныя же семьи, заброшенныя въ среду «сибирскаго» великорусскаго населенія, или совсемъ утратили свой малорусскій говоръ или близки къ этой утратѣ. О судьбѣ языка белорусскихъ переселенцевъ никакими свѣдѣніями не располагаю. Вѣроятно, она такова же, какая постигла говоръ малоруссовъ. Замѣчательно сильное воздѣйствіе оказываютъ говоры «сибиряковъ» — сѣверно-великоруссовъ на другіе. Какъ на примѣръ, укажу на судьбу говора забайкальскихъ старообрядцевъ, семейскихъ: вопреки своему стремленію жить обособленно отъ «сибиряковъ», какъ называютъ семейскіе русское нестарообрядческое населеніе, они не могли устоять, чтобы не поддаться влиянію «сибирскихъ» говоровъ. Попали въ Сибирь и носители польскаго языка. Среди «литвы» и «черкасъ», появившихся въ XVII–XVIII вв. въ Сибири, были и поляки¹.

I. Звуковой составъ

Гласный о

Ударенные гласные переданы посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое у передано посредствомъ *w*. Для передачи мягкаго согласнаго служитъ знакъ согласнаго *сь*⁷

«Оканье». Говоры «старослужилаго» русскаго населенія Сибири относятся къ типу «окающихъ» великорусскихъ говоровъ. Въ отдельныхъ говорахъ *vm*. неудареннаго (предударнаго) *o* представлено *y*: *уп'ат'* (*уп'ет'*), *дукол'*, *уткол'* (напр. въ области Алтая). По говорамъ находится *y* или **o** подъ удареніемъ *vm*. **o**: *вусем'*, *нуги*, *дулѣ*, *супка* (напр., въ Тобольской губ., въ восточной Сибири). Срав. Въ якутскомъ языкѣ передачу русскихъ заимствованій: *гуорад*, *буорах* (оброкъ), *холуода* (колода), *усуор* (узоръ). Вѣроятно, *yo* въ этихъ случаяхъ отражается *yo* или *o* *vm*. удареннаго *o* тамошняго русскаго говора.

Гласный *o* (*o* и *o* *vm*. *e* передъ твердымъ согл.) подъ удареніемъ произносится съ значительной лабиализаціей и семейскими: въ первой части образованія гласнаго ясно выступаетъ образованіе для *y*, затѣмъ переходящее къ *o*: *паск'отина*, *дар'ога*, *хар'ош*, *т'отка*, *гуwn'o*, *синак'ос*, *мужук'ow*, *зав'оду*, *mn'oга* (наблюдалъ въ сс.Хонхолоѣ, Николь, Хараузѣ). Семейщиной представлены лабиализованные гласные и въ неударенномъ слогѣ. Лабиализація въ этомъ положеніи вызвана воздѣйствіемъ сосѣдняго губнаго неслогового звука. Но лабиализація въ этомъ положеніи проведена не послѣдовательно: произносятся гласные и безъ слѣдовъ лабиализаціи. Въ предударномъ положеніи: *Бугародица*, *абмувајут'*, *пулноч*, *бугуд'ник* (и — *багул'ник*). Въ заударномъ положеніи: *три wупуда* (3 уповода); въ формѣ род. *mn* — *ow* или *o'w*, *'ow* или *'öw* ('ö — близко къ пе-

¹ Буцинскій П. Н. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889. С. 198–199. Н. Оглоблинъ. Заговор Томской «литвы» в 1634 г. Отгискъ изъ VIII ой кн. «Чт. въ Историч. Общ. Нестора лѣтоп.», 3.

реднему ряду), или — *uw* или даже съ утратой конечнаго *w* послѣ *у*-памящцы-*ко^yw*, радитил^o*w*, *5* кон^o*w*, кон^u*w*, кон^u послѣднее отмечено въ Тарбаг. Но въ тѣхъ же селахъ говорятъ и — *5* телав, брат^t*aw*, свидетелеw. Кромѣ того, — м ал^oчишка^oм, ал^oба^o.

Въ Сибири имѣются также говоры, представляющіе результатъ измѣненія неударенныхъ *a*, *o*, *e*, — «аканье». Говоры эти не однородны. Одни изъ нихъ — говоры позднѣйшихъ переселенцевъ изъ областей южновеликорусскихъ и средневеликорусскихъ. Возможно, что среди носителей говоровъ, представляющихъ черты средневеликорусскихъ говоровъ, есть потомки средневеликорусскихъ, давнихъ поселенцевъ Сибири. Затѣм, акающіе говоры принадлежатъ старообрядцамъ — южновеликоруссамъ — семейскимъ, въ Забайкалье и «полямкамъ» на Алтаѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверно-великорусскіе говоры развили аканье только здѣсь, въ Сибири, подъ вліяніемъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ. Акающіе не южновеликор. говоры: в Забайкальѣ (въ Верхнеудинскомъ у. сс. Мухоршибирь, Саянтуй, Барь, Харашибирь и далѣе къ востоку), въ Иркутскомъ у., въ Нижнеудинскомъ у, Балаганскомъ у. (по Ангарѣ), въ Енисейскомъ у (с. Казачинское, къ югу по Енисею), въ южной части Томскаго у. (въ волостяхъ: Ояшинской, Кайминской и въ частяхъ волостей Уртамской и Тутальской), въ восточной части Кузницкаго у., въ сѣверной ч. Каинскаго у. (Бараба), в Змѣиногорскѣ, въ какихъ-то другихъ мѣстностяхъ Томской губ. (каивадни, лани; съ *ы* [ъ ?]: пышеница, дылина. «Рус.Фил. Вѣст.» 1914, №1), въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ восточной части Тобольской губ., в Акмолинской обл., (ст. Арык.-Балыкская Кокчетав.у.) и въ другихъ мѣстностяхъ. Нѣсколько примѣровъ. Тулунская вол. Нижнеуд. (Тулунъ, Аллюй, Ахметиха, заимка Курганъ): Микола Зимнаи, эта лѣта, ставал'на пара, авторник... Гласный и или *и^o* замѣняетъ собою неударенные *e*, *ѣ*. Въ прочихъ своихъ чертахъ говоръ Тулунской вол. относится къ северновеликорусскимъ: *z* — взрывной, *ae* → *aa* → *a*, *ee* → *e* (начинаш, завѣчат, чернѣт); *ѣ* вм. конечнаго *x* въ формѣ мѣст. мн. (в юртаф); формы твор. и дат. мн. на *-м* (кошка с катятам); *ф*. сравнит. Степени на *-е* (стала холоднѣ) и др. черты. Бараба: ребенак, малако, кладбишша, озера, питерскай. Неударенное *a* нѣсколько закрытое, глухое *a*. Вмѣсто неударенныхъ *e* (*ѣ*, *a* находится гласный *e* или *eⁱ*, *и^o*). По другимъ чертамъ барабинскій говоръ относится къ сѣверновеликорусскому типу: *z* взрывной, *ae* → *aa* → *a*; форма наст. Вр. 3 ед. и множ. на *m*; дат. мн. мѣстоименій: нама, вама; дат — твор. мн. — им'а; форма сравн. степ. на *ѣ*, 'а, 'аја (краснѣ, мил'аја, — 'ај, скор'а); окончаніе *ѣ* въ формѣ мѣстн. ед. въ такихъ основахъ, как печ, волост'.. (на печѣ, степѣ, Омѣ, волостѣ) и др. Для указанныхъ выше волостей южной части Томскаго у. имѣется сообщеніе, будто бы аканье у молодежи слабѣе, чѣмъ у стариковъ. «Старики и старухи гораздо болѣе акають, чѣмъ молодежь». Указаніе на процессъ, противоположный тому, какой переживается нѣкоторыми сѣверновеликорусскими говорами, въ которыхъ аканье ещё не охватило всѣхъ представителей этихъ группъ или не всѣми проведено послѣдовательно. Въ тѣхъ же южно-томскихъ говорахъ отмѣчено *и* вм. неудареннаго *o*, въ особенности послѣ отрицанія **не**: не итпѣвают, не итнимают, иднадомны (можетъ быть восходить къ «еднадомны»), итабрат', иставаться, изерки. То же явленіе въ говорѣ ст.Арык Балыкской Кокчет. у., но въ говорѣ, повидимому, позднѣйшаго, южновеликорус. населенія, а не давнихъ тамошнихъ поселенцевъ-казаковъ: не итстаеть (ср.оконч. мягкое *m*), итдата.

I. Общий раздел

Сочетанія съ *a* вм. *o* въ отдѣльныхъ случаяхъ (формахъ), встрѣчающіяся въ тѣхъ или иныхъ говорахъ, могутъ не найдены въ связи съ фонетическимъ аканьемъ, представляя явленіе морфическое. Напр, «тапер'», встрѣчающееся и въ несомнѣнно окающихъ говорахъ: въ Красноярскомъ у., въ Русскомъ Устьѣ на р.Индигиркѣ (въ 80 верст. отъ Лед. океана). Здѣсь *та* въ связи съ *та-* въ нарѣчій «втапоры», извѣстномъ говорамъ Сибири. Не представляетъ фонетическаго явленія (въ области окающихъ говоровъ) и окончаніе *a* (ва) въ формѣ родит. муж. и сред. ед:слѣпова, добрава, у которова.

Гласные *e*, 'а

Въ отношеніи неударенныхъ *e*, 'а говоры, представляющіе аканье, являются икающими, съ *и* или съ *e*, близкими къ *и*. Но категория формъ средн. р. ед. этимъ процессомъ не охвачена: въ этомъ случаѣ неударенное конечное *e* \mapsto 'а. Напр. Бараба: изда, билѣт', зимл'а, пирихр'остак, свитой и сви'той, тинут', ичмен', жына, цылават' но и цалават', зае'ц, мо'ра, пол'а; гор'а гор'каја. То же явленіе отмѣчалось мною въ говорѣ «сибиряковъ» Верхнеудинскаго у. (Саянтуй, Барь, Мухоршибирь, Харашибирь). Но въ замѣнѣ не представлено 'о: чо: ц'ово (Саянтуй). Въ с.Барь *t'a* вм. *te* в формѣ 2 л. наст. мн. (носит'а)... *a* вм. неудар. *o*, а также *и* вм. неударн. *E* отражается и мѣ документахъ, писанныхъ въ Сибири въ XVII-XVIII вв. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи селенгинскаго казака Вавилы Григорьева (1684 г.) встрѣчается: «безъ асьми копеекъ», «іво». «іво» (нѣсколько разъ) и въ челобитной служилыхъ людей изъ Селенгинскаго окр. (1700 г.) и въ другихъ документахъ. Вм. неудареннаго 'а встрѣчается *e*: десетчен, десетчан и десятчанъ — въ челобитной тѣхъ же служилыхъ людей Селингинскаго окр. — двои серги лапчетые — въ челобитной нерчинской вдовы Вѣрицы (1688 г.), «по прежней паметѣ» — пишутъ въ Якутской области (1682 г.). Впрочемъ, въ послѣднихъ примѣрахъ *e* вм. *a* могло находиться въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ мягкости предшествующаго согласнаго.

Имѣются въ Сибири и якающіе говоры. Таковъ говоръ дер. Выдриной Енис., на лѣвомъ берегу р.Чуны: ня знам, бярѣга, на шостой вярстѣ, бярѣт, бярут, дяфчѣнка, фсѣ интерясуютца. Но яканье проведено здѣсь непоследовательно: оно не вытѣснило собою во всѣхъ случаяхъ еканья: ср.- чѣжа, чѣто, проѣжжал, Афонасей. Неизвѣстно этому говору и *a* вм.неудареннаго *o*: тобѣ, дѣдушко, темной, от старшой жоны, можот, топер',- ря. Къ аканью въ данномъ случаѣ не относится оконч. *ва* въ формѣ род. ед. (от етова дѣда). Кромѣ оканья, выдринскій говоръ представляетъ и другія сѣверовеликорусскія черты: *ae* \mapsto *aa* \mapsto *a*, *bm* \mapsto *mm*. *ф* вм. *w* (фсѣ, дѣфки), форма твор. и дат. мн. на *m*; черты въ формахъ мѣстоименій, глаголовъ, въ лексикѣ.

Въ Приангарѣ имѣются говоры со смѣшаннымъ результатомъ замѣны предударнаго *e*: посредствомъ *и* и 'а въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Таковъ говоръ Верх. Суворова, описанный П.Я. Черныхъ: л'агла, б'арут, л'ахко, в'алела, винец, слизами, мисант, прахадити.

По судьбѣ неудареннаго *e* выдѣляется говоръ с. Маркова на далекой сѣверовосточной окраинѣ Сибири, на Анадарѣ. Въ этомъ говорѣ неударенное *e* замѣнилось гласнымъ *и*. Такой результатъ представленъ въ измѣненіи *e* разнаго присхожденія: вм *e*, ѣ, 'а. Черты говора сѣверовеликорусскія, — тикот (течеть), зилѣзной, дириванный, долитѣл, мацихи (мачехи), мина (меня), гига, гибѣ, сики (сѣки), вѣк по вику, свица, ицьмень; но подѣ удареніемъ *e* вм. 'а дикоплѣс; впро-

чемъ то же и внѣ ударенія: тресалка, преговой (упряжный). Измѣненія неудареннаго *о* не было пережито. Не измѣнилось и *о* изъ *е*, а также возникшее по аналогии: перецѣс (чесотка), косьёвой боли, удусьё (удушьё), удусьём, дикованьё, усканьё ухо (ушканье ухо), гаснёт, дрыссот, дикуёт, станём, имо (вм. болѣе ранняго имё ← имё вм. имя), цѣловѣк. Какъ видно, *е* → *и* только передъ мягкимъ согласнымъ (который позднѣе отвердѣвалъ въ этомъ говорѣ)

и вм. *е* передъ мягкимъ согласнымъ представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другіе говоры Сибири. Это повсюду, кажется, въ формахъ род. вин. личныхъ мѣстоименій: мин'а, тиб'а, а также по говорамъ и въ формахъ дат. mine, тибе, сибе. Повсюду въ Сибири и въ нарѣчій «ишо» ишо, ишшо). На измѣненіе *е* → *и* въ этомъ случаѣ дѣйствоваль не только слѣдовавшій мягкій согласный, но и начальный *ј* (неслоговое *і*). Гласный *ѣ* въ указанныхъ сочетаніяхъ для формъ мѣстоименій и для нарѣчій представляютъ и говоры сѣверовостока европейской Россіи.

Въ зависимости отъ слѣдующаго образования для мягкаго согласнаго измѣнялось *е* в *и* подъ удареніемъ. Это измѣненіе отражается по приангарскимъ говорамъ (двир', шил'), на сѣв.-востокѣ, в с.Марковѣ (цимо вм. болѣе ранняго цим'о вм. тема, цимиско-темячко, двојоцимой) и вѣроятно въ другихъ говорахъ.

Иную по происхожденію діалектическую группу представляетъ говоръ семейскихъ, — старообрядцевъ въ Верхнеудинскомъ у. Они — представители южно-великорусской группы. По гласному, замѣнившему собою прежніе гласные *е* (вм. *е* и *ѣ*) и *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу, говоръ семейскихъ относится къ южно-великорусскимъ говорамъ съ диссимилятивнымъ яканьемъ: передъ слогомъ съ удар. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ, находится *и* вм. *е* и *а*; передъ слогомъ съ прочими ударенными гласными произносится *а*. Отклонение наблюдается передъ удар. *е* (вм. *е*) и *о*: произносятся в неуд. слогѣ не только *а*, но и *и*. Последовательно *и* въ формахъ мѣстоим. mine, тибе, сибе. Типъ диссимилятивнаго яканья послѣдовательно проведенъ по многимъ селамъ, напр., въ Нов Заганѣ, Никольскомъ, Хараузѣ. Въ другихъ селахъ наблюдается отклоненіе, хотя и непослѣдовательное, отъ этого типа, — въ Мухоршибири, Куналеѣ, Тарбагатаѣ, Десятниковѣ. Н. Заганъ: диваха, тир'аиш, диржат', упригат', зимл'а, з'амли, нат'арет', с'эстры, б'арут', ра'тујут', з'ал'онѣ, чеснок, б'ар'ош. Въ говорѣ сс.Куналея, Тарбагатая, Десятникова представленъ типъ диссимилятивнаго яканья, смѣшанный съ ассимилятивнымъ. Куналей: тила и т'ала (въ говорѣ одного и того же лица), б'ада, пат'ар'ал, патер'ал, нил'з'а, с'ало, ч'ар'омухај, д'атеј.

Вмѣсто гласнаго *а* въ предударномъ слогѣ приходилось отмѣчать въ каждомъ селѣ и сочетанія съ гласнымъ ближе къ переднему ряду или совсѣмъ передняго ряда: *ä*, *е*: т'алега, т'äleга, т'елега, б'арош, б'är'ош, бер'ош и др.

По всей семейщинѣ при яканьѣ можно наблюдать сочетанія съ иканьемъ. Только въ немногихъ случаяхъ вм. предударнаго *е* представлены гласный *и* послѣдовательно. 1) Въ формахъ род ед. личныхъ мѣстоим.: mine, тибе, сибе; съ тѣмъ же гласнымъ употребляются и формы дат. и мѣстн. 2) Передъ *х* удареннымъ *е* и *о* въ такихъ словахъ какъ — читвер'х, васкрисен'н'а, Ниф'от; вознисенн'а, типерича (рѣдко, обычно — тапер'); сабиресси (рѣдко), ишо, ије, ијщ, јајо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *и* вм. *е* представляетъ давнюю черту южно-великорусскаго говора семейскихъ. Въ прочихъ случаяхъ сочетанія съ *и* вм. *е* — явленіе наносное въ семейщинѣ, за исключеніемъ сочетаній съ *и* передъ удар. *е*: среди

I. Общий раздел

последних могут быть и остатки давняго типа измѣненія неудареннаго *e* въ *и*, затѣмъ вытѣсненныя неудареннымъ *a*. Манера иканья проникала къ семейскимъ отъ лицъ, побывавшихъ за границею семейщины, — служившихъ въ солдатахъ, жившихъ в городѣ, на приискахъ, на станціяхъ. Распространеніе иканья поддерживалось и вліяніемъ сосѣдей «сибиряковъ», т. е. нестарообрядцевъ. Среди книжныхъ людей иканье находило себѣ распространеніе и въ XVIII в, какъ указываетъ сборникъ старца Давыда, написанный въ Забайкальѣ (хран. въ б-кѣ Иркут. Дух. Сем. XLV 1797; см. «Забайк. Старообрядцы», с. 22–23). Иканье я наблюдалъ чаще въ Мухоршибири, чѣмъ въ другихъ семейскихъ селахъ, = диситина, тилега, деревн'а, зил'онка, бирут', диды, види... Къ иканью больше склонны лица молодого поколѣнія.

Во 2-мъ предударномъ слогѣ вм. *e*, 'а произносятся обычно *и*. Рѣже отмѣчалъ закрытое *e*^і: читэрох (но чатэри), чир'аз речку, биз-руки (но — б'аз-рук), тивната, дир'авен'ка, се'ме'на, ти'мнаверцы. Въ Тарбагатаѣ и Десятниковѣ: б'аз бат'ка, на б'арагу.

Въ заударномъ открытомъ и закрытомъ слогѣ, кромѣ конечнаго, результатъ измѣненія *e*, 'а представленъ гласнымъ *и* или *e*^і. Отражается иногда неполнота образования этихъ гласныхъ, — ледѣ'ник, восе'ин'у, жэриба (но — жэр'ап, вымиринна, з нашыва сила, зимнија дарога. Въ закрытомъ конечномъ слогѣ, гласный неодинаковъ во всѣхъ образованияхъ: въ однихъ случаяхъ представленъ узкій гласный *и* или *e*^і, въ другихъ широкий, *ä*. Неполнота образования изрѣдка отражается и на этомъ слогѣ, съ гласнымъ *ä*. десит', восим, восе'м, воси'м, пар'ан, с'астрин'ац, жэр'ап. Въ конечномъ открытомъ слогѣ замѣна неудар. *e* (*e*, *ѣ*) представлена очень непослѣдовательно, вслѣдствіе значительнаго взаимодѣйствія различныхъ родственныхъ формъ и формальныхъ категорій. Внѣ этого воздѣйствія остались 2 ряда формъ: форма именит.сред.ед. на *e* → 'а и формы наст.вр. И повелит. накл. на *-те* → *т'а* — адно пол'а, плат'т'а, заприт'а... Въ конечномъ открытомъ слогѣ другихъ формъ вм. *e* (изъ *ѣ*) находится гласный 'а ('ä), *e*^і, и (подробнѣе см. «Забайкальскіе старообрядцы» 45–48).

Вмѣсто гласнаго *e*, находившагося передъ твердымъ согласнымъ и въ концѣ слова послѣ исконнаго (съ праславянской поры) мягкаго согласнаго, въ говорахъ Сибири представленъ гласный 'о. Въ длинномъ рядѣ случаевъ категория употребленія 'о вм. *e* стала шире, вслѣдствіе фактора психологическаго, — подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *o* передъ твердымъ согл. Тобольская губ. (зап.ч.): ч'ово, поч'ому, вер'отно, м'одаль, вес'оло, Енисейскій у. с. Кежма: жона, -ы, -у, жонѣ, с'остра, плам *o* пышот, буд'ом, достан'ош, својому, серцо назван'н'о, здоровань'о, на мор'о, пол'о звѣрь'о. 'о (*м'о*) и въ формѣ именит.-вин. средн. р. вм. 'а(*м'а*): врем'о, плам'о, им'о. *o* и вм. *e* изъ *ѣ* въ корнѣ бѣг — кон уб'ог. С.Богучаны: чосал, жонѣ, че(о?)лобитель'о, С.Ужурь: сонцо прощенни-цо. Д. Выдрина: ч'отыре, празнич'ок, двѣ жоны, својой жонѣ, пол'о, ненась'о, бабь'о дѣло, плов'от, подрѣ'от, увид'ош, *o* также вм. *e* изъ *ѣ* въ образованияхъ съ ѣзд -, ѣжж: вы'ожжат. Красноярскій у.: «Особенно замѣтно для непривычнаго уха пристрастіе къ буквѣ ё: четв'оро, ш'опчет, др'омится, мо'ой, зимовь'о, остожь'о, рукобитель'о, видѣнь'о (глаза). Киренскій у. Подкаменская вол.: син'о-то море, выл'отали, сол'отайот, плач'от. Русское Устье на Индигиркѣ: јово, кость'о, на моро (-въ этомъ говорѣ *р'* отвердѣль), третью-то мѣсто, буд'от, вспомяту'ош, прин'оси, 'о вм. *e*. изъ *ѣ* в образованияхъ по'одем и т. п. Колыма. (Средне Колым-

скъ и Нижне Кол): чоше(от, пйачот (й вм. л), мојой и др., серцо, конопл'о-конопйо С.Марково на Анадырѣ: ц'оловек, перец'ос, сэрцо, воус'о, удусъјо, удусъјом, дикованъјо (помешательство), порозованъјо (течка), воронјо, усканјо ухо; 'о(-м'о) и в формѣ именит., вин. средн. вм. а (м'а): имо, цимо (темя), косъјовой боли, двојоцимой; собака дикујот, гасн'от, дрыссот, стан'ом, иц'отца вм. ичется (икаеть), мојотца.

По говорам находится иной результатъ измѣнения е: вм. че, же въ неударенномъ слогѣ произносится ча, жа: прошшай жа, опет' жа, што жа (с. Кежма Енис. у.), чаво, часала (Р. Устье на Индигиркѣ), залъзо (въ д. Выдрина Енис. у.: встречается и въ другихъ говорахъ Сибири).

Объ е→і въ зависимости отъ сосѣднихъ артикуляцій для мягкихъ согласныхъ говорилось выше.

'а. Гласный 'а при опредѣленныхъ условіяхъ замѣненъ гласным е. Эта замѣна проведена послѣдовательно между мягкими согласными въ неударенномъ и ударенномъ слогѣ. Въ неударенномъ слогдовательно между мягкими согласными въ неударенномъ и ударенномъ слогѣ а→е и передъ твердымъ согласнымъ. — опет' (опять). Такъ повсюду по Сибири, отъ западныхъ областей ея до далекаго северо-востока, до Охотскаго моря и Камчатки. Съ е это нарѣчье перешло и къ семейскимъ (держится у нихъ еще и свое южновеликорус. ап'ат'). Другіе примѣры. Тобольская г: чейка, ейсы, ериса (ярица), ерушник (хлѣбъ изъ ячменной муки), но — яшна мука (подъ ударен. ја передъ отвердѣвшимъ согл) заес, едрѣной, езых, мекина, пет', петок, вдругоред'. С. Бердское Барнаульск.у.: просіелас' (просѣялась), навеливала (навяливала). Енисейскій у. по грезѣ, горечим слезам смочила; глядят, у утки ейцо окровенило', петно (с. Кежма), еечки, еечик (с. Пановское); еечки, в заимску чесовню (д. Кежемская Заимка). Красноярскій у.: на светой Русѣ, едрѣной (но дуropolis, ятно) Киренскій у.: ес'он-то сокол. Иркутскій у.: ком грезі, опет' — апет'. Такъ и въ говорахъ жителей г. Иркутска. Верхнеудинскій у.: въ грезѣ, јејцо, јечмен', опет' апет' (въ с. Троицкомъ и в другихъ селахъ), Р. Устье: вежет, тридцет'. Якутскъ: ярможане или ерможане. Колыма: хозяйка, грэзить, за чужа чуженина. С. Марково: преговой, тресалка иц'мен'; подъ удар. передъ твердымъ согл.: ятко (громко), но и съ е: дикоплѣс. М.б., сюда относятся сообщенные выше примеры изъ документовъ съ е вм. а: серги, лапчетые, десетчен, десечанъ. Въ этой же челобитной (служилыхъ людей Селенг. окр.): «Почела быть цена бойлшая». А также в якутскомъ документѣ 1682 г.: «по прежней памѣти». Въ якутскихъ же документахъ часто встрѣчается написаніе «ялань» и «елань»: «что пониже елань Пленка-рѣчка, что кашиваль Петька Загорской, все подѣлить, опричь пахотныхъ яланей. А что Сергушко распахаль землю на той елани вверху по Тыштѣ, на которую елань подаль т челобитную Анисимко» (1682); «по той же рѣчкѣ Кохарѣ посторонняя мѣста на яланяхъ покосы жъ съ рыбными ловлы... елань званіемъ Сорганнахъ-Аласъ, сѣна ставитца два стога, да ялань же званіемъ Кенъ-Бетте» (1714 г.) и др. Въ настоящее время повсюду въ Сибири это слово передается съ гласнымъ е: желан.

А. М. Селищев

І. ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ¹

Весною 1919 г. Совѣтомъ Государственнаго Иркутскаго Университета и Средне-Сибирскимъ Отдѣленіемъ Института изслѣдованія Сибири я былъ командированъ съ научной цѣлью въ Забайкалье. Своей задачей я поставилъ ознакомиться съ языкомъ и укладомъ жизни старообрядцевъ, такъ называемыхъ «семейскихъ» Верхнеудинскаго уѣзда. Имѣя въ виду условия и обстоятельства переживаемаго времени, въ особенности въ Забайкальѣ, я долженъ былъ по возможности принять мѣры къ болѣе или менѣе безопасному странствованію по мѣстности, гдѣ еще недавно происходили полныя ужаса экзекуціи карательныхъ отрядовъ. Сочувственно къ моей командировкѣ отнеслась Верхнеудинская Земская Управа, очень облегчившая мои разъезды по селамъ уѣзда. Свидѣтельствую гг. членамъ Управы мою глубокую благодарность.

3 дня (27–29 мая), проведенные мною въ Верхнеудинскѣ, этомъ городѣ песку и пыли, были заняты подготовкой къ отъѣзду и предварительному ознакомленію съ настроеніемъ деревни. Свѣдѣнія, полученные мною, были неутѣшительны: какъ въ городѣ, такъ и в селлахъ настроеніе было напряженное: столкновения «семеновцевъ» съ американцами привозъ бурятскаго «царя» и его министровъ, разговоры о разныхъ «конфликтахъ» сгущали городскую атмосферу. Къ тому же съ запада свѣдѣнія доходили скудныя: иркутскія газеты не допускались къ обращенію въ Верхнеудинскѣ. Только изъ-подъ полы я доставалъ у старика-газетчика «Свободный Край»; «Наше Дѣло» совсѣмъ не получалось имъ. «Не рискованно ли мое путешествіе по уѣзду?» — освѣдомился я у и.о. начальника милиціи. — «Относительно всѣхъ мѣстностей опредѣленнаго отвѣта я дать не могу. Во всякомъ случаѣ чины милиціи будутъ освѣдомлены о Вашей поѣздкѣ и окажутъ Вамъ свое содѣйствіе». Въ воскресенье, 1 іюня, утромъ я отправился въ путь. Въ огромной колымагѣ, на подобіе той, въ какой кочуютъ цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, я потянулся на югъ. «Трактовая», или вѣрнѣе узкая песочная дорога между нависшимъ ельникомъ, о сучья котораго цѣплялась моя колымага, шла среди песчаныхъ холмовъ, поросшихъ деревьями. Недалеко въ сторонѣ разстилался дымъ отъ лѣснаго пожара. Въ с.Саянтуй, Вахмистерово тожъ, находящемся въ 16 в. отъ Верхнеудинска, я смѣнилъ лошадей и направился въ старообрядческое село Тарбагатай или, по мѣстному произношенію, Тарбатай. Большая часть пути туда идетъ мимо голыхъ высокихъ горъ, отчасти приспособленныхъ подъ пашню. Только справа среди зеленыхъ береговъ блистаетъ на солнцѣ Селенга. Солнце пекло, а вѣтеръ поднималъ столбы пыли, застилавшіе мою убогую на этотъ разъ телѣжку. Мой возница, мужикъ лѣтъ 40, по случаю праздника немного хва-тившій «ханчи» и лукомъ закусившій, усѣлся со мной рядомъ и охотно подѣлился горестями жизни своего села. Тяжело жить: неурожай, дороговизна, неурядицы. Главное въ его рассказѣ было сообщеніе о карательномъ отрядѣ. Вотъ такого то и такого-то, совсѣмъ не причастныхъ ни къ какому злодѣянію, поведутъ въ баню, раздѣнутъ и хлещутъ плетью съ завязаннымъ въ нихъ свинцомъ, — хлещутъ до полусмерти. Иногда можно было откупиться деньгами. А иногда и деньги

¹ Селищев А. М. Забайкальскіе старообрядцы. Семейскіе. Иркутскъ, 1920. Глава І.

брали и сѣкли. Грабили не только деньги, но и имущество, не исключая и женских нарядовъ. О бурныхъ наѣздахъ карателей, дѣйствовавшихъ именемъ полковника Семенова, о ихъ разнузданной вольности мнѣ рассказывали въ каждомъ селе. Дѣло доходило до того, что дѣвушки и молодья замужнія бабы прятались при посѣщеніи села блюстителами порядка. Кошмарны сообщенія объ этихъ «судныхъ» дняхъ — такъ кошмарны, что я сталъ стараться, наконецъ, не заводить разговора на эту тему. И безъ того много печальнаго пришлось наблюдать на своемъ пути.

Къ вечеру 1-го іюня я добрался до с. Тарбагатая, расположеннаго на рѣчкахъ Куйтунѣ и Тарбагатайкѣ, сливающихся у этого села. Глядя на длинный рядъ избы и ихъ обитателей, вспомнилъ слова «Дѣдушки-декабриста»:

Сыты тамъ кони-то, сыты,
 Каждый тамъ сыто живетъ,
 Тѣсомъ тамъ избы-то крыты,
 Ну, ужъ зато и народъ!
 Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
 Сами творять они судъ,
 Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
 Трезво и честно живутъ,
 Подати платятъ до срока, —
 Только ты имъ не мѣшай
 «Гдѣ жъ та деревня?» — Далеко
 Имя ей: Тарбагатай,
 Страшная глушь за Байкаломъ... — (Некрасовъ)

Да, и теперь тутъ избы тесомъ покрыты и народъ здоровый хрушкой, какъ говорятъ сибиряки. Но на-счетъ сытости и прочаго дѣло обстоитъ не такъ: есть заболѣванія голоднымъ тифомъ, и «рекруты» не тѣ: жалуются на побѣги мобилизованныхъ; да и трезвость шатается, на подати ропщеть народъ, судъ творить присланная милиція...

Тарбагатай (Тарбатай) было первое село, съ котораго я началъ свое ознакомленіе съ семейскими. Затѣмъ мною были посѣщены старообрядческія села: Куналей, Мухоршибирь, Новый Загань, Хонхолой, Никольское, Хараузъ. Встрѣчался и бесѣдовалъ со старообрядцами изъ Десятникова, Шаралдая (Шарандая, Шеролдая), Бичуры, съ Гашея, — гдѣ въ послѣдній годъ самовольно поселилось много семейскихъ выходцевъ изъ сосѣднихъ сель. Проѣхать на Хилокъ и на Чикой, гдѣ въ несколькихъ селахъ также живутъ семейскіе¹, оказалось затруднительно: пришлось бы ѣхать въ сопровожденіи милиціи, такъ какъ, по ея свѣдѣніямъ, въ Заганскомъ хребтѣ, черезъ который лежалъ путь забились банды разбойниковъ.

Посѣщенныя мною села семейскихъ расположены въ долинахъ между отрогами горъ. Двѣ или три очень длинныя улицы, съ домами, соединенными одинъ съ другимъ заборами («заплотами») протянулись неподалеку отъ небольшой рѣчонки. Узенькіе переулочки («правулки») пересѣкаютъ ихъ. Такимъ проулкомъ мимо двора и гумна, можно выйти къ рѣчкѣ или за село, — къ горѣ, въ по-

¹ См. у П. А. Ровинского «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Географично Об-ва. Т. III, № 3. С. 123–124.

I. Общий раздел

ле, на выпась. Долина, гдѣ расположились семейскіе, представляет довольно болотистую почву: идешь по улицѣ, а дорожная насыпь зыблется, эластично углубляется («зыбунъ»). По канавкамъ стекаетъ выдавливаемая сизо-мутная жижица. Въ нѣсколькихъ селахъ находятся настоящія болота, — калтусь. Такова низкая часть Мухоршибири, гдѣ живутъ православные или «сибиряки», по терминологіи старообрядцев¹. В послѣдніе годы тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступило въ особенности много воды, такъ что пришлось снести постройки съ насиженныхъ мѣст и оставить гумна и огороды. Плохо обстоитъ дѣло и въ Н. Заганѣ. Когда подъѣзжаешь къ этой деревнѣ, со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся топкое болото, а за нимъ протянувшуюся деревню. Заганцамъ селиться уже некуда стало: съ двухъ сторонъ болота, съ третьей засѣвное поле; а в продолженіе долины занимаетъ Старый Заганъ, вплотную примкнувши къ Новому Загану. Въ Ст. Заганѣ населеніе православное. Использовать для построекъ поле нельзя: засѣвная площадь и безъ того невелика, — по двѣ съ небольшимъ десятины на душу². А нужда в постройкѣ большая: за годы войны дѣло строительства прекратилось; между тѣмъ полюбовный раздѣлъ во многихъ домахъ хотѣлось бы произвести. Выбравъ то или иное мѣсто, всѣ мужики данной семьи заняты устроениемъ дома для очередного выдѣленія — старшаго сына или брата. «Такъ ужъ у насъ повелось».

Не всѣ села вязнуть въ болотахъ. Иные семейскіе задыхаются въ песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улицѣ этого села. Другія двѣ улицы находятся въ болѣе низкой части, вдоль небольшой рѣчки.

Избы семейскихъ — высокія деревянныя постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка. Рамы и карнизы во многихъ избахъ украшены рѣзьбой и раскрашены. Хорошіе дома строятъ російскіе плотники. Раньше они заняты были постройкой церковей. Теперь же спросъ не великъ по церковной части. Бѣдноватыя села, какъ напр. Хараузъ, похвалиться постройками не могутъ: по большей части избы тамъ низковаты и подслѣповаты. Внутри избы семейскаго чисто, опрятно. Полъ вымыть и слегка посыпанъ пескомъ, а иногда и застланъ самотканой матеріей. Въ переднемъ углу прибиты полки, на которыхъ разставлены иконы стараго письма и мѣдные восьмиконечные кресты въ кіотахъ. Тутъ же или на угловомъ столикѣ стоитъ кадильница, лежатъ свѣчи, висятъ лѣстовки (четки); на столикѣ положены «подручники», употребляемые при земныхъ поклонахъ. Въ другомъ углу большая русская печь, иногда раскрашенная какимъ-нибудь узоромъ, преимущественно синими или зелеными цвѣтами и пѣтухами. Въ сторонѣ отъ печи — палаты. Стѣны чисто вымыты. Въ нѣкоторыхъ домахъ по стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки. У хорошихъ хозяекъ на стѣнѣ красуются «карманы», — длинныя вышитыя полосы темной матеріи; часть такой полосы образуетъ мѣшочекъ, карманъ. Вдоль стѣнъ поставлены лавки. На окошкахъ стоятъ банки съ цвѣтами. Въ углу пріютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполне совпадающая съ прялкой («пряхой»; такую я знаю по Орловской губ.). Самопрядка у семейскихъ гораздо ниже, чѣмъ у орловскихъ крестьянъ. Кон-

¹ По этой терминологіи, православная церковь — сибирская церковь и т. под.

² По даннымъ Забайкальскаго Областнаго Статистическаго Комитета, душевой надѣлъ при переверсткѣ выразится еще меньшей цифрой: 1184 дес. на 1069 муж. душъ. См. въ «Памятной книжкѣ Забайкальской области на 1914 годъ». Чита, 1914. С. 446.

струкція же въ общемъ одинакова. Въ богатыхъ домахъ имѣется еще болѣе чистая изба — горница; сѣнями она соединяется съ общей избою. Въ каждомъ селѣ имѣется «земская квартира» («хватера») для лицъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службы для «начальниковъ» (синонимъ «чиновниковъ»). Въ нѣкоторыхъ селахъ земскія квартиры представляетъ собою удобныя, спокойныя, чистыя квартиры. Таковы квартиры въ Куналеѣ, въ Н. Заганѣ, въ Никольскомъ. Любопытна обстановка этихъ квартиръ. Тутъ есть стулья, деревянный диванъ, зеркало. Стѣны обязательно украшены большимъ количествомъ лубочныхъ картинъ. Вотъ наприм. картинное собраніе куналейской квартиры. Отъ иконъ непосредственно идутъ картины: избраніе Михаила Ѳедоровича на царство; «Уродилася я, какъ въ поле былинка»; «Машина моему горю причина» (изображаетъ сцены разставанія и одиночества покинутой дѣвушки); подъ этимъ лубкомъ «Варвара великомученица» и «Архистратигъ Михайлъ»; далѣе идутъ картины со сценами изъ великой европейской войны, — картины страшныя, залитыя красной и желтой краской (кровью и огнемъ); среди этихъ картинъ помѣщенъ образъ великомуч. Екатерины; недалеко налѣплена «Счастливая минута» (онъ и она въ подвѣчныхъ костюмахъ наединѣ) и много другихъ. Такой же составъ картинъ и въ другихъ квартирахъ. Въ н.-заганской квартирѣ подборъ картинъ нѣсколько иной: развѣшаны виды Иркутска и Владивостока, портреты офицеровъ (-хозяинъ был на военной службѣ в Иркутске). «Сестра Беатрисса»; неподалеку отъ нея пожилая кокотка съ полубоженнымъ бюстомъ и гитарой, «Похождения шута Балакирева» и нѣк. др. На столикѣ стоитъ будильникъ и «гармафончикъ»; имѣется и альбомъ для открытыхъ писемъ, съ большимъ количествомъ открытокъ въ томъ числѣ и амурныхъ («Віѣдностъ goskoszna» и др.). Въ каждомъ домѣ имѣется самоваръ. Чай пить семейскіе теперь любятъ. Уже утратила свое значеніе ихъ поговорка «Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаенъ». Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ семейскіе старики и старухи блюли это изреченіе. Вѣроятно, нѣкоторые строгіе старики и теперь еще воздерживаются ротъ чая. Вѣдь это изреченіе находилось въ связи съ тѣмъ, чему учили ихъ справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчаеся симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѣма». Сдѣлана ссылка на «Книгу Іоанна Назарея архієпискупа антїохійскаго, глава 20, л. 70». Такъ поучается въ старообрядческомъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь находящемся въ б-кѣ Иркут. Дух. Семинаріи, XLV 1797, л. 86)¹.

Дворъ у семейскихъ съ различными надворными постройками раздѣленъ на 2(обычно) или на 3 части. За дворомъ находится гумно, часть котораго занимаетъ «ладонь» (токъ): тутъ хлѣбъ молотятъ машинами или «молотилами». За гумномъ идетъ огородъ. На широкихъ грядахъ съ толстымъ пластомъ навоза («назъму») въ четыре ряда сдѣланы углубленія («лунки»), а въ нихъ посажены огурцы, капуста, брюква («бруква»). Зеленѣетъ на грядахъ также картофель («бульба»), «бутунъ», чеснокъ, морковь. Много труда кладутъ женщины у семейскихъ на свои огороды: по разу или по два раза въ день онѣ поливаютъ огородныя гряды. А воды приходится таскать во многихъ мѣстахъ изъ-подъ горы или изъ колодцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ позволили географическія условія, проведены каналы. Такъ, въ Тарбагатаѣ двѣ каналы орошаютъ огороды. Одну каналу, въ нижней

¹ Вслѣдствие типографскихъ затрудненій въ передачѣ рукописей опущены надписные значки и раскрыты титла.

I. Общий раздел

части села, провести легко было. Зато не мало труда положили тарбагатайцы на проведение канавы въ верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга в этомъ отношеніи принадлежит дядѣ Ивану, настоявшему провести въ прошломъ году канаву на протяженіи версть 6. Отъ этой канавы проведены рукава въ отдѣльные огороды. Иногда дядя Иванъ закрываетъ главную канаву у ея устья, и потокъ устремляется по самой улицѣ для освѣженія, «для воздуха». Дядя Иванъ — старикъ лѣтъ 70 съ лишнимъ, высокій, съ длинной сѣдой бородой, съ коротко остриженными волосами на головѣ. Зимой и лѣтомъ онъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюме: безъ шапки, въ короткой курмушкѣ, въ ичигахъ, съ палкою въ рукѣ. Всѣ его помышленія въ прошломъ и въ этомъ году были устремлены на канаву. Спитъ и видитъ он ее. Иногда вскочетъ ночью и спросонья кричить: «Ай, канава, канава прорвалась!». — Што ты, вѣдь ты въ избѣ, — проворчить старуха, и дядя Иванъ успокоится и заснетъ. За заботливость, которую дядя Иванъ выражаетъ и дѣломъ и еще больше словомъ, громкой руганью за непослушаніе, его прозвали въ сѣле комиссаромъ. — Въ Тарбагатаѣ проведены канавы и по «сѣнокосу»: водой ея поливають траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится по-черному; но имѣются бани съ трубами.

Въ каждомъ селѣ, около казенныхъ (с гласнымъ *e* послѣ *з*, а не *ё*) амбаровъ, находятся общественныя сушила для просушки хлѣба. Это покатыя помосты на четырехъ невысокихъ столбахъ: 2 столба по 2 ¹/₂ арш., другія два по 2 арш. Покать сдѣланъ на югъ. Имѣются и частныя сушила.

Села семейскихъ по количеству домохозяевъ и населенія представляютъ собою большія русскія села съ главной улицей, протянувшейся въ нѣкоторыхъ селахъ на нѣсколько версть. Вотъ цифры домохозяевъ и населенія къ началу 1919 г. В Тарбагатаѣ 539 дворовъ; изъ нихъ 14 единовѣрческихъ, 60 православныхъ («сибирскихъ»), 465 старообрядческихъ. Число населенія 3391. Въ Пестеревѣ старообрядцевъ всего 60 человекъ (всего здѣсь жителей 1279). Въ Куналеѣ 860 домохозяевъ; изъ нихъ 3 нестарообрядческихъ. Общее число жителей 4808. Въ Десятниковой 396 дворовъ; изъ нихъ старообрядческихъ 26. Число населенія 2096. Въ Надѣиной 290 домохозяевъ при 1606 человекъ населенія; изъ нихъ старообрядцевъ-поповцевъ 1196, безпоповцевъ 218, «сибиряковъ» 193. Въ Куйтунѣ 768 домохозяевъ при 4572 жителяхъ; старообрядческихъ 618 дворовъ при 3708 человекъ (изъ нихъ бѣлокринійцевъ 30 дворовъ и дворовъ 5 безпоповцевъ). Въ Старой и Новой Бряни 570 дворовъ при 4385 жителяхъ. Старообрядческихъ дворовъ 415 (въ Н.Бряни 378, въ Ст.Бряни 37). Въ Бурнашевкѣ 183 домохозяина при 1068 человекъ населенія; старообрядцамъ принадлежатъ 80 дворовъ. Въ Нижне-Талецкомъ жителей 654 человекъ, изъ коихъ 359 старообрядцевъ. Въ Нижней Жиримѣ 240 домохозяевъ; изъ нихъ 40 принадлежатъ безпоповцамъ-поморцамъ, столько же безпоповцамъ вообще, 115 поповцамъ. Всего здѣсь старообрядцевъ 1118 человекъ. Въ Верхней Жиримѣ 106 дворовъ, изъ коихъ 18 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 632 человекъ. Въ Мухоршибири 360 домохозяевъ; изъ нихъ старообрядческихъ 180. Общее количество населенія 2409 человекъ. Въ Н. Заганѣ 342 двора при 2350 жителяхъ; нестарообрядческихъ дворовъ здѣсь 10. Въ Шеролдаѣ 470 домохозяевъ, изъ которыхъ 70 нестарообрядческихъ. Число душъ мужск. п. 1530, женскихъ нѣсколько больше. Въ Гашеѣ 104 двора; изъ нихъ 2 нестарообр. Населеніе 577 человекъ. Въ Бичурѣ 1113 домохо-

заявь и около 7000 человекъ населенія. Въ Харашибири 380 дворовъ, изъ которыхъ старообрядцамъ принадлежать 7; число жителей 2586. Въ Хонголоѣ 696 домохозяевъ при 4287 человекъ населенія. 170 дворовъ принадлежать православному. Старообрядцевъ безпоповцевъ дворовъ 3004 прочіе — поповцы, въ числѣ которыхъ имѣются необщинники и общинники (дворовъ 50, имѣютъ свою церковь). Въ Никольскомъ 640 дворов, ихъ которыхъ только 6 старообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 1052 человекъ муж.п. и приблизительно столько же женскаго. — Цыфровыми данными на 1919 годъ для другихъ селъ я не располагаю. По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ «Обзорѣ Забайк. Области» за 1908, 1909, 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческаго населенія, или на официальномъ языкѣ, раскольниковъ, опредѣляется такими цифрами. Въ 1909 г. по всей Забайкальской области старообрядцевъ было 54587 человекъ (27678 муж. и 26909 жен.); изъ нихъ 94,9% находилось въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ (51820). По сравненію съ 1908 г. населеніе увеличилось на 191. Въ 1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцевъ (38025 мужчинъ и 36532 жен.); изъ нихъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 95, 7 % (71327). Что-то очень великъ выходитъ приростъ населенія въ теченіе одного года: на 19970 человекъ! Процентъ прироста старообрядческаго населенія очень внушительный. Прослѣдимъ нѣсколько цыфровыхъ данныхъ для одного села Бичуры. По архивнымъ даннымъ (Урлущаго и Бичурскаго архивовъ), въ 1808 г.¹ въ Бичурѣ было 610 душъ об.п. (м. 300, ж.310). На слѣдующій годъ показана цыфра бичурскаго населенія 652. Въ 1825 г. Бичура имѣла 614 м и 584 ж; изъ нихъ старообрядцевъ 530 м. и 539 ж. (всего 1069). Въ 1830 г. старообрядцевъ 619 м. и 657 ж. (правосл. 101 м. и 50 ж). Въ 1860 г. — 1178 м и 1258 ж. (всего 2436). Правосл. 172 м. 102 ж.; единовѣрцевъ — 25 м., 30 ж. Итакъ, съ 1808 г. до 1830 г. старообрядческое населеніе въ Бичурѣ увеличилось вдвое (610,1276). За слѣдующія 30 лѣтъросло населенія еще вдвое. За послѣднія 58 лѣтъ, к 1919 г., бичурское населеніе увеличилось больше, чѣмъ в 2 1/2 раза. За 110 лѣтъ с 1808 до 1919 г. населеніе тамъ возросло до 7000 человекъ, т. е. увеличилось въ 11,3 раза. Домовъ въ Бичурѣ въ 1825 г. показано 150; къ этому надо присоединить домовъ 30 старообрядческихъ. Къ 1919 г. тамъ было 1113 домохозяевъ.

Мы располагаемъ свѣдѣніями о количествѣ дворовъ (семействъ) старообрядцевъ, относящимися еще къ болѣе раннему времени, къ первымъ годамъ ихъ жизни въ Забайкальѣ. Именно П.С. Палласъ, путешествуя по Сибири, объѣздилъ и Забайкальѣ (въ апрѣлѣ — іюнѣ 1772 г.). Онъ побывалъ и въ селахъ, гдѣ лѣтъ 6 тому назадъ, по его свѣдѣніямъ, поселились «польскіе колонисты», т. е. предки нашихъ семейскихъ, пришедшіе изъ Польши, и записалъ количество ихъ дворовъ въ той или иной деревнѣ. Такъ, въ Тарбагатаѣ было тогда 10 дворовъ (теперь 479), въ Хонголоѣ 28 (теперь 526), в Куйтунѣ 50 (теперь 618). Всего въ Тарбагатайскомъ окружіи, куда входили между прочимъ села Бурнашевка, Пестерева, Куйтунъ, Куналей, Брянь, число «новопоселенныхъ колонистовъ» Палласъ опредѣляетъ цыфрой 466².

¹ Цыфровыя данныя архивовъ извлечены изъ цитир. статьи П. А. Ровинскаго. С. 125–132.

² Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen der Ruzsischen Reichs. III. St. Ptb. 1776, стр. 160, 165, 168, 257, 258.

I. Общий раздел

Семейскіе — народъ рослый, здоровый, красивый. Нерѣдки старики и старухи 80-90 лѣтъ. Но молодое поколѣніе уже мельчаетъ. По цвѣту кожи и волосъ отмѣтимъ следующее. На-ряду съ великорусскимъ свѣтлымъ типомъ встрѣчаются и смуглолицыя, съ большими карими глазами. «Смотри, какіе мы чумазые», — замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ в Тарбагатаѣ. «Вѣрно, повелось такъ отъ хохловъ, когда дѣды наши въ Польшѣ жили»¹. Брадобритіе какъ душегубительный грѣхъ, строжайше воспрещается. Вернушіеся съ военной службы епитиміей и поканіемъ обязаны очистить свой грѣхъ невольной мерзости брадобритія. Воспрещается подходить къ кресту и къ иконамъ, пока не изгладятся слѣды богомерзкаго скобленія, — слѣды «блудолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати браду» (отъ Потребника печати Іосифа патріарха, л.443). До сихъ поръ еще блудутся настойчивыя и суровыя осужденія этой римской папской ереси (см. ниже).

Костюмъ женщины сохраняется издавна. Вотъ «обрядъ» замужней женщины. На головѣ *кичка*, сшитая изъ стеганой матеріи; имѣется видъ шляпы безъ полей, болѣе высокой спереди и нѣсколько понижающейся къ затылку. Передняя часть кички снизу имѣетъ неширокую полосу, вышитую бисеромъ. Но носятъ кички и безъ бисера. Молодухи вмѣсто бисерной полоски оторачиваютъ кичку снизу кучерями (кучери) — каймой изъ закругленныхъ гусиныхъ перышекъ. По затылку спущенъ назатыльникъ, шитый позументомъ. (Надѣвается въ праздничные дни и то не всеми). Кичка покрыта шалью такъ, что два конца перевязываются спереди на кичкѣ и прячутся книзу; два другіе конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилыя женщины перевязываютъ покрытую кичку свернутымъ платкомъ: накладываютъ подъ подбородокъ, а концы завязываютъ на головѣ. Въ праздничные дни, въ торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ кокошникъ. Онъ имѣетъ видъ широкой туфли, шитой золотомъ или позументомъ. Онъ надѣвается на кичку и по бокамъ покрывается платкомъ (шалью). Кокошникъ старообрядческой женщины на Чикоѣ отличается отъ вышеописаннаго болѣе высокимъ и угловатымъ покроемъ (см. на снимкѣ). Теперь кокошникъ надѣваютъ рѣдко. Я не видѣлъ ни одной женщины въ кокошникѣ. Съ видомъ и устройствомъ его я познакомился только разсматривая женскій «обрядъ, хранящійся в сундукахъ». Раньше обязательно, а теперь рѣдко, къ вѣнчанію молодая готовяла кокошникъ; попъ въ церкви освящалъ его, возлагая на престолъ. Цвѣтная (обычно не узорами) рубашка съ глухимъ воротникомъ. Цвѣтъ рубашки разный: синій, красный, желтый. Цвѣтъ ея не совпадаетъ съ цвѣтомъ сарафана. Рукава доходятъ до кисти руки. По плечамъ и около локтя могутъ быть неширокія нашивки. Сарафанъ цвѣтной, яркаго цвета, съ большими рѣзкими цвѣтными узорами (обычно въ видѣ піоновъ и т. под. Крупныхъ цвѣтовъ). Внизу сарафана нашита цвѣтная полоска, рѣзко отличающаяся по цвѣту отъ сарафана. Могутъ быть и двѣ полоски, но по цвѣту разныя: вотъ лиловатый сарафанъ; по нему двѣ полоски: красная и повыше малиновая. Сарафанъ опоясывается самотканымъ поясомъ. Узоръ пестрый, съ геометрическими фигурами. Сотканъ поясъ великолѣпно. — Такіе же пояса носятъ парни. — Сбоку подвязанъ вышитый карманъ. Впрочемъ теперь его носятъ редко. Фартукъ («запонъ») цвѣтной (иного цвѣта по

¹ Цыфровыя данныя антропологическихъ измѣреній см. въ брошюрѣ Ю. Галько-Грынцевича «К антропологии великороссовъ». Томскъ. 1898. — К сожалѣнію, количество субъектовъ, имѣ обмѣренныхъ, незначительно.

сравненію съ цветомъ рубашки и сарафана) покрываетъ переднюю часть сарафана и доходить до половины груди. Шнуромъ онъ держится на шеѣ, а на таліи онъ скрѣпляется также шнуромъ или тесьмой. Бусы украшаютъ грудь. Шнурокъ съ крестомъ надѣтъ также поверхъ рубахи. Крестъ всегда спрятанъ подъ фартукъ. На ногахъ сапоги съ широкими подборами. Смотря по погодѣ, надѣваютъ курмушку или халатикъ Курмушка или курма — короткая одежда въ родѣ жилета съ клиньями. Шьется изъ плиса. Халатикъ доходитъ до колѣнъ. Онъ набрасывается на плечи, надѣтъ «на-распашку». Когда же идти въ церковь, полагается надѣтъ его на-рукава. Въ теплую погоду вмѣсто халатика покрываются длиннымъ платкомъ: двумя концами онъ стягивается подъ подбородкомъ, а всею прочею частью (не сложенной вдвое) спускается съ головы назадъ. На пальцахъ носятъ кольца. У старухъ (немногихъ) я видѣлъ на рукѣ мѣдный браслетъ («брушлетъ»). По объясненію одной старушки, браслеты носятъ будто бы для облегченія рукъ при жатвѣ (с.Никольское)

Дѣвушкамъ кички носить, конечно, не полагается. Вмѣсто нея онѣ носятъ головныя повязки, иногда съ жемчужными привѣсками. Такой уборъ отмѣчаетъ Ю.Д. Талько-Грынчевичъ на югѣ¹. Головную повязку съ рясами указывалъ въ 70-хъ г.г. и П.А.Ровинскій. Но я такой повязки въ посѣщенныхъ мною селахъ не встрѣчалъ. Я замѣтилъ лишь, что дѣвушки надѣваютъ головную повязку, когда онѣ идутъ в церковь (с.Никольское). Ни одной дѣвушки и дѣвочки безъ повязки я не виделъ въ церкви. Повязка представляетъ слѣдующее: картонъ, вырѣзанный въ формѣ серповиднаго кокошника, обертывается платкомъ (шалью, концы котораго перевязываются на затылкѣ и спускаются книзу. «Они при бумашки», говорятъ о дѣвушкѣ съ такой повязкой. Грудь у дѣвушки въ изобиліи украшена бусами (см. снимокъ).

Рубаха мужчины обычная великорусская. Въ рубахахъ стариковъ замѣтилъ слѣдующее отличіе: воротника почти нѣтъ: онъ замѣненъ узенькой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются изъ покупной матеріи. Но носятъ рубахи и ихъ самотканаго холста, окрашеннаго въ синюю краску. Изъ такого же холста шьютъ и штаны. Покрой штановъ: очень широкіе, с напускомъ. Молодежь уже шьетъ узкіе штаны. На ногахъ обычно ичиги, иногда самоги. На головѣ носятъ небольшую валяную шляпу. Встрѣчаются молодые мужики и ребята съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. На рубаху, смотря по погодѣ, надѣваютъ поддевку или курму(курмушку). Поддевка короткая, недоходящая до колѣнъ. Курма или курмушка имѣетъ такой же покрой, какъ у бабъ. На югѣ, в глухихъ мѣстахъ, молодежь носить куртки со стоячимъ воротникомъ, съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ лацканами. Поддевка, курма и куртикъ сшиты изъ плиса. Молодежи не строго держится стараго покроя платья: носятъ пиджаки, картузы. Когда идутъ въ церковь или въ моленную, надѣваютъ обязательно халатъ. Въ халатѣ стоятъ въ церкви и старики, и парни, и ребятишки.

Исключительное занятіе семейскаго — земледѣліе. Въ обработкѣ поля онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нѣтъ ни одной полоски удобной земли, которую онъ тщательно не приспособилъ бы для посѣва, хотя и не всегда получаетъ вознагражденіе за свои труды, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій.

¹ «Семейскіе (старообрядцы) в Забайкальѣ». Протоколъ Троицкавско-кяхтинскаго Отдѣленія Приамур. отд. Р. Г. об-ва. № 2(1894). С. 28.

I. Общий раздел

Пашню — парь семейскій обязательно троить; двоить рѣдко. «Два раза вспашешь, — 2 хлѣба возмешь. Три раза вспашешь, — 3 хлѣба возмешь». Пашутъ не только мужчины, но и бабы и дѣвки: «работники дороги».

Трудолюбіе семейскихъ и результаты его были отмѣчаемы съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ поселенія в Забайкальѣ. Въ 1772 году Палласъ обращаетъ особое вниманіе на «большой трудъ и прилежаніе» и на «чрезвычайный успѣхъ» «польскихъ колонистовъ». Онъ же описываетъ и нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни забайкальскихъ старообрядцевъ (см. ниже). Въ 20 хъ гг. прошлаго столѣтія с. Тарбагатай посѣтилъ А. Мартосъ и въ своихъ «Письмахъ о восточной Сибири» (М., 1827. С. 115) отмѣчаетъ у семейскихъ «страсть к землепашеству», «неутомимое прилежаніе, дѣятельность». Такіе же отзывы о нихъ оставили и декабристы, проходившіе черезъ старообрядческія села въ Петровскій заводъ. «Все у нихъ [у тарбагатайскихъ старообрядцевъ] соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы — все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». Такъ отзывался о нихъ декабрист А. Е. Розень¹. Такъ же характеризуются семейскіе и въ послѣдующее время. «Крѣпкий физически и нравственно, семейскій мужественно ведетъ борьбу съ природой: разрубаетъ лѣса, осушаетъ болота и обращаетъ ихъ въ плодородныя нивы и тучныя луга; по общему отзыву, семейскимъ главнымъ образомъ весь верхнеудинскій округъ обязанъ благосостояніемъ». Такъ писалъ въ 1871 г. П. А. Ровинскій². Большое культурное значеніе семейскихъ для Забайкалья отмѣчаетъ и официальный отзывъ о нихъ: «Особенно важное значеніе для края имѣло появленіе въ Забайкальѣ на жительство раскольниковъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «семейскихъ», поселившихся въ Верхнеудинскомъ округѣ». Такъ говорится о семейскихъ въ «Приложеніи къ Всеподданѣйшему Отчету Воен. Губ. Забайк. Области»³.

Какъ живетъ старообрядческое населеніе? Какія болѣсти и чаянія его?

Прежде всего въ каждомъ селѣ отъ cadaго собесѣдника я слышала неизбѣжную жалобу на недостатокъ земли. Отъ старика и старухи до парнишки всѣ в одинъ голосъ вопили: земли мало, земли дайте, хлѣба недостаетъ, сѣна не хватаетъ. И эти вопли не жадность семейскихъ. Съ землей обстоитъ у нихъ дѣло не благополучно. Посѣвная площадь недостаточна. На душу приходится отъ 2–2 ¹/₃ до 5 (рѣдко) десятинъ. Такъ, напр., въ Билютомъ (Окино-Ключевской вол.) по офиц. Даннымъ 1914 г., пахатной земли 711 десятинъ, число мужскихъ душъ 452. Въ Урлукѣ 4289 десятинъ при 3203 муж. душъ. Сравните въ «Спискѣ населенныхъ мѣст въ Забайк. области», находящемся въ «Памятной книжкѣ Забайкальской Области на 1914 г.» (Чита 1914). Къ тому же, то холодъ повредитъ урожаю, то градъ выбьетъ, то «кобылка» поѣстъ. Въ с.Тарбагатаѣ и Куналеѣ уже 2 года, какъ нѣтъ урожая. А въ с. Хараузѣ ежегодно, кажется, недостаетъ своего хлѣба. Кормятся хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ селъ съ Хилка, главнымъ образомъ изъ Бичуры. Въ послѣднее время на деньги тамъ не хотятъ продавать хлѣбъ: обмѣниваютъ на женскіе наряды. Недостатокъ надѣльной земли заставляетъ крестьянъ арендовать землю у бурятъ. Арендная плата въ этомъ году 80–120 р. за десятину. Бываютъ и инныя условія: крестьянинъ обязывается вспахать и

¹ Записи барона А. Е. Розена // Отеч. записки. 1876. № 4. С. 412.

² Изв. Сиб. отд. Р. Г. об-ва. Т. III. № 3. С. 122–123.

³ Обзоръ Забайк. области за 1881. С. 3.

засѣять своими сѣменами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому раздѣлить пополамъ съ владѣльцемъ земли («сѣить съ половиною»). Но не каждому крестьянину буряты сдаютъ землю. Нѣкоторымъ они отказываютъ по камимъ-нибудь соображениямъ... «Любить, шtbody кланялись ему. Заламаецца, а ты просишь ево: талаша, дай землицы». «Они — наши помѣшшыки», — обычно говорятъ тамошніе крестьяне и выражаютъ весьма энергичныя претензіи завладѣть частью бурятской земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была назначена особая комиссія, которой произведенъ былъ осмотръ бурятской земли и намѣчены были участки для передачи крестьянамъ. «Хлопочимъ, но наша сила у тукъ нейдѣтъ». Пока семейскіе ожидаютъ законнаго общаго перѣдела земли, не хотятъ «итить на силокъ, нахратомъ брать». Но это терпѣніе не прочно. При переживаемомъ безвременьи эти претензіи могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Не претендуетъ на бурятскую землю только населеніе Харауза, — и то потому, что эта земля далеко отъ нихъ. Но у хараузцевъ въ теченіе 40 лѣтъ идетъ споръ съ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго изъ-за покосной площади. Отвѣтъ на свои жалобы хараузцы получали отъ властей слѣдующій: «Право на спорную площадь покоса принадлежитъ вамъ; — жалуйтесь», А жаловавшимся никольцамъ тѣ же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мнѣ много документовъ, оправдывающихъ ихъ претензіи. Въ областномъ земельномъ комитетѣ обѣщали рѣшить этотъ вопросъ къ концу іюля. Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи жалобы хараузцевъ послѣдніе непрочь прибѣгнуть къ оружію и «на-грудки лѣзть». Не благополучно обстоитъ дѣло съ сѣнокосами и выпасомъ и въ другихъ селахъ. Въ особенности тяжело приходится заганцамъ. У нихъ есть небольшой участокъ подъ покосъ. До 1 іюня ст.ст. скотъ пасется тамъ. Но съ 1 го іюня покосъ запираютъ, и скоту пастись совершенно негдѣ. Остается только болото у села, куда рискуютъ залѣзть однѣ свиньи.

Молодой скотъ семейскіе сдаютъ на пастбище бурятамъ за извѣстное вознагражденіе. Получаютъ скотъ обратно не безъ урона. Отдавать молодой скотъ на лѣтнюю кормежку бурятамъ издавна практикуется тамъ. Такъ дѣлали уже въ 70 хъ г.г. XVIII-го в.: указаніе на это имѣется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дѣла по хозяйству, семейскіе ходятъ на заработки на желѣзнодорожныя станціи или на пріиска (на Олекму, на Зею). Много уходитъ на заработки изъ сель Харуза, Никольскаго, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и нѣкоторыхъ другихъ. По пріискамъ давно уже ходятъ. Въ 1882 г., напр. ушло изъ Мухоршибири 780 человекъ¹. На пріискахъ теряютъ нерѣдко здоровье и жизнь. Тѣ, кто не забалуется на чужой сторонѣ, возвращаются домой съ деньжонками. Удастся не только поправить дѣла по хозяйству, но и скопить небольшой «капитуль». — «Ну, и раздуль кадила» — говорятъ о разбогатѣвшемъ.

Затруднительное положеніе у себя на родинѣ, принуждаетъ семейскихъ искать болѣе свободныхъ земель и переселяться. Тянутся на Амуръ. На Троицу изъ Мухоршибири направилось туда 10 семей.

Другое обстоятельство, угнетающее семейскихъ, — это современная неурядица. «Будетъ ли порядокъ?» — опять неизмѣнный вопросъ задававшійся мнѣ на каждомъ шагѣ мудиками. «Видно намъ не дожить до порядку!» — меланхолично

¹ «Сибирь». 1882. № 5.

I. Общий раздел

замѣчали, вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроеніе мобилизованныхъ. Семейскіе, какъ, повидимому, и прочіе тамошніе крестьяне, не понимаютъ значенія борьбы съ большевиками. «Богъ вѣсть, зашто народъ убиваютъ! Партіи борются, а народъ пошто мѣшаютъ?» — Это замѣчаніе не разъ приходилось слышать въ деревнѣ. «Будь порядокъ, мы солдатъ дадимъ. Какъ можно безъ войскъ? Никакъ нельзя. А теперь парней взяли, а тамъ ихъ смущаютъ, — говорятъ: вы не идите за Кульчука, и тащутъ на другую сторону. Иные на свою сторону манютъ. А наши парни глупые, — мы народъ темный, — боятца: возьметъ верхъ другая «партія» и будетъ наказывать солдатъ, — вотъ бѣгутъ и бѣгутъ. Насъ стариковъ наказываютъ, а мы што съ парнями подѣлаемъ: оны намъ на глаза не показываются».

Очень беспокоятъ семейскихъ недоразумѣнія въ средѣ нашихъ союзниковъ. Первый большой вопросъ, предложенный мнѣ въ Тарбагатаѣ, былъ такой: «А какъ на-шшт войны Америки съ Японіей?» — «Какой войны?» — переспрашиваю я. «А въ Удинскимъ на Березовкѣ, ужъ окопы вырыты». Этотъ вопросъ мне задавали въ каждомъ селѣ. С перваго разу меня считали въ селѣ, куда я пріѣзжалъ, за американца и относились благожелательно. «Маланья! Пошло сходи собираютъ?» — кричитъ одна баба другой (въ Хонхолоѣ). «Американецъ пріѣхалъ, подписи брать, на чей мы сторонѣ» — отвѣчаетъ та. «Американецъ», т. е. я, сидѣлъ около одной изъ этихъ бабъ и мирно бесѣдовалъ объ огородахъ. «А зачѣмъ японцы недавно пріезжали и планы снимали?» — освѣдомляются у меня въ Хараузѣ собравшіеся въ волости старики.

И ещѣ постоянныя жалобы сельскихъ обывателей: подати не по силамъ. 40–42 рубля съ души земскихъ налоговъ; кромѣ того волостныя подати, а тутъ еще у некоторыхъ подоходный налогъ: 100–300 рублей на домохозяина. Гдѣ намъ взять такія деньги? Эвонъ дядя Хома, — одинъ, сынъ въ солдатахъ, у самого ноги болятъ, а подоходный налогъ плати, — 100 рублей. Хорошо, если можно хлѣба продать. А мы его сами покупаемъ (въ Тарбагатаѣ, Куналеѣ, Хараузѣ). Нынче правительство не народное. — Почему? — А зачѣмъ оно противъ народу. — Чѣмъ? — Податями. Слѣдовало далѣе перечисленіе податныхъ тяготъ.

Мѣстные представители власти, чины милиціи отчасти способствуютъ успокоенію, но только отчасти. Изъ положительныхъ сторонъ ея дѣятельности надо указать на энергичное преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ. Это сознаютъ и крестьяне. Но не меньше и жалобъ на милицію. Она заводитъ кумовство съ преступными элементами, потворствуетъ имъ, не отзываясь на обиды чинимыя ими, пьянствуетъ. «Какой это начальникъ! Вчера стоялъ подъ березкой и грабилъ, а теперь милиція», — во всеуслышаніе раздавалось по селу. Вообще въ такой аттестации милиціи въ селахъ не стеснялись, и громче всѣхъ выражалось недовольство со стороны «женскаго полку». Въ селѣ Никольскомъ рассказывали, какъ отыскивали оружіе у одного богатого мужика: избили до полусмерти, въ ротъ навозъ («назѣмъ») забивали; довели до того, что бѣдняга разумомъ повредился. А пьянство до того доходитъ, что одинъ милиціонеръ арестовываетъ другого; бываетъ, что младшій сажаетъ подъ арестъ старшаго. Единственное сдерживающее начало для сельской милиціи — уѣздный начальникъ, страхъ передъ которымъ кое-въ чемъ останавливаетъ блюстителей порядка.

Отношеніе къ «большевизнѣ» сочувственное. Эти села только слышали программныя рѣчи большевиковъ и видѣли ихъ бѣгущими послѣ своего паденія. По

мѣстамъ съ благодарностью вспоминають, что большевики разрѣшили воспользоваться крестьянамъ спорной бурятской землей. Вернушіеся военноплѣнные своими разсказами о голодающихъ деревняхъ Европейской Россіи нѣсколько поколебали надежды на большевицкое благополучіе.

Вотъ нѣкоторые факты для представленія о политическомъ «умонастроеніи» семейскихъ. Но изъ этихъ фактовъ невозможно сдѣлать опредѣленнаго заключенія о политическихъ тенденціяхъ семейскихъ. Могу лишь еще замѣтить, что ихъ весьма беспокоитъ отсутствіе главы государства, — отсутствіе «хозяина». Кого бы они желали видѣть хозяиномъ, президента или монарха? Этотъ вопросъ, боясь быть заподозрѣннымъ, я избѣгалъ предлагать. Но нерѣдко въ разговорѣ со стариками для меня представлялось, что этотъ вопросъ они рѣшили-бы такимъ образомъ: хорошо-бы если-бы тамъ, гдѣ-то вверху, сидѣлъ царь, — сталъ бы порядокъ въ государствѣ, а поближе къ намъ, къ народу, правителями были бы большевики или вродѣ нихъ. Въ Тарбагатаѣ мнѣ передавалъ старикъ, какъ одинъ старообрядецъ, ученый человѣкъ, дивно начитанный, говорилъ, что въ Учредительномъ Собраніи будутъ выбирать хозяина земли русской по писанію; а писаніе укажетъ-ле, что долженъ быть царь.

Семейскій — трудолюбивый земледѣлецъ. Все, что выходитъ изъ традиционныхъ рамокъ обрабатыванія земли, мало привлекаетъ его вниманіе, если не затрагиваетъ его жизненныхъ интересовъ. «Мы народъ глупый, темный, необразованный, — знаешь — семейщина» и т. п. выраженіями аттестуютъ себя семейскіе. — Нѣтъ, говоришь имъ, — народъ вы не глупый, сметливый, но, что правда, — народъ темный. Школьное дѣло въ селахъ семейскихъ стоитъ на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у нихъ нѣтъ. Грамотнаго человѣка въ селѣ не легко найти. Если найдешь, то окажется, что грамотѣ он обучился на военной службѣ. Въ 7 волостяхъ, посѣщенныхъ мною, я не встрѣтилъ ни одного грамотнаго предсѣдателя. Въ огромномъ сѣле Куналеѣ при моемъ приездѣ не было секретаря (писаря). Уже съ недѣлю какъ ушелъ. За это время набралось много казенныхъ пакетовъ въ волости. Можетъ быть, тамъ были и срочныя дѣла. Кто ихъ знаетъ. Новаго секретаря, который прочиталъ бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственнымъ мѣстнымъ источникомъ мудрости является уставшыкъ (уставщикъ) или справшыкъ. Онъ обучаетъ кое кого изъ ребятъ церковно-славянской грамотѣ, чтобы они могли, лѣтъ черезъ 5 обученія, прочитать на «клыросѣ» часы, шестопсалміе или кануны. Къ обученію же гражданской грамотѣ уставщики относятся недоброделательно и тормозятъ дѣло народнаго образованія. Они рѣшительно возстаютъ противъ открытія школъ, угрожая отлученіемъ отъ общины. — «Не буду хоронить, не пушу въ церковь, въ молитвенный домъ», грозно заявляетъ уставщикъ своему послушному темному стаду. Въ минувшемъ году былъ сѣздъ уставщиковъ, и на этомъ сѣздѣ было поставлено ими: «школы не открывать». Забыто или обойдено изреченіе изъ словъ Іоанна Златоуста, которое имѣется въ ихъ старообрядческихъ сборникахъ: «Сладостень убо цвѣтникъ и рай; много же сладостнѣе книжное прочитаніе и разумъ». Уставщики страшное зло въ семейскихъ обществахъ. Эти мракобѣсы губятъ тѣло и душу простаго человѣка, — губятъ произволомъ своей церковной власти. Сами они, бредя по церковнымъ книгамъ, совершенно не разумѣя самаго простаго текста и наивно толкуя его, мнятъ себя непогрѣшимымъ кладяземъ премудрости.

I. Общий раздел

Вот образец глубины и чистоты этого кладязя. Одинъ изъ передовыхъ молодыхъ старообрядцевъ, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, нежелавшего приглашать учителя для ребятъ, вызвалъ его на грамматическій споръ. Тотъ принесъ свои непогрѣшимыя книги. И въ этихъ книгахъ встрѣтилось названіе падежа — родительный, — и числа — множественное. «Что это такое?» — спрашиваетъ молодой старообрядецъ. — Это, — грубо кричитъ во все горло уставщикъ, — это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будетъ значить родительный. — Зимой по старообрядческимъ селамъ Верхнеудинскаго у. проѣзжалъ земскій школьный инструкторъ, самъ старообрядецъ. Всѣ его усилія, всѣ увещанія на основѣ святоотеческихъ писаній оказались напрасны. Тотъ уставщикъ сорвалъ сходъ, другой терроризовалъ стариковъ, запугавъ ихъ муками ада, а тамъ этотъ инструкторъ возбудилъ к себѣ подозрѣніе, какъ отступникъ, служащій въ земствѣ. «Служу в земствѣ» — одного этого было достаточно для того, чтобы тонъ разговора сейчасъ же измѣнился въ худшую сторону. Въ огромномъ селѣ Бичурѣ рѣчь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо намъ этого! Жили мы безъ школы, да цѣлы были». Отрицательное отношеніе къ школѣ вызывается не только внушеніемъ мракобѣсія уставщиковъ, но и подозрительностью семейскихъ, развившеюся на основѣ горькихъ опытовъ прошлаго въ ихъ жизни, — ихъ боязнью, какъ бы не попасться въ ловушку. «Мы боимся, — говорили н.-жиримскіе старообрядцы инструктору, — что насъ обманутъ и насильно потомъ принудятъ къ тому, что намъ не нравится». Школы въ нѣкоторыхъ селахъ существуютъ. Но посѣщаемость ихъ весьма незначительна, и немногіе учащіеся принадлежатъ не къ старообрядцамъ. Изрѣдка встрѣчаются въ школахъ и дѣти послѣднихъ. Состояніе школъ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Населеніе относится къ нимъ безучастно. Вотъ огромное село Бичура. Для здѣшнихъ старообрядцевъ имѣются 2 школы. Но обѣ онѣ влачатъ жалкое существованіе, въ особенности одна изъ нихъ. «Во время моего посѣщенія (въ февралѣ), — сообщаетъ инструкторъ, — въ этой школѣ было только 8 человѣкъ учащихся, дровъ не было ни одного полѣна и печь была совсѣмъ нетопленной. Учительница занималась съ дѣтьми въ шубкѣ, в платкѣ и въ валенкахъ. Дѣти всѣ тоже были одѣты. Къ концу урока руки у дѣтей совсемъ заокоченѣли и они не могли ими писать»

Какъ ни давятъ уставщики, все же нѣкоторые стремятся научить своихъ дѣтей и, минуя школу, отдаютъ ихъ частнымъ, убогимъ учителямъ. Такъ, напр., въ селѣ Надѣинѣ. Въ этомъ селѣ имѣется земская школа, гдѣ обученіе, разумѣется безплатно. И все же въ школѣ всего 6 человѣкъ. Между тѣмъ, у домашнихъ учителей за особую плату обучается около 40 дѣтей и подростковъ.

Нѣкоторыя общества не высказывались рѣшительно противъ школы. Они только хотѣли бы, чтобы школа была въ ихъ духѣ, чтобы посредствомъ школы не навязывалось чужое укладу жизни старообрядца. Любопытно познакомиться съ характеромъ отвѣтовъ, данныхъ инструктору на поставленные имъ вопросы на сходѣ въ с.Шеролдай. Вопр. Какую цѣль ставите школѣ? Отв. Главнымъ образомъ воспитательную; но не отрицаемъ и образовательной. В. Значеніе личности учителя въ дѣлѣ воспитанія? Отв. Учитель — все; нехорошій человѣкъ не можетъ быть учителемъ. В. Допускаете ли возможность присылки или выписки учителя со стороны? Отв. Пока нѣтъ. А дальше будетъ видно. В. Курсы для учителей? Отв. Сами по себѣ такіе курсы желательны. Но вопросъ, — кто ихъ будетъ устраи-

вать. Изъ ответа села Н.-Жиримы. Школа должна научить дѣтей читать и писать русской гражданкой, читать по-церковно-славянски, считать устно, письменно и на счетахъ, любить Бога и Его святой законъ, Учителемъ желаютъ имѣть образованнаго старообрядца. По вопросу о средствахъ для содержанія школы высказались за собственные средства: если прибѣгнуть къ земству, то оно будетъ тогда и завѣдывать школой.

Передъ моимъ приѣздомъ въ с. Хараузъ тамошній сходъ, благодаря усиліямъ одного молодого старообрядца, составилъ приговоръ объ открытіи въ этомъ селѣ земской школы. При этомъ школь предположено 2 учителя: одинъ, назначенный земствомъ, будетъ преподавать церковно-славянское чтеніе и Законъ Божій. Домъ для школы отводитъ одинъ изъ крестьянъ. Содержаніе школы отнесено на счетъ земства. Собиралось обсудить вопросъ о школь и хонхолойское об-во. Находясь въ Мухоршибири, я получилъ изъ Хонхолойской волости срочно пакетъ съ приглашеніемъ приѣхать на сходъ, 9 іюня, «для обсужденія давно назрѣвшаго вопроса объ открытіи училища среди старообрядцевъ и пр.». Но мой путь лежалъ къ югу. Когда, спустя недѣлю, я доѣхалъ до этого села и освѣдомился о школьномъ вопросѣ, то оказалось, что этотъ вопросъ остался открытымъ неизвѣстно до какихъ поръ.

До отъѣзда къ семейскимъ я долго бесѣдовалъ съ инструкторомъ-старообрядцемъ, съ глубокою скорбью рассказывавшимъ мнѣ о темнотѣ своего народа и, казалось, конца онъ не видѣлъ тому мраку и гнили, которые заволокли его собратій. Познакомившись съ ними на мѣстѣ, я не вынесъ впечатлѣнія безысходности. Недовольство, пока скрытое, по поводу запретовъ, налагаемыхъ уставщиками и стариками, широко распространяется среди молодого поколѣнія, — среди мужиковъ и парней. Въ особенности велико значеніе въ этомъ отношеніи, оказанное военной службой и войною. Въ каждой бесѣдѣ, на-ряду съ жалобами на земельныя затрудненія, на неурядицы, шли жалобы на собственную темноту. — Да кто же въ этомъ-то виноватъ? Учились бы! — «Да все старики виновати, — грѣхъ, — говорятъ». «Старики училишша намъ не даютъ». «Старики училишша ни примають». «Отцы-матеря виновати». «Справшыки училишша намъ не даютъ, у церкву пускать не будутъ». «Безъ училишша мы какъ безъ глазъ». Вотъ выраженія, какія я слышалъ отъ молодыхъ мужиковъ и парней. Послѣднее выраженіе принадлежитъ 15лѣтнему парню Антамону. «Да нѣтъ, будетъ ужъ: безъ школы не обойдешься. А то что: идешь по городу, видишь — написано и ничего не понимаешь. Идешь, какъ скотина. А когда въ солдатахъ были. Вѣдь страмъ-то какой: что не старообрядецъ, то неграмотный. Смѣются! Письмо нужно написать, — проси другихъ. Получишь письмо — заставляй читать другого. А въ письмѣ може, прописано: жена убѣжала. Бѣда, паря!». Такъ разсуждаютъ молодые крестьяне. Школа нужна. Темнота связала по рукамъ и по ногамъ. Выражалось и рѣшительное пожеланіе къ скорѣйшему открытію школы. Все это я наблюдалъ въ постоянныхъ собесѣдованіяхъ въ каждомъ селѣ. Земство должно скорѣе прійти на помощь молодому поколѣнію старообрядцевъ и, учитывая особенности ихъ быта и настроенія, открыть хорошія образовательныя школы и курсы. Ждать, пока инициатива выйдетъ отъ общества, напрасно: надо опять-таки не забывать жизненнаго уклада старообрядца: старики и устащики приговоромъ объ открытіи школь составлять не будутъ, а молодое поколѣніе вы-

I. Общий раздел

разить гласно своего протеста не сможет да и не посмѣетъ. Во что бы то ни стало, нужно обуздать мракобѣсіе уставщиковъ: они губяť народную жизнь.

Уставщики возстають не только противъ образованія, но и противъ медицины. Отъ всѣхъ болѣзней тамъ лѣчатъ знахарки. Обратиться къ врачу — большой грѣхъ, по писанію. Тамъ сказано: «О врачахъ. Лучше есть в нездравіи прибывать, нежели ради премѣненія немощи въ нечестія впасти. Аще бо і врачуеъ бѣсъ, бол'ми повредитъ), нежели пол'зова». Такъ говорится въ одномъ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь хранящемся въ Ирк.Дух.Сем.(XLV, 1798). Оспу прививать, конечно, воспрещено¹. Года 4 тому назадъ въ старообрядческихъ селахъ свирѣпствовала эпидемія оспы. Много молодыхъ жизней унесла она. Въ Куналеѣ умерло за одинъ годъ 700 ребятъ, въ Куйтунѣ — 800! Въ каждомъ селѣ вы на каждомъ шагу встрѣтите лица, испещренныя оспой. Не мало слѣпыхъ и одноглазыхъ отъ той же болѣзни. Тифъ, скарлатина также бушуютъ тамъ. Во время моей поѣздки было много больныхъ тифомъ. Въ Тарбагатаѣ имѣется больница. И надо замѣтить что вопреки ругани и анаѣмствованію уставщиковъ больными старообрядцами она посѣщается. Тайкомъ прививаютъ и оспу. Для избѣжанія грѣха записи въ больничную книгу нѣкоторыя записываются не подъ своей фамиліей. Въ этомъ селѣ я жилъ у старика, внукъ котораго болѣлъ тифомъ. Старичекъ-врачъ посѣщаль больного. Пасмурно принималъ его хозяинъ. «Каждый разъ когла уйдетъ докторъ, я молю Бога простить меня за мое прегрѣшеніе, за то, что я дерзнулъ усумниться въ его всемогуществѣ».

Солнце печетъ немилосердно. На огородѣ рыться слишкомъ жарко стало. Иду къ колодцу. Онъ не глубокой. По бокамъ покрытъ льдомъ. Баба несетъ ведръ съ водой пополамъ со льдомъ. — Ледъ то зачѣмъ? — «А мы его въ чашку кладемъ и ребятишкамъ даемъ. Они сосутъ и не плачутъ». Отойдя нѣсколько шаговъ, встрѣтилъ мужика: идетъ къ уставщику: пригласить на похороны своей младшей дѣвочки. Горлушкомъ маялась и померла.

Уставщики не уступятъ добровольно своей власти. Если у старообрядцевъ-поповцевъ, т. е. пріемлющихъ священника «по ихъ волѣ, кто либо заведетъ рѣчь о поискахъ попа, то уставщикъ и его подголоски старики загорланятъ: «Ищи если тебѣ хочется. А намъ попа не нужно».

Въ вопросѣ: како вѣруеши? семейскіе въ разбродѣ. Нѣтъ ни одного села, въ которомъ старообрядцы были бы одного толка. Большинство принадлежитъ къ поповцамъ. Поповцы дѣлятся на общинниковъ, зарегистрировавшихся, какъ община, по законц 1906 г., и необщинниковъ (большинство). Общинниковъ много въ с. Никольскомъ. Эти поповцы, руководимые своимъ умнымъ уставщикомъ, признали общину и нашли себѣ батюшку, престарѣлаго старообрядческаго священника бѣженца изъ Самарской губ. Первый разъ никольскіе общинники слышали свѣтлую заутреню. Слезами обливались отъ радости. Другимъ поповцамъ такого религіознаго подъема испытывать не приходится: вечерню, часы, кануны отправляетъ уставщикъ. Онъ можетъ совершать и нѣкоторыя требы: крещеніе (не

¹ Такъ повсюду у старообрядцевъ. «Не прищеплютъ воспы» и старообрядцы румынской Добруджи. «Повѣрите вы: есть которые уже по 300 и 400 франковъ аменду платили. У острогъ по второму разу идутъ». «Мы, бѣлокриничкіе, подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги» (метрическія). В. Г. Короленко. Очерки и рассказы. Кн. IV. С. 226–234. «Над лиманомъ»).

міропомазаніе), похороны. Вѣнчанія у нихъ тоже нѣтъ: «у насъ блудно сходятца». Лишь спустя нѣсколько лѣтъ, навернется откуда-нибудь батюшка, наложить эпитимію на сошедшихся и повѣнчаетъ. Молодые сходятся иногда воровски безъ согласія старшихъ. Спустя нѣкоторое время, молодые приходятъ къ роднымъ невѣсты, бухаютъ въ ноги священника съ повинной, — происходятъ «простины», сопровождаемая гулянкой. Къ помощи священника отъ общинниковъ поповцевъ, поповцы — необщинники ни въ коемъ случаѣ не прибѣгаютъ: одни другихъ считаютъ заблудившимися еретиками.

Имеѣтся небольшое число семейскихъ, принадлежащихъ къ бѣлокринической епархіи (въ с. Куйтунь).

Безпоповцы нѣсколькихъ толковъ. Старые безпоповцы и новые, бывшіе раньше поповцами; но затѣмъ они отказались принимать бѣглыхъ поповъ. Преніе безпоповцы, безпоповцы поморцы, не сообщаются съ позднѣйшими безпоповцами (с В. Жирима).

Имѣются ещё *темновѣрцы*, самые заскоруждые фанатики: какъ на исчадіе ада смотритъ темновѣрецъ на человѣка не своего толка. «Темновѣрцы у церкви безъ свѣчей; ихъ могилы особъ» (Куналей).

Въ Хонголоѣ мнѣ мне указывали ещё на *песочниковъ*, употребляющихъ при крещеніи песокъ вмѣсто воды.

Въ каждомъ селѣ поповцы и безпоповцы имѣютъ свои молитвенные дома. Въ Никольскомъ у поповцевъ-общинниковъ большая церковь, а у необщинниковъ — часовня. Во время остановки въ Мухоршибири я былъ за вечерней въ пятницу передъ Троицей, т. е. накануне родительской субботы, въ молитвенномъ домѣ у поповцевъ. За вечерней поминали родителей. Небольшое помѣщеніе разделѣно на 2 части. Въ задней части стоятъ женщины, въ передней мужчины. Въ передней же части по бокамъ помѣщаются лѣвый и правый «клыросы». По срединѣ передней части, поближе къ амвону, — аналой, передъ которымъ стоитъ уставщикъ. Къ восточной стѣнѣ ведетъ небольшое возвышеніе, вродѣ амвона. Стѣна уставлена иконами стараго письма. Къ аналою уставщика подходит длинный столъ, уставленный «канунами», — банками меда съ пшеничкой; на каждой банкѣ прилѣплена горящая свѣча. Чтеніе и возгласы уставщика сопровождалась «пѣніемъ то одного, то другого клыроса. Въ опредѣленныхъ частяхъ вечерни происходило чтеніе на клыросѣ. Читали мальчики. Иногда чтецъ былъ бойкій: «читать будто рубить». А иногда чтецъ ошибался. Въ такомъ случаѣ слѣдовала поправка со стороны мужчинъ. Чтецъ: «иже»... — «егоже», вслухъ хоромъ замѣчаютъ ему мужчины. Чтецъ: «свободи»... слышится хоровое замечаніе. «Повтори» — иногда раздавалось со стороны молящихся. Произношеніе при пѣніи очень открытое: вм. *и* слышится почти что *е*: «Господе помелуй..; «ал ле луе ја...». Изъ удареній: удареніе на предлогѣ: *во* имя, *на* небеси, *во*вѣки, *о* бозѣ...» (-Такъ и въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ). Каждый входящій, сотворивъ широко-размашистое крестное знаменіе (двуперстно), дѣлалъ земной поклонъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ и земной поклонъ назадъ, передъ молящимися, отвѣчавшими ему поклономъ головы, и затѣмъ становился на свое мѣсто. У каждаго имѣется подручникъ (подрушникъ) — небольшая подушечка, которую подкладываютъ подъ руки при земныхъ поклонахъ. Въ рукахъ у молящихся *лѣстовки*, — четки изъ кожи (обычно) или изъ бисера (рѣже). Молящіеся должны перебирать пальцами сборки лѣстовокъ и шептать молитвы.

I. Общий раздел

Среди обычныхъ сборокъ выдѣляется нѣсколько большихъ сборокъ: когда дойдутъ пальцы до опредѣленныхъ большихъ сборокъ должно читать положенныя молитвы.

Отстоявъ вечерню, я вышелъ на паперть. «Глянитца тебѣ наша служба?» — спрашиваетъ меня одна баба, выходя изъ моленной. — Если бы женскій полкъ поменьше болталъ за службой, было бы лучше. — «Помяни родителейъ», — обращается ко мнѣ другая баба, подавая крашеное въ луковичномъ отварѣ яйцо. — Спаси Христось, помяну. — За ней съ тѣмъ же подношеніемъ еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встрѣчныхъ семейскихъ.

Въ Никольскомъ я былъ у общинниковъ во всенощной 15 іюня, въ большомъ свѣтломъ храмѣ. Молили Илью пророка о дождѣ. Всенощную служилъ священникъ. Богослуженіе было старинное, уставное. Слабовато справлялись съ своимъ дѣломъ клыросы. Нѣкоторые пѣвчіе ужъ особенно старались о своемъ громгласіи въ значительный ущербъ благозвучію. Чтеніе для молящихся малоразумительное. На другой день была обѣдня. У необщинниковъ богослуженія не было; но въ день молебствія (16) и они не работали. Послѣ обѣдни началось обливание: молодежь обливала каждого встрѣчнаго. — «Обливаютца — дождя ворожуть». Щадили лишь меня да прятавшихся за моей спиной. Дождя давно не было. Вскходы были добрые, но засуха уже стала вредить имъ. Необходимъ былъ дождикъ. Ночью къ душевному успокоенію крестьянъ дождикъ собрался.

Невѣжественные руководители старообрядцевъ, ихъ отцы и наставники, какъ страшнаго грѣха, боятся отступленія отъ мельчайшихъ преданій сиарины. Вся жизнь должна зиждиться на святоотеческихъ книгахъ. Вѣдь тамъ сказано: «аще кто убавитъ или прибавитъ къ тому, яже написахомъ, да будетъ проклятъ». Такія заклинанія въ изобиліи находятся въ старообрядческихъ книгахъ. Не располагая достаточнымъ количествомъ святоотеческихъ книгъ, смѣшивая книги каноническія и не каноническія, базируя часто на послѣднихъ, и главное, не понимая ихъ, давая тексту, чаще безсвязно выхваченному отрывку, грубое и не соответствующее смыслу даннаго текста толкованіе, эти «пастыри» въ гордомъ сознаніи своей праведности шлютъ анафѣему всѣмъ, кто уклонится въ чемъ-нибудь отъ ихъ требованій, — уклонится хотя бы въ томъ направленіи, чтобы приблизиться къ преданію своихъ предковъ, затемненному невѣжественностью уставщиковъ. Одинъ здравый старообрядецъ поднялъ голосъ за то, чтобы вести метрическія записи. Вѣдь это не грѣхъ. Насъ въ наказаніе лишили русскія власти права вести метрическія книги. «Возстановимъ это наше старое право!» Да будетъ проклятъ, кто поведетъ метрическія записи: это будетъ походить на никоніанскую церковь! Ересь! — Такова была резолюція на предложеніе «заблудшагося старообрядца. Незадолго до моего пріѣзда къ семейскимъ, ребята со всего уѣзда возили въ Верхнеудинскъ для опредѣленія по внѣшнему виду возраста ихъ. Злостные въ своемъ невѣжествѣ, уставщики нашли формулы для оправданія ряда пороковъ своей паствы. За куренье табаку — проклятіе (по писанію; ср. ниже). Но самая отвратительная матершинная ругань, которая постоянно на устахъ и стараго и малаго (даже 8 лѣтнихъ ребятъ) у нихъ находить такое оправданіе: «Грѣхъ, что идетъ въ уста, а не то, что съ усть». И это изувѣрское изреченіе они промѣняли на наставленіе и указаніе своихъ отеческихъ писаній: «О сквернословцѣхъ и о

срамословцѣхъ. Лучше есть гной отъ усть твоихъ плевати, нежели словеса скаредная износити и смрадная» и т. д. (въ забайк. старообр. Сборникъ Ирк. Дух. Сем. XLV, 1798). П. А. Ровинскій, наблюдая жизнь семейскихъ, писалъ о ихъ уставщикахъ: «Можно помириться съ жизнью съ самыми простыми людьми, но жить постоянно съ книжниками и фарисеями не возможно. Это все ханжи и лицемѣры, въ нихъ нѣтъ ни на волосъ правды, отъ нихъ не услышите слова живаго, а все самыя бесплодныя измышленія и словоизлитія»¹. Эти слова человѣка, свободнаго отъ всякихъ клерикальных тенденцій, а только скорбящаго при видѣ мертвящаго гнета уставщиковъ повторяю и я.

Печальную картину представляетъ нравственное состояніе старообрядческаго общества. Въ особенности пошатнулось молодое поколѣніе. Заплѣсневѣлыя формулы мхъ стариковъ перестали удовлетворять молодежь. Не порывая окончательно связей съ бытовымъ укладомъ жизни отцовъ и дѣдовъ, она, хотя и безсознательно, ищетъ обновленія, жаждетъ новой, свѣжей струи въ душевной атмосферѣ, испорченной уставщическими испареніями. Ищетъ и не находитъ. Огромную роль въ этомъ переломѣ играетъ пребываніе въ другихъ краяхъ, въ другомъ мірѣ. Выходъ молодежь нашла бы — въ школѣ, въ образованіи. Этого нѣтъ, и молодежь пьянствуетъ, развратничаетъ, хулиганствуетъ. Не говоримъ уже о куреньѣ. Курильщиковъ не малое количество есть въ каждомъ селѣ. Уставщики въ моленную ихъ не пускаютъ, старухи плачутъ по погибшимъ, а они все-таки курятъ, — «курютъ подлецы крадчи, а то и въ-открытку». Есть даже такіе, — усумнились въ «леригіи»: «Креста ругаютъ!» — жаловались мнѣ. Не мало найдется и среди пожилыхъ, которые не отстанутъ отъ буйной молодежи. «Какой таперь народъ, — одна республика!». «Чи жало жить смирному человѣку у нонишнимъ народѣ. Швецкый [свѣтскій] законъ держуть, а не духовный». Скверная ругань, какъ карканье воронъ, стоитъ надъ селомъ. Ругаются всѣ: и мужики, и бабы, и ребята. Развратъ не находитъ себѣ рѣшительнаго осужденія. Пьянство оглушило всѣхъ. «Самогонку пьютъ, шибко пьютъ!». Пьянствуютъ не только мужики и парни, но и бабы и бахвалятся этимъ. И 10 лѣтнихъ ребятъ я встрѣчалъ пьяными (въ Мухоршибири, «десятскіе»). И помину нѣтъ о томъ, о чемъ писали старообрядческіе книжники въ Забайкальѣ: «блудникъ, піяница, лѣнливый на единой колеснице». «Толма бо ненавидитъ богъ піанаго, яко мы пса гнушаемся мертва смердяща». (Сбор.Ирк.Д.Сем. XLV. 1798). — Грабежи, поджоги, убійства — послѣдствіе нравственной распущенности старообрядческаго общества. Тамъ лошадей угнали, тамъ плужники украли, а тамъ спалили, — приходилось слышать то въ одномъ, то въ другомъ селѣ. Въ Куналеѣ при мнѣ происходило вскрытіе 5 тѣлъ убитыхъ. Между ними былъ одинъ военноплѣнный, незадолго до смерти вернувшійся изъ плѣна. Мужикъ былъ скромный, работающій. Кто его убилъ, неизвѣстно. Народъ обвиняетъ полюбовника его жены. Въ томъ же селѣ у меня просидѣлъ часовъ до 10^{1/2} вечера предсѣдатель волостной управы. Съ большой боязнью отправился домой: какъ бы на улице не убили. «По ночамъ не сплю. Боюсь поджога», — жаловался онъ мнѣ. Разъ уже сожгли его постройки. Въ Никольскомъ во время моего пребыванія тамъ было нападеніе ночью на одного мужика спавшаго у себя на дворѣ. Удалось спастись бѣгствомъ. Выстрѣлы не задѣли его. Тогда же происходили похороны одного крестьянина,

¹ Изв. Сиб. отд. Р. Г. об-ва. Т. IV. № 3. С. 120.

I. Общий раздел

убитаго на мельницѣ крестьяниномъ изъ сосѣдняго села Харауза. Въ Мухоршибири подхожу къ одному строящемуся дому: 3 раза сжигали постройки этого мужика. По наведеннымъ мною справкамъ, мужикъ былъ хорошій, смирный, работающій. «Злобу гонють на человѣка», — со вздохомъ говорили мнѣ. На 3-й день Троицы приѣзжаетъ ко мнѣ въ Н. Заганъ молодой мужикъ изъ сосѣдняго села Шеролдая. Плача, жалуется на разбойничество. На Троицу во время пьянства нѣсколько мужиковъ передралось. Онъ, какъ свидѣтель, показалъ милиціи все такъ, какъ происходило. Милиція виновныхъ въ буйствѣ оставила въ покоѣ. А между тѣмъ одинъ изъ буяновъ угрожаетъ свидѣтелю пожаромъ и смертью... «Сказню тебе! Вчера онъ съ ножомъ турилъ за маткой свидѣтеля. Милиція обѣщала разобрать дѣло не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. «А недѣлю-то какъ же я буду жить? Помоги Бога ради!»

Въ прошломъ году по селамъ Забайкалья повили себѣ гнѣзда разбойническія шайки грабившія и убивавшія по глухимъ дорогамъ Забайкалья. Теперь тамъ стихлоу Пугають лишь переѣздомъ изъ Мухоршибири къ Бичурѣ, черезъ Заганскій хребетъ. Мнѣ рассказывали объ одномъ изъ такихъ «удалыхъ молодцовъ», о казненномъ разбойникѣ изъ с. Шеролдая Кривцовѣ. Ему было всего 22 года; но онъ успѣлъ загубить нѣсколько жизней. Первое убійство онъ совершилъ 15-лѣтнемъ парнемъ: задушилъ свою тетку за 300 рублей. Своею жизнью онъ былъ доволенъ: «Хорошо пожилъ», — хвалился онъ передъ смертью. Идя на висѣлицу, онъ выпросилъ дозволеніе пропѣть: «За тюремной стѣной умирають арестантъ молодой».

Нашъ очеркъ современной жизни семейскихъ закончимъ гулянками на Троицу и на масленицу.

Утро Троицы я провелъ въ Мухоршибири. Отстоявъ обѣдню въ «сибирской», т. е. православной, церкви, я отправился въ Н. Заганъ, находящійся въ верстахъ 5 отъ Мухоршибири. До обѣда все чинно были: спали, отдыхали, мирно бесѣдовали, сидя въ «зѣстни». За селомъ собрались дѣвушки и парни, — пѣсни поють, вѣнки завиваютъ. Пѣсни поются старинныя, а иногда раздается и частушка. «Забрехали по собачьему», — ворчатъ старики, услыхавъ частушку. Послѣ обѣда по селу началось катанье. Въ небольшой двуколкѣ набито штукъ по 5 бабъ, раскраснѣвшихся отъ жары и выпитой водки и самогонки. Лошадью управляетъ мужикъ. Возсѣдающіе, грузно колеблясь изъ сторонывъ сторону, непремѣнно оглашаютъ село пѣніемъ, иногда согласнымъ, иногда вразбродъ. Среди катавшихся были бабы молодая и довольно пожилыя. Помахивая платками, онѣ ревѣли пѣсни съ необыкновеннымъ усердіемъ. 4 года горевали; теперь справляютъ праздникъ по старинному, какъ полагается. Время отъ времени по улицѣ проходятъ группы молодыхъ бабъ, разнаряженныхъ въ свои яркіе костюмы: взявшись за руки, онѣ медленно идутъ, оглашая село пѣніемъ. Зайдя въ избу, онѣ подкрѣпляются яишной (яичницей) и хмѣльнымъ. Но увидишь и молодыхъ бабъ, не катающихся, не разгуливающихся съ пѣснями и не жарящихъ яишню: онѣ сиротливо сидятъ у избы: мужья ихъ из плѣна не вернулись. «Всѣ яйцы просидѣли, а ихъ нѣту. Другова мужа надо куплять, да вотъ Митька (мальчикъ 3 лѣтъ) говоритъ: — Подожди батьку, — хотя онъ и не видѣлъ еще своего батьку». Гулянье во всю было... «Рыпаемъ Вашствѣ, рыпаемъ», — покрикивалъ мнѣ почтенный Измаиль Исаакичъ Оглы, татаринъ, родившійся и выросшій въ Н. Заганѣ (отецъ его пришелъ сюда съ Кавказа). А Арламъ (Варлаамъ) М. отъ всей души

предлагаль мнѣ вышить съ нимъ самогонки. Два дня продолжалось гулянье. Ревъ послѣднихъ катавшихся я слышалъ во вторникъ утромъ часовъ въ 6. Въ этотъ день было унылое, пасмурное настроеніе въ селѣ. «Быдто надсѣлись, ревели».

Такъ же шумно проводятъ семейскіе и масленицу. Катанье, выпивка, закуска. Парни дѣвушекъ катаютъ, а онѣ парней въ гости заываютъ, — слобляются. Ни «безстудія», ни «безчинія», ни «проклятаго дѣла» не видятъ семейскіе въ этихъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ раньше ихъ отучали книжники, писавшіе: «зри о безстудіи и о безчиніи. Конное рыстанія, по улицамъ катанія въ праздничныя дни и во вся миседы а наипаче въ самые дни прощенны на сырной недѣли множайшія дѣвольская замышленія творятъ... юноши малыя такожды вл прощенныи дни осѣдлаютъ имъ конѣи и ездѣютъ по улицамъ, собѣрутся гурбою. Се творятъ по обычаю татарскому...» (рукоп. Старообрядч. сб. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797).

О. М. Козина

ЭТНОНИМ «СЕМЕЙСКИЕ» КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОДУКТИВНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДИАЛЕКТА¹

Как правило, этнонимы малых этнографических групп, обособленных конфессионально, являются отражением их этнического самосознания и этнокультурного самоопределения. Известны, например, такие этнонимы старообрядческих групп, как «поморцы», «кержаки», «липоване», «поляки», «бухтарминцы», «харбинцы», «синьзянцы», «турчане», «семейские» и др. Семейские — это потомки старообрядцев Забайкалья, переселившихся в середине XVIII в. из районов юго-западной части России, в то время граничащих с Польшей. Наиболее точно содержание этого этнонима раскрыто известным этнографом Ф. Ф. Болоневым: «Семейские — конфессионально-этнографическая группа русского народа — этноса, имеющая отдельные специфические элементы культуры и обладающая самоназванием и сознанием общности (самосознанием)»².

В историко-этнографической литературе, посвященной изучению старообрядчества и в диалектологических исследованиях старообрядческих говоров, вопрос об этнониме «семейские» остается дискуссионным и, безусловно, требует убедительного лингвистического обоснования. Существует две разные точки зрения относительно происхождения названия «семейские». Так, исследователи А. Мартос³, П. А. Ровинский⁴, декабрист Е. Розен¹ связывали название «семей-

¹ Козина О. М. Об этнониме «семейские» // Имя. Социум. Культура: материалы международной II Байкальской ономастической конференции (Улан-Удэ, 4–6 сентября 2008 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 115–116.

² Болонев Ф. Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII — начале XX века (Семейские Забайкалья): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. С. 15.

³ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 115.

⁴ Ровинский П. А. Этнографическое исследование в Забайкальской области // Изв. СОРГО 1872. Т. 3. № 3. С. 125.

I. Общий раздел

ские” со словом “семья”, поскольку старообрядцам «позволено было <...> переселяться в Сибирь с женами и детьми»², что было не характерно для политических ссыльных и каторжан. И это логично, к тому же данное толкование распространено среди самих семейских. В этой связи интерес представляет тот факт, что старообрядцы, переселившиеся, как и забайкальские семейские с Ветки, обосновавшись на реке Бухтарме (правый приток Иртыша), стали называться **каменщиками**, а старообрядцы, проживающие по течению рек Убы и Ульбы (также правые притоки Иртыша), известны под названием **поляков**³.

По мнению А. М. Селищева, при подобном толковании ожидалось бы прилагательное *семейные*, а не *семейские*, суффикс же *-ск* определяет в данном случае отношение к местности, выраженное посредством основы. Поэтому название “семейские” перенесено предками старообрядцев из Европы, на что указывает место происхождения носителей этого имени: на местность, имеющую отношение к реке *Сейм* Курской губернии. В качестве доказательства им приводится курское название реки Сейм: «*Семь*, на *Сями*, за *Семью*; а также название слободы *Семейка* на правом берегу Дона в Воронежской губ. Отсюда, как полагал Селищев, и могло появиться название “семские”, а позднее “семейские”⁴.

Такая точка зрения вполне убедительна, если принять во внимание, что общее название, например, старообрядцев, переселившихся на Алтай, алтайских старообрядцев — **кержаки**, происходит от названия реки Керженец, бывшей Новгородской губернии, где были большие поселения старообрядцев. Но как объяснить тот факт, что в 1772 г. академик А. С. Паллас, посетивший Забайкалье с целью изучения естественных условий этого края, не употребляет название “семейские”, а называет старообрядцев, переселившихся с Ветки “**поляками**” и “**польскими колонистами**”. Кроме того, в архивных документах, используемых, в частности, историком А. Гирченко, их именуют “**польскими поселниками**”⁵.

На наш взгляд, этот этноним употребляли в разговорной речи старожилы-сибиряки по отношению к переселенцам, прибывшим в ссылку семьями. Следует также учесть, что старообрядцев официально не именуют *семейскими*, об этом свидетельствует, в частности, цитата из доклада историка, антрополога Российской Академии наук Ю.Д. Талько-Грынцевича на заседании Русского географического общества в 1894 г. в г. Кяхте: «Называя себя *поляками*, все старообрядцы с жаром вспоминают Ветку, Еленовку и Белгород, теперешней Могилевской и Стародуб Черниговской губернии»⁶.

¹ Розен Е. Записки барона Андрея Евгеньевича Розена // Отечественные записки. 1876. С. 411.

² Там же. С. 411.

³ Бломквист Е. Н., Гринкова Н. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы. М.; Л., 1930.

⁴ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 69.

⁵ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев семейских. Верхнеудинск, 1922.

⁶ Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Кяхта, 1894. № 2.

Обобщая изложенное, логично предположить, что прилагательное *семейские* было образовано от основы существительного *семья* с суффиксом *-ск* (а не соответственного — *н*) по аналогии со способом образования относительных прилагательных, распространенном в сибирском просторечии и диалектной среде, для которых характерно образование нерегулярных форм по регулярным моделям. Так, в Забайкалье широко распространены прилагательные **магазинский** — относящийся к магазину: *магазинский торт* — ‘торт, купленный в магазине, а не испеченный дома’; **самодельский** ‘сделанный своими руками’: *самодельская мебель, самодельский плуг*, **базарский** — ‘о вещах, предметах, продающихся в магазине’: *базарские вещи, за базарскую вещь и переплатить можно*; **таежнический** ‘таежная вся семья, все познали таежническую жись’; **позалонский** ‘позапрошлый’ (от основы *позалонь* — в позапрошлом году: «*Бык-то позалонский, пудов на пять вытянет*»)¹.

О продуктивности суффикса *-ск* в сибирских диалектах свидетельствуют и словообразовательные гиперизмы **глупский** ‘глупый’, **кедровский** ‘кедровый’, зафиксированные в Словаре среднеобских говорах². Как видим, эти относительные прилагательные образованы с суффиксом *-ск* в отличие от литературной нормы: **магазинный, самодельный, таежный, базарный** и т. п.³. По этому принципу, возможно, в среде, лишенной влияния литературного языка, появилось прилагательное “**семейские**”, значение которого ‘относящийся к семье’ стало вторичным. Прилагательное перешло в качество номинанта: **семейские** — **потомки старообрядцев, представителей особой этнографической группы русских жителей Забайкалья**.

А. П. Майоров

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ — ОНИ ЖЕ *ПОЛЯКИ*, ОНИ ЖЕ *СЕМЕЙЩИКИ*, ОНИ ЖЕ *СЕМЕЙСКИЕ*⁴

Слово *семейские* в качестве наименования потомков старообрядцев, переселенных в Забайкалье высшей волею Екатерины II, принято как ими самими, так и за пределами их этноязыковой среды. Характерно то, что в определении Ф. Ф. Болонева одним из важных признаков семейских как автономной конфессионально-этнографической группы русского народа выделяется самоназвание, которое, надо думать, играет особую роль в осознании своей общности представителями данной социальной группы русских людей, имеющей специфические элементы материальной и духовной культуры.

¹ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

² Среднеобский словарь: Дополнение. Томск, 1983. Ч.1; 1986. Ч. 2.

³ Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ). М., 1984.

⁴ Майоров А. П. Забайкальские старообрядцы — они же *поляки*, они же *семейщики*, они же *семейские* // Старообрядчество: история и современность, местные традиции и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (6–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 211–216.

I. Общий раздел

Происхождение лексемы *семейские*, обозначающей забайкальских старообрядцев, остаётся до конца неясным. Данная статья преследует цель подвергнуть критическому анализу существующие точки зрения по данной проблеме и предложить авторскую интерпретацию возникновения слова *семейские*.

Происхождение названия *семейские* объясняют двояким образом. Согласно одной точке зрения оно произошло от слова *семья*. Старообрядцам «позволено было <...> переселяться в Сибирь с женами и детьми»¹, и образ переселенцев с семейством, домашним скарбом, видимо, непривычный для представителей других категорий ссыльных, лег в основу номинации забайкальских старообрядцев. В дальнейшем точку зрения А. Мартоса разделяли П. А. Ровинский, декабрист А. Е. Розен².

Другое объяснение происхождения слова выдвинул А. М. Селищев. По его мнению, от слова *семья* следовало ожидать образование *семейные*, а не *семейские*. Прилагательное же *семейские* своим суффиксом *-ск-* указывает на отношение к местности, выраженное посредством основы *сем-*. Такую основу ученый обнаруживает в названии реки *Сейм* Курской губернии, обосновывая связь корней слов тем, что курское название реки — *Семь*, представленное в формах *на Сями, за Семью*, а также в названии слободы *Семейка* на правом берегу Дона в Воронежской губернии. Соответственно, первоначально от этой основы производится прилагательное *семские*, а позднее — *семейские*³.

Точка зрения А.М.Селищева представляется менее убедительной, вызывая ряд вопросов и возражений.

Прежде всего, нельзя согласиться с утверждением А. М. Селищева о невозможности образования прилагательного *семейские* от слова *семья*. Очевидно, что, отстаивая свою точку зрения, ученый опирался на нормы словообразования в литературном языке, где, действительно, прилагательное *семейский* в значении ‘относящийся к семье’ не употребляется. В диалектном же языке оно существует: так, в русских говорах (московских, смоленских, калужских, орловских) отмечается прилагательное *семейский* в значении ‘семейный, имеющий семью’⁴. В этой связи любопытно мнение О. М. Козиной, которая считает, что прилагательное *семейский* было образовано по распространенной в сибирском просторечии и диалектной среде словообразовательной модели, которая соответствует в литературном языке модели с суффиксом *-н-*:

магазинский ‘относящийся к магазину’ — *магазинный*;
самодельский ‘сделанный своими руками’ — *самодельный*;
базарский ‘о вещах, предметах, продающихся в магазине’ — *базарный*
и др.⁵

Между прочим, сам А. М. Селищев в своей известной книге о семейских приводит подстрочное замечание о возможности употребления прилагательного *се-*

¹ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 115.

² См. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. СОРГО. 1872. Т. 3. № 3. С.125; Розен А. Е. Записки барона Андрея Евгеньевича Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 411.

³ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 69.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 37. М.; Л.; СПб.: Наука, 2003. С. 145.

⁵ Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 19–20.

мейский вместо *семейный*, тем самым как бы вступая в противоречие с собственным тезисом. Необходимо также подчеркнуть, что ученый не настаивал на своей версии, делая оговорку, что «если действительно от «семьи» повелось название старообрядцев, пришедших в Забайкалье, то <...> сначала они прозваны были здесь «семейными» <...> и в течение времени название «семейные» заменилось названием «семейские», с суф. -ск-, чтобы выразить не семейность их (— ею и «сибиряки» обзавелись), а географическое определение, по аналогии с другими географическими названиями с -ск-»¹.

Однако больше всего в гипотезе А. М. Селищева смущают исторические факты. Принять точку зрения ученого мешает определенного рода несоответствие указания на известное место выхода забайкальских старообрядцев — район Ветки современной Гомельской области Белоруссии, с ареалом расселения носителей этого имени, по А. М. Селищеву, в бассейне реки Сейм в современной Курской области и, видимо, в соседних местностях Воронежской и Белгородской областей. Безусловно, можно допустить такое в значительной степени дисперсное, рассеянное расселение бежавших в то время из Московии старообрядцев в регионах Гомеля, Курска, Воронежа. Однако поневоле задаешься вопросом — почему же, оказавшись в Забайкалье, они принимают имя по достаточно узкому региону своего прошлого обитания — *семейские* (*семские*), но не *ветковские*, *гомельские*, *воронежские*, и — если следовать логике географического наименования какой-либо этносоциальной группы по водному объекту как месту проживания, — *обоянские*, *оскольские*, *донские*, *днепровские*?

Также трудно согласиться с происхождением в историческое время самоназвания той или иной этнической группы по наименованию реки, берега которой могли обживать разные народы (скажем, по берегам Волги жили русские, татары, мордва). В глубокой древности, в доисторический период, самоназвание отражало процесс приспособления человека к окружающему миру, и поэтому в тех или иных номинациях могла фиксироваться специфика характера места пребывания народа (восточно-славянские племена *поляне* — люди, живущие в полях; *древляне* — живущие в лесах; *дреговичи* — живущие на болотах; западно-славянское племя *висляне* — живущие на реке Висла). Однако позже, с развитием цивилизационных форм общежития, люди стали предпочитать называть себя по наименованию населенного пункта, области, территории расселения, но не водного пространства.

Если самоназвание *семейские* было изначально присуще старообрядцам, переселявшимся с Ветки в Сибирь, тогда так или иначе оно было бы известно и тем приверженцам старой веры, кто помимо Забайкалья обосновался по берегам реки Бухтармы (правому притоку Иртыша), по течению рек Убы и Ульбы (также правым притокам Иртыша). Однако бухтарминские старообрядцы стали называться *каменщиками*, а убинско-ульбинские старообрядцы — *поляками*.

Не *семейскими*, а *поляками* себя называли и старообрядцы, переселявшиеся в Забайкалье. Об этом говорил в своем докладе, приводя убедительные аргументы, Ю. Д. Талько-Грынцевич на заседании Русского географического общества в

¹ Селищев. Там же.

I. Общий раздел

1894 г.¹. В самых ранних источниках по истории забайкальских старообрядцев последних характеризуют как «новопоселенные ис поляков с семейством»². Известны и другие, бытовавшие в Забайкалье XVIII века наименования старообрядцев — *польские посельники, польские колонисты*, среди которых названия *семейские* нет.

В забайкальских документах 60-х гг. XVIII в., содержащих сведения о прибытии старообрядцев из «полши», наряду с упомянутыми номинациями для обозначения новопоселенцев употребляется слово *семейщики*. Функционирование этого слова в качестве наименования старообрядцев в Забайкалье, по всей вероятности, А. М. Селищеву незнакомо, проливает новый свет на происхождение термина *семейские*, опровергая в то же время точку зрения ученого. Вот, например, фрагмент забайкальского документа 1766 г., в котором речь идет об обустройстве поселщиков, выводимых из Польши:

Велено находящимся в пригороде Удинске привезенным из Ыркуцка семейщикам на сей март мсць на наличное число <...> крупу в дачу произвести³.

В отношении старообрядцев второй выгонки в 1765 и 1768 гг. В. М. Пыкин применяет термин «польские семейщики», который ученый, видимо, встретил в документах XVIII в., но, к сожалению, его не паспортизировал⁴.

Вообще слово *семейщик* было известно русскому языку начиная с XVII в. По данным Словаря русского языка XI–XVII вв., оно употреблялось в значении «тот, кто имеет семью»:

А которые гулящие люди и семеищики пришли с Руси в Алятцкую слободу после пис<ь>ма Л<ь>ва Поскочиного<о> и ты б тѣхъ гулящихъ людей и семеищиковъ присылал на Верхотур<ь>е з беломѣсными казаки А.Верхотур.сѣзж.избы, 1684⁵.

Дефиниция значения слова в словаре сопровождается знаком вопроса, и это неслучайно. Слово *семейщики* в приведенном и других контекстах достаточно регулярно употребляется в сочетании с составным наименованием *гулящие люди*, а сочинительная связь двух однородных членов в таком словосочетании указывает на наличие определенных социокультурных коннотаций в семантике слова *семейщики*. Учитывая это обстоятельство, выявление данных коннотаций следует предпринимать, отталкиваясь от анализа значения термина *гулящие люди*.

Специальное исследование положения и жизни гулящих людей, преимущественно на материалах Верхотурского уезда, было проведено в свое время

¹ Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Кяхта. 1894. № 2.

² Пыкин В. М. Важный источник по истории тарбагатайских старообрядцев // История культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы регион. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 31.

³ Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2012. С. 431.

⁴ Пыкин В. М. К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 31 мая — 1 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 143.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М.: Наука, 2000. С. 53.

А. А. Преображенским¹. Как известно, гулящие люди представляли собой социальный разряд населения России XVI — начала XVIII веков, состоявший из вольных людей, не приписанных ни к служилым, ни к тягловым людям². Подобно холопам, гулящие люди не несли никаких государственных повинностей и не платили податей; пользуясь свободой передвижения, они занимались ремеслами, жили работой по найму. Поскольку гулящий чаще всего был одиноким, холостым человеком, то в отличие от него крестьянина, поселившегося или готовящегося поселиться на пашню и привезшего с собой семью, называли *семейщиком*. В этой номинации примечателен суффикс *-щик*, который и создает нужный смысл, но подробнее об этом будет сказано ниже.

А. А. Преображенский указывает на еще одну черту гулящих людей, немало важную для нашего исследования: в основном гулящие люди, попадавшие на восточные окраины России, были выходцами из крестьянских общин и посадов русского Севера (Поморья). Вспомним тот факт, что первопоселенцы, осваивавшие территорию современной Бурятии и Восточного Забайкалья, были в основном выходцами из Северо-Восточной Руси. Приметы севернорусского происхождения прослеживаются во всем: в фамилиях *Устюжин*, *Каргопольцев*, в анкетных данных служилых людей, купцов, промышленников и гулящих людей, в которых встречаем наименования их мест рождения — Устюг Великий, Каргополь, Вологда и т. п.

Возможно, именно в среде севернорусских людей зародилось слово *семейщики*, которым наделяли людей, создающих и имеющих семьи, и в Восточной Сибири, осваиваемой в первую очередь гулящими людьми, характеристика поселенных в Забайкалье старообрядцев этим словом была ожидаемой.

Помимо этого отметим еще один факт в пользу маркированности слова *семейщик*, обозначающего ту социальную категорию, которая до прибытия старообрядцев была мало характерна для забайкальского региона. В XVIII в. в ссылку, в Забайкалье, прибывали люди самых разных социальных разрядов. Кроме гулящих, вольных людей это были беглые крестьяне, промысловики, ссыльнокаторжные, военные — т. е. в основном люди, не имеющие семьи, или малосемейные. Правда, были группы крестьян-переведенцев, которые могли переселяться с семьями. Однако в отличие от старообрядцев их переселение не носило характера массовой «выгонки» родственных кланов, представители которых были многочисленны и резко выделялись в Сибири среди других переселенцев своим внешним видом, манерой поведения.

Таким образом, присвоение термина *семейщики* старообрядцам, прибывшим в Забайкалье, закономерно. Как уже было установлено, он служил наименованием особой категории тягловых людей XVII–XVIII вв., селившихся на пашню семьей, и в отношении многосемейных старообрядцев, переселяемых в Забайкалье, в противопоставлении представителям других социальных разрядов, обитавших там в то время, подходил как нельзя лучше.

Когда термин *семейские* приходит на смену слову *семейщики*, установить сложно, поскольку в письменных источниках XVIII в. употребление субстантива

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 128.

I. Общий раздел

семейские не обнаруживается. Однако принципиально важен факт первоначального использования слова *семейщики* для обозначения староверов, переселившихся в Забайкалье, в связи с чем интерпретация происхождения появившегося впоследствии слова *семейские* может осуществляться только с учетом того же корня слова *семья*, но не названия реки *Сейм (Сем)* в Курской губернии.

Причина же изменения номинации кроется, очевидно, в том, что термин *семейщики* в отношении описанной социальной категории становится со временем неактуальным, поскольку класс гулящих людей уходит с российской социально-экономической арены, а значит исчезает сам принцип противопоставления тягловых семейных людей одиноким гулящим людям и бобылям.

Здесь следует обратить внимание на одну примечательную лингвистическую сторону смены термина *семейщики* субстантивом *семейские*. Образования с суффиксом *-щикъ*, первые случаи употребления которых относятся к середине XIII в.¹, всегда были связаны с обозначением лиц, осуществляющих действие с предметом, название которого служит производящей основой для имен с этим суффиксом². Подобные образования известны еще в Новгородских берестяных грамотах³, и впоследствии, в русском языке XIV–XVII вв., получают широкое распространение существительные с суффиксом *-щикъ*, называющие лица по профессии, должности, роду занятий и т. п. (*грабежьщикъ, даньщикъ, доводщикъ, закладщикъ каменьщикъ, тальщикъ* и др.). Таким образом, можно констатировать, что, в значении слова *семейщикъ* присутствовала дифференциальная сема не столько носителя признака, сколько производителя действия с тем предметом, который обозначен в производящей основе: то есть *семейщикъ* — это ‘тот, кто создает семью’. В связи с постепенным выходом из обихода обозначаемого денотата слово *семейщикъ* в этом значении утрачивается, сохраняясь только в говорах в значении ‘член семьи’⁴.

Для наименования забайкальских старообрядцев оно теряет свою актуальность еще и потому, что, как верно подметил А. М. Селищев, семейственность перестает быть характерным признаком старообрядцев, ею обрастают и забайкальские старожилы.

Субстантив *семейский* обладал суффиксом *-ск-* с более широкой семантикой, чем суффикс *-щик*. Он также мог использоваться для образования слов, обозначающих лиц по профессии, должности, роду занятий и т. п. (*детский* ‘боевой член княжеской дружины в XII в.’, *дворский* ‘управляющий княжеским хозяйством’, *сотский* ‘выборный из крестьян; низший полицейский чин в дореволюционной России’ и т. п.), для образования слов, характеризующих лиц по месту их происхождения (*вологодские, псковские, муромские* и т. п.). В любом случае

¹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964. С. 37.

² Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. С. 87.

³ Николаев Г. А. Новгородские берестяные грамоты и проблемы русского исторического словообразования // Язык образования и образование языка: мат-лы междунар. конф. (Великий Новгород, 11–13 июня 2000 г.). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. С. 218.

⁴ Словарь русских народных говоров. Там же. С. 146.

насушной была характеристика старообрядцев как обособленной этносоциальной группы, и термин *семейские*, сохраняя образ родовой общины, выраженный с помощью корня слова *семья* и суффикса *-ск-*, в этом смысле оказался удачнее, чем образование *семейщики*.

Н. Г. Архипова

СТАРООБРЯДЦЫ (СЕМЕЙСКИЕ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ¹

1. Введение

Формирование русских говоров Приамурья непосредственно связано с задачами социального, экономического и политического освоения дальневосточных окраин Российской империи. Амурская область заселялась в основном за счет колонизационных перемещений восточнославянского населения с середины XIX — первых десятилетий XX вв. Источниками формирования населения Приамурья стали государственное переселение казаков и крестьян, в том числе старообрядцев и молокан; вольная крестьянская колонизация края; ссылка каторжников. Помимо охраны государственной границы существовала необходимость в обслуживании почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой; в разработке золотоносных рудников, а также приграничной торговле с Китаем и др.

Русские говоры Приамурья начали формироваться с середины XIX в. в связи с появлением казачьих станиц по Амуру. Забайкальские казаки представляли главный поток мигрантов в 50–70 гг. XIX в. После 1882 г. среди колонизаторов края стали преобладать русские и украинские крестьяне-переселенцы. Белорусы представляли наименьшую группу восточнославянского населения края, осваивавшего Приамурье. Огромную роль в жизни края и формировании особого диалектного ландшафта сыграли молокане и старообрядцы, занявшие обширные территории сельскохозяйственных и лесных угодий.

Говорить о жизни старообрядческих общин на фоне общерусского исторического развития чрезвычайно сложно. К настоящему времени из существующих групп старообрядцев Амурской области наиболее изучены семейские, представляющие собой этно-конфессиональную группу русских старообрядцев-беспоповцев, переселенных из Польши и прибывших в Приамурье после двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье, а в некоторых случаях возвратившихся на дальневосточные земли после более чем полувековых странствований по Китаю, Южной и Северной Америке.

Говоры старообрядцев Амурской области долгое время не являлись предметом системного лингвистического описания и не нашли отражения в региональ-

¹ Архипова Н. Г. Старообрядцы (семейские) Амурской области: история и особенности языкового существования // *Emigrantologia Slowian*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2018. vol. 3. S. 41–53.

I. Общий раздел

ных источниках¹. Планомерная работа по изучению говоров семейских была начата лишь в начале XXI в..

В 2001–2016 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в старообрядческие села Архаринского, Свободненского, Белогорского и Шимановского районов Амурской области: Грибовку, Желтоярово, Заган, Загорную Селитьбу, Гуран, Новоандреевку, Никольское, Ключи, Ураловку и др. В конце XIX — начале XX в. все населенные пункты были образованы старообрядцами, главным образом, переселенцами из Забайкалья. В некоторые из них (например, в Ураловку) семейские были насильно переселены во время репрессий 1930-х гг. из Свободненского района. Во время экспедиций был собран значительный лингвистический и этнографический материал, позволяющий провести системный анализ разных групп старообрядческих говоров.

Цель настоящей статьи — в обобщенном виде описать исторический путь и особенности говоров старообрядцев (семейских) Амурской области.

2. Исторический путь старообрядцев Амурской области

Статистические источники по Дальнему Востоку конца XIX — начала XX в. практически не фиксируют конфессиональный статус переселенцев. В советский период старообрядцы старались не говорить о своей принадлежности к религиозным толкам. Эти факты значительно осложняют изучение истории переселения старообрядцев на Дальний Восток. Единственными доступными источниками изучения вопроса стали географо-статистические издания², Погодные ведомости³ и материалы диалектологических экспедиций в старообрядческие села⁴.

Если говорить о других территориях России, то история наиболее ярких старообрядческих групп Алтая и Сибири — поляков и семейских — изучена достаточно хорошо. Их переселение из западных регионов на восток (на Алтай, в Западную и Восточную Сибирь) осуществлялось в 60-е гг. XVIII в. в соответствии с указами Екатерины II, во время второй «раскольничьей выгонки» из районов Ветки (1764 г.) и, по некоторым данным, — из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую империю старообрядцев предположительно достигало 15–20 тысяч человек. Большинство из них были выходцами из Московской губернии, в которую тогда входила вся центральная часть России. Многие называли местом своего первоначального исхода Белгородскую и Новгородскую губернии. Многочисленные группы старообрядцев были переселены в Польшу из Смоленской, Воронежской, Нижегородской, Архангельской губерний.

Таким образом, из Польши было выведено до 20 тысяч старообрядцев, ранее проживавших на различных материнских территориях. Большая часть этих групп

¹ Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / под ред. Л. В. Кирпиковой. Благовещенск, 2003; Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. М., 1983.

² Кириллов А. В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894.

³ Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900–1902 гг. Благовещенск, 1903; Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903–1905 гг. Благовещенск, 1906.

⁴ Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Благовещенск, 2001–2016.

была направлена на Алтай и в Сибирь¹. Из Восточной Сибири старообрядцы в последствии двинулись на Дальний Восток, в частности в Приамурье.

Прибывать в Амурскую область старообрядцы начали с 50-60-х гг. XIX в.. На всех этапах переселение поддерживалось царским правительством, преследовавшим цели быстрого освоения дальневосточных земель Российской империи. На старообрядцев была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. С началом функционирования морского пути на Камчатку почтовые тракты были закрыты, и часть крестьян-старообрядцев была вынуждена вернуться в Забайкалье, другая же осталась на Дальнем Востоке, в том числе в Приамурье².

Амурские старообрядцы расселялись отдельными деревнями преимущественно вдоль рек Томи, Зеи, Белой, Буреи. Первые поселенцы — беспоповцы (спасовцы (даниловцы), поморцы, часовенные и др.), переселившиеся в Приамурье из ближайшего Забайкалья. Точного учета всех переселенцев, в том числе и старообрядцев, до 1883 г. в Приамурье не существовало. В силу различных причин старообрядцы избегали официальной регистрации и в последствии. В Приамурье было достаточно неосвоенных сельскохозяйственных угодий, и старообрядцы свободно расселялись вдали от административных центров и обжитых территорий. По данным переписи 1897 г. в Приамурье в конце XIX в. численность «старообрядцев и уклоняющихся от православия» составила 14 308 человек или 12 % от всего населения области³. «С 1885 по 1899 г. численность старообрядцев в Амурской области возросла до 7,8 тыс. душ, причем почти исключительно за счет вновь прибывших»⁴. В конце XIX — начале XX в. на восток России начинается переселение старообрядцев из Австрии, Румынии, Болгарии, Турции⁵. «Их экономическое положение в конце XIX в. ощутимо ухудшилось вследствие сокращения свободных земельных площадей, что подрывало традиционное земледелие»⁶. В период с 1907 по 1912 г. наблюдается резкое увеличение количества старообрядцев в Амурской области за счет липован — русских старообрядцев, вернувшихся в Россию из Румынии и компактно поселившихся в Свободненском районе (с. Климоутцы)⁷.

¹ Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. С. 22–24.

² Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900–1902 гг. Благовещенск, 1903; Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903–1905 гг. Благовещенск, 1906.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владивосток, 1904. Вып. 76: Приморская область. Тетр. 2. с.47.

⁴ Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток, 2013. С. 49.

⁵ Лобанов В. Ф. Возвращение старообрядцев (1990–1913 гг.), «Россия и АТР». Владивосток, 1994. № 2. С. 15–28.

⁶ Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток, 2013. С. 52.

⁷ Старообрядцы-переселенцы // Церковь. 1912. № 12. С. 293.

I. Общий раздел

Старообрядческие поселения Амурской области образовывались, главным образом, с 1858 по 1912 г. Нужно отметить быстрые темпы роста численности старообрядческих поселений: новые хутора и деревни появлялись практически ежегодно преимущественно в южных и центральных районах Амурской области.

Старообрядческие населенные пункты образовывались несколькими путями: путем переселения из других регионов, внутренней миграции и создания временных поселений для выполнения различного рода хозяйственных работ (пасеки, пчельники, хутора, заимки и др.); путем выделения наделов женатым сыновьям.

Старообрядцев Забайкалья и Приамурья принято назвать исключительно «семейскими». Это обусловлено тем фактом, что к началу XX в. переселенцы из Забайкалья — семейские — составляли абсолютное большинство из числа всех других старообрядцев, прибывших в Приамурье.

Однако анализ текстов самих старообрядцев свидетельствует о том, что с самого начала освоения старообрядцами амурских земель под семейщину подводятся разнообразные течения русского старообрядчества, главным образом, беспоповского толка. Это выходцы из сел Тарбагатай, Большой Куналей, Новая Брянь, Бичура, Архангельское, Никольское, Десятниково Бурятии.

Экспедиционные данные указывают на достаточно пеструю картину в среде амурского старообрядчества. Так, в Приамурье переселялись нырки, спасовцы, часовенные, самокрестцы, кержаки, поморцы. В начале XXI в. старообрядцы, исторически принадлежащие к различным беспоповским толкам и соглашениям, причисляют себя исключительно к семейским (кроме жителей отдельных сел и хуторов Архаринского и Свободненского районов). В настоящее время они не обнаруживают значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

Пожилые жители старообрядческих сел Белогорского района (Новоандреевка, Ключи), кроме как семейскими, именуют себя спасовцами или кержаками — «выходцами с реки Кержа» (Керженец) и имеют несколько отличный от других семейских исторический путь.

Однако в чужеродной религиозной и культурной среде старообрядцы различных толков и согласий всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области привело к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя семейскими, поляками, кержаками стало носить скорее региональный, чем религиозный характер.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Дальний Восток, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай. В г. Харбине и его окрестностях образовалось несколько старообрядческих поселений¹.

В 1919–1920 гг. из-за событий, разворачивающихся в Приамурье, многие старообрядцев покинули Амурскую область. Они переселялись в Хабаровский край, а позже — в Приморье, в Никольск-Уссурийский, а затем — в Харбин². Часть старообрядческих семей из Приморья, спасаясь от коллективизации и репрессий,

¹ Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток, 2013.

² Дальневосточный старообрядец. Харбин, 1935. С. 8.

эмигрировала в Трехречье и Маньчжурию и недалеко от г. Харбина основала деревни Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны и др.¹.

В исторических источниках отсутствуют факты о прямом переселении старообрядцев из Амурской области в Китай, однако есть свидетельства о том, что отдельные семьи амурских семейских в 30-е гг. присоединялись к казачьим отрядам, переходили русско-китайскую границу и уже на территории Китая поселились в русские приграничные села, а также русские поселения вблизи г. Харбина.

Однако Китай так и не стал местом окончательного пристанища покинувших Россию амурских старообрядцев. Во второй половине 1940-х — 1960-е гг. им пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку, откуда впоследствии эмигрировать в Канаду и США. Однако был и обратный путь — в Советский Союз. Как отмечает Ю. В. Аргудяева, «с приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин из старообрядческих деревень увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи расселились в разных местах Маньчжурии; в 1950–60-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство уехали в Австралию и Бразилию, откуда позднее перебрались в США и Канаду»². В настоящее время наблюдается процесс возвращения в Амурскую область старообрядцев часовенных («харбинцев») из Бразилии, Уругвая и других стран Южной Америки.

Таким образом, формирование старообрядческих общин в Приамурье естественным образом связано с крестьянской колонизацией Дальнего Востока. В своеобразных геополитических условиях процесс формирования старообрядчества в Амурской области прошел несколько этапов, что сказалось как на религиозном, духовном, так и на бытовом развитии семейщины.

3. Особенности говоров

Как и практически все говоры Амурской области, говоры семейских относятся к числу русских говоров, распространенных на территориях позднего славянского освоения. Они сложились в результате исторических перемещений старообрядцев на Дальний Восток в условиях междиалектного взаимодействия. Влияние литературного языка на говоры семейских не так велико, как это, например, наблюдается в говорах других групп крестьянского и казачьего населения области. Многие диалектные особенности, утраченные русскими говорами, сохраняются в языке старообрядцев. Это дает возможность производить их сравнение с говорами других территорий с целью выявления материнской основы.

В Амурской области старообрядческие говоры объединены в группы как очень близких между собой говоров, так и имеющих значительные различия.

В отдельных группах говоров наблюдаются диалектные особенности, во многом совпадающие с говорами старообрядцев Забайкалья. К таким чертам относится, например, повсеместное произношение в первом предупредительном слоге гласного [а] как аллофона фонемы /o/ (*каро́ва, мьлако́*); гласного [а] после мягких согласных как аллофона фонем /e/, /a/, /o/ (*пья́лить; тряпичка, увязла́*), гласного [и] как аллофона фонемы /a/ перед твердыми и мягкими согласными (*прила́, взила́*); переход [е] в [о] (*совреме́нный, поме́рли, те́мно*); произношение на месте [к] на конце слова [х] (*нет*

¹ Аргудяева Ю.В. Старообрядцы в Приамурье и Приморье // Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX в.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 212.

² Аргудяева Ю. В. См. там же. С. 214.

I. Общий раздел

денех, на ступенях); окончание *-е* у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед. ч. (*у мене, у тебе*); наличие общего спряжения (*просють, возють*); мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л. (*морозють, кличуть*); произношение слова *что* как *чѣ, шо*; наличие звательной формы (*паря, братко, паря, тя-тенько, батенько*); многочисленные синонимы-дублиеты. Например, названия колыбели (*зыбка, люлька, качалка, качулька*), цыплят (*цыпушки, силки*), курицы (*квочка, квохтуша, самосадка, квохтушка*), нательной женской рубахи (*станушка, становина, рукава, становина и др.*) и др.

Говоря об истоках семейских говоров, исследователи отмечают их южнорусское происхождение¹. Это утверждение мы можем напрямую отнести и к некоторым старообрядческим говорам Приамурья.

П.Ф. Калашников, описывая диалектные системы говоров забайкальских старообрядцев, отмечает, что современные семейские говоры неоднородны и их можно разделить на три группы. Для первой характерно наличие многих архаичных диалектных черт. Это говоры сел Бичура, Большой Куналей, Хонхолой, Никольское, Новый Заган. Вторая группа говоров в основе своей южнорусская, но имеющая значительные среднерусские наслоением. Это говоры сел Тарбагатай, Десятниково, Ключи, Мухоршибирь. Третьей группе говоров свойственны архаичные диалектные черты, не зафиксированные в других группах говоров².

Многолетние полевые исследования позволяют говорить о том, что и в Приамурье можно выделить несколько диалектных групп говоров семейских. Эти группы имеют отличные друг от друга особенности и распространены на относительно замкнутых территориях. Подробное описание каждой группы говоров представлено в ряде статей автора³.

Первая группа — говоры семейских Свободненского района (например, сел Желтоярово, Бирма и Заган), а также отдельных сел Шимановского района (например, Ураловки). Они в большей степени сохранили черты южнорусских материнских говоров на фонетическом, грамматическом и частично лексическом уровнях и в меньшей степени испытали сибирское влияние.

Вторая группа — говоры старообрядцев Белогорского района (села Ключи и Новоандреевка) и некоторых новых поселений, образованных в Свободненском районе в 2016–2018 гг. старообрядцами-харбинцами часовенного согласия, ре-

¹ Тынгуева Е. И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья. Ленинград, 1974. С. 156–157.

² Калашников П. Ф. А. М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (К 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. науч.-практ. конф. (19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ, 2000. С. 26–32.

³ Архипова Н. Г. Речевой портрет семьи старообрядцев (семейских) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2009. Вып. 7. С. 85–106; Архипова Н. Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2011. Вып. 9. С. 34–41; Архипова Н. Г. Говоры старообрядцев — семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2–1(32). С. 30–33; Архипова Н. Г. Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2015. С. 158–166.

эмигрировавшими на Дальний Восток из Бразилии и Уругвая во второе десятилетие XXI в. Их говоры тяготеют к среднерусскому наречию, южнорусские черты в них проявляются спорадически и, главным образом, в лексикализованных формах, преобладает севернорусская лексика. В говорах семейских Белогорского района также отмечается большое количество севернорусской лексики, унаследованной от коренного населения Западной Сибири во время почти 200-летнего пребывания в Бурятии. Лингвистические факты указывают на то, что и белогорские семейские, и харбинцы-часовенные являются носителями языка и культуры одного среднерусского типа.

Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытавшие значительное влияние белорусского языка уже на территории Приамурья. Так, село Грибовка заселялось одновременно белорусами и русскими, среди последних были и старообрядцы из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. Например, известны факты одобренных общиной союзов между «перекрещенными» белорусскими девушками и мужчинами-семейскими. В начале XX в. в Грибовку переселилась большая семья старообрядцев-часовенных из Кемеровской области, что также отразилось на языковом ландшафте села. В говоре отмечены многочисленные заимствования из белорусского языка, не зафиксированные на других территориях компактного расселения старообрядцев, обнаруживается сводная конкуренция лексики севернорусского и южнорусского происхождения, отмечена несистемность фонетических и морфологических явлений.

Одним из доказательств различного происхождения говоров старообрядцев — семейских Амурской области может служить анализ фактов предударного вокализма после мягких согласных.

В старообрядческих говорах Амурской области в первом предударном слоге после мягких согласных наблюдаются следующие типы вокализма: сильное яканье, диссимилятивное яканье, единичные случаи яканья на фоне иканья, иканье, единичные случаи еканья.

В говоре семейских Свободненского района доминирующим типом яканья является диссимилятивное яканье жиздринского типа: *В[’а]дѳ, перекр[’а]стѳ крѳсным знаменем этот море; Он с костылѳм был, огл[’а]нѳлся. Он перекр[’а]стѳл, и мос(т) сооруѳся. Вот она через этот мост перев[’а]лѳ поморцев. А которые б[’а]стыжие, и вот э-э называются эти, хараоны какие-то, она все утонули. Она неправедные; «А у нас таки им[’и]нѳ. Ну, царковные им[’и]нѳ. Фѳкла, имя ни м[’и]няется, так и пишется».*

Сильное яканье зафиксировано в единичных случаях на фоне диссимилятивного яканья и иканья в речи одного информанта: *«Ну, рассказывали мама, бабушка-а, Как зас[’а]лялиси. Щас, обождите, я маненько подумаю. Это вот бабка живет, вот она зна-аеть. Это(в)от рядом бабка. Но та всё знает. Это вам то(ль)ко надо в д[’а]ревню, как зас[’а]лялось да как...»; «Отец вот рядом-то вот дом-то этот. Ал[’и]ксеев Андрей — это дедушка мой был, а отец мой — Ал[’и]ксеев Иван Андреич»; «Вот как раньше дома строили, вот он дом построенный. Я г(ово)рю, были бы люди, жили, он бы догл[’и]жѳнный был бы, так он ещѳ бы был, дом».*

В редких случаях в речи старших диалектоносителей отмечено произношение [а] на месте [и] после мягких согласных в первом предударном слоге: *«Оне же жаркие, з[’а]мѳй холодно, щас жарко w их, к[’а]тѳйская».*

I. Общий раздел

В речи большинства мужчин всех поколений семейских, а также женщин среднего и младшего возраста достаточно широко распространено иканье, в редких случаях отмечено яканье и еканье: «*Вот это такой, ну как р[’е]мишбк, на шею вешали, такие маленькие, ну как бубенчики там они звинят и сборча-ата, и всё, интересно было. Колокольчик (е)де-то у нас тут отцовский колокольчик хранится там, н[’и] знаю, целый н[’и] целый; Сбруя вот у брата-а, лошадь держит, у н[’и]во ес(т)ь такая сбруя, у м[’и]ня там н[’и]мно́жко сохранилось. А мы же были, это, так сказать, у цыганев. Цыгане же лошадей держут, и сбруя. Оне шьют сами там, всё делают. Ну, я у одного цыгана там пом[’и]нял лошадь, он мне дал с[’а]дэ-олку и дал эту шл[’и]юу́ это самое, с набором таким»; «Вот оне с этой кожи шили. А женишьянам шили тоже унты, покороче такие гол[’и]ни-ища были. Мужуку суды, а это женишьянам такие, обшива-али красиво их, как выходные делали, праздничные, как и рабочие делали. А летом называли ч[’е]рки́. С кожи вот это женишьянам шили ч[’е]рки́, ну они, вроде, как по-нашему».*

Таким образом, в говоре семейских Свободненского района в области безударного вокализма после мягких согласных общая тенденция такова: яканье разных типов фиксируется в речи старшего и части среднего поколения: *св’якрóука, пакр’яст’и́ла, нясла́*. Ведущим типом яканья в этих селах является диссимилятивное яканье жиздринского типа при наличии sporadических случаев сильного яканья. В чистом виде какой-либо из типов яканья не представлен. В речи большей части мужчин и женщин среднего и младшего поколений семейских преобладает иканье с единичными случаями яканья и еканья: *пэн’исла́, йимú, рэзв’ила́, с’ирд’итэйа, р’е’кё, н’есу́, н’ясú, н’исú*, — что объясняется влиянием на говоры семейских литературного языка на всем протяжении XX в. Можно предположить, что развитие безударного вокализма в первом предударном слоге после мягких согласных в исследуемом говоре семейских Свободненского района осуществляется по схеме: «диссимилятивное яканье жиздринского типа → сильное яканье → еканье с иканьем → иканье», т. е. происходит изменение черт южнорусских говоров (например, тульских, калужских, рязанских (диссимилятивное яканье жиздринского типа)) в сторону черт среднерусских (например, псковских (сильное яканье)), а затем в сторону черт, свойственных современным русским переселенческим говорам повсеместно (иканье).

В традиционном слое старообрядческого говора Белогорского района после мягких согласных в первом предударном слоге основным типом вокализма является недиссимилятивное яканье: фонемы верхнего подъема совпадают в звуке [а] в первом предударном слоге независимо от качества ударного звука. Эта особенность говора в речи представителей старшего поколения всех семейских и женщин среднего возраста является устойчивой, случаев диссимилятивного яканья не зафиксировано.

Недиссимилятивное яканье характерно для некоторых среднерусских говоров, главным образом псковских, а также для некоторых юго-западных говоров. Оно зафиксировано в говорах Московской, Орловской, Тульской, Рязанской областей¹. В говорах русских старообрядцев недиссимилятивное яканье отмечено в Белоруссии и Польше¹.

¹ Диалектологический атлас русского языка. М., 1986. Вып. I. Карта 3; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1974. С. 149; Орлова В. Г. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 410; Касат-

В силу системности недиссимилятивного яканья в говоре сс. Новоандреевка и Ключи мы можем предположить, что его материнская основа иная, чем у говора семейских Свободненского района, где ведущим типом вокализма после мягких является диссимилятивное яканье жиздринского типа при наличии спорадических случаев сильного яканья.

Еще раз подчеркнем, что следов диссимилятивного яканья в говоре семейских Белогорского района не зафиксировано. Это замечание считаем важным, так как «материал анализа синхронных систем сравниваемых типов предупредительного вокализма «может явиться одним из главных языковых данных для установления их генезиса»².

Многие диалектологи и историки русского языка считают недиссимилятивное аканье и яканье результатом позднейшей трансформации диссимилятивного. Такая точка зрения относительно говоров семейских отражена в работах А. М. Селищева, П. Ф. Калашникова, О. М. Козиной³. Исследователи считают, что, по-видимому, в процессе имманентного развития исследуемых говоров на диссимилятивность наложилась принцип ассимилятивности, тем более что такое явление характерно для периферийных говоров, в которых сохраняются и развиваются сложные типы яканья.

Однако Л. Л. Касаткин отмечает, что диссимилятивное яканье, с одной стороны, «могло быть исконным, принесенным семейскими с южнорусского запада, а затем трансформировавшимся в сторону сильного яканья», но в то же время в некоторых семейских говорах первичным «могло быть сильное яканье, изменившее затем под влиянием тех говоров семейских, которым было свойственно диссимилятивное яканье, свой предупредительный вокализм после мягких согласных, внеся в него черты диссимилятивности»⁴. Следовательно, можно предположить, что недиссимилятивное яканье могло являться чертой материнских говоров предков семейских Белогорского района Амурской области — выходцев из села Десятниково Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда Забайкальской области. Доказательством такой позиции могут служить замечания А. М. Селищева, который наблюдал в этом селе в начале XX в. «тип диссимилятивного яканья, смешанный с ассимилятивным»⁵. В первом же десятилетии XXI в. О. М. Козина отмечает в го-

кин Л. Л. Русская диалектология. М., 1989. С. 49; Царева Л. И. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. Псков, 1962. С. 76.

¹ Грек-Пабисова И., Мартыняк И. Русские старообрядцы в Польше и их говор // Диалектологический сборник: материалы IV диалектол. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь 1972 г.). Вильнюс, 1974. С. 35–42; Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 38.

² Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1974. С. 51.

³ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; Калашников П. Ф. А. М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (К 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. науч.-практ. конф. (19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ, 2000. С. 26–32; Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ, 2006.

⁴ Касаткин Л. Л. Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. Вып. IV. М., 2002. С. 251–256.

⁵ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 15.

I. Общий раздел

ворах сел Десятниково Тарбагатайского района и Новодесятниково Кяхтинского района республики Бурятия систему сильного (недиссимилятивно) яканья, что не свойственно, например, говору села Никольское Мухоршибирского района¹.

Известно, что предударный вокализм с параллелизмом реализации гласных в первом предударном слоге после твердых и мягких согласных более архаичен, и нарушение принципа параллелизма свидетельствует о разрушении старых типов вокализма и развитии новых². В говоре сел Новоандреевка и Ключи в традиционном слое говора такой параллелизм сохраняется: недиссимилятивное аканье (в том числе после шипящих и ц) параллельно сосуществует с недиссимилятивным яканьем. Отклонения в сторону иканья свойственны для речи молодежи и мужчин среднего возраста, что обусловлено в том числе влиянием литературного языка. Таким образом, возможно, что материнский говор отдельных групп семейских сформировался в тот период, когда единая система яканья, «утратившись как живое фонетическое явление... породила множество частных систем, существующих на нефонетическом уровне, согласно конкретным возможностям каждой частной системы»³.

В настоящее время в говорах семейских Архаринского района невозможно выявить единую систему предударного вокализма. Доминирующим типом является «иканье», обусловленное влиянием русского литературного языка.

В современных семейских говорах активно образуются разнодиалектные синонимические ряды, происходит трансформация семантической структуры слова, изменяется формальная структура лексем. Отражение этноязыковой основы и типологических черт материнских говоров ярко выражается в явлениях гиперкоррекции, при образовании синонимических рядов, в вариативности и отсутствии реализации сем или семантических смещений.

В исследуемых группах говоров севернорусская лексика особенно ярко проявляется в двучленной оппозиции «севернорусское» — «южнорусское»: *изба́* — *ха́та* ‘жилой дом из одной комнаты (с русской печью)’; *кваши́ня* — *дежа́* ‘деревянная посуда, в которой замешивают тесто’; *кринка́* — *маки́тра* ‘узкий глиняный сосуд с широким горлом’; *сковоро́дник* — *чапелá* ‘приспособление, которым держат сковороду’; *ухва́т* — *рога́ч* ‘приспособление, которым вынимают чугуны из печи’ и др.. В говорах семейских Архаринского района функционируют оба члена таких оппозиций. В селах Белогорского района зафиксирована лексика, распространенная в севернорусских говорах. Это специфическая группа говоров, сложившихся на южнорусской основе, но имеющих преимущественно севернорусскую лексическую систему. В Свободненском районе доминирует южнорусская лексика. В последних двух группах говоров фиксируется исключительно оппозиция «диалектное — литературное»: *изба* — *дом*, *кринка* — *горшок*, *дежа* — *корыто*, *чапела* — *сковородник* и др.

Лексическая система говоров свободненских и архаринских старообрядческих сел включает многие слова, распространенные преимущественно на территории южнорусских материнских говоров: *поместье* ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’; *баз* ‘скотный двор’; *корец* ‘ковш’; *чапля* ‘ско-

¹ Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ, 2006. С. 26–27.

² Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 165.

³ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1974. С. 63.

вородник'; *коваль* 'кузнец'; *махотка* 'глиняный горшок'; *виски* 'волосы'; *щерба* 'уха'; *гуторить* 'говорить'; *квёлый* 'слабый, хилый'; *обрыднуть* 'надоест'; *летось* 'в прошлом году' и др..

Диалектные различия между говорами Свободненского и Белогорского районов носят как собственно лексический, так и семантический характер. Например, в с. Заган название колыбели, которая подвешивалась к потолку, — это преимущественно *люлька*; в с. Новоандреевка — только *зыбка*. Для обозначения пасмурной погоды в говоре с. Заган активно функционирует лексема *хмара* (*хмарно*, *хмарить*); в селах Новоандреевка и Ключи для названия подобного состояния природы употребляется лексема *морок* (*морошино*).

В селах Архаринского района зафиксированы многочисленные пары и ряды слов, разнородных по происхождению: *прясла* — *жердина* 'звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба до другого', *заплот* — *забор* 'плотный забор из бревен, толстых жердей или бревен', *пострёл* — *ургуль* 'растение подснежник', *плетень* — *городьба* 'изгородь', *мутовка* — *весёлка* 'посуда для замешивания теста', *шептунь* — *ичиги* 'род кожаной без каблуков мужской и женской обуви без каблуков, на мягкой подошве', *заскрёбыш* — *отхон* 'последний ребенок в семье', *заяц* — *куржак* 'иней', *городьба* — *поскотина* 'огороженное место для выпаса скота', *кошенина* — *поскотина* 'скошенный луг, выкошенный участок', *ломоть* — *лусточка* — *луста* 'ломоть хлеба', *тарки* — *шаньги* 'род дрожжевой выпечки с начинкой', *назьмо* — *назём* 'навоз', *несушка* — *клохтуха* 'курица-наседка' и др..

Изменения в словарном составе семейских говоров, находящихся в контактировании с другими диалектными системами, определяется как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, главным из которых является степень языковой близости взаимодействующих диалектных систем.

4. Заключение

История, культура, этнография и язык амурских старообрядцев представляют собой сложнейшее явление, сформировавшееся под влиянием восточнославянской, западнославянской (главным образом, польской), сибирской и бурятской составляющих. Старообрядцы объединены общей генетической основой, историей социально-экономических, культурных, брачных, соседских контактов как на материнских территориях, так и в районах нового расселения.

Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование говоров старообрядцев (семейских) Амурской области дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности их бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения и др. Такой подход связан с исследованием процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также с изучением тенденций культурного взаимодействия между различными в культурно-религиозном отношении группами русского населения, что, несомненно, вызовет интерес у современных исследователей и будет способствовать фиксации и сохранению культурного и языкового наследия амурских старообрядцев.

Т. Б. Юмсунова

ГОВОРЫ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ГОВОРЫ ВТОРИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Поскольку говоры старообрядцев Забайкалья являются переселенческими, т. е. говорами вторичного образования, то при их изучении особую значимость приобретают не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы. При исследовании процесса формирования таких говоров важно учитывать специфику их междиалектного и межъязыкового контактирования: длительность контактной ситуации, равноценность/неравноценность говоров в экстралингвистическом отношении, характер контактов старообрядцев с русским старожильческим населением и аборигенами края — бурятами, религиозную, территориальную и социальную обособленность носителей говоров семейских и др. Изучение говоров старообрядцев Забайкалья основывается на двух основополагающих принципах: социолингвистическом и системном <...>. Социолингвистический принцип ориентирован на изучение особенностей и результатов междиалектного и межъязыкового контактирования, которое было свойственно семейским говорам в период их формирования и развития в новых социально-языковых условиях.

Функционирование в составе лексико-семантической системы говоров семейских лексических заимствований из бурятского языка привело к необходимости обращения к общим вопросам контактирования (У. Вайнрайх, Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтяну, К. М. Мусаев, Т. А. Бертагаев, А. А. Дарбеева и др.). Языковые контакты, как известно, могут сопровождаться появлением и развитием двуязычия, хотя при взаимодействии языков возможно и отсутствие его. В последнем случае языковые контакты осуществляются через заимствования, прежде всего лексические. В настоящее время для преобладающего большинства семейского населения обследуемого региона взаимодействие с бурятским языком осуществляется преимущественно в лексике. Имеет место и двуязычие, но только среди небольшой части семейских.

В науке нет единого мнения о двуязычии. Основным критерием при его определении является степень владения говорящими двумя языками. В данной работе принимается понимание термина «двуязычие», выработанное А. А. Дарбеевой, которая в основу определения двуязычия кладет принцип общения и взаимопонимания, поскольку, «если говорящие могут выразить свои мысли на втором языке и воспринимать то, что высказывается на нем, есть основание говорить о состоявшемся двуязычии, так как второй язык обеспечивает главную функцию языка как средства общения»².

Кроме того, ряд исследователей считает допустимым существование разновидностей двуязычия. Например, В. А. Аврорин различает полное, или адекват-

¹ Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 33–36.

² Дарбеева А. А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М.: Наука, 1984. С. 17.

ное, и неполное, или неадекватное, двуязычие¹, Ю. Д. Дешериев на основе наличия или отсутствия этнического контакта выделяет контактное и неконтактное двуязычие, а также одностороннее и двустороннее² и т. п. В теории двуязычия под широким двуязычием понимается частичное, неполное владение системой второго языка³, под неполным — владение только бытовой речью без знания письменной формы языка⁴, под пассивным — восприятие информации в устной или письменной форме, но без умения активно говорить на этом языке⁵.

Можно выделить два основных периода русско-бурятских и бурятско-русских взаимоотношений: до 1917 г. и после 1917 г. Как установлено, русско-бурятское двуязычие русского населения Забайкалья имело широкое распространение в первый период. Напротив, бурятско-русское двуязычие у бурят в этот период характеризовалось весьма ограниченным распространением. Считаем, что значительную роль в этом сыграли внеязыковые, экстралингвистические факторы: малочисленность первого русского населения по сравнению с аборигенным; новые природные условия, в которых оказались переселенцы, — необычный животный и растительный мир, иные климатические условия и необходимость приспособления к ним, с чем была связана необходимость заимствования названий целого ряда понятий; смешанные браки (не у старообрядцев) и др. Развитию двуязычия в немалой степени способствовали хозяйственно-экономические контакты между народами: русские перенимали у бурят опыт ведения животноводства в условиях Сибири, заимствовали у бурят систему орошения сенокосных угодий (*утугов*) и др.; в свою очередь, они обучали бурят культуре земледелия и использованию его продуктов в быту. Например, огородничеством в Забайкалье занимались преимущественно семейские, оно являлось той преобладающей отраслью традиционного хозяйствования старообрядцев, которая отличала их от преимущественных форм хозяйствования сибирского старожильского и бурятского населения. По рассказам информантов, каждая семейская семья имела своего *талу* 'друга, приятеля'¹ среди бурят. В течение года они неоднократно приезжали друг к другу: буряты выращивали семейским скот, а семейские сеяли и убирали для них пшеницу, рожь, овес и т. д., снабжали овощами. Например, семья Зиновея Утенкова из Бичуры дружила с семьей Митупа Митуганова из Старого Загана, семья Иллариона Тимофеева имела *талу* в Гачите и т. д.

Результатом такого тесного взаимодействия и явилось развитие двуязычия, следы которого сохранились до настоящего времени прежде всего в виде лексических заимствований. Немало свидетельств двуязычия русского населения Забайкалья в до-

¹ Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 51.

² Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

³ Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 24.

⁴ Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: мат-лы всесоюз. конф. Алма-Ата, 1964.

⁵ Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С.83; Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. Пассивное двуязычие и культура родной речи // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 127.

I. Общий раздел

октябрьский период имеется в работах первых исследователей русских говоров этого региона: Г. М. Осокина, А. М. Селищева, Г. С. Виноградова¹ и др.

Современная языковая ситуация в Забайкалье характеризуется бурятско-русским двуязычием у бурят. Среди семейских двуязычны преимущественно представители старшего и среднего поколений, чаще мужчины, непосредственно запятые в сфере животноводства: работники ферм, скотники, чабаны, пастухи. Это в основном лица, имеющие начальное или неполное среднее образование. Их двуязычие носит широкий характер, являясь неполным и преимущественно пассивным, т. е. носители исследуемых говоров понимают речь на бурятском языке частично, не владея полностью системой данного языка.

В процессе своего функционирования на повой территории, т. е. в Забайкалье, говоры семейских взаимодействовали также с сибирскими старожильческими говорами, имеющими северно- и среднерусскую основу. Влияние сибирских старожильческих говоров на старообрядческие особенно ярко проявилось в лексике определенных тематических групп.

Поскольку предки старообрядцев, переселившись в Забайкалье, оказались в окружении сибирских старожильческих говоров и говоров аборигенов края — бурят, особую значимость для нас представляют работы А. А. Дарбеевой, Р. Х. Харташкиной, В. И. Рассадина, Э. Д. Эрдынеевой² и других, посвященные исследованию русских и бурятских говоров Забайкалья и Прибайкалья и проблемам двуязычия.

¹ См.: Осокин Г. М. На границе Монголии (Очерки и материалы этнографии юго-западного Забайкалья). СПб., 1906. С. 5; Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1921. С. 6; Виноградов Г. С. Замечания о говорах Тункинского края // Бурятоведческий сб. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 3–29.

² См.: Дарбеева А. А. О некоторых вопросах взаимодействия разносистемных языков на уровне говоров // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 198–208; Она же. Условия развития бурятско-русского двуязычия // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976. С. 85–102; Она же. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. М., 1978; Она же. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М.: Наука, 1984; Харташкина Р. Х. Взаимодействие русского и бурятского языков: (На материале говоров русских старожил и бурят Иркутской области). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1977; Рассадин В. И. К сравнительному исследованию анималистской лексики бурятского языка // Язык и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. С. 97–120; Эрдынеева Э. Д. К проблеме формирования русских говоров Забайкалья: (На материале фонетико-фонологической системы русского населения Заиграевского района Бурятской АССР): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982; Она же. Диалектная речь русских старожил Бурятии. Новосибирск: Наука, 1986; Она же. Русские говоры в Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ, 1992.

Н. А. Дарбанова

**ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В РЕЧИ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹**

Цель исследования — выявить особенности самоидентификации, выраженные в речи забайкальских семейских. Под самоидентификацией понимаем осознание своей тождественности с сообществом.

Источник материала — записи, сделанные автором статьи в диалектологических экспедициях с 2007 г., «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (далее — СГССЗ) и «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» А. П. Майорова.

Семейские — локальная этноконфессиональная группа русского населения Бурятии, выделяющаяся на основании языковых, культурно-бытовых, религиозных особенностей. В настоящее время семейские проживают в селах Тарбагатайского, Мухоршибирского, Бичурского, Заиграевского районов Республики Бурятия и Красночико́йском районе Забайкальского края, а также имеются поселения и в других районах Бурятии: Кижингинском, Кяхтинском, Селенгинском, Хоринском. Этноконфессиональная группа семейских сформировалась в Забайкалье во второй половине XVIII в., это были старообрядцы, в 1735 и 1764 гг. изгнанные из поселения на р. Ветка, находившегося на территории Речи Посполитой (современной Белоруссии) и отправленные в Сибирь, затем расселенные в Тарбагатайской, Куналейской, Мухоршибирской и Урлукской волостях Верхнеудинского и Нерчинского округов. К этому времени почти вся территория Забайкалья была освоена русскими переселенцами преимущественно из северных регионов европейской части Российской империи, с XVII в. обосновавшимися в Сибири и именуемыми сибиряками, в научной литературе — старожилами. Таким образом, во второй половине XVIII в. в Забайкалье возникла новая группа русского населения, отличавшаяся от местных русских старожилов по культурно-бытовым, религиозным и языковым признакам.

Вновь прибывшие переселенцы были носителями южнорусского говора, тогда как старожильческое русское население Забайкалья — носителями севернорусских говоров. Поселения старообрядцев выделялись внешним видом домов, их внутренним убранством, традиционным укладом жизни. Наряд семейских, особенно женский, существенно отличался от одежды местного населения. Но наиболее важным признаком, противопоставляющим новоприбывших русским старожилам Забайкалья, была, конечно, принадлежность к старообрядчеству, которая определила их обособленное существование на протяжении более трех столетий и тем самым сохранила культурно-бытовые и языковые особенности, а также обусловила целостность, цельность и устойчивость этой группы. Степень сохранности зависела от изолированности семейских сел от окружающего иноязычного и инодиалектного населения, удаленности старообрядческих деревень от крупных населенных пунктов, наличия социально-культурных объектов и их уровня, развитости инфраструктуры села и др. факторов.

¹ Дарбанова Н. А. Парадоксальность самоидентификации в речи семейских Забайкалья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 16. Вып. 9. Филология. Новосибирск, 2017. С. 106–111.

I. Общий раздел

В настоящее время у семейских при отчетливом осознании своей групповой идентичности возникают затруднения с этнической и религиозной самоидентификацией, т. е. им свойственна диффузность самосознания.

Групповая идентификация семейских, т. е. осознание ими собственной принадлежности к особой группе и с внешней стороны отождествление семейских как таковых с представителями других групп населения Забайкалья, вполне определенная и четкая: *Я сямейская, мои дѣти — сямейские, мѣтка, бѣтка — да усѣ сямейские, ѣто уж как сконовѣку* ('испокон веков') *было, так и бѣть* (Шал., Тарб.); *Мы-то, сямейские, бѣдто няздѣшние, с Польши пришѣдчи, при Екатерине сосланы. Да мы уж сколь веков здесь живѣм, и дѣды, и прѣдѣды тѣта рождѣны. Я дак шиштѣю: мы здѣшние, и всѣ тут* (Б. Кун., Тарб.); *Мы, сямейские, такіе — крѣпкие, вѣра у нас такѣя, старѣя вѣра, крѣпкая...* (Шал., Тарб.); *Я сямейскою была и сямейскою бѣду и сямейстий сарахѣн срѣду ня забѣду* (частушка); *Я-то правослѣвная, не сямейская, но у нас тут сямейские есь, много. Вон Дѣся, Ульѣяна, да много. Татары есь* (Хонх., Тарб.) (экспедиционный материал автора).

При этом определенная самоидентификация семейских сосуществует с неопределенностью, диффузностью их этнической, региональной и религиозной идентификации, которая обусловлена наивными, упрощенными представлениями, существующими в их сознании. Такая неопределенность находит выражение в парадоксальных противопоставлениях в рамках оппозиции «свой — чужой».

Парадокс этнической идентификации: оппозиция «семейский — русский»

Своеобразие этнической идентификации забайкальских семейских заключается в размытости их представлений о собственной этнической принадлежности и реализуется в парадоксальной оппозиции «русский — семейский», репрезентирующейся в подобных высказываниях: *Муж-то сямейский, а она — русская* (В. Жир., Тарб.); *Она не русская, сямейская* (Дес., Тарб.); *Мы в Ёрлуке жиѣ ли, а в Усть-Ёрлуке — казаки, русские. Они нас не любѣли, бичѣ ми гонѣли. Вот идѣшь мимо тихѣнко, чтоб не увидѣли. А увидѣят, запѣрут* (Белооз., Джид.) (материалы экспедиций автора).

Семейские, будучи русскими, считают, что они принадлежат к особой этнической группе, не относящейся к русскому народу. Причем парадоксальность этого противопоставления усиливается тем фактом, что семейские, в отличие от остального русского населения в Бурятии, в большей степени сохранили этническую «чистоту», поскольку религиозные воззрения не позволяли им вступать в браки с иноверцами. Основанием возникновения оппозиции «русский — семейский» явилось осознание выделенности их группы на общем фоне русского населения Забайкалья, базирующейся на ярко выраженных устойчивых языковых, субконфессиональных, культурно-исторических отличиях, например: *Мы, сямейсти, вѣ усѣ чѣдно гворѣ м. Сѣна ув ѣрмии был, я к нѣму поѣхала, а рябѣята яѣ и спрашиѣаютъ: «Во-ой, дак а мѣтка-то твѣя ня русская, что ли? Что гворѣт-то, не разбярѣшь. Она по какѣму гворѣт-то?»* (Дес., Тарб.); *У нас, у сямейских, всѣ на «я» да на «у»: «уот» да «усѣ», да «трянтѣѣни» ('позавчера'), «сарахѣны» да «мутѣѣки»* (Б. Кун., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

Также причиной появления этой парадоксальной оппозиции, на наш взгляд, стала длительная обособленность старообрядцев от остального русского населе-

ния в силу религиозных воззрений и специфики исторической судьбы, запреты на контакты, проявляющиеся в чашечничестве — запрете на молитвенное и трапезное общение с иноверцами и членами других направлений старообрядчества и др., закрытость из-за необходимости скрывать свою принадлежность к старообрядчеству вследствие постоянных гонений со стороны государства и официальной церкви. При этом усиление дискриминации старообрядцев и их самоизоляции вызвали двойственную реакцию — укрепление групповой самоидентификации и одновременно ослабление этнической идентификации.

Кроме того, эта оппозиция, возможно, поддерживается существовавшим ранее, например в XVIII в., противопоставлением Сибири и Руси, как называли в то время европейскую часть Российской империи: *И в означенную перепись за отлучкой на лѣсном звѣрином промыслу не написан и в Русь сродственников моих никого не имѣется* (ф. 262, 1740). *Находится в неполном разуме, и неоднократно уже збирается идти в Русь в прежнее свое жилище* (ф. 20, 1792)¹.

Сибиряки именовали *русскими* жителей европейской России и переселенцев в Сибирь второй волны, относящейся к середине XVIII — началу XX в. Однако в настоящее время оппозиция «семейский — русский» уже не означает противопоставление по региональной принадлежности, а представляет собственно этническую категоризацию.

Противопоставление «семейский — русский» свойственно и внешней идентификации, со стороны представителей других групп населения. Например, сотрудница администрации, не семейская, так определяет национальный состав населения: *У нас живут русские, семейские, татары, две бурятские семьи и один удмурт. Русских и семейских — примерно пятьдесят на пятьдесят <...> Сосѣдние сѣла: Никольск — семь километров, там семейские живут, Харашибирь — русские, буряты, татары, семейских нет* (Хонх., Мухор.) (материалы экспедиций автора).

Наивные представления об истории старообрядчества, в том числе семейских, незнание исторических фактов также способствуют расшатыванию этнической самоидентификации: *А мы кто? Поляки, что ли... С Польши пришѣдши, говорят... А я дѣлаю, мы русские всё-таки. Говорим-то по-русски* (Белооз., Джид.); *Мы-то, семейские, бы дто няздѣшние, с Польши пришѣдчи, при Екатерине сосланы. Да мы уж сколь веков здесь живѣм, и дѣды, и прадеды тут рождѣны. Я дак ишитяю: мы здѣшные, и всё тут* (Б. Кун., Тарб.); *Дак уот ня зная, откудава взяли ся. Уот сямейсти да сямейсти. Говорят, быдто с Польши, да теперь хто узнат-то, старики-то усѣ помѣрши. Нет, мама не сказывала. Да когѣ, няграмотная она, да я тѣжа. Уон вы тудѣ валитя, там старуха живѣть, уот она-то вам расказет, уот она-то зная* (Корд., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

Парадокс региональной идентификации (принадлежности к региону)

1. Оппозиция «семейский — сибиряк»: *Сибиряков мы сибиряками так и звали, а они-то нас семесюхами называли* (Бич., Бич.)²; *Ба́тя — сибиряк православный, а ма́тка — семейская* (Б. Кун., Тарб.); *Сибиряки жениха с невестой под венѣц у цѣрковь ведут, у нас тако́го не было* (Шарал., Мухор.); *Ба́бка-то*

¹ Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. С. 419.

² СГССЗ. С. 424

I. Общий раздел

наша зарявела: «Вой, он пошто сибирку-то взял?» (В. Жир., Тарб); С сибирячкой могли свадьбу не сделать, урязными называли, значить, они не чисты семейски (Куйт., Тарб.); У них сибирская вера, не наша (Б. Кун., Тарб.); Мы в сибирскую церкву не ходили, у нас своя часовня сямейская была (Бич., Бич.); Вот отвеать, кадилницей этак размахивать — это всё сибирская мода была, у нас не так (Бич., Бич.); Эта улица так и называется Сибирская, там сибиряки живут (Куйт., Тарб.); На тэй улице одни сибирятти живут, семейских нэтука (Куйт., Тарб.) [СГССЗ, 1999. С. 427]. Парадоксальность этой оппозиции в том, что, как известно, сибиряками называют всех жителей Сибири, а семейские Бурятии, будучи также частью населения Сибири, себя сибиряками не считают. Однако эта на первый взгляд алогичная оппозиция объясняется диалектным значением слова *сибиряк* и его производных — так семейские именуют потомков первых русских поселенцев — старожилов, мигрантов первой волны заселения Сибири с XVI до середины XVIII в.

2. Оппозиция «семейский — расейский». Несмотря на оппозицию «семейский — сибиряк», семейские все-таки причисляют себя к жителям Сибири и по региональному признаку противопоставляют себя выходцам из европейской части России — *Расеи*, называя последних *расейскими*, *западниками*: *Раньше в сарахванах ходили, браво. Потом залезную дорогу строили — западники пришли. Они отымалками (отымалка перен. 'о неряшливом человеке') ходили в лапках ('лаптях') катих-то — плетёнках западных, в кохтах, юбках ходили. Ой, мы дикавали ('удивлялись'), на них глядэть бегали, чудно было. А потом тэжа отымалками ходили в кохтах, юбках, из мяшков шили (Шал., Тарб.)¹; Они расейские, суды к нам приехали с Расеи, да тут и осталися (Где?) Да у нас, у семейских, у Солонцах. (Откуда именно они приехали?) Да с Расеи, а уот уж откудова, не придумаю ('не вспомню')... Я-то когó, маленька была. Эта надо старинных баушек спрашивать, баушку Соломониду али когó шио (Шал., Тарб.) (материалы экспедиций автора).*

Оппозиция «семейский — расейский» также основывается на значении диалектных лексем, известных всем русским говорам Сибири: *Расея* 'наименование европейской части России', *расейский* 'житель европейской части России'.

Парадокс религиозной идентификации: оппозиция «православный — семейский»

Согласно своему религиозному мировоззрению, старообрядцы считают себя единственными носителями истинной веры, существовавшей до раскола церкви, и противопоставляют себя *православным*, называя так представителей русской православной церкви: *А в Нарыне — с повеко́н веко́в смесь там: и правосла́вные, и сямейсти, и буряты* (Леон., Киж.)²; *Отпева́ют покóйника у сямейских устáвшики, а у правосла́вных — поп* (С. Брянь, Заигр.)³; *Ба́тя — сибиря́к правосла́вный, а ма́тка — сямейская* (Б. Кун., Тарб.)⁴; *Кары́м* ('представитель русского населения Забайкалья, потомок смешанного брака русских и бурят') — *не*

¹ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 140.

² СГССЗ. С. 446

³ Там же. С. 489.

⁴ Там же. С. 427.

*только буряты, православный тоже карым, усé, у кого véра дрóгáя (Хас., Хор.); У нас не ходíтя, там карымы́, сямéйстих нéтука (Хас., Хор.)*¹.

Парадоксальность этой оппозиции обусловлена исконной принадлежностью старообрядчества православию. Лексема *православный* в говоре семейских утратила прежнее значение, развил диалектное ‘не семейский, не старообрядческий’. Такое изменение семантики, безусловно, мотивировано экстралингвистическим фактором — субконфессиональными разногласиями между направлениями православия.

Итак, основными внутригрупповыми и внешними идентифицирующими признаками семейских, маркирующими их принадлежность к группе, являются:

- языковые признаки (сохраняющиеся южнорусские черты в говорах семейских, несмотря на ассимилирующее воздействие русских старожильческих говоров, северорусских по происхождению);
- религиозные признаки (приверженность старообрядчеству, русское старожильческое население Забайкалья исповедует официальное православие); традиционные культурно-бытовые признаки (внешний вид поселений семейских, архитектура и внутреннее убранство домов, традиционная одежда, специфика духовной культуры, обусловленная принадлежностью к старообрядчеству).

Иерархия по значимости идентификационных признаков варьирует в зависимости от внешней или внутригрупповой идентификации. Для семейских при самоидентификации конфессиональная принадлежность является первичной, а языковые и культурно-бытовые особенности — вторичными, осознаваемыми только в ситуации сопоставления при непосредственном контакте. Напротив, в ситуации внешней идентификации на бытовом уровне примарными становятся языковые и культурно-бытовые признаки, а вторичным признаком — религиозный. Вероятно, это обусловлено, во-первых, общей идеологической и политической ситуацией в России XX в., характеризующейся широким распространением атеистического мировоззрения и, как следствие, отсутствием демонстрации семейскими, как, впрочем, и всеми членами социума, своих религиозных взглядов. Сокрытие старообрядцами своей принадлежности к древлеправославию имеет давнюю историю, начавшуюся с момента появления старообрядчества как протестной формы против нововведений патриарха Никона и продолжавшуюся до конца прошлого века.

Таким образом, трансформация некоторых внешних (формальных) и внутренних (мировоззренческих) идентификационных признаков вызвана широким наступлением современной жизни и вытеснением на периферию рефлексов традиционной культуры семейских.

Определенная групповая самоидентификация семейских сосуществует с флуктуацией их этнической, региональной и религиозной идентичности, выражающейся в парадоксальных оппозициях «семейский — русский», «семейский — сибиряк», «семейский — православный», последние из которых при ближайшем рассмотрении не парадоксальны и являются следствием развития диалектных значений слов *сибиряк* и *православный*. Оппозиция «семейский — русский» обусловлена выделенностью семейских на общем фоне русского насе-

¹ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 195.

I. Общий раздел

ления Забайкалья благодаря контрастности и культурной значимости маркирующих эту группу идентифицирующих признаков. И именно фактор выделенности семейских способствует сохранности их как специфической группы русского народа, несмотря на «дрейф» идентичности.

Список сокращений названий населенных пунктов и районов Республики Бурятия

Б. Кун. Тарб. — с. Большой Куналей Тарбагатайского района.
Джид. — с. Белоозерск Джидинского района
Бич. Бич. — с. Бичура Бичурского района
В. Жир. Тарб. — с. Верхний Жирим Тарбагатайского района
Дес. Тарб. — с. Десятниково Тарбагатайского района
Корд. Тарб. — с. Кордон Тарбагатайского района
Куйт. Тарб. — с. Куйтун Тарбагатайского района
Леон. Киж. — с. Леоновка Кижингинского района
С. Брянь Заигр. — с. Старая Брянь Заиграевского района
Тарб. Тарб. — с. Тарбагатай Тарбагатайского района
Хас. Хор. — с. Хасурта Хоринского района
Хонх. Мухор. — с. Хонхолой Мухоршибирского района
Шал., Тарб. — с. Шалуты Тарбагатайского района
Шарал. Мухор. — с. Шаралдай Мухоршибирского района

А. П. Майоров

СЕМИОТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЯ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ)¹

Введение. Коммуникативный аспект человеческой деятельности невозможно представить без функционирования знаков. Однако в различных семиотических ситуациях действуют разные виды знаков, по-разному проявляются их свойства. Знаки, например, органически присущи обрядам, поскольку обряд — это совокупность сугубо конвенциональных действий. В гуманитарных науках (лингвистике, фольклоре, этнографии и пр.) в основном распространено историко-генетическое исследование символики традиционной обрядности и функционирование в обрядах семиотических концептов глубоко не исследуется. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение обряда и составляющих его компонентов в семиотическом аспекте.

Обряд как семиотическая ситуация. Если рассматривать обряд как семиотическую ситуацию, то главной его особенностью будет то, что знаки, используемые в нем, лишены прагматического смысла и, как правило, выступают с символическим значением или по крайней мере стремятся стать символами. В необ-

¹ Майоров А. П. Семиотика погребального обряда (на материале описания обрядовых действий у семейских Забайкалья) // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные связи: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2001. С. 242–245.

рядовом семиозисе какой-либо предмет (явление, событие) применяется как знаковое средство для передачи информации в утилитарных целях. Так, звуковой сигнал автомобиля предупреждает об опасности на дороге или же в другой семиотической ситуации может быть использован как знак вызова кого-либо. В то же время этот сигнал, подаваемый в знак траура по погибшему водителю, не преследует какой-либо утилитарной цели. В последней семиотической ситуации, которую можно интерпретировать как обрядовое действие, звуковой сигнал, будучи знаком, несет с собой уже образ печали, скорби; иначе говоря, стремится стать символом.

Поскольку в прагматических знаковых системах более важна утилитарная ценность знака, главным для его функционирования в определенном семиозисе является то воздействие, которое оказывает знак на адресата. Реакция адресата на функционирование знака в прагматической ситуации бывает прямой, непосредственной (водитель, видя знак поворота, включает сигналы габаритов; следующий за ним водитель, видя загоревшиеся красным цветом габариты, притормаживает и т. д.).

В обряде, как уже было отмечено выше, знаки-символы утрачивают прагматический смысл, и это связано с другой особенностью обряда как своеобразной семиотической ситуации. Те или иные установленные обычаем действия в обряде диктуются религиозными предписаниями или традициями, которые уходят своими корнями в глубокое прошлое и, как правило, утратили сегодня свой мифологический смысл, стали бытовыми традициями.

В данном случае воздействие и восприятие знака не бывает прямым, а осложняется, по нашему мнению, тем, что адресат у знака не столько человек, сколько божественные силы. Безусловно, сама знаковая система в обрядах создана людьми, но используется ими в сакральных целях. Интерпретация знаков в обряде предполагается опосредованной третьим участником семиозиса — Богом. Так, в похоронном обряде семейских Забайкалья старики отказываются отпевать покойника, если того не пеленали; отказ этот мотивируется тем, что Бог тогда не примет душу покойника:

уот сицъс хатя-от старикí харóнють, старикí атпивáють, ёсли ни спялёнутый, ане атпивáть ни стáнуть. Гаваря́ть нильзя́, грех. Бох дúшу ни прíмет, ёсли ни спялёнутый (Калин., Мухор.)¹.

Иным словами, участники обряда интерпретируют что-либо в качестве знака как бы со ссылкой на Бога.

В связи с этим в обряде можно выделить третью семиотическую особенность. Знаки-символы в обрядовых действиях иконичны², обладают образностью³, и образы-иконы символов, варьирующиеся в зависимости от различных семиотических ситуаций в обряде, всегда содержат общую идею о сакральном пространстве, противопоставленном по своей сути земному, поскольку семиозис в этом случае осуществляется, имея в качестве адресата Бога.

¹ Здесь и далее: с. Калиновка Мухоршибирского района Республики Бурятия.

² Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Т. XXI, вып. 754. С. 10–21.

³ Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 607.

I. Общий раздел

Знаки-символы в погребальном обряде. В свете определяемых семиотических особенностей обряда попробуем рассмотреть семиотику погребального обряда на примере обрядовых действий, атрибутов у семейских Забайкалья. Следует заметить, что те или иные свойства знаков-символов в традиционной обрядности семейских Забайкалья проявляются в разной степени и в разных формах и наиболее ярко они обнаруживают себя в погребальном обряде.

В частности, гроб у семейских наделяется символическими свойствами вечного дома для успокоения тела и души почившего. Семиотическая маркированность этого символа проявляется прежде всего в наименовании гроба как *домовины*:

*Ни үрөн гаварили, дамавина. Дамавина ат слова дом. Там вечный дом у зимле, закапывают и усё*¹.

Представление о гробе (домовине) как жилище, в которое человек переселяется после смерти, широко распространено в славянских похоронных обрядах².

Образ вечного дома в потустороннем мире у этого символа определяет знаковую роль разных деталей, атрибутов у самого предмета — носителя символа. Так, домовина у семейских изготавливалась обязательно из цельного бревна:

*Дамавина долбицца ис цэлава бревна, фсё вычишицца. Па триццять-сорок лет эта бревно пат сарам лижыт — лёгенькая делацца*³.

Иной принцип изготовления гроба не допускался: например, нельзя было делать гроб из досок:

Раньша-та клали пакойника у дымавину, у гроб з дасок — грех был [там же].

Как видим, изготовление гроба из цельного бревна было принципиально важным. Не касаясь мифопоэтической интерпретации символики гроба как ладьи для переправы в иной мир, остановимся на рассматриваемом в данной работе семиотическом подходе. С точки зрения семиотики эта деталь маркирует противопоставление дома вечного дому земному. Противопоставление здесь устанавливается по принципу зеркальности. Принцип зеркальности или перевернутости в народнопоэтической картине мира рассматривается во многих исследованиях, в частности, в работах Л. Н. Виноградовой, Н. И. и С. М. Толстых. В близком семиотическом аспекте он звучит в работе Н. И. Толстого⁴. Так, если дом в земной жизни строится из множества бревен, досок, которые сшиваются друг с другом, то дом в загробной жизни делается из цельного материала, где ничто не должно друг с другом скрепляться.

Семиотика запретов. На основе противопоставления земного и загробного мира строится вся система предписаний и правил поведения в обряде, которая включает в себя множество запретов, вытекающих из предписаний. В связи с этим изучение семиотики погребального обряда невозможно без рассмотрения семиотики запретов. Запрет в сакрально-этической сфере представляет собой недопустимость каких-либо действий, которая вытекает из религиозно-

¹ Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойника у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1. С. 10.

² Славянская мифология. М., 1995. С. 168.

³ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999. С. 123.

⁴ Толстой Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

нравственных предписаний. Иными словами, понятие запрета тесным образом связано с понятием предписания, распоряжения: собственно, запрещать что-либо делать — это приказывать не делать этого.

В семиотическом аспекте запрет в погребальном обряде — это то, что маркирует в рамках известного противопоставления земной — загробной жизни недопустимость каких-либо действий как знак божественных сил. В семиотической структуре запретов также наблюдается принцип зеркальности: то, что используется в земной жизни, нельзя применять в загробной жизни. Так, в других исследованиях традиционной культуры семейских отмечается запрет умирающему лежать на подушке¹. Интересен другой пример: когда заранее готовили себе одежду на случай смерти (*смерётную одёжу*), существовал запрет шить ее на швейной машинке:

гатóвють адёжу, так да́жы машы́нкай нильзя́ бы́ла шы́ть. То́ка на рука́х ис тавáру шы́ли (Калин., Мухор.).

При этом шитье вручную осуществлялось особым способом: иголку с ниткой следовало продевать сквозь ткань от себя, а не к себе, как обычно. Часто такой принцип шитья объясняется тем, что «как бы себя к покойнику не пришить». Однако лежащее в основе этого толкования представление о запрете обусловлено, на наш взгляд, действием того же семиотического принципа зеркального отражения в рамках противопоставления земного-загробного мира — одежда, сшитая здесь, в земной жизни, на швейной машинке или вручную обычным способом, не может быть использована там, на том свете.

Нарушение запрета рассматривается как грех. Например, грех использовать для изготовления гроба не только доски, но и гвозди:

Грех гвось. Гвездём нильзя́ приб́ить ничё. Вот ёсли аткало́лась у грóбе чё-та, ты до́лжын ды́рачку правиртётъ и диривя́нным штырём [заделать], а гвездём нильзя́ (Калин., Мухор.).

Грехом считалось хоронить с музыкой:

С му́зыкай у нас то́жэ ни харані́ли. Грэх эта. Езли кто с му́зыкай харо́нит чилавэ́ка, чэ́рти унярёт ля́тят с му́зыкай, а миртви́ца́ та́ишат за чиртя́ми².

В семиотической системе обряда грех выступает как знак, противопоставленный запрету. Общим основанием для оппозиции является точка зрения того, кто диктует те или иные предписания, т. е. «точка зрения» Бога. При этом модальная прескрипция в похоронном обряде актуализируется именно в форме запрета — важно не то, что нужно есть постную пищу на поминках, а то, что нельзя есть жирную:

абéт-та на памі́нках ра́зны́й, то́ка по́сны́й, там гла́вна скаро́мнава нильзя́ (Калин., Мухор.).

Это-то и определяет оппозицию «запрет-грех».

Подобно другим знакам в погребальном обряде запрет обладает своей иконичностью. При этом образ, порожденный символом-запретом, бывает подчас достаточно конкретным, зримым. Например, запрет пить вино на поминках создает образ озер и рек из вина и водки на небесах, которые покойнику невозмож-

¹ Матвеева Т. И. Семантика запретов в похоронной обрядности семейских // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ, 2000. С. 60.

² Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойника у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1. С. 12.

I. Общий раздел

но преодолеть по дороге в рай¹. Ср. также образ чертей, тащащих за собой покойника, в случае нарушения запрета хоронить без музыки.

Запрет как и любой другой символ многозначен. Например, символика запрета на использование гвоздей в семиотической ситуации похоронного обряда может толковаться по-разному:

Из дасок нильзя гроб гатóвить, штоб гваздя́ми патóм закала́чивать, грех ишыта́лся. Гваздми вить Спаси́тиля на́шыва Исуса Христа́ к кристу́ прикала́чивали. Ишо́ гаваря́т, штоб ду́ша пако́йника магла́ на во́лю в́йтить; Сямейских ра́ншиэ у дамави́шиэ харани́ли. Д́лали яво́ из ба́льшой то́лстой сасны́. Сяряди́ну усю́ выда́блывали. Кры́шку д́лали. Усе́ бы́ла биз гваздéй. Грех ишыта́лась гваздя́ми прикала́чивать, бутта каво́-та ишио́ прикала́чиваши за сабо́й².

Собственно символ и запрет находятся во взаимообусловенной связи. Запрет определяет значимость символики, поскольку любое несоблюдение традиционной процедуры действий, носящих символический характер, (т. е. нарушение запрета) разрушает обряд. И, наоборот, символ в похоронной обрядности обуславливает появление запрета.

Классификация видов запретов как знаков. С семиотической точки зрения можно выделить два вида запретов. Первый вид запретов условно назовем запрет-знак. Этот запрет семиотически выводится из функционирования символа. Например, если в похоронной обрядности есть семиотический концепт с символическим смыслом, то имплицитно он содержит запрет на любые другие действия с каким-либо иным предметом, не имеющим данное символическое значение. Так, гроб, изготавливаемый из цельного бревна, (*домовина*) имеет особый символический смысл в погребальном обряде семейских (подробнее об этом значении см. в указанной статье), и функционирование в обряде данного символа предопределяет наличие запрета на использование досок при изготовлении гроба. Точно так же действует этот семиотический принцип и в других обрядах у семейских: например, кичка — символ замужней женщины, и незамужней девушке ее носить запрещено. Как видим, данный вид запрета семиотически маркируется как таковой только в связи с функционированием знака-символа и не является самостоятельным. Поэтому этот вид запрета, выводимый из оппозиции к символу, не наделен собственным значением.

Другой вид запрета (не настаивая на терминологии, поскольку название условно) — запрет-символ. В отличие от запрета-знака символический запрет обладает собственным значением. Данный вид запрета широко распространен в погребальном обряде семейских. Главное свойство запрета-символа состоит в том, что его значение выявляется в связи с функционированием символических предметов — денотатов, которые получают символический смысл через отношение к концепту смерти. Например, в запретах хоронить с музыкой, пить вино на поминках, ставить оградки на могиле, забивать гвозди в крышку гроба (и вообще использовать гвозди) и т. п. денотаты *музыка, вино, оградка, гвоздь* в контексте погребального обряда у семейских получают символический смысл с общейемой 'опасность, вред для участников обряда'. Таким образом, запрет-символ

¹ Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. См. там же. С. 13.

² Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойника у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1. С. 11.

можно определить как недопустимость каких-либо действий с денотатом, имеющим в данном обрядовом контексте символический смысл опасности, вреда для участников обряда.

Среди знаковых средств похоронной обрядности выделяется группа предметов, символика которых связана с концептом пути в иной мир¹. Это денотаты, символизирующие снаряжение в дорогу на тот свет: специальная одежда (рубашка, сарафан, кичка, — у женщин), калишки, гайтан с крестиком, лестовка, рукописание/рукопишие — бумажка с разрешительной молитвой и пр.

Семиотически образ пути в загробный мир выражается прежде всего в языке. Так, процесс обряжения покойника у семейских называется *собирать, наряжать* (ср. в литературном языке: одно из значений слова *собрать* — «приготовить кого-л. для дороги, поездки и т. п.»²; у однокоренного *снарядить* — «снабдив всем необходимым, подготовить для отправки куда-л.»³):

По́мер чилавёк — сабира́ть на́да, стару́х сабира́ть зазыва́ють (Калин., Мухор.).

В то же время в названиях предметов-символов пути в иной мир актуализируется также идея противопоставления земной и загробной жизни. Специальная одежда для покойника у семейских называется *смерётная одёжа, смертная одёжа/одежда, могильная одёжа*:

*Зара́ние старики гато́вють сабе́ адёжу на не́ба, така́ адёжа смирётна зва́ли*⁴.

Этим названием, на наш взгляд, подчеркивается принципиальное для идеи о загробной жизни отличие атрибутов похоронной обрядности от утилитарных вещей обыденной земной жизни. Маркированность эта тем более важна, потому что при обряжении покойника используются вещи повседневной жизни (гайтан с крестиком, сарафан и т. п.).

Кроме языковых номинаций другим семиотическим средством известного образа становятся сами обрядовые предметы, у которых те или иные детали подчеркивают их символический смысл. Например, женщину облачали в *смерётную рубаху без станушки*; в сарафан без *запона*, с минимальным количеством складок и длиннее обычного сарафана; особую кичку с бумажной *калмычкой*, обували в *калишки*. Символичность предметов обрядовой одежды, ее деталей подтверждается, к примеру, следующим толкованием информанта:

*Зачём имя́ за́пан? Ту́та наро́бились, ту́да аддыха́ть иду́ть*⁵.

Отсутствие запона в данном случае семиотически значимо: в земной жизни запон — знак повседневной, тяжелой работы (ср. *туда наробились*), в загробной жизни человек заслужил отдых и запона на нем не должно быть.

¹ Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова Т. В., Цивьян Т. В. Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 442–459.

² Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. IV. С. 171.

³ См. там же. С. 163.

⁴ Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойника у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1. С. 10.

⁵ Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. См. там же.

I. Общий раздел

Выводы. Итак, краткая характеристика некоторых знаков-символов погребального обряда у семейских Забайкалья выявляет специфику функционирования семиотических концептов в такой своеобразной семиотической ситуации, как обряд.

Иконичность традиционно используемых символов похоронной обрядности (гроб и различные его атрибуты, одежда покойника, ограда и пр.) связана с противопоставлением земного-загробного мира, которое выражается различными знаковыми средствами — языковыми номинациями, материальными телами денотатов. Это противопоставление часто актуализируется принципом зеркальности: знаки-символы загробной жизни семиотически структурируются прямо противоположным образом, чем утилитарные вещи (гроб, части *смерётной одежды* и т. п.).

В похоронном обряде одной из характерных форм предписаний являются запреты. Запрет обнаруживает все семиотические свойства знака-символа: иконичность, многозначность; идея о загробном мире в семантике запрета также семиотически структурирована по принципу зеркальности. Как член семиотической системы запрет противопоставлен греху, который в семиотической ситуации обряда интерпретируется в качестве знака. Данная оппозиция определяется модальностью акта прескрипции, который подразумевается исходящим от Бога.

II. ФОНЕТИКА

П. Ф. Калашников

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА СЕМЕЙСКИХ¹

Гласные фонемы (а их в изучаемых говорах в сильном положении шесть: **а, о, у, э, и, ы**) произносятся так же, как и в литературном русском языке.

Употребление **о** в ударном положении вместо этимологического **а** лексикализовано: сòд'ут', дòр'ут', плòт'ут'. Лексикализовано произношение **е** вм. этимологического **а**: ап'èt' (опять), м'èч'ик.

Древний звук **ять** совпал со звуком **е**, за исключением слов: jùс' (есть — кушать), сйвер.

Явление перехода **е** в **о** перед твердыми согласными в говоре прослеживается последовательно и несколько шире, чем в литературном русском языке. Например, в словах: ад'òжа (вм. лит. одежда), ад'òмшис, (одевшись), над'òжа (надежда), т'èпло (ср. тепло с переносом ударения); ум'òр, ум'òрши, пам'òр (умер, умерший), в'òшн'аја (вешняя, в говоре употребляется в значении «посевная»), дал'òка (далеко), уражд'òнка (уроженка), далжòн (должен), пахаран'òный (похороненный), загрузòный (загруженный), отрубл'òный (отрубленный), ув'аз'òный (увезенный), уб'òх (убежал), совр'ам'òный (современный).

Переход **е** в **о** в суффиксах причастий и прилагательных можно объяснить по аналогии с другими прилагательными и причастиями, в которых как в литературном языке, так и в говоре суффикс **òнн-** ударный: сужд'òный, привл'ач'òный, умалиш'òный и т. д.

Случаи неперехода **е** в **о** перед твердыми согласными отмечены в двух словах: в'èдры (**е** из **ять**), но: гн'òзды, зв'òзды. (Иногда: и — в'одры), (хв) Ф'èдървы, но (хв) Ф'òдър. В глагольных формах случаев перехода **е** в **о** не наблюдается.

По реализации гласных неверхнего подъема **а, о** в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными говор характеризуется сильным аканьем, т. е. во всех случаях независимо от качества гласного, находящегося под ударением, слышится **а**. В этой позиции мы не наблюдали звука, близкого к **ы** или **ь**: травà, валнà, стакàн, сабака, забòта, закòн, гадù, н'и — дражн'й, замалч'й, даjут'.

После **ж** и **ш** последовательно слышится **а**: жара, жанà, жанè, жалудьк, шагà, шатàл'а.

Яканье в говорах семейских можно определить как диссимилятивное жидринского типа, т. е. в первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъема реализуются в 'а (-я), если под ударением находятся **и, ы, о, у, е**, и произносятся **и, и'**, если под ударением а. Примеры.

Под ударением **и**: зас'аклй, д'атв'йзина, р'авй, б'ажйт, р'аз'йна, м'ан'йны (именины), дис'ат'йна, м'ак'йна и т. п.

¹ Калашников П. Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1966. С. 26–36.

II. Фонетика

Под ударением **ы**: в'асны, с'астры, у с'ад'мым (в седьмом), ст'апныја, б'ады и др.

Под ударением **у**: п'ат'ух, др'асв'у (крупный песок), р'ахн'улс'а, в'арн'улс'а, гр'а-ч'уха, св'акр'уха, паст'ал'у, јаму, д'ажурный, з'амл'у.

Под ударением **о**: з'ал'онка, зас'ак'от', з'арно, хр'аб'от, в'ачорка, ст'ажонка, з-бир'ажочку, кат'алок, чир'аз в'оспу аслеп.

Под ударением **е** (из ь, е [ять]): с'ад'ел'ник, дв'е н'ад'ели, т'ат'ери, д'ат'ej, д'ар'ехт'р, ис-с'ан'ej (из сеней), ад-д'ар'евн'и, в-в'адр'е, ч'ер'аз-речку, С'аргej. Но: тап'ер'/(т'ап'ер')/т'ип'ер'.

Диссимилятивный тип яканья последовательно прослеживается после шипящих, **ч** и **ц**: жан'илс'а, жар'обаја, жал'езныј, пшан'ица, шалч'ок, ч'астушки, ч'ар'омуха, пач'аму, ч'атыр'и, ч'атв'орт'ва, Ч'абунин (фамилия Чебунин), царкв'ej, сарцав'ина (сердцевина), цалуит', нацад'и.

Перед ударным слогом **а**, в 1-м предударном слоге произносится **и**, **и^е** и даже **е**: бр'и^ехн'а, в'интар'к'и (янтарки), трит'ак (трехгодовалый жеребенок), др'исва, т'ил'атн'ик, биз-бат'ки, п'итл'а, б'ида, з'имл'а, с'ичас, н'ил'з'а, р'ика;

е, и^е — п'и^екар'на, пч'ела, н'и^е брала, с'емјами, б'ел'анк'и, хр'ес'јанин.

Эволюция диссимилятивного яканья в говоре семейских шла в трех направлениях: 1) иканья, 2) ассимилятивности, 3) сильного яканья. Наиболее значительные нарушения принципа диссимилятивности произошли в говоре сел Большой Куналей, Десятниково, Тарбагатай и Мухоршибирь.

Интенсивнее проникает в говор иканье. Есть мнение, что «части говоров забайкальских старообрядцев было свойственно иканье или умеренное яканье еще до прихода в Сибирь»¹. Черты древнего иканья (ч'итв'ерх, вазн'ис'ен'а) и наносные черты (ијо вм. јајо) в результате влияния местного населения, для которого иканье является распространенной диалектной чертой, отмечал в говоре семейских А.М. Селищев².

Мы склонны считать, что иканье проникло в говор семейских в Сибири. Предположение о том, что семейским некогда было свойственно умеренное яканье, отпадает, так как в современном говоре на это нет никаких указаний. Что касается произношения слов **четверг** и **вознесенье**, они произносятся семейскими чаще: ч'атв'ерх, вазн'ас'ен'а.

Можно предположить, что говору семейских ко времени их переселения в Сибирь было свойственно диссимилятивное яканье в его жиздринской разновидности. Что касается усиления иканья в советскую эпоху, то оно идет за счет влияния литературного языка. Хотя отмечено, что в речи молодежи диссимилятивный принцип еще устойчив.

Наряду с произношением звуков **и**, **и^е**, **е**, когда под ударением находится гласная нижнего образования **а**, наблюдаются нарушения, вследствие которых в 1-м предударном слоге в подобной позиции слышится 'а.

Наши материалы отмечают данное явление в говоре сел Большой Куналей, Бичура, Окино-Ключи, Никольское, Новый Заган. Наиболее последовательно в говоре села Большой Куналей. Такое явление А.И. Селищев определил как про-

¹ Брицын М. А. Русские говоры Виньковецкого р-на Хмельницкой обл.: автореф. к/д, Киев. С. 4.

² См: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 45–46.

никновение ассимилятивного принципа. Говоры с ассимилятивным «вкраплением» он назвал ассимилятивно-диссимилятивными. Приведем несколько примеров: хл'абали, п'арч'атк'а, б'ада, ст'анà, с'аржàнт, сад'аржàт', св'аклà, с'астрà.

Как отмечал А.М. Селищев, у семейских широко употребляется неслоговое *y* или губно-губное *w*, при этом указывал на условия, при которых они употребляются⁴¹. На это явление указывал в свое время П. А. Ровинский: «Особенность составляет *y* с *в*: в меня, вже, вдарь и у дому, кроў»².

Изучая данное явление в современном говоре семейских, мы выяснили, что в произношении губного спиранта произошли значительные изменения. Перед гласными слышится *в* губно-зубного образования: вада, в'ела, в'адрò, в'ёрба, звон и т. д. В начале слова перед следующим согласным *в* может звучать, как и в литературном, оглушаясь перед глухими согласными в *ф*: в речку, врачи, в д'ар'евн'у, ф пал'т'è, фс'ò, фтарòj, ф трицàт'ьм.

В архаическом говоре чаще всего *в* произносится как *y* неслоговое. Максимальная частотность употребления *y* слогового вместо *в* — в предложениях: у дòm'и, у калхòзи, у л'асù; у с'ал'è, у с'ал'пè, у гòрьди, у рукаф, у в'адр'è и т. д. Слоговое *y* слышится также в начале слова перед согласными: удава, ус'а, ус'уду, услух, унуки, ускачили, узајмы. Слоговое *y* употребляется в словах, которые в литературном языке имеют приставку *вы*: урабàтывали, ускàзыватца, уписывају, ус'ака.

А.М. Селищев отмечает широкое употребление *w* билабиального или *y* неслогового в начале слов перед согласными и гласными заднего ряда³.

В этой позиции в говоре всех семейских сел мы наблюдали только *y* слоговое.

В середине слова перед согласными и перед гласными заднего ряда чаще произносится звук *ф* или парный ему по звонкости *в*: лафка, дèфка, Сафка, правда, швòрен', рòвным. Только в речи некоторых жителей сел Никольское, Бичура, Хонхой *y* неслоговое слышится в середине слова и в конечном закрытом слоге: винтòука, в'ар'òука, прауда, делòу, карòу, часòу, Л'аòноу.

Говору свойственно наличие придыхательного (протетического) *в* перед начальной лабиализованной гласной *о* (в безударном положении может выступать в виде *а*) и *у*, чаще при ударной лабиализованной гласной: вòсен', вòмул' (омуль), вòкун', вòбрат' (узда), вуздà, вòтруби, вушла, вùши, вугъл', вучитил', вум, вакòшки, в'антàр'ки (янтар'ки), винахòдаја лòшат'.

Ф как самостоятельная фонема не свойственна архаическому говору семейских и выступает в нескольких разновидностях: *хв*, *х*, *хф*. Перед гласной *у* только *х*: хунт, хурàш, хундàмент, хурàшка и т. д., а также: Хаврòн'ка (Феврония), Хакèй (Фокей), хйрма (фирма), Трахйм, аштрахòвывали, Агахòн, хрòнт, хатòграх//хватòграх, Хома. *Хв* произносится в словах: сарахвàn, Хв'адòс'а, расхвармировàл'и, Стихвàn — Стйха — Ст'апàn. *Хф*: Хфигура, хфајè, ахфицèр.

Замена *ф* губным глухим *п* встречается редко, в именах: Апрас'ин'а, Прòс'а, шкап.

Сравнив отражение губного спиранта в современных семейских говорах с данными южнорусских письменных памятников XVII века⁴, со сведениями про-

¹ Селищев А. М. Указ. соч. С. 50–51.

² Ровинский П. А. «Изв. СОРГО». 1876. № 1. Т. 4. С. 26.

³ См.: Селищев А. М. Указ. соч. С. 50.

⁴ См.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие XVII века. АН СССР. М., 1963.

II. Фонетика

фессора А.М. Селищева¹, собранными сорок лет назад, а также данными родственных говоров, приходим к выводу, что исконной чертой говора было употребление вместо **в** (губно-зубного) **w** (билабиального) или **ʋ** (неслогового). На это указывает и реализация фонемы **ф** в вариантах **хв**, **х**, **хф**. Под влиянием соседних средневеликорусских говоров, а за последнее время и литературного русского языка **w** (билабиальное) и **ʋ** (неслоговое) ослабили свою напряженность и стали выступать в виде **у** (слогового) или **в** (губно-зубного).

Наши наблюдения показывают, что в одних селах последовательно произносятся **з** взрывное, в других распространено «смешанное» употребление **з** взрывного и **γ** фрикативного. Произношение **γ** фрикативного представляет собой остаточное явление.

Есть основания предполагать, что **γ** фрикативное было присуще семейским во время их поселения в Сибирь. На это указывает последовательное произношение длительного **у** в курско-орловских, брянских, а также в говоре населения Ветки, «липован» Добруджи и Буковины, Подолья, в последнем за исключением села Слободка Женишковецкая, в котором последовательно произносится **з** взрывное.

Свидетельством исконного произношения фрикативного звука является и то, что в конце слов, в середине и предложениях заднеязычные согласные выступают чаще всего в одной фонеме **х**: д'ён'их, мох, тр'анх, лух, сн'ёх, л'òхка, пал'ёхч'е, х братау, х т'иб'ё, крух вулицы.

Появление **з** взрывного в говоре семейских можно объяснить влиянием соседних средневеликорусских сибирских говоров. К этому выводу приходит исследователь говора алтайских «поляков», для которых характерно употребление **з** взрывного, **γ** фрикативное употребляется изредка². Не лишено основания предположение, что части первых семейских переселенцев было свойственно **з** взрывное. Смещение семейского населения, а также влияние сибиряков способствовали интенсивному изменению звука **з**.

Для изучаемого говора не характерно непереходное смягчение заднеязычных согласных. На это явление мы не отметили ни одного примера. Не отмечается данное явление и в остальных говорах, родственных семейским.

В говоре отдельных семейских сел (Десятниково, Тарбагатай, Окино-Ключи, Мухоршибирь) встречается смешение заднеязычных **з** и **к** под воздействием соседних гласных звуков переднего ряда в звуки **д'** и **т'**: т'ирпичй, т'идайтца, д'ырч'т'и, д'ёфт'и, Ат'йнка (речка Окинка), нòд'и, друд'йе, ад'итацја, зажд'й ланпу. Эта фонетическая черта свойственна средневеликорусским говорам и была усвоена семейскими от соседей-сибиряков. Из всех родственных говоров данное явление наблюдается только в говоре алтайских «поляков»³.

Аффрикаты **ц** и **ч** в говоре семейских различаются. Отметим несколько случаев „сокания“: св'атòчк'и, св'ат'òт', сёрква.

Мягких шипящих согласных в говоре нет.

¹ См.: Селищев А. М. Указ. соч. С. 50–51.

² См.: Стрепкина Е. Н. Переселенческий южнорусский говор Верхнеудинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении: дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. С. 120.

³ См.: там же. С. 124–127.

Сочетания *си, сч, зи, сж, зж* в результате ассимиляции предшествующего свистящего последующему шипящему изменяются в долгие твердые шипящие: яш̄ики, наш̄ёт, ш̄ытай, гул'уш̄ыј, ош̄щества, сав'еш̄ан'е, напар̄ш̄ыца, шк'й//шт'и (щи).

Известна нашему говору мена свистящих и шипящих перед мягкими согласными и гласными переднего ряда: ш'т'анà (стена), акреш'т'йл'и, Ш'ам'он (Семен), н'еш'т'йм (не с кем), ш'т'ил'àга (стиляга), ёж'д'или, шп'икт'акл', ж'амл'а, у ж'ипунах.

Перед твердыми согласными и гласными непереднего ряда свистящие произносятся чисто, без шепелявости.

Шепелявое произношение мы наблюдали повсеместно и не у всех носителей говора. А. М. Селищев высказал два предположения о появлении «шепелявости» в говоре семейских:

1) Семейские принесли ее с собой из Европы (шепелявые *с', з'* он сопоставляет с польскими *ż, ź*. (Е. Ф. Карский появление шепелявых согласных объяснял также польским влиянием¹).

2) Развили в Сибири².

Посмотрим, как это явление отражается в современных говорах, родственных нашим.

С.И. Котков отмечает, что «случаи шепелявости и взаимной мены свистящих и шипящих были отмечены в пределах западной половины Орловской области»³. Эту фонетическую черту А. М. Селищев считал исконной для курских саянов и мещан курских пригородов⁴.

Непоследовательно, но проводится такая мена в говоре русских поселений Подолья⁵.

В говоре «поляков» *с* произносится со слабым фрикативным свистящим элементом, *з* без какой-либо шепелявости⁶.

Анализируемая фонетическая особенность характерна не только южнорусским говорам (а также восточным белорусским говорам), но и среднерусским. Однако сибирским среднерусским говорам, с которыми соседствуют наши, мена свистящих-шипящих не характерна, поэтому о среднерусском влиянии не может быть и речи. Так, в говоре семейских сел Десятниково, Мухоршибирь, Тарбагатай, где влияние средневеликорусских говоров наиболее значительное, мы не наблюдали шепелявости.

<...>

Вышесказанное подводит нас к следующим предварительным выводам:

1. Говоры семейских, по своей основе южнорусские, генетически восходят к западным курско-орловским и брянским говорам.

2. По происхождению, месту формирования, а также условиям дальнейшего развития семейские говоры рождаются с говорами старообрядцев Ветки, Подолья, Алтая и сближаются с говорами старообрядцев русских поселений Молдавии, Буковины.

¹ См.: Карский Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи». С. 78.

² См.: Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. С. 63.

³ Котков С. И. К изучению орловских говоров. С. 49.

⁴ См.: Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках. Х. 1931. С. 737.

⁵ См.: Брицын М. А. Указ. соч. С. 146.

⁶ Стрепкова Е. Н. Указ. соч. С. 107.

II. Фонетика

3. В течение почти трехсотлетнего пребывания в Забайкалье семейские говоры подверглись значительному влиянию со стороны старожильческих сибирских говоров.

4. Современные семейские говоры неоднородны. Условно делим их на две группы:

а) говоры с хорошо сохранившимися архаическими южнорусскими чертами (говоры сел Большой Куналей, Бичура, Никольское, Хонхолой, Новый Заган);

б) говоры южнорусские, со значительным среднерусским наслоением (говоры сел Десятниково, Тарбагатай, Мухоршибирь, Нижний Жирим).

О. М. Козина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАСНЫХ УДАРНЫХ ФОНЕМ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ (СЕМЕЙСКИХ) ДИАЛЕКТОВ¹

В теории Московской фонологической школы, которой мы следуем, позиции, в которых реализуется фонема, делятся на две группы: 1) сигнификативно сильные и слабые и 2) перцептивно сильные и слабые. Абсолютно сильной позицией называется позиция и сигнификативно, и перцептивно сильная, в ней фонема реализуется своим основным представителем.

Такой позицией для гласных в русских говорах является позиция под ударением после твердых или в абсолютном начале слова перед твердыми согласными или перед паузой. Рассмотрим, какими звуками представлены гласные фонемы в абсолютно сильной позиции, то есть в перцептивно и сигнификативно сильной, — под ударением в начале слова перед твердыми согласными, между твердыми и в конце слова после твердых (*at, tat, ta*) и какими своими вариациями они представлены в сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях — под ударением в соседстве с мягкими (*at', tat', t'at, t'at'*).

Исследуемые говоры характеризуются, как и литературный язык, пятифонемным составом гласных.

Специфика говоров состоит в особенностях употребления гласных в тех или иных условиях.

Фонема /a/

Фонема /a/ в сильной позиции представлена теми же гласными, что и в русском литературном языке. В абсолютно сильной позиции — в начале слова перед твердыми согласными, в середине слова между твердыми согласными и в конце после твердых фонема /a/ выступает чаще всего в своем основном варианте [a], который можно охарактеризовать как звук нижнего подъема, среднего ряда, нелабиализованный: [á]льй, [á]рмия, [á]ра, [ма́]тка и т. п.; ат[ла́]сы, [за́]муж,

¹ Козина О. М. Особенности функционирования гласных ударных фонем как отражение специфики старообрядческих (семейских) диалектов // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 85-летию проф. В. И. Золхоева (Улан-Удэ, 6–7 декабря 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 24–31.

[ká]лтус, б[рá]вый, бра[лá], ве[лá] и т. п.; чу[вá]л, к[рá]сный, у[дá]лый, ух[вá]т, ни[лá], сто[лá], тра[вá] и т. п.

В позиции после твердого согласного перед мягким, которая является сигнификативно сильной, но перцептивно слабой, фонема /а/ в основном проявляется в звуке [а́], который образуется за счет продвижения вперед и вверх в конечной фазе образования гласного звука: нух[тá]рь, с[тá]вили, [мá]мина и др; побе[жá]ли, тос[кá]ют, неш[кá]ми, выти[рá]лись и др.; ка[рá]сь, ни[сá]ли, [дá]ли, ка[тá]ли и др. Тот же звук произносится и в позиции начала слова перед мягким согласным: [á н']ка, [á й] и др. В позиции после мягкого согласного перед твердым такая передвижка происходит в начальной фазе образования гласного, в результате чего, как и в литературном языке, появляется звук [ʼа]: н[рʼá]сла, с[вʼá]тки, граб[лʼá]м, [мʼá]лка и т. п.; [лʼá]гу, куп[лʼá]л, [вʼá]жут, до[лʼá]ркой и т. п.; гу[лʼá]вый, н[рʼá]лку, ко[лʼá]гу, си[дʼá]т и т. п.; в позиции между мягкими согласными — звук более переднего образования [ä]: [пʼä]ть, з[рʼä]зь, н[рʼä]ли и т. п.; пле[мʼä]ник, с[вʼä]зь, и др.; в[зʼä]ли, го[вʼä]дина и т. п.

1. Специфику говоров составляют некоторые особенности функционирования фонемы /а/ под ударением. Звуки [а] и [ʼа] на месте фонемы /а/ шире, чем в литературном языке, представлены в некоторых говорах старообрядцев, за счет употребления их во флексиях Т. п. и Д. п. сущ. мн. ч.: (делать) рук[а]м, (ходить) ног[а]м и т. п.; (дать) де[тʼá]м, ку[рʼá]м и т. п.

2. В говорах есть группа глаголов, в которых на месте фонемы /а/ представлена фонема /о/: [сó]дим, [сó]дишь и т. д., н[лó]тим, н[лó]тишь, зап[лó]тит и т. д. Соответственно, функция фонемы /а/ сужена по сравнению с нормативным русским языком. Указанная мена гласных /а/ и /о/ у ряда глаголов исторически связанная с изменением места ударения, отмечается в южнорусских говорах, а также в ряде северно- и среднерусских¹. Такая замена фонемы /а/ фонемой /о/ широко распространена и в сибирских говорах, окружающих говоры старообрядцев². Что касается глагола *плóтишь, плóтит* и т. д., то этот глагол с /о/ вместо /а/ является чертой русского просторечия и, по-видимому, в связи с этим распространен по говорам очень широко. Наличие подобных форм — очевидно, результат гиперкоррекции, возникающей в говорах с аканьем: «рассматриваемое явление есть типическое явление акающих говоров, таковым оно было и по своему происхождению»³.

3. В говорах отмечен [е] на месте /а/ из (*е) в слове *ап'ет'* между мягкими согласными, а также в глаголах типа *кри[ч'э]ли, кри[ч'э]л, покри[ч'э]ли, закри[ч'э]ли, сту[ч'э]ли*, где [е] отмечен как между мягкими, так и перед твердыми согласными и связано с морфологическими факторами. Подобные примеры встречаются в севернорусском наречии *легу, опеть, грезь, кнезь*, преимущественно в говорах Вологодской и Кировской областей, где [е] отмечен и перед отвердевшими шипящими *прéжа*. По мнению В. Колосова, примеры с [е] вместо [а] встречаются в севернорусском наречии, в основном после звуков *з, л, р, в, н, м, н, д, т* (Колосов 1978). Наиболее полно [е] на месте *а* между мягкими согласными представлено в ДАРЯ 1986, карта 43: такие примеры распространены пре-

¹ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 94–95.

² Эрдыеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986. С. 17.

³ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 16–20.

II. Фонетика

имущественно в восточной части северного наречия, в среднерусских говорах, большими ареалами в восточных и отдельными вкраплениями представлены в западных говорах южного наречия. Детально исследовано это явление в Преображенская 1965, 1973 (а), (б), 1980¹ и позднее².

Произношение *an'et'* присуще многим русским говорам и объясняется, в частности, слабой ударяемостью во фразе³. По мнению С.В. Бромлей, «в одних говорах наличие слов типа *an'et'* может быть реликтом ранее проводившейся последовательно фонетической черты, в других — это явление, заимствованное у других говоров, знающих эту черту как фонетическую»⁴. На наш взгляд, это лексикализованное заимствование из сибирских говоров, в которых произношение *an'et'* распространено⁵. В этом плане показательно замечание А.М. Селищева, о том, что с гласной *e* слово *an'et'* передается «повсюду по Сибири, от западных областей до Охотского моря и Камчатки... с *e* это наречие перешло и к семейским»⁶.

Фонема /e/

Фонема /e/. В говорах отсутствует особая фонема /ê/. Сфера употребления фонемы /e/ — это /e/ на месте *ě (ять) как перед твердыми ([л'э]ло, [л'э]том, с[н'э]гу, х[л'э]бушка, [б'э]лым, к [л'э]су, соп[р'э]ла и т. п.), так и перед мягкими согласными ([р'э]ки, [в'э]тер, з[д'э]ся, по[в'э]сить, [м'э]сеца, [п'э]сни, [с'э]мечко, [с'э]ют, не[д'э]лю и т. п.) и на конце слова (на сто[л'э], на се[б'э], к сест[р'э], в вед[р'э], в бедно[т'э], ме[не], вез[де] и т. п.); на месте *e* (из старых *e и *ь) в начале слова перед твердыми и мягкими согласными (указательные местоимения — *этот, эти, эта* и т. п.), после мягких согласных перед поздно отвердевшими согласными (*отец, четверг, верх* и др.), в заимствованной лексике и в словах церковного обихода (*крест, церква* и др.).

В позициях после мягкого согласного перед твердым, в конце слова после мягкого согласного и в середине слова между мягкими согласными фонема /e/ реализуется, как и в русском литературном языке и большей части говоров, в звуках более верхнего подъема — соответственно в звуках [e], [e̞]: [в'э]рба, [с'э]нцы, к[р'э]ст, темно[в'э]рцы и т. п.; [д'э]н', [гр'э]бень, те[п'э]рь и др.; по пу[т'э], бра[в'э], у ме[н'э] и т. п.; г[р'э]х, [б'э]дные, [д'э]вки, [в'э]к, [бр'э]шут, жура[в'э]ц, ба[р'э]тки и др.; [в'э]с', [м'э]сяц, [д'э]нег и т. п.; у во[д'э], вез[д'э], в стра[н'э] и т. п.; [д'э]вка, [п'э]нсия, пост[р'э]л, о[т'э]ц и др.; [с'э]льник, с[м'э]сь, з[д'э]с', с[в'э]чку и т. п.

¹ Преображенская М. Н. Чередование а/е в русских говорах (механизмы и системные отношения) // АКД. М., 1973б. Преображенская М. Н. Русское диалектное явление в восточнославянском аспекте: Произношение не –а в соответствии е (ja, 'a) // Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. М., 1980.

² Тер-Аванесова А. В. Рефлексы *'а и *'э под ударением // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995.

³ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч.1. М., 1949. С. 55.

⁴ Бромлей С. В. Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

⁵ Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986. С. 20.

⁶ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. М., 1921. С. 9.

1. Сфера употребления фонемы /e/ исследуемых говорах расширяется за счет произнесения [e] в середине слова после мягких согласных перед твердым на месте /и/ и /а/ литературного языка: *гово[r'э]ли, кри[ч'э]ли, сту[ч'э]ли, гово[r'эл], затри[ш'ел]* и т.п.; *покри[ч'э]ла, закар[ч'э]ла, квар[т'э]ру* и т. п. *погово[r'э]л, [з'э]на* (Зина), *у од[н'э]х* и т. п..

Гласный [e] на месте *и* отмечается и в ряде старожильческих сибирских говоров различных территорий. Такое произношение свойственно, например, туруханским говорам¹. В некоторых старожильческих говорах Урала произношение гласного [e] вместо [и] в аффиксах ряда глаголов объясняется влиянием грамматической аналогии². В старожильческих говорах Бурятии, наблюдается лексикализованное произношение указанной гласной в различных позициях: перед фонемой <j>, перед твердыми и мягкими согласными фонемами³.

Данное явление — расширение гласных верхнего подъема — в русских говорах разных территорий детально исследовано в работе Н.И. Данилиной⁴. Автором рассмотрено генетическое и типологическое сходство, специфика расширения гласных верхнего подъема *и, *ы в говорах разных единиц диалектного членения, в разных системах вокализма. По результатам анализа построена типология расширения в русских говорах с лингвогеографической характеристикой. Следует отметить, что лингвогеографическая характеристика расширения гласных верхнего подъема, данная Н.И. Данилиной, хорошо согласуется с идеей о большей вокализованности русских говоров западной и северной периферии. То есть гласные верхнего подъема обладают меньшей звучностью, чем более открытые гласные неверхнего подъема.

Основываясь на этом, можно полагать, что примеры расширения гласных верхнего подъема, отмеченные в старообрядческих говорах, отражают тенденцию к большей вокальности исследуемых говоров; последнее подтверждает правомерность гипотезы Горшковой-Бромлей о противопоставленности русских говоров центра и периферии по степени их вокальности-консонантности⁵.

В исследуемых старообрядческих говорах расширена сфера употребления фонемы /e/ также за счет наличия звука [e] под ударением в окончаниях существительных жен. р. на -а в форме Р. п.: *спросить у же[нэ], у моей сест[рэ]*. Такое произношение связано с особенностями парадигмы I склонения, характер-

¹ Цомакион Н. А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971. С. 72.

² Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 16–20.

³ Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожиллов Бурятии. Новосибирск, 1986. С. 20.

⁴ Данилина Н. И. Расширение гласных верхнего подъема в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995.

⁵ Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси: (По данным ист. фонологии). М., 1968. С. 171. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972. С. 134–135; Калнынь Л. Э. Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. М., 2000.

II. Фонетика

ными для южнорусских говоров, в которых расширена дистрибуция флексии *-e*, в частности во многих юго-западных говорах¹.

Спорадически фонема /e/ представлена в окончаниях Р., Д, Т. и П. пп. ед. ч. прилагательных жен. р. с основой на твердый и заднеязычный согласный: *по [тэй]* (улице), *у од[нэй]* (старушки), *у ка[кэй]* (деревне), (говорила) *с моло[дэй]*, *с глу[хэй]* и т. п. По нашим материалам, такие формы отмечены, только в говоре с. Никольское, они не встречаются и в окружающих старожильческих говорах. Вместе с тем аналогичные формы встречаются в старообрядческих говорах Витебской области², а также в большинстве русских говоров юго-западной диалектной зоны³. Наличие подобных форм в исследуемых говорах следует, на наш взгляд, связывать с реликтом материнских юго-западных говоров.

3. В исследуемых старообрядческих говорах встречаются некоторые реликтовые формы, связанные, вероятнее всего, с реализацией **ě* в ранней системе их вокализма, что сказалось, наоборот, на сужении сферы функционирования фонемы /e/. Так, в рассматриваемых говорах на месте **ě* под ударением как правило отмечается [e]: *р'ек, р'эки* и др. *хл'еп, в'эт'ир, на рук'е* и др. Вместе с тем, последовательно с ударным [и] употребляется в говорах старообрядцев глагольная форма [наис] 'поест', [ис'] 'есть, принимать пищу', [с'и]вер, на [ф'и]рму 'ферма'.

Произношение [и] на месте **ě* в глаголах *есть* (жушать) и производных отмечено В. А. Санникович в старообрядческом говоре Минской области⁴. Н. Е. Мининой в старообрядческих говорах Витебской области⁵. Произношение *йис'т', ис'* как реликтовая особенность ранней системы вокализма, связанная с реализацией **ě* сохранилось в окружающих старожильческих сибирских говорах Бурятии⁶. Е. Ф. Карский отмечал наличие [и] на месте **ě* в разных формах глагола *есть* в большей части севернорусских говоров. Произношение *с'ив'ьр, ис'* довольно распространено в современных сибирских говорах⁷. Общесибирское употребление имело оно в прошлом. Так, Н. Потанин сообщает, что «по всей Томской губернии: *сиверь, исть*», П. А. Ровинский в своих «Замечаниях об особенностях сибирского наречия...» также пишет, что «Ђ и Е смешиваются с и: *исть*,

¹ ДАРЯ 1986а — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986. Карта 1.

Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

² Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 26.

³ ДАРЯ 1986а — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986. Карта 42.

⁴ Санникович В. А. Межъязыковые контакты на диалектном уровне (На материале островного русского говора в Белоруссии): дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1986.

⁵ Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 26.

⁶ Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986. С. 19.

⁷ Цомакион Н. А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971. С. 72.

сiверный»¹. А. М. Селищев указывает, что «в передаче «Ѣсти» великорусские говоры с запада до далеких окраин на северо-востоке, имеют *и: ѱисти* или *ѱис'»*². Наличие подобного произношения в семейских говорах А. М. Селищев объяснял влиянием вокализма окружающих старожильческих говоров сибиряков.

Фонема /о/

Фонема /о/ как в абсолютно сильной позиции, так и в позиции перцептивно слабых не отличается от фонемы /о/ литературного языка в абсолютно сильной позиции фонема /о/ как на месте *О* и *Ъ*, так и на месте **ѡ* выступает в [о], звуке среднего подъема, заднего ряда, лабиализованным: *п[ѡ]греб, сус[лѡ]н, за[бѡ]р, пр[ѡс]о, ш[кѡ]ла, з[лѡ]ба, за[сѡв], до[рѡ]га, [вѡ]лосу, [свавѡ], хоро[шѡ]* и т. п.; *ук[ѡ]л, дв[ѡ]р, запл[ѡ]т, уб[ѡ]р, [кѡ]жа, мо[лѡ]тишь, [нѡ]вый, об[нѡ]вка, по[гѡ]да, бы[лѡ], з[лѡй], вто[рѡва], до[мѡй], мое[вѡ], хоро[шѡ]* и т. п.; *[вѡ]лость, от[хѡн], х[ѡ]бра, гуж[ѡ]вка, тап[ѡ]р, х[вѡ]ст, со[лѡ]ма, ра[бѡ]тать, по[кѡс], ка[кѡй] (год), жи[вѡй] (осталася), молодѡй (парень), [свавѡ], [мавѡ], [хараиѡ], смеиш[нѡ]* и т. п. В начальном неприкрытом слоге перед [о] как правило отмечен протетический [в], что сокращает число позиций, в которых отмечена фонема /о/ в той же позиции: *[ѡ]н, [ѡ]ба, [ѡ]воици, [о]т* и т. п.; *[ѡ]рганы, [ѡ]бласть, [ѡ]рдена* и т. п.; *[ѡ]бморок, [ѡ]рден, [ѡ]бувь, [о]н* и т. п.

В позиции перед мягким согласным, которая является перцептивно слабой, он испытывает влияние последующего согласного, в результате чего продвигается вперед и вверх в конечной фазе образования: *наврѡ'д'и, в'дѡ'м'и, на'гѡ'р'ь, нѡ'м'ир, хѡ'д'им* и т. п.; *смазѡ'л'иль, на'рабѡ'т'ь, в'агарѡ'д'ь, мнѡ'г'их* и т. п.; *пр'и'дѡ'м'и, н'имнѡ'г'их, к'мѡ'р'у, хѡ'д'ит* и т. п., в отличие от этого в позициях после мягкого согласного перед твердым и между мягкими продвижение вперед и вверх происходит соответственно в начальной фазе длительности и в средней фазе: *ва[л'ѡ]к, пох[л'ѡ]бка, сту[д'ѡ]нный, воз[м'ѡ]т, отор[в'ѡ]т, в са-мо[л'ѡ]т, на т[r'ѡ]х, бе[л'ѡ] и т. п.; шо[ф'ѡ]р, Мат[r'ѡ]на, [т'ѡ]тка, с[в'ѡ]кла, из[б'ѡ]нка, пой[д'ѡ]м, бе[л'ѡ] и т. п.; хре[б'ѡ]т, па[r'ѡ]нки, с уз[л'ѡ]м, ве[с'ѡ]лка, ста[r'ѡ] и т. п.; в[r'ѡ]ть, приве[з'ѡ]ть, прине[с'ѡ]ть, о[r'ѡ]ть, и[д'ѡ]ть, жи[в'ѡ]ть, пом[r'ѡ]ть, воз[м'ѡ]ть, зай[д'ѡ]ть и т. п.; и[д'ѡ]ть, в[r'ѡ]ть, о[r'ѡ]ть и т. п.*

Употребление [о] после мягких — результат одного из наиболее важных явлений восточнославянского вокализма. По мнению С.П. Обнорского, переход [е] в [о] после мягких перед твердыми является последовательной закономерностью во всех русских говорах: «Приведенные факты разнообразных внешних нарушений перехода Е в О относятся преимущественно к характеристике литературного языка. В этом отношении свидетельства диалектов представляют картину более цельную в оправдание закона о переходе Е в О»³. Однако следует заметить, что материалы, собранные в более позднее время и более полные — для ДАРЯ — показывают, что в некоторых русских говорах [е] в рассматриваемой позиции не переходило в [о]⁴.

¹ Ровинский П. А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия сибирского отдела РГО. 1873. Т. 4, вып. 1. С. 26.

² Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. М., 1921. С. 48.

³ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 16–20.

⁴ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 22–28. ДАРЯ 1986а — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части

II. Фонетика

В рассматриваемых говорах случаев неперехода [e] в [o] в позиции *t'et* не отмечено.

Сфера употребления фонемы /o/ в позиции *t'ot* в рассматриваемых говорах несколько шире, чем в нормированной речи за счет некоторых лексико-грамматических особенностей говоров. Это, во-первых, слова с передвижкой ударения: дол[ж'о]н, у[м'о]рла, у[м'о]рши, чет[в'о]ра и т. п.; у[м'о]рла, по[м'о]рла и т. п.; чет[в'о]ра, у[м'о]рли, по[м'о]рла, дол[жон] и т. п..

Во вторых, лексемы со «вторым полногласием» — сме[r'о]тная (одежда). Явление «второго полногласия» (оформление слов типа *верэх, столób* и т. п.) в настоящее время зафиксировано лишь в северо-западной группе русских говоров (территория бывших новгородского и псковского княжеств)¹. Формы *смяр'етная, смирятная* отмечены В. И. Чернышевым в псковских говорах², встречаются в русских говорах на территории Белоруссии³, на территории Прибалтики и Польши⁴.

В исследуемых говорах зафиксировано в некоторых словах произношение дифтонга [yo] на месте **o*: раб[yo]та; м[yo]ркова и т. п., поск[yo]тина и т. п.. Возможно, что это следы существовавшей ранее фонемы /*o*/ . Как известно, эта фонема существует в некоторых севернорусских и южнорусских говорах с семифонемным составом до сих пор и может проявляться в дифтонге [yo] или в звуке [ó] закрытом, который возник «на месте исконного [o] под восходящей интонацией»⁵. На дифтонгическое произношение гласного О под ударением в говорах семейских указывал в свое время и А. М. Селищев, отмечая, что, «в первой части образования гласного ясно выступает образование для у, затем переходящее к о: *yo* — пась^yотина, хар^yош, хараи^yо, т^yотка, изв^yоз, синак^yос, мужук^yош, зав^yошу, мно^yога»⁶.

О существовании особой фонемы /*o*/ в исследуемых говорах на данном этапе развития говорить, скорее всего, уже нельзя, так как: 1) ее употребление ограничено лексически; 2) она не служит для различения слов, встречаясь как факультативный вариант наряду с [o] в одних и тех же морфемах.

Фонема <y>

СССР. В трех вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986. Карты 38, 39.

¹ ДАРЯ 1986а — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986. Карта 92.

² Чернышев В. И. Псковское наречие: (Наблюдение над говорами б. Псковского уезда в 1917 году) // В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. 2. М., 1970.

³ Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 29.

⁴ Грек-Пабис И., Марыняк И. Русские старообрядцы в Польше и их говор // Диалектологический сборник: мат-лы IV Диалектологич. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь, 1972). Вильнюс, 1974.

⁵ ДАРЯ 1986а — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986. Карта 42.

Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси: (По данным ист. фонологии). М., 1968. С. 112. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 38.

⁶ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. М., 1921. С. 8.

Фонема <у> в абсолютно сильной позиции (начало слова перед твердым согласным, в позиции середины слова между твердыми согласными и в конце слова после твердых) представлена звуком [у], лабиализованным верхнего подъема заднего ряда: к[лу]б, чу[гу]нка, [лук], с[ку]ка, [ру]сскую, зо[вут], ра[зу]мные, [ту]така, (двое) [су]ток, [су]слик и т. п.; х[ру]шка, ур[гу]й, в[ку]сный, ту[лу]н, свек[ру]ха, вер[ну]лася и т. п.; у́тром, у́мный (Д); у́лицы, унт, у́ши; у́зкий, у́жин, у́шлый; бе[гу], ве[ду], стра[ну], в гла[зу], в жа[ру], спе[шу] и т. п. Необходимо заметить, что слово с начальным [у] в говорах немного, так как перед инициальным [у] как правило, отмечается протетический [в]: *вуповод, вужин, вум, вутром, вумер* и т. п.

В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях представлены как и в русском литературном языке вариации фонемы, связанные с качеством рядом стоящих согласных: передвижка в переднюю и более верхнюю зону образования — в начале артикуляции после мягкого согласного: к[р'у]к, [н'у]ра, ва[н'у]шка, бур[д'у]к, [ч'у]мка и т. п.; би[ч'у]рский, гре[ч'у]ху, в[с'у]ду, а[н'у]та, кос[т'у]м и т. п.; [ч'у]точку—[ч'у]точку, семи[с'у]ха, [ч'у]мный, [ч'у]шка, в[с'у]ду и т. п.; в середине артикуляции — между мягкими согласными: мо[л'у]ся, [л'у]лька, [л'у]бит, [л'у]ди, к[л'у]ч, [ч'у]ть и др.; в конце артикуляции — перед мягкими согласными [у]лица, [у]лька, [су]риком, у[ку]сит, [му]ть и т. п.

Фонема /и/

В позиции после мягких согласных и в абсолютном начале слова /и/ выступает в нелабиализованном звуке верхнего подъема [и]: 1) *суха[р'и]лась, [с'и]то, к[н'и]га, ку[н'и]л, д[л'и]нный, [б'и]сер, ку[м'и]лись* и т. п.; *да[р'и]ла, хо[д'и]ла, [з'и]му, ко[н'и]ну, у[ч'и]ли, ка[т'и]ли, [с'и]льно* и т. п.; *ле[н'и]вка, ста[р'и]к, го[р'и]т, ру[б'и]льник, пла[т'и]ли, ро[д'и]лись, [п'и]сьма* и т. п.; а в позиции после твердых согласных — в звуке [ы]: *г[ры]жа, [вы]шка, [вы]гон, ду[шы]стый* и др.; *сын, [ры]жики, [вы]рвусь, с[ры]нка* и т. п., *[вы]шла, к[ры]нка, [зы]бка, [шы]бко, ск[ры]тный* и т. п.. В исследуемых говорах сфера употребления фонемы /и/ расширена, и это связано с явлениями морфологического и лексического характера: употребление звука [ы] в окончании Д. и П. пп. ед. ч. существительных 1-го склонения — *по сос[ны]* и т. п.; употребление звука [и] на месте фонемы /е/ — в словах на *[х'и]рме // на [ф'и]рме, [с'и]вер*.

Итак, в системе ударного вокализма старообрядческих говоров представлено, как и в литературном языке, 5 фонем — /а/, /е/, /о/, /у/, /и/.

По своему качеству, то есть по своей артикуляторной характеристике, набору дифференциальных признаков, эти фонемы не отличаются от соответствующих гласных фонем литературного языка как в абсолютно сильной позиции, так и в своих вариациях в позициях сигнификативно сильных, но перцептивно слабых. Специфика говоров связана лишь с характером функционирования гласных фонем, которое может либо сужаться, либо расширяться за счет ряда фонетических, а также морфологических или лексических особенностей говоров.

Реликтовое проявление существовавшей ранее фонемы /ô/, практически исчезнувшей под влиянием литературного языка, не затрагивает состава фонем.

О. М. Козина

**ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
СТАРООБРЯДЧЕСКИХ (СЕМЕЙСКИХ) ГОВОРОВ БУРЯТИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ)¹**

Диалектам, как местным разновидностям национального языка, на современном этапе функционирования помимо междиалектного взаимодействия, взаимодействия с литературным языком, свойственны и общерусские тенденции развития звукового строя. К таким тенденциям относится слабая различительная способность гласных предударных положений. Интересно заметить, что при одних и тех же тенденциях развития или влияния, например, влияния на диалекты литературного языка разные системы предударного вокализма русских говоров могут развиваться каждая своими путями и приходиться к разным результатам, не обязательно совпадающим с литературным языком².

Современное многообразие диалектных систем предударного вокализма русского языка отражено в материалах диалектологического атласа³. Безусловно, что лингвогеографические карты предоставляют надежные данные для истории образования диалектов, но при этом не отражают многообразие живых фонетических процессов, протекающих в говорах. Поскольку, по мнению К.В. Захаровой, в современных русских говорах изменения в системе предударного вокализма характеризуются сложными, органическими и разноуровневыми процессами, которые проявляются, в частности, вариативностью гласных в одном и том же положении⁴.

Главные определяющие причины этих изменений — это характер самой фонетической системы, а именно, характер просодии слога и слова. Значимыми при этом являются суперсегментные характеристики языка, такие как сила, длительность, интенсивность предударных гласных, характер примыкания к гласным согласных и другие особенности, которые определяют функционирование диалектной системы⁵.

Вместе с тем в развитии предударного вокализма учеными не отрицается значение морфонологических, грамматических факторов, результатом которых являются аналогические процессы обобщения гласной основы при словоизменении или при обобщении модели словоформ разных слов⁶.

¹ Публикуется впервые.

² Калнынь Л. Э. Вариативные звенья диалектной системы как показатель происходящих в ней изменений // Собрание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Волгоград; М., 1982.

³ 4. ДАРЯ 1986б — Диалектологический... Вып. I. Карты. М.: Наука, 1986. 187 с. Карты 1–8.

⁴ Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 46–62.

⁵ Пауфашима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983. 97 с.

⁶ Захарова К. Ф. Пути изменения диалектных систем предударного вокализма // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 52.

Таким образом, очевидно, что определение типов предупредного вокализма и процессов, происходящих в звуковой системе современных говоров задача для диалектологов не простая. Как пишет К.В. Захарова «...важно при определении системы различать *фонетически закономерные чередования* гласных ударенного и предупредного слогов в соответствии с каждой фонемой и *нефонетические чередования фонем в разных словоформах* морфем на месте одной в прошлом фонемы»¹. Такое различие принципиально, потому что «первые закономерности — это живые, действующие процессы, а вторые — это следы прошлых закономерностей, хотя и важные для структуры говора, но относящиеся к другому уровню»².

Анализ предупредного вокализма старообрядческих говоров дает объективное представление об особенностях функционирования гласных фонем в этой позиции, что является одним из основных условий правильной локализации говора, определения его места в диалектном членении русского языка, что само по себе заслуживает внимания.

Вместе с тем — это один из важнейших структурных компонентов звукового строя, который помогает не только судить о диалектной принадлежности говора, но и помогает установить генетическую общность вторичных говоров и исходных (материнских) говоров. Дает возможность оценить и проанализировать пути трансформации их исходной звуковой системы, выявить факторы, влияющие на фонетические или аналогические процессы, происходящие в говорах. Более того, материал анализа синхронных систем сравниваемых типов предупредного вокализма, по сведениям исторической диалектологии, может явиться одним из главных языковых данных для установления их генезиса³.

Материал для статьи был собран автором во время диалектологических экспедиций в селах Десятниково (Д) Тарбагатайского района, Новодесятниково (НД) Кяхтинского района и Никольское (Нк) Мухоршибирского района республики Бурятия в период с 1984 по 1989 г. и 1996 по 1998 г. Выбор данных населенных пунктов не случаен. Принципиальное значение для исследования имеет их этнокультурное и этноязыковое местоположение: село Десятниково в течение всей истории, с 1763 г., существовало в монодиалектном окружении старообрядческих селений. В то время как дочернее село Новодесятниково находится недалеко от границы с Монголией в окружении сел с бурятским и старожильческим сибирским населением. Села расположены в разных районах республики, на значительном (около 300 км.) расстоянии друг от друга. Село Никольское находится в полидиалектном пространстве, то есть окружено и старообрядческими, и старожильческими, и бурятскими селами.

В работе использовались в основном расшифрованные магнитофонные записи (37 часов звучания). В первую очередь были записаны «классические» носители диалекта — пожилые, малограмотные люди, преимущественно женщины, не выезжавшие из своих деревень.

¹ Захарова К. Ф. Пути изменения диалектных систем предупредного вокализма // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 53.

² Там же. С. 53.

³ Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 51.

II. Фонетика

В рамках дескриптивного метода, метода лингвогеографии были исследованы а) гласные после парных твердых и заднеязычных согласных; б) гласные первого предударного слога после мягких согласных; в) гласные первого предударного слога после шипящих и аффрикат /ч/, /ц/; г) вопрос формирования системы предударного вокализма. Для исследования диалектного континуума говоров применялся метод слухового анализа, который заключается в непосредственном наблюдении местной речи, в тщательном и целенаправленном прослушивании записей, представляющих спонтанную монологическую диалектную речь; метод дистрибутивного анализа, предполагающий анализ позиционного распределения гласных; сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий соотнести диалектную систему с другими диалектными системами, а также системой литературного языка.

1. Гласные первого предударного слога

В первом предударном слоге гласные верхнего подъема /и/ и /ы/ представлены в рассматриваемых говорах теми же звуками, что и в литературном языке. Диалектные особенности говоров Д, НД и Нк касаются реализации фонем неверного подъема.

1.1. Гласные первого предударного слога после парных твердых и заднеязычных согласных.

Говорам Д, Нк и НД свойственно **недиссимилятивное (сильное) аканье**: гласные фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге после парных твердых и заднеязычных согласных совпадают в звуке [а] независимо от качества ударенного гласного и консонантного окружения. Звук [а] здесь — нижнего подъема, полного образования, произносится выразительно, почти не отличается по силе и длительности от ударенного [а], являясь лишь несколько более закрытым (обозначается нередко в литературе как [a] или [a^h]). Рассмотрим примеры:

Реализация фонемы /о/:

перед ударными гласными верхнего подъема: по [са]сны (по сосне), [сма]трí, [ка]сынка, [пай]дúте, оста[на]вúлся, пос[та]úт, мо[ла]дúху, [у свайú], [ха]чú, на[^]го[ла]вú и т. п. (Д); [на]сúли, ко[лас]нúца, [ха]дúла, [ма]лúться, по[ла]жúли, [ка]сые, [хра]мые, кор[ма]вые, не [ма]гú, [ва]дú, в [га]дú, [на]гú и т. п. (Нк); [стаúт], с[^][вай]ны, мо[ла]тúло, [пас]тúлась, [ма]лúлись, [свайú], не[^][ха]чú, на[^][па]дú (хлеб) и т. п. (НД);

перед ударенными [о] и [е] различного происхождения: [пал]гóда, [па]смóтрят, [да]мóв, хо[ра]шó, [пал]нó, [ка]рóна, [свавó]; хо[ра]шéнько, [в[^]ак]нэ, че[ла]вэка, по бо[ра]дэ, пос[мат]рэли и т. п. (Д), [ута]рóго, [свайó], [Вал]гéя, за [ста]лóm, [пла]хóе (сердце); [ска]рэй, не[па]дóбные (речи), за[ба]лэл, Ти[ма]феева, не[ба]льшэнький и т. п. (Нк); [спа]кóйно, [па]мóщники, [па]пóвцы, без[па]пóвцы; хо[ра]шó, за[ба]лэло (сердце) [под]грéба, [ма]лэнье, [пра]рэзана, за[ра]бэла и т. п. (НД);

перед ударенным [а]: [та]вára, [на]гáм, [па]нравился, с [кан'ám], [зла]счáстный и т. п. (Д); за[па]на, [гра]зá, на[га]лáшивает, до со[ра]кá (лет), при[ха]жáвый, [ба]гáтых, [пад]няла, раз[га]няли [га]рячка и т. п. (Нк); [тал]кáч, [па]гáнки (грибы), [сна]пáм (складывали), [ра]гáтый, [ба]лят, [ска]тá (много), бах[ра]мá, [да]ярка, [па]нятие и т. п. (НД).

Реализация фонемы /а/: перед ударенными гласными верхнего подъема: [са]дúсь, раз[ва]люсь, [тра]вúнку, [ка]пúста и т. п. (Д), [дра]лúсь, [ва]рúли,

[спа]сúбо, [на]крúтит и т. п. (Нк), на [кра]ю, на [за]дú, не соз[на]ют, рас[па]лúл, за[мах]нúл и т. п. (НД).

перед ударенными [о] и [е] различного происхождения: су[ха]рэй, [кра]снётъ, не[да]лётко, в [ка]кóм (году), [пла]тóк, в [га]зёте и т. п. (Д); по[ла]тénце, [та]кóе, [да]лётко, [саф]рóна (брат), пос[ла]бёли и т. п. (Нк); [за]мéсто (чаю), [дав]лénие, [ува]жénие, по[ста]рэй, [за]мóрит, [дайóт], [та]кóй и т. п. (НК).

перед ударенным [а]: [бра]тáние, [лав]сáн, [ска]зáл, [пас]хáлия, [рас]пятье, [рас]пятьм, на [са]нях, [да]вáй и т. п. (Д), [ка]чáла, [да]вáйте, са[ра]фáн, [за]мáшки, [ка]ляный, [за]вяжут, [ка]тáние, за[ша]тáлся, [на]тáльина и т. п. (Нк), [па]цáн, [наб]рáли, [тра]вá, [пас]лá (коней), (два) ру[ка]вá, [за]гáнские, ка[ран]дáш, по[да]вáла, не у[ва]жáют и т. п. (НД).

1.2. Гласные первого предударного слога после мягких согласных

Реализация гласных фонем неверхнего подъема /e/ (на месте исконных *ě, *e и *ь), /a/ и /o/ после мягких согласных в исследуемых говорах неодинакова и заслуживает отдельного анализа по населенным пунктам Десятниково (Д) и Новодевятниково (НД), Никольское (Нк).

I. Для говоров Д и НД эти гласные совпадают в звуке [a] независимо от качества ударенного гласного и твердости-мягкости последующих согласных звуков, то есть отмечается система **сильного (недиссимилятивного) яканья**¹.

Рассмотрим примеры:

Реализация фонемы /e/: в^ласú, С^{аргú}шка, б^{арúт}, чир^{апú}шка, в^{ал'ú}, биз^{б'ал'йú} и т. п.; л^{ас'úна}, д^{ал'úл'и}, с^{ал'н'úk} (сéльник), йад^{úм}, т^{ирп'ал'úвый}, уб^{ад'úл'ис'}, кр^{аст'úл'ис'}, раст^{ир'аб'úлас'}, с^{ард'úтый}, у^{з'амл'ú}, б^{ир'аг'úс'} и т. п.; в^{анцы}, б^{ады}, йады (еды), б^{астыжайъ}, и т. п.; л^{ап'óшку}, д^{аўчóнки}, в^{ачóрка}, д^{арó'цць}, паб^{ар'óm}, пап^{ар'ók} и т. п.; йагóрия (праздник), с^{в'акрóф'}, д^{алów}, сл^{апóй}, м^{ашкów}, кр^{астów}, ад^{ажóнка}, с^{арпóm}, др^{асвóй}, л^{асок} и т. п.; биз^{д'ат'эй}, в^{р'ак'э}, с^{ам'ейст'ии}, на^{з'амл'э}, пас^{ал'энцы}, т^{ап'эр'}, у^{пан'ад'эл'н'ик}, у^{м'ан'э},

б^{ар'эм'инна}, с^{ард'эшн'ик}, с^{ард'эшный}, три^{н'ад'ел'и} и т. п.; м^{ахá}, пр^{ийажáл'и}, биз^{гр'ахá}, н^{амáйна}, хл^{абá}, усп^{авáла}, д^{алá}, прагр^{авáлс'а}, ст^{абáла}, см^{атáна}, с^{арпáм} (жала) набр^{ахáла}, д^{аржáла}, бл^{авáла}, м^{адал'}, дав^{аршáт'} и т. п.; д^{авчáта}, в^{анц'áл'ис} (венчáлись), м^{ан'át'}, пахм^{ал'аиць}, с^{ам'já}, д^{ир'ав'áнный}, н^{и'т'ар'ай}, п^{ачáл'иць}, мыт^{ар'áцць}, з^{в'ар'ám} и т. п.

Реализация фонемы /o/: в^{адúцць}, в^{азúт}, с^{астру'}, св^{акру́ха}, зав^{арнúт'}, с^{астры}, л^{ажыт}, за^{в'арстú}, ув^{архú} (вверху) и т. п.; в^{ал'у}; в^{аз'ú}, н^{ас'ú}, п^{акл'ú} и т. п.; в^{адрó}, пан^{аслó}, пав^{азлó}, с^{с'астрой}, п^{аскóм}; зачарств^{эли}, р^{ав'ót}, в^{ад'ót}, п^{ак'óm}, п^{ац'óный} (хлеб), разб^{ар'óшс'а}, захл^{абн'óцць} и т. п.; в^{азлá}, пр^{ин'аслá}, м^{алá}, п^{аклá} вып^{акáль}, ум^{арлá}, л^{ажáла}, ст^{апáнавъ}, нет^{ст'аклá}, нац^{авáла}; н^{и'в'ал'át}, ст^{акл'áнный} и т. п.

¹ Типы яканья, имеющие место в изучаемых нами говорах, выделены в соответствии с теми их определениями, которые были предложены Р.И. Аванесовым в его книге «Очерки русской диалектологии. Ч.1. М., 1949. С. 77–102, а затем дополнительно разработаны и уточнены Т. Г. Строгановой в ее книге «Русская диалектология. М.: Наука, 1964. С. 44–64, и детализированы К. Ф. Захаровой в книге К.Ф. Захаровой и В. Г. Орловой «Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. С. 88–103.

II. Фонетика

Реализация фонемы /a/: нар'ад'ул, у'бр'ан'у, з'имл'ан'ука, м'ан'уны (именины), чирв'ак'у, по'гр'азу, с'иб'е'р'ак'у, йар'м'уль (ярмүло) и т. п.; р'ады, п'атры и т. п.; в'р'аду, па'туйаску и т. п.; с'п'ат'йу и т. п.; т'ажола, п'йасок, йайцо, гл'ад'ели, зайавл'ен'ий и т. п. пл'асал'и, в'азал'и, уз'ала (взяла), п'н'ала, выпр'агал'ис и т. п.; гл'ад'ат и т. п.

Необходимо заметить, что недиссимилятивное яканье в исследуемых говорах является устойчивой фонетической чертой, которая охватывает практически всю лексику: звук [a] последовательно произносится и в предложениях, приставках, в отрицательной частице на месте этимологического *e* в позиции перед твердыми согласными и между мягкими: б'ас'чайу, б'ас'хл'еба, н'ир'асыпл'ина, н'ахота (неохота), н'адавна, н'альза, н'азнайу, н'ан'ада, н'ажыс', н'авышла, н'ад'делал'и, н'аможым, н'ап'омн'у и т. п.

Сильное яканье отмечается исследователями и в других говорах семейских (срв.: записи из с. Мотня Бичурского района Бурятии)¹.

По данным лингвистической географии недиссимилятивное (сильное) яканье является специфической чертой Псковской группы говоров [4, карта 3]; накладывается на территорию распространения диссимилятивного яканья в группе юго-западных говоров, известно многим говорам Московской, Рязанской, Тульской, Орловской областей². Известно также старообрядческим говорам псковского типа на территории Польши и Белоруссии³.

Таким образом, в старообрядческих говорах Д и НД в первом предударном слоге после мягких согласных, как и после твердых, противопоставлены три гласные: *и* (*ы*) // *у* // *а*.

При этом, если в положении после твердых согласных противопоставленность гласных последовательна, то в положении после мягких согласных встречаются случаи ее нарушения. Так, в соответствии с фонемами /a/, /e/ иногда отмечаются фонетические варианты типа [и], [и^е], [е]: т'ижóлыи, д'и'ктáр (гектар), п'ав'и'рхám, у'м'ин'á, р'еб'áта, д'ес'áтый, д'ес'áткъ, т'ип'ер', м'ин'áт' и т. п. (Д, НД). Иногда подобные произносительные варианты (наряду с [a] в первом предударном слоге) встречаются у одного и того же информанта.

Как показывают исследования русских говоров, карты ДАРЯ, современные типы яканья, как правило, нарушаются. Поскольку яканье, не являясь актуальным процессом в настоящее время, склонно заостеневать, переходить за рамки позиционной обусловленности, грамматикализироваться (т. е. становится элемен-

¹ Касаткин Л. Л. Катагощинское яканье в говоре семейских-старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики IV. М.: Наука, 2002. С. 254–254.

² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. С.210; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. С. 114; и др.

³ Грек-Пабис И., Марыняк И. Русские старообрядцы в Польше и их говор // Диалектологический сборник: мат-лы IV Диалектолог. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь, 1972). Вильнюс, 1974. С. 40; Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 38; Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. 287 с.

том парадигмы) или лексикализироваться (т. е. характеризовать звуковое оформление слова)¹.

Важно при этом замечание К.Ф. Захаровой о том, что распространение произношения [а] перед 'а́ было явлением вторичным, которое происходило не одновременно с процессом распространения [а] перед твердыми согласными при ударенных о́ из ъ и а́, и было обусловлено не фонетическими, а чисто морфологическими причинами, поскольку [а] приходило здесь на смену [и]. Свидетельством этому в современных говорах служат постоянные случаи произношения [и] наряду с [а] перед 'а после мягких согласных. Характерен при этом состав слов с [и] перед 'а, варьирующийся по говорам. Следующие слова отмечаются с гласной и в 1-м предударном слоге: числительные *десятый, девятый*².

Слабые гласные фонемы верхнего подъема /и/, /у/ в позиции первого предударного слога в исследуемых говорах в основном сохраняют свое качество: *п'ил'и́, пам'идо́ры стыр'ичо́к, вас'ил'о́к, с'иро́ты, пригна́л'и, стар'и́кам, уб'ива́т', с'ид'е́л'и*. Вместе с тем во всех исследуемых говорах отмечены гиперизмы типа *кр'ачи́, закр'ачи́т, в'ажжы́т, па'С'аб'и́р'и, п'ьс'ан'е́ры, з'амо́й, р'асу́нок, л'атро́вый, мир'ано́сный* и т. п. (Д, Нк, НД); (была) *жавá* (Нк).

II. Система предударного вокализма после мягких согласных говора Нк отличается от типа предударного вокализма говоров Д и НД, который определен нами как сильное яканье, наличием **диссимиляции**. Диссимиляция проявляется здесь в том, что перед ударенным [а] гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в гласных звуках среднего подъема [и], [и^с], а перед остальными ударенными гласными — в звуке [а] как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

Рассмотрим примеры:

Реализация фонемы /е/: п'ил'ану́, ф'сн'агу́, в'л'асу́, св'ату́т', п'ату́х, в'арну́л'и, в'арху́шка, д'аржу́с', м'ьяму́, па'п'аску́, йаму́, л'ачу́, б'ару́т', п'аку́т', зв'ару́шка д'ару́т', св'арну́ла и т. п.; но *с'в'ити́т; с'ам'я́у, см'а́у́с', в'ал'у́* и т. п., но *зм'ий'у́*; св'атку́ (цветку́), п'ьб'ад'у́л, р'аз'у́на, б'аг'у́, р'ад'иска, л'ачи́т', м'ашк'у́, атм'ан'у́л'и, б'ал'у́ль (белила), с р'ак'у́, уб'ау'у́т', к д'ис'ат'у́, п'ь'т'ил'ав'у́з'ьру; св'аты (цветы), с'адые (волосы), три'в'арсты, в'асы, сл'ады, пер'ажыл'и и т. п.; св'атл'е́й, б'ал'е́й, (быть) б'ад'е́, в'ал'е́л'и, у'р'ак'е́, п'ьз'ил'ан'е́л, т'ал'е́га, ны'п'аск'е́, н'ав'е́сть, н'ад'е́л'у, б'ас'е́да, у'с'ам'я́е́, т'ал'е́гъ, с'арг'е́й, т'арп'е́нн'ъ (терпение), н'ав'е́ск'инь, т'ал'е́шку, пл'ат'е́н' и т. п.; д'ате́й, па'с'ам'е́йск'и, ст'ар'е́ч, пл'ат'е́н, дв'аре́й, с'ат'е́й (сети), с'ам'е́й'кь, с'ил'аз'е́н', д'ар'е́вн'а, р'ам'е́н', зв'аре́й, н'аб'е́сный, з'ал'онкь, с'ар'о́гъ, в'ац'о́ркь, б'ар'о́завый, в'ар'о́фкь, уп'ар'о́т (вперед) и т. п., но *н'ив'е́ста*; д'аф'о́нк'и, п'ан'о́к, б'ал'я́, р'аб'о́нкь, з'амл'о́й, л'ап'о́шк'и, б'ар'о́т', пл'ат'о́ный, д'ар'о́ць, зьб'ар'о́м, в'ас'о́л'ий, д'ан'о́чкь, уп'ар'о́т, гр'аб'о́ль, с'ал'о́ткь и т. п., но *к'ис'ил'о́м; тр'ит'ак, ид'ат', см'и́ял'ис', аб'д'ит'ах, д'ис'а́ткь, р'иб'а́т, зм'и́я, п'ьсм'а́ял'ис', в'ил'а́т', рызм'ин'а́цць, в'ис'а́т', м'ин'а́т* и т. п., но *с'ам'а́нь; ст'и́на, бр'иха́т', приби́уа́л*,

¹ Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. С. 169.

² 17. Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 61.

II. Фонетика

д'ила, (два) м'ишкá, др'исвá, р'икá, см'итáну, л'икáрствъ, б'идá, в'ирбáми, бр'и^схát', м'ешáл'и, с'им'и^снá, м'и^сстáм'и, с'имнáцът', п'сп'ивáйт', приб'и^сгáл, выижáл'и, сп'ирвá', м'ихán'ик и т. п.; но *п'ашкáм'и, р'акá*.

Реализация фонемы /o/: в'ад'ú, пл'ал'ú, в'аз'ú, пр'ин'ас'ú, л'ат'úт', зав'ал'úс', пакл'ú, жыр'аб'úцъ, дъв'ал'ú, в'ес'ал'úл'ис', мыг'ар'úль и т. п.; л'ажыт, в'арсты, к с'астры, п'акú, м'атлú, пр'ин'асú, л'ажú, в'арнúл'и, в'адúт', п'акúт', п'атрúхъ, п'ел'анú, в'арстú, н'асú, св'акрúха и т. п.; с'алó, гн'аздó, п'атрó, ст'аклó, р'абрó, в'адрó, в'аснóй, ст'агнó, св'акрóф', т'аплó, дъл'акó, с с'астрóй, л'агкó, разн'аслó, в'адром, кът'алók, с'алóm и т. п., но *шт'иклóm, къл'исóm; в'ир'т'инó*; в'ад'оркъ, в'аз'óm, с'аст'ор, п'ач'óнайъ, п'ак'ót', зъв'ад'ót, пр'ин'ас'ót', т'ал'óнкъ, пьдм'ат'ót, жыр'аб'óнкъ и т. п.; ф'с'алé, т'амн'éй, нъ'варст'é, к'м'адв'éду, р'ав'éль, ап'с'астр'é, Л'акс'еифкъ, у'в'адр'é, к'в'асн'é, Л'акс'éй, ул'ат'éл'и и т. п.; пч'илá, къл'исáм'и, св'иклá, в'иснá, зып'иклá, з'ирнá, ф'сл'изáх, ун'ислá, нет'ст'иклá, в'ирстá, п'иклá, в'идрá, в'ислá, н'ислá, Ст'ипáну, с'истрá, з'ирнá, б'ир'иулá и т. п., но *нет т'алкá; т'ил'áтъ/т'и^сл'áтъ, б'ир'езн'ák и т. п.*

Реализация фонемы /a/: гл'ажú, пр'адú (пряжу), пьт'анúл'и, л'ауúшкъ, т'анú, в'ажú; р'ады; р'аб'úна, к'п'ат'ú, в гр'аз'ú, йáйц, р'ьб'ат'úшк'и, зъв'азáл'ис', спр'ад'ú (шерсть) гл'ад'úт', р'адк'ú и т. п.; п'ат'óркъ, спр'ад'óm, тр'ас'ót', п'атнó, р'адóф, тр'ит'акóф, р'адók, сквъзн'акóm, д'ив'анóсть и т. п., но *р'идók*; (нет) п'и^стнá, в'изáл'и, р'идáм'и, п'итáк, пр'имáйъ, паул'ид'áт', к'ип'ит'áт' и т. п., но *нар'ажáль, дъгл'адáль, вз'алá, пр'алá*.

Как видно из примеров, несмотря на единичные отступления от общей системы, говор старообрядцев с. Никольска характеризуется **диссимилятивным яканьем**, то есть произношением не — [а] после мягких согласных перед ударным [а], что отличает этот говор от говоров с. Десятникова и с. Новодесятникова, которым присуще **недиссимилятивное яканье**.

1.3. Гласные первого предударного слога после шипящих и аффрикат /ч/, /щ/

Известно, что в русском диалектном языке двойственность природы шипящих, в прошлом бывших мягкими, сказалась на качестве гласных и явилась причиной существования разных систем произношения гласных после них в предударном слоге.

I. Гласные фонемы неверхнего подъема после шипящих и /ц/ в исследуемых говорах Д и НД также, как правило, совпадают в варианте [а] как перед ударными гласными верхнего подъема: *пиан'úца, жан'úлс'а, жан'úц'а, жаны, цанн'ú* и т. п. (Д, НД); *жал'эзный, к жан'é, уцал'эл'и, на шастóй (неделе), пълшастóвъ, т'ижалó, ж'жанóй* и т. п., так и перед ударным [а]: *жанá, жалán'ийъ (нет), пацалуи, цанн'á* и т. п., т. е. предударный вокализм говоров Д и НД после твердых [ж], [ш] и [ц] соответствует вокализму после парных твердых и мягких согласных (**сильное аканье, сильное яканье**).

II. В говоре Нк реализация гласных неверхнего подъема после шипящих, /ц/ и /ч/ в первом предударном слоге происходит по принципу **диссимиляции** (не всегда последовательно): перед ударным [а] произносится [ъ] / [ы] ([и]): *жынá, па^счисáм, цынá* (хотя может быть и *жанá, па^счасáм*); перед остальными ударными гласными неверхнего подъема произносится [а] полного образования: *жан'úлс'а, жард'úна, пиан'úцъ, цаны, пацалуиш, шагów, с'шастóвъ (гóда); пьц'аму-тъ, ц'атыр'и, зъв'ичар'úлс'а* 'завечерился'; *чарн'éицъ, ч'атв'оркъ, ч'ар'óмухъ*, а также *была жавá* 'живá' (гиперизм)(Нк).

Произношение гласного [а] после твердых шипящих независимо от качества последующего согласного и ударяемого гласного зафиксировано в ряде старожильческих русских говоров Урала и Сибири с окающим вокализмом, а также в говорах с разной степенью перехода от окающего вокализма к акающему¹. Это явление наблюдается и в окружающих старожильческих говорах².

III. Фонема /ч/ реализуется в исследуемых говорах звуками разной степени палатализации [ч'], [ч^{ш'}], [ц']³, причем одно и то же слово может иметь несколько фонетических вариантов даже в речи одного и того же носителя говора. Произношение гласных неверхнего подъема после /ч/ также совпадает с общей системой вокализма после мягких согласных: *н'ичаму́, пац'аму́, ц'атьыр'ь, ч^{ш'}'атв'э́рх, чалó* (у печки), *с'чавó, в'ац'арóц'ком, фиц'арá, укьчавáл'и* и т. п. (Д, Нк, НД).

1.4. К вопросу о формировании системы предударного вокализма говоров

Закономерен вопрос, какой тип предударного вокализма был характерен для исходной системы старообрядческих говоров? Возможно ли, что в исследуемых говорах недиссимильативное (сильное) яканье, характерное для говоров Д и НД, — это исконная материнская черта, которая сохраняется, несмотря на их длительную языковую изоляцию?

Или исходным говорам, скорее всего, было присуще диссимильативное яканье (то есть произношение не — [а] перед ударным [а]), характерное для говора Нк, и именно этот тип предударного вокализма предки семейских перенесли с собой в Забайкалье с территории его распространения?

Для рассмотрения интересующего нас вопроса, существенно, что большинство диалектологов и историков русского языка считают **диссимильативность** признаком наиболее архаичной системы, а недиссимильативное аканье и яканье признают результатом позднейшей трансформации диссимильативного; и именно по этой черте классифицируются современные акающие говоры³.

Важно, что один из первых исследователей старообрядческих говоров Бурятии А.М. Селищев в начале двадцатых годов прошлого столетия наблюдал в системе предударного вокализма семейских сел Новый Заган, Никольское, Харауз последовательно проведенный тип диссимильативного яканья. При этом в селах Куналей, Тарбагатай, Десятниково отмечал тип диссимильативного яканья, смешанный с ассимильативным: *т'илá, т'алá* (в говоре одного и того же лица), *б'адá, пат'ер' á л, пат'а р' ал, н'ил'з' á, с'алó, ч'ар'омуха, д'атéй*⁴.

Так, им отмечены следующие отклонения от типа: в реализации фонемы /е/ на месте Ё: *с'в'итут, зм'ийú, нив'эста, с'к'ис'ил'óm, н'ашкáми, р'акá* и т. п.; в реализации фонемы /о/: *ит'иклóm* (стеклом), *къл'исóm* (при ударенном [о] из ъ); *в'ир'ьт'инó, н'итр'óфск'им* (при [о] из [Ô]); в реализации фонемы /а/ — *вз'алá, пр'алá* (пряжу), *пр'амáйъ, в'адрá, дъ'с'алá, л'ажáт', (нет) т'алкá, ул'атáйут,*

¹ Турбин Г. А. Южноуральские говоры. Челябинск, ЧПИ 1979. С. 70; Абросимова О. Л. Фонетическая система русских говоров Ононского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 18.

² Эрдынеева Э. Д. Предударный вокализм русских говоров в Забайкалье // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск: Изд. СО РАН, 1986. С. 24.

³ Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 65.

⁴ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. С. 15.

II. Фонетика

с'астра́, тр'ис'от, р'идо́к и т. п. Часто подобные произносительные варианты встречаются у одного и того же информанта¹.

Точка зрения на эволюцию диссимильтивного яканья в говоре семейских впервые высказана П.Ф. Калашниковым, которая, по мнению исследователя, шла в трех направлениях: 1) иканье, 2) ассимилятивность, 3) сильное яканье. Наиболее значительные нарушения принципа диссимильтивности произошли в говоре сел Большой Куналей, Десятниково, Тарбагатай и Мухоршибирь².

По данным В.И. Копыловой, в старообрядческих красночикойских говорах Забайкальского края вокализм первого предударного слога после мягких согласных развился от диссимильтивного яканья архаического типа к недиссимильтивному, сильному, а предударный вокализм после твердых согласных от диссимильтивного яканья к недиссимильтивному³.

Л.Л. Касаткин отражение диссимильтивности в предударном вокализме после мягких согласных семейского говора объясняет двояко: «диссимильтивное яканье <...> могло быть исконным, принесенным семейскими с южнорусского запада, а затем трансформировавшимся в сторону сильного яканья <...>; или в некоторых говорах семейских первичным <...> могло быть сильное яканье, изменившее затем под влиянием тех говоров семейских, которым было свойственно диссимильтивное яканье, свой предударный вокализм после мягких согласных, внеся в него черты диссимильтивности»⁴.

Принимая во внимание наш эмпирический материал, есть все основания полагать, что в процессе имманентного развития говоров на исходную систему диссимильтивного яканья белорусского, или жиздринского типа наложился принцип ассимилятивности. Такое явление, например, характерно для периферийных говоров, в которых сохраняются или развиваются сложные типы яканья: на диссимильтивность наслаивается принцип умеренного яканья или диссимильтивное яканье осложняется принципом ассимилятивности⁵.

По данным лингвистической географии, жиздринский тип диссимильтивного яканья распространен в Брянской области, охватывает западные части Смоленской, Орловской и Курской областей⁶, распространен в белорусском диалектном окружении⁷.

По свидетельству Р. И. Аванесова, первоначальная территория распространения диссимильтивного яканья предположительно: верхний Сейм и бассейн Оки, кроме низовьев. Жиздринский тип занимал северо-западную часть современной территории распространения диссимильтивного яканья. Он появился в более позднюю эпоху в великом княжестве Литовском, в составе которого примерно в середине XIV века оказались Верховские княжества (бассейн верхней Оки) и

¹ Там же.

² Калашников П. Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Сибири и Дальнего Востока. Вып. 4. Улан-Удэ, 1966. С. 28.

³ Копылова В. И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ, 1973. С. 36–37.

⁴ Касаткин Л. Л. Катагощинское яканье в говоре семейских-старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики IV. М.: Наука, 2002. С. 258–259.

⁵ Здобнова З. П. Типология русских говоров в Башкирии. Уфа, 1981. С. 66.

⁶ ДАРЯ 1986б — Диалектологический... Вып. I. Карты. М.: Наука, 1986. Карта 3.

⁷ Манаенкова А. Ф. Язык Ветки: дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1974. С. 10.

Курск¹. Немаловажно заметить, что исторические хроники определяют для предков семейских до прихода в Забайкалье именно территорию бассейна р. Сейм.

Таким образом, испытывая «сопротивление» местного языкового материала (окружающим старожильческим говорам присуща в основном икающая система предударного вокализма, хотя определенной части обследованных сел свойственно сильное яканье), диссимилятивное яканье качественно изменилось в своей структуре, перерождаясь в сильное яканье, например, как в говорах Д и НД, или вследствие ряда причин сохранилось с небольшими отклонениями в архаичном слое говора Нк.

Обобщая результаты исследования, можно полагать, что архаичной системе исследуемых говоров был также присущ параллелизм в реализации гласных фонем после твердых и мягких согласных. Поскольку предударный вокализм с параллелизмом более архаичен: «...нарушение такого параллелизма <...> является важным фактором разрушения старых типов вокализма и развития новых»².

Свидетельством разрушения старых типов вокализма, на наш взгляд, выступают все «отклонения» от типов как диссимилятивного, так и недиссимилятивного яканья, отмеченные (см. выше), а также гиперизмы, отмеченные во всех исследуемых говорах типа *кр'ачи́, закр'ачи́т, в'аж:ы́т, па'с'абі́р'и, п'ьн'с'ан'еры, з'амой, р'асу́нак, л'атр'овый, м'ир'ан'осный* и т. п. (Д, Нк, НД), (была) *жава́ (жива́)* и т. п. (Нк).

Такие гиперизмы свидетельствуют о том, что в пучок сильных гласных фонем, нейтрализующихся в 1-м предударном слоге в [и]–[ы], входят не только сильные фонемы неверхнего подъема, но также и сильная гласная фонема верхнего подъема /и/. В этих условиях воздействие одних позиций на другие может привести к появлению [а] в позициях, где ожидался бы гласный [и] — [ы] (например, [балá] вм. [была́], [п'алá] вм. [п'ила́], ... [р'асу́нък], [бр'ауáдь] и т. д.), и наоборот, к появлению [и] — [ы] в позициях, где ожидался бы гласный [а] (например, [р'ик'о́и], [ныг'о́и])³.

Продолжая и развивая мысль о разрушении в исследуемых говорах принципа параллелизма в типах аканья — яканья, следует учесть, что диссимилятивное аканье, разрушается быстрее, чем диссимилятивное яканье, поскольку звук ь, выступающий как правило в качестве варианта фонем А и О, не совпадает в данном положении с вариантами других гласных фонем. Его наличие обусловлено только действием диссимилятивного принципа. При диссимилятивном яканье наиболее распространенный вариант звучания «не–а» совпадает с вариантом фонемы /и/, что является подкрепляющим фактором, задерживающим разрушение диссимилятивной структуры яканья⁴.

¹ Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. С. 227–230.

² Там же. С. 165.

³ Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. С. 165.

⁴ Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 63–64.

II. Фонетика

Поэтому вполне закономерно, что в процессе развития исследуемых говоров под влиянием различных факторов, как внешнего, так и внутреннего характера на смену параллелизму с диссимилятивным принципом после твердых¹ и после мягких согласных в говорах появились системы предударного вокализма с разрушенным параллелизмом. Недиссимилятивное (*сильное*) *аканье* — *диссимилятивное яканье*, которая отмечена в говоре Нк, и система с параллельным предударным вокализмом после твердых и после мягких согласных, то есть *недиссимилятивное аканье* — *недиссимилятивное яканье*, с небольшими отклонениями, отмеченными в говорах Д и НД.

Развитие предударного вокализма старообрядческих говоров — один из примеров трансформации системы предударного вокализма, на которую обращает внимание, в частности, К.Ф. Захарова: «Наличие большого числа диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивных типов, зафиксированных в современных говорах, представляет лишь следы ... единой системы. Утратившись как живое фонетическое явление, она породила множество частных систем, существующих на нефонетическом уровне, согласно конкретным возможностям каждой частной системы»².

Современную систему предударного вокализма после мягких согласных в исследуемых говорах Д, Нк, НД можно представить в таблице 1.

Таблица 1

Тип совпадения гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слого в говорах Д, Нк, НД

Д	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным					Тип вокализма	Примечания	
Гласный под ударением	А	О	О̇	И	У	А	О	Е	Ё	И	У	Недиссимилятивное (сильное) яканье	Есть отклонения:
В 1-м предударном слого	[А]					[А]							
НД	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным					Тип вокализма	Примечания	
Гласный под ударением	А	О	О̇	И	У	А	О	Е	Ё	И	У	Недиссимилятивное (сильное) яканье	Есть отклонения.
В 1-м предударном слого	[А]					[А]							
Нк	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным					Тип вокализма	Примечания	
Гласный под ударением	А	О	О̇	И	У	А	О	Е	Ё	И	У	Диссимилятивное яканье жидкий	Есть отклонения.
В 1-м предударном слого	[И]	[А]				[И]	[А]						

¹ О звуке [у] в предударных и заударных слогах после твердых согласных как косвенного доказательства диссимилятивного аканья для исконной вокалической системы исследуемых говоров см. подробнее в [22, с. 68–75].

² Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 63.

В. И. Копылова

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОВОРА СЕМЕЙСКИХ
КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

Говор семейских Забайкалья 50 лет назад привлек внимание крупнейшего исследователя сибирских говоров профессора А. М. Селищева, который оставил нам подробное описание языка и быта жителей старообрядческих сел бывшего Верхнеудинского уезда (ныне Улан-Удэнского района).

В результате диалектологического обследования семейских сел А. М. Селищевым сделаны следующие выводы: 1) говор принадлежит к южновеликорусской диалектологической группе; 2) в результате неоднократного (перемещения носителей семейского говора на территории Европы и в Забайкалье он испытал на себе влияние других родственных говоров (средне- и северновеликорусского, носителями которых являются окружающие сибиряки-старожилы), а также иноязычное, неславянское влияние: в Забайкалье — монголо-бурятское, более раннее — в районе Ветки и Стародубья (бывшей духовной метрополии старообрядцев) — белорусско-польское; 3) говор семейских Забайкалья обнаруживает те же южновеликорусские черты, что и говоры населения верхнего и среднего течения Дона; 4) само название «семейские» было принесено забайкальскими старообрядцами из местности, имеющей отношение к р. Сейму (курские названия Сейма: Семь, на Сями, за Семью)².

Толкование происхождения названия «семейские» от слова «семья» представляется А. М. Селищеву мало вероятным, так как здесь скорее всего нужно было ожидать прилагательное «семейные», «суффикс же *-ск* определяет в данном случае отношение к местности, выраженной посредством основы»³ (по аналогии с другими географическими названиями с *-ск*).

Говор семейских Красного Чикоя, южновеликорусский в своей основе, развивающийся на протяжении многих лет в условиях контактирования с инодиалектной и иноязычной средой (сначала — с белорусскими диалектами в районе Ветки Гомельской области нынешней Белорусской ССР, затем в Забайкалье — со старожильческими северновеликорусскими говорами, а также с говорами аборигенов края — бурят, эвенков⁴), очень интересен в научном отношении.

Настоящее исследование написано на основании диалектологических материалов, собранных автором в селах Укыр, Шонуй, Менза, Гутай, Хилкотой, Урлук Красночикойского района Читинской области в 1967–1972 гг.

Для сравнения привлечены диалектологические данные, полученные автором во время поездки летом 1971 г. в старообрядческие села Ветковского района Гомельской области (бывшую духовную метрополию забайкальских семейских) и Стародубского района Брянской области.

¹ Копылова В. И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 82 с. С. 3–10.

² См.: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 69.

³ Селищев А. М. Указ, соч. С. 69.

⁴ См.: Элиасов Л. Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху: мат-лы координац. конф. Улан-Удэ, 1965. С. 96–104.

II. Фонетика

С этой же сопоставительной целью в исследовании привлекались публикации прошлых лет по истории, этнографии, языку семейских, отражающие особенности их говора, а также народные сказания, легенды, проливающие в какой-то мере свет на историю, место выхода забайкальских старообрядцев¹.

Забайкальские семейские происходят от российских старообрядцев, сосланных из Белоруссии в Сибирь во время разделов Польши. Первая ссылка семейских в Сибирь произошла после раздела Польши в царствование Анны Иоанновны в 1733 г., вторая — в царствование Екатерины II — в 1767 г., когда Стародубье и Ветка вошли в Российскую империю и старообрядцы опять попали под власть русского царя.

О пребывании предков забайкальских семейских в Польше свидетельствует П. С. Паллас, посетивший села Красночикийского района (Урлук, Хилкотой, Гутай, Манзинский караул) и назвавший в своем труде жителей этих сел «польскими колонистами»².

О былом проживании забайкальских семейских в Польше, в районах Стародубья и Ветки (современная Брянская и Гомельская области) и о высылке их отсюда и Забайкалье говорят некоторые архивные документы³.

Подтверждается их былое жительство в районах Ветки и Стародубья также преданиями, записанными со слов старообрядцев⁴.

Материалы, полученные автором при диалектологическом обследовании старообрядческих сел на Стародубье и в Ветке летом 1971 г., позволяют сделать следующие выводы: говоры сел Стародубского района нынешней Брянской области, входящих в состав так называемой «старообрядческой колонии» на Западной Брянщине (автором посещены села Лужки, Елионка, Воронок), на современном этапе характеризуются ярко выраженным северновеликорусским комплексом языковых особенностей (взрывной *z*, губно-зубной *v*, наличие фонемы [ф], звук *v* в окончаниях *ого-его* местоимений, прилагательных и причастий, твердый *t* в окончаниях 3-его лица глаголов; творит. пад. мн. ч. существительных на *-ам*; род.-вин. местоимений *меня, тебя, себя*) с небольшим наслоением южновеликорусских черт, вкрапленных в лексику и фонетико-морфологическую систему го-

¹ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы; Вл. Гирченко. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1921; Талько-Грынцевич Ю. Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. «Сообщ. от 28. X 1894 г. в общ. собр. Троицко-савско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. императорского РГО», 1894; Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке, вып. I–VI. Владивосток, 1926–1932; Попова А. М. Поездка к семейским Забайкалья // Бурятияведение. 1926, № 2; Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.

² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. ч. III (1772—1773 гг.). СПб., 1788. С. 374, 622.

³ ГАЧО. ф. 239, оп. 1, л. 34, стр. 24; ЦГАДА, ф. 288, д. 555., л. 1–5, 1736. Цит. по соч. А. А. Лебедевой «К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начала XX вв.)» // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 114.

⁴ См.: Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ. С. 129, 130, 132; И. Я. Чернев. Семейщина. Новосибирск, 1965. С. 16–18.

вора (аканье, сохранение сочетаний *бм, дн*, твердое *с* в суффиксе *-ск*, в лексике: *кочет, рогач, пахать* и др.).¹

Результаты обследования автором трех названных выше старообрядческих сел нынешнего Стародубского района Брянской области, наблюдения и выводы А. Б. Пеньковского по говору с. Лужки не дают оснований для установления родственности говора стародубских старообрядцев с говором семейских Красного Чикоя.

Напротив, говор старообрядцев нынешнего Ветковского района Гомельской области (автором обследованы села Папсуевка, Борьба, Ново-Ивановка, Марьино, недавно отошедшее к соседнему Добрушскому району) основными южновеликорусскими чертами роднится с говором семейских Красного Чикоя: диссимилятивное аканье с разрушающейся диссимилятивностью; диссимилятивное яканье, развивающееся в направлении к сильному; фрикативный *г*; употребление в сходных условиях *у* неслогового, чередующегося со слоговым сочетание *хв*; твердый *р*; одинаковое ударение, сдвинутое к окончанию: *дачка́, чайни́к, Кал'а́* (Коля), формы дат. пад. ед. ч. жен. р. на *-ы*; *г жаны́, к рабо́ты, г гылавы́*; флексия *-ым, -им* у местоимений и прилагательных предл. пад. муж. р. ед. ч.: *у радны́м, у свай́м*. сложная форма местоимений: *той* (тот), *та́йа* (та), *ты́и* (те), *эты́и* (эти) и др.; *т'* в окончаниях глаголов *идут', р'авут'*; причастие на *-иши* в значении сказуемого *йон уй́ехаўшы*; одинаковая лексика: *бат'ка, матка, бул'ба, бурак, пы́нцат'* (спросить), *хма́ра, присту́пка, кла́тка, за́пън, руши́к* и др.

Обследованный говор жителей сел Гутай, Хилкотой, Урлук, Укыр, Шонуй, Менза Красночикийского района Читинской области характеризуется на современном этапе ярко выраженным южновеликорусским комплексом языковых особенностей: 1) диссимилятивное аканье с разрушающейся диссимилятивностью; 2) сильное яканье со следами ассимилятивности, развившееся здесь на основе диссимилятивного яканья архаического типа; 3) фрикативное образование заднебной фонемы [γ] и ее чередование с [х] в конце слова и перед согласными; 4) отсутствие результатов выпадения интервокального *ј* и стяжения гласных в личных формах глаголов и прилагательных; 5) употребление протетического *в* перед начальными *о, у*; 6) утрата затвора аффрикатами *ч* и *ц*; 7) особенности в произношении отдельных слов: *п(а)шени́ца, ры́ча; нутр'о́; каўда́; ка́да; иде́, йиде́, де* (где), распространенные наряду *уде*; 8) окончание *-е* в форме род. пад. ед. ч. существительных жен. р. на *-а* с твердой основой: *у жане́, с рабо́ти*; 9) наличие безударного окончания *-ы* у существительных ср. р. с твердой основой в форме им. пад. мн. ч.: *п'атны́, о́кны, йа́йсы*; 10) окончание *-т'* в форме 3-го лица глаголов настоящего времени ед. и мн. ч.: *но́с'ът', но́с'ат'*; 11) совпадение безударных окончаний 3-го лица глаголов настоящего времени ед. и мн. ч.: *но́с'ът', ды́шут', но́с'ут'*; 12) распространение в говоре следующих лексем: *дежа́ (де́шка)* — посуда для приготовления теста; *лу́л'ка* — колыбель, подвешива-

¹ К такому же выводу приходит А. Б. Пеньковский, наблюдавший говор села Лужки Стародубского района Брянской области См.: А. Б. Пеньковский. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М.: Наука, 1967. С. 196–211; о северновеликорусском влиянии говоров старообрядческой колонии на говоры Западной Брянщины А. Б. Пеньковский говорит также в своей канд. дис. «Фонетика говоров Западной Брянщины». Ч. II. Владимир, 1966. С. 36–99, 254; и др.

II. Фонетика

емая к потолку; *зипу́н* — мужская верхняя одежда кафтанного покроя; *пахáт'* — для обозначения процесса пахоты; *з'ал'о́нка* — всходы ржи, овса; *караго́т* — хоровод.

В системе краснотичкойского говора находим языковые черты, характерные для Курско-Орловской¹ и Западной групп южновеликорусского наречия:

а) языковые черты краснотичкойского говора, общие с чертами говоров Курско-Орловской группы: утрата затвора аффрикатами *ч* и *ц*; употребление форм дат. и предл. пад. ед. ч. существительных жен. р. с окончанием *-и (-ы)*; наличие безударной флексии *-а* в формах дат. и предл. пад.; существительные жен. р. на *-а* с твердой основой и в предл. пад. существительных муж. р.: *к ма́м'а*, *в калхо́з'а*; формы предл. пад. ед. ч. с безударным окончанием *у* у существительных ср. р.: *у те́м'у*, *у се́м'у*, *у по́л'у*, *у гн'о́здышку* (иногда под ударением: *у гн'азо́у*, *у с'ал'ну́*); ударение на окончании *у* существительных типа *туча́*; местоимение *ты́йе*, *ты́йо*; наличие суффикса *-ц-* в прилагательном *ру́сский*; распространение таких слов, как *ла́тка* — заплата, *га́шник* — пояс для штанов, *ку́т* — угол, *зама́шки* — мужская особь конопли;

б) черты краснотичкойского говора, общие с чертами говоров Западной группы южнорусского наречия: случаи лабиализации гласных *о* и *а* во 2-м предударном слоге: *бултуно́у*, *му́жук'и́*; форма им. пад. мн. ч. существительных муж. р.: *дамы́*; распространение слов — названий ягод, образованных с суффиксом *-иц-*: *брусн'и́ць*, *зы́мл'ан'и́ць*, *п'я́н'и́ць* (жимолость), *кис'ли́ць* (красная смородина).

Некоторые языковые черты краснотичкойского говора находим в межзональных говорах южного наречия. В краснотичкойском говоре, как и в межзональных говорах типа А южного наречия, наблюдается отсутствие категории среднего рода при совпадении его с мужским; распространение форм настоящего времени глаголов II спряжения, образованных без чередования согласных в основе: *ви́д'у*, *пра́с'у́*.

Находим общие черты изучаемого говора с оскольскими межзональными говорами типа Б южного наречия: архаический тип диссимильтивного яканья; наличие формы предл. пад. мн. ч. в сочетании с предлогом *по* в значении дат. пад. мн. ч.: *пъ дама́х*.

Краснотичкойский говор имеет черты, характерные и для Западной диалектной зоны: формы местоимений 3-го лица с начальным *ј*; распространение формы местоимения 3-го лица: *аны́*; наличие *ј* в основе в формах указательных местоимений: *та́йа*, *ту́йу*, *ты́йи*; образование с суффиксом *-ак-* таких существительных, как *хада́к* (ходок), *седа́к* (седок); употребление деепричастия в функции сказуемого.

Все перечисленные черты говора семейские принесли в Сибирь со своей первоначальной родины (территории распространения говоров Курско-Орловской группы, среднего и верхнего течения Дона, Сейма, а впоследствии — Ветки Гомельской области, откуда они и пришли в Сибирь в XVIII в.).

¹ Одним из свидетельств, подтверждающих родство семейского говора с говорами Курско-Орловской группы, является сохранение и некоторых селах Красного Чикоя (например, в с. Урлук) в массовом количестве фамилии Горюновы. В научной литературе существует мнение, что первопоселенцами Курской губернии были так называемые полежи или горюны (в западной ее зоне). См.: Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей колонизации. СПб., 1913.

Контактирование краснотичкойского говора с окружающими сибирскими произошло в том, что возникли черты, характерные для северновеликорусского наречия: смычное образование звонкой заднеязычной фонемы [г]; наличие еканья и иканья (иканье наблюдается в современных белорусских говорах¹; наличие общей формы для дат. и твор. пад. существительных и прилагательных мн. ч.: *с пустым в'адрэм — к пустым в'адрэм*; ударение на окончании -у прилагательных: *талстóй, тълстáйа*; в лексике: *квашня, сковородник, зыбка* (детская качалка), *лаёт* (о собаке), *хоровод*.

О былом контактировании семейского говора с белорусскими свидетельствуют такие языковые черты: употребление *р* твердого вместо *р'*: *трý, Марэ́йка, стрыш, грыт*; отсутствие смягчения к после мягкой согласной; формы на -ы существительных муж. р. им. над. мн. ч.: *дамы́, гырады́, л'асы́*; образование косвенных падежей числительных от 5 до 20 и 30 по мн. числу: *п'ат'óх, шаст'óх, двыц:ат'óх, триц:ат'óх*; лексика: *рушник, хма́ра* (хмарь), *бу́л'ба, бура́к, бо́лка* (ранка), *лы́тка* (нога), *кучеру́* (кудри), *попыта́ть ума́* (спросить), *ха́та, куре́нь, кла́дка* (мосточек), *присту́пка* (ступенька), *бедни́ться* (жаловаться), *каз'о́нка* (кладовая), *ви́ски* (волосы).

На протяжении последних 200 лет семейский диалект Забайкалья контактирует с говорами аборигенов края — эвенков и бурят, о чем свидетельствуют факты топонимастики².

На территории Красночичкойского района, семейское население которого находится в тесном хозяйственно-экономическом и культурном контакте с аборигенами края, можно встретить такие названия сел: Шонуй (*шоно* — бур. «волк»), Укыр (бур. «корова»)³, реки Ара-Катанца (текущая на север), Убур-Катанца (направляющаяся к югу) и др.

Процесс взаимодействия русских и бурятских говоров двусторонний: в различные диалекты бурятского языка проникают русизмы, обозначающие те или иные понятия, отсутствующие у бурят, а в русские говоры — бурятизмы, чаще всего термины животноводства и охоты⁴.

Пласт иноязычных, инодиалектных наслоений в говоре тем гуще, чем ближе территориально он расположен к месту контактирования с другим диалектом.

Например, в селах Красночичкойского района Читинской области с преобладающим семейским населением, расположенных на границе с БурАССР и с МНР (из обследованных нами — это села Менза, Шонуй, Укыр), пласт лексических заимствований гуще, заметнее, что приводит к сосуществованию в говоре таких дублетов-синонимов, как: младший сын — *отхóн*, чайные выварки — *ша́ра*, ягненок — *хуругáн*, годовалый теленок — *буру́н*, кастрированный баран — *иргэ́н*, некастрированный баран — *куца́н*, лошадь игреня — *халю́ная* (*халю́нка*), лошадь

¹ См.: Дыялекталагічны атлас беларускай мове. Минск, 1963. Карта 1.

² См.: Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969; Элиасов Л. Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху: мат-лы координац. конф. Улан-Удэ, 1965; и др.

³ См.: Русско-бурят-монгольский словарь / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1964.

⁴ См.: Будаев Ц. Б., Калашников П. Ф. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода // К изучению бурятского языка: тр. БИОН. Вып. 6. Улан-Удэ, 1969. С. 145–150.

II. Фонетика

чубарой масти — *чанкы́рая*, домашняя коза — *ямán* (*имán*), дикий козел — *гурán*, сурок — *тарбагán*, жеребенок по второму году — *дагán*, кожаный мешок — *тулун*, ватрушка — *та́рка*, дикий лук — *мангы́р* и др.

Заключение¹

Красночикойский южновеликорусский в своей основе говор, сложившийся в результате процессов междиалектного контактирования и взаимодействия, развивается в настоящее время под влиянием окружающих северновеликорусских сибирских говоров и интенсивного воздействия на него норм русского литературного языка.

Говоры подобного типа, развивающиеся в условиях инодиалектного или иноязычного окружения, описаны в современной научной литературе рядом авторов².

Изучение ряда фонетических изменений, происходящих в семейском говоре, сопоставление его с родственными говорами Курско-Орловской группы южновеликорусского наречия, а также — с родственными старообрядческими говорами на территории Белоруссии позволяют сделать вывод о том, что изучаемый говор в условиях инодиалектного взаимодействия сохраняет свою южновеликорусскую основу.

Фонетические изменения, происходящие в говоре в условиях былого воздействия соседних белорусских говоров, а в настоящее время — окружающих северновеликорусских сибирских говоров, подчинены исконным внутренним закономерностям. Подтверждением тому служит последовательное поступательное развитие вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в направлении от диссимилятивного принципа к недиссимилятивному (от архаического двухпозиционного яканья Задонской и Обоянской разновидностей — к сильному), вопреки воздействию иканья и еканья окружающих сибирских говоров. В направлении от диссимилятивного к недиссимилятивному принципу развивается и вокализм 1-го предударного слога после твердых согласных

Наблюдения над семейским говором, проведенные А. М. Селищевым полстолетия назад, наши диалектологические материалы позволяют проследить фонетическую систему семейского говора в движении, в процессе изменения и развития. В этом плане большой научный интерес представляют те фонетические яв-

¹ Копылова В. И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 82 с. С. 79–81.

² См.: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. Цомакион Н. А. Предударный вокализм говора станка Мирного Туруханского района Красноярского края. «Уч. зап. Красноярского пед. ин-та», т. 7, 1956; Цыганова В. Г. Фонемы [а], [о] в украинском курежском говоре; Губные фонемы в украинском курежском говоре Красноярского края // Мат-лы и исслед. по русск. лексикол. и сиб. диалектол. Красноярск, 1969; Кирпикова Л. В. Из наблюдений над лексикой села Ново-Андреевки Белогорского района Амурской области // Мат-лы и исслед. по русск. лексикол. и сиб. диалектол. Красноярск, 1969; Белькова В. А. Судьба южновелико-русского говора в условиях инодиалектного окружения: канд. дис. Белгород, 1970; Маерова К. В. Говор села Бобровки Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области: канд. дис. М., 1967; Стрепкова Е. Н. Переселенческий южнорусский говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении: канд. дис. М., 1954; Пеньковский А. Б. К проблеме смешанных и переходных говоров // Уч. зап. Владимирского пед. ин-та. Владимир, 1969; Калашников П. Ф. К изучению говора семейских // Тр. кафедр вузов Сибири и Дальнего Востока. Вып. 4. Улан-Удэ, 1966.

ления и семейском говоре, которые описаны А. М. Селищевым в стадии зарождения или на промежуточном этапе в процессе поступательного развития к конечному результату. Например, изменение заднебных z' , k' в переднепалатальные d' , t' зафиксированное А. М. Селищевым на промежуточном этапе, в современной фонетической системе говора представлено его конечным результатом — d' , t' . Отмеченное в красночикойском говоре так называемое теканье (изменение $č' > m'$), кстати, не зафиксированное ни одним из современных исследователей забайкальского семейского говора, было описано А. М. Селищевым в процессе его развития, на одном из промежуточных этапов; в современном красночикойском говоре этот процесс в основном **завершен**. Чередование $x' // c'$ перед гласными переднего ряда (*ap'éc'u*, *starúс'u*), выступающее как результат определенного фонетического процесса развития фрикативным заднебным x' признака твердости-мягкости, в силу каких-то причин не получило распространения в говоре семейских сел на территории Бурятской АССР, хотя А. М. Селищев зафиксировал здесь когда-то переходный этап этого явления (x^{uu}). Красночикойский говор, представляющий конечный результат этого процесса, имел когда-то и переходную ступень, о которой писал А. М. Селищев.

Сопоставление современной фонетической системы родственных говоров забайкальских и ветковских старообрядцев позволяет установить зависимость некоторых фонетических закономерностей от воздействия окружающей инодиалектной и иноязычной среды. Именно этим обстоятельством объясняется преимущественное употребление во всех позициях в слове фрикативного γ в ветковском говоре и спорадическое его употребление (в интервокальной позиции) в красночикойском семейском говоре. В говоре ветковцев произношение γ фрикативного удерживается благодаря влиянию окружающих белорусских говоров, для которых употребление γ фрикативного — норма. Вытеснение y фрикативного взрывным z в семейском говоре происходит под влиянием окружающих северновеликорусских сибирских говоров при поддержке норм русского литературного языка.

Тенденция к смешанному употреблению шипящих и свистящих фонем, появившаяся в семейском говоре под влиянием польских «мазурующих» говоров, получила свое дальнейшее развитие при поддержке различных языковых групп аборигенного населения Сибири.

В целом изучение южновеликорусского семейского говора в северновеликорусском языковом окружении интересно и актуально, так как столкновение различного диалектного материала содействует интенсивности протекания тех или иных процессов, вскрывает «причинно-следственные связи между явлениями, которые в иных говорах оказываются разобщенными или частично утраченными в процессе развития»¹.

¹ Пеньковский А. Б. К проблеме смешанных и переходных говоров... С. 180.

III. ЛЕКСИКА

О. М. Козина

ОТРАЖЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕКСИКЕ СТАРООБРЯДЦЕВ БУРЯТИИ¹

Введение. Современные исследования в области лингвистики характеризуются изучением языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и культурой, отражая высказанные более двухсот лет назад идеи В. Гумбольдта о «языке как о деятельности народного духа»². Интенсивно развиваются такие ее направления как этнолингвистика, лингвокультурология и лингвогносеология³. Так, например, в рамках лингвистической гносеологии, существующая в каждом языке система номинаций постулируется как система представлений человека об окружающей его действительности⁴. В ней отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности, а лексические единицы содержат богатейшую информацию о системе ценностей того или иного народа. В связи с этим чрезвычайно актуальны исследования в области диалектной лексикологии и лексикографии, так как именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», поэтому он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира.

В статье согласно теории лингвогносеологии лексика диалектов старообрядцев Бурятии анализируются не только в собственно лингвистическом аспекте, но также с социокультурной, и психолингвистической точки зрения. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в старообрядческих селах Бурятии в 90-е — 2000-е гг., а также на основе «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»⁵.

Результаты исследования. В структуре анализируемой лексической системы выделяется **общенародный, общесибирский, заимствованный и локальный пласты лексики**. Интересно, что довольно значительный пласт повседневного словаря семейских составляют бурятизмы. Основная масса лексических заимствований в говорах относится к раннему периоду межъязыкового контактирования. Поэтому целый ряд слов, заимствованных из бурятского языка, сегодня многими не осознается как иноязычный по происхождению. Кроме того, лексика бурятского языка, проникая в разговоры семейских, обнаруживает общие закономерности, характерные для заимствований: происходит фонетическая, морфологическая и словообразовательная трансформация.

¹ Козина О. М. Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. III. Языки, Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2000. С. 92–98.

² Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1985.

³ Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1985.

⁴ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

⁵ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее заметный пласт бурятизмов отмечен в говоре с. Новодесятниково (далее — НД) Кяхтинского района Республики Бурятия, которое находится на границе с Монголией. Нередко в соседнюю Монголию старообрядцы **ходили в ямцину**, то есть занимались товарным извозом, так одна информантка вспоминает: «Собирался обоз, как товарищество, договаривались, и зерно, и мануфактуру, и водку. Мой папа ходил в ямцину в Монголию. Если туда зерно, оттуда и чай, и ленты-бантики».

По нашим наблюдениям, в сознании говорящих имеет место дифференциация по языковой принадлежности слова, указывающая на непрерывный процесс пополнения словаря старообрядцев этого села за счет заимствований из бурятского языка. Например, один из информантов говорит супруге: «*Тащи хубин из сеника*», и затем, обращаясь ко мне, поясняет: «*Это кусок, кусочек небольшой мяса по-бурятски*». Данный факт свидетельствует о тесных контактах старообрядцев с бурятским населением, которое является преобладающим в Кяхтинском районе Бурятии. Показательны в этом отношении и такие высказывания информантов: «*Мой дэдушка чйшыш бурята гаварыл*»; «*Дэдушка мой па-буряцки панимал, он с имя с малку* (с малых лет)» (НД).

На наш взгляд, лексические единицы бурятского языка в словарном составе старообрядцев актуально рассматривать как результат тесных (на протяжении более двух веков) хозяйственных и бытовых контактов старообрядцев с бурятским населением. Но и как свидетельство социальной адаптации человека к новой среде (суровый климат, чужая культура и т. п.). В итоге, и как результат влияния кочевой культуры на культуру земледельцев.

Семантический анализ бурятских заимствований позволил нам выявить своеобразную “шкалу ценностей”, то есть то, что в языковом сознании старообрядцев является жизненно и социально важным, каковы особенности видения мира, что является своеобразным ориентиром в освоении чужого слова. Так, слова тематической группы «**Домашнее хозяйство и быт**» значительно преобладают в общем количестве слов бурятского происхождения. Эти слова коммуникативно значимы, их характеризует высокая словообразовательная активность, фонетическая вариативность и в отдельных случаях, метафоричность. Старообрядцы воспринимают их как “свои”, “родные”. В этом разделе представлена охотничья терминология, названия изготовления меховой одежды, богатая скотоводческая терминология (особенно развита номинация домашних животных по половозрастному признаку), что обусловлено большой хозяйственной значимостью продуктов животноводства в жизни кочевников (мясо, молоко, шерсть, шкура, кожа). Такие экономически ценностные ориентиры прочно вошли и в жизнь старообрядческого населения, вынужденного осваивать иносистемную культуру. Рассмотрим примеры.

Номинация домашних животных по половозрастному признаку: инзаган / инзагашка 1. ‘детеныш дикой козы’; 2. детеныш изюбра — из бур. *инзаган* ‘козленок (детеныш дикой козы.)’ [БМРС, 294.]; *бурун / бурунчик / бурушок* ‘теленка по второму году’; *бурунщик / бурунщица* ‘работник(ца), ухаживающий за телятами, телятник’ — из бур. *буруун* ‘теленка до года’ [БМРС, 126]; *иман / яман* ‘домашний козел’, *иманенок / имануха / ямануха* ‘домашняя коза’, *иманий / яманий* ‘козий’ — из бур. *ямаа(н)* ‘коза’ [Чер., 799]; *яргень / ярдень* ‘кастрированный баран’ — из бур. *эрье* с тем же значением; *кашарук* ‘теленка

III. Лексика

по второму году — из бур. *хашараг* ‘двухгодовалый теленок, двухлетний бычок’ [Чер., 565]; *куцан* ‘некастрированный баран’; *куцашок* ‘ягненок мужского пола’; *кусуранка* / *хусуранка* ‘корова, которая доится без отела второй год’ — из бур. *хуса* ‘баран — производитель’ [Чер., 604]; *кургашка* ‘ягненок’; *курганица* ‘работница, ухаживающая за ягнятами’ — из бур. *хурьга(н)* ‘ягненок, барашек’ [Чер., 604]; *тулугушка* ‘молодая овца, не достигшая своего полного развития и покрытая раньше положенного срока; такая овца плохо развивается, поэтому ее режут на мясо’; *тугул* ‘теленки по первому году жизни’ — из бурят. *тугал* ‘теленки’. Интересно отметить, что это слово старообрядцами дифференцируется как бурятизм: «*Это хто з бурятами рядом живут, теи тугул завуть*»; *хубурик*¹ ‘медвежонок старше года, оставшийся без матери’ из бур. *хообэрэг* ‘в том же значении’.

Номинация болезней домашних животных, масти лошади, построек для скота, мест выпаса, молочных продуктов и др.: *хурда* ‘больные недоразвитые овцы’ — из бур. *хурда* в том же значении; *хамун* ‘струпья, коросты, парша (у домашних животных)’; *хамунеть* ‘покрываться коростами, струпьями, паршой’; *хамунный* 1. ‘страдающий какой-л. кожной болезнью, заразный; 2. перен. неодобр. ‘нечистоплотный, грязный’; 3. ‘употребляется как бранное слово’ — из бур. *хаму* ‘парша, лишай; чесотка’ [БМРС, 545]); *халзан* / *халзанка* ‘лошадь с белой отметиной на лбу или на ногах’ — из бур. *халзан* 2. со ‘звездочкой на лбу (о животном)’ [БМРС, 541]; *халюный* ‘серый, светло-серый, игрневый’ — из бур. *халюун* 2. ‘игрений (о масти)’ [БМРС, 543]; *хашан* ‘утепленное помещение для мелкого скота (чаще овец)’; 2. пастбище, выгон, со всех сторон обнесенные изгородью — из бур. *хашаа(н)* 2. ‘забор, изгородь’ [БМРС, 564]; *импшега* 1. ‘участок с молодой травой, бывший временным местом стоянки бурят или стойбищем домашних животных’ — из бур. *шэбхэ* 2. ‘прошлогодний навоз’ [БМРС, 709]; *хокур* / *хотир* / *аргал* ‘сухой измельченный навоз, используемый в качестве подстилки для скота’ — из бур. *хохир* в том же значении [БМРС, 586]; *сабанить* ‘очищать шерсть, взбивая и раздергивая ее; трепать’; 2. ‘выполнять тяжелую работу’ — из бур. *хабаадаха* ‘выбивать двумя палочками шерсть, чтобы она очистилась и распушилась (при катании войлока)’; *урак* ‘молоко до 12 дней после отела коровы молозиво’ — из бур. *уураг* в том же знач [Чер., 481]; *урмук* ‘молочное блюдо с добавлением сараны и черемухи’ — из бур. *урмэ(н)* 1. ‘пенки, сливки’ [БМРС, 516]; *хурут* ‘продукт, приготавливаемый из простокваши; сухой творог’ — из бур. *хурууд* ‘спрессованный творог, самодельный сырок’ [Чер., 603].

Номинация растений, диких животных, в том числе грызунов, птиц; некоторых видов одежды, предметов быта, болезней людей и др.: *зузаник* ‘лес, состоящий из больших кряжистых деревьев кедровой сосны сибирской, изобилующий шишками’ — из бур. *зузаан* ‘толстый’; *курэнга* ‘кедровая шишка после того, как из нее вышелушили орехи’ — из бур. *хурэнгэ* ‘семя, семена’ [БМРС, 616]; *мангур* / *мангурка* / *мангыр* / *мангырь* 1. ‘вид дикого лука’; 2. ‘дикий чеснок’; *канфул* / *хамхул* 1. ‘общее название некоторых растений, после созревания от-

¹ В Бурят-монгольско-русском словаре [БМРС, 1951] содержатся не все слова, отмеченные в с. Новодесятниково. Большую помощь в идентификации слов бурятского происхождения оказали сотрудники отдела языкознания ИМБит СО РАН С. Д. Бабуев, Ц. Ц. Бальжинимаева, Н. Б. Даржаева, Л. Д. Шагдаров Ц. Ц.-Д. Бальжинимаева.

рывающихся от корня и перекатываемых ветром — перекаати-поле'; 2. пренеб. 'о женском уме' — из бур. *хамхуул* 'бот. перекаати-поле' [БМРС., 546]; *ургүль* 'травянистое растение прострел; сон-трава' — из бур. *ургы* в том же значении; *шудун* 'лекарственное растение сем. гречишных — горец живородящий' — из бур. *худэн* в том же значении; *шультá* 'березовый черный гриб' — из бур. *шултэ* 'гнилая сердцевина березы'; *гужур* / *хужур* 'соль натрия, кристаллизующаяся на траве, почве солонцов' — из бур. *хужар* 'солончак, солонцы' [Чер., 599]; *кандагай* 'лось, сохатый' — из бур. *хандагай* 'в том же знач' [БМРС, 547]; *гурán* 1. 'дикий козел, самец косули', *гуранёнок* / *гурáничик* 'детеныш гурана', *гурáний* 'относящийся к гурану', *гуранúна* 1. 'мясо, гурана'; 2. 'шкура гурана', *гурáниха* / *гурáнка* 'самка гурана' — из бур. *гуран* 'дикий козел' [БМРС, 176], 'самец косули' [Чер., 160]; *тарбагáнить* 'охотиться на тарбаганов', *тарбагáнщик* 'охотник на тарбаганами — из бур. *тарбага(н)* 'степной сурок' [БМРС, 428]; *солонгóй* 'хищный зверек семейства куньих с шерстью желтой или ярко-рыжей окраски' — из бур. *холонго* в том же значении; *бубушóк* 'птица отряда воробьиных, поползень обыкновенный' — из бур. *бубоолжэн* 'удод' [Чер., 120]; *тулун* 'кожаный мешок из шкуры животного, снятой целиком, не разрезанной' — из бур. *тулам* в том же значении; *турсу́к* 'кожаный заплечный мешок' — из бур. *турсууг* 'корзина'; *сундалóй* 'ехать на лошади вдвоем' — из бур. *хундалдаха*, *хундалдаад ябаха* в том же значении [Чер., 620]; *аргáл* / *рагáл* 1. 'сухой навоз, употребляемый для топлива и в качестве дымокура' — из бур. *аргал* 2, кизяк [БМРС, 63]; *дабá* / *дáлимба* 'вид х/б дешевой ткани' — из бур. *дааба* 'в том же значении' [БМРС, 194], из бур. *даалимба* / *даалин*; *утún* 'общее название заболеваний, связанных с ломотой, резкими болями в позвоночнике, суставах, мышцах' — из бур. *хуян* в том же значении; *кумухá* 'болезненное состояние человека, обычно сопровождающееся сонливостью; лихорадка, малярия' — из бур. *хумхаа* 'лихорадка, малярия' [БМРС, 592]; *шигэн* 'заноза' — из бур. *шэртээн* 'в том же значении' и др.

Обрядовая лексика; лексика, отражающая некоторые черты характера, особенности личности:

Необходимо заметить, что заимствования тематической группы *обрядовая лексика* встречаются только в локальных старообрядческих селах — в с. Хасурта Хоринского района, в с. Михайловка и с. Леоновка Кижингинского района, с. Новодесятниково Кяхтинского района Республики Бурятия. Так, например, имеет распространение слово *барисан* 'место (обычно на горных перевалах), где буряты делают подношения духам'. По существующему обычаю одна или несколько растущих там березок ритуально украшаются разными лоскутками, заимствовано из бурят. *бариса* 'подношение, дар'; *обон* / *обмон* 'место на вершинах гор, на перевалах, у рек, отмеченное грудой камней или срубленными деревьями и используемое бурятами для культовых жертвоприношений' — из бур. *обоо* 'сопка, где совершался религиозный обряд'.

Лексика, отражающая некоторые черты характера, особенности личности отмечена не только в диалектах, но и в русском городском просторечии: *ургэчить* 1. 'охотиться, устраивая загон; 2. присваивать чужое, красть' — из бур. *ургоохэ* 'пугать, отпугивать, отгонять (о звере при обвальном охоте)'; *худларить* / *схудларить* 'обманывать, хитрить' — из бурят. *худалараар хэлэхэ* 'лгать'; *архидачить* 'пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переходя из одного дома в

другой' — из бурят. *архидаа(н)* 'пьянство, пьянка, попойка, кутеж'; *тала* 'друг, товарищ' — из бурят. в том же значении.

Заключение. Предпочтительность употребления бурятизмов в говорах объясняется, с одной стороны, так называемой «экономией энергии» — в родном языке заимствованиям соответствуют словосочетания: например, двухгодовалый теленок — *бурун*, дикий лук — *мандур*, костный мозг — *муцугун*, боль между лопаток — *хуун* и т. п.; с другой стороны, причинами экстралингвистическими — развитием общих видов деятельности (скотоводства у старообрядцев, земледелия у бурят).

Кроме того, выявляется отчетливая избирательность и яркая прагматическая направленность языка: маркируется и актуализируется все то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, все, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет человеку ориентироваться в окружающем его мире.

Е. И. Тынтуева

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛОВ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ГОВОРА — ГОВОРА ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ¹

В данной главе нами изучается определенная группа слов, объединяемых общей «темой» в соответствии с их корневыми, собственно лексическими значениями.

Сюда входят слова являющиеся:

- 1) названиями жилых помещений и их отдельных частей: связь, горница, изба, куть;
- 2) названиями хозяйственных построек: амбар, пунька, повесть, омшаник, голбец, тепляк, засятка, гаютка, мерлог;
- 3) названиями различных строительных конструкций: стопа, охлупень, князек, самцы, должик, пятра, сусек, потемок;

Анализу семантики изучаемых слов мы уделяем в своем исследовании особое внимание.

Жилище и жилищно-хозяйственное строительство занимает важное место в жизни каждого народа и каждого общества.

Степень развития жилища и жилищно-хозяйственного строительства является показателем степени социально-экономического и культурно-исторического развития каждого народа. Лексика жилища и жилищного строительства, является важной частью каждого языка и диалекта. В эту лексическую группу входит большое количество слов, употребляемых всеми членами того или иного общества, Сюда же всегда входят многие слова, употребление которых ограничено (имеются в виду слова, употребляемые при обращении со старожилками — столярами, плотниками, кровельщиками и другими профессиональными группами).

¹ Тынтуева Е. И. Русские народные говоры Забайкалья. Улан-Удэ, 1997. Глава II.

Изучение лексики жилища и жилищно-хозяйственного строительства интересно тем, что история каждого слова, входящего в состав этой лексической группы, может рассматриваться в непосредственной связи с историей предмета материальной культуры, им обозначаемого.

В своем исследовании мы имеем возможность использовать богатый исторический материал, накопленный наукой.

Изучение истории группы слов, относящихся к жилищу, в тесной связи с изучением истории этнографического типа жилища на территории обследованных говоров с привлечением данных по истории заселения данного края представляется нам удобной возможностью стать на путь изучения языка в тесной связи с изучением истории народа — его носителя, ибо еще академик Л. Л. Шахматов писал: «В своих лингвистических построениях, в своей работе над восстановлением языка прошлых эпох историк языка должен искать постоянную опору в истории изучаемого им народа»¹.

При изучении лексики «Жилища и жилищно-хозяйственной строительства» не остаются без внимания слова, общие для данных говоров и современного русского литературного языка.

В отношении этих слов следует сказать, что очень трудно, а подчас и невозможно без привлечения косвенных данных (исторических, этнографических и т. д.) выяснить, действительно ли то или иное слово является «искони» общим или оно результат недавнего заимствования² диалектом из литературного языка в ходе взаимодействия языка и диалекта.

Исторические и этнографические данные позволяют иногда ответить на этот вопрос, хотя и не совсем точно.

Особое же внимание в исследовании, большей частью, уделяется специфическим местным словам, не вошедшим в современный русский язык.

Лексическое описание материала в главе начнем с этнографических данных о типах жилых построек в старообрядческих семейских поселениях на территории Бурятии и Читинской области. Традиции русской строительной архитектуры, резьбы, росписи жилища семейских до настоящего времени в значительной степени сохранились.

Семейские Забайкалья в сибирских условиях строили высокие и теплые дома, приспособленные к длинным и суровым зимам, чаще всего — «связи», расположенные параллельно улице, отгороженные высоким забором со спаренными резными воротами. Вход в такой дом находился на длинной стороне дома, со двора, ориентация окон на длинную сторону.

Такое расположение характерно для построек южнорусской и, отчасти, средневеликорусской полосы.

Что касается внутреннего строения «старообрядческого» жилища, то, в основном, это так называемый трехкамерный дом, дом-связь, состоящий из двух жилых помещений, соединенных между собой сенями.

¹ Шахматов А. А. Курс истории русского языка. СПб., 1910. Ч. 1, С. 11.

² Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. Известия Академии Наук СССР, отделение литературы и языка. М. С. 92.

III. Лексика

Б. Э. Бломквист в своем исследовании «Крестьянские постройки восточных славян» отмечает древность такого рода жилищ: «Трехкамерное жилье, как тип, известно очень давно»¹.

Этот же тип жилища описывается известным этнографом А. С. Машкиным, исследовавшим крестьянские постройки в Курской губернии: «Там, где жители побогаче, избы строятся на два отделения, разделенными сенями, на которых налево и направо двери: Одни ведут в освещенную двумя окнами светлицу — комнату более (светлую, иногда разделенную тонкою досчатою стеной...; другая дверь из сеней ведет собственно в избу, где готовится кушанье и живет семья крестьянина»².

Некоторые «связи», сохранившиеся в семейских селах до наших дней, относятся к концу XVII в., так, например, дом — связь Х.И. Тимофеевой (с. Бичура) был построен ее прадедом до 1780 г. Старые дома — «связи» были рублены способом в «обло» или в «угол» (с выступающими концами бревен), новые — «в лапу», с наложением верхнего бревна в желоб нижнего. Внутренняя планировка старых жилищ семейских оставалась без изменений до 30-х годов XX в.

Названия жилых помещений и их отдельных частей

В данной тематической подгруппе преобладают общенародные слова:

"дом", "четверик", "пятистенка", "передний угол", "зал", "комната", "кухня" и др.

Мы рассматриваем слова: "связь", "горница", "изба", "куть".

СВЯЗЬ, и.ж. Жилое помещение, состоящее из двух самостоятельных помещений, сведенных под одну крышу и разделенных холодным коридором (сенями).

На св'ас унога л'есу нада хот' и тайга р'адам (Менза). У св'аз'и кан'ешна жыт' брава прасторна (Красный Чикой). Майа — то у св'аз'и жыла, ат'ец у ей багатый быу (Малоархангельское). У нашаи Старай Бр'ан'и ран'ша др'амучай л'ес быу л'исв'аннай строй с'абе св'аз'и (Старая Брянь). Дама св'аз'ю р'адам'и став'ил'и (Новосретенка). Прад'еды наши и мы заус'игда дама строил'а св'аз'ю (Новая Брянь). Ран'шы у такой св'аз'и жыла па шышнацат' вас'имнацат' ч'илав'ек ус'е сынав'я с маладухам'и сваим'и унуками, прауноками (Хасурта). Наш сш'амейскай нарот работ'ашый, сш'в'ас' састроиш так'и харомы, запр'ету на л'ес тады шыпка н'и було, так бувало размахн'ошс'а (Куйтун). Багаты св'аз'и строил'и аш пал ул'ицы зан'имал'а (Первомаевка). На св'аз'и унога л'есу нада была тайга р'адам (Менза). Тап'ер' св'аз'и строит' унога д'енех нада, а с'орамно стройат' (Красный Чикой). У св'аз'и жыт' брава, прасторна (Малоархангельское). Св'ас' — та ч'ем лучшэ, када б'ел'им, моим ус'о туда стаскаиш' и б'ал'и с'аб'е (Урлук).

В нашем значении слово "связь" зарегистрировано в новосибирских (Федоров), прииртышских (Гапонова), томских (Сл. Басс. Ср. теч. р. Оби), колымских (Богораз), донских говорах (Миртов)³.

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник. Труды института этнографии АН СССР, т. XXXI. М., 1956. С. 349.

² Машкин А. С. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда. «Этнографический сборник», У, 1862, С. 6 Жилище (съ планом); Одежда; Пища, оз. 29.101.

³ Материалы картотеки Словаря русских народных говоров. Филиал ИРЯ АН СССР, г. Ленинград.

В рязанских говорах «связь — это изба, которая находится под одной крышей с надворными постройками» (В. И. Даль). В олонецких говорах — это «пристройка вообще, так или иначе соединенная с прежней пристройкой, сени, пристроенные к избе, двор (Куликовский). В архангельских говорах — это та же часть крестьянской избы, которая располагалась между жилой половиной и помещением для скота (Подвысоцкий). В говорах Среднего Причунья Иркутской области «связь» (св'ас') — основа крыши» (В. Ф. Иванова).

Таким образом, слово "связь" изучаемого говора совпадает со значением слова "связь" донских говоров, курских и брянских¹.

Интересна и своеобразна история слова "связь". Слово древнее по своему происхождению, оно известно древнерусскому языку.

В картотеке древнерусского словаря имеются сведения об употреблении слова "связь" в XIII–XVIII веках в «Актах, относящихся до юридического быта древней России» и в «Дополнениях к Актам историческим...» 1669 г. «Купчая на дома и дворовые». «Се язъ Захарей Костянтинов сынъ, <...> продалъ есми Якову Федорову сыну Рыкову, на Славкове улицы полдвора, свою верхнюю связь горницу на подызбицы, да клетъ съ сенми» (АЮБ II, 1613, | АЮБ I...III, 395).

Из данных примеров следует, что слово "связь" употребляется в значении: «отдельное жилое помещение», в отличие от «горницы на подызбице и клетки». Это же самое отмечено и у Забелина И. в «Домашнем быте русских царей» в XVI и XVII вв: «А хоромъ на томъ дворе: горница большая на подклете, а связи у тое горницы сени съ потсеньемъ, да клетъ на подклете, да горенки на мишанике, да передь горенкою сенци съ подсениемъ» (Заб. Б I. 1579).

Интересно выявить семантику слова "связь" в «Дневных записках путешествия доктора Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина»: «Всякий женатый» имеет себе особливую небольшую с в я з ь с нужно по его художеству пристройкою. Холостые живут в особенной с в я з и и имеют особенное содержание» (Лепехин Днев. зап. 1772 г. 1–442).

У семейских сохранились эти древние традиции, в связи живут молодые, в первую брачную ночь отводится одна из частей связи — горница. Када маладых благослав'ат' хл'ебам сол'йу атвод'ат' у св'ас' адн'и астайуца. (Новая Брянь) Св'ас' маладым заран'е угатована (Унэгэтэй). У св'аз'и ешт' горн'а, туда маладые посл'и свад'бы идут' адн'и (Бичура).

Для характеристики употребления слова "связь" в XVII–XIX–XX вв. обратимся к показаниям словарей.

В "Материалах" И. И. Срезневского слово "связь" приводится в следующем значении: "связь — скрепление, связь" (т. 3, с. 666). В словаре А. Дювернуа это слово не отмечено.

"Словари церковнославянского и русского языка" 1847 и 1867 гг. приводят слово "связь" без ограничительных помет в значениях: 1) в архитектуре: а) железная или деревянная скрепа частей здания; б) строение, в которомъ из однехъ сеней ходъ въ разные покои, не имеющие между собой сообщения (т.3, стр. 103), (т. II, С. 1201). А. Х. Востоковым в "Словаре церковнославянского языка" отмечено "связь in culum" (1861, т. II. с. 198).

¹ В конце 17 и в начале 18 столетия в Стародубье и около Ветки, откуда вышли "деды" семейских вышло много старообрядцев — выходцев с Дона. А.М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Иркутск. 1930. С. 68.

III. Лексика

В БАС слово "связь" в значении: "Несколько строений, сведенных под одну крышу и одно из строений, подведенное под общую крышу с другими: дано с пометой обл. (т. 13, с. 465).

То же самое мы находим и в ТСУ, МАС с пометой устар. и обл. (т. IV, с. 82).

Таким образом, в процессе развития русского литературного языка, основное значение "связи": "связь-скрепление", сохранилось. Несмотря на помету обл. и устар., слово "связь" в XIX–XX вв. продолжало употребляться в языке художественной литературы различных жанров как в стилистических целях, так и без какой бы то ни было стилистической нагрузки. К примеру: "В трех связях было двенадцать больших зимних изб". Печер. На Горах. II, 17. У богатых мужиков — у Савелия, у Игната, у Дрона — избы были в две — три связи. Бунин, Антон. яблоки, 2.

Учитывая показания словарей, XVIII–XIX–XX вв. и данные художественной литературы, высказываем предположение, что слово "связь" в предшествующие эпохи развития русского языка являлось литературным словом. Процесс вытеснения его из литературного языка происходил, вероятно, в течение XIX в. В данное время это слово областное. В изучаемых говорах общеупотребительное.

ГОРНИЦА, ы, ж. Неотапливаемая комната, служащая одновременно кладовой и летней спальней.

Ран'шы горн'ицы тока багаты им'ел'а (Малоархангельское).

Сватал'и ран'шы бол'е у горн'ице (Красный Чикой). X празнику у горн'ице ус'о п'ер'емывал'и штоп н'игд'е н'и пыл'инк'и (Урлук). У горн'ицы акошт'и пам'ен'е изб'инных (Первомаевка). Таракану клапоу кады мароз'ил'а у горн'ицы жыл'а (Хасурта). Горн'ицу н'а топ'им з'амой, ид'е дроу скока нада, на май'эи пам'ат'и н'и топ'ил (Новая Брянь). У горн'ице д'ержым йашшык'и с ад'ожай, ран'ше пр'иданы сарахан, запана, н'ав'есты хран'ил'а (Куйтун). Д'ет'ам брава спат' у горн'ице (Бичура).

В работе "Лексика жилища и жилищно-хозяйственное строительство в некоторых южнорусских рязанских говорах"¹. В. Г. Руделев пишет, что определения горня или горняя комната могли даваться клетки, стоящей на высокой подклети, после чего высока клеть стала называться просто горней, а впоследствии горенкой, горницей. Отсюда, возможно, возникло словосочетание горница на подклете в значении "летняя изба"; "клеть на подклете" в памятниках XVI–XVII вв. (здесь и далее подчеркнуто мной — Е.Т.).

Исторические словари и материалы картотеки древнерусского словаря подтверждают наблюдения исследователя. «В Переславле Рязанском внутри города двор боярский, на дворе строенья: горница на глухом подклете с пристеном, житница да онбар» (Хоз. Мор., 1667); "А на дворе хоромъ — горница с подызбицей, да сени дощатые с подсениемъ, да повальица о двухъ вылазах, да на крыльце чуланъ..." (К. Н. Поганкина, 1678, 1–51). "Противъ сеней клеть, да на клети повальина, да другая горница брусовая белая на жиломъ же подклете. да у той горницы верхние и нижние сени" (Челоб. Новгор., Розваж. Мон. 1673–1696).

¹ Руделев В. Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах. Оренбург, 1958.

"Плотники, Государь, на Москве были, и по твоему Государскому указу въ горницахъ потолки перебрали, и въ подклете чуланъ попу сделали" (Пис. къ Безобразову, 1691).

"Куплено у митрополичих крстьянь <так в тексте!> с Нижнего острова у Василя да у Пабка Тимофеевыхъ пяддесят бревень четырехсаженных, а дано за них полтора рубля московская, бревна в починку на горницу на конюшенном дворе". (Прих расх.кн. Соф. д. Оп. Трек N36 л.60 об 1593–1600 гг.)

В "Материалах для словаря древнерусского языка" А. Дювернуа "Горница — (орр.подкльть), горница на подкльть, противо сени, да горница съ двумя комнаты на полкльтьхъ" А.Ю.И. 1568 р. 126 М., 1894 г. И. И. Срезневский в "Материалах" к значению слова "горница" дает иллюстративный материал из памятников письменности 14 в.: "горница — комната, помещающаяся на верхнемъ жилье дома, и вообще комната". Тъ вамъ покажетъ горницъ великоу готовоу постылану Лер XIV, 15. Юр. евр. 1119 г. 145, т.1, 560. А во дворъ хоромы ветчаны, горница на подкльтьхъ противо сени, да горница съ двумя комнаты на подкльтьхъ противо сени. Купч. Кирил. Мон. 1568 г., т. 1, С. 56.1.

Г. Е. Кочиным в "Материалах для терминологического словаря древней России" отмечено: "Горница, горенка — комната", Лип. 319, II I, 13, Вв II 110, М-Л, 1937 г., С. 66.

К XVIII в. становятся известны и такие значения, слова "горница" как: парадная комната, жилое помещение. "Решился я иттить прямо къ палатамъ, и вошедъ въ первую горницу обитую преизрядными обоями, въ которой премножество красного дерева сталов и шкафовъ ... из оной другая горница убрана разными высокой работы картинками (Милорд, 1782). "В такие сторож имеютъ добрые: знаемые люди приняты быть, которых отпыты, хъ <так в тексте!> верность; добрые обхождени онне в калеги во оных принадлежащих горницахъ чисто держать и зимнею порою печи топитъ входить и выходить имеютъ" (Зак. Птр, 1, 448, 1718). "И как после ужина пошелъ съ любезною моею супругою въ спальню, той сей мальчик пошел за нами; я оборотясь, говорилъ ему, что время ложиться спать, а для того шель бы онъ в другую горницу. (Милорд, 1782). "А потом повели Иванушку дурачка съ прекрасною царевною Бастрою въ брачную горницу, и положили ихъ на ложе брачное съ великою честию". (Лек. от задумч. 210-211).

В "Словаре церковнославянского и русского языка" 1847, слово I "горний" в значении "верхний" дано с пометкой "церк" (I, 278).

Слово "горница" в значении "покой", "комната" дано в "Словаре церковнославянского и русского языка", 1867 г., (т.1, стр. 582).

Словарь 1834 г. П. Соколова¹ отмечает: "Горница = ю.ж., покой, храмина, комната (ч. I, СПб., 1834).

В словарях литературного языка XX века: в ТСУ (I, 602), в МАС слово "горница" имеет пометы: устар. обл. "Горница, ы, ж. 1) Устар. комната (первоначально в верхнем этаже). 2) Обл. Чистая половина крестьянской избы (Т.1, С.449).

БАС приводит это слово с пометой устар. 1) В крестьянской избе — чистая половина. 2) Первоначально — комната, находящаяся наверху, позднее — вообще комната. 3) Устар. В помещичьем быту — комната, предназначенная для чле-

¹ Общий церковно-славяно-русский словарь, сост. П. Соколовым. СПб., 1834. Т. I. С. 1164.

III. Лексика

нов семьи помещика (в отличие от людской, девичьей), лакейской кухни (т. 3, с. 301).

Пометы устар. и обл. позволяют думать, что слово "горница" вышло из употребления в литературном языке. Однако в говорах оно широко употребляется со значением "чистая половина избы, комната".

В этом значении слово бытует в говорах: архангельских (Зимин), владимирских (Певницкий), северодвинских (Романов)¹.

Встречается также в ярославских (Мельн. Якушин), тверских (Смирнова), уральских (Карпов), прибалтийских (Словарь рус. нар. гов. Прибалт. 1963, 1965 гг.), нижедевицких (Поликарпов), барнаульских (Молчанова) говорах.

Ареал слова "горница" не ограничивается указанной территорией. Слово "горница" находится в активном употреблении и в сибирских, уральских говорах (Ботина 18, Ф. П. Иванова, 215, I Зобнин, 321; уральских СГ ср Ур.122, Тимоф., 24).

С пометой сев. вост. слово отмечено в ТСД (1, 378), в работах Костомарова (39), В. К. Магницкого, (16), Ф. И. Буслаева (542), П. С. Ефименко (21), В. И. Чернышева (117), КЯОС (54).

Бытует слово "горница" в среднерусских и южнорусских говорах: пензенских (Гвоздев), саратовских (Леопольдов), смоленских (Иванова), брянских (КСБГ), рязанских (Руделев, Оссовецкий) и др.

Обзор материалов убеждает в том, что слово "горница" было известно семейским на их первой родине. Первоначальное значение слова установить трудно, однако нам кажутся убедительными доводы В. Г. Руделева в пользу того, что в южнорусских говорах была горница на подклети кладовая на возвышении². Семейские, усвоив в Сибири архитектуру жилого помещения типа "связи", неотопливаемую половину дома стали называть горницей. Так усваивается новое значение.

В говоре семейских старообрядцев Забайкалья слово "изба" многозначно.

ИЗБА, ы, ж.,

1) одна из двух половин жилого помещения связи.

У изб'е п'ар'ед'ний угал быу, ид'е бож'ен'ка, а у горн'иц'е п'ач'и н'и було (Ма-лоархангельское). Прахад'иг'а у избу, ч'о у с'ен'ах стал'а (Унэгэтэй). У изб'е окна пабол'е, ч'ем у горн'ицы (Красный Никой).

2) Внутренняя часть дома.

У избе дарошк'и усе сама баушка ткала (Шонуй). Крават' стар'ину мой д'ет прас'ил тока в изб'е д'аржат', на ней ишо атец иво спал (Урлук). Ус'о п'ир'акрас'ила и паталок у изб'е з'ал'онай краскай (Куйтун). Лан'и у изб'е шт'ены н'и б'ал'омша был'а (Новая Брянь).

3) Бревенчатый крестьянский дом.

Ран'ш'е избу строил'а хто "у лапу", а хто и в "угал" (Красный Чикой). Пат'омт'и аставл'ал'и када избу лад'ил'а, а јэта када изба ссыхатца стан'ит' и пат'омт'и нужны (Урлук). Б'орна др'асвой у изб'е снаружа драил'а ат в'арху да сама-ва н'изу, катора хаз'айка б'итурна, так издал'а в'идна избу — та (Хасурта).

¹ КСРНГ. г. Ленинград.

² Руделев В. Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах. Оренбург, 1958.

В перечисленных значениях слово "изба" бытует, помимо говоров семейских старообрядцев, в куйбышевских (Бондалетов, 889), новосибирских (Федоров, 816), тобольских (Маляревский), томских (Иванова Ф. П.), уральских (Словарь Басс. ср. теч. р. Оби, стр. 783) говорах. В тульских, орловских говорах крестьянский дом имеет название "хата" (Будде, 141). Слово "изба" в тульских, орловских, донских говорах не встречается. В работе "Крестьянские постройки" Б. А. Куфтин отмечает: "Граница между северновеликорусскими жилищами (изба) и южновеликорусскими (хата) проходит южнее Московской губернии"¹.

В словаре В. И. Даля лексема "изба" определена в значении "крестьянский дом" (т. 2, с. 10). В древнерусском языке И. И. Срезневский дает следующее значение к слову "изба": "Изба — изьба — дом, з дание" (т. 1, с. 1030). В "Материалах для словаря древнерусского языка" А. Дювернуа отмечено: "Изба Casatugurium: Да еще кто изъ истьбы выльзеть напрасно убьень бываше невидимо 1092. Ан тожь деи клфонтао <так в тексте!> былъ в тое пору въ тюрьме въ избе затворень" (А. Ю. а 1613 р 71) М., 1894, с. 66).

В "Словаре церковно-славянского языка" П. Соколова "Изба, м, ж. Строение деревянное, состоящее из нескольких рядовъ бревень, одна на другое положенныхъ о четырехъ углахъ" (т. 1, с. 988, СПб., 1834). Лексема "изба" в "Словаре церковнославянского языка" Л. Х. Востокова отсутствует.

В значении "деревянное крестьянское строение для жительства" слово "изба" отмечено в "Словаре церковнославянского и русского языка" 1867 (т. 1, с. 210) и в "Словаре Академии Российской", 1847 (г. 2, с. 102).

В "Словаре Академии Российской" 1922 г. "Изба, ы, ж, Др. русск. истьба, истьба, с пометой церковносл. истьба, др.-верхненем. Stuba изъ лат. stuba откуда также итал. франц. etuve, болг. изба, jizba, jezba, словинск. jizba, jzba, ispa чешск. izba, jezba, старослав. izdba, istba, польск. izba, Кашубск. jizba, словинск-jizba, полабск. jazba, jazaba, в-луж. isравъ, pajspa, spa, istwa, stwa, н-луж. spa, ispa, в сочетании с ъ предлогами: do ispy и т. п.

Внутренность крестьянского дома вообще Жиздр. (Тр. ОЛР сл. 1820, т. 20. кн. 5, 228 оп. обл. слов). Каргоп (Лебедевъ), яросл. и вообще простонар. (Макар) (Т. III, вып. 1, с. 220, СПб., 1922).

В словарях современного русского литературного языка слово "изба" дается в значении "крестьянский дом" (ТСУ, 1, 1138; МАС, 1, 847; БАС, 5, 86).

Таким образом, общеупотребительным и литературным безоговорочно признается всеми словарями русского литературного языка XX века лишь одно из древнерусских значений "крестьянский дом".

КУТЬ, и, ж. Место около русской печи, которое отделяется от всего пространства занавеской или перегородкой.

Ран'ш'е б'едныи у кут'е пастайат' — пастайат' и увайдут' (Урлук). Квашонк' у нас ус'о тока у кут'и стайала, кажный раз хл'еп сам'и пекл'и (Красный Чикой). Да и тап'ер' ни лучч'и, у кут'е баб'йе м'еста (Малоархангельское). Ч'о сталп'ил'ас' у кут'е ид'ит'а на ул'иц'е ихрайт'и (Старая Брянь). Кала уст'иа п'еч'и ус'о йэта м'еста буд'ит' по нашему кут' (Новая Брянь). Занав'ескай л'а заборкай атгаражываем кут' ат ус'ей избы (Унэгэтэй). У кут'е заус'о ур'ем'а стр'апаим, шт'и д'а пахл'опку вар'им, иаишн'у жар'им (Куйтун). Испакан в'еку адн'и бабы у кут'е стайат' зафс'а

¹ Куфтин Б. А. Крестьянские постройки. М., 1937. С. 21.

III. Лексика

хл'еп п'акут', д'а ч'о вар'ат (Бичура). Баб'ји струм'енты: ухват в'ас'олка, жарна, лапата, лашкамойка у| кут'е (Хасурта).

В этом значении слово "куть" бытует во всех изучаемых населенных пунктах семейских старообрядцев Забайкалья.

В современных русских говорах слово "куть" хорошо известно, ареал его не менее широк, чем для слов изба, горница. При этом нельзя не обратить внимание на некоторую конкретизацию семантики: 1) "задний угол в избе" или "бабий угол, около русской печи"; 2) "угол, в котором висят иконы, передний или красный угол". Первое из значений известно южнорусским говорам — донским, воронежским, рязанским, курским, калужским, брянским, смоленским, так и севернорусским говорам: архангельским, вологодским, череповецким, вятским, пермским, ярославским, также уральским и сибирским: челябинским, тобольским, красноярским, иркутским и др. Сошлемся на данные словарей и картотек. В вятских, уржумских говорах: "куть — избной уголь подле двери" (Магницкий, 215), в ярославских, пошехонских говорах: "куть — место за печью въ заднем углу избы" (Балов, 243), череповецких говорах: "куть — задний угол в избе" (Герасимов, словарь, 48), в холмогорских говорах: "куть — место перед русской печью, иногда отделенное занавеской или перегородкой, въ Сибири куть" (Кузьмищев, 141). В вологодских говорах: "куть- место около печи, которое отделяется от всего пространства избы занавеской или заборкой. В куте устроены грядки, палатцы, судняя лавка, залавок, шесток, кутица, приступок, голбец, лохань или тренога (Глубоковский, 361), в сибирских говорах "куть — (бур.) — место в избе, куда выходит русская печка, отделенная досчатой перегородкой от остальной части избы, иногда маленькая комната в избе, где стоит кровать — спальня" (Дубке, 118). В иркутских, тулунских говорах: "куть — место против печи, отделяемое перегородкой, заборкой, в кути готовят еду, на полках хранят посуду и пр." (Виноградов, 246), "куть — кухня" (Бобряков, 129), в зауральских "куть — часть избы перед русской печью" (Тимофеев, 792), в тобольских: "куть — часть избы, находящаяся против передней части печи" (Ф. Зобнин, 332), в челябинских говорах — "куть ' место передь печкой въ избе — обыкновенное назначение ея служить местомъ для кухонной посуды" (Шмурло, 14). В пермских говорах "куть — кухня (часть избы, отгороженная чем бы то ни было, с одним окном, приходящимся против чела печки, здесь находится залавок, где находится столовая посуда, полки, куда кладут караваи хлеба, кринки, у печи же стоят кухонные принадлежности — ухваты" (Богоявленский, 637).

В значении "красный угол" слово "куть" отмечено лишь в говорах: новгородских, псковских, смоленских, курских (Волоцкая, 45; Опыт, 98). В говоре семейских Забайкалья сохраняется первое из приведенных значений "... место около русской печи".

Слово "куть" общеславянского происхождения. Вначале оно обозначало просто "угол" и именно с таким значением известно в древнерусском языке: "котъ: Да бываетъ оурокъ по предложению ꙗ кута. Уст. л., 1193 г., 21; И сделаша (Во Пскове) ... на Родчинь исходе костерь, а другиы костерь въ куту города". Псков. Пл., 6,909 Г. (И. И. Срезневский "Материалы", т. 2, с. 1383). В "Общем церковнославянороссийском словаре" П. Соколова: "Кут, а, м; с пометой "простонар".

дано в значении: 1) угол в избе, Сидеть ... в куту. 2) Самый конец залива. Куть Онежской губы. (М., 1834 г., с. 1285)¹.

В современном русском литературном языке слово "куть" дано с пометой "обл." в значении: "задний, женский угол в избе, место перед печкой" (БАС, т. 5, с. 1903).

Сопоставление лингвистических и этнографических ареалов для уточнения значения слов на материале хозяйственных построек

Среди названий хозяйственных построек в говоре семейских Забайкалья наряду с общенародными словами: баня, сарай, стая, встречаются большое количество диалектных слов: "пунька", "поветь", "омшаник", "голбец", "тепьяк", "засятка", "гаютка", "мерлог" и др.

В данной тематической подгруппе мы рассматриваем слова: "голбец", "пунька", "поветь", "омшаник", "амбар", "тепьяк", "засятка", "гаютка", "мерлог"

Продолжительное время внеязыковая ситуация не рассматривалась в той мере, в какой это необходимо для изучения различий в значениях слов. В этом заключались некоторые недостатки исследований в области русской диалектной лексикологии.

В данном разделе мы попытаемся осуществить комплексный подход, проследить историю слов в связи с историей объектов наименований, осуществленных в области истории.

Совершенно очевидно, что проследить причины изменения значений слов, служащих названием конкретных предметов невозможно, не зная истории самих предметов, поэтому учитывались результаты исследований, осуществленных в области истории.

Не менее важными были и материалы исторические, этнографические по сибирскому забайкальскому краю, в котором более 200 лет проживает в соседстве с эвенкийским, сибирским, бурятским населением старообрядческое семейское население.

С другой стороны, для периода с конца XVII в. учитывались некоторые специальные источники, которые помогли понять причины изменения значений слов, а также этнографические данные, имеющиеся в материалах ДАРЯ, факторами, сыгравшими главную роль в изменении значения слов, были также исторические сдвиги, происходившие на протяжении XVIII века.

При исследовании учитывались данные археологии, истории и этнографии.

В нашем исследовании, построенном на материале русских старообрядческих говоров Забайкалья с применением некоторых лингвогеографических методов, большое внимание уделяется истории слов, имеющих ограниченную историю распространения и входящих в диалектное различие, но в словарях литературного языка приводимых без указания на их областную принадлежность.

Большое значение будет иметь картографирование материала, относящегося к определенному историческому срезу.

Исторические разыскания, исходным материалом которых являются говоры семейских старообрядцев Бурятии и Читинской области, проведенные с привлечением материалов исторических, областных и других словарей литературного

¹ Сперанский М. Н. Из старинной Новгородской литературы 14 в. М., 1934. С. 133, 136.

III. Лексика

языка, имеют большое познавательное значение. Их результаты могут быть использованы в практике лексикографии.

Обратимся к конкретным примерам:

ГОЛБЕЦ, -бца, м. Характерно, что на границе с Бурятией в селах Урлук, Усть-Урлук, Красночикоийского района, Читинской области, в селах Унэгэтэй, Первомаевка Заиграевском районе Бурятии в значении "помещение под полом" употребляют областное слово "голбец".

"С мал'ства голб'иц гавор'им ад'е картошт'у д'оржым, туда и лук ссыпам на з*иму (Урлук); Ран'и как како наказанн'я у голб'иц у м'ес'т'и с картошт'аи пасод'ут, ч'о баис'са" (Усть-Урлук). "Л'етам батвин'ю у голб'ци д'иржал'и, јента у т'еих д'ир'ивн'ах как — та па друјому "патполл'а да падвал адал'и завут' (Унэгэтэй).

По мнению этимологов, лексема "голбец" заимствована из германского языка. А.Г. Преображенский сообщает следующее: "Голбец, обл. северо-восточное сибирское "чуланчик", отгородка при печи, иногда с лазом в подполье; кое-где, например, в севск. говорят: голубец, — по нар. этимологии заимствовано из германского др. сев. *golf* — пол, "отделение", швед. *golf* то же; *gulf* (ЭС, I, 138).

В памятниках письменности слово "голбец" фиксируется с XIV в. ср. варианты голубец, голупец, в значении "цистерна", "гробница", в описании Константинополя начала XIV века.

"Голбци-загородки "отгородки в церковном здании".

"И егда начаша в левом крыле церковном починивати понеже были преже голбцы в крылах и начаша голбци разрушати, якобы церкви пространство имети (Софийск, пл. с 282, 1524)".

Слово "голбци" в указанном значении в древнерусских словарях документируется лишь в примере из Духовной Новгородца Остафья 1396 года и Новгородских записях из соф. вр. (Срезн., I, 54); (Коч.65). В картотеке ДРС содержатся те же данные, что и в "Материалах И.И. Срезневского, в словаре Г.Е. Кочина: "Лавки другом тесовые с причалинами и опечек зделал, и надлабочники тесовые наложил, и полати, и голбец. И у голбца двери и от голбца кызбной стене против печи чулан в столбцы тесом забрал. (Там кн. III, 1678)".

И после обеда протопопъ Федотъ пил праздничную чашу, въ тое пору Иван Злобинъ пришел съ надворья въ избу, и сталь у голобца въ шапке (Сл.и Д.Т. I, 1629).

В актах Холмогорской и Устюжской епархий анализируемое слово встречается со значением "отгородка в избах при печах, в которой находится сход в кладовую под полом просто называемую подполье". "И онъ, Семень, по их наученью, бивши меня, и вложилъ въ голбець и вынеслъ из голбца коробью..."; "и сведала она Орина у меня въ голбце въ коробейке восемь рублевъ денег и те денги петчи въ голбець изъ коробки выхватили " (А.Хол. и Уст.З).

В словарице Устюжских слов 1757 г. отмечено слово "голбець" со значением "амбара под избою, казенки".

"В Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенному" "голбец, бца, с (М.2 скл. малоросс. отгородка, делаемая в избах при печахъ, в которой находится сход в кладовую под полом находящуюся, просто называемую подполье (С. 1160).

В этом же значении слово "голбец" дано в "Словаре Академии Российской" ч.1. 1789 г. (Т. II, с. 176).

В "Словаре церковно-славянском и русском 1847 и 1867 г." словом "голбец" называется отгородка в избах при печах, в которой находится сход в подполье; в первом — считается это слово областным, во втором — малороссийским.

Словарями XIX в. "голбец" засвидетельствовано как областное.

Так, у Даля: "Голбец, голбчик, гобец м. сев. вост. сиб. род пристройка, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатами; припечье, со ступеньками для всхода на печь и на палаты, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье; чулан называется верхним, а подполье — нижним голбцом. Ино голбец бывает не у входа и полатей, а за перегородкой, стряпкой, и печью (Ярос.). (См. также в "Опыте", Подвысоцкого, Бурнашева, Васнецова. В значении "подполье" голбец, голубец известно тобольским говорам: голубец — подполье въ избе и входъ в него; который устраивается иногда в виде помоста в высоту скамьи съ люкомъ вверху, а иногда — въ виде открытого отверстия за печкой (I, 435). Тобол, Маляревский, 1917, 1963), кинешским говорам: "Голубец и голубецъ — деревянная приделка къ печи въ роде палатей; п'од голубцем делается ходъ, туда ставят квас, кисель (II, 108, Кинеш, Костром., Леонов, 1846, 1961 г.).

На бытование этого слова в современных кашинских, вологодских и молотилловских говорах указывал В. И. Лыткин в работе "Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками"¹.

В значении "подполье, яма под домом" слово "голбец" зафиксировано в пермских говорах: "Голбець или голубецъ — подполье" (1, 639, Осип., Перм. Богоявленский, 1899, 1963). "Голбесь, голбец, голубецъ — яма под домомъ (подполье) 1, 637, Верхот., Перм. Богоявленский. 1896, 1963); в красноярских говорах в этом же значении: "Голубец, бца, — подполье. Опустит квас в голубец". (1, 106, Краснояр., Анучин, 1904).

Примеры из памятников письменности и записей живых народных говоров свидетельствуют о распространении слова "голбец" в указанном значении, кроме того, это значение роднит с пермскими, красноярскими говорами.

В литературном языке слово "голбец" сохранилось в областном его употреблении: "голбец, бца (реже) голбоц, бца.

Обл. отгородка или чулан в крестьянской избе возле русской печи со спуском в подполье, а также самое подполье (БАС, Т. 3, с 209; МАС, Т. 1, с. 434).

ПОДВАЛ, -а, м. Данные последних диалектологических экспедиций показывают, что слово "подвал" дает значительные ареалы в регионах говоров семейских старообрядцев сел Архангельское и Малоархангельское, Красночикойского района, Читинской области в значении "подпольное помещение".

"Подвал из л'ис'в'аннаја л'есу гатов'им, а то дом згн'иот" (Архангельское). "В падвал'е шыпка прахладна када марозы ус'е краја Заинд'евејут' (Малоархангельское). Но здесь реже, чем где-либо выражено особое значение, т. е. что называемое им помещение имеет какие-либо отличия от тех помещений, которые (в пределах тех же ареалов) называются другими словами.

¹ Ученые записки Рязанского пед. института. 1955. № 10. С. 115–134.

III. Лексика

В селах Борохоево, Укыр, в Красночикоийском районе Читинской области, в селе Куйтун, Тарбагатайском районе Бурятии старообрядцы подвалом называли подпольное помещение со входом и снаружи и изнутри жилья.

"У кажнам падвал'и снутр'и јешт' хот и снаруж'и дв'ерка — на зж'иму заб'ивал'и дв'ерку — та (Борохоево). Л'ес'енка јеш'т' и снутр'а падвала и еа двара н'и-бал'ш'ен'ка картошт'у аттэл' засыпам (Укыр). Уз'ала моду клахтуха как н'и закроем снаруж'ы з'ал'ежет у падвал и с'ад'ит' тамака (Куйтун).

Два хода в подвал снаружи через особую дверцу в боковой стенке дома и через дверку, сделанную в полу перед печью. Зимой наружная дверь закрывается наглухо, и в подвал спускаются из избы. Осенью картошку носят в подвал через наружную дверь.

В селах Борохоево, Укыр в Красночикоийском районе Читинской области, в селе Куйтун Тарбагатайском районе Бурятии указывается, что подвал бывает холодный и теплый (т. е. не подвал и подполье, а в обоих случаях подвал).

Наличие в этом говоре лишь одного названия подпольного помещения из двух отдельных в одно, которое характеризуется сочетаниями признаков хода снаружи и изнутри. Это наименование соответствует изменению в самих жилых постройках — от постройки из двух изб (летней и зимней) к пятистенной постройке с разделением на чистое помещение (с отопительной печкой) и помещения с русской печью, где выполняются каждодневные домашние работы, в частности приготовление пищи и корма скоту.

Семейские старообрядцы, живущие в селах Новая Брянь, Старая Брянь, Заиграевского района, в селах Никольское, Хонхолой, Мухоршибирского района Бурятии, Альбитуй, Менза, Красночикоийского района помещение под домом, служащее для хранения овощей, картофеля называют подпольем.

"Хвундам'ент гл'а сшв'аз'и уруб'аим патом патпол'л'а гатов'им (Новая Брянь). "Зж'амой с патпол'а н'аш'от' так на палу шыпка н'и иасп'иш" (Старая Брянь). "Ус'о, тады зал'ило у патпол'л'и лад'им на з'ж'иму с'эм'ена картошт'и ссыпам" (Альбитуй).

Семейские старообрядцы сел Бичура, Билютай, Новосретенка, Бичурского района Бурятии, с.Гутай, Шергольджин, Красночикоийского района, Читинской области выше указанное значение раскрывают названием "подполье со входом внутри дома".

"Патпол'је у нас со входом унутр'и дома снаружы мы дв'ер'ти н'и лад'им, Кармаву картошку у з'имава'еику ссыпаим" (Бичура). "Д'етка наш гавар'ел што никада зд'ес'а наружу с патпол'ја дв'ер'јеф н'и було" (Гутай).

Название "подполье" в значении "помещение под полом со входом внутри и снаружи" свойственно жителям старообрядческих сел Красный Чикой, Красночикоийского района, Читинской области с. Ягодное, Селенгинского района Бурятии.

"Кан'ешна патпол'л'а зав'ом ано па другому падвал — так јэта ф с'ил'по там на ул'иц'ы пр'ама пат сараим и јешт'" (Ягодное). "Падвалы — так јэта гарацк'их дамах кам'енных, а у нас ч'о, потпол, патпол'л'е и даж'ит' с ул'ицы хот н'и-бал'ш'ен'ка јешт'" (Красный Чикой).

Наши наблюдения позволяют отметить, что "подвал" и "подполье" в старообрядческих говорах Забайкалья употребляются дифференцированно. По устройству они различаются, по функции помещения они тождественны. Следовательно,

но, на почве утраты различий в самих реалиях, различия в их значениях нейтрализуются. Интересна история этих слов с древнейших времен. Оба слова наш ли отражение с XVII в., в древнерусском же языке старшей поры они не отмечены: в картотеке словаря XI–XIV вв., в словаре Срезневского они отсутствуют.

В XVII в. слово "подвал" отмечено в следующих значениях: "Помещение для хозяйственных нужд, кладовая, хранилище": "А на кабакъ хоромъ: горница да кльть стары, а промеж тьх хоромъ сьни с чуланом, а на горница кровля непрочно, сгнила, и с кльти съ правую сторону курицы а латоки сгнили и кровля обвалилась, стоять, подперся на чулань, в подваль мость подломился и двери обои разломаны" (ДРС, ДАИ — III, 1964) "...оные все ремесленные непотребные люди как чесали и пряли и ту чесаную шерсть и пряжу отдавали всю в прием в подвал и брали ту чесаную шерсть и пряжу из единой суммы ("Крепостная мануфактура в России", ч.V, 1934, Москов. Сукон.Дв., 1722).2. "Питейное заведение": "Ах желал бы и желал. Желал бы не по малу, Чтоб все канцелярии были близ подвалу. А тот за полверсты, а другой дале" (ДРС, Интермед, XVIII в.)

ПОДПОЛЬЕ, -я, м. Лексема "подполье" с древних времен обозначала подпольное помещение, в основном, со входом из жилого помещения, но, возможно, означало еще и подпольную почву: "И воротиска у двора кряжемъ вышибли и в избу скочили и вынесли исъ потполья закладные шапки и зипуны, и шубные кафтаны" (ДРС, А. Холм и УстЗ). "...тот Иван Баранов с товарищи пришли в квасную избу пьяные и лезли самовольно в подполье и своим насильством у бочки выбили дно и квас выпустили на землю" (ДРС, Якутск, № I, 1640), а также: "Аще рана глубоко подсечена, возми в бане ис подполья ростеть аки грибъ белои или какъ пена изсушив истолкли мелко ..." (ДРС, Леч. № 2, кон. XVII в., гл. 114).

В описаниях "хором во дворе" подполье встречается на месте обычных подклети под избой или подызбицы: "...а во дворе хоромовъ: изба на подпольи да клеть на подклетье да сени с подсеньем да бани, и тыны, и ворота..." (ДРС, Грам, Двин. у (СГКЭ, 1. 1633); "Да на той же оборочной земли Андрюшки Ляскина дворового строенья: изба на подполье, кльть на подклеть, хльев и сараи, баня да овинь да анбарь с кровли и с крюки и со всяким дворовымъ строеньемъ (ДРС, Гр.Дв. 1694).

Таким образом, слова "подвал" и "подполье" не совпадают по значению, каждое из них было связано с различительными признаками, которые закрепились за ними и в последующие годы.

Слово же "подпол" в современных русских говорах широко распространено. Оно встречается в памятниках с XVII в. наряду со словом "подполье": Муж Дементеи избиваючи меня... в потпол сажал (Усмань, 1747, Прик. стлб. 352, л. 18)¹ ... И я забился в подполь, а онъ на улицы женишко мое били и безчестили и ограбили (ДРС, А. Свир. м. №104, сет. I, 1659).

Часто можно услышать в речи старообрядцев слово "подпол" в значении подполье. "Слаз' потпол за бул'баи хрушкой јента вофс'и м'елт'интјаја" (с. Шонуй, Красночичкойского р-на, Читинской области). "Да зак'ин' у потпал никуда н'и д'ен'еца" (Михайловка, Кижингинского р-на Бурятии). "Да ч'о н'и нада нав'ерху у потпал пастав'иш' к'ист' б'ал'ил'ну д'а как'и н'инужнъ в'ёдры" (Калиновка, Му-

¹ см. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1976.

III. Лексика

хоршбирского р-на Бурятии). Эти примеры убеждают нас в том, что слова "подполье" и "подпол", совпадая по значению и употреблению, функционировали как однокоренные дублеты.

Лексема "подполье" в словарях русского языка XVIII–XIX вв. определяется как пространство, находящееся под полом (полое место), в котором можно что-то хранить. Слово "подполье" в одном ряду со словами "подпол", "подполица" и подпольница В. И. Даль толкует так: «простор или яма под полом; у крест, это род чулана или погреба, либо с западной, либо с ходом через голбец; ход в подполье снаружи, и там держат зимою скотину».

Лексема "подполье" отражена во многих областных дореволюционных словарях XIX в.: в "Опыте областного словаря" 1852 г. в "Дополнении к Опыту областного великорусского словаря, (СПб., 1859 г.). Слово подполье употребляется в «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом употреблении» А. Подвысоцкого (СПб., 1885). В словаре областного олонечского наречия Г. Куликовского (СПб., 1885–1898) слово подпол приведено, определяемое как "яма под полом", "подполье". Как род подвала в кладовой, в избе, под полом толкуется слово "подполье" в "Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного" В. Барнашева (Т. 2, СПб., 1844).

В словарях русского литературного языка соответствующие значения передаются в значении "помещение под полом, пространство пол полом".

К примеру, "подвал" в "Словаре современного русского языка (4 томном)":

1. Помещение под первым этажом здания, ниже уровня земли, употребляется для различных хозяйственных нужд или для жилья». В 17-томном Словаре современного русского литературного языка: Подвал, а.м. 1. Помещение под первым этажом здания, ниже уровня земли"// Специальное помещение (обычно ниже уровня земли), для хранения запасов вин, продуктов, товаров... .

В "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова подвал — 1. Помещение под первым этажом, ниже уровня земли, употребляемое для различных хозяйственных нужд или жилья. 2. Специальное помещение, обычно ниже уровня земли, для хранения вин.

Лексема "подполье" в Словаре современного русского языка (4 томном) означает: "Помещение под полом, подвал".

В 17-томном Словаре современного русского литературного языка "подполье", я, род. мн. ьев, ср. I. Помещение, пространство под полом.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова "Подполье — это помещение под полом дома, подвал".

Как мы заметили, что в словарях современного русского литературного языка не отмечен ход снаружи или изнутри, не указана углубленность, предназначенность, используемость.

Отсюда следует заключить, что внеязыковая обусловленность, т. е. связь значений слова с особенностями реалий, им обозначаемых, не рассматривается. Не только в русских народных говорах, и, в частности, старообрядческих говорах, но и в русском литературном языке.

ПУНЬКА, -и, ж. — хозяйственная постройка для хранения мякины, соломы, сена.

Ската ран'е внога д'иржал'и б'ис пун'к'и салому м'ак'ину куда д'ен'еш? (Хилко-той). Летам пр'ид'ош с в'ичорк'и позно у пун'ку спат' на салому ид'ош (Урлук). У дал'н'им двар'е пун'къ стаит' скоцкам (Хасурта). А ч'о м'ак'ина у пун'та про-шлагадушна ишо јэшт', (Никольское).

В нашем значении слово "пунька" распространено в южнорусских говорах: рязанских, (1, 72, Рязан., Диттель, 1898 г.), калужских (II, 19, Мещовск, Бров, Косач, Калуж, Косогоров, 1916); среднерусских.: московских говорах (1, 1049, Иванова, Моск).

Слово "пуня" в ветковских старообрядческих говорах зафиксировано в значении: "Пуня — сенной сарай" (БРС, см. также карту №236 ДАБМ): Лексема "пуня" с данным значением занимает почти весь север и восток Белоруссии, являясь единственным выражением этого понятия в окружающих Вятку говорах. С. И. Котков предполагает заимствование его в русский язык из белорусского, отмечая, что, судя по письменным памятникам XVI–XVIII вв., в этот период южновеликорусской области оно бытовало главным образом в западных районах¹. Идентично значение слова "пунька" наших изучаемых семейских говоров и с польским. Польским словом гуга называют сарай для сена (Дорошевский, VII, 727, Карлович, IV, 452).

Кроме того, при переводе русского областного "пуня" украинским "клуня" имеется помета "неточно" (рус); украинское полесское пуня — это клуня с заплетенными лозой стенами (Лысенко, ССЗП, 56), сумск. пуня — клуня (Дорошенко, 116). Отсюда "пунька" в семейском говоре имеет сходное значение с белорусской, польской реалией.

Характерно и то, что южнорусские тульские, орловские, курские, кашинские, брянские; среднерусские псковские; севернорусские новосибирские говоры сохранили основное значение пуньки — хозяйственная постройка, но назначение по этим говорам данного слова — разное. Разный и материал, из которого строили пуньку, к примеру, в тульских говорах: "Пунька — пристройка из неотесанного камня к избе во дворе, в которой хранились скарб и куда летом клали спать молодых" (II, 135, д. Селино, Дубенского р-на, Тульской области, 1933–1960 гг.); "Пунька. По приезде от венца, молодых непосредственно отводят в особую комнатку, которая называется у крестьян пунькою" (1, 232, Ямки, Тул., В. Н. Благовещенский 1880, с. 293, Бухарева 1962); "пунька — особенная клеть мужа и жены" (1, 257, Тульск. Новосильск.у.с. Голунь Новомихайловское Руднев с. 100); "пунька-кладовая" (1, 502, Тул. Тр. люб. рос. слов 1820, 1963, XX); "пунька- бабья кладовая" (1, 140, Черн, Тул, Зеленецкий, 1850); в орловских говорах: "сняв такие венки с могилкоь, относить их домой, кто на голове, кто в руках, и берегут их в своих пуньках, или в святом углу до следующего Троицына дня" (1, 466, Мцен.Орл. Снегирев, 1861); в курских говорах: "пунька — помещение из хвороста и замазанное глиной, где обычно жили молодые"(1, 281, с. Троица Бесединского р-на Курской обл. Г.В. Денисевич 1947, с. 95); "пунька — клеть, устроенная из плетневой огорожи, в которой крестьяне хранят имущество" (II, 117, Обоян Курск. Машкин год неизв., 1961); "пунька — строение из хвороста или из бревен, служащее кладовой, а летом еще и спальней; обыкновенно пуньки

¹ Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1976. С. 141.

III. Лексика

строятся поодаль от избы, часто на противоположной стороне улицы против избы" (II,399, Судж, Курск, Рязанова, 1915, 1965); "пунька — плетеный сарай" (II,923, Курск, Хильманович, 1967); "пунька — небольшой хлев" (I, 164, Курск, Авдеева, 1839); "пунька — вроде малой кладовой, сделанной из плетня" (II, 112, Курск, Робуш, 1848, 1961); в воронежских говорах: "пунька — амбар, служащий спальнею для женщин" (II, 67, дер. Никольская, Воронеж, б. Землян и Воронеж. губ., А. А. Ночевкин, 1904, Арх. АН СССР ф. 197, от 2, N 41, л.П); "пунька — то же, что и клеть, клеть — амбар, в котором находится женское добро и в котором они спят с мужьями" (II, 672, с. Маховитки, 1904, Староольшан, в Землян, у Воронеж. губ. А.А. Ночевкин, 1904, Арх. АН СССР ф. 197, от 2, N 41, л.10); "пунька-клеть с сундуками и с разным нарядом" (II,673, с. Докорово и Донск. Избица Докторов Задон. у Воронеж. губ. В.В. Волков Арх. АН СССР, ф. 197, оп.2 N41); "пунька — небольшой плетеный сарайчик, предназначенный для одной супружеской пары в семье" (I,371, Местность "Хворостань" Воронеж, губ., А. Путинцев, 1905, с. 121); в кашинских говорах: "пунька — маленькая комната, где живут молодые" (II, 405: Кашин, 1896); в брянских говорах: "пунька — крестьянский небольшой чуланчик" (II,75, Трубч, Карач, Брян, Орл. Сполохов, 1861); в псковских говорах: "пунька — небольшая изба, в которой хранятся разные хозяйственные принадлежности" (II, 474, Пск. губ., Холмск, у. Жемчужин, 1910, ф.197, N 198 л. 149); новосибирских: "пунька — летняя избушка" (II,816, Новосиб. Ордынский р-он); "пунька — сарай из глины, где спали летом" (II,816, Новосиб., Орд.) Обилие примеров на употребление слова "пунька" показывает, что данное слово встречается, в основном, в южнорусских говорах. Можно предположить, что семейские Забайкалья это слово принесли с собой.

В лексической системе русского языка рассматриваемое слово является диалектным. Обратимся к словарным материалам.

Словари древнерусского языка: П. Беринды, А. Дювернуа, Л. Зизания, Г. Е. Кочина, И. И. Срезневского слово "пунька" не отмечают. В словарях Академии наук 1822, 1952 гг. лексема "пунька", "пуня" приводится с пометой "обл".

В словарях XX в. также изучаемое слово зафиксировано с пометой "обл" (БАС, т. II, с. 1630), (МАС, т. 3, с.750).

ПОВЕТЬ, -и, ж.

1. Внутренняя часть нежилой постройки, под крышей, где хранится солома, сено, а также различный сельскохозяйственный инвентарь. На повит ус'у хаз"аист'в'ину нужду клад'ом (Малоархангельское), Дл'а наст'илак салому на пов'ит'и и д'оржым (Красный Чикой). Нат закутом пов'ит' туда па л'еш'енк'е л'ез'ем (Унэгэтэй). У нас пов'ит' тап'ер' тожа праху д'ил'с'и (Новая Брянь).

2. Открытый сарай, навес для хранения хозяйственных принадлежностей. У пов'ит'и ус'о л'ажыт красна саха, т'апка, гр'абл'и (Куйтун). Лан'ис' такой шол дош ус'о пов'ит' зал'ило (Усть-Урлук). Пов'ит' дранкаи укывал'а ана б'ис варот (Укыр). А ч'о зр'а клад'ом у пов'ит' ус'у стар'инку (Бичура).

В первом значении слово "поветь" общеупотребительно во всех нами изучаемых населенных пунктах.

Во втором значении слово "поветь" встретилось в говоре семейских старообрядцев старшего поколения.

В южнорусских говорах слово "поветь" бытует в значениях: "поветь — соломенная кровля" (I 476, Калуж. Чтения 1847); "поветь — соломенная крыша" (II, 19

Мещов, у Косог, Калуж, 1916; "поветь — крытая часть двора" (I, 74, Смолен, Иванова и др, 1958); пав'ет — старинное название крыши, употребляемое до сих пор наряду с общенародным названием "крыша" (Брянск, Трубч., 1957); "поветь навес у крыши, часть крыши, которая выступает за стену сарая" (Брянск, Комарич, А.И. Федоров, 1961); "поветь — плоская крыша сарая, обыкновенно соломенная" (с. Верхозим. Петров, Саратов. Колеганов, 1959 г.); "сарай или навес для хозяйственных принадлежностей", "поветь — сарай, где складываются некоторые хозяйственные мелочи и топливо" (II, 103, Донск, Золотарев 1848, 1961), "поветь — открытый сарай с плетеной из прутьев стеной, то же, что поветка" (I, 85, Донск, Миртов, 1929 г.); "поветь, и, ж. Навес или сарай для хранения хозяйственного инвентаря." (II, 923, Курск, Хильманович, 1967); "поветь — открытый сарайчик" (I,150, Брян., Орл., Тихонов, 1904 г.).

Примеры подтверждают мысль С.И. Коткова относительно того, что один термин в разных говорах может означать неодинаковое понятие. Так, в Орловской области словом "поветь" в одних районах называют амбар для сена, зерна (Елецкий район), в других расстояние между плетневой стеной и крышей (Болховский район), в третьих — застреху (Моховский и Верховский районы) (I, 279, Елецкий, Болховский, Моховский, Верховский районы Орловской обл., С. И. Котков, 1948., с. 83).

По наблюдениям В. И. Даля, "поветь" в южнорусских говорах употребляется со значением "сарай, хлев, коровник" — вор., смл.; клеть — летнее жильё без печи, обычно плетневое орл.; навес, продолжение обоих скатов кровли за самцы, иногда на сошках, иногда и тут одна или две стены заплетаются и выходит навес сарая. Повъетчать, поветить двор — покрыть двор., сарай. Под поветь (на двор) или на поветь (верх). — указывает Даль, — ставят лишние телеги, бороны, сохи, а на лето: сани, дровни.

В рязанских говорах, по В. Г. Руделеву: "поветь соломенная крыша надворного сарая" (I,749 с, Тырнова Пронского района Рязанской области, Руделев, с. 344), поветь — соломенная крыша на столбах, соломенная крыша надворного сарая, а далее по смежности — плетневой сарайчик, выполняющий роль амбара, сарайчик для половы и соломы (I, 189. Междуречье Оки и Прони, Ряз., "поветь — крыша избы" (I, 749, дер. Кораблино, Ряз. р-на, 1958 г. с344). "Поветь — четырехскатная соломенная крыша на столбах". (I, 749, с. Красное, Пронского р-на, 1958. 344), поветь — плетневой сарайчик, выполняющий роль амбара (I, 749, Ижеславль, Слободка Михайловского района, Ухорское. Спасского района, 1958, 344), поветь — сарайчик для мякины (I, 749 с. Ижеславль Михайловского р-на, Шатрище, Спасского р-на, 1958, 344).

Другие исследователи рязанских говоров обнаружили слово "поветь" также в значении "соломенная крыша, крышка", — "поветь — крыша" (I, 72 Рязан., Диттель, 1898 г.), "поветь — крышка" (I, 220, Ряз., Макаров, 1820), "поветь — соломенная крыша" (II, 72, Дубровичи, Ряз., Городцов, 1902, 1961).

По свидетельству А. Ф. Манаенковой, слово "поветь" встречается в ветковских старообрядческих говорах: "Среди наименований хозяйственных или иных построек крестьянской усадьбы (и их частей) также имеются диалектные: поветь (поветка)...Белор., павець, паветка, означает "навес", "дровяной сарай" (БРС); почти на всей территории республики словом "павець" называют "постройку со стенами для хранения хозяйственных принадлежностей" (ДАБМ, карта № 238).

III. Лексика

Следует заметить, что в белорусском окружении Ветки наименование выступает преимущественно в виде павець (либо падпавець; изредка падпаветка); суффиксальное же "поветка" в этом районе не отмечается (ДАБМ, карта N237). Укр. "поветка" — это сарай (обычно открытый с одной или двух сторон), навес (УРС), по говорам имеется равнозначное поветь (Гринченко, III, 223). Польское называет навес (Карлович, Крынский, Недведский, IV, 843, 848).

Данная лексема встречается также в среднерусских говорах: поветь — плоская крыша сарая, обыкновенно соломенная (Верхозим., Петров, Саратов, Коллеганов, 1959 г.); в псковских говорах: "поветь — нежилая пристройка к крестьянскому дому, обыкновенно сзади над хлевомъ для хранения разных хозяйственных вещей (пов'эти и пав'эт и и, ж). 1. Крыша сарая. Поветь — этъ крышь сарая, она из жердей, соломы <так в тексте!> кроем. Раньше павети соломенные были, а теперь и из доскъ делают. Ф сарай паложыш, что хочиш, и нъ паветь сень, салому складывъиш. 2. Чердак, на повети ненужная пасуда лежыт. Поветь — этъ крышь внутри, вон дверкъ туда" (II, 1049 Иванова, Моск.). В большинстве севернорусских говоров слово "поветь" имеет значение "хозяйственная постройка для хранения корма и с/х инвентаря". В архангельских: "поветь — нежилая пристройка к крестьянскому дому, обыкновенно сзади над хлевомъ, для корма скота, также земледельческие орудия, дровни, береги и другие принадлежности хозяйства" (I, 141, Арх. Кузьмищев), "поветь" — нежилая пристройка к крестьянскому дому сзади над хлевомъ, для хранения скотского корма, земледельческих орудий, дровней, телег и других хозяйственных принадлежностей. Здесь же устраивают и клеть. Повсем. Въ Мез, у. называется также: верхний двор (I, 53, Арх., Подвысоцкий), "поветь"- нежилая пристройка к крестьянскому дому над хлевом. На повети складывают корм для скота, сельскохозяйственные орудия" (Усть-Цильма, Усть-Цилемский район Арханг обл, 1951, Ивашко). В вологодских говорах: "поветь сеновал над хлевом" (I, 193, Вохом., Герасимова, 1939), в новосибирских: "поветь" — крыша, крыта соломой б'ес стен на шетыр'ох жерд'ах." (II, 816, Новосиб. Сузунск., Кротово, Бобровка, 1964), в томских: "поветь — плоская соломенная или сенная крыша, строится в скотных дворах (I, 849, Сев. Бараба, Каин, Том, Молотилов, 1931), новгородских: "поветь — сарай, нарубленный выше двора" (I, 6, Черепов Новг. Герасимов 1910, 1959), в омских говорах: "поветь — сеновал" (II, 792, Зауралье, Тимофеев, 1962), (II, 156, Перм.), (I, 214, Верхотурье, Перм., Макаров, 1854), (II, 713, Свердлов., Пашковский, 1965). В вятских: "поветь — место, покрытое навесом, здесь находятся телеги, сани и упряжь. Поветье, поветь — род чердака над сараем" (II, 192, Вят., Слобод. Котельн. Вят., Тиховидов, 1848, 1961).

Один из крупнейших диалектологов нашей страны Ф. П. Филин считает, что слово "поветь" — явно северного происхождения¹.

Таким образом, данные о слове "поветь", имеющиеся в говоре семейских старообрядцев, говорят о том, что это слово широко распространено в русских народных говорах. У слова своя полнокровная жизнь, оно функционирует как в севернорусских, в среднерусских, так и в южнорусских говорах в первом и во втором его значении. Однако, несмотря на свое живое употребление в говоре се-

¹ Филин Ф. П. Исследование лексики русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. Изд-во АН СССР. М., Л., 1936. С. 122.

мейских-старообрядцев и во многих других русских народных говорах слово "поветь" так и осталось на периферии общенародного языка, в его диалектах: в "Словаре современного русского литературного языка" слово "поветь" дано с пометкой "обл" в значении: "Помещение под навесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря, для загона скота и т. п.

Помещение над скотным двором, где хранится сено, солома и т. п., сеновал. Крыша, кровля строения. В этом же значении с пометкой "обл." слово "поветь" дано в "Словаре современного русского литературного языка" (1-4 т. МАС, т. 3, с. 220). В Словаре Академии наук приводится без помет., IV, 1194. Слово древнее по своему происхождению, оно встречается в памятниках письменности разного периода. "А во дворе хоромъ со всемъ нарядомъ, да клеть, да около двора заплотины, и с кровлею, з жердьемъ, и с поветью, а стайть тотъ дворъ на земли на царева. (Грам.Двин.у.СКГЗ, I, 1583). "Изба подземная черная, а против ее сени о двух житьях, погреб дубовой с поветью, ворота покрыты, 4 прясла городьбы" (Акты Кадаш., сл. 1679). "А в доме Сергеи ... не вериль жене... на повети в сеньнике на перине на боку в шитомъ браномъ пологу сеи ту Сергеи во свиномъ кожухе а видель онъ Сергеи чюжова мужика (Кирша Д). Со значением отдельной хозяйственной постройки: "анбаръ две повети тыной огорожены... (Ворон А., 1633), отмечено это слово в воронежских памятниках 17 в. засвидетельствованное в одном случае в "Материалах" Забелина: "Передъ амбаромъ съ дву сторонъ повети покрыть дранью, вверху над амбаромъ платинь сделать одне стены" (Заб. Б. I, 1666). В "Актах Холмогорской и Устюжской епархий" 17 в. слово "поветь" и "повить", "повитье" также "поветка" фигурируют довольно часто, оно означает здесь род строения над сараем или просто над столбами. В древнерусском языке оно зарегистрировано в словаре А.Дювернуа (с. 139), отмечено и в Российском целлариусе Ф. Гельтергофа. По утверждению этимолога М. Фасмера (Vasmer, II, 381), слово "поветь" является производным от "веать", что нам представляется вполне обоснованным.

ОМШАНИК -а, м. — Утепленное законопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, овец.

"Амшан'ик пач'ему называца? Так патаму пад'и што мхом заканапач'ивам да и ут'ипл'ам" (Урлук), "Как' јагн'ица так и амша н'ик н'ас'ом куругашку там т'апло" (Хилкотой). "Гл'а т'епла п'ер'ет з'имој наз'ом см'ишаим з гл'инаи ишо с'ш'в'ер'ху аммазываим амшаник" (Никольское). "Унутр'и п'ир'игароткаф над'елаим пално г'ла баран, т'ил'агн'енкь у амшан'ик'е (с. Новостретенка).

В говоре семейских Забайкалья слово "омшаник" (омшенник, омшаник, амшеник) встречается повсеместно в указанном значении, оно общеупотребительно. Лексема "омшаник" со значением "хозяйственной постройки, предназначенной для хранения вина, пива встречается в рязанских памятниках письменности 17 в. В московских, воронежских памятниках слово "омшаник" отмечено в значении "хозяйственной постройки, чаще для хранения питейных запасов". В нашем значении "омшаник" (омшеник) засвидетельствовано в копийной книге Иверского монастыря 1658-1666 гг.: "А на дворе строения у ворот изба с сенми против сеней клеть да две в клетки сенных людцких да на скотском дворе две избы да две клетки да амшеникь да два сарая рубленные скотцкие" (Кн. Коп. Иверск. N218 к.115) и в "Актах, относящихся до юридического быта древней России": "...да подле анбарца амшанникъ съ навесомъ, а у него замокъ личинной,

III. Лексика

а покрыть омшаникъ и съ навьсомъ по скаламъ драницами" (АЮБ, III). Более ранними памятниками, чем указанные нами, слово "амшаник" не зафиксировано. В словарях древнерусского языка А. Дювернуа, П.Берынды, Л.Зизания, Г.Е. Кочина, И.И. Срезневского слово "омшаник" отсутствует. Не отмечено оно и в "Словаре церковнославянского языка", составленном А.Х. Востоковым в "Общем церковнославянско-русском словаре" П. Соколова, в "Общем дополнении к церковному словарю, сочиненному Моск. Арх. соборе протоиереем ... Петром Алексеевым" в 1776 г., в "Словаре Академии Российской" 1789г., и "Русском целлариусе" Франциска Гельтергофа, в "Филологических разысканиях" Я. К. Грота. Стало быть, в лексической системе древнерусского языка слово "омшаник" в значении "утепленное проконопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, овец" было малоупотребительным словом.

Слово "омшаник" (омшеник) приводится почти всеми словарями 19в. со значением "утепленная хозяйственная постройка". У В. И. Даля читаем: "омшаник" — промышленная, конопаченная отдельная избенка, редко с печью, но вообще зимняя кладовая для овощей, а летом для молочных скопок; пчел убирают на зиму в омшаник; теплая закута для мелкого скота; иногда это ящик, погреб или мшеница напогребница, или подклеть".

В "Опыте...": "Омшаник" а,с,м. I. Чулан, или подвал проконопаченный мохом, мшеник Кинеш., Новгород., Тихв., КоС.; II. Деревянный сруб в яме, погреб, в котором хранятся зимою пчелы. Кур.,Рыл., Судж.; III. Небольшая изба с печью, а иногда и без печи, для хранения на зиму овощей, а летом молока, масла и пр. строится отдельно от жилой избы. Новг., Тихв., Псков., Опоч.; IV. Род наружно погребя. Смол., Бел. (I, 52, Опыт 1852, 1859). Далее с пометой "яроsl." в "Опыте" же отмечено: "омшаник" мшонный хлев для мелкого скота (Яроsl., Опыт. 1852, 1859).

Слово "омшаник" хорошо известно и современным говорам. Находим его в южнорусских говорах — в тульских: Амшаник теплое — помещение для скота во дворе, для пчел в саду (I, 578, с. Кадники Богораз., Воскресенский, 1928); в смоленских: Амшаник — теплый хлев для скота (Андр., Смол., 1935–1946, 33, М. А. Кустарева, С. 174); в калужских: "омшаник" — хлев для овец, ср. овчарник (II, 19, Мещов. Косог. Калужск., 1916) говорах в среднерусских-кашинских: "омшаник", чаще овшаник, а, м, вм. мшаник — промышленный для тепла небольшой (с потолком) дворик, в котором по зимам держат мелкий скот (I, 89, Кашин; Твер; Смирнов, 1897); во владимирских — "омшаник"- хлев (II, 616, г. Меленки Влад. И. М. Тетерин, 1912, Арх. АН ф. 197, 2, № 20, л. 83); в московских: "Проконопаченное помещение, отдельное от избы; используется для мелкого скота (I, 78, д. Волнилово Бронницк; Моск; Каринский, 1936); в севернорусских — в костромских: "Омшаник". Один амшаник с овцам, а в другом поросята. Два двора да омшаник навозу (I, 223, Тунген, Костром. Н. Виноградов, 1904, с.58); "Къ двору приравнивается зимница — это небольшая изба с печью, иначе "омшаник" (с. Семеновское, Повышенской волости), в котором по зимам кормят скотину. Во дворе бывает также зимняя баня (другая — летняя на берегу реки), (I, 879, Макарь; Костром; Смирнов, 1915); в уральских говорах: "Омшаник" — глинобитный хлев", Урал, Миртов, 1930). В значении "зимнее помещение для пчел" слово "омшаник" зарегистрировано в псковских говорах: "Омшаник — погреб, в котором хранятся зимою пчелы, отдельна изба с печкою или без для

хранения зимою овощей (II, 52, ПСК, Копаневич, 1902–1904); в курских говорах: "омшаник" — деревянный сруб в яме; погреб, в котором хранятся зимою пчелы (II, 116, Обоян. Курск., Машкин, 1859, 1861).

Несколько в ином значении встречаем слово "омшаник" в ростовских и донских говорах: "омшаник" — большой погреб под домом (II, 42, Романовский р-он, Ростовская обл.); "амшаник" — погреб над домомъ (II, 586, Дон; Кочетов гов; Калмыков, 1897, 1964).

А в рязанских говорах В.Г. Руделев нашел слово "омшаник" в значении "часть русской печи". (I, 189, Междуречье Оки и Прони Ряз. Руделев, 1955–1957). Данные архива АН утверждают: в Тульской губернии "омшаник" — подпол (II, 783, Брон.у. Моск. г. 1897, Арх. АН, ф.197, оп.2, N118 и л.106).

Данные словарей XIX в. убеждают нас в том, что слово "омшаник" претерпевает изменение значения. Это есть проявление лексико-семантического изменения в русском языке. В говоре семейских Забайкалья сохранилось значение, известное древнерусскому языку: "омшаник" — утепленное законопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, для пчел¹.

Сопоставительный анализ семантики слова "омшаник" по русским народным говорам, кроме того, подтверждает принадлежность данного слова в основном южнорусским говорам. Эту же мысль утверждает Н. К. Соколова в работе "История Воронежской диалектной лексики (по материалам воронежских грамот XVII в.): "По указаниям словарей и диалектных материалов южнорусским является и слово "омшаник", употребляющееся в современных воронежских говорах для наименования помещения для пчел. В воронежских грамотах XVII в. это слово имело более широкое значение..."¹.

О наличии слова "омшеник" (омшаник) в ветковских говорах сообщает А. Ф. Манаенкова: "Омшеником называют не только зимнюю кладовую, утепленную мохом и кострой, но и помещение для мелкого скота", — далее автор отмечает: "Обращает внимание совпадение звучания этого слова в ряде южнорусских говоров со звучанием его в белорусском и польском языках" (ср. белор. амшэннік (БРС), укр. омшаник (УРС), польск. omszennik (Карлович, 3, 433))².

Эти данные дают возможность проследить ареал слова "омшаник" в русских народных говорах, установить взаимосвязь семантики данного слова изучаемых нами говоров со словом "омшаник" ветковских старообрядческих говоров Белоруссии.

Кроме того, мы убеждаемся и в том, что слово "омшаник" в говоре семейских старообрядцев жило еще до переселения их в Сибирь. На новое местожительство они принесли его с собой и сохранили звуковую оболочку слова — «омшеник».

Современными словарями русского литературного языка слово "омшаник" отмечается как литературное со значением утепленное помещение для зимовки пчел (МАС, т. 2, с. 846); законопаченная мохом зимняя кладовая, используемая для хранения овощей, для зимовки пчел (БАС, т. 8, с. 861).

Можно полагать, что в литературный язык это слово вошло из говоров, где оно употребляется с более широким значением.

¹ Славянский сборник. 2. Воронеж, 1958. С. 176–182.

² Манаенкова А. Ф. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973. С. 102.

III. Лексика

АМБАР, –а, м. Холодная хозяйственная постройка, рубленая из дерева, служащая для хранения зерна, продуктов.

Раншы амбары рубил'а прасторны ис сутункоф (Хилкотой). Тап'ер' мук'и стока н'ет д'аржат' у амбар'и (Менза). У амбар'и ус'о м'асо складаим на ж'иму (Урлук). В ад'ин сус'ек муку ржану — у другуйу пшан'ицу сып'им, а лар'и — та замыкал'ис', там уш сама б'ела мука была (Старая Брянь). У амбара раншы з'арно у сус'ет'и ссыпал'и, а т'ап'ер бол'ша ус'ат'ии прадухты станов'им: макароны, крупу, кур'ам ав'ос (Бичура). У каторых дак амбар'и паталкоу н'и було, пр'ама крыша, т'еих д'ир'ивн'ах, а у нас було (Новая Брянь). Мышалоуку Хвилар'етыч аногды' слад'ил п'ишат' шубут'ат'с'а, амбар н'и зайд'ош' (Хасурта). Ап'онт Сазоныч ус'о сус'ет'и амбар'и разабрал (Куйтун).

2. Небольшое деревянное холодное помещение, кладовая для хранения товаров, одежды, предметов домашнего обихода.

Ран'е багатых у амбар'и ус'о було пално ад'ожы (Красный Чикой). Утаром ад'ожнам амбар'и п'атра был'а (Малоархангельское). Уон гл'ад'ит'а у старом мал'ент'им амбар'и на крыш'е охлуп'ин' л'ажыт' (Шонуй). Л'етам стар'ик мой там сп'ит' с д'ажурства пр'ид'от', дахой накроица и хот' ув'ес амбар гар'и (Первомаевка). Да ус'у стар'инку у йэтат амбар стаскала, гл'ад'ит'а иконы маи л'ажат' ус'е пыл'и (Новая Брянь).

Слово "амбар" — общенародное. Этимологические словари указывают, что в русский язык оно пришло из тюркского с первоначальным значением "магазин", восх. к перс. "сарай". В памятниках слово "амбар" (онбар) встречается с XVI в. В "Материалах для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского приведен один пример: "Да что у меня на коротком два онбара, онбарь три стены, да другой двоестенной, да онбарь на Педмо двоестенный.и те есми онбары благословиль своим дочеремь" (Лук, Леонт. Дм. XVI в.). По мнению составителя Словаря, в этом примере слово "амбар" употреблено со значением "строение для склада зернового хлеба". В "Материалах" Г. Е. Кочина находим "амбар, амбара, соляные — амбар складочное помещение". В Словаре церковно-славянского и русского языка, 1867 г.: "Амбар, а, м. Строение для поклажи хлеба и товаров".

В Словаре Академии Российской, 1895 г. "Амбар, ы, м. — житница, хлебный амбар". Таким образом, показания словарей свидетельствуют, что уже в XVI–XVII вв. было известно специальное хозяйственное строение двух назначений: 1) для хранения хлеба. 2) для хранения товаров.

Е.К. Бахмутова считает: "Слово "амбар" не могло проникнуть в русский литературный язык сразу по линии сельскохозяйственной, так как в русском языке имелись свои лексемы для обозначения постройки для склада хлеба. Это слово проникло к нам по линии торговли с первоначальным значением "торговый склад, магазин".

В русские говоры оно пришло не везде в одно и то же время, а уже тогда, когда получило свое второе назначение — постройка для хранения хлеба"¹.

Так, например, в рязанских говорах слово "амбар" было известно в XVI–XVII вв., на что указывает Е. Н. Борисова: "Амбар, а, м., чаще анбар, а, м., рубленый

¹ Бахмутова Е. К. Иранские элементы в деловом языке Московского государства. Ученые записки Казанского гос. пединститута. Казань, 1940. С. 5–53.

или кирпичный сарай для склада зерна на усадьбе крестьянина или на улице напротив дома. "В одном хлеп, а в другом — адежа"¹.

Однако, по наблюдениям В. Г. Руделева, в живых говорах жителей Рязанской области слово "амбар" до недавнего времени осознавалось как заимствование, так как не было и самой реалии, называемой этим словом: "Старожилы помнят то время, когда амбаров в селе еще не было, а роль их выполняли плетневые клетки"². Здесь имеется в виду заимствование из литературного языка. Отсюда очевидно, что в крестьянском быту рубленая постройка являлась постройкой нового типа, и нельзя уверенно сказать, как и какой территорией раньше была освоена эта постройка. В рязанских говорах в конце XIX в. рубленые амбары полностью вытеснили плетневые клетки, а слово "амбар" вытеснило слово "клеть".

В XX в. в качестве основных значений слово "амбар" Словарем современного русского литературного языка АН СССР (17 том) отмечаются следующие: 1) Холодная постройка, предназначенная для хранения зерна, муки и др. продуктов, а также товаров, вещей и т. п. 2) Склад частного торговца для хранения оптовой продажи товаров.

ТЕПЛЯК, -а, м. Утепленная хозяйственная постройка для зимовки мелкого скота, кур.

Ж'имы халонны шыпкь б'ис т'ипл'ат'оу кур'ець дажа н'и прад'ержыш. (Хилко-той). Ран'шы акошт'и у т'ипл'ат'е. пузырь'ом скоцк'им зат'аг'ивал'и, а как-жа ст'ак-ло тады трудна дастат' було (Урлук). У т'ипл'ат'е сам'и паталк'и палы лад'им штоп т'епло було курчишкам (Укыр). Нагда мхом д'а назжмом т'аплак мажым (Новая Брянь). Аног'дыс' сруб'ил'и т'ипл'ак дл'а ската (Хасурта). Бурунчк у т'ипл'ат'е ж'имовал (Унэгэтэй). У т'ипл'ат'е салому иаст'илаим. (Первомаевка).

Слово "тепляк" встречается в говоре семейских старшего поколения. В древнерусском языке слово "тепляк" не употреблялось, нет его в словарях современного русского литературного языка. Отмечено лишь в отдельных севернорусских и среднерусских говорах: "тепляк" — теплое помещение (П.210, Камышл., Куйбыш., Безуглова); в вятских говорах: "То же, что и "омшаник" — деревянный сруб на мху для зимовки ульев с пчелами" (I, 925, Вятск., Васнецов, 1907, 1959); в красноярских говорах: "тепляк"- теплая землянка, в которой хранятся зимой ульи с пчелами (II. 925, Южн.р., Краснояр. 1967).

Связи семейских с этими говорами трудно установить.

ЗАСЯТКА, -и, ж. Небольшая деревянная постройка, в которой содержат откармливаемых на убой свиней.

Ј этат от у зас'атт'и унога чушак д'аржал'и, сала нада бол'ш'и (Урлук). Мы — та зас'атт'и дл'а чушак т'ап'ер пабол'е д'елаим (Архангельское). У зас'атку чушт'у сад'им штоп бол'шы сала було (Первомаевка). Л'етам у зас'атк'и жарка, вадои ч'ушт'у абл'иваим (Хасурта). Па аднаму д'а по два чушт'и у зас'ат'т'и л'ажат' (Куйтун).

Слово широко распространено в говорах семейских Забайкалья в речи среднего и старшего поколений. Слово "засятка" областными словарями не зафиксировано. Отсутствует оно и в картотеке Словаря русских народных говоров ИРЯ АН

¹ Борисова Е. Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII вв. Балашов, 1957.

² Руделев В. Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах". Оренбург, 1958.

III. Лексика

СНГ. Ни в одном из древнерусских словарей и словарей 19-20 вв. оно не приводится. На этом основании его можно отнести к числу слов узко местных семейских Забайкалья.

ГАЮТКА, -и, ж; Небольшая деревянная конура для собаки.

Гайутка ус'а згн'ила сабак'и л'ижат' н'егд'е. (Урлук). Гайјуткѣ была ид'е сабака л'ижала, тап'ер' н'ич'о н'ету (Малоархангельское). Н'и студ'ано нашай Пал'м'е у гайутк'е (Первомаевка). У гайутк'е сабака л'ажит' (Унэгэтэй). Трахтарам лан'и Хвирапонт гайутку сварат'ил, сабат'и — та уш дауно н'ету-ка (Хасурта).

В говоре семейских Забайкалья данное слово встречается в с. Унэгэтэй, Первомаевка, Заиграевского р-на, с. Куйтун Улан-Удэнского сельского района, с. Хасурта, Хоринского района. В селе Урлук, Усть-Урлук, Малоархангельское, Борохоево Красночикойского района Читинской области. В других населенных пунктах в том же значении употребляют слово "будка" или словосочетание "собачья будка". Ни в одном из областных словарей слово "гаютка" не приводится, нет его и в КСРНГ ИРЯ АН СНГ. Не зафиксировано оно в словарях древнерусского языка и в словарях XIX–XX вв.

Поэтому предположительно слово "гаютка" относится к числу слов узко местных семейских Забайкалья.

МЕРЛОГ, -а, м. Место, где лежит свинья, обычно отгороженное во дворе или сарае.

У м'арлог'и чушт'а апарас'илас' (Новая Брянь). Л'етам мал'инт'ии парас'ат'и л'ажат у м'ерлог'и (Архангельское). Ус'о ур'ем'а ч'ист'ит' м'арлох нада ид'е чушт'и бувајут' (Менза). Забор дл'а м'ирлоха чушт'и аттуда н'и выпрыгнут' (Хилкотой). Нада р'ашотчатаи жал'езнай м'арлох лад'ит' чушт'ам (Хасурта). У м'арлог'и чушт'а апарас'илас' (Новая Брянь).

М е р л о г, а, м. Соломенная подстилка для свиньи.

Лан'и салому п'ър'ьтрус'ила у м'арлох'и (Унэгэтэй). На м'арлох тожат' салому касш'ит' нада (Старая Брянь). Дл'а м'арлоја и м'ак'ину б'ар'ом, на н'ей-жа т'епл'е чушк'е л'ажат' (Урлук).

Слово "мерлог" в первом и втором значении общеупотребительно в речи всех поколений семейских Забайкалья.

В первом значении слово "мерлог" встретилось в амурских говорах: "мерлог — подстилка, помет у свиньи в хлеву. Мерлог чушт'и убрала (П.924. с. Андреевка Белог., Амур., Гречко И. П.). (украин. Брылева Е., 1971 г.).

Во втором значении данное слово отмечается в "Словаре русских говоров Прибалтики", 1963, 1965 гг. "мерлог", а, м. Место, где все в беспорядке. У св'ин'ях м'арлок какой прин'ос ба саломы послал ба" (1, 782, Слов. Русск. гов. Прибалт. 1963, 1965./). В новгородских говорах "мерлог — берлога" (П. 251, Владыкино Борович. Грановский, 1923–1928).

Полагаем, что "мерлога" — из берлога: произошла замена, возможная в фонологической системе русского языка и его говоров. В данном случае начальная губно-губная взрывная фонема б перед гласным (в сильном положении) заменяется губно-губной носовой фонемой м. В результате изменяется звуковая оболочка данного слова¹.

¹ По данным, которыми мы располагаем, слово "мерлог" не имеет единой линии территориального распространения.

М. Б. Матанцева

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА ГОВОРОВ:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ
ГОВОРОВ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ)¹**

Статья посвящена исследованию лексики говоров забайкальских старообрядцев (семейских), восходящей по времени происхождения к праславянской эпохе. Праславянский лексический архаизм — унаследованная и сохраненная лексической системой какого-либо говора единица древнейшего реконструированного лексического фонда, неизвестная литературному языку, а также большинству других говоров данного языка. Лексическим архаизмом можно считать диалектное слово, не восходящее прямо к праславянской эпохе, а сформировавшееся в восточнославянский или древнерусский период. Определение «праславянский» сохраняется за такой лексемой только в том случае, если она содержит архаичный (праславянский и «глубже») корень или основу, либо создана по архаичной словообразовательной модели, либо сохраняет архаичный тип значения².

Данное определение архаизма требует темпорального осмысления: в отличие от инноваций архаичные единицы определяются как элементы, унаследованные из праязыка. Следовательно, праславянский лексический архаизм некоторого говора — это слово, относящееся к праславянскому лексическому фонду и сохраняющее в данном говоре определенные фонетические, словообразовательные или семантические особенности, которые отражают более древнее состояние, чем то, что фиксируется в лексике общенародного (литературного) языка или других говоров.

Исследуемые архаические языковые явления структурно обусловлены и противопоставляются неархаическим явлениям того же языкового уровня. Материал типологизируется³: архаичными в таких лексических единицах являются либо фонетические особенности (например, сохранение первичного согласного на месте изменившегося в составе общенародного слова: диал. *користный* и литер. *корыстный*; диал. *скрозь* и литер. *сквозь* и др.), либо корневые морфемы (типа *луста* 'ломоть', *метляк* 'бабочка'). Архаичным может быть древний тип словообразовательной модели (архаичная аффиксация, типа *бегота* 'беготня', *народский* 'народный' и др.), либо более древняя семантика, отражающая исходное состояние или иное, более архаичное развитие значения (*кушать* 'пробовать пищу на вкус', *моча* 'влага, сырость').

В данной статье рассматриваются лексико-словообразовательные архаизмы (ЛСЛА) праславянского происхождения, характеризующиеся сохранением древ-

¹ Матанцева М. Б. Темпоральная архитектура говоров: словообразовательный аспект (на материале лексики говоров забайкальских старообрядцев) // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. Вып. 5. С. 94–103.

² Шарифуллин Б. Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка): дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 1998. С. 47.

³ Жуковская Л. П. Типы диалектных различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 102.

III. Лексика

него морфемного состава¹. При этом архаизмы представлены несколькими разновидностями. Во-первых, это слова, отличающиеся от соответствующих литературных слов наличием других аффиксов: во-вторых, это старые производящие слова, имеющие в литературном языке в качестве своего аналога производные образования. Наконец, это древние производные.

а) Примерами ЛСЛА, отличающихся от соответствующих литературных слов другим аффиксом могут быть следующие диалектные слова, зафиксированные в говорах забайкальских старообрядцев.

барановый < *baranovъ(jь)

ЛСЛА *барановый* ‘бараний’ продолжает праслав. *baranovъ(jь) в отличие от литер. *бараний* (МАС, 1, 62–63), которое восходит к праслав. *baranъ(jь) (ЭССЯ, 1, 158). Архаизм имеет соотношение в нижнелужицком: ср. н.-луж. baranowy ‘бараний’ (ЭССЯ, 1, 155).

бегота < *begota

ЛСЛА *бегота* ‘беготня’ < праслав. *begota. Его литературный эквивалент *беготня* (МАС, 1, 71) является инновационной формой. Диалектная лексема имеет соответствия со сходными значениями во всех славянских языках (ЭССЯ, 2, 59).

березиный < *berzinpъ(jь)

ЛСЛА *березиный* ‘относящийся к берёзе; берёзовый’ продолжает праслав. *berzinpъ(jь), тогда как литер. *берёзовый* (МАС, 1, 90) восходит к праслав. *berzovъ(jь) (ЭССЯ, 1, 205–206). Известное говорам семейским слово имеет соотношения в сербохорв. брезин ‘березовый’, н.-луж. brazynu ‘березовый’ (ЭССЯ, 1, 205).

болявый < *bol’avъ(jь) / *bol’evъ(jь)

ЛСЛА *болявый* ‘болезненный’ < праслав. *bol’avъ(jь) / *bol’evъ(jь). Его литературная параллель *болезненный* (МАС, 1, 123) — более позднее образование. Архаизм имеет соответствия со значением ‘больной, болезненный’ во всех славянских языках (ЭССЯ, 2, 185).

боляток < *bol’etъkъ

ЛСЛА *боляток* в значениях ‘гнойная ранка на коже; струп’ и ‘аппендицит’ восходит к праслав. *bol’etъkъ. Литер. разг. *болячка* (МАС, 1, 127) — инновационная форма. Диалектное слово имеет сербохорватское соотношение: ср. сербохорв. болјатак, род.п. -тка, м.р. ‘болезнь’ (ЭССЯ, 2, 191).

боязливый < *bojaznivъ(jь)

ЛСЛА *боязливый* ‘боязливый’ продолжает праслав. *bojaznivъ(jь) в отличие от литер. *боязливый* (МАС, 1, 132), которое является новообразованием. Зафиксированная в исследуемых говорах лексема имеет соответствия с близкими значениями во всех славянских языках (ЭССЯ, 2, 164).

брусница < *brusъnica

ЛСЛА *брусница* ‘брусника’ < праслав. *brusъnica, его литер. эквивалент *брусника* (МАС, 1, 143) — более позднее образование. Соотношения с таким же значением есть во всех славянских языках (ЭССЯ, 3, 51–52).

¹ Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах забайкальских старообрядцев. Улан-Удэ, 2001. С. 49.

голубица < *golQbica

ЛСЛА *голубица* ‘голубика’ восходит к праслав. *golQbica, тогда как литер. *голубика* (МАС, 1, 439) — инновационная форма. Значение этого архаизма в сравнении с праславянским претерпело изменения, ср. продолжения праслав. *golQbica в славянских языках со значениями ‘голубка, самка голубя’ (ЭССЯ, 6, 215). Но легко выделяется общий семантический признак, объединяющий номинации по цвету.

горбавый < *gъrbavъ(jь)

ЛСЛА *горбавый* ‘горбатый’ продолжает праслав. *gъrbavъ(jь) (ЭССЯ, 7, 199) в отличие от литер. *горбатый* (МАС, 1, 444), которое продолжает *gъrbatъ(jь) (ЭССЯ, 7, 198). Известное в изучаемых говорах слово обнаруживает соответствия во всех славянских языках.

горесть < *gor'estь

ЛСЛА *горесть* ‘горький вкус чего-либо; горечь’ < праслав. *gor'estь. Литер. *горечь* (МАС, 1, 446) — позднее новообразование. Диалектная лексема имеет соотношения в болг. гурест ж.р. ‘горечь, печаль’, словен. gorest ж.р. ‘горечь’, чеш. horest ж.р. ‘горечь’, польск. диал. gorsysc ‘горечь’ (ЭССЯ, 7, 41).

гранатый < *granatъ(jь)

ЛСЛА *гранатый* ‘имеющий грани; граненый’ восходит к праслав. *granatъ(jь). Литер. *граненый* — более позднее образование (МАС, 1, 460). Из славянских соответствий данному архаизму наиболее близки чеш. hranat, прилагательное ‘угловатый, ломаных очертаний’, словц. hranatъ, прилагательное ‘угловатый, с острыми краями’ (ЭССЯ, 7, 106).

грузлы < *gruzьlъ / *gruzьla

ЛСЛА *грузлы* ‘рыболовные грузила’ продолжает праслав. *gruzьlъ / *gruzьla, тогда как литер. *грузило* (МАС, 1, 472) восходит к праслав. *grQzidlo (ЭССЯ, 7, 150). Семантика диалектизма обособлена, но находится в пределах праславянского семантического пространства, ср. в.-луж. hruzla ж.р., hrusl м.р. ‘ком земли, гряда, глыба’, н.-луж. gruzla ж.р. то же (ЭССЯ, 7, 158).

двоица < *d(ь)vojica

ЛСЛА *двоица* ‘двойня, близнецы (о детях человека и детенышах животных)’ < праслав. *d(ь)vojica. Литер. *двойня* (МАС, 1, 497-498) — инновационная форма. Архаизм имеет соответствия в ряде славянских языков: болг. старое двоица ‘двое’, двуица ‘двое’, диал. двоица ‘двое’, двуйца то же, макед. диал. двојца ‘двое’, сербохорв. двојица ж.р. ‘двое, пара’, словен. dvojca ж.р. то же, словц. dvojica ж.р. ‘пара, двое, две’ (ЭССЯ, 5, 191).

масленка < *maslenъka, *masьnъka

ЛСЛА *масленка* ‘масленица’ восходит к праслав. *maslenъka, *masьnъka (ЭССЯ, 17, 226–229), которое в этом же значении продолжено в севернорусских и южнорусских говорах (СРНГ, 18, 11). Литер. *масленица* (МАС, 2, 232).

маслик < *maslikъ

ЛСЛА *маслик* ‘гриб масленок Suillus’ < праслав. *maslikъ. Соотношения известны только в чешском и словацком: чеш. maslik ‘калужница’, диал. masl'eik ‘гриб масленок желтый’; старословц. maslek м.р. то же (ЭССЯ, 17, 229). Литер. *масленок* (МАС, 2, 232).

III. Лексика

масляк < *maslakъ, *masl'акъ

ЛСЛА *масляк* 'то же, что и маслик' < праслав. *maslakъ, *masl'акъ. Параллели есть в западнославянских языках: чеш. maslík м.р. 'гриб масленок', словц. maslík 'гриб масленок', польск. диал. maslak 'вид гриба' (ЭССЯ, 17, 221–222). Литер. *масленок* (МАС, 2, 232).

мозговатый < *mozgovatъ(jь)

ЛСЛА *мозговатый* 'умный, сообразительный' продолжает праслав. *mozgovatъ(jь) в отличие от литер. прост. *мозговитый* (МАС, 2, 288), которое восходит к *mozgovitъ(jь) (ЭССЯ, 20, 93). Наш архаизм функционирует в говорах семейских как качественное прилагательное. Такое развитие семантики наблюдается только в восточнославянских языках, ср. укр. мізкувитий, прост. 'разумный, понятливый', блр. мызгыватый 'умный' и в русских костромских, пермских, северо-кавказских говорах (СРНГ, 18, 203). В в.-луж., н.-луж. и польск. языках, имеющих соответствия, прилагательное является относительным (ЭССЯ, 20, 93).

мокрость < *mokrostъ

ЛСЛА *мокрость* 'сырость, влажность' восходит к праслав. *mokrostъ. Литер. разг. *мокрота* (МАС, 2, 289) — к праслав. *mokrota (ЭССЯ, 19, 142). Диалектная лексема в значениях 'сырость, влажность', 'слякоть, непогода', 'жидкость' имеет соотношения во всех славянских языках (ЭССЯ, 19, 141).

морквяный < *тъгкъвепъjь / *тъгхъвепъjь

ЛСЛА *морквяный* 'то же, что морковный' < праслав. *тъгкъвепъjь / *тъгхъвепъjь. Литер. *морковный* (МАС, 2, 300) < *тъгкъвьпъjь (ЭССЯ, 20, 247). Известное говорам семейских слово имеет продолжения с таким же значением в славянских языках (ЭССЯ, 20, 245).

морковый < *тъгкъвочъjь

ЛСЛА *морковый* 'морковный' восходит к праслав. *тъгкъвочъjь. Литер. *морковный* (МАС, 2, 300) — к *тъгкъвьпъjь (ЭССЯ, 20, 247). У архаизма есть славянские параллели с аналогичным значением (ЭССЯ, 20, 246).

народский < *narodъskъ(jь)

ЛСЛА *народский* 'народный' продолжает праслав. *narodъskъ(jь) в отличие от литер. *народный* (МАС, 2, 538), которое восходит к *narodъnъ(jь) (ЭССЯ, 23, 5). Диалектная лексема имеет славянские соотношения со сходной семантикой: ср. болг. народский 'народный', макед. народски 'народный, популярный, простецкий', сербохорв. narodski 'народный', словен. narodski то же, польск. устар. narodzki то же (ЭССЯ, 23, 6).

черница < *čьgnica

ЛСЛА *черница* 'черника' < праслав. *čьgnica. Литер. *черника* (МАС, 4, 909) < праслав. *čьgnica, причем праслав. *čьgnica гораздо менее распространено (ЭССЯ, 4, 453). В болг., сербохорв., словен. языках продолжения праслав. *čьgnica означают различные темные ягоды (ЭССЯ, 4, 151–152).

нашейник < *našijъnikъ

ЛСЛА *нашейник* 1. 'ошейник'; 2. 'шнурок, веревочка на шею для ношения креста' < праслав. * našijъnikъ. Литер. *ошейник* (МАС, 2, 1011), скорее всего, тоже праславянского происхождения. Соответствующие слова (ср. болг. нашийник 'ворот', нашъеник то же, нашъйник 'бусы, колье, ожерелье; ошейник', в.-луж. našijnik 'ожерелье, колье', старопольск. и польск. naszyjnik 'украшение, носимое

на шее; часть конской упряжи’) объединяются с нашим архаизмом семей ‘то, что носят на шее’ (ЭССЯ, 23, 125).

б) ЛСЛА второго типа — это старые производящие слова, имеющие в литературном языке в качестве своего аналога производные образования.

багун < *bagnъ

ЛСЛА *багун* ‘растение рододендрон даурский *Rhododendron dauricum*’ восходит к праслав. *bagnъ. Н.-луж., укр., блр. рефлексы при всем разнообразии вторичных вокализаций группы -gn-, являются прямыми продолжениями праслав. *bagnъ (ЭССЯ, 1, 127). Литер. *багульник* (МАС, 1, 54).

балмошный, баламошный < *balamъсьпъь

ЛСЛА *балмошный, баламошный* ‘шаловливый, озорной’ < праслав. *balamъсьпъь. Несмотря на исключительно русский характер, видимо, старое сложное слово. Первый компонент — тот же, что и в *balaguriti, *balamQiti, (см. Фасмер, 1, 117), однако второй компонент отнесен им неточно к *мочь*. Авторы ЭССЯ видят здесь связь с *тъknQti, *mykati (ЭССЯ, 1, 147). Литер. *взбалмошный* (МАС, 1, 204).

богатиться < *bogatiti(se)

ЛСЛА *богатиться* ‘наживать богатство; обогащаться’ < праслав. *bogatiti(se). Возвратные формы известны в сербохорв. богатити се ‘обогащаться’, словен. bogatiti se ‘обогащаться’ (ЭССЯ, 2, 157-158). Литер. *обогащаться* (МАС, 2, 754).

боле < *bol’e(jь)

ЛСЛА *боле* ‘больше’ < праслав. *bol’e(jь). Имеет соответствия почти во всех славянских языках: ср. болг. диал. буле, булье ‘больше, лучше, красивее’, бул’е, наречие ‘лучше’, бул’а то же, сербохорв. боли, -а, -е ‘лучший, melior’, боле, наречие ‘лучше’, также в значении ‘живо, быстро’, диал. беле ‘лучше’, словен. bolji, boljši, сравнительная степень прилагательного ‘лучший’, bolje, наречие ‘лучше’, сокращенно bolj, в.-луж. byle ‘больше, magis’ (ЭССЯ, 2, 193). Литер. *более* (МАС, 1, 123) < *bol’ьjь, *больше* < *bol’ьši (МАС, 1, 126).

болонь < *bolнь

ЛСЛА *болонь* ‘молодой слой древесины, лежащий непосредственно под корой’ восходит к праслав. *bolнь, которое тождественно по происхождению *bolna (ЭССЯ, 2, 178). Литер. *заболонь* (МАС, 1, 677).

боры < *богъ II

ЛСЛА *боры* ‘сборки’ < праслав. *богъ II. С родственными значениями имеет отношения во всех славянских языках (ЭССЯ, 2, 218). Литер. *сборка*² (МАС, 4, 46).

бот < *бъть II

ЛСЛА *бот* ‘зеленый лист лука; перо’ продолжает праслав. *бъть II. Близкое значение только у словен. bat ‘кочан, початок’ (ЭССЯ, 3, 141). Литер. *ботва* (МАС, 1, 131).

вёдрый < *vedrъj

ЛСЛА *вёдрый* ‘ясный, солнечный, сухой (о погоде)’ < праслав. *vedrъjь. Соответствующие славянские прилагательные: болг. ведър ‘безоблачный’, ‘ясный’, ‘светлый’, сербохорв. ведар, ведри ‘ясный, чистый’, ‘веселый, бодрый’, словен. veder ‘ясный’ (Черных, 1, 137). Литер. устар. и прост. *ведренный* (МАС, 1, 181).

вервь < *вьгвь

ЛСЛА *вервь* ‘веревка’ восходит к праслав. *вьгвь. Такое же продолжение праславянского *вьгвь только в словен. vrv ‘веревка’. В болг. върволица ‘верени-

III. Лексика

ца', сербохорв. врвца 'веревочка, шнур'. В западнославянских языках отсутствует (Черных, 1, 142). Литер. *веревка* (МАС, 1, 187).

город < *gordъ / *gorda / *gordъ

ЛСЛА *город* 'огород' < праслав. *gordъ / *gorda / *gordъ. Соотносится с в.-луж. hrydz 'хлев', н.-луж. groz 'конюшня, хлев или курятник', полаб. gord 'сарай, гумно' (ЭССЯ, 7, 37-38). Литер. *огород* (МАС, 2, 804).

гуз < *gQzъ / *gQza / guzъ

ЛСЛА *гуз* 'задняя часть у человека или животного' < праслав. *gQzъ / *gQza / guzъ. Все славянские параллели означают 'зад, нарост, шишка' (ЭССЯ, 7, 91-92). Литер. груб. прост. *гузно* (МАС, 1, 478) < *gQzъпъ(жь), *gQzъпо (Черных, 1, 226).

детва < *detъva

ЛСЛА *детва* 'дети; детвора' продолжает праслав. *detъva. Имеет следующие соответствия: слов. detva 'молодежь, молодое поколение', польск. старое dziatwa 'дети' (ЭССЯ, 5, 16). Литер. разг. *детвора* (МАС, 1, 530-531).

дуб < *dQbъ

ЛСЛА *дуб* 'раствор для дубления кожи; дубитель' < праслав. *dQbъ. Архаизм известен всем славянским языкам (ЭССЯ, 5, 95-97). Первоначально означал 'дерево', ср. полаб. jablkodab 'яблоня'. Древность же диалектной семантики подтверждается др.-прусс. dumrbis 'дубильная кора' (Фасмер, 1, 547-548). Литер. *дубитель* (МАС, 1, 612).

едовой < *edovъ

ЛСЛА *едовой* 'съедобный' восходит к праслав. *edovъ. В таком же значении лексема функционирует только в болгарском, ср. болг. ядов, прилагательное 'съедобный' (ЭССЯ, 6, 43). Литер. *съедобный* (МАС, 4, 441).

одинакий < *edinak(жь) / *edъnakъ(жь) / *edinokъ

ЛСЛА *одинакий* 'одинаковый' < праслав. *edinak(жь) / *edъnakъ(жь) / *edinokъ. Соотношения с аналогичным значением есть во всех славянских языках, кроме македонского (ЭССЯ, 6, 9-10). Литер. *одинаковый* (МАС, 2, 811).

жадать < *zedati

ЛСЛА *жадать* 'жадничать' продолжает праслав. *zedati. Архаизм известен в чеш. zedati 'сильно желать чего-л.', польск. Zadać то же, а также в восточнославянских языках (Черных, 1, 290). Литер. *жадничать* (МАС, 1, 639).

корчить < *kъrĉiti

ЛСЛА *корчить* 'корчевать' < праслав. *kъrĉiti. Имеет параллели в макед. крчи 'корчевать, раскорчевывать' сербохорв. крчити 'корчевать, выкорчевывать, расчищать', словен. krĉiti 'корчевать', чеш. krĉiti 'корчевать, выкорчевывать' (ЭССЯ, 13, 209-210). Литер. *корчевать* (МАС, 2, 142).

краина < *kraĭna

ЛСЛА *краина* 'наиболее удаленная от центра часть города, деревни и т. п.; окраина' восходит к праслав. *kraĭna. Соотносится с сербохорв. крајина 'пограничная область', словен. kraĭina 'пограничная область', чеш. kraĭina 'крайний конец, оконечность', старопольск. kraĭna 'край, крайняя часть' (ЭССЯ, 12, 87-88). Литер. *окраина* (МАС, 2, 611).

куплять < *kupjati

ЛСЛА *куплять* 'покупать (купить)' < праслав. *kupjati. В этом значении функционирует в сербохорв. kuplati, итератив 'покупать', польск. диал. kupiac 'купить', словин. kupjas 'покупать' (ЭССЯ, 13, 113). Литер. *покупать* (МАС, 3, 348).

папорт < *paportь

ЛСЛА *папорт* ‘папоротник Polypodiophita’ продолжает праслав. *paportь. С такой же семантикой лексема известна в болг. попрат, сербохорв. папрат, словен. praprot (< *paprat или, может быть, *praprat); чеш. kaprad’ (< *paprat’; ср. словц. paprad’), польск. papros; в.-луж. paprot : paprut (Черных, 2, 4). Литер. *папоротник* (МАС, 3, 22).

мотреть < *motriti

ЛСЛА *мотреть* ‘смотреть’ < праслав. *sъmotreti : *sъmotriti : *motriti. Глагол без приставки зафиксирован в болгарском, сербохорватском и словенском языках: ср. болг. обл. старое мутря ‘смотрю’, сербохорв. мотрити ‘смотреть’, ‘созерцать’, ‘наблюдать’, словен. motriti ‘наблюдать’, ‘рассматривать’ (Черных, 2, 180-181). Литер. *смотреть* < *sъmotreti : *sъmotriti (МАС, 4, 220–222).

хабный < *хабьнь(ь)

ЛСЛА *хабный* ‘нахальный, наглый’ восходит к праслав. *хабьнь(ь). Славянские продолжения имеют другие значения: болг. диал. хабен ‘тупой (о топоре)’, словен. haben ‘быстрый, поспешный’, диал. haben ‘больной’, чеш. chabně ‘трусливый’, н.-луж. chamnu ‘вялый, слабый’, ‘скудный, бедный’, сербохорв. shaban, shabna ‘легко поддающийся порче’, skaban, skabna ‘попорченный, поврежденный’ (ЭССЯ, 8, 9-10). Литер. прост. *похабный* (МАС, 3, 463).

черен, черень < *černь / *černo / *černa / *čern

ЛСЛА *черен, черень* ‘рукоятка какого-либо предмета, орудия; черенок’ < праслав. *černь / *černo / *černa / *černь. Во всех славянских языках означает ‘рукоятка, ручка, черенок’ (ЭССЯ, 4, 69-70). Литер. *черенок* (МАС, 4, 907).

широй < *širьгь

ЛСЛА *широй* ‘широкий’ продолжает праслав. *širьгь. Во всех славянских языках, как и в современном русском, праслав. корень *šir- сохранился в существительных (рус. литер. *ширь*) и в сравнительной степени прилагательных (рус. литер. *шире*): ср. болг. шир ж.р. ‘ширь’, сербохорв. шир м.р. ‘ширь’, шири, -а, -е ‘более широкий’, словен. šir ж.р. ‘ширь’, širši, -а, -е ‘более широкий’, чеш. šire ж.р. ‘ширь’, ‘широта’, širše ‘более широкий’, šire, наречие ‘шире’, словц. šir ж.р. ‘ширь’, širy, -а, -е, širši ‘более широкий’, польск. устар. szerz ж.р. ‘ширь’, szerszy, -а, -е ‘более широкий’, szerzej ‘шире’, в.-луж. šer ж.р. ‘ширь’, šerši, -а, -е ‘более широкий’, н.-луж. šyг ж.р. ‘ширь’ (Черных, 2, 413). Литер. *широкий* (МАС, 4, 979-980) < *široкьгь.

яична, яичня < *ajьсьна

ЛСЛА *яична, яичня* ‘яичница’ < праслав. *ajьсьна. Соотношения есть только в восточнославянских языках: укр. яйчня ж.р. ‘яичница’, блр. яечня ‘яичница’ (ЭССЯ, 1, 63). Литер. *яичница* (МАС, 4, 1071).

в) ЛСЛА третьего типа — это древние производные, которым в литературном языке соответствует производящее слово. Их меньше.

берёзина < *berzina

ЛСЛА *берёзина* ‘отдельное дерево берёзы’ < праслав. *berzina. Производное с суффиксом *-in- от *berza выступает в славянских языках в различных функциях (увеличительность, уменьшительность, собирательность): н-р, сербохорв. берзина ж.р. увеличительное от береза “береза”; старочеш. brezina ж.р. ‘березовый лес’ и др. (ЭССЯ, 1, 204–205). Литер. *берёза* (МАС, 1, 89-90) < праслав. *berza (ЭССЯ, 1, 201–203).

III. Лексика

горбина < *gъrbina

ЛСЛА *горбина* 'горб' < праслав. *gъrbina. Производное с суффиксом *-in- от праслав. *gorbъ/*gorba. Как и в предыдущем слове, суффикс *-in- в продолжениях праслав. *gъrbina несет такую же смысловую нагрузку (ЭССЯ, 7, 199). Литер. *горб* (МАС, 1, 444) < праслав. *gorbъ/*gorba (ЭССЯ, 7, 199-201).

дивота < *divota

ЛСЛА *дивота* 'диво' < праслав. *divota. Производное с суффиксом *-ota от праслав. *divъ, *divo. Имеет ряд соответствий со сходным значением в славянских языках (ЭССЯ, 5, 34). Литер. *диво* (МАС, 1, 537) < праслав. *divъ, *divo (ЭССЯ, 5, 35).

космыньи < *kosmyni

ЛСЛА *космыньи* 'длинные растрепанные волосы; космы' < праслав. *kosmyni. Производное с суффиксом *-yni от праслав. *kosmъ / *kosma. Аналогичное значение отмечено у всех параллелей (ЭССЯ, 11, 147). Литер. разг. *космы* (МАС, 2, 112) < праслав. *kosmъ/*kosma (ЭССЯ, 11, 145–147).

Развитие словаря говоров с течением времени неизбежно, соответственно изменяется и архаическая лексика, при этом, в одних говорах она утрачивается, в других видоизменяется формально или семантически (или формально и семантически). Эти изменения могут быть настолько значительными, что лишь специальный анализ позволяет узнать в слове его праславянскую основу. Изучение лексико-словообразовательных архаизмов как факта структуры языка предполагает разграничение собственно архаической лексики от встречающихся в говорах исторических вариантов праславянских лексических явлений, не отраженных в современном литературном языке.

К этим архаизмам мы относим диалектную лексику праславянского происхождения, которая в древнерусский, старорусский (и более поздние периоды) развития языка изменила (утратила, сменила, приобрела) суффикс (приставочные новообразования в говорах забайкальских старообрядцев нами не обнаружены). Праславянская реконструкция, к которой восходит слово, продолжена литературным соотношением без изменения. Например, усечение праславянской основы наблюдается у диалектных слов типа *лезьё* < *lezvo, *lezvъjъ; *тетерь* < *teterъ; *ялый* < *alovъjъ, *alovaja / *jalovъjъ, *jalovaja. Сменили праславянский суффикс, к примеру, *бруснига* < *brusъnica; *долгина* < *dъlgostъ, *dъlgota; *кропоткий* < *kropotъlivъjъ, *kropotъnjъ; *хруплый* < *xrupъkjъ. Нарощение основы зафиксировано у лексем *вещевать* < *vetjati; *кадилить* < *kadidlo, *kaditi; *кровинь* < *kry, род. *kryve; *споркий* < *sъrogъjъ.

В целом, проблема развития праславянской лексики должна изучаться в рамках рассматриваемой темы, так как историческому варианту праславянской лексики, бытующему в одном говоре, может соответствовать лексический архаизм в другом, а иногда и в том же говоре.

М. Б. Матанцева

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА
В ГОВОРАХ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹**

Лексика говоров семейских — потомков старообрядцев-раскольников, переселившихся в Забайкалье во второй половине XVIII в. — в диахроническом аспекте изучена недостаточно, что характеризует положение дел в диалектологии в целом, тогда как «одним из наиболее эффективных методов осмысления накопленного сибирской диалектной лексикографией и лексикологией материала является его этимологическое изучение и в особенности изучение средствами этимологической лексикографии»². В связи с этнографическими особенностями рассмотрена история формирования бытовой лексики³. В ряде работ лексика говоров привлекалась как ценный материал для этимологии⁴.

Независимо от того, гомогенна или гетерогенна природа говоров, словарный состав говоров включает в себя лексику исконнославянскую и лексику, заимствованную из других языков. Цель предлагаемой статьи (являющейся частью ведущегося исследования): на материале одной тематической группы (ТГ) лексики охотничьего промысла выявить иноязычную лексику, проникшую в говоры семейских на разных этапах формирования языка, т. е. установить охотничью лексику, заимствованную из неславянских языков в праславянский, древнерусский, старорусский, русский периоды и определить территорию распространения значения анализируемых слов, зафиксированных в говорах семейских Забайкалья.

Источником анализа послужил «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (более 8 тыс. лекс. ед., 50 п.л.), вышедший в Новосибирске в 1999 г., в число составителей которого входит и автор.

С точки зрения синхронии, словарный состав русских говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья, как и любая диалектная система, представлен общерусскими словами, составляющими основу словаря любого говора, диалектными словами, просторечными словами, жаргонной и арготической лексикой⁵. Предметом анализа является диалектная лексика, определяющими признаками кото-

¹ Матанцева М. Б. Заимствованная лексика охотничьего промысла в говорах забайкальских старообрядцев (диахронический аспект) // Материалы республиканской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ж. С. Сажина. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003.

² Аникин А. Е. Об этимологическом изучении лексики русских говоров Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. 1. Филология. С. 227.

³ Тынтуева Е. И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

⁴ Майоров А. П. Этимологизация диалектного слова и орфографический принцип его подачи в региональных словарях // Русские народные говоры Забайкалья. Улан-Удэ, 1995; Майоров А. П. Варианты заимствованных слов в русских старообрядческих говорах Забайкалья // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995². Т. 1. Филология.

⁵ Лукьянова Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения: учеб. пособие. Новосибирск, 1983. С. 15–16.

III. Лексика

рой по отношению к современному литературному языку являются локальная ограниченность употребления, т. е. наличие изоглоссы, и отсутствие слова в лексическом составе литературного языка¹.

В работе рассматриваются фонетические, морфологические (грамматические) и лексико-семантические варианты: под фонетическими вариантами слова понимаются такие лексические единицы, которые при морфемном и семантическом тождестве различаются или звуковым составом корневой морфемы, или местом ударения. Под морфологическими вариантами мы подразумеваем грамматические варианты: однокорневые слова, имеющие тождественное лексическое значение и различающиеся грамматическими показателями. Лексико-словообразовательными вариантами мы также называем однокоренные слова с одинаковым лексическим значением, различающиеся суффиксальными морфемами. Под лексико-семантическим варьированием в настоящей работе понимается наличие у слова разных значений при неизменной звуковой оболочке. При этом непременным условием является сохранение тождества слова².

Изучение лексики в составе ТГ связано с проблемами синонимии, так как синонимические отношения (наряду с антонимическими) являются в них наиболее распространенными видами семантических связей слов. Мы разделяем абсолютные синонимы (дублеты) под которыми понимаются слова, неодинаково звучащие и полностью совпадающие по своему смыслу, и синонимы — слова неодинаково звучащие и близкие по значению³.

Понятие архаическая лексика, которое мы используем в работе, соотносится с периодами в истории русского языка. Выделение славян из общиндоевропейского единства произошло в глубочайшей древности, приблизительно к началу III тысячелетия до нашей эры. Лингвисты по-разному определяют этапы в истории русского языка, в том числе окончание праславянского периода⁴. Мы, вслед за Ю. И. Чайкиной⁵, считаем, что начало распада праславянского языка относится к VI–VII вв. Все это длительное время является эпохой существования праславянского языка.

Размещение славян на обширной территории ослабило связи между отдельными группами. Это обусловило усиление местных особенностей в праславянских диалектах, которые начали превращаться в самостоятельные языки. К IX в.

¹ Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». Введение. М., Л., 1961. С. 19–25. Оссоветский И. А. Исследование в области лексикологии русских народных говоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971. С. 11; Гецова О. Г. О характере областного (диалектного) словаря // Филология. 1964. № 3. С. 97.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Тр. ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. 4; Блинова О. И. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах // Вопросы русского языка. Томск, 1965; Она же. Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах // Вопросы языкознания в сибирской диалектологии. Томск, 1966. Вып. 2. С. 17–33; Она же. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.

³ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 115.

⁴ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 5; Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954. С. 30; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 51.

⁵ Чайкина Ю. И. Лексика Белозерья в историческом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. С. 3.

многочисленные восточнославянские племена, говорившие на близкородственных диалектах, расселялись на всей территории от озера Ильмень и бассейна Западной Двины до Днепра, а также к востоку — в районах верхнего течения Оки и Волги, на Дону и Северном Кавказе — и к западу — на землях Волыни, Подолии и Галиции. В X — середине XI вв. происходит консолидация общности (во главе с Киевом) и унификация культуры, т. е. формируется собственно древнерусская народность¹. С этого времени начинается древнерусский (общевосточнославянский) этап в истории языка. Хотя тенденция к обособлению древнерусских диалектов наметилась еще в XII в., все же только в эпоху XIV–XV вв. происходит оформление трех восточнославянских народностей с их особыми языками.

Передвижение исторической жизни с юга на северо-восток, сосредоточение населения на новой территории привели к созданию в Ростово-Суздальской Руси крупного государства с центром в Москве. Московское княжество стало той базой, вокруг которой складывается великорусская народность. С XIV по XVII в. — старорусский период в истории языка.

К XVIII в. сформировалась русская нация и русский национальный язык, являющийся по отношению к языку великорусской народности его развитием, обусловленным развитием самой народности в нацию.

Таким образом, диалектная лексика говоров семейских, восходящая к выше-названным этапам в истории русского языка, это архаическая лексика праславянского происхождения, архаическая древнерусская лексика, архаическая лексика старорусского периода, русская архаическая лексика. Сибирский период в истории формирования лексики — от момента переселения семейских в Забайкалье до наших дней. В статье понятия лексема, наименование, номинатив и др. употребляются в качестве эквивалента диалектным лексическим единицам.

Лексика охотничьего промысла в говорах семейских насчитывает 123 лексические единицы. Это 57 различных основ, 27 из которых с производными мы объединяем в микросистемы (МС) (остальные 30 — одиночные слова). Ядром МС является производящая (славянская или заимствованная) основа. В МС может быть от двух и более лексем, связанных разными отношениями производности между собой и с исходной основой. Каждая лексема анализируется соответственно поставленным задачам. В словарной статье приводится слово в орфографической записи, грамматическая характеристика, толкование. Фонематические, грамматические и словообразовательные варианты слов даются без толкования и снабжены отсылкой "то же, что и" к наиболее часто употребляющемуся в говоре варианту. Полные синонимы приводятся после пометы "см.", неполные — после пометы "ср.". Цифра в правом верхнем углу — очередной номер омонима (например, *засадка*²), цифра после грамматических помет — номер значения у многозначного слова (нами выбраны имеющие отношение к рассматриваемой ТГ) (подробнее см. «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»)². Далее — предполагаемая этимология и данные о функционировании слов со времени появления в языке до нынешнего состояния. Для решения поставленных

¹ Лесман Ю. М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 16–17.

² Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999. С. 11–17.

III. Лексика

задач нами используются данные современных и исторических диалектных словарей, исторические и этимологические словари русского языка.

В лексике охотничьего промысла говоров семейских Забайкалья заимствования с точки зрения языка-источника группируются следующим образом:

1) монгольские и бурятские заимствования и (или) их производные (например, *аргукишин, гуран, жимбуран, инзаган, кандагай, солонгой, тарбаган, жоргол (зоргол), сырычить, ургэчить, хубурик, цынык*);

2) тюркизмы и (или) их производные (например, *бурундучить, дуванить, кабарожка, калып, табор*);

3) заимствования из уральских языков и (или) их производные (например, *лабаз, копалуха*);

4) тунгусо-маньчжурские заимствования (например, *балаган*);

5) производные от романских и германских заимствований (например, *винтарь², драгунка, пистонка, централка*);

6) балтийские заимствования (например, *вендерь*).

Всего в рассматриваемой ТГ 44 иноязычные лексемы. Это 26 различных основ, 8 из которых с производными образуют МС. Также, как и в исконнославянской лексике, это отдельные заимствования и МС, в состав которых входят лексические единицы и (или) их производные, заимствованные в праславянский период, на древнерусском и старорусском этапах развития языка, в XVIII в. и в сибирский период.

Определяющими факторами, характеризующими заимствованную лексику с точки зрения хронологии формирования лексического фонда говоров служат отношение собственно-заимствования к языку-источнику и данные этимологических и исторических словарей русского языка. Если заимствование отмечено в них как общенародная лексема, мы относим диалектный вариант к более позднему, чем тот, к которому относится литературная форма, периоду.

1. Лексика, заимствованная в праславянский период

Единственное заимствование, попавшее в словарный фонд русских говоров, очевидно, в праславянский период — диалектная лексема *вендерь*, которая с производным *вендёрка* образует МС.

вендерь, вендёрка

В говорах семейских функционирует фонетический вариант лексемы *вентерь* — *вендерь* м.р. ‘сетчатый мешок или сеть на обручах для ловли куропадок’, заимствованной из балтийских языков, по всей видимости, в праславянский период и являющейся по существу славянской инновацией. С деминутивом *вендёрка* ж.р. ‘уменьш. к *вендерь*’ этот вариант образует МС.

М. Фасмер относит *вентерь* к заимствованиям из лит., лтш. языков: *вентерь* м.р. ‘мережа, вид рыболовной сети’, также *вентель, вятель, ветыль*; укр. *вятер*, польск. *więcierz, więcierz, więciogka* ‘верша’. Заимствовано в разное время из лит. *venteris* ‘верша из ивовых прутьев’, лтш. *venteris* ‘верша’. Кроме того, вариант *вятерь* Фасмер считает более старшим заимствованием, чем *вентерь* (Фасмер, 1, 292, 376).

Историческими словарями лексема не отмечена. В русском языке XIX в. зафиксированы: *вентер, вентель* ‘мерёжа, мережа, рыболовный снаряд, сетчатый

кошель на обручах с крыльями’ и *вентер*, *вентерка* ‘птицеловная сеть’, *вентель* ‘сеть для ловли куропаток’ (Даль, 1, 177).

В русских говорах слово *вентерь* в самых различных фонетических и словообразовательных вариантах функционирует как ‘рыболовная снасть, имеющая вид верши на обручах, суживающихся книзу’ (СРНГ, 4, 115): *венгель*, *вентель*, *вендель* (Петроченко, 14); *вентель*, *вендель*, *вентерь*, *вентиль*, *винтель*, *фитиль* (НС, 56); *венда*, *вендер* (СККю, 40), *венгель*, *вендерь* (СККс, 47); *вентерь*, *вендерь*, *вентель*, *вентер* (ПС, 36); *вензель* (Войтенко, 1, 72).

Лексема *вентерь* в значении ‘сеть для ловли куропаток’ известна южнорусским донским и тульским говорам (СРНГ, 4, 115). В словаре русских донских говоров отмечен также деминутив *вентерёк* ‘приспособление для ловли куропаток, состоящее из сети, надетой на деревянные обручи’, что полностью совпадает со значением слова в исследуемых говорах семейских. Возможно, наши слова были известны носителям говоров на материнских южнорусских территориях до их переселения в Забайкалье.

2. Лексика, заимствованная в древнерусский и старорусский периоды *балаган*

На старорусском этапе развития русского языка была заимствована лексема *балаган* м.р., известная в изучаемых говорах в значении ‘временная лёгкая жилия постройка в лесу, в поле, на покосе и т. п.; шалаш’.

По мнению Фасмера, слово восточного происхождения. Первоисточник — перс. *бала-хане* — ‘верхняя комната’, от *бала* ‘верхний’, ‘высокий’ и *хане* — ‘дом’, ‘жильё’ (Черных, 1, 67). У Фасмера *balaḫanā* — ‘верхняя комната, комната над главным входом’ (Фасмер, 1, 112). В работах последних лет это объяснение подвергается сомнению (Петропавловская 1988, 95). Вероятно, из эвенк. (< якут.) *балауан* ‘жилище (дом деревянный, бревенчатый)’ (Аникин, 114–115).

В русском языке слово *балаган* известно с 1673 г. Ср. *балаганецъ* в «Житии» Аввакума (СлРЯ XI–XVII, 1, 67). Форма *балагань* в значении ‘лёгкая плетёная постройка, шалаш’ зафиксирована в 1706 г. (Пам. сиб. ист. 1, 251; СлРЯ XI–XVII, 1, 67). Более ранний факт употребления лексемы *балаган* в таком же значении в памятниках деловой письменности Илимского острога 1702 г. отмечает Л. Г. Панин (Панин, 8). В памятниках письменности XVIII в. у слова более конкретная семантика ‘лёгкая постройка для хранения припасов или для временного жилья’, а также ‘летнее жилище камчадалов в виде шатра на столбах, служащее также для хранения и заготовки съестных припасов’ (СлРЯ XVIII, 1, 130). В словарях *балаган* — с 1789 г., *балаганный* — с 1847 г. В русском языке XIX в. это ‘временное строение’ могло иметь разное назначение: ‘балаган святочный, скомороший, торговый, сапожный, складочный, ярмарочный и пр.’ (Даль, 1, 41). В значении ‘лёгкая дощатая постройка, используемая как временное помещение для склада, а также как место театральных и цирковых представлений в народном духе’, перен. ‘нечто грубое, шутовское’ слово *балаган* (а также прилагательное *балаганный* и глагол *балаганить* ‘дурачиться’) известно укр. и блр. языкам; в польском *bałagan* из русского. В других славянских языках отсутствует (Черных, 1, 67).

Слово в нашем значении широко распространено в русских говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока (Ср. Ур., 1, 32; НС, 16; Сиб., 1, 34; СККю, 17; СККс,

III. Лексика

29; ПС, 17). Отмечено в Архангельской области (Арх., 1, 98). В словаре русских донских говоров одно из значений 'шалаш, лёгкое помещение для людей' (СРДГ, 1, 13). По данным СРНГ, лексема также известна ряду среднерусских говоров (СРНГ, 2, 68) и смоленским южнорусским говорам (СРНГ, там же).

дуванить

К иноязычной лексике старорусского периода относится глагол *дуванить*; несов., перех. 'делить, распределять добычу'. Слово является тюркским заимствованием. Ср. тур., крым.-тат., чагат. *divan* 'совет, собрание', казах. *duan* 'окружной суд; резиденция русской администрации в старой казахской степи' < перс. *divan* (Фасмер, 1, 549; Аникин, 196–197). Впервые встречается в Донских делах 1648 г. (СлРЯ XI–XVII, 4, 371). Отмечен он в этом значении и в русском языке XVIII в. (СлРЯ XVIII, 7, 24). Со значением 'дѣлить добычу послѣ набѣга' глагол *дуванить* отмечается в словаре В. И. Даля, слово сопровождается пометой 'старое казачье' (Даль, 1, 499). Семантика глагола не претерпела каких-либо изменений.

В говорах Среднего Урала функционирует однокоренное существительное *дуван*, одно из значений которого 'делѣж добычи на охоте и при ловле рыбы' (Ср.Ур., 1, 146). В других диалектных словарях не встречаются даже однокоренные лексемы, хотя СРНГ отмечает лексему с зафиксированным нами значением в ряде севернорусских и южнорусских говоров (СРНГ, 8, 244).

кабарожка, хабарожка

Старорусскими хронологическими рамками обозначено появление слова *кабарга*, от которого образованы известные в говорах забайкальских старообрядцев лексемы *кабарожка* ж. р. 'кабарга *Moschis moschiferus*, то же, что и *хабарожка*' и *хабарожка* ж. р. 'то же, что и *кабарожка*'.

Фасмер считает слово *кабарга* заимствованием из тюркского: тел., шор., саг. *tabuḡa* 'сибирская кабарга', тув. *toḡuḡu* — то же (Фасмер, 2, 149). Подробнее происхождение рассматривает А. Е. Аникин. Он считает, что *кабарга* возникло из *табарга* вследствие дистантной ассимиляции по месту образования: т...г > к...г. В форме *табарга* первый элемент связан с тюркским названием горы, а второй, видимо, с тат. *buḡu* "мускатный орех", калм. *baḡe* "мускусное животное" (Аникин, 239).

Прилагательное *кабаргиный* и устойчивое словосочетание *кабаргиная струя* 'продукт особой железы самца мускусной кабарги' зафиксированы в русском языке конца XVII в. (СлРЯ XI–XVII, 7, 8). В.И. Даль отмечает лексемы *кабарга*, *хабарга* как известные в Восточной Сибири и Монголии (Даль, 2, 70; 4, 540).

В изучаемых нами говорах отмечено устойчивое употребление деминутивов *кабарожка* / *хабарожка* вместо литературного *кабарга* в значении 'животное из семьи оленей. *Moschis moschiferus*'. Возможно, это связано с тем, что в Забайкалье олени как объект охотничьего промысла представлены несколькими видами (изюбр, северный олень, косуля (дикая коза), кабарга), среди которых сибирская кабарга самый маленький вид. В этом же значении *кабарожка* известна приамурским говорам (ПС, 109). В русских говорах Забайкалья функционирует и форма *хабарга* (Элиасов, 435), соотносительная с бурятским языком (БРС, 525).

калып, калыпка, калыть, калыпить

К иноязычной лексике старорусского периода относится номинатив *калып* м.р. 1) 'форма для отлива пуля, крупной дроби; то же, что и *калыпка* (в 1-м знач.), *калыть*'; 2) 'отлитая в домашних условиях пуля, дробь для охотничьего

ружья; то же, что и *калыпка* (во 2-м знач.)'. С производными *калыпка* ж.р. 1) 'то же, что и *калып* (в 1-м знач.)'; 2) 'то же, что и *калып* (во 2-м знач.)'; 3) 'кремнёвое ружьё; см. *кремлёвка*', *калыпъ* ж. р. 'то же, что и *калып* (в 1-м знач.)' и *калыпить*; несов., перех. 'отливать в домашних условиях пули, крупную дробь с использованием специальных форм — калыпов' образует МС.

По происхождению *калып* является историческим тюркизмом, ср. крым.-тат., казах., кирг. *qalıp, qalıb* 'форма, образец' (Фасмер, 2, 171; Аникин, 253).

Впервые встречаются в письменных памятниках XVII в. *калып, колыбь, колупъ* в значении 'форма для литья пуль, ядер' (СлРЯ XI–XVII, 7, 39, 254, 255). Форма *калып* отмечена вятскими источниками (СлРЯ XI–XVII, 7, 39). Также зафиксирована в 1709 г. в деловой письменности Тобольского острога (Панин, 138). На распространение вариантов *калыпъ / калыбъ / колыбъ* в северных и восточных говорах русского языка XIX в. указывает В.И. Даль (Даль, 2, 79). По свидетельству СРНГ, лексические единицы *калыб* и *калып* имеют преимущественное распространение в сибирских говорах, исключение составляет единственный пример из архангельских говоров XIX в. (СРНГ, 13, 5).

Из зафиксированных в говорах семейских форм *калып / калыпка / калыпъ* в значении 'форма для отлива пуль' в других русских говорах функционирует *калып* (Петроченко, 36; СККю, 128; ПС, 112). В Приамурье отмечено и второе значение, известное в изучаемых говорах: 'отлитая в домашних условиях пуля, дробь для охотничьего ружья', развившееся, по всей видимости, на основе метонимической связи «содержащее-содержимое» (ПС, 112).

Словобразовательный вариант *калыпка* и глагол *калыпить*, в исторических словарях не обнаруженные, вероятно, являются более поздними сибирскими образованиями.

копалуха

К ранним заимствованиям относится слово *копала / копала* в значении 'самка тетерева-глухаря *Tetrao urogallus*', производным от которого является наша диалектная лексема *копалуха* ж. р. 'самка глухаря'. Источниками считаются финно-угорские языки. М. Фасмер отмечает его бытование в архангельских и олонекских русских говорах (Фасмер, 2, 317). В некоторых русских говорах заимствованное слово расширено русским суффиксом *-уха*, в некоторых говорах *-иха* (Аникин, 314).

Древнерусскими и русскими лексикографическими источниками эти слова не зафиксированы. С пометами *сев. вост. карел.* приводит лексемы *копала / копалуха* В. И. Даль (Даль, 2, 157).

В нашем значении слово широко распространено в русских говорах Урала и Сибири (Ср.Ур., 2, 47; НС, 235; СККс, 136; СККю, 153; Петроченко, 41; Сиб., 2, 74). По данным СРНГ, кроме сибирского ареала, лексема отмечена в пермских говорах севернорусского наречия (СРНГ, 14, 282).

лабаз

К иноязычной лексике древнерусского периода относится слово *лабаз* м. р. 'настил из досок или жердей на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя' (ср. *сидка, скрадка*).

Источником обычно считают коми *lobos*. Однако, вероятно и исконнославянское происхождение, ср. русское *лабазина* 'хворостина, палка' и ряд других славянских соответствий (Черных, 2, 442; Фасмер, 2, 442; Аникин, 360).

III. Лексика

В значении ‘навес или крытый помост на столбах для хранения припасов (на Севере и в Сибири)’ слово *лабазь* зафиксировано в русском языке с 1584 г. (СлРЯ XI–XVII, 8, 156; Даль, 2, 230; Панин, 69).

Слово в нашем значении широко распространено исключительно в северно- и среднерусских говорах, а также в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока (СРНГ, 16, 211; Ср.Ур., 2, 82; НС, 267; СККс, 151; СККю, 174; Петроченко, 47; ПС, 140).

табор, табориться

В старорусский период было заимствовано слово *табор* м. р., известное в исследуемых говорах в значении ‘место постоянного ночлега охотников и т. д.’. Вместе с производным глаголом *табориться*, несов. 1) ‘устанавливаться на временную стоянку, лагерь на покосе во время жатвы, охотничьего промысла и т. п.’ образует МС. Заимствование из тюркского. Ср. тур., крым.-тат. *tabur* ‘укрепление из повозок’, чагат. *tarqug* ‘укрепление’, *tabur* ‘пояс, ограда’ (Фасмер 4, 6–7).

В письменных памятниках XVII в. слово *табар* зафиксировано в значении ‘турецкий лагерь’. В русском языке XIX в. *табор* — это ‘стан, становище, бивак, лагерь’, *табориться* ‘становиться в поле станом, обозом’ (Даль, 4, 384–385).

Лексема *табор* в нашем значении функционирует в русских говорах Приамурья (ПС, 294). В значении ‘полевой стан’ оно известно Новосибирским говором (НС, 530) и на Дону (СРДГ, 3, 152). Глагол в говорах отмечен и в других значениях.

ящик

К этому типу архаизмов относится производное от заимствования со скандинавского Севера *аскъ / яск* — *ящик* м.р. 2) ‘приспособление для ловли куропаток в виде прямоугольной коробки без дна и с решетчатым верхом’ (ср. *хлопцы*).

Что касается происхождения слова *аскъ > яскъ* (вследствие йотации начального *a*) > *ящик*, то обычно его считают одним из ранних заимствований со скандинавского Севера (Черных, 2, 476; Фасмер, 4, 573).

Др.-рус. *аскъ, яскъ* ‘корзина’ отмечены в памятниках книжного языка XIV–XV вв. (Срезневский, 1, 31). Дериват впервые зафиксирован в 1618–1619 гг. в значении ‘сундук, коробка’ или ‘выдвижной ящик’ (Черных, там же). В русском языке XIX в. *ящик* ‘связанное из досок помещенье, укладка разного вида’ (Даль, 4, 683). В значении ‘обычно четырёхугольное, деревянное вместилище больших или меньших размеров для укладки, хранения, переноски чего-либо’ это слово зафиксировано только в русском языке. В других славянских языках отсутствует (в польском из русского).

В нашем значении лексема в областных словарях не отмечена. Как ‘ловушка на рыбу’ *ящик* известен русским говорам северных районов Красноярского края (СККс, 343).

3. Лексика, заимствованная в русский период

бурундучить

К заимствованиям русского периода относится тюрк. *бурундук*, от которой образован функционирующий в говорах семейских глагол *бурундучить*, несов., неперех. ‘ловить бурундуков’.

Фасмер дает следующую этимологическую справку: *бурундук*. зверёк ‘*Tamias sciurus*’. Считается заимствованием из марийского *uromdok* (Фасмер, 1, 248).

А.Е. Аникин предполагает тюркское происхождение, ср. др.-тюрк. *burundug* ‘повод, прикрепляемый к прдетому в нос верблюда стерженьку’. Тюркские слова — дериваты от *burun* ~ *tuḡun* ‘нос’. От той же основы, видимо, и название зверька *бурундука*, ср. кирг. *burundug*, узб. *burunduk* (Аникин, 148–149).

В словаре русского языка XVIII в. отмечены существительное *бурундук* ‘зверёк-грызун’ (с пометой *обл.*) и прилагательные *бурундучий* и *бурундуковый* (СлРЯ XVIII, 2, 171). В. И. Даль, приводя лексемы *бурундучный* и *бурундуковый*, указывает, что *бурундук* сибирский зверек (Даль, 1, 144).

В полном словаре сибирского говора зафиксировано существительное *бурундук* (Сиб., 1, 70). В уральских говорах оно известно с другим значением (Ср. Ур., 1, 61). В других областных словарях не обнаружены никакие однокорневые образования, в т.ч. глагол.

винтарь

С XVII в. известна русскому языку лексема *винтовка*, словообразовательным вариантом которого является наше диалектное *винтарь*² м.р. ‘полуавтоматическая винтовка’, ср. *бич*, *драгунка*, *тозовка*. Производное от *винт* (из нем. *Gewinde* ‘нарезка, резьба’). Литературное *винтовка* известно в русском языке с XVII в., в 1856 г. принято как официальное название военного ручного огнестрельного оружия (Фасмер 1, 317). Функционирующая в наших говорах лексема *винтарь*² в имеющихся в нашем распоряжении исторических и областных словарях не отмечена.

драгунка

С первой половины XVII в. известно русскому языку слово *драгун*, от которого образована наша диалектная лексема *драгунка* ж.р. ‘винтовка с укороченным стволом’ (ср. *бич*, *винтарь*², *тозовка*). Номинатив *драгун* заимствован из романских языков (франц. *dragon*, англ. *dragoon*, нем. *Dragoner* от греч. *δρακων* > лат. *draco* ‘змея’, ‘змея’) (Фасмер, 1, 534–535). В русском языке это слово известно с первой половины XVII в., встречается в «Уложении» 1649 г. (гл. XIX, 11): «а которые стрельцы, и казаки, и драгуны». Прилагательное *драгунский* встречается с 1648 г. (Черных, 1, 265–266).

Лексема *драгунка* в значении ‘сравнительно легкая кавалерийская винтовка, вышедшая из употребления’ в начале нашего века была отмечена в русских сибирских говорах (СРНГ, 8, 169). В других словарях нами не обнаружена.

пистонка

Примерно с XVI–XVII вв. известно русскому языку слово *пистон*, дериват которого *пистонка* ж. р. в значении ‘охотничье пистонное ружье’ (ср. *дробовка*, *кремлевка*, *централка*) функционирует в исследуемых говорах. *Пистон* из франц. *piston* от итал. *pistone* ‘пест, поршень’: лат. *pistare* ‘толочь’ (Фасмер, 3, 268). Возможно, заимствовано в одно время (XVI–XVII в.) с другими словами для обозначения разных ружей. Рассматриваемое слово, вероятно, более позднее и в других диалектах не отмечается. Словообразовательный вариант *пистоновка* известен среднеобским говорам и говорам Среднего Урала (СОС, 2, 104; Ср.Ур., 4, 30).

централка

С XVI в. русскому языку известно слово *центр*, производное от которого известно в изучаемых говорах: *централка* ж.р. ‘двуствольное ружье’ (ср. *дробовка*, *кремлевка*, *пистонка*). *Центр* восходит к нем. *Zentrum* или лат. *centrum* от греч.

III. Лексика

кѣнтров ‘острый колющий конец чего-л.; жало; шпора’ < ‘ножка циркуля’ < ‘центр круга’ < ‘средоточие’. В русском языке с 1731 г., прилагательное *центральный* (> *централка*) более позднее (Черных, 2, 366). В современном литературном языке лексема *централка* в значении ‘то же, что ружье центрального боя’ сопровождается пометой *прост.* Вариант *цендралка* известен русским говорам Приамурья (ПС, 319).

4. Лексика, заимствованная в сибирский период

Отсутствие этой лексики в исторических и областных словарях позволяет локализовать ее не только во времени (с момента переселения семейских), но и ареально (Забайкалье, Приамурье, южные районы Красноярского края) и выделить ее как группу первичных заимствований — т. е. лексем, проникших в русские говоры Забайкалья (в говоры семейских, возможно, из старожильческих говоров) из бурятского языка при непосредственном контактировании при заимствовании реалии (атрибута, процесса и т. д.). Это слова *аргушкин*, *гуран*, *жимбуран*, *жоргол* (*зоргол*), *инзаган*, *кандагай*, *солонгой*, *сырычить*, *тарбаган*, *ургэчить*, *хубурик*, *цынык*.

аргушкин

Лексема *аргушкин* м. р. известна в значении ‘охотничий кожаный ремешок с костяной иглой, на который нанизывается добыча’. По мнению А. Е. Аникина, восходит к бур. *оргобша* или *оргобши* ‘заспинная дощечка для переноски груза’, известного в бурятских говорах, контактирующих с эвенкийскими (16, с.71), ср. бур. тунк. ҮргҮҮбшэ ‘коромысло’ или Үргэбшэ ‘заплечный мешок, ранец, котомка, ноша’, качуг. ‘ремень (у ружья)’, далее к ргэ- ‘поднимать’ (БРС, 510; 17, с.62) (Аникин, 96).

гуран, *гураненок*, *гураний*, *гуранина*, *гураниха*, *гуранка*, *гуранчик*

Поздними русскими хронологическими рамками обозначается появление заимствования *гуран*¹ м. р. ‘дикий козёл, самец косули *Capreolus capreolus pugnargus* Pall’ (см. *козёл*; ср. *лакжой*), который образует МС со своими производными *гуранёнок* м. р., мн. *гуранёнки*, *-ов* и *гуранята*, *гуранят* ‘детёныш гурана, то же, что и *гуранчик* (во 2-ом знач.)’ (см. *инзаган* (в 1-ом знач.), *козленёнок* (в 1-ом знач.); *гураний* ‘относящийся к гурану // сшитый из шкур гурана’; *гуранина* ж. р. 1) ‘мясо гурана’; 2) ‘шкура гурана’; *гураниха* ж. р. ‘самка гурана, то же, что и *гуранка*’ (см. *козлуха*); *гуранка* ж.р. ‘то же, что и *гураниха*’; *гуранчик* м. р. 1) ‘ласк. к *гуран*’; 2) ‘то же, что и *гуранёнок*’.

Предполагается, что лексема *гуран* ‘самец антилопы (*Cervus pugnargus*)’ заимствована из монгольского через тюркское производство (Фасмер, 1, 476; Аникин, 177). В русском языке XIX в. слово *гуран* отмечено как *сиб.*, *монг.* (Даль, 1, 408).

Лексемы *гуран*, *гуранёнок*, *гураний*, *гуранина* в этих же значениях распространены в русских говорах Приамурья (ПС, 66). СРНГ приводит только *гуранина* ‘шкура горного козла (гурана)’ с пометами *сиб.*, *иркут.* (СРНГ, 7, 237). В других имеющихся областных и исторических словарях слова с этим корнем не обнаружены.

жимбуран, *жимбураний*

К этой группе лексики относится существительное *жимбуран* м. р. ‘суслик *Citellus undulatus* (eversmanni?) Pall.’, от которого образовано прилагательное *жимбураний* ‘относящийся к *жимбурану*’. Вместе с ним лексема образует МС.

Займствование из бурятского. В бур. *зумбара*, *зумбара(н)*, *зумара*, *зумари* ‘суслик’ (БРС, 262). А. Е. Аникин уточняет: из бур. вост. источника типа *жумбураа(н)* ‘суслик’ ~ монг. *Зумбара* ~ *Зумбра*, бур. южн. *дзумбураа*, *дзумбараа* то же (Аникин, 213). М. Фасмер относит *джумбура* к тюркским заимствованиям (Фасмер, 1, 511).

На территории Южной Сибири в XIX в. В.И. Далем зафиксировано *джумбура* ‘животное из хомячьей семьи, суслик, евражка’ (Даль, 1, 434). СРНГ приводит варианты *жембура*, *жумбура* (СРНГ, 9, 121, 226). Известна эта лексема и в Приамурье (ПС, 87).

жоргол, *зоргол*

Займствованиями из бурятского языка являются диалектные лексемы *жоргол* м. р. ‘детёныш изюбра после года; то же, что и *зоргол*’ и *зоргол* м. р. ‘то же, что и *жоргол*’. В бур. *зоргол* ‘годовалый изюбр’ (БРС, 256). Лексикализовавшийся вариант *жоргол* в говоре употребляется там, где нет прямого контакта с бурятами (Юмсунова 1992, с.56). Русская форма с ж-, возможно, указывает на исходное монг. *З* (**Зогол?*) > бур. ж-, з-, что объясняет варьирование анлаута в русском (Аникин, 217).

В речи охотников, таким образом, отражается возрастная дифференциация названий детёнышей изюбра.

инзаган, *инзаганчик*, *инзагашка*

К поздним заимствованиям относится слово *инзаган* м. р. 1) ‘детёныш дикой козы’ (см. *гуранёнок*); 2) ‘детёныш изюбра’ (см. *зюбрёнок*). С производными *инзаганчик* м. р. ‘ласк. к *инзаган* (в 1-ом знач.)’ и *инзагашка* м. р. ‘пренебр. к *инзаган* (в 1-ом знач.)’ лексема составляет МС.

Слово *инзаган* заимствовано из бурятского языка — бур. *инзаган* ‘козлёнок дикой козы’, ‘детёныш оленей, лосей, изюбров’ (БРС, 279). Самые разнообразные варианты этой лексемы, которые отражают разные рефлексы монгольского *З* в бурятских говорах (*з / дз / дж / ж*) (Аникин, 230), зафиксированы в русских говорах Приамурья: *инзыган*, *инджиган*, *инжиган*, *инжигаш*, *инжигуш*, *инжигушка*, *инжигушечка*, *инзыгаш* (ПС, 108). Варианты *анжиган / анджиган* (*анджиган* в значении ‘козлёнок козули’) были известны русским говорам Восточной Сибири XIX в. (Даль, 1,17). В значении ‘домашний козлёнок до полугодовалого возраста’ отмечает слово *инзаган* Л. Е. Элиасов (Элиасов, 142). По данным СРНГ, эта лексема в значении ‘молодой, дикий козлёнок, обычно не достигший годовалого возраста’ функционирует в иркутских, забайкальских говорах в форме *инзаган*, в форме *инжиган* в амурских и хабаровских говорах (СРНГ, 12, 200).

кандагай

К этой группе лексики относится лексема *кандагай* м. р. ‘лось, сохатый’ (см. *сохач*). Слово заимствовано из бурятского языка — бур. *хандагай* ‘лось’ (БРС, 546). Ср.: письм.-монг. *qandaγai* (*qangdaγai*) ‘лось’, монг. *хандгай* ‘лось’, калм. *хандһа* ‘лось’. На распространение лексемы *кондалай* в Восточной Сибири указывает В. И. Даль (Даль, 2, 150).

В русских говорах Забайкалья зафиксированы также лексемы *кандак* ‘большой сохатый’ и *хандагаст* ‘лось-самец, находящийся вместе с самкой во время гона’ (Элиасов, 438). Варианты *кондагай* и *кондалай* с теми же значением и территорией распространения отмечает СРНГ (СРНГ, 14, 246).

III. Лексика

Допуская прямое заимствование из бурятского, А. Е. Аникин не исключает и эвенкийского посредства (Аникин, 313).

солонгой

Поздними русскими хронологическими рамками обозначается появление лексемы *солонгой* м. р. ‘хищный зверёк из семейства куньих с шерстью жёлтой или ярко-рыжей окраски (хорёк?)’. *Солонгой* ‘хорёк’ заимствовано из монг. *solunᡔa*, то же калм. *solngo*, тунг. *solongo*, маньчж. *soloᡔi* ‘соболь’ (Фасмер, 3, 713; Аникин, 522–523).

Слово в этом значении зафиксировано в русских говорах Забайкалья (Элиасов, 388), с пометой *сиб. (монг.?)* приводит лексему В. И. Даль (Даль, 4, 267). Номинатив *солонгой* известен русским говорам южных районов Красноярского края (СККю, 358). В значении ‘детёныш хорька’ с пометой *ласк.* отмечена в Приамурье лексема *солонгошечка* (ПС, 281).

сырычить

Вероятно, глагол *сырычить*, несов., неперех. ‘охотиться, устраивая загоны’ (см. *ургэчить*) имеет отношение к бур. *сэрэг* ‘войско, армия’, *сэрэгээр* *буһэлхэ* ‘осаждать с оружием’ (БРС, 404). В говорах старообрядцев является полным синонимом к *ургэчить*¹.

тарбаганий, тарбаганить, тарбаганицик

К этой группе лексики относится существительное *тарбаган*, дериваты которого функционируют в говорах семейских: *тарбаганий* ‘относящийся к тарбагану’, *тарбаганить*, несов., неперех. ‘охотиться на тарбаганов’, *тарбаганицик* м. р. ‘охотник за тарбаганами’.

Фасмер относит слово *тарбаган* к заимствованиям из тюркского, ср. тел. *tarbaᡔan* — то же, калм. *tarᡔaᡔan* — то же (Фасмер, 4, 23). Возможно, это прямое заимствование из бурятского, ср. бур. *тарлай* ‘пестрый, крапчатый’, ‘полоска’ (у тарбагана полосатая шкурка) (Аникин, 556–557).

Тарбаган в бурятском языке ‘степной сурок’ (БРС, 415). На распространение этой лексемы с рядом производных в русских говорах Восточной Сибири XIX в. указывал В. И. Даль (Даль, 4, 391). Забайкальский ареал слов *тарбаганить* и *тарбаганицик* отмечается Л. Е. Элиасовым (Элиасов, 408). Глагол в нашем значении в словообразовательных вариантах *тарбаганить* / *тарбаганничать* известен русским говорам южных районов Красноярского края (СККю, 379).

ургэчить

Производным от бурятского заимствования является глагол *ургэчить*¹, несов., неперех. ‘охотиться, устраивая загоны’ (см. *сырычить*). В бурятском языке *ургᡔᡔхэ* ‘пугать, отпугивать, отгонять, устраивать загон’ (БРС, 510). Калм. *ᡔrge* ‘нагонять страху, пугать’, ‘вспугивать зверей’, письм.-монг. *ᡔrge-* и др. ‘испугаться, шарахнуться (о животном)’, маньчж. (< монг.) *урху-* ‘пугаться, шарахнуться (о лошади)’, др.-тюрк. *ᡔrk-* ‘пугаться’ (Аникин, 612).

Как восточно-сибирское фиксирует слово *ургенчить* В. И. Даль. Оно обозначает ‘облавить, осочать зверя, промышлять облавой’ (Даль, 4, 507). В словаре Л. Е. Элиасова в значении ‘ловить зверя облавой, сетями’ отмечены глаголы *ургенчить* / *ургентничать* / *ургентновать* (Элиасов, 428), в значении ‘охотиться за боровыми птицами’ глагол *ургэчить* (там же).

В говоре старообрядцев заимствования *ургэчить* и *сырычить* стали полными синонимами и означают ‘охотиться, устраивая загоны’.

хубурик

Вероятно, существительное *хубурик* м. р. ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’ (см. *пестун*) также заимствовано семейскими из бурятского. В бур. *хубарил* ‘следование друг за другом’, *хубарилдаха* ‘двигаться друг за другом’, *хубариха* ‘идти следом’ (БРС, 687).

Возможно, имеется в виду то, прошлогодний медвежонок *хубурик* долгое время остается при матери и ходит следом за медведицей и за медвежонком, родившимся в этом году.

цынык

Заимствованием из бурятского является диалектная лексема *цынык* м. р. ‘мерка для пороха, сделанная из козьего рога’. Южнобурятская огласовка бур. *сэнэг* ‘мерка для пороха (у кремневого ружья)’ (БРС, 403) ~ монг. *цэнэг* ‘заряд (ружья, электричества)’ (Аникин, 536–537). Фонетический вариант *сынык* известен русским говорам Прибайкалья (Прибайк., 4, 59).

Итак, рассмотренные нами иноязычная лексика охотничьего промысла говоров семейских в силу различных причин экстралингвистического характера распространена в основном в говорах севернорусского наречия, среднерусского наречия, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Заимствованные лексемы, имеющие только южнорусский ареал распространения: *вендерь*.

Лексемы, распространённые в разных регионах, в т. ч. и южнорусских: *балаган*, *дуванить*.

Заимствованная лексика охотничьего промысла представлена сорока четырьмя лексемами, среди которых выделяются заимствования праславянского, древнерусского, старорусского, русского и сибирского периодов (восемь из них с производными образуют МС). От общего числа лексики исследуемой ТГ иноязычная лексика составляет 36%: это монгольские и бурятские заимствования и (или) их производные (*аргукишин*, *гуран*, *жимбуран*, *инзаган*, *кандагай*, *солонгой*, *тарбаган*, *жоргол* (*зоргол*), *сырычить*, *ургэчить*, *хубурик*, *цынык* и др.) (24 лексемы, 20%); тюркизмы и (или) их производные (*бурундучить*, *дуванить*, *кабарожка*, *калып*, *табори* и др.) (10 слов, 8%); заимствования из уральских языков и (или) их производные (*лабаз*, *копалуха*) (2 лексемы, 1.5%); тунгусо-маньчжурские заимствования (*балаган*); производные от романских и германских заимствований (*винтарь*², *драгунка*, *пистонка*, *централка*) (4 слова, 3%); балтийские заимствования (*вендерь*).

Высокий процент заимствований (36,3% от общего числа лексических единиц, 44,7% от представленных корней) обусловлен спецификой ТГ охотничьего промысла, которая испытала сильнейшее воздействие со стороны сибирских старожильческих говоров и бурятского языка.

Список сокращений

Аникин — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

Арх. — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовоной. М., 1980. Вып. 1.

БРС — Черемисов К. К. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Войтенко — Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1995.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Дон. — Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Вып. 1–3.

III. Лексика

НС — Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

Панин — Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.

Петроченко — Петроченко В. И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск, 1994.

Прибайк. — Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск 1986–1989. Вып. 1–4.

ПС — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1974. Вып. 1–4.

Сиб. — Полный словарь Сибирского говора. Томск, 1991–1995. Вып. 1–4.

СККс — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.

СККю — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1995. Вып. 1–21.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1983–1995. Вып. 1–8.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1996. Вып. 1–30.

Ср.Ур. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1984. Вып. 1–5.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. М., 1986. Т. 1–4.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. М., 1994. Т. 1, 2.

Элиасов — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Н. А. Дарбанова

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ)¹

Говоры семейских² являются вторичными переселенческими русскими говорами Сибири. Они сформировались в XVII в. на разномодальности основе на юго-западе России, на территории Ветки и Стародубья, в соседстве с белорусскими и польскими языками и со второй половины XVIII в. функционируют в Забайкалье, взаимодействуя с русскими старожильческими говорами, северно- и средне-русскими по происхождению, и говорами бурятского языка.

¹ Дарбанова Н. А. Территориально-сопоставительная характеристика экспрессивной лексики говоров забайкальских старообрядцев (семейских) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 5. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2006. С. 104–114.

² *Семейские* — этноним региональной группы русского населения Забайкалья, которая выделяется по признаку конфессиональной принадлежности. Семейские исповедуют древлеправославие и являются потомками старообрядцев, переселенных в XVIII в. в Забайкалье. В настоящее время они компактно проживают в Тарбагатайском, Мухоршибирском, Бичурском районах Бурятии и в Красночуйском районе Читинской области.

Говоры семейских изучены недостаточно: для ученых в первую очередь представляло интерес исследование отдельных свойств лексической и фонетической систем в синхронном и диахронном аспектах, а также выявление материнской основы этих говоров. Однако в последние десятилетия наметились позитивные изменения, в частности опубликованы «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»¹ и монографии, посвященные различным аспектам исследования данных говоров². Тогда же начато изучение экспрессивной лексики говоров семейских (эта проблематика освещается в ряде работ автора данной статьи³).

Цель данной публикации — охарактеризовать экспрессивную лексику говоров семейских в сравнительно-территориальном аспекте и путем сопоставления ареалов определить материнскую территорию изучаемых говоров⁴. Целесообразность обращения к этой проблеме обусловлена традицией диалектологических исследований: как известно, любой факт диалектного языка рассматривается с позиций системного и (или) сравнительно-территориального подходов. Кроме того, ареальная характеристика позволяет более полно представить экспрессивный фонд лексики говоров семейских. Мы исходим из предположения о том, что сравнение ареалов экспрессивных лексических единиц (ЭЛЕ) может подтвердить или опровергнуть сделанный нами ранее вывод о юго-западном происхождении говоров семейских. Он вытекает из сопоставительного анализа фонетических и морфологических элементов говоров семейских с другими диалектными системами европейской части России. По этим признакам обнаружилось сходство говоров семейских с говорами западной и курско-орловской групп южного наречия, межзональными южнорусскими говорами группы А и западными среднерусскими говорами (восточной частью псковской группы говоров, расположенной на территории между Великими Луками и озером Селигер). Кроме того, вероятная генетическая разнородность говоров семейских и большей части других сибирских говоров позволяет предположить, что экспрессивная лексика говора семейских имеет преимущественно узкоареальный характер.

Для определения ареалов ЭЛЕ мы использовали приемы территориально-сопоставительного анализа, который проводился в несколько этапов.

¹ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой; сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1999.

² Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ, 2001; Степанова И. Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идиостиле романов И. Калашникова. Улан-Удэ, 2002; Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М., 2005.

³ Дарбанова Н. А. Материалы к словарю экспрессивной лексики говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск: НГУ, 1998. Вып. 2. С. 143–149; Дарбанова Н. А. К проблеме формирования говоров старообрядцев Забайкалья: ареальная характеристика экспрессивной лексики говоров семейских // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2000.; Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000.

⁴ Ряд выводов по данной проблеме представлен в работе: Дарбанова Н. А. К проблеме формирования говоров старообрядцев Забайкалья: ареальная характеристика экспрессивной лексики говоров семейских // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2000.

III. Лексика

На первом этапе определялись ареалы ЭЛЕ в русских говорах Сибири. Для этого использовались данные сибирских диалектных словарей, сводных словарей¹, лексикографические материалы научных исследований говоров различных территорий Сибири. Критерием отбора лексического материала из региональных словарей служит сходство формы и (или) содержания зафиксированных в них ЭЛЕ с лексемами говоров семейских. Иначе говоря, из словарей были выбраны такие слова, которые по форме и содержанию тождественны (совпадают в плане выражения и в плане содержания) или близки ЭЛЕ говоров семейских (имеют незначительные отличия в плане выражения и (или) плане содержания). К последним относятся лексические единицы, которые можно квалифицировать как фонетические, словообразовательные, морфологические варианты экспрессивных слов говоров семейских при абсолютном или относительном тождестве их значения. При этом семантическая информация сравниваемых лексических единиц может колебаться в определенных границах, не выходя за рамки семантического тождества.

На втором этапе устанавливались ареалы экспрессивных слов, функционирующих в говорах семейских, на европейской части России (использовалась та же методика, что и при определении сибирских ареалов). При сопоставлении лексических единиц говоров семейских и первичных говоров были выявлены полностью и частично совпадающие ЭЛЕ. По количеству общих элементов в сопоставляемых говорах выделены такие диалектные системы, которые обнаруживают значительное сходство состава ЭЛЕ с говорами семейских.

На третьем этапе определялась степень распространения в русских народных говорах лексических единиц, совпадающих по форме и (или) значению с ЭЛЕ говоров семейских, и среди них выделялись общедиалектные, общесибирские и узкорегинальные. При определении общедиалектной лексики мы обращались к толковым словарям литературного языка² и диалектным словарям, поскольку диалектно-просторечная лексика непоследовательно фиксируется как теми, так и другими: в словарях литературного языка слова, распространенные на широкой территории, маркируются неодинаково: используются пометы *обл.* (областное), *прост.* (просторечное), *грубо-прост.* (грубо-просторечное), *разг.* (разговорное).

Обратимся к результатам первого этапа исследования, целью которого являлось установление ареалов ЭЛЕ, зарегистрированных в говорах семейских, на территории Сибири.

Ареальная характеристика и количественное соотношение совпадающих экспрессивных лексем говоров семейских и других русских говоров Сибири представлены в табл. 1, полный вариант которой дан в прил. 1 названной выше кандидатской диссертации автора данной публикации (всего было проанализировано более 800 ЭЛЕ)³. Объем статьи не позволяет привести ее полностью, поэтому

¹ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–2006. Вып. 1–40; Словарь русских говоров Сибири: В 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999. Т. 1.

² Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965; Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987.

³ Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000.

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

ниже в качестве образца представлена часть таблицы и описаны принципы ее организации.

Таблица 1

**ЭЛЕ говоров семейских, совпадающие с ЭЛЕ
других русских говоров Сибири**

ЭЛЕ говоров семейских	ЭЛЕ в русских говорах Сибири												
	Восточносибирские и приамурские говоры						Западносибирские говоры						
	1 па	2 чит.	3 заб.	4 пб	5 ирк.	6 кр.	7 кем.	8 том.	9 алт.	10 нс	11 ом.	12 тоб.	13 тюм.
Алкоголист													
Алочный (1)					+	+			+				
Алочный (2)					+	+			+				
Архидачить													
Балабол													
Балаболить, Ш	+	+	+(ф)	+	+	+(ф)	+	+	+	+	+(ф)	+	+
Балаболка (2), Ш	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Балахлыст / балахрыст (1)				+				+	+				
Балахлыст / балахрыст (2)													
Балахлыстить													
Балахлыстка (1)													
Балахлыстка (2)													
Балмошный		+						+	+				
Балясничать									к(s)				
Браковочный (2)					к(s)					к(v)			
Варнак, ОС				+	+	+		+	+	+			
Ветлый			+(ф)			+(ф)							

При составлении данной таблицы мы сгруппировали русские говоры Сибири по территориальному признаку:

1) *восточно-сибирские и приамурские говоры*: *па* — приамурские, *чит.* — читинские, *заб.* — забайкальские (говоры Бурятии и Читинской области), *пб* — прибайкальские (говоры Кабанского, Прибайкальского, Тункинского районов Бурятии), *ирк.* — иркутские, *кр.* — красноярские;

2) *западносибирские говоры*: *кем.* — кемеровские, *том.* — говоры средней части бассейна реки Оби (среднеобские), *алт.* — говоры Ал тайского края и Республики Горный Алтай, *нс* — новосибирские, *ом.* — омские, *тоб.* — тобольские, *тюм.* — тюменские.

В таблице использованы следующие условные обозначения:

1) + — полностью совпадающие в плане содержания и плане выражения экспрессивные единицы (лексико-семантические варианты слов) лексических систем говоров семейских и других русских сибирских говоров, при этом мы не учитывали различия в семантическом объеме коррелятов, так как они (различия) могут быть вызваны недоста точной полнотой отражения лексико-семантической системы говора в диалектном словаре дифференциального типа,

III. Лексика

например: **ботало** ‘болтун, болтунья’ в «Словаре русских говоров Забайкалья»¹ подается в качестве моносеманта, тогда как по данным словарей в других русских говорах, в том числе забайкальских (в говорах семейских), данная лексема многозначна: 1. ‘колокольчик, подвешиваемый на шею пасущихся животных’, 2. ‘болтливый человек’². Кроме того, мы считаем нерелевантными формальные отличия в орфографической подаче слов (при тождестве значения), которые чаще всего объясняются неодинаковой этимологической интерпретацией: **áлочный** — **алашный**³, **боталить** — **батали**⁴, **валóвый** — **волóвый**⁵, **валóхаться** — **волóхаться**⁶ и др. (здесь и далее первый член пары — ЭЛЕ говоров семейских);

2) **ф** — ЭЛЕ, совпадающие в плане содержания, но имеющие несущественные формальные отличия:

– акцентные, например: **врéда** / **врeдá**;

– фонематические, например: **бала бóлить** / **балабонить**⁷, **балахлыст** / **балахрыст**⁸, **лелекать** / **лелекeть**⁹, **мухлевать** / **мухловать**¹⁰, **скукбóбить** / **скукбóбить**¹¹ и др.;

– морфологические, например: **бáлмошь** (ж. р.) / **балмош** (м. р.)¹²;

– морфолого-словообразовательные, когда в морфемном составе сопоставляемых слов содержатся синонимичные суффиксы, например: **разговорный** / **разговорчатый**¹³, **охрять** / **охреть**¹⁴, **хайлать** / **хайлить**¹⁵, или образованиям с нулевым суффиксом соответствуют слова с материально выраженным суффиксом: **беспутый** / **беспутный**¹⁶ и др.;

3) **с** — ЭЛЕ, совпадающие формально, но имеющие несущественные отличия в значении на уровне денотата. Однако чаще всего такие различия сводятся к разным толкованиям в словарях одного и того же значения, например: **вилючий**

¹ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 68.

² Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979, с.38–39; Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999. С. 20.

³ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 12.

⁴ Словарь южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988. С. 20.

⁵ Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992. С. 55.

⁶ См. там же.

⁷ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с.59.

⁸ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 22.

⁹ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1985. С. 185.

¹⁰ Л.Е. Элиасов. См. там же. С. 216.

¹¹ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 502.

¹² Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–2006. Вып. 2. С. 83.

¹³ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 456–457.

¹⁴ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1985. С. 281.

¹⁵ Полный словарь сибирского говора: в 4 т. / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1991–1995. Т. 4. С. 168.

¹⁶ Иркутский областной словарь: в 3 т. / под ред. Н. А. Бобрякова. Иркутск, 1973–1979. Т. 1. С. 41.

‘лживый, изворотливый, хитрый, умеющий увилывать — уклоняться от чего-л. при помощи лжи, обмана, уловок’ — **вилючий** ‘непостоянный, лживый’¹, **гоношиться** ‘заниматься чем-л., какими-л. хозяйственными делами’ — **гоношиться** ‘суетливо заниматься домашними делами, долго собираться’², **ерестливый** ‘часто ругающийся, сварливый’ — **ересливый** ‘сердитый, раздражительный, склонный к брани’³ и др.;

4) **к** — ЭЛЕ, однокоренным словам, зафиксированным в говорах семейских. Они свидетельствуют о том, что параллель рассматриваемой лексеме потенциально присутствует в данном говоре, но либо не зарегистрирована, либо утрачена:

– **к(с)** — существительные, однокоренные ЭЛЕ говоров семейских; например, прилагательному говоров семейских **браковочный** ‘признаваемый негодным, отвергаемый (о человеке)’ соответствует существительное **браковка** ‘не вышедшая замуж девушка’ в говорах Прибайкалья⁴, **горлохватный** ‘стремящийся к наживе, жадный, наглый’ — **горлохват** ‘нахал, наглый человек’⁵, **пильновать** ‘нежить, заботли во ухаживать за кем-л., лелеять, проявляя особую заботу, оберегая’ — **пильнасти** ‘заботы’⁶, **прилениваться** ‘проводить время в праздности, безделье; лениться, бездельничать’ — **прилень** ‘склонный к лени человек’⁷ и др.;

– **к(в)** — глаголы, однокоренные словам, зафиксированным в говорах семейских: **браковочный** ‘признаваемый негодным, отвергаемый (о человеке)’ — **браковать** ‘пренебрегать’⁸, **песняр** ‘человек, любящий и умеющий петь песни; песенник’ — **песнярить** ‘петь песни’⁹ и др. Мы отмечаем наличие однокоренных единиц только при отсутствии в привлекаемом к анализу словаре слов, полностью или частично совпадающих с соответствующими лексемами говоров семейских;

5) **Ш** — широкоареальные, или общедиалектные слова;

6) **ОС** — общесибирские слова.

Сводные количественные данные, полученные в результате сопоставления ЭЛЕ говоров семейских с экспрессивными лексемами ми других сибирских говоров, обобщены в табл. 2.

Предварительно мы предполагали получить наибольшее количество совпадений экспрессивных слов с территориально близкими русскими говорами Забайкалья, Прибайкалья, а также говорами Приамурья, где живут потомки старообрядцев, переселившихся туда из Забайкалья в XIX в. Наша гипотеза подтвердилась лишь частично. В процессе анализа было выявлено значительное сходство

¹ Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992. С. 52.

² См. там же. С. 68.

³ Иркутский областной словарь: в 3 т. / под ред. Н. А. Бобрякова. Иркутск, 1973–1979. Т. 1. С. 90.

⁴ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 36.

⁵ Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999. Т. 1. С. 68.

⁶ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1985. С. 298.

⁷ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 106.

⁸ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 40.

⁹ Словарь южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988. С. 270.

III. Лексика

экспрессивной лексики говоров семейских с экспрессивной лексикой забайкальских старожильческих говоров Кабанского, Прибайкальского, Тункинского районов Бурятии, что вполне закономерно и обусловлено территориальной близостью, а также с говорами Красноярского края, территория распространения которых значительно удалена от территории функционирования говоров семейских. Причины таких результатов, на наш взгляд, во-первых, лингвистические — следствие неравномерной изученности русских говоров Сибири и неполной представленности их лексического состава в диалектных словарях; во-вторых, экстралингвистические, обусловленные исторической и, возможно, генетической общностью некоторых красноярских говоров с говорами семейских: как известно, на территории Красноярского края проживают выходцы из южных губерний (районов) России — носители говоров, южнорусских по своему происхождению¹.

Таблица 2

Количество ЭЛЕ говоров семейских Забайкалья, совпадающих с ЭЛЕ других русских говоров Сибири

Ареал	Русские говоры Сибири											
	Восточносибирские и приамурские					Западносибирские						
ЭЛЕ	па	заб.	пб	ирк.	кр.	кем.	том.	алт.	нс.	ом.	тоб.	тюм.
Полностью совпадающие с ЭЛЕ в говорах семейских	75	83	119	73	108	18	90	20	90	13	20	8
Частично совпадающие с ЭЛЕ в говорах семейских	6	15	10	6	20	18	8	1	10	–	–	–
Однокорневые ЭЛЕ говоров семейских	2	9	9	3	8	–	2	–	5	1	–	–
<i>Итого</i>	83	107	138	82	136	36	100	21	105	14	20	8

Итак, в результате сопоставительного анализа ЭЛЕ говоров семейских с соответствующими языковыми единицами русско-сибирских говоров выявлено значительное количество лексем, имеющих южнорусский и среднерусский ареалы, причем зарегистрированных на территории Сибири только в говорах семейских. Предварительно мы предполагали получить иное соотношение, а именно большую долю соответствий, так как известно, что экспрессивная лексика имеет интердиалектный характер². Полученные нами данные можно интерпретировать по-разному: по нашему мнению, причины большого количества узкоареальных слов следующие: во-первых, гетерогенное происхождение: говоры семейских имеют иную материнскую основу (южнорусскую) в отличие от большинства русских сибирских говоров; во-вторых, неполное отражение лексического состава говоров в диалектных словарях; в-третьих, непоследовательная фиксация в словарях фактов экспрессивной речи вследствие ее диалектно-просторечного

¹ Словарь южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988. С. 7.

² Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 91.

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

характера; в-четвертых, специфика ЭЛЕ — тенденция к необычности формы и даже «экзотичности», которую создают архаичные аффиксы, экспрессивные наращения основ и т. п. (подробнее об этом см.¹).

С целью определения праосновы говоров семейских и уточнения результатов подобного анализа фонетико-морфологических особенностей мы поэтапно сравнили состав экспрессивной лексики говоров семейских с ЭЛЕ групп говоров европейской части России: среднерусскими, северного наречия и южного наречия, опираясь на данные опубликованных диалектных словарей, в том числе сводных². При этом мы использовали такие же приемы сопоставления, что и при выявлении сибирского ареала ЭЛЕ (см. табл. 1, 2). Обобщенные результаты данного анализа представлены в табл. 3–5.

Таблица 3

Количество ЭЛЕ говоров семейских Забайкалья, совпадающих с ЭЛЕ среднерусских говоров

ЭЛЕ	Группы среднерусских говоров										Всего ЭЛЕ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Совпадающие с ЭЛЕ в говорах семейских	31	–	78	–	23	53	23	16	–	–	224

Примечание. Номера 1–10 обозначены следующие говоры: 1, 2 — западные окающие (1 — новгородские, 2 — гдовские); 3, 4 — западные акающие (3 — псковские, 4 — селигеро-торжковские); 5–7 — восточные (5 — владими́ро-поволжские окающие, 6 — тверские (калининские), 7 — нижегородские (горьковские)); 8 — отделение А (западное), 9 — отделение Б, 10 — отделение В восточных акающих говоров.

Таблица 4

Количество ЭЛЕ говоров семейских Забайкалья, совпадающих с ЭЛЕ севернорусских говоров

ЭЛЕ	Группы говоров севернорусского наречия								Всего ЭЛЕ
	1	2	3	4	5	Межзональные говоры			
						6	7	8	
Совпадающие с ЭЛЕ в говорах семейских	–	68	60	55	24	15	1	1	224

Примечание. Номера 1–8 обозначены следующие говоры: 1 — ладо́го-тихвинские, 2 — вологодские, 3 — кострoмские, 4 — архангельские, 5 — оло́нецкие; межзональные: 6 — онежские, 7 — лачские, 8 — белозерские.

¹ Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000.

² Дарбанова Н.А. См. там же. С. 30–43.

Таблица 5

Количество ЭЛЕ говоров семейских Забайкалья, совпадающих с ЭЛЕ южнорусских говоров

ЭЛЕ	Группы говоров южнорусского наречия								Всего ЭЛЕ
	1	2	3	4	5	Межзональные говоры			
						6	7	8	
Совпадающие с ЭЛЕ в говорах семейских	66	–	22	93	72	6	78	–	337

Примечание. Номера 1–8 обозначены следующие говоры: 1 — западные, 2 — верхнеднепровские, 3 — верхнедеснинские, 4 — курско-орловские, 5 — восточные (рязанские), 6 — межзональные говоры типа А, 7 — межзональные говоры типа Б (тульские), 8 — межзональные говоры типа Б (елецкие, оскольские).

Из табл. 3 следует, что наибольшее количество совпадений зафиксировано между ЭЛЕ говоров семейских и экспрессивами псковских и тверских (калининских) говоров. Заметим, что территориальные пометы в диалектных словарях, как, впрочем, и сами словари, часто ориентированы на административно-территориальное деление, не совпадающее с диалектным членением, что порождает некоторую неточность сведений. Так, дается территориальная помета *калининск.*, *твер.*, однако по территории Калининской области проходит граница между тверскими (калининскими) и селигеро-горжковскими говорами. Поэтому можно считать, что эти результаты не противоречат выводам, сделанным нами при сопоставлении фонетических и морфологических признаков говоров семейских о сходстве и возможном родстве их со среднерусскими западными акающими говорами.

По данным, представленным в табл. 4, значительное количество совпадений отмечается между ЭЛЕ говоров семейских и ЭЛЕ вологодских, костромских, архангельских севернорусских говоров. По нашему мнению, это обусловлено двумя факторами: первоначальной неоднородностью диалектного состава формировавшихся на Ветке говоров и взаимодействием их со старожильческими забайкальскими говорами с севернорусской основой.

Из табл. 5 следует, что наибольшее количество совпадений зафиксировано между ЭЛЕ говоров семейских и экспрессивами южнорусских говоров: курско-орловских, тульских, рязанских и смоленских.

Итак, количественные данные, полученные в результате сопоставительного анализа состава экспрессивной лексики говоров семейских с аналогичной лексикой первичных говоров, показывают, что наибольшее сходство говоров семейских обнаруживается с южнорусскими говорами, особенно с курско-орловскими. Значительно меньше совпадающих ЭЛЕ в северных и среднерусских говорах. Высока степень совпадений ЭЛЕ с тульскими межзональными, восточными (рязанскими), смоленскими (западными) южнорусскими; псковскими и тверскими среднерусскими говорами. Несколько меньше общих экспрессивных лексем с севернорусскими вологодскими, костромскими говорами.

В экспрессивном лексическом фонде говоров семейских Забайкалья выделяются группы с точки зрения распространения ЭЛЕ на «диалектной карте» рус-

ских говоров, точнее, наличия соответствий в других русских говорах (в плане выражения и (или) в плане содержания):

1. Общедиалектные:

1) собственно диалектные — слова широкоареальные, т. е. широкого распространения, известные многим русским говорам европейской части России, Урала, Сибири и Дальнего Востока;

2) диалектно-просторечные — слова широкого ареала, известные почти всем русским говорам, как первичным, так и вторичным, по величине ареала близкие к просторечным лексическим единицам и находящиеся на «стыке» диалектной и просторечной систем, размытость границ между которыми, отсутствие четких критериев дифференциации позволяет рассматривать такие слова в качестве единиц диалектно-просторечного континуума.

2. Общесибирские, зафиксированные как в восточносибирских, так и в западносибирских говорах¹:

1) сибиризмы — слова, употребляющиеся только на территории Сибири;

2) слова преимущественно сибирского ареала, зарегистрированные только в отдельных говорах европейской части России, не имеющие широкого распространения за пределами Сибири и Дальнего Востока.

При квалификации лексики как общесибирской за основу берется «пространственный» показатель — широта охвата диалектного пространства, количественный показатель является дополнительным, поскольку не все русские говоры Сибири описаны лексикографически.

3. Узкорегionalные:

1) слова говоров семейских, не зафиксированные на территории Сибири, но известные отдельным русским говорам европейской части России;

2) локальные слова, ареал которых ограничен говорами семейских, различающиеся по происхождению:

а) исконные;

б) заимствованные из бурятского языка. Количественное соотношение ЭЛЕ говоров семейских и коррелятивных слов других русских говоров Сибири приведено в табл. 6.

¹ К *западносибирским* говорам относятся: *алтайские* — говоры Алтайского края и Республики Горный Алтай, *кемеровские* — говоры Кемеровской области, *новосибирские* — говоры Новосибирской области, *томские* — говоры средней части бассейна реки Оби (среднеобские), *омские* — говоры Омской области, *тюменские* — говоры Тюменской области. К *восточносибирским* говорам относятся: *забайкальские* — говоры Читинской области и Бурятии, *прибайкальские* — говоры Кабанского, Прибайкальского, Тункинского районов Бурятии, *иркутские* — говоры Иркутской области, *красноярские* — говоры южных и северных районов Красноярского края, Хакасии и Пий-Хемского района Республики Тыва. Ареалы восточносибирских и западносибирских говоров выделены с учетом степени охвата лексикографическим описанием сибирского диалектного пространства.

**Количественное соотношение ЭЛЕ разных ареалов
в говорах семейских Забайкалья**

ЭЛЕ говоров семейских	Общее количество	Соотношение, %
Общедиалектные	64	7,5
Общесибирские	37	4,4
Узкорегionalные (семейские)	749	88,1

Анализ показал, что узкорегionalные ЭЛЕ составляют большинство экспрессивного фонда исследуемых говоров.

1. К общедиалектным ЭЛЕ говоров семейских относятся:

1) Диалектно-просторечные экспрессивные моносеманты и экспрессивные ЛСВ полисемантов: **балаболить** 'говорить слишком много, легкомысленно, пустословить', **балаболка** 'о чрезмерно говорливом человеке, пустослове', **биться** 'очень много, напряженно, изо всех сил, усердно работать, обычно без толка или без справедливого вознаграждения за труд', **бросовый** 'негодный, низкого качества (о предмете)', 'неисправимый, ни к чему не пригодный, пропащий (о человеке)', **ворколивый** и **воркливый** 'говорящий раздражительным тоном, негромко и неотчетливо, выражающий недовольство, досаду и т. п.; ворчливый, брюзгливый (о человеке)' и др.

Как отмечено выше, диалектно-просторечные экспрессивы говоров семейских находятся в «зоне пересечения» диалектной и просторечной лексики. Наши наблюдения подтверждают сделанный Л.Н. Храмцовой вывод о том, что «экспрессивная лексика в массе своей выходит за рамки собственно диалекта и находится на границе просторечия»¹. Это «колебание» фиксируют толковые словари русского языка, давая неоднозначные интерпретации таких слов. Например, глагол **гоношиться** 'хлопотливо заниматься чем-л., какими-л. хозяйственными делами' в МАС подается с пометой *простореч. и обл.*², в то же время он зафиксирован во многих сибирских диалектных словарях дифференциального типа³; прилагательное **брóсовый** просторечное⁴, в то же время включается как областное в диалектные словари⁵.

¹ Храмцова Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой 'работать/не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. С. 100.

² Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. Т. 1. С. 330.

³ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983; Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986. Вып. 1; Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1985; Иркутский областной словарь: в 3 т. / под ред. Н. А. Бобрякова. Иркутск, 1973–1979; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–2006; Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 65.

⁵ Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983; Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986. Вып. 1; Словарь русских говоров Но-

2) Собственно диалектные ЭЛЕ, широко распространенные в русских говорах: **лёжень** и **лежень** ‘человек, проводящий время в праздности, безделье, не желающий работать; лентяй, лежебока’ в северных (ярославских, костромских, вологодских, архангельских), южных (смоленских, брянских, курских, орловских, рязанских, воронежских, тамбовских, тульских, калужских), среднерусских (новгородских, псковских, калининских, владимирских) говорах, а также в говорах Урала и Сибири; **набуровить** ‘положить, насыпать чего-л. сверх меры, слишком много’ в северных (костромских), среднерусских (нижегородских), южных (калужских, тульских, рязанских), уральских (пермских), сибирских (омских, красноярских, иркутских) говорах; **пес ельник** ‘человек, любящий и умеющий петь; песенник’, ж.р. — **пёсельница** в северных (ярославских, костромских, вологодских, муромских, архангельских), южных (смоленских, курских, орловских, тульских, калужских и юго-восточных), среднерусских (новгородских, псковских, московских, владимирских, нижегородских) говорах, а также почти во всех уральских, сибирских говорах; **послухмяный** ‘попослушный’ и **непослухмяный** ‘непослушный’ (обычно о ребенке) в северных (костромских, вологодских, северодвинских, олонечских, архангельских), южных (смоленских, курских, калужских), среднерусских (новгородских, псковских, тверских (калининских), московских, владимирских, нижегородских), в уральских и сибирских говорах.

К общесибирским относятся ЭЛЕ: **ба́ский** ‘красивый’, ‘хороший’ в приамурских, прибайкальских, забайкальских, иркутских, красноярских, новосибирских говорах; **большеротый** ‘с очень громким голосом, громкоголосый’ в тюменских, томских, новосибирских, тобольских, красноярских, прибайкальских, приамурских говорах; **бóтало** ‘чрезмерно говорливый человек, пустослов’ в приамурских, прибайкальских, забайкальских, иркутских, красноярских, новосибирских, томских говорах; **га́литься** ‘подвергать кого-л. обидным, злым шуткам, насмешкам; смеяться, насмехаться над кем-л.’ в забайкальских, иркутских, красноярских, новосибирских говорах, ‘причинять страдания, муки, издеваться, глумиться’ в приамурских, прибайкальских, забайкальских, иркутских, красноярских, алтайских, новосибирских, томских говорах; **заполошный** ‘беспокойно-торопливый, суетливый в действиях, легко поддающийся суматохе, панике’ в приамурских, прибайкальских, иркутских, красноярских, новосибирских, томских, тюменских говорах; **кулема** ‘ленивая, неряшливая женщина (девушка)’ в прибайкальских, иркутских, красноярских, новосибирских, тюменских говорах; **манту́лить** ‘работать много, напряженно, изо всех сил, обычно без толка, пользы для себя или без справедливого вознаграждения за труд’ в приамурских, прибайкальских, забайкальских, иркутских, красноярских, томских говорах; **пону́жать**, сов. **пону́жнуть** ‘ударять (ударить) с силой кого-л.’ в прибайкальских, иркутских, красноярских, кемеровских, новосибирских, томских, тобольских говорах и др.

ЭЛЕ говоров семейских общесибирского распространения с точки зрения их происхождения разделяются на следующие разновидности:

1) севернорусские или северно- и среднерусские; например, слово **варна́к** в первичном значении ‘человек, бежавший с каторги, каторжник’ известно в ко-

восибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–2006.

III. Лексика

стромских, оренбургских, псковских говорах, вторичные его значения ‘озорник, шалун’, ‘хулиган’ уже развились в Сибири; **га́литься** — в архангельских, новгородских говорах; **гоноши́ться** — в архангельских, вятских говорах; **изва́живать** — в костромских, вятских, псковских говорах; **исповáдить** — в костромских, вологодских, вятских говорах; **манту́лить** — в горьковских (нижегородских) говорах; **пону́жнуть** — в архангельских говорах;

2) слова, широко распространенные в русских сибирских говорах, возникшие на территории Сибири и не имеющие соответствий в материнских говорах: **заполóшный**, кроме сибирских говоров, зарегистрировано в уральских (свердловских) говорах; **изнахра́тить** — в сибирских, уральских говорах и др.;

2. К узкорегинальным экспрессивным лексемам, употребляющимся только в говорах семейских, не имеющим соответствий в других русских говорах Сибири, относятся:

1) ЭЛЕ преимущественно южнорусского и (или) среднерусского ареалов. Отсутствие соответствий таким словам в русских говорах Сибири обусловлено тем, что русские старожильческие говоры Сибири в основном имеют иную генетическую основу — севернорусскую; например, лексема **бестолмачный** ‘неумелый, бестолковый, ни на что не способный, а также умственно ограниченный, недоразвитый (о человеке)’ имеет соответствия только в южнорусских (курских, тульских) говорах; **вётлый** ‘приветливый, общительный, вежливый’ — в южных (смоленских, калужских) и среднерусских (псковских, тверских) говорах, в сибирских говорах зарегистрированы однокоренные **вётменный** в забайкальских, **ветля́ный** в красноярских; **воловодить(ся)** ‘затягивать исполнение чего-л., медлить с чем-л.; попусту тратить время’ — в смоленских, курских, орловских, воронежских, тульских, калужских говорах; **кукобить** ‘копить, запасать, экономить; умело вести хозяйство, радеть о нем’ — в курских, воронежских, брянских, донских говорах; и др.;

2) Локальные ЭЛЕ, зарегистрированные только в говорах семейских, не имеющие соответствий в говорах европейской части России и Сибири:

а) исконные: **бамла́к** 3. о неопрятном, грязном, оборванном человеке (чаще о мужчине); **белковáть** ‘вести безнравственный образ жизни; предаваться разврату; быть ветреным, легкого поведения’; **белко́вый** 2. ‘ведущий безнравственный образ жизни; склонный к разврату; ветренный, легкого поведения’; слова с декомпонизированными или деформированными структурными элементами морфемного состава: **бастáт** ‘тот, кто буйствует, скандалит; буйан, дебошир’; **загамагы́рить** ‘начать пить алкогольные напитки в большом количестве, войти в запой’; **лупсэ́ндить** ‘сильно бить, колотить кого-л.’; и др.;

б) заимствованные из бурятского языка и переосмысленные экспрессивные глаголы: **архидáчить** ‘пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переходя из одного дома в другой’; **мыдыковать** 2. ‘много знать, помнить’ (производные **мыдыковатый**, **мудуховатый**); **хала́кать** 2. ‘говорить невнятно, неразборчиво’; **худла́рить** ‘обманывать, хитрить, лгать’; прилагательное **хамунный** 2. ‘нечистоплотный, грязный, неряшливый’; существительные **жимбура́** о ловком, проникающем всюду путем хитрости, ловкости, обмана человеке; **тала** о недалеком, глупом, бестолковом человеке; **тыкэн** 2. о безнравственном, похотливом, развратном человеке, ведущем себя подобно *тыкёну* — некастрированному самцу домашней козы; **тымэн** 2. о недалеком, глупом, бестолковом человеке.

Итак, своеобразие говоров семейских проявляется также в том, что в них преобладает локальная лексика, зафиксированная на территории Сибири исключительно в районах проживания семейских и имеющая соответствия только в первичных говорах. Примечательно, что в говорах семейских ЭЛЕ, заимствованных из бурятского языка, немного — всего около 1%. Невелико количество диалектно-просторечных ЭЛЕ.

Таким образом, сопоставление ЭЛЕ говоров семейских с ЭЛЕ первичных русских говоров подтвердило наши выводы о юго-западной праоснове говоров семейских Забайкалья, о родстве их с курско-орловской группой южных говоров и псковской западной группой среднерусских говоров. Этот вывод согласуется с результатами сопоставления фонетических, морфологических признаков говоров семейских с соответствующими признаками первичных говоров: нами выявлено сходство говоров семейских с западной, курско-орловской группами говоров южного наречия, межзональными южнорусскими говорами группы А и западными среднерусскими говорами (восточной частью псковской группы говоров, расположенной на территории между Великими Луками и озером Селигер).

Экспрессивная лексика как фрагмент лексического состава говоров семейских является свидетельством того, что они сформировались на разнодиалектной основе ветковских говоров, процесс образования которых происходил следующим образом: на базисную систему, очевидно, юго-западную, насаивались элементы диалектных систем других территорий, преимущественно соседних, т. е. южных и западных среднерусских. Факт первичности юго-западной основы подтверждается сохранностью в говорах семейских лексических единиц, имеющих соответствия с ЭЛЕ южнорусского ареала, с польским (**гамбить**, **туманить** и др.), белорусским (**бадяга**, **бадяжник**, **начиниться** и др.), украинским (**шкандыбать** и др.) языками. Такие ЭЛЕ не зафиксированы в старожильческих говорах Забайкалья. Это позволяет нам отнести экспрессивные слова южнорусского ареала, не отмеченные в известных нам лексикографических описаниях сибирских говоров, к более раннему пласту лексики, характеризующему материнскую основу говоров семейских.

ЭЛЕ севернорусского происхождения могли войти в состав говоров либо на Ветке, либо позднее в Сибири при взаимодействии со старожильческими говорами; к последним относится лексика общесибирского распространения (в первую очередь сибирские ризмы).

Лексика говоров семейских, как наиболее подвижный пласт языка по сравнению с фонетической и грамматической подсистемами, претерпела значительные изменения, подвергшись существенному влиянию извне со стороны старожильческих говоров Забайкалья. Вследствие этого в говорах семейских представлены экспрессивные лексемы как южнорусского, так и севернорусского ареалов. Кроме того, такая неоднородность экспрессивной лексики обусловлена смешанным характером сформировавшихся на Ветке говоров, отличавшихся сложностью первоначального состава.

Анализ экспрессивной лексики говоров семейских в сравнительно-территориальном аспекте показал, что в исследуемых говорах преобладают южнорусские по происхождению ЭЛЕ, не имеющие соответствий в русских говорах Сибири. Такое количественное доминирование экспрессивов, общих с южнорусскими говорами, нехарактерно для номинативной (экспрессивно нейтральной)

III. Лексика

лексики говорам семейских, которой свойственно противоположное соотношение, при котором севернорусские по происхождению слова численно превосходят южнорусские (по результатам исследования номинативной лексики, выполненного с применением этой же методики¹). Очевидно, что такой баланс южно- и севернорусских ЭЛЕ — явление, присущее говорам семейских на данном этапе развития, и в дальнейшем соотношение может измениться. Сделанный другими диалектологами вывод о нерелевантности для диалектной экспрессивной лексики противопоставления севернорусский — южнорусский² в следствие ее интердиалектного характера на нашем материале подтверждается лишь частично. Эти выводы верны по отношению к широкоареальным ЭЛЕ, которые являются словами переходного типа, т. е. располагающимися на «стыке» диалектной и просторечной подсистем русского языка. Для таких ЭЛЕ характерна тенденция к «экспансии» территории — расширению ареала вплоть до перехода в просторечие. Однако возможно движение в противоположном направлении — сужение (минимизация) территории, переход в пассивный запас вплоть до полного исчезновения слова. В говорах семейских действуют обе эти тенденции: результатом первой является постепенное проникновение обще сибирских и общерусских просторечных и диалектных ЭЛЕ в речь старообрядцев, результатом второй — наличие значительного количества узкоареальных ЭЛЕ. При этом влиянию первой тенденции противодействует генетическая разнородность взаимодействующих говоров (семейских и старожильческих). Сохранность южнорусских экспрессивных слов в говорах семейских, несмотря на ассимилирующее воздействие инодиалектной и иноязычной среды, обусловлена культурно-бытовой обособленностью забайкальских староверов, существовавшей в течение длительного времени, а также самой сутью старообрядчества — обращенностью к «старине».

¹ Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М., 2005. С. 117–136.

² Храмцова Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой 'работать/не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. С. 100–101.

Н. А. Дарбанова

**НАИВНАЯ ГЕОМЕТРИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ БУРЯТИИ:
КРУГЛОЕ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

Наивная геометрия реальной действительности является существенной частью пространственного постижения мира и характеризуется через геометрические понятия: угол, круг, квадрат и др.

Цель статьи — рассмотреть пространственные значения прилагательного *круглый* в русских говорах Бурятии и отражение в его семантике некоторых специфических для русской традиционной народной культуры представлений о форме объектов.

Источником фактического материала для нашего исследования послужили «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья², «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье»³, а также записи речи семейских, сделанные автором в диалектологических экспедициях с 1991 до 2015 г. Семейские — представители одной из групп русского населения Бурятии и Забайкальского края, потомки старообрядцев, переселенных в XVIII в. из районов юго-западной России, находящихся недалеко от городов Гомеля и Стародуба, на территорию Восточной Сибири. Кроме говоров семейских, в Бурятии существуют русские старожильческие говоры, которые занимают большую территорию по сравнению с говорами семейских, оказывая на них сильное влияние.

Круг является ключевым символом почти во всех национальных культурах и отражается в языке, мифологии, искусстве, обрядовой традиции, предметах быта и культа, поэтому этой геометрической фигуре посвящено достаточно много исследований этнографов, культурологов, лингвистов и др.: О. В. Беловой⁴, Ю. В. Гринкевич⁵, Н. Б. Мечковской⁶, А. Н. Мухачевой⁷, Ю. Д. Тильман⁸,

¹ Дарбанова Н. А. Наивная геометрия русских говоров Бурятии: круглое в восприятии носителей народной культуры // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 167–171.

² Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др.; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

³ Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.

⁴ Белова О. В. Круг // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 2004. Т. 3.

⁵ Гринкевич Ю. В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале пространственно-геометрических концептов круг и квадрат): автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2006.

⁶ Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: Концепты 'круг', 'колесо' и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.

⁷ Мухачева А. М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.

⁸ Тильман Ю. Д. Пространство в языковой картине мира Ф. И. Тютчева (концепт круг) // Логический анализ языка: Языки пространств.

III. Лексика

В. Н. Топорова¹ и др. Прилагательное *круглый* репрезентирует представления о круге, поэтому мы обращаемся к исследованию значений этой лексемы, опираясь на данные речи жителей Бурятии, носителей современных русских говоров, а также материал словаря, отражающего русскую речь XVIII в. в Забайкалье.

В современном литературном языке семантика лексемы *круглый* такова: 1. Имеющий форму круга или шара; 2. Полный, совершенный; 3. Считаемый, вычисленный без дробных, мелких единиц счета; 4. О мере времени: весь, целый².

В русских говорах Бурятии прилагательное *круглый* имеет значения:

Имеющий форму круга или шара или близкую к ним форму: *Бруква крупная: до двух-трёх килограмм доходить. Така круглая, белая* (Бич., Бич.); *У холодочке округ дома бичирики* (гриб шампиньон, печерица) *растуть. Белый, толстый, круглый, ножка с палец* (Шарал., Мухор.); *Круглый пирок пяку, с ягодам: там брусники, малины накладёшь. Да кака ягода есь, тую и кладёшь, варенне, како есь, то и мажешь* (Шал., Тарб.).

Имеющий форму круга в поперечном сечении; округлый, имеющий форму цилиндра, конуса или близкую к ним: *Это вырубают в бревне паз и кладут друго бревно, как есь, круглый* (Б. Кун., Тарб.); *Паз-то под круглое бревно навроде чаши получается. Следующее бревно вроде у чашу кладёшь* (Б. Кун., Тарб.); *И матка кругла, на которой потолок держится* (В. Жир., Тарб.); // *Сделанный из чего-либо, имеющего округлую форму: из бревен, жердей и т. п.: У нас в доме ишо круглый потолок, это из неколоных* (не расколотых вдоль ствола) *брёвен. Дом-то давно строился* (В. Жир., Тарб.); *Стены в избе ровные, гладкие, а от потолок-то круглый и остался. <...> А евон скоба в потолке — для люльки, она раньше висела* (В. Жир., Тарб.).

Расположенный по кругу, круговой: *Лестоука* (старообрядческие четки) *у кажного есь, а как жа. Уж мы без няё никак ня можем. Она круглая сама и бобочки тожа круглые. У ей бобочки, их с палочек настрогашь, вот и круглые. И молишья по ей, быдто по кругу идёшь* (Дес., Тарб.).

Цельный, неразрезанный, не разделенный на части: *Я уж вам круглой картошты сварю, чтоб побыстрей, от токо начишишу... Да варють-то круглую картошку просто: почистють яё, водой зальють, посолють и ждуть, коды она скипить* (Бич., Бич.).

Имеющий квадратную, четырехугольную форму: *Было у нас два круглых дома уверьху. Они и сичас есь. Крыша-то круглая — четыре ската у ей, а сам-то он квадратный. Такой дом трудно делать, его только богатые строили* (Над., Тарб.); *Круглая крыша — на все четыре стороны, фронтон не закрывать чтоб* (Дес., Тарб.); *Платок круглый купила. Да вот он* (показывает платок, имеющий форму квадрата). *Есть косинки, они быдто уголком, а этот платочек круглый* (Шал., Тарб.).

Полностью обладающий каким-либо качеством, свойством: *Круглый дурак, хворменный дурак, и как яго земля носить. Вот с имя бы ты уж намучилась-то* (Шал., Тарб.).

¹ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983; Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1994. Т. 2.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 309.

О мере времени: весь, целый: *В анбаре зерну ничё не случится. Там и дож не попадётся. Круглый год там яго хранили* (Н. Брянь, Заигр.).

Такие же значения зафиксированы нами и в старожильческих говорах Бурятии.

Пространственные и непространственные значения слова *круглый* в русских говорах Бурятии, в целом совпадая с отмеченными в литературном языке, имеют некоторые отличия.

В наивной геометрии говоров круглыми являются предметы реальной действительности, имеющие форму, близкую к таким геометрическим фигурам, как круг, окружность, шар (или сфера), цилиндр, конус, квадрат.

Для говоров и в целом для русского языка не существенна заполненность / незаполненность внутреннего пространства окружности, отличающая в геометрии фигуры круга и окружности. Носители русских говоров Бурятии (и говоров семейских, и старожильческих) считают круглыми объекты, близкие по форме к окружности и кругу: *лестовку* 'старообрядческие четки', *венок* и *круговик*, *круг* 'круглый половик, связанный или сшитый из нарезанных полос ткани' и др.

В русских говорах Бурятии, как и в целом в русском языке, называются круглыми объекты, имеющие форму круга в поперечном сечении: цилиндрические, конусовидные: например, бревно, стакан и т. п. Очевидно, в данном случае для языкового сознания существенны закругленность, округлость формы объекта, отсутствие углов и граней, за исключением квадратных объектов. Так, например, круглые стаканы противопоставляются *гранатым* (граненым): *Ставь гранатые, круглые не надо* (о стаканах) (Шал., Тарб.); круглое бревно противопоставляется бревну *гранатому* — бросу (Мих., Киж.). В рязанских говорах также отмечается близкое значение прилагательного *круглый* 'неграненый, необработанный (о янтаре)'¹.

Объекты, имеющие квадратную, четырехугольную форму (дом, крыша, платок и др.), также осознаются забайкальскими старообрядцами и старожилками круглыми. Такое восприятие является специфическим для русской диалектной среды. Исследователи неоднократно отмечали употребление в народной речи лексемы *круглый* для именованья предметов такой формы: *круглый четырехугольник* 'квадрат'; *круглая десятина* 'десятина по 50 или 60 сажень в стороне'; *круглый дом*, *круглая изба* 'чистая изба, на две половины, с сенями'²; *круглый* 'квадратный' в самарских, ставропольских, ярославских, псковских, томских говорах; *круглая десятина* 'мера земли в 3600 сажень (60 саж. × 60 саж.)', 'мера земли в 2500 сажень' в тобольских говорах; *круглый дом* 'дом с квадратным основанием' в ярославских, донских, ставропольских, уральских, новосибирских, томских, приангарских говорах; 'дом с четырехскатной крышей' в донских, новосибирских, иркутских, томских говорах, русских говорах Бурятии; 'дом, разделенный внутри крестообразной перегородкой на четыре комнаты' в донских, среднеуральских, новосибирских, томских говорах; 'пятистенок с четырехскатной крышей' в подмосковных говорах; *круглая изба* 'то же, что круглый дом' в западносибирских, иркутских, донских говорах; *круглая крыша* 'четырёхскатная

¹ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л., 1979. Вып. 15. С. 300.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. II. С. 200.

III. Лексика

крыша' в смоленских, донских, среднеуральских, новосибирских, омских, томских, красноярских говорах и говорах Среднего Прииртышья¹. Прилагательное *круглый* в значении 'квадратный' зафиксировано в самарских, ярославских, томских говорах².

В древнерусском языке *кругъ* известен с XI в., прилагательное *кругль*, *круглый* — с XIII в.³ В XI–XVII вв. в русском языке слово *круглый* было известно в значениях 'круглый; округлый', 'спиральный, винтовой (о лестнице)', 'расположенный по кругу, круговой', а также 'имеющий квадрат в основании; квадратный' (примеры, иллюстрирующие последнее значение, приведены из Архангельской летописи 1492 г. и Порядной 1652 г.); устойчивые словосочетания *круглая верста*, *десятина*, *сажень* — в значении 'квадратная верста, десятина, сажень (количество круглых верст, десятин, сажень при измерении площади вычислялось путем деления полупериметра на два)' (примеры словоупотребления, приведенные в словаре, относятся к 1629, 1632, 1680 гг.)⁴.

Круг и *круглый* восходят к общеславянскому корню *krǫg-⁵; имеют индоевропейские соответствия, объединенные общей формой *krengh(h), трактуемой как расширенная глагольная основа *(s)kr-en-g(h) 'крутить, кружить, гнуть'⁶. Лексические единицы разных языков, восходящие к этой основе, связаны с идеей круга, кольца: в др.-в.-нем., др.-сакс. hringon 'образовывать круг', др.-в.-нем. hring, нем. Ring 'кольцо', умбр. krenkatrum, cringatro 'повязка, опоясывающая плечо, cinctum'⁷. То же и в русском языке; а идея квадрата, сопряженная с идеей круга, в настоящее время реализуется только в русской народной речи в словосочетаниях типа *круглая изба*.

Это объясняется тем, что в русском языке слово *квадрат*, иноязычное по происхождению, появилось достаточно поздно, в XV–XVIII вв.: *квадратум* отмечен И. И. Срезневским в памятнике 1499 г., *квадрат* — Н. А. Смирновым в тексте XVIII в., *квадратный* — И. Нордстетом в памятнике XVIII в., 1780 г.⁸; судя по данным словаря В. И. Даля, очевидно, до этого времени для обозначения предметов такой формы использовались словосочетания с прилагательным *круглый*⁹, употребляющиеся в народной речи и до сих пор.

Можно предположить, что основанием для возникновения значения 'квадратный' у лексической единицы *круглый* является сходство в восприятии русского человека равносторонности квадрата и равноудаленности точек границы круга от

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 15. С. 300.

² Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1987. Вып. 13. С. 24.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 1958. Т. 1. С. 1332–1334; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 446.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. Ф. П. Филина, Г. А. Богатовой. М., 1981. Вып. 8. С. 80–81.

⁵ Этимологический словарь славянских языков... Вып. 13. С. 24; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 446.

⁶ Этимологический словарь славянских языков... М., 2005. Вып. 31. С. 26–27.

⁷ Там же.

⁸ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 390.

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. С. 102, 200–201.

его центра. Это свойство воспринимать квадратное в качестве круглого можно интерпретировать как отражение русской специфики и циклического («кругового») характера русской культуры¹.

Употребление *круглый* при характеристике некруглых предметов, в частности углов деревянных построек, отмечалось на территории Забайкалья в XVIII в., судя по данным памятников письменности. По свидетельству «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье», в речи русских жителей Бурятии XVIII в. употреблялось словосочетание *круглый угол*: *Углы у онаго анбара рубить круглые* (ф. 88, 1784)². В словаре дается значение ‘способ соединения бревен в деревянной постройке, при котором делалось чашеобразное углубление’. Возможно, в дефиницию устойчивого сочетания *круглый угол* в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» можно было бы включить дополнительную информацию о выступающих наружу концах бревен: ‘способ соединения бревен в деревянных постройках, при котором в бревнах делается чашеобразное углубление и их концы выступают наружу’, поскольку название *круглый угол* мотивировано и округлой формой выемки, которая вырубалась в бревнах, и круглой формой наружных выступов. Причем, скорее всего, именно внешний вид угла сруба определил его характеристику *круглый*. Так, в говорах семейских *круглый* имеет одно из значений ‘имеющий форму круга в поперечном сечении; округлый, имеющий форму цилиндра, конуса или близкую к ним’, и внешний вид в этом случае является определяющим. В других русских говорах: архангельских, брянских, томских — словосочетание *круглый угол* также употребляется в значении ‘внешний угол дома, имеющий выступ на четверть аршина’: *В замок и в лапу, и круглый угол рубят, кто как хочет*³.

Кроме того, в русских говорах употребляется наречие *в обло* в значении ‘в строительстве крестьянских изб — способ рубки углов, заключающийся в том, что бревна связываются в простой угол с четким чередованием комля и вершины’ Бурнашев [без указ. места], Островский [без указ. места], 1856. Приангар., 1971⁴. В «Словаре архитектурно-строительных терминов» приводится следующее толкование: «В обло (в чашу) — снизу вдоль вышележащего бревна вырубается полукруглая выемка по диаметру нижележащего бревна. В углах торцы бревен выходят за плоскость перпендикулярной стены. Чаша выбирается в половину бревна»⁵. Русским говорам известно прилагательное *облый* ‘круглый’: курским, тамбовским, донским, уфимским, томским, сибирским, *облое дерево*, *облые дрова* ‘нераспиленные, нерасколотые дрова’ — обоянским, ‘выпуклый, рельефный’ — курским; *облое изваяние*. *Облое изваяние на камне*. Даль (без указ. места), а также пермским говорам; При обработке корневищ, столбов, подпорок и балясин применяется резьба уже другого порядка — скульптурно-объемная, или «облая» — северным говорам; *облой мерой* ‘о мере срубленного, но нераспилен-

¹ Вывод о циклическом характере русской культуры сделан в: Гринкевич Ю. В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах...

² Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. С. 486.

³ Словарь русских народных говоров. Вып. 15. С. 301.

⁴ Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 104–105.

⁵ Словарь архитектурно-строительных терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/272>

III. Лексика

ного леса, неколотых дров' Даль (без указ. места)¹. В *обло* родственно прилагательному *облый* 'имеющий форму круга, шара, сферы; напоминающий по форме круг, шар, сферу', 'имеющий закругленные формы, округлый' и др., наречию *обло* 'в виде сферы', с XII–XIII вв. известным в древнерусском языке², в наше время сохранившимся только в диалектной речи. Следовательно, угол, рубленный в *обло*, — *облый*, то есть круглый, значит, можно предположить, что *круглый угол* — это угол бревенчатого сруба, в котором бревна соединяются при помощи чашеобразной выемки, вырубленной в них, а также имеют выступающие торцы.

Эти примеры наглядно демонстрируют специфику восприятия круглых объектов носителями русских говоров: угол считается круглым, потому что наиболее заметные его части — выступающие концы бревен — круглые на спиле, а также в них вырубается округлые выемки. Характеристика формы деталей этого объекта распространяется на характеристику всего объекта. Причем обычному носителю говора могут быть неизвестны детали строительства дома и способа рубки углов, поэтому считаем, что именно внешний вид угла с выступающими круглыми торцами бревен мотивирует наименование такого угла как круглого.

Таким образом, анализ лексического значения прилагательного *круглый* русских говоров Бурятии позволяет нам выявить некоторые признаки пространственных представлений о круглом в наивной геометрии русской языковой картины мира:

приблизительность, схематичность в определении формы предметов, в целом свойственная языку, языковой картине мира в отличие от научной картины мира; двумерность трехмерных форм, обусловленная особенностью зрительного восприятия;

существенность отсутствия граней, острых углов для дифференциации круглого от некруглого и противопоставленность круглого объектам с гранями, с углами, за исключением квадратных объектов;

сходство равноудаленности точек границ круга от его центра и равносторонности квадрата;

значимость визуального восприятия при определении формы предмета: перенос на целое (т. е. на угол) свойств зрительно воспринимаемых частей угла в срубе — выступов, имеющих круглую форму среза.

Список географических названий Республики Бурятия

Бич., Бич. — с. Бичура Бичурского района.

Б. Кун., Тарб. — с. Большой Куналей Тарбагатайского района.

В. Жир., Тарб. — с. Верхний Жирим Тарбагатайского района.

Дес., Тарб. — с. Десятниково Тарбагатайского района.

Мих., Киж. — с. Михайловка Кижингинского района.

Н. Брянь, Заигр. — с. Новая Брянь Заиграевского района.

Над., Тарб. — с. Надеино Тарбагатайского района.

Шал., Тарб. — с. Шалута Тарбагатайского района.

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 22. С. 144

² Этимологический словарь славянских языков... Вып. 31. С. 125.

Н. А. Дарбанова

**ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ)¹**

Экспрессивные лексические единицы (ЭЛЕ) являются ценным источником для воссоздания фрагментов языковой картины мира (ЯКМ): они служат носителями и индикаторами культурной информации, репрезентируют фрагменты национальной ценностной картины мира. ЭЛЕ выражают субъективно-оценочное отношение человека к действительности, поэтому лингвокультурологический анализ экспрессивной лексики помогает выявить специфику мировидения диалектоносителей, обнаружить представления о конкретных объектах действительности и о мире в целом. Выявление образов, лежащих в основе семантики экспрессивов, позволяет понять ассоциативные процессы, происходящие в сознании говорящих.

Цель статьи — проанализировать образы движения, лежащие в основе некоторых ЭЛЕ говоров забайкальских старообрядцев (семейских)², и описать фрагмент ЯКМ, связанный с существующими в их сознании представлениями о не-векторном движении. Под векторным движением мы понимаем направленное поступательное движение по прямой линии³, под не-векторным — движение по кривой линии (замкнутой или незамкнутой): вращательное (кругообразное, спиралевидное), колебательное, зигзагообразное, нецеленаправленное хаотическое движение.

Модели семантического развития слова, при которых происходит метафорическое переосмысление представлений о движении, в целом продуктивны. Исследователи неоднократно, прямо или косвенно, обращались к проблеме метафоризации движения, привлекая к анализу факты литературного языка, просторечия и говоров [Анштатт, 1999⁴; Апресян, 1995⁵; Лейвен-Турновцова Й. ван, 1999⁶; Галинова, 2000¹; Левонтина, Шмелев, 2005²; Мечковская, 2000³; Филипенко, 2000⁴; и др.].

¹ Дарбанова Н. А. Образы движения в языковой картине мира старообрядцев Забайкалья (на материале экспрессивной лексики) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 7. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2008. С. 10–15.

² *Семейские* — наименование группы русского населения Забайкалья, принадлежащих к древлеправославию. Они являются потомками старообрядцев, переселенных в Сибирь из юго-западных районов европейской части России во второй половине XVIII в.

³ Идея векторности движения высказывалась в научной литературе, в частности в работе, посвященной метафоре пути [Филипенко, 2000].

⁴ Анштатт Т. Стремление к лучшему: семантическое поле движения как база для выражения оценки // Логический анализ языка: языки динамического мира: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна, 1999. С. 491–505.

⁵ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка // Избр. тр. М., 1995. Т. 1.

⁶ Лейвен-Турновцова Й. ван. Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка: языки динамического мира: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна, 1999. С. 360–375.

III. Лексика

Наряду с процессами перемещения в пространстве и позиционирования, движение является процессом, связанным с динамическими пространственными отношениями⁵. Его суть заключается в переходе из одной точки пространства в другую точку, в изменении местоположения в пространстве⁶. Движение как физический процесс обладает множеством признаков, однако языковое сознание вычленило лишь некоторые аспекты этого целостного процесса, они фиксируются в семантике лексических единиц (ЛЕ): например, 'субъект движения', 'интенция', 'направление', 'цель', 'способ', 'кратность', 'среда', 'плоскость' ('горизонталь' / 'вертикаль'), 'траектория' и др.

Семантические признаки отражают свойства движения, находящиеся в оппозиции друг к другу: например, признак 'направление движения' имеет свойства однонаправленность / неоднаправленность, векторность / невекторность, упорядоченность / хаотичность; признак 'кратность' — однократность (разовость) / многократность (повторяемость); 'скорость' — длительность (протяженность во времени) / недлительность (кратковременность); 'плоскость передвижения' — горизонтальность / вертикальность и др.

Данные аспекты движения отражаются в значениях ЛЕ и становятся источником для развития вторичного оценочного значения.

В диалектно-просторечной лексике семейских при метафорическом переосмыслении наименований невекторного движения происходит взаимодействие семантических сфер «движение», «говорение», «поведение». Метафоризация осуществляется по следующим моделям: «движение» → «характеристика процесса речи», «движение» → «характеристика поведения».

«Движение» → «характеристика процесса речи»

В ЭЛЕ вербализуется оценка речевой деятельности, речевых поступков и речевых способностей. При характеристике речи релевантны количественный и качественный параметры: соответствие объема текста и информации, содержательность, истинность, логичность изложения и др. Идея движения, не имеющего векторную направленность, а также колебательного и вращательного движений, связана с идеей многословия, лживости, эту модель реализуют экспрессивы

¹ Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значением 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

² Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 76–95.

³ Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты 'круг', 'колесо' и их отрицательно-оценочные экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: языки пространств: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М., 2000. С. 299–307.

⁴ Филипенко М. В. Следы «пути» в высказывании // Логический анализ языка: языки пространств: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М., 2000. С. 308–314.

⁵ Тошович Б. Глаголы каузации положения в пространстве // Логический анализ языка: языки пространств: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М., 2000. С. 163.

⁶ Петкова-Калева С. Глаголы приближения в русском и болгарском языках // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: сб. ст. Шумен, 2003. Вып. 2.

говоров семейских. Многословие и пустословие предполагает несоответствие объема информации речи ее содержанию, и такое речевое поведение уподобляется колебательному и вращательному движениям, суть которых состоит в перемещении из одной крайней точки в другую и обратно, непродуктивном с точки зрения продвижения и изменения местонахождения. Кроме того, в основе ассоциативной связи данных действий лежат такие семантические признаки исходного значения, как ‘многократность’, ‘повторяемость’ и ‘каузированность’ движением объекта. Например: *трепаться* ‘колебаться от движения воздуха’ → перен. ‘говорить слишком много, легкомысленно, пустословить, лгать’: *Была у нас одна, умерла сейчас, трепалка, усё трепется, усё врёт, как не знаю что, сочиняет небылицы, всегда неправду говорит* (Шал., Тарб.); *веретёшка* ‘веретено, самопрялка’ → перен. ‘о чрезмерно говорливом человеке’: *Веретёшка — болтунешка болтливая* (Дес., Тарб.); *самопрядка / самопрялка* ‘самопрялка’ → перен. ‘о чрезмерно говорливом человеке, пустослове’: *У нас соседка есть, самопрядка настоящая, больше никто Вот присядет, бывала, жужжит, жужжит. Вот я на что поговорить люблю, но она уж воўсе* (Дес., Тарб.); *Он, вишь, самопрядка како! Что хошь языком нарядёт* (Дес., Тарб.).

Основной, наиболее заметной деталью самопрялки является деревянное колесо, вращающееся при прядении. Кроме того, при его движении раздается монотонный негромкий звук. Эти свойства артефакта также послужили источником для порождения данного языкового образа.

К этой же группе слов относятся *ботало / ботал* ‘колокольчик, который подвешивается на шею пасущимся без пастуха домашним животным (коровам, лошадам)’ → перен. ‘о чрезмерно говорливом человеке, пустослове’: *Вот вы в город поедете, так и скажите, что депутаты — настоящие боталы* (Хас., Хор.); *И в когó он такой ботало вырос? Как зачет про политику — и болтат, и болтат. Пряма Горбачёв!* (Дес., Тарб.); *Кто работящий был, того сразу видать была. Боталов-то не шибко чаяли [жаловали, любили]. А эта болтунё болтливые, что от них проку-то, пустозвонов не чаяли, нет* (Б. Кун., Тарб.); и его дериваты: *боталить* ‘гремять, звякать, производить звуки *боталом* при движении (о домашних животных)’ → перен. ‘говорить слишком много, легкомысленно, пустословить’: *Но, ботало конский, завелась, теперь до вечера боталить будет. Бабье дело, ума большого не надоть* (Шал., Тарб.); *боталиха* ‘о чрезмерно говорливой женщине’: *Боталиха — это она мно́го говорить. О деле, не о деле — не ва́жно, улавно — мно́го очень* (Куйт., Тарб.); *До смерти ведь может заговорить. Боталиха!* (Куйт., Тарб.). В говорах семейских образ болтливового человека мотивирован ассоциативной связью с представлением о колебательном движении язычка *ботала* и монотонном, многократно повторяющемся звуке, издаваемом им при движении.

Идею несамостоятельного, невекторного, бесцельного движения продуцирует экспрессивная лексема *шалаболка* ‘то, что висит, болтается’ → перен. ‘о чрезмерно говорливом человеке, пустослове’: *А вот поёт весь день, это разговорчивый, шалаболка, сильно уж разговаривать любит — такого мы пёйкой звали* (Калин., Мухор.); *Ранешне мы с ба́бами до темна сидели, пели да болтали. А дед-то мой всё нас руу́ал да шалаболками называл* (Куйт., Тарб.); *балаболка* ‘то, что висит, болтается’ → перен. ‘о чрезмерно говорливом человеке, пустослове’: *Это когда еще эта балаболка зайвится, не дождёшься, пристанешь* [уста-

нешь] *дожидáть* [ждать, дожидаться]. *Я новóй* [иной] *раз жду́-ка, жду́-ка. С деу́чóнками, навéрно, болта́еть. Её́ хле́бом не корми́ — дай побалабóлить, языко́м потрепа́ть. Балабóлка!* (Б. Кун., Тарб.); и др.

«Движение» → «характеристика поведения»

Образы семантической сферы движения мотивируют характеристики поведения. Поведение человека, безупречное с позиций морально-этических норм, в русской ЯКМ соотносится с движением по прямой линии: *смотре́ть прямо́ в глаза́, прямо́й взгля́д, прямо́душный* и др.; нарушения этических норм ассоциируются с различного рода отклонениями от этой траектории, неекторными (вращательными, колебательными) движениями, с хаотическими, не имеющими цели перемещениями в пространстве¹.

1. «*Вращательные, кругообразные движения*» → «*ветреность, непостоянство*». Например: *крути́ться* ‘вертеться кругообразно’ → перен. ‘вести безнравственный образ жизни; быть ветреным, легкого поведения’: *Крути́тся мужи́к, совсе́м ополоумел: о́днá баба, дру́га, тре́тья. А же́на-то у него́ — ой бра́вая ба́бочка, долго́ терпе́ть не ста́ла, ушла́. Он пото́м-то опóмнился, не сладко́ ему́ ста́ло, прибежа́л: «Вернися́!» А она́ ему́: «Крути́шься?! Вот и крути́сь да́льше!»* (Б. Кун., Тарб.); и его дериваты: *круте́ль* ‘ветренный, распутный человек’: *Он крути́тся, же́не изменя́ет, с друго́й живе́т. Таки́ называли́ «самокру́т», «круте́ль». От [вот] он еде́т, круте́ль и еде́т. Тыфу! Стра́м! смотре́ть на него́ не хочу́* (Сиб., Тарб.); *Круте́ль круче́ный туда́-сюда́ крути́тся от же́ны, как бе́реста́ на огне́* (Шал., Тарб.); *круте́лка* и *круте́лка* ‘ветренная, распутная женщина’: *Пе́рвая [же́на] ему́ круте́лка доста́лась. Он, когда́ узна́л, по селе́у её́ гоня́л, а пото́м вы́гнал. А тот [второй муж] то́же вы́гнал её́ через неде́лю* (С. Брянь, Заигр.); *самокру́т* ‘ветренный, распутный человек’: *Самокру́т с семье́й не живе́т, крути́тся тут, там, везде́ шля́ется* (Хас., Хор.); *О́днá баба, дру́га... Самокру́т! От тро́их дете́й прижи́л!* (В. Саян., Тарб.); *самокру́тка* ‘ветренная, распутная женщина’: *Ра́ньше тати́м [таким] самокру́ткам воро́та дегте́м мазали́* (Куйт., Тарб.); и др.

2. «*Вращательное движение, отклонение от прямого пути при перемещении*» → «*хитрость, лживость*». Поведение хитрого, изворотливого человека ассоциируется с отклонением от прямого пути, с идеей кручения, верчения. Поскольку при перемещении наиболее короткий и рациональный путь для достижения цели — это движение по прямой линии, то в сознании диалектоносителей оно связано с позитивной оценкой, и, напротив, негативно, оценивается извилистость пути. Осознание кручения, верчения как нецеленаправленного действия порождает отрицательную семантику: например, *винти́ть* ‘крутить, закручивать что-л.’ → перен. ‘прибегать к уловкам, уклоняясь от прямого ответа; хитрить, лукавить, изворачиваться’: *Ты мне не винти, винтовка э́такая!* (Улан-Удэ); *Что ты винти́шь, говори́ пра́вду: кто у нас гуля́л?* (Шиб., Бич.); *винти́ться* ‘крутиться, закручиваться чему-л.’ → перен. ‘постоянно быть около кого-л., льстить кому-л. (обычно настойчиво добиваясь чего-н.); увиваться’: *Так винтя́тся коло́ [около] нача́льства, так винтя́тся коло́ их, что-то надо́ им* (Шарал., Мухор.);

¹ Это соотношение пространственных координат прямой и кривой с бинарной оппозицией «хороший» и «плохой» отмечали Н. И. Толстой [1995], Е. С. Яковлева [2000] и др.; оценочный потенциал представлений о вращении — Й. ван Лейвен-Турновцова [1999], Н. Б. Мечковская [2000]; и др.

вилю́чий ‘извилистый’ → перен. ‘лживый, изворотливый, хитрый, умеющий увиливать, уклоняться от чего-л. при помощи лжи, обмана, уловок’: *Свекро́йка у менé такá вилючая: вывернетса уся́кими праўда́ми и непраўда́ми* (Хас., Хор.); **отви́ливать** ‘поворачивать, отклоняться в сторону’ → перен. ‘устраняться, уклоняться от чего-л., прибегая к хитрости, к уловкам; увилывать’: *Котóры побага́че были — не работали, отвиливали, а нас, бедняков, толка́ли у уся́кую [во всякую] ды́рку* (Шал., Тарб.); **отвилива́ться** ‘поворачиваться, отклоняться в сторону’ → перен. ‘устраняться, уклоняться от чего-л., прибегая к хитрости, к уловкам; увилывать’: *На лесозаго́товки няхота [неохота] было, отвиливались. У когó ба́бушка боле́ет, у когó что* (Шал., Тарб.); **сувили́стый** ‘извилистый, не прямой’ → перен. ‘лживый, изворотливый, хитрый, умеющий устраняться, уклоняться, увилывать от чего-л. при помощи лжи, обмана, уловок’: *Сувили́стый — он уж увилывает, не то́чно говорит, уходит от разгово́ра. Или то́чно сказа́ть не хо́чет, неправду говори́т — вот и сувилы́стый челове́к* (Калин., Мухор.); и др.

3. «**Колебательные движения**» → «**ветренность, непостоянство**». Например: **шалабо́лка** ‘то, что висит, болтается’ → перен. ‘ветренная, распутная женщина’: *Шалаболка — гуля́ишая баба, гуля́ить, с мужиками шляется, дома не ночует* (Дес., Тарб.); *Шалабо́лка — распутная же́ница, грех да́же говори́ть о та́ких* (Шарал., Мухор.); **шатá́ться** ‘качаться из стороны в сторону, колебаться’ → перен. ‘вести безнравственный образ жизни; быть ветренным, легкого поведения’: *Да шалабо́лка она! Хо́дит шата́ется с мужика́ми — гуля́ишая де́йка. Таба́к ку́рит, вино́ пьет* (Дес., Тарб.); и дериваты этого глагола: **шату́шный** ‘ведущий безнравственный образ жизни; ветренный, легкого поведения’: *Да оне́ обоé [оба] шату́шны — что мужи́к, что ба́ба еготи́ная. Ну, ладно, он-то кобель извё́стный, а она́-то ра́ньше ничо́ была́, дак то́же погу́ливать от мужика́ стала* (Куйт., Тарб.); **шату́щий** ‘ведущий безнравственный образ жизни; ветренный, легкого поведения’: *Ба́ба е́сть у нас шату́ишая, ей все гуля́ть бы, два-три ра́за заму́ж выходила. Муж ее со все́ми вещами привез, скинул ма́тери. Заце́м ему́ така* (Куйт., Тарб.); и др.

4. «**Колебательные движения**» → «**праздность**». Например: **шатá́ться** ‘качаться из стороны в сторону, колебаться’ → перен. ‘бродить без дела, без цели, без пользы, праздно’: *Пришла́, никто́ не звал ее. Дела́ть-то ей нече́го: дочка прие́зжа́т, усё делат, да́же стира́т, однако. Ей-то лафа́, то́лько и оста́ется шата́ться по дере́вне* (Корд., Тарб.); дериват этого глагола **ша́тень** ‘тот, кто ходит, бродит без дела, без цели, без пользы, праздно’: *А он и е́сть ша́тень, потому́ что шата́ется без де́ла, никуды́шный тако́ мужи́к, хозя́ина с тако́го не бу́дет* (Дес., Тарб.); и др.

Кроме того, в образовании экспрессивных значений (см. пункты 3, 4) участвуют семантические признаки движения — ‘несамостоятельность’, ‘многократность, повторяемость’, ‘нерезультативность’.

5. «**Хаотические, бесцельные перемещения**» → «**склонность к разврату, распутству**». Например: **таска́ться** ‘ходить куда-л. или где-л. (часто без дела, праздно или без желания)’ → перен. ‘вести безнравственный образ жизни; быть ветренным, легкого поведения’: *Девка у них растёт такá кручё́ная. Не успе́ла вы́расти, а с мужика́ми кру́тится, таска́ется* (Шиб., Бич.); **Белку́еть**, таска́ется [с возмущением]! *Оне́ почто́-то роди́телей не стесня́ются. Мы-то ра́ньше ни за что с па́рнем да́же ря́дом не пойдём* (Б. Кун., Тарб.); **гуля́ть** ‘ходить, не

торопясь, для отдыха, удовольствия; проводить время на воздухе' → перен. 'вести безнравственный образ жизни; быть ветреным, легкого поведения': *Онэ теперь все белковые. Белковая* — непутная (Б. Кун., Тарб.); *шляться* 'ходить, бродить без дела, без цели, без пользы, праздно': *Целый день сабаню на городе* [работаю до изнеможения на огороде], *а он агде-то* [где-то] *шляется: Самокрут с семьёй не живёт, крутится тут, там, вездé шляется* (Хас., Хор.); и др.

6. «Неоднонаправленное движение» → «склонность к распутству, разврату». Например: *бегать* 'передвигаться, попеременно быстро и резко отталкиваясь ногами от земли (о людях, животных)' → перен. 'вести безнравственный образ жизни; быть ветреным, легкого поведения': *Я во [вот] одну жёнчину знала, но она тогдá девушка была и вышла за нелюбимого, у них что-то дёти-то два раз рождались, да слабеньти [слабенькие] были и померли, а они меж собо́й ругались шибко, он бёгал по ба́бам — разже́наткам или удо́вушкам [вдовушкам]* (Бич., Бич.); и дериват этого глагола *беговой* 'быстро бегающий' → перен. 'ветренный, распутный': *Он [муж] у ее беговой. А у подружки-то хозяин помёр. Вот она [подружка] и сомустила егó, спуталась с ём, бесстыжим* (Шал., Тарб.); *ходовой* 'двигающийся, передвигающийся, способный передвигаться (при помощи ходьбы и др.)' → перен. 'ветренный, распутный': *Сидя за столом да суседку незамужнюю осужают: «Уот ходова, мужиков сколь переменяла»* (Калин., Мухор.); *Ходовая по деревне не пройдет — стыд. Прибежит и дома сидит, носу не высовывает* (В. Жир., Тарб.); и др.

С идеей перемещения в пространстве ассоциируется непостоянство социальных отношений. Так, слово *белковый* 'относящийся к белке': *Собаки белковые — с имя на бёлок охотятся* (В. Жир., Тарб.) — в говорах семейских употребляется в значении 'ветренный, распутный': *У вас вся родовá такая — белковая, бесстыжая* (В. Жир., Тарб.). Жителям Забайкалья известно свойство белок — мигрировать стаями в поисках новых пастбищ, обильных кормов. У сибиряков такая разновидность получила название *ходовая бёлка*¹. Основанием метафорического переноса 'относящийся к белке' → 'ветренный, распутный' является потенциальная сема первичного значения 'подвижность, способность перемещаться'.

Таким образом, векторность (векторная направленность) — один из существенных признаков движения, важной характеристикой которого является совпадение вектора движения с вектором взгляда человека при стандартном вертикальном расположении человека в пространстве. Направленное, или векторное, движение вперед, как правило, положительно оценивается, назад — отрицательно, т. е. позитивно воспринимается такое направление, которое обзревается человеком без дополнительных движений (поворотов) головы.

В говорах семейских слова, обозначающие направленное движение по прямой линии, развивают, как правило, экспрессивные, но не оценочные переносные значения, содержащие коннотативную сему 'интенсивность'. Возникновение отрицательной оценки у глаголов направленного движения обуславливают другие семы: 'нерезультативность', 'повторяемость', 'несамостоятельность передвижения' и др.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 4. С. 556.

Невекторное перемещение, т. е. колебательное, вращательное, нецеленаправленное, оценивается отрицательно. Негативная оценка детерминирована спецификой восприятия действительности человеком и связана с универсальной метафорой пути: направленное движение позволяет достичь цели перемещения — изменить локализацию в пространстве, а колебательное и вращательное движения предполагают возврат в исходную точку, что в аспекте перемещения в пространстве нерезультативно. Отсутствие статичности, неустойчивость вращающихся и колеблющихся предметов отрицательно оцениваются и соотносятся с представлениями о непостоянстве социальных отношений. Хаотическое, не имеющее определенной цели движение и движение не по прямой линии в ЯКМ тоже интерпретируются как негативные, поскольку цель таких перемещений отсутствует или размыта, неконкретна. Бесцельность, праздность хождения, брожения осуждается¹, как и любая бесцельная либо безрезультатная деятельность. Мотивом такой оценки являются несоответствие результатов затраченным усилиям, отсутствие установок на продуктивную деятельность. Эти особенности восприятия действительности находят отражение в специфике образования переносных значений глаголов и отглагольных имен движения в говорах забайкальских семейских.

Список географических названий Республики Бурятия

Бич., Бич. — с. Бичура Бичурского района
Б. Кун., Тарб. — с. Большой Куналей Тарбагатайского района
В. Жир., Тарб. — с. Верхний Жирим Тарбагатайского района
В. Саян., Тарб. — с. Верхний Саянтуй Тарбагатайского района
Дес., Тарб. — с. Десятниково Тарбагатайского района
Калин., Мухор. — с. Калиновка Мухоршибирского района
Корд., Тарб. — с. Кордон Тарбагатайского района
Куйт., Тарб. — с. Куйтун Тарбагатайского района
Леон., Киж. — с. Леоновка Кижингинского района
С. Брянь, Заигр. — с. Старая Брянь Заиграевского района
Сиб., Тарб. — с. Сибирь Тарбагатайского района
Хас., Хор. — с. Хасурта Хоринского района
Шал., Тарб. — с. Шалута Тарбагатайского района
Шарал., Мухор. — с. Шаралдай Мухоршибирского района
Шиб., Бич. — с. Шибертуй Бичурского района

¹ Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 76–95.

Н. А. Дарбанова

**ВРЕМЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ¹**

Время — одно из ключевых мировоззренческих понятий, изучаемых в разных областях человеческого знания: в физике, философии, теологии, психологии, этнографии, культурологии и др. [Грюнбаум, 2003²; Клейн, 1999³; Лурия, 1979⁴; Элиаде, 1998⁵; и др.]. В языкознании категория времени исследуется в функционально-грамматическом и семантическом аспектах М. В. Всеволодовой [1975]⁶, Г. А. Золотовой [1982]⁷, Е. В. Падучевой [1996⁸; 2004⁹], Е. В. Тарасовой [1992а¹⁰, 1992б¹¹] и др.; семиотическом — Т. В. Топоровой [1994¹²], Б. А. Успенским [1996¹³], Т. В. Цивьян [2005¹⁴] и др.; этнолингвистическом — Н. И. Толстым [1997¹⁵], С. М. Толстой [1995¹⁶], Д. И. Лалаевой [2007¹⁷] и др.; семантическом —

¹ Дарбанова Н. А. Время в языковой картине мира забайкальских старообрядцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 8. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2009. С. 38–45.

² Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени: монография: пер. с англ. М., 2003.

³ Клейн Л. С. Концепции времени в традиционной культуре // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. всерос. науч. конф. Сер. «Мир культуры, истории и философии». СПб., 1999. С. 3–9.

⁴ Лурия А. Р. Язык и сознание: монография. М., 1979.

⁵ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость: монография. СПб., 1998.

⁶ Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке: монография. М., 1975.

⁷ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса: монография. М., 1982.

⁸ Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива: монография. М., 1996.

⁹ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики: монография. М., 2004.

¹⁰ Тарасова Е. В. Время и темпоральность: монография. Харьков, 1992а.

¹¹ Тарасова Е. В. Эгоцентрическая природа временного дейксиса и ее отражение в языковом поле темпоральности // Язык. Человек. Время. Харьков, 1992б. С. 61–77.

¹² Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира: монография. М., 1994.

¹³ Успенский Б. А. История и семиотика // Успенский Б. А. Избр. тр. Семиотика истории. Семиотика культуры. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 9–70.

¹⁴ Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы: монография. М., 2005.

¹⁵ Толстой Н. И. Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка: язык и время: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 17–27.

¹⁶ Толстая С. М. Время // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 448–452.

¹⁷ Лалаева Д. И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. Волгоград, 2007.

Н. Д. Арутюновой [1997¹], Т. Ивановой [2002²], В. И. Карасиком [1997³], Д. А. Катуниним [2005⁴], Л. Н. Михеевой [2004⁵]; Ю. С. Степановым [1997⁶], Е. С. Яковлевой [1994⁷] и др.

В лингвистических работах реализуются разные подходы к интерпретации времени: хронологический — время рассматривается как величина, измеряемая в определенных единицах и выражающаяся в фиксации дат и интервалов на принятой в обществе шкале (например, летоисчисление от Рождества Христова); релятивный — время изучается с точки зрения его сравнения с произвольно выбранным моментом отсчета на шкале «раньше» — «одновременно» — «позже»; эгоцентрический — определение времени как прошлого, настоящего, будущего происходит с позиции говорящего [Иванова, 2002⁸].

Данная статья посвящена описанию лексических единиц с метрическим темпоральным значением как репрезентантов представлений о времени в говорах забайкальских старообрядцев. Источником эмпирического материала стали «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [1999⁹], «Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья» [Дарбанова, 2007¹⁰], а также записи речи забайкальских старообрядцев, сделанные автором в диалектологических экспедициях.

Лексика с метрической темпоральной семантикой организована по типу поля, назовем его лексико-семантическим. В нем выделяются два подполя¹¹:

I. Единицы измерения времени, имеющие определенную длительность.

II. Единицы измерения времени, имеющие неопределенную длительность.

I. Единицы измерения времени, имеющие определенную длительность

В данном подполе выделяются следующие лексико-семантические группы (ЛСГ)¹, а в них — подгруппы.

¹ Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: язык и время: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 51–61.

² Иванова Т. Концепт «Время» и языковые модели времени // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2002.

³ Карасик В. И. Языковые аспекты как измерения культуры (субкатегориальные кластеры темпоральности) // Концепты. 1997. Вып. 2 (2). См. электронный ресурс: www.crc.pomorsu.ru/library/articles/Sbornik2/sbornik2_4.htm

⁴ Катунин Д. А. Время в зеркале русской языковой метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

⁵ Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

⁶ Степанов Ю. С. Время // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 171–188.

⁷ Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия): монография. М., 1994.

⁸ См. также. URL: <http://www.slavica.org/article140.html>

⁹ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Составители Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др. Новосибирск, 1999.

¹⁰ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ, 2007.

¹¹ Михеева Л. Н. в лексико-семантическом поле имен существительных с временным значением выделяет количественно-определительные и количественно-неопределенные (нефиксированные) обозначения отрезков времени [Михеева, 2006. С. 45].

ЛСГ наименований единиц годового цикла:

1. Названия православных христианских праздников: *Рождество* ‘Рождество Христово (25 декабря по старому стилю)’, *Стрѣтенье* ‘Сретение Господне (2 февраля по ст. ст.)’, *Сороки* ‘день Сорока мучеников (9 марта по ст. ст.)’, *Евдокиин день* ‘день св. Евдокии (1 марта по ст. ст.)’, *Паска* ‘Пасха’, *лѣтний Микола* ‘день св. чудотворца Николая (9 мая по ст. ст.)’, *Иван Предтѣча* ‘Рождество Иоанна Предтечи (24 июня по ст. ст.)’, *Илья, Ильин день* ‘день св. пророка Ильи (20 июля по ст. ст.)’, *Сердитая Богородица* ‘Казанская Богородица’, *Богородица* ‘Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября по ст. ст.)’, *Здвѣженье* ‘Воздвижение Креста Господня (14 сентября по ст. ст.)’, *Покровá* ‘Покров Пресвятой Богородицы (1 октября по ст. ст.)’, *зимний Микола* ‘день св. чудотворца Николая (6 декабря по ст. ст.)’ и др.

Среди религиозных праздников забайкальские старообрядцы выделяют по роду богослужения *большіе прázдники* ‘праздники, отмечаемые православной церковью как великие (святая Пасха, двенадцатые праздники и праздники в честь некоторых святых и определенных событий, воскресные дни): «*Рожаство, Кряшииѣнье, Паска, Богорóдица — эта уж большіе прázдники, шибко большіе, будто глаўные. Потóма ишо Благовѣишиання — тожесть шибко большо́й прázдник: не работаем — грех работать, птица гнездá ня вѣть, деўка косу не плятѣть. Ишо Стрѣтенье, Успення — это усѣ прázдники. А есть такіе прázдники, шибко-то их не отмечаем, но усѣ ровнó прázдники: Ильин день, Иван-Травник*» (Шал., Тарб.). *Больши прázдники* подразделяются на *прázдники в числѣ* ‘религиозные праздники, имеющие в точную календарную дату их проведения’ (например, *Стрѣтенье* — 2 февраля) и *праздники не в числѣ* ‘религиозные праздники, дата проведения которых высчитывается ежегодно в зависимости от времени празднования Пасхи’ (например, *Паска, Вербочное воскресенье* ‘религиозный праздник Входа Господня в Иерусалим, отмечающийся в последнее воскресенье перед Пасхой; Вербное воскресенье’ и др.): «*Прázдник у числѣ — эта у него по календарю всегда число одинаковое. Ну, Ильин день, например. А вот Паска, Родительский день — не в числѣ* (Леон., Киж.).

2. Названия религиозных постов: *Петровки* ‘пост перед Петровым днем — праздником св. апостолов Петра и Павла (длительность поста зависит от даты празднования Пасхи, заканчивается пост 29 июня по ст. ст.): «*Петровки — пост до Петрова дня, Петровки-голодóвки называют ишо*» (В. Сутай, Мухор.); *Спасовки* ‘Спасов, или Успенский, пост (с 1 по 14 августа по ст. ст.): «*До Успення две недели поста — Спасовки. Усѣ постное ели: картошку, ботви́ню*» (Ник., Мухор.); *Филипповки* ‘Филиппов, или Рождественский, пост (с 14 ноября по 25 декабря по ст. ст.): «*Филипповки — Филиппов пост, он шесть недель идѣть, с двáдцать пятаго ноябрá и до Рожества*» (Ник., Мухор.) и др.

3. Названия языческих праздников: *Масленка* ‘Масленица’, *Родители* ‘день поминовения умерших родственников во вторник на второй неделе после Пасхи (на Фоминой неделе)’, *Троицкие родители* ‘день поминовения умерших родственников в последнюю субботу перед Троицей’, *Иван Травник* ‘день Ивана Купалы (24 июня по ст. ст.)’, *Цагáловка* ‘бурятский праздник Белого месяца, Но-

¹ В лексико-семантические группы входят диалектные наименования единиц измерения времени и слова общерусского распространения. Основное внимание мы уделяем диалектным наименованиям.

вый год по восточному календарю (отмечается обычно в феврале-марте по лунному календарю в течение месяца) и др.

ЛСГ наименований единиц недельного цикла: *Пёстрая неделя* ‘неделя перед Масленицей’; *Сердитая неделя* и *Страшная неделя* ‘неделя перед Пасхой; Страстная неделя’; *Пасочная неделя* ‘неделя после Пасхи; Пасхальная неделя’; *Фоминá неделя* ‘вторая неделя после Пасхи’; *Чистый четверг* и *Страшный четверг* ‘четверг на неделе перед Пасхой’; *Прощёный день* ‘день прощения грехов в последнее воскресенье Масленицы’: «У Прошонный день ходили проищаться: сидять, чай попьють, а напослед де скажутъ: “Прості, мама!” А она: “И ты меня прости”, — ыли: “Бог простит”» (Шарал., Мухор.); и др.

ЛСГ номинаций единиц суточного цикла. Они обозначают части суток: *свет* ‘рассвет’; *утрошняя заря* ‘утренняя заря’, *утро*, *утрень* ‘промежуток времени от рассвета до полудня’, *полдень*, *вечер*, *вечерошняя заря* ‘вечерняя заря’, *солносьяд* и *солнцесяд* ‘закат солнца’, *полночь*, которые определялись по лунным фазам, положению солнца и других астрономических объектов по отношению к горизонту и сторонам света: например, по восходу или закату солнца: «До свёта вставали» (С. Брянь, Заигр.); «На ыгрышиша собирались днём, гуляли до солносьяда» (Н. Брянь, Заигр.); по звездам и созвездиям: *зарянка* — ‘яркая утренняя и вечерняя звезда над горизонтом — планета Венера’: «Глядім — ну *зарянка* подскочить, значить, утро вскоро» (Куйт., Тарб.); «По *зарянке* уставали (‘вставали’), да на работу» (Шарал., Мухор.); «Бывало, раныше до *зарянки* работали» (Куг., Мухор.); *Коромысло* ‘часть созвездия Ориона (пояс Ориона)’: «Токо *Коромысло* покажется на небе, так ейна мамка выхóдит да и загоняет её домой» (В. Жир., Тарб.); «Ежели куды собираются, дак бёуають на *Коромысло* смотрють, чтоб не проспáть» (Бич., Бич.); лексико-фонетические варианты *Кичиги*, *Чичиги*, *Ичиги* ‘часть созвездия Ориона (пояс Ориона)’: «Чичиги прямо придут — три часá, идём к корóвам, к утру садятся только» (Куг., Мухор.). Суточные отрезки рабочего времени *утрень* ‘промежуток времени от рассвета до полудня’, *уповод* и *упряжка* ‘промежуток рабочего времени от перерыва до перерыва’ определялись по интервалам между трапезами: *завтраком*; *обедом*; *чаем*, *чайвкой*, *чаевой порой* ‘прием пищи, трапеза, а также полдник’; *ужином*: «День распределялся на уповоды: с утра до обеда, с обеда до чаю, с чаю до вечера» (Дес., Тарб.); «Упряжка — это работа без перерыва, от чайвки до чайвки» (Бич., Бич.). Ориентиром для трапез было положение солнца: например, по нахождению солнца в зените определялось время обеда: «Сóлнце в обéд зашло, порá чаевать» (Б. Кун., Тарб.).

II. Единицы измерения времени, имеющие неопределенную длительность

ЛСГ наименований периодов неопределенной длительности: *тот раз* и *в той раз* ‘в прошлом, раньше’: «Тот раз *удяные* [‘водяные’] *мельницы* были, *молóли*» (Шарал., Мухор.); «Тот раз не так *жанились*: *невесту* в *другой деревне* *присматривали*, *узнавали*, *какой достаток*, *как живут*. *Потом только сватов засылають*» (Гаш., Мухор.); «У колхозе лáдно жили: хлеба уписывали [‘брали по заказу, выписывали’], *комбикóрм давали*, а той раз, *кода единолисна* [‘единолично’] *усё бýло*, *нихто не помогáл*» (Ник., Мухор.); *сконавёку*, *сконивёку*, *спроконвёку*, *с повекóн веков* ‘с давних пор, издавна; испокон веков’: «А я почём знаю, почему прázдник Духов день называется. Так шиó сконавёку идёт» (Дес., Тарб.); «Сконивёку репу сёяли. Парили её, скотá кормили» (М.-Тала, Заигр.); «Кормушка

III. Лексика

для лошадей и коров спрокон веку вясли [‘ясли для кормления лошадей’] были. С жередей их делали» (Ник., Мухор.); «А в Нарыне с повекон веков смесь там: и православны, и сямейсти, и буряты» (Леон., Киж.).

ЛСГ наименований единиц цикла человеческой жизни — ключевых событий жизни, отражающих физиологические, интеллектуально-психические изменения человека и влекущих за собой трансформацию его социальных отношений, статуса и т. п. Они знаменуют переход в другое физическое состояние и / или социальное положение и часто сопровождаются обрядовыми действиями: *родины* ‘праздник в честь рождения ребенка’, *крестьбины* ‘крестины’, *свадьба с честью* ‘свадьба с родительского согласия’, *свадьба бёгом* и *воровская свадьба* ‘свадьба без родительского согласия’, *простины* и *процины* ‘обряд прощения родителями молодоженов, вступивших в брак без их согласия’, *похороны* и др.; этапы между этими событиями: *век* ‘продолжительность жизни человека’; *смалку*, *смáха*, *смáхочку*, *с малолетства* ‘с малых лет’; *смолода*, *смлада* ‘с молодых лет; смолоду’; *ходить в дёвках*, *дэвкой была*, *пáрнем был*, *ходить в парнях*, *до замужу* ‘до замужества’, *зáмуж* ‘супружеская жизнь; замужество’ и др. Эти события определяют возрастную стратификацию, выражающуюся в наименованиях людей и социальных групп по возрастному признаку: *детёнок* и *робятёнок* ‘ребёнок’, *детва* и *ребятёшки* ‘дети, детвора’, *шпáндень* и *шпаньки* ‘озорные, шаловливые дети’, *молоденец* ‘о ребенке до 12 лет’, *девка* ‘девочка, девушка’, *парнишка* ‘мальчик’, *пáрень* ‘юноша, молодой человек до вступления в брак’, *выюнош* / *выюныш* ‘молодой человек, юноша’, *молодытник* ‘молодые люди, молодежь’, *молодуха* ‘молодая замужняя женщина’, *баба* ‘женщина зрелого возраста (чаще о замужней женщине)’, *музык* ‘мужчина, достигший зрелого возраста’, *старик*, *старуха*. Цикличность возрастных периодов отличается от цикличности астрономического календаря неповторимостью в пределах жизни (земной) одного и того же человека и воспроизводимостью в жизни других.

Метрическая темпоральная лексика репрезентирует представления о времени, существующие в сознании забайкальских старообрядцев, как о мере жизни человека, общества, природы, обладающей следующими признаками.

а) **Относительность времени.** В научной литературе термины абсолютное и относительное время интерпретируются по-разному. В понимании И. Ньютона абсолютное (истинное математическое) время, существующее само по себе, без всякого отношения к внешнему, протекает равномерно и называется длительностью; относительное (кажущееся или обыденное) время — постигаемая чувствами внешняя мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни: *час*, *день*, *месяц*, *год* [Грюнбаум, 2003¹]. В отдельных исследованиях эти термины употребляются и в другом значении, например: абсолютное время мифологично и состоит из трех этапов (прошлого, немаркированного настоящего и будущего), относительное время циклично, основывается на делении по сезонам, по лунным фазам, месяцы, недели, дни [Цивьян, 2005²]. Мы считаем, что в последнем случае речь идет о разных моделях одного и того же — относительного — времени. В говорах отражено представление об относительном (обыденном) времени.

¹ Грюнбаум А. Философские проблемы... С. 14.

² Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы: монография. М., 2005.

б) *Относительность и приближительность хронологии.* Повествуя о каком-либо событии, диалектоносители преимущественно пользуются относительной хронологией¹, суть которой заключается в том, что продолжительность какого-либо события или его место на шкале времени определяется не конкретными датами, а по отношению к какому-то другому событию (среди семейских, как правило, по отношению к посту или мясоеду, религиозному или языческому празднику), например: «После Аксѣньи Стретенье, потѡм Масленка прощѡная» (Б. Кун., Тарб.); «К Микѡле шанѣчку [‘пшеничку’] сеють, так помѡлисса: “Зародѣ год на усякую долю”» (Калин., Мухор.); «У дяреўне убѡдина [‘забой скота’] начинается после Покровѡ» (Бич., Бич.); «Коль Великим постом лес одеваѣтся кухтѡю [‘инеем, изморозью’] — год хороший будет» (Б. Кун., Тарб.); «Свадьбу мясоѣдом справляли» (В. Жир., Тарб.). Событием, с которым соотносят другое, может также являться какой-либо значимый или заметный факт жизни социума (например, Великая Отечественная война, годы коллективизации и т. п.) или отдельного человека — говорящего (вступление в брак, рождение ребенка и т. п.), например: «Усю войну засуха была, а как война кончилась, сразу началѡ мочить [‘начались дожди’], уѡт и урожай мѡло дѣло [‘понемногу’] пошѣл» (Гаш., Мухор.); «Вот кодѡ динолѣчно [‘единолично’] жѣли, чатѣре-три, а то и пять столѡв было народа. Большой свадьбы разводили» (М.-Тала, Заигр.); «Как в колхоз зашли, тут началось: на «палочки» [‘условный знак, которым отмечали трудодни в колхозных документах’] каки-та работали» (Шал., Тарб.); «До сѡмого зѡмужа работѡла на лесозаготовке» (Калин., Мухор.); «Перед зѡмужем работѡла учѣтчиком» (Калин., Мухор.); «Да онѣ обещѡлись построить [школу], кодѡ я шѡ дѣвкой былѡ, и до сих пор нѣту, уш старухѡй сталѡ» (Шал., Тарб.).

Абсолютная хронология, когда называется точная дата события, тем не менее, тоже используется в диалектной речи, но значительно реже по сравнению с относительной хронологией, репрезентирующей относительное (обыденное) время: «Родилѡсь я тридцѡтого мѡя у тридцѡть шастѣм году. И усѡ жизнь мѡюся» (Дес., Тарб.); «Егорьев день — шестѡго мѡя, прѡзѣдик конѡ» (Калин., Мухор.); «Потѡм в тридцѡть трѣтьем году началѣсь колхозы» (С. Брянь, Заигр.); «Он менѣ молѡже был, он с пятнѡдцѡтого гѡда» (М.-Тала, Заигр.).

Диалектная хронология приближительна, например: «Паўт-то [‘овод’], он до Ильѣ лѣтаеть, а после-то Ильѣ нѣту его паута ѣтого» (Шарал., Мухор.). Праздник в честь св. пророка Ильи имеет точную дату — 2 августа (20 июля по ст. ст.), однако данная фраза означает, что обычно оводы перестают быть активными примерно в первой четверти — первой половине августа. Во фразе «Здвиженье <...> — бруснику брали в ѣто время» (Б. Кун., Тарб.) речь идет не об определенном дне, а о периоде, обычно начинающемся приблизительно с праздника Воздвижения (14 сентября по ст. ст.) и продолжающемся неопределенное время, длительность которого определялась погодными условиями и другими причинами, влияющими на созревание брусники.

в) *Цикличность и дискретность времени.* Сложность феномена времени определяет множественность моделей его языковой концептуализации. Наиболее

¹ Преимущественное использование относительной хронологии по сравнению с абсолютной характеризует не только диалектную речь, но разговорно-просторечную, литературно-разговорную и определяется ситуацией общения.

III. Лексика

распространенными являются модели: линейная, отражающая современные представления о времени, и цикличная, свойственная архаическим культурам и мифологическому сознанию и связанная с наблюдениями людей за чередованием светлого и темного времени суток, сезонов, фаз развития живых организмов и сменой поколений [Успенский, 1996¹; Клейн, 1999²; и др.]. В говорах семейских реализуются обе темпоральные модели с преобладанием цикличной, т. е. время осознается их носителями как последовательность «точек» на ненаправленной градуированной замкнутой круговой линии (цикличное время) либо как последовательность «точек» на направленной градуированной прямой линии (векторное время). Под «точкой» на этих градуированных линиях подразумевают явление или событие, являющееся координатой, по которой устанавливается «место» события в ряду других и его протяженность во времени, и временным ориентиром, с которым соотносят другие явления или события. Например, в суточном цикле семейских в качестве таких «точек» выступают некоторые части суток — *заянка* ‘заря (утренняя или вечерняя)’, *свет* ‘рассвет’, *полдень*, *солносьд* ‘закат солнца’, *полночь*, время моления — *часы: утренняя, утренний начал* ‘утренняя молитва’, *обедня, повечерница* ‘вечерняя молитва’; трапезы — *обед; чайвка, чай, чаевà пора* (Ник., Мухор.); *страда: «Сеяли, в страду страдавали»* (Дес., Тарб.); *сенокос, косьба* и др. В восприятии семейских сутки, год предстают как пунктирная круговая линия, постоянно повторяющаяся: *дни*, наполненные работой, перемежаются с перерывами в трудовой деятельности — *ночами*, «отсутствующими» для нее³: «От так *день за днём* и идёт: *работаешь от зари до зари мантулишь, свету белого не видишь»* (Шал., Тарб.). Поэтому *день* для семейских — светлая часть суток, предназначенная для выполнения работы, *ночь* — темная часть суток, перерыв между периодами работы: «*работат от зари до зари, не сидит без дела»* (Дес., Тарб.); «*И вот за день обойдут там сколько-нибудь, назаветрева опеть водють»* (Н. Брянь, Заигр.). Таким образом, в сознании семейских предназначение времени — быть временем активного производительного труда.

г) *Размытость границ временных интервалов и неопределенность их протяженности*. Геометрические образы времени, отраженные в языке, осложняются представлением о его движении, наличии и позиции наблюдателя по отношению к нему, что выражается в модели текущего времени — время как процесс развития мира движется вперед, проходя через последовательность моментов; скалярной модели времени — неподвижная шкала времени, вдоль которой движется мир; модели встречного движения времени — шкала времени движется движущемуся навстречу миру [Падучева, 2004⁴]. «Точки» ограничивают временные интервалы, например, *утро, утрень* ‘промежуток времени от рассвета до полдня’, *вечер; день, ночь; уповод / уповодь, упряжка* ‘промежутки рабочего

¹ Успенский Б. А. История и семиотика // Успенский Б. А. Избр. тр. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 9–70.

² Клейн Л. С. Концепции времени ... С. 3–9.

³ О восприятии ночи в русском языковом сознании как «провала», перерыва в деятельности см.: Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка: язык и время: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 228.

⁴ Падучева Е. В. Динамические модели..., 2004. С. 394–395.

времени от перерыва до перерыва¹. В обыденном представлении время дискретно — это череда работы и отдыха¹, поэтому оно в сознании семейских и, в целом, в традиционной крестьянской культуре разделено на периоды работы: например, день делится на промежутки рабочего времени от перерыва до перерыва — *уповоды, упряжки*: «*Но ёжели кода́ не страда́, дак мы уповод порабо́таем, да и о́брáтно. <...> Малёнько да и домой*» (Куйт., Тарб.); год — на периоды по виду сельскохозяйственной деятельности: *вёшная* ‘посевная’: «*Началась вёшная — усé на пáшню ушли, сéють, пáшуть*» (Ник., Мухор.); «*У вёшную найму́ до Покрoвá*».

В диалектной речи семейских отражаются два способа концептуализации времени, отмечаемые Дж. Лакоффом, М. Джонсоном: «Мы движемся, а время стоит неподвижно; <...> время движется, а мы неподвижны» [2004²]. Например, время статично, скалярно, мир и наблюдатель динамичны: «*Дак ишо́ дожiть на́до до Пáски*» (Дес., Тарб.); «*После Ильина однако [выражение сомнения], при-езжа́л*» (Шал., Тарб.); «*Впередí ещё Цага́ловка*» (Сиб., Тарб.); время динамично, мир и наблюдатель статичны: «*Послédнее столéтте дохо́дит, буди́ть Страш-ный суд*» (М.-Тала, Заигр.); «*Не заметили, как жизнь прошла*» (Шал., Тарб.); «*Он на рабо́те, а время так пройде́ть — яму́ и ладно*» (Б. Кун., Тарб.). Время движется навстречу: «*Вот сейча настаётъ пос [пост], а четвёртого — это Рoдiтеля, Родiтельский день*» (Над., Тарб.). По представлениям, существующим в сознании семейских, время может перемещаться в одном направлении вместе с миром и наблюдателем, однако скорости их движения могут не совпадать: время движется быстрее, чем мир, например: «*Время такоё пристигло*» (Дес., Тарб.).

Динамичность времени в диалектной картине мира сопряжена с размытостью границ темпоральных отрезков. Например, событие может перемещаться по неподвижной шкале времени: «*Пáска <...> с числа́ [‘с даты’] уходит*» (М.-Тала, Заигр.). Событие *Пáска* — это подвижная временная «точка», не имеющая точной закреплённости в календаре. Если такая «точка» является ограничителем какого-либо временного интервала, то его протяжённость неопределенна. Таким образом, подвижность границ временных интервалов вызывает приблизительность протяжённости последних.

д) **Многoзначность единиц измерения циклического времени и совмещение разных систем измерения времени.** Единицы годового, недельного, суточного циклов (религиозные и языческие праздники, посты и т. п.) воспринимаются двояко: с одной стороны, они обозначают события, которые соответствуют определенной дате (единице измерения времени) официального астрономического календаря; с другой стороны, они сами являются временными ориентирами, единицами измерения времени народного или религиозного календаря. В народных представлениях эти календари не дифференцируются, смешиваются и совмещаются в единую систему исчисления времени:

«*Свели́ нас у ма́е, а на Тро́ицу справи́ли сва́дьбу*» (Дес., Тарб.); «*После Аксиньи Стрётенье, потом Мáсленка проишóдная*» (Б. Кун., Тарб.).

Таким образом, для времени как фрагмента языковой картины мира забайкальских старообрядцев характерны универсальные признаки: относительность,

¹ Об измерении количества работы во временных категориях см.: [Лакофф, Джонсон, 2004].

² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: монография / пер. с англ. М., 2004. С. 71.

III. Лексика

дискретность, подвижность; специфические, свойственные диалектному восприятию: относительность и приблизительность хронологии, размытость границ временных отрезков и неопределенность их протяженности, многозначность единиц измерения времени, использование разных календарей для измерения времени и их смешение.

Список географических названий Республики Бурятия

Б. Кун., Тарб. — с. Большой Куналей Тарбагатайского района
Бич., Бич. — с. Бичура Бичурского района
В. Жир., Тарб. — с. Верхний Жирим Тарбагатайского района
В. Сутай, Мухор. — с. Верхний Сутай Мухоршибирского района
Гаш., Мухор. — с. Гашей Мухоршибирского района
Дес., Тарб. — с. Десятниково Тарбагатайского района
Калин., Мухор. — с. Калиновка Мухоршибирского района
Куг., Мухор. — с. Куготы Мухоршибирского района
Куйт., Тарб. — с. Куйтун Тарбагатайского района
Леон., Киж. — с. Леоновка Кижингинского района
М.-Тала, Заигр. — с. Мухор-Тала Заиграевского района
Н. Брянь, Заигр. — с. Новая Брянь Заиграевского района
Над., Тарб. — с. Надеино Тарбагатайского района
Ник., Мухор. — с. Никольск Мухоршибирского района
С. Брянь, Заигр. — с. Старая Брянь Заиграевского района
Сиб., Тарб. — с. Сибирь Тарбагатайского района
Шал., Тарб. — с. Шалута Тарбагатайского района
Шарал., Мухор. — с. Шаралдай Мухоршибирского района

И. Ж. Степанова

ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО РОМАНАМ ИСАЯ КАЛАШНИКОВА И ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)¹

Картина мира есть основа мировидения человека. Она опирается во многом на принцип ценностной ориентированности, который выступает в ней как главный принцип иерархизации предметов.

Индивидуальная картина мира представляет собой единство "личного" и "народного", — пишет В. И. Постовалова. Картины мира у людей соизмеримы, потому что они имеют общее ядро, которое "народно"².

В. В. Воробьев построил и описал лингвокультурологическое поле (концепт) "Русская национальная личность", отождествляя это понятие с понятием "рус-

¹ Степанова И. Ж. Фрагменты картины мира семейских в идиостиле романов И. Калашникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 76–96.

² Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 28.

ская нация": «нация — это "личность ее членов"»¹. Мы имеем возможность сравнить доминанты лингвокультурологического поля, выявленные В. В. Воробьевым, и доминанты картины мира современных старообрядцев Забайкалья с целью подтверждения или опровержения сходства общерусской картины мира и ее регионального варианта — старообрядческой.

Лингвокультурологическое поле, по В. В. Воробьеву, — интегративная единица и одновременно комплексный метод исследования². В нем отражаются "те элементы и связи, которые выходят за пределы собственно семантического поля как языковые категории. В организации семантического поля и лингвокультурологического поля много общего. Основные понятия, структура и функционирование поля, в единицах которого находит отражение соответствующий фрагмент культуры, ... должны отразиться в строении поля, в его лингвистической интерпретации"³. Следовательно, возможно сопоставление доминант лингвокультурологического поля и доминант (ядра) языковой картины мира как объектов системных и структурированных, исходя из семантики составляющих их единиц.

В качестве важнейших доминант культурологического поля "Русская национальная личность" В. В. Воробьев выделяет следующие: 1) РЕЛИГИОЗНОСТЬ (ПРАВОСЛАВИЕ); 2) СОБОРНОСТЬ; 3) ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ; 4) СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСШИМ ФОРМАМ ОПЫТА; 5) ПОЛЯРИЗОВАННОСТЬ ДУШИ"⁴. Мы сохраняем авторское написание доминант прописными буквами.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ признается В. В. Воробьевым как первая и главная доминанта концепта "Русская национальная личность", характерная глубинная черта, которую Д. С. Лихачев считал самой важной русской национальной чертой.

СОБОРНОСТЬ самым тесным образом связана с религиозностью. Это добровольное соединение (собор) индивидов на основе любви к Богу и друг к другу. Дух соборности понимается расширительно как "чувство локтя", "артельности", коллективной близости, соединения личного и общего в преодолении трудности, взаимной помощи.

В определении ВСЕМИРНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ В. В. Воробьев опирается на С. Н. Булгакова, это "скорбь за всех, печалование о судьбах всего мира, вселенское самосознание"⁵. К этой доминанте примыкают прежде всего единицы лингвокультурологического поля с общим значением альтруизма.

СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСШИМ ФОРМАМ ОПЫТА противостоит чистому эмпиризму, потребностям дня, к нему относятся стремления человека к добру, высшей истине и красоте, которые нашли отражение в образах и языке таких писателей, как А. С. Пушкин, М. Л. Лермонтов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, и др.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ДУШИ — черта, в которой "странным образом совмещаются совершенно противоположные черты": стремление к высшему познанию и труду совмещаются с ленью, обломовщиной, иррационализмом, добро со злом и жестокостью, альтруизм с эгоизмом, самоуничтожение с национальной гордыней

¹ Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во РУДН, 1997. С. 88.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание // Форум. 1993. № 5. С. 232.

III. Лексика

и шовинизмом, святость с разнузданностью, стремление к свободе с покорностью, решительность и целенаправленность со случаем и "авось".

Эти доминанты позволяют противопоставить лингвокультурологическое поле "Русская национальная личность" другим, входящим в "сферу иных национальных личностей"¹.

Схему лингвокультурологического поля русской национальной личности В.В. Воробьев представляет следующим образом:

	Христианство Православие Мессианизм/ (безбожность, атеизм) <u>РЕЛИГИОЗНОСТЬ</u>	Идея Артельность Общинность Тоталитаризм Социализм Коммунизм <u>СОБОРНСТЬ</u>
Доброта Искусство (красота) Литература (духовность) Наука (истина) <u>ВЫСШИЕ ФОРМЫ ОПЫТА</u>	СЛАВЯНСКИЙ ВЕЛИКОРУССКИЙ РУССКИЙ РОССИЙСКИЙ РОССИЯНИН СОВЕТСКИЙ	ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ Доброжелательность Самопожертвование Альтруизм Интернационализм Национализм
<u>ШИРОТА ДУШИ, ВНЕВРЕМЕННОСТЬ</u> Удаль Неудержимость Максимализм Невнимание к настоящему	<u>ПОЛЯРИЗОВАННОСТЬ, ДУХ ПРОТИВОРЕЧИЯ</u> Соединение положительных и отрицательных начал	

Мы исходим из предположения о том, что основой картины мира семейских Забайкалья является общерусская картина мира, так как забайкальские старообрядцы составляют часть русского народа, относятся к русской нации. Сами семейские осознают себя не иначе, как исконно русскими, это явным образом выражено и в контекстах, полученных нами в экспедициях (А), и в речи персонажей романа И. Калашникова (Б).

(А) — [А кто такие вообще семейские?]

— Как это кто? **Русские такие же**, только при Екатерине [Екатерине II. — И.С.] наших предков сюда загнали, в Сибирь. А откуда — этого никто не знает теперь. За то, что двумя перстами крестились, за старую веру были. [Кравцова Евгения Михайловна, 1934 г.р., обр-е средн. спец.; с. Шаралдай].

¹ Воробьев В. В. Указ. соч. С. 102–105.

(Б) *На базаре, увидев баб в ярких, цветастых сарафанах и кичках, Нина остановилась, присмотрелась к ним, удивленно спросила:*

– Это кто ж такие? Откуда они?

– Наши, семейские тетки.

– Какие, ты сказал?

– Семейские. Ну, русские же, только семейские¹.

Данные примеры подтверждают, что старообрядцы (семейские) Забайкалья относятся к русской нации и не отделяют себя от нее.

Попробуем найти в текстах романов И. Калашникова подтверждение существования доминант поля "Русская национальная личность" в картине мира семейских.

Очень высокая РЕЛИГИОЗНОСТЬ была свойственна семейским вплоть до середины XX в., и лишь с уходом нескольких поколений возникло индифферентное отношение к вере, которое сейчас меняется в связи с поворотами истории России. И до сих пор любой житель семейского села может сказать, почему более чем два века назад переселили его предков в Сибирь, и с гордостью вспомнит о твердости в убеждениях, крепости в вере, в религиозных принципах своих предков. На соблюдении церковных требований основывался весь жизненный уклад старообрядцев, и это тоже находит отражение в романах И. Калашникова:

... Назар Иваныч обомлел. Сразу-то из-за поднятого воротника полушубка он и не заметил, что подбородок у Корнюхи [сына] голый, как бабья грудь. И у Макси тоже...

– Где твоя борода?... Нечестивцы! — слабой костистой рукой ткнул ему в нос. — Игнат! Ты куда смотрел?

– Каюсь, батя. Не буду больше. Думал: какая беда.

– Замолкни, окаянный! — голос у Назара Ивановича осип, будто кто ему горло сдавил. — Деды наши веру через все пронесли чистой... незапятнанной. Этим... род свой сохранили. В ней сила... крепость. Порухите — не защитит господь...

Говорил он все тише, задыхался.

– Пропадете! Захлестнет, изничтожит вас злоба и низость. Дети... ваши... погрязнут в слепости духовной... в грехах тяжких. Род наш рассосется, сгинет в неверии. Блюдите старину, блюдите! [РТ, 7–8].

– Семейщина верой крепка. Цари нас сотни годов гнули, склоняли к никонианству, а мы устояли².

СОБОРНОЕ ЕДИНЕНИЕ свойственно семейским исконно, оно возникло как результат отделения от остальной части России. Сами семейские склонны осознавать это единение в двух аспектах — широком как единение со своей страной, Россией, вне зависимости от деления на веры и народы, ее населяющие, и узком — единение семейских Забайкалья, иногда в противопоставление всему остальному миру. Приведем в качестве примера отрывок из романа "РТ", подчеркивающий обособленность семейских от других вероисповеданий:

Настюхин брат, Лазурька, привез с войны бабу стриженую. Стыда не ведая, ходит она в мужниных штанах, перед образом господним крестом себя не осе-

¹ Калашников И. К. Последнее отступление. Роман. Улан-Удэ, 1961. С. 122. (далее ПО).

² ПО. С. 51.

III. Лексика

няет. Сам Лазурька табачице жжет. Бедный Изот [отец семейства] принужден кормить сына и невестку из особой посуды, вроде басурманов каких. Случись такое в старые времена — Лазурьке бы ноги повыдергали, а его супружницу в речке... утопили¹.

Разумеется, в 20-е гг. XX в. не только старообрядцы осуждали отказ от веры, табакокурение и ношение брюк женщинами, но кормить из отдельной посуды "басурман" — это традиционный семейский обычай:

Привязав лошадь, гость, обходя лужи с красными отблесками закатного солнца, направился в зимовье. ... Игнат начал было доставать из столешницы еще одну ложку, и тут вспомнил: Батоха — нехристь, чужая, поганая у него вера. Нельзя его кормить за общим столом, под образом бога, из общей посуды. ... Помутнела радость встречи... Просто даже жалко, что такой славный человек, а нехристь. ... Отчего так верой установлено, что ежели ты не семейский — поганый? Неужели на всем белом свете, среди тьмы всякого народа, одни семейские отмечены перстом божьим, одни они чисты?²

Обратим внимание на то, что в приведенных отрывках явственно видно такое бывшее в прошлом противопоставление: "чистые" верой старообрядцы и "поганные" "басурманы", "нехристи" (остальные люди различных наций и вероисповеданий). Это, несомненно, тоже фрагмент картины мира семейских.

ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ свойственна семейскому человеку в меньшей степени, чем русскому человеку вообще, и это также имеет корни в истории старообрядчества: двухвековые гонения и лишения не прошли даром, семейские слишком хорошо знают, как достается кусок хлеба в суровом Забайкалье. Кроме того, отлучение их предков в прошлом от участия в государственной политике тоже привело к угасанию интереса к судьбам "всего мира", однако в конкретной житейской ситуации доброта и отзывчивость (ШИРОТА ДУШИ) их бывают огромны и искренни. Здесь проявляется ПОЛЯРИЗОВАННОСТЬ ДУШИ, которую в числе доминант поля "Русская национальная личность" называет В.В. Воробьев.

Приведем отрывки из романов, подтверждающие наши слова:

– *Климиха замытарилась со своей ордой. Девчонку не уберегла. И ни коня, ни коровы не осталось во дворе. ...*

– *Почему никто не подмогнул?*

– *У каждого своя болячка, до чужой ли тут...*

А сын, до того молчавший, сказал:

– *О подмоге, батя, спрашиваешь? Будто не знаешь семейщину жаднющую! Увидит, что подышаешь, вороньем налетит и глаза выключет.*

– *... Не зря, поди, увел корову Федот Андроныч?*

– *За долги.*

– *Ну вот. Кто же попустится своим добром?³*

... Тягостно было сидеть Игнату [одному из главных героев романа "РТ", человеку совестливому и справедливому] за этим убогим столом, кусок хлеба застревал в горле. Господи боже мой, за что какие грехи такая кара людям? Куда

¹ Калашников И. К. Разрыв-трава. Роман. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1970. С. 6. (далее РТ).

² РТ. С. 41.

³ ПО. С. 10.

бы ни шло, майся, голодуи один Петруха с бабой своей, но дети малые, безгрешные — за что наказываешь их, господи?

Нагрузив воз дранья, он [Игнат] подвернул к мельнице [за расчетом — намолотой мукой]. ...

— Ты забирай целый куль, а мне и половины хватит. Один я живу, много ли мне надо...

Без того длинная шея Петрухи [мельника, отца огромного семейства] стала, должно, раза в два длиннее, глаза с припорошенными мукой ресницами открывались и закрывались. ... — Пистимея, тудыт твою мать, печку затапливай, леишки будем стряпать! — весело орал Петруха своей бабе, заглушая шум воды.

Понужая лошадь, Игнат бежал от этого крика, от этой мельницы, от голодной Петрухиной саранчи...¹.

Во время восстания кулаков Корнюха, один из главных персонажей романа "РТ", проявляет почти безрассудную удаль, пробираясь за подмогой в соседнее село:

С крыши Корнюха увидел в дальнем конце Тайшихи [деревни, где происходит действие романа] багровые отблески пожара. Пламя, разгораясь, поднималось все выше, обрисовывая черные контуры крыши. Тихо, по-кошачьи он спустился на землю, дополз до двора, вывел лошадь.

Проехать нужно было шагах в сотне от стреляющих. Сумеет ли он проскочить? Страх не было. Он чувствовал себя как перед прыжком в воду — и боязно, и весело. Концом ременного поводка резанул лошадь по боку, вымахнул за угол, повернулся и вот он середь улицы, весь на виду.

— Стой!

— Стою, хоть дой! — с озорством откликнулся он, хлестая лошадь.

"Дзинь! Дзинь!" — пропели над головой пули. Но сбоку уже чернел спасительный переулок².

И тот же Корнюха всю жизнь исповедует один принцип: хорошая жизнь — это "когда у тебя всего вдоволь" [с. 63], "польза от хлопот должна быть на столе, а в песенках на праздник ее нету" [с. 209], "какой мне резон отдавать даром сено [в ситуации, когда гибнет колхозный скот]? Продам лучше, да своей же дурехе Усте [жене] обнову куплю. А ты — отдай. Отдать все можно... " [с. 288]. И так же "правильно жизнь понимать" научит сына Назарку: "все будет у Назарки самое лучшее, на зависть детям разных умников" [с. 304]. В этом проявляется ПОЛЯРИЗОВАННОСТЬ ДУШИ персонажа.

Стремление к ВЫСШИМ ФОРМАМ ОПЫТА, эстетическое переживание истории и созерцательность не свойственны семейскому человеку по тем же историческим причинам: чтобы выжить и встать на ноги, требовалось неустанно заниматься физическим трудом, исполнение канонов суровой веры занимало все свободное от труда время. В беседах со старообрядцами во время сбора материалов для "Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья" мы не раз слышали воспоминания людей старшего поколения о том, что моления по утрам занимали около часа времени, а вечерние молитвы — около трех (!) часов ежедневно.

¹ РТ. С. 102.

² РТ. С. 141.

III. Лексика

Установку на то, что только труд в деревне есть труд настоящий, видим в высказывании бабушки Фетиньи, героини романа "НПП":

– По-старинному ты, Панка, семьи опора [как старший сын после гибели отца]. Теперь что? Умотаешь в город [на учебу в техникум], книжечки-коврижечки... Поди-к, там и останешься. Легкая жизнь завлекательная А кто будет в навозе-то возёкаться? Пойло свиньям варить-разносить? Коров кормить-доить?¹.

Итак, мы можем предположить, что картины мира семейская и общерусская имеют общие доминанты РЕЛИГИОЗНОСТЬ, СОБОРНОСТЬ, ПОЛЯРИЗОВАННОСТЬ ДУШИ человека при уменьшении роли доминант ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ, СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСШИМ ФОРМАМ ОПЫТА.

Наши предположения о том, какие из перечисленных доминант выходят на первый план в картине мира семейских, мы проверили экспериментально, осуществив интервьюирование современных старообрядцев Забайкалья, жителей "малой родины" И. Калашникова, и по материалам фразеологии и диалектной лексики его романов.

Ниже приводятся материалы интервьюирования, проведенного нами во время полевой экспедиции 1999 г. Вопросы формулировались нами на основании предполагаемой схемы фрагментов языковой картины мира семейских. Опрошено 15 человек разного возраста и уровня образования. Опрос проводился в виде беседы с каждым информантом отдельно, отвечающий не мог слышать ответов других информантов. Ответы давались в свободной форме, не ограничивались временем и без подсказки опрашивающего.

Ответы на вопросы, выявляющие некоторые фрагменты картины мира семейских

Номера ответов ниже совпадают с номерами информантов в списке (см. Список информантов). Там же дана социальная характеристика информантов.

1. Что нужно человеку, чтобы быть счастливым, чувствовать, что счастлив?

1. Мне ничего не надо, чтобы у детей все было очень хорошо.
2. Чтобы жизнь установилась и не было передряг разных.
3. Чтоб работа, и дети устроились.
4. Это когда жена рядом, дети, чтоб дома кусок хлеба был.
5. Чтоб у детей все было хорошо, чтобы здоровье было, чтобы мужик не хворал.
6. Спокойная жизнь в доме, уют, работа, дети, достаток.
7. Не голодными быть. Детям чтоб счастье было, и здоровыми были.
8. При нынешней жизни нужно очень многое. Детей нет, и поэтому счастьем было бы куда-нибудь съездить.
9. Говорят, не родись сопливым, а родись счастливым, и чтоб здоровье было.
10. Счастье — это когда душа спокойна, никаких тревог и проблем, и в жизни он пристроенный.
11. Это жизнь семейная, я правильно поступила, что мать послушала. И счастье, когда тебя уважают.

¹ Калашников И.К. Не поле перейти. Роман. // Байкал. 1982. № 1–2. С. 66. (далее НПП).

12. Чтоб в семье все хорошо было, между мужем и женой чтоб мир был, какое-то уважение.

13. Иметь хорошего мужа и детей.

14. Чем больше денег, тем лучше, раньше другие ценности были.

15. Счастье — сделать что-то для себя и для людей. Детишек растили, работали и не воровали.

2. Чего должен достичь в жизни человек, чтобы умереть в старости со спокойной душой?

1. Дождаться внучат, чтоб внуки, правнуки дальше жили.

2. Чтобы было что детям оставить, хозяйство хорошее нужно.

3. Остаться добрым и преданным своей земле человеком.

4. Всю жизнь трудиться, чтоб людям в глаза не стыдно было смотреть.

5. Дом построить, чтобы дети куда-нибудь сгодились. Чтоб самим детей вырастить.

6. Вырастить порядочных детей.

7. Много работать. И чтоб родители потом не краснели за своих детей.

8. Хотя детей нет, считаю, что после нужно оставить какой-то след.

9. Нужно достичь всего, семью создать, двор хороший иметь, детишек.

10. Опять же, душа чтобы спокойная была, это значит, ты спокоен за детей и за себя тоже. Главное, что и без тебя они хорошо проживут.

11. Принести пользу другим людям и не судить никого.

12. Детей вырастить, и чтобы они были полезными для государства.

13. Чтоб дети устроены были, и все.

14. Чтобы дети выросли прекрасными людьми, да кормили на старости.

15. Чтобы дети хорошо поняли, что главное в жизни — это труд, и чтоб детям, внукам моим рассказали. И чтоб у земли были настоящие хозяева.

3. Что важнее для человека: иметь хорошее, крепкое хозяйство или быть ученым, выучившимся человеком?

1. Зачем же я учиться-то буду?

2. Конечно, хозяйство, будут деньги — и учиться сможешь хоть на кого.

3. И то, и другое важно, главное — ухитриться все совместить правильно.

4. Конечно, крепкое хозяйство — сейчас это главное, это лучше, чем просто книжки читать.

5. Кому как. Кому-то учиться не нужно, но, с другой стороны, не хлебом единым жив человек. Пусть он будет грамотным.

6. Учиться важнее. Легче жить, когда у тебя есть образование.

7. Конечно, хозяйство, потому что образование получать, а работы нету, что с ним, что без него.

8. В первую очередь нужно, чтоб хозяйство было крепкое. А будут деньги — будет и образование.

9. Крепкое хозяйство — это главное, а остальное приложится.

10. Сейчас важнее всего деньги, а это — хозяйство, все остальное потом. Будут деньги — будет и образование.

11. Человек должен уметь все и хорошо: и учиться дальше, и хозяйство крепкое держать.

12. Образование важно, но все же для меня хозяйство — это главное, будут деньги — и учиться можно.

III. Лексика

13. Учиться всегда нужно, люди с образованием всегда будут в жизни лучше устроены.

14. На данный момент главное — это хозяйство.

15. Все важно, и хозяином своей земли быть, и ученым тоже.

4. Хотели бы ли Вы, чтобы Ваши дети обязательно получили высшее образование?

1. Не обязательно. Это нужно умным людям.

2. Не обязательно, работать надо.

3. Конечно, да. Самому мне так не посчастливилось.

4. Не обязательно.

5. Только тот, кто нуждается в знании. Дальше школы — незачем.

6. Конечно, хотелось бы, но сейчас не всегда есть возможность и деньги.

7. Хотела бы, но все равно учить не на что, денег нет.

8. Это, безусловно, необходимо, и всем этого желаю, хотя у самой не вышло.

9. Образование нужно и учиться нужно после школы сразу, а то потом время уйдет, и все.

10. Это не обязательно, нужно, чтобы в жизни они устроились. Раньше ведь жили без институтов, и сейчас можно.

11. Это нужно, но просто сейчас не у многих есть возможность.

12. Если можно быть уверенным, что именно в государстве не переменится, то учиться можно было бы, а так...

13. А кто ж этого не хочет...

14. Нужно, чтобы они обязательно получили высшее образование.

15. Да, хотелось бы, но не все к науке способные.

5. Каким бы Вы хотели видеть нормальный жизненный путь своих детей (последовательность событий в их жизни)?

1. Будешь трудиться — будешь счастливым, и дома, и с женой, и с детьми. Чтобы самостоятельными были.

2. Дети должны помогать родителям и быть настоящими гражданами.

3. Чтобы были просто патриотами.

4. С малолетства трудиться и родителей почитать.

5. Самое главное — чтобы они трудились добросовестно. В школу пошли, не пили потом.

6. Чтобы выучились, людьми стали и родителей не забывали.

7. Главное, чтоб семья была хорошая, и я бы им гордилась.

8. Мне сложно ответить на этот вопрос, так как своих детей нет, но если бы были, то нужно, чтобы они выросли достойными людьми.

9. Чтобы семью создали добротную и порядочными людьми были.

10. Я не знаю, потому что не всегда получается воспитать так, как думаешь, считаешь правильным. А вообще, чтоб духовными людьми были.

11. Чтобы честными были всегда и с людьми, и с детьми своими, как я сама.

12. Главное — это семейная жизнь.

13. Выучились и достигли намеченных целей.

14. Чтоб семья была хорошая, жили в мире и согласии и родителей не забывали.

15. Они должны трудиться и землю обрабатывать.

6. Ваше понимание дома, что Вы под этим понимаете: изба, двор, семья, мир вокруг меня, домашний очаг, печь?

1. Дом — это все, вся жизнь. Двор, семья, хозяйство, дети — это главное.
2. Дом — это огородинка и дети.
3. Мой дом — это там, где меня всегда ждут и не прогонят.
4. Дом — это семья и крыша, и, главное, дети.
5. Дом — это все, вся жизнь. Двор, семья, хозяйство, дети — это главное.
6. Это огородинка, семья и дети.
7. Это большое понятие, это дом, хозяйство, и, конечно, семья.
8. Мой дом — моя крепость, и главное — люди, которые там живут.
9. Свои стены, говорят, греют. Дом есть дом, никто не трогает — и ты спокоен.
10. Дом — это оплот человека и, главное, семья. Это родовое гнездо и память о предках.
11. Дом — это малая родина, это семья и дети.
12. Для меня дом — это семья и дети.
13. Дом — это мое святое место.
14. Дом — это все: и хозяйство, и изба, и семья. Семья — это главное.
15. Дом — то место, где можно трудиться, ведь в лесу твое добро никому не нужно.

7. Можете ли Вы не выходить за пределы двора, усадьбы (не считая выходов в магазин, контору, школу...) и не чувствовать в этом потребности?

1. Такое бывает. Можно очень долго сидеть [дома].
2. Я сама домоседка, мало куда хожу.
3. Могу, дома работы много. Выхожу вообще редко.
4. Нет, я так не могу, люблю бывать с людьми.
5. Такое бывает. Можно очень долго сидеть, не вылазить [из дома].
6. Так часто бывает.
7. Сейчас ходим мало, денег нет.
8. Раньше любила ходить в лес, а сейчас нет. Дома лучше.
9. Я мало где была, никто у меня не ездил никуда.
10. Нет, мне нужно ходить, говорить с людьми, и дома не могу долго находиться.
11. Я домоседка, особенно сейчас, только на скамеечку хожу за ворота и в магазин.
12. Я на работу хожу, но лучше б дома сидела.
13. Часто бывает, порой из дома и шагу ступить нет желания.
14. Такое бывает очень редко.
15. Я дома люблю сидеть, в тепле, в уюте.

8. Часто ли Вы ходите на другой конец села? Часто ли выезжаете в соседнее село? Любят ли вообще семейские ездить, путешествовать?

1. Ездим, или свадьба, или похороны. А так-то люди прижимистые, ездят мало.
2. Семейские домоседы, как я.
3. Семейские не любят путешествовать, они домоседы.
4. Если есть возможность, то всегда ездю в другие села. А так семейские — домоседы.
5. Семейские так-то домашние. Но все-таки ездим по деревне, до города, в другие города.
6. Мы в магазин-то раз в месяц ходим, а в другие села вообще забыли, когда были. Семейские — домашние люди.

III. Лексика

7. Дальше республики я нигде не была. А семейские — оседлые люди, домашние.

8. Наверное, любят больше путешествовать.

9. В другие села ездили к родне, а так семейские — домоседы.

10. Ездим только в другие села, по своей натуре семейские — домоседы.

11. Редко, потому что дел дома много. И мы, семейские, домоседы больше.

12. Я ездила, пока деньги были. Семейские больше домашние люди.

13. Только по разным поводам — похороны, свадьбы. А так мы домашние по натуре.

14. Раньше ездил часто, а сейчас редко. А семейские все же больше домоседы.

15. Семейские — домашние люди, домоседы.

Заметим, что совпадения в формулировках ответов иногда поразительны. Например, на вопрос, что нужно человеку для счастья, получены следующие ответы¹: *Это когда жена рядом, дети, чтоб дома кусок хлеба был* (3); *Чтоб у детей все было хорошо, чтобы здоровье было, чтобы мужик не хворал* (5); *Спокойная жизнь в доме, уют, работа, дети, достаток* (6); *Не голодными быть. Детям чтоб счастье было, и здоровыми были* (7); *Счастье — это когда душа спокойна, никаких тревог и проблем, и в жизни он пристроенный* (10); *Иметь хорошего мужа и детей* (13); *Счастье — сделать что-то для себя и для людей. Детишек [чтобы] растили, работали и не воровали* (15); и т. п.

Из всех полученных ответов видно, что иерархия ценностей в сознании семейских выстраивается таким образом: здоровые и правильно воспитанные дети, наученные трудиться и почитать родителей; крепкая усадьба, ухоженный плодоносящий огород; лишь затем — образование (выше средней школы, а иногда и отрицается его необходимость); и практически отсутствует потребность видеть мир, путешествовать. Конечно, многое определяют и условия жизни современной российской деревни, когда средств хватает только на существование и большинству населения не до путешествий, но семейские сами подчеркивают, что они "домоседы".

Необходимость упорно трудиться, трудиться на земле проходит красной нитью во многих высказываниях; нормальный жизненный путь своих детей семейские тоже видят в этом: *Будешь трудиться — будешь счастливым, и дома, и с женой, и с детьми* (1); *Не обязательно [иметь высшее образование], работать надо* (2); *Всю жизнь трудиться, чтоб людям в глаза не стыдно было смотреть* (4); *Самое главное — чтобы они [дети] трудились добросовестно. В школу пошли, не пили потом* (5); *Остаться добрым и преданным своей земле человеком* (3); *Чтобы дети хорошо поняли, что главное в жизни — это труд ... и чтоб у земли были настоящие хозяева* (14); *Они [дети] должны трудиться и землю обрабатывать* (15), и под.

Дом, усадьба являются центром жизни семейского крестьянина, за пределами которого практически отсутствуют его интересы: *Дом — это все, вся жизнь. Двор, семья, хозяйство, дети — это главное* (1); *Дом — это огородинка и дети* (2); *Дом — это семья и крыша, и, главное, дети* (4); *Свои стены, говорят, греют. Дом есть дом, никто не трогает — и ты спокоен* (9); *Я на работу хожу, но лучше б дома сидела* (12) (это ответ учителя! — И.С.); *Я сама домоседка, мало куда хожу.*

¹ Цифрами после ответа обозначены номера информантов в списке (см. Список информантов).

Семейские домоседы, как я (2); Семейские не любят путешествовать, они домоседы (3); Я дома люблю сидеть, в тепле, в уюте (15); и т. д.

Крепкое хозяйство — одна из основных ценностей, мерило того, состоялась жизнь или нет: [Что важнее для человека — хозяйство или учеба?] Конечно, хозяйство, будут деньги — и учиться сможешь хоть на кого (2); Конечно, хозяйство, потому что образование получать, а работы нету, что с ним, что без него (7); Конечно, крепкое хозяйство — сейчас это главное, это лучше, чем просто книжки читать (4); Крепкое хозяйство — это главное, а остальное приложится (9); Образование важно, но все же для меня главное — это хозяйство, будут деньги — и учиться можно (12) и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что жизненные приоритеты современных старообрядцев Забайкалья — это семья, дети, стремление крепко стоять на ногах, иметь материальный достаток в доме — центре бытия, приучить к упорному физическому труду детей. Стремление к познанию "большого" мира, интеллектуальному труду, образованности не входит в эти приоритеты. Мир семейских часто замыкается границами двора, усадьбы, они не охотники путешествовать. Кроме того, сказываются отголоски двухвековой отгороженности старообрядцев от внешнего мира: и до сих пор принцип, в свое время помогший им выжить, "мой дом — моя крепость, куда нет входа "чужим", "чужеведам", присутствует в сознании многих современных семейских. Семейским не свойственна так называемая знаменитая русская широта души, неоглядная щедрость. По существу, эти установки совпадают с общекрестьянскими жизненными принципами, отличие — лишь в усилении акцента на способности упорно трудиться как мерило ценности человека. Осознание того, что ТРУД, понимаемый как ТРУД НА ЗЕМЛЕ, есть основа благополучия, в менталитете семейских составляет ядро их картины мира; созерцательность, лень всячески осуждаются и наказываются. До сих пор семейские являют собой образцы трудолюбия, что отмечается всеми исследователями Забайкалья (см. об этом в 1-й главе). Как мы видели, ТРУД не представлен вообще в схеме В. В. Воробьева. Об этом понятии автор монографии упоминает лишь в главе "Прикладные аспекты лингвокультурологии", где он пишет о лексико-семантической группе "Русский труд как нравственная ценность", которая, по его мнению, может стать языковым обеспечением сквозной культурологической темы при изучении русского языка иностранцами¹.

В романах И. Калашникова находим отражение этих же целеустановок семейского крестьянина. Приведем контексты из романов, которые явным образом отражают особенности мировосприятия семейских.

Отношение к труду, отрицание интересов "внешнего мира":

– *Не нашего ума дело — политика. Наше дело работать*².

[На работу надо спешить], *а то в поле выедешь позже всех, и мужики про смеют*³.

Въелись семейские в землю, как голодный в краюху хлеба. Работали до ломоты в костях, до надрыва. Иначе было нельзя. Земли много, но... Летом солнце палит, бывает, месяцами не выпадает и дождинки, все горит... А зима? Плю-

¹ Воробьев В. В. Указ. соч. С. 280.

² ПО. С. 9.

³ РТ. С. 69.

III. Лексика

нешь, долетел плевков до земли — покатился льдинкой. Лясы точить, ушами хлопать было некогда¹.

По крестьянской привычке вставал Лучка на заре, хотя спешить было некуда — рабочий день в МТС начинался в восемь часов, по деревенским понятиям — непростительно поздно. Подумать только, солнце уже вон где, роса высохла, люди на сенокосе успели спину наломать, а тут только собираются за дело браться. Опять же и по вечерам... У колхозников впереди целый уповод, а тут уже пошабашили².

ТРУД семейскими понимается прежде всего как ТРУД НА ЗЕМЛЕ, ХЛЕБОРОБСТВО:

Викул Абрамыч однажды внес предложение [на обсуждение в правление колхоза] сколотить из стариков бригаду бондарей, делать бочки и торговать ими.

Стефан Белозеров многозначительно глянул на Игната, сказал сквозь зубы:

— Еще бы известь выжигать да деготь гнать на продажу.

— И это можно! — радостно подхватил Викул Абрамыч.

— Не сепети! — одернул его Лифер Иваныч. — Мы, поди, хлеборобы. Нам ли в побочном промысле долю искать?

[Луку Богомазова исключили из колхоза и отняли землю огорода, в итоге погибли саженцы, воплощавшие в себе мечту Луки о яблоневом саде]:

— Хватит дымить [пьянствовать], Лука, — сказал Максим. — Займись лучше чем-нибудь. В МТС [на машинно-тракторную станцию] люди требуются.

— Пусть там твой Белозеров работает! Я не керосинщик. Я хлебороб!³

...сами колхозники показали, что не очень-то они кинутся промышлять то да се, каждый из них пуповиной связан с землей, оторвать ее можно только с болью и кровью. Совсем нелегко было покинуть родные поля тем, кто подался на заработки; где бы они ни работали, как бы справно ни жили, эти поля, политые потом отцов и прадедов, истоптанные босыми ногами детства, будут звать их к себе, будут сниться в тревожных снах⁴.

Итак, мы видим, что приоритет доминанты ТРУД причем как ТРУД НА ЗЕМЛЕ, хлеборобство отражается в контекстах романов И. Калашникова. Обратим внимание на то, что далеко не все слова со значением "труд", "трудиться" в этих отрывках диалектные, предполагаемое поле "Труд" (см. дальше) в основном, видимо, представлено лексикой общерусской.

При интервьюировании в числе приоритетов семейские называют такую общечеловеческую ценность, как здоровые и правильно воспитанные ДЕТИ. Эта доминанта является явной для каждого человека, нет необходимости ее доказывать.

Центром жизни крестьянина является ДОМ, УСАДЬБА:

Обстраивались [семейские на новом месте, в Сибири]. Дома ставили высокие, многооконные, наличники, карнизы изукрашивали кружевной резьбой, подворье огораживали глухими заплатами из тесаных бревен⁵.

[В военную зиму, когда не было коней, чтобы привезти лес на дрова, приходилось пускать на дрова постройки]:

¹ НПП. С. 1–10.

² РТ. С. 311.

³ РТ. С. 301.

⁴ РТ. С. 532.

⁵ НПП. С. 10.

– Богу на вас [руководство колхоза] молиться? Лес рядом, а на дрова постройку рушим. Дело это?

– Не дело, — покорно согласился Иван Афанасьевич. — А куда денешься? Тебе ли не знать... Корма, бывает, подвезти не на чем. Постройку новую возведем...

– Голова у тебя сивая, а ума, вижу, не так уж и много. Просто, думаешь, пилить на дрова плахи, вытесанные руками моего Семена? Не постройки в пепел возвожу, а всю жизнь прошлую...¹.

Дома у старообрядцев Забайкалья действительно отличаются от домов остальных групп населения Сибири. Они обычно покрашены масляной краской, часто в яркие цвета, огорожены высокими плотными заборами, усадьба имеет обычно три двора: первый — собственно двор перед входом в дом, второй — с огородом и помещениями для домашних животных, третий — с картофельным полем, сеновалом, выгоном для телят. Кроме дома, имеется летняя кухня, зимовье, баня, сараи, амбары, крытые навесы и др.

Приведем примеры, подтверждающие отношение к учебе у семейских как к неглавному занятию в жизни:

С братом Максимкой разговор не тот получается. Грамотой набил голову, как нищий суму подаянием. Лежит дома с перебитой ногой [после ранения кулаками], делать ему нечего, книжки, газеты почитывает, умные рассуждения о жизни ведет. Будто книжка научит, как тропу в мир торить и с шагу не сбиваться. У каждого своя жизнь, ее под книжечку не обстригаешь...².

Это рассуждение Корнюхи, брата Максима, он на протяжении всего романа занимает осуждающую позицию по отношению к Максиму, не понимая, почему младший брат "активничает".

Викул Абрамович, по оценкам сельчан, мужик хитрый и предусмотрительный, так отзывается о том, что в деревне начали учить женщин грамоте:

— ... Моя деваха, Польша, тоже каждый вечер по букварю носом елозит. А где польза? Или грамотным жалованье особое будет. Надбавка какая за ученость? А то чистим, к примеру, стайку. Старуха ни одной буквицы не знает, Польша по букварю без запинки чешет, а разницы никакой. Нарочно приглядывался. Старуха коровью лепешку на вилы и в короб, Польша — на вилы и в короб³.

Фетинья Трофимова, бабушка Панкратки, с огромной неохотой отпускает внука на учебу в город:

Да как не будешь учиться, когда другие учатся? Придумали, идола, до женишьбы в школе держать! А зачем? Кто в начальники хочет — сиди хоть до седых волос. А нам-то зачем?⁴.

Сейчас все на ученье уповают. Ну, надо, должно... Так семь лет проучился — чего еще? Нет же, мало. Человеку пора своих детишек нянчить, а он с книжкой под мышкой шатается. Потом заставь его тяпкой картошку огребать или ло-

¹ НПП. С. 52.

² РТ. С. 155.

³ ПО. С. 225.

⁴ НПП. С. 2–32.

III. Лексика

*пато́й наза́м воро́чатъ. Будет, как же! ...Будете елозить рукой по бумаге, пока усы не отрасли!*¹

Особенно явно приоритеты крестьянина выражены в отрывках, в которых говорится о семейской женщине: *Стала Фетинья приглядываться к девкам [в поисках невесты сыну], все строго и придирчиво взвешивая. У одной родители хорошего корня, но сама росточком не вышла, ноги тонкие — слабосильная, а бабья доля — воду носи, дрова вози, сено коси, от мужика не отставая, кроме того, и хлеб испеки, и щей навари, и дом обиходь, и за ребятей пригляди... Худотелая может не сдюжить. Другая... Эта в теле, груди — кофту рвут, щеки краской налиты, спина шире печки... Всем взяла, но взгляд... Уж такой вялый, все время кажется, что вот-вот с постели поднялась, проснуться окончательно не успела. Ленивая, однако, будет... Сколько ни перебирала, отобрала. Остановилась на Лушке из многодетной семьи Федора Носкова. В нужде росла, стало быть, сладким куском не набалована. И к работе приучена*².

Обратим внимание на то, что в подборе невесты сыну Фетинья совершенно не упоминает таких качеств, как образованность, культура будущей невестки, в то же время выдвигая критериями положительной оценки способность хорошо и быстро трудиться, быть заботливой хозяйкой и матерью.

Еще примеры из того же ряда:

*[Жена] в молодости была ... полногрудой, краснощекой, так же вот, без звона и бряканья, умела обиходить дом. Берег ее, не дупил чембуром или вожжсами, как другие мужики делают...*³

*...Настя да Настя. Смотреть особо не на что. Кругленькая, справная, конечно, но и других девок бог здоровьем не обидел, поджарую, тонконогую днем с огнем не найдешь по всей Тайшихе*⁴.

Таким образом, мы можем утверждать, что в романах И. Калашникова отражаются фрагменты концептуальной картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья. Картина мира героев его произведений — часть и его собственной картины мира, а ее отражение в текстах художественных произведений писателя — один из важных аспектов его идиостиля. В основе языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья лежит общенародная, общерусская языковая картина мира. Как и в общерусской КМ, ВЕРА И СОБОРНОСТЬ являются основными отличительными чертами семейского человека наряду с доминантами СЕМЬЯ, ДЕТИ, ДОМ, УСАДЬБА. Но есть и определенные отличия: к ярко выраженным доминантам КМ семейских относится ТРУД, в частности, ТРУД НА ЗЕМЛЕ, чего нет в КМ общерусской (по В.В. Воробьеву), в то же время в КМ семейских меньше роль ВЫСШИХ ФОРМ ОПЫТА, ШИРОТЫ ДУШИ, ВСЕМИРНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ. Это обусловлено исторически — особенностями условий жизни старообрядцев в Сибири и их взаимоотношений с властью.

¹ НПП. С. 2–67.

² НПП. С. 1–15.

³ РТ. С. 5.

⁴ РТ. С. 18.

Список информантов, участвовавших в социолингвистическом эксперименте

1. Аносова Евдокия Ивановна, 1938 г. р., образование 7 кл.
2. Дульская Мария Михайловна, 1935 г. р., образование 3 кл.
3. Калашников Демид Афанасьевич, 1931 г. р., образование 4 кл.
4. Хомяков Иван Кузьмич, 1931 г. р., образование 7 кл.
5. Чеботарева Зинаида Севостьяновна, 1946 г. р., образование среднеспеце
6. Калашникова Полина Ивановна, 1936 г. р., образование 7 кл.
7. Носкова Антонина Ларионовна, 1939 г. р., образование 4 кл.
8. Иванова Марина Семеновна, 1950 г. р., образование среднеспеце
9. Родионова Валентина Моисеевна, 1929 г. р., образование 7 кл.
10. Красиков Григорий Фомич, 1956 г. р., образование среднеспеце
11. Суменкова Мария Назаровна, 1917 г. р., образование высшее (учитель)
12. Комова Анна Александровна, 1946 г. р., образование высшее (учитель)
13. Павлуцкая Галина Вениаминовна, 1949 г. р., образование неоконч. высшее
14. Евдокимов Иван Иванович, 1958 г. р., образование высшее (сельскохозяйственный институт)
15. Рачков Николай Михайлович, 1936 г. р., образование среднетехническое.

IV. ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА

Т. Б. Юмсунова

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ В ГОВОРАХ СЕМЕЙСКИХ — СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

В настоящей главе описываются семейные обряды старообрядцев Забайкалья, связанные с рождением ребенка, его крещением, свадьбой, смертью и поминками, отмечается диалектная обрядовая лексика. Такое описание чрезвычайно важно в связи с разрушением старых обычаев в годы советской власти на большей части территории России, в том числе и в Забайкалье, сохранением разных фрагментов этих обычаев только в памяти старшего поколения.

Лексика родильно-крестильного, свадебного и погребально-поминального обрядов семейских значима и тем, что дает возможность обнаружить связи семейных обрядов старообрядцев Забайкалья с обрядами, характерными для прежних мест их проживания, и тем самым еще раз подтвердить материнскую основу старообрядческих говоров Забайкалья.

Родильно-крестильный обряд

Родильная обрядность представляет собой одну из самых интимных сторон жизни крестьянской семьи и теснейшим образом связана с религиозными воззрениями. Являясь составной частью традиционной народной духовной культуры, она рассматривалась и рассматривается в разных аспектах отечественными и зарубежными этнографами, фольклористами, лингвистами, культурологами².

Родильный обряд можно условно разделить на две части: собственно родильный и крестильный. Семейские женщины рожали обычно дома, но если время

¹ Материал взят из монографии Т. Б. Юмсуновой «Язык семейских-старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры», 2005. С. 191–230, доработан и сокращен автором.

² См.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1927/1991; Лебедева А. А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975; Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992; Листова Т. А. Таинство крещения у старообрядцев Северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992; Власкина Т. Ю. Донские былички о повитухах // Живая старина. 1998. № 2. С. 15–17; 1998; Ларина Л. И. Лексика родильного обряда Курского региона // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. СПб., 1998. С. 94–98; Меркулова Л. И. Наименования повивальной бабки в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. СПб., 1998. С. 90–94; Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; Юмсунова Т. Б. Лексика родильно-крестильного обряда в говорах старообрядцев Забайкалья // Фольклор и литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 203–218; Она же. Родильно-крестильный обряд у семейских Забайкалья // Живая старина. 2001. № 2. С. 2–5; и др.

родов совпадало со страдой, то рождение ребенка могло произойти и прямо в поле: *Бывало, и у поля рожала. Родить под суслоном, и домой вязуть* (М.-Тала, Заигр.). Если женщина рожала в избе, старались отделить ее занавеской. Вешали занавеску и на окно.

Время родов тщательно скрывалось ото всех, особенно от незамужних девушек. Бытовало поверье, что, если девушка узнает о предстоящих родах, роженице предстоит *«за девичьи волосы за каждый волосок отмучитца»* (Дес., Тарб.). Также считалось, что чем больше людей будет знать о родах, тем тяжелее они будут протекать, очень боялись сглаза. Существовало много запретов для беременной женщины. Так, ей возбранялось перешагивать через коромысло, через оглобли от телеги, иначе они якобы будут давить ей на живот (Мухоршибирский район), через открытое подполье (Тарбагатайский район).

Роженицу называли *родилка, родильница, родиха*. Она считалась «нечистой», поэтому женщины иногда рожали не в избе, а, например, в бане, в *зимовье* (небольшой второй избе на переднем дворе), в *сарая* (помещении для домашнего скота): *И у бане рожали, и (в) избе рожали, и у каком-то тёплом сарае, у зимовье рожали, как-нибудь тряпку постеляют, и на соломе* (Дес., Тарб.).

Нередко на помощь звали повивальную бабку (*бабку, бабушку, баушку*), которая приходила *«не очень заране, може, час-два посидить»*.

Повивальной бабкой могла быть только пожилая уважаемая женщина, имеющая своих детей. Она не только принимала роды, помогала при родах (*бабничала, ручела ребёнка*), но и примерно с неделю ухаживала за роженицей: *Бабушка по первости кажын день придёт: утрам придёт, вечером идёт* (Шарал., Мухор.); *Она приходила ребёнка ручеть: это она ево принимала у рути* (М.-Тала, Заигр.). И по прошествии недели бабка продолжала *наведывать* женщину, *дглядывала* за ней и за ребенком, заговаривала (если возникала такая надобность) у ребенка грыжу.

Для облегчения родовых мук жарко топили в избе печь, зажигали свечи, бабка читала молитвы, роженице распускали косы, давали прикусить прядь ее волос, развязывали на ней все узлы, снимали кольца. При родах женщины просили помощи у Богородицы, а после родов говорили: *«Слава Богу, опросталась!»*. Мужа в это время, как правило, выгоняли из дома.

После окончания родов бабка перерезала пуповину, послед мыла, заворачивала в чистую тряпочку и закапывала где-нибудь в укромном месте, *«агде люди не ходють, у чисто место»*: чаще всего в подполье, или в завалинке, или в огороде возле прясла: [Когда] *пуп зарыт у подпольях — со всех мес(т) прибяжышь* (Урл., Красночик.). Послед называли *место, местечко, последок*. Пуповину было принято высушивать и сохранять. Причем пуповины всех родившихся в этой семье детей собирали в один мешочек, считая, что дети тогда никогда не расстанутся: *Это признак такой был, што сколь будет дятей, пуповину уместе штоб, вот они уместе и будут. А если отдельно, то они путём друх друга и не признают* (Дес., Тарб.). Мешочек этот чаще всего убирали за божницу. Высушенную пуповину могли употреблять и для лечения: ее растирали, настаивали и поили ребенка в случае грыжи (Мухоршибирский район). В этом же районе отмечено верование, по которому пуповину берегли всю жизнь для того, чтобы была хорошая память, считали, что она *«ум развязывает»*. Однако имела место традиция зака-

IV. Обрядовая лексика

пывания пуповины вместе с плацентой в подполье (Тарбагатайский, Мухоршибирский, Бичурский районы).

Следующий обрядовый акт, происходящий после родов, — очищение водой роженицы, новорожденного и повитухи (*обмывание*). Сначала *бабка* моет ребенка и передает его другой невестке, затем моет роженицу и обмывается с ней сама: *Перед кряшнем три дня подряд топили баню и мыли рябёнка и мать* (Бич., Бич.).

Расставание роженицы и повивальной бабки завершалось вознаграждением последней за ее труды при родах и по уходу за роженицей в первые дни. У семейских это передавалось словосочетанием *размывать руки*: *В трёх банях мылись, а потом у нас заключение — руки с баушкой размывали: баушке поклонимся, она поклонится, простимся. Бабушке деньги давали, на стол собирали, чай пили. Баушка со мной в баньке-то моетца, чиститца* (Бич., Бич.). *Руки размывали* до крещения ребенка.

Данный обряд совершался на третий, восьмой, сороковой день и несколько варьировался по районам. Так, в Мухоршибирском районе он отмечен в следующем виде: *бабка-повитуха поливала из ковша теплой водой три раза на руки роженице и себе, затем из этого же ковша обмывала ей грудь. Благодарили бабку не деньгами (их и не было), а дарили платочек, отрез ткани (товара) на рубаху, на фартук (запон), кусок мыла и т. д.* В Тарбагатайском районе перед обрядом размывания рук *бабка* должна была истопить три бани подряд по субботам и перестирать все рубахи роженице, а «*как последнюю выстирает, руки размывают*». Эту воду выливают в подполье, «*шоб по этой водичке никто нигде никогда не ходил*» (Н. Жир., Тарб.). Акциональная сторона этого обряда, без указания на территорию распространения описана В. И. Далем¹.

Обычно роженица после родов не показывалась на люди до сорока дней, поскольку считалась «*нечистой*». Женщине сорок дней нельзя было ни есть, ни пить ничего холодного, она должна была тепло одеваться, особенно беречь ноги, говорили: «*Не бойся родов, бойся отродок*» (периода после родов, который длился сорок дней). Считалось, что после родов у женщины «*усё расходится, усе суставы*», а после сорока дней все становится на свое место: *Рожальницы сорок дён береглись, потому што говорили «гробница* (внутренний женский половой орган; матка) *открытая»* (Дес., Тарб.). Кроме того, боялись сглаза. И в настоящее время младенца в первое время не показывают посторонним, поскольку боятся *уроков* (болезней, вызванных колдовством, наговорами): *Приходят к родильнице суседи и родственники с пирогами и тарками, но младенца две недели не показывают: боятца сглазу и уроков* (Мухор., Мухор.). От сглаза обыкновенно *умывают с уголька и носят на зори*, т. е. выносят из избы рано утром и поздно вечером.

Новорожденный ребенок обычно спал в колыбели (*зыбке, люльке, качуле, колыбалке*), на которую вешали полог. Случалось, что младенца клали спать на русскую печку, считая, что это полезно для его здоровья: *Мать ребёнка грудью накормит и на печку, шоб тёпленько было* (Тарб., Тарб.).

Важным этапом в родильном обряде является первое посещение односельчанами (обычно женщинами) роженицы. У семейских оно передается словосочета-

¹Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. С. 37.

нием *ходить (пойти) на родины*. Посещали, нередко по несколько раз, прежде всего родственницы, приносили что-нибудь изстряпни: сладкие пироги (*лепёшки*), сдобные булочки, ватрушки с различной начинкой (*тарки, творожанки, шаньги*) и т. п.: *На родины ходить, нясуть постряпушти всятие* (Хас., Хор.)

Страшным грехом у семейских считались аборты, говорили, что женщины, которые это сделали, *«будут на том свете носить дятел во рту»* (Ник., Мухор.).

Одним из важнейших таинств святой церкви является крещение. Согласно нашим экспедиционным данным, семейские обычно крестили ребенка на восьмой день, однако в случае необходимости крестили раньше, так как боялись, что младенец может умереть некрещеным, а поэтому не попадет в рай: *Это родитца, на восьмой день положыно-то крестить, на восьмой быдто, а там как удавалось, как приходилось. А на восьмой день обязательно, штобы чо не случилось, не помёр бы, штобы перед родителями не было греха* (Дес., Тарб.). Некоторое исключение составляет с. Тарбагатай Тарбагатайского района, в котором крестили обычно на сороковой день, поскольку только к этому сроку «очищается» мать. Если была некрещеная мать ребенка, то крестить младенца запрещалось, если отец, то допускалось.

Если ребенок умирал до крещения, его закапывали без похорон.

Традиция крещения новорожденных в целом сохраняется у старообрядцев Забайкалья до сих пор, хотя и нередки случаи, когда в силу сложившихся обстоятельств крестят уже подросших детей.

У старообрядцев поповского толка (*поповцев*) крещение осуществлял священник, у старообрядцев-беспоповцев — уставщик «посвящал в крещение», *погружал: Наша вера церковново крешення не признаёт. У нас три раза в воду погружают* (В. Жир., Тарб.). Человек, крещенный уставщиком, назывался *погружённый: У попа, значит, кряшоный, а уставшыка — погружоный* (Ник., Мухор.). Священник потом по желанию родителей мог закончить данный обряд (*довершить, завершить, наверхить*): *Ежели уставшык али бабка крестили рябёнка, поп довершал* (Ник., Мухор.); *У попа наверхала дитей, усех наверхыла* (Мухор., Мухор.). Когда не было поблизости ни священника, ни уставщика, крестила бабка, которая принимала роды: *Крестили, попы крестили. У нас не было, а старуха крестить* (Мих., Киж.).

Младенца трижды полностью окунали в воду, которая была налита в *купелю, купельницу/купальницу, купельню/купальню* 'купель'. Само действие чаще передавалось глаголами *курнать (курнуть), обкурнать (обкурнуть), обкупывать (обкупнуть), окупывать (окупнуть), окурнать (окурнуть), опущать, погружать (погрузить)* и др.: *Попы-то с головой курнали — нос, рот заткнуть и туда, в купелю, ишо в холодной воде* (Мих., Киж.); *Такая купальня большая, как корыто такое, и в эту холодную воду бац туда [ребенка], молитву читает [священник] и бултыхает* (Мот., Бич.) и др.

Окунали ребенка лицом на восток, поскольку считалось, что «вся божья сила на востоке». На руках, а чаще в воде, младенца быстро поворачивали по часовой стрелке, «по со(л)нцу»: *С колодца воду принясут, курнут ево туда, на руках обвернут и опять в купелю* (Тарб., Тарб.). Если крестил священник, то он читал над водой специальную молитву, уставщик не имел права этого делать.

IV. Обрядовая лексика

Крестили раньше в холодной воде, в воду из проруби или из колодца добавляли немного крещенской воды, которую обычно хранили в крынках или в бутылках в подполье: *В купелью наливают холодной воды и добавляют три ложечки воды из проруби, то есь кряшенской воды* (Бич., Бич.). Если при зачерпывании в ведро что-то случайно попадало (например, льдинки), то не выбрасывали, а так и наливали в купель, говорили: *Чо попадётся там, не убрасывай, няси*. Поэтому нередко были случаи, когда дети простужались и умирали. Теперь повсеместно крестят только в теплой воде.

За крещенской водой ходили обычно в ночь с 18 на 19 января, причем брать ее полагалось из проруби (*ардани, ивордани*) после 12 часов ночи до рассвета. Зарегистрированы случаи, когда крещенскую воду брали в день Крещения, 19 января, в три часа ночи, чтобы *«ворон не успел напитокца»*, поскольку ворон в народных представлениях — нечистая и зловеющая птица, связанная с миром мертвых. В настоящее время крещенскую воду могут брать и 18 января вечером прямо из своего колодца, водопроводной колонки (Красночикойский район).

Зафиксированы единичные случаи, когда после того, как окрестят ребенка, той же водой в купели обмывали грудь матери (в Бичурском, Тарбагатайском районах). Этот обряд символизировал очищение матери: теперь ребенок *не поганитца*. Да и сам он после крещения не будет *поганым* и его можно целовать: *Рябёнка обязательно надо покрестить. Пока рябёнка не покрестють, целовать грех* (Тарб., Тарб.).

Вокруг купели зажигали свечи, ставили свечи и на божницу перед иконами, уставщик читал молитвы, крестная (*крёсна, крёстка*) вслед за ним их повторяла: *На купелью шьвечи ставят, а потом баушка читает молитву, крёсна должна отречься от сатаны* (Н. Жир., Тарб.).

У семейских при совершении обряда крещения чаще присутствовала одна крестная. Статуса крестного отца либо не было вообще (чаще в Мухоршибирском районе), либо он не всегда присутствовал на обряде крещения (Тарбагатайский район). Однако в Красночикойском районе у мальчика должны быть крестный и крестная, а у девочки — только крестная. Крестная принимала от священника (или от уставщика) младенца в большое чистое полотенце, простыню или в пеленки: *От уставшыка рябёнка приняла, вот тут-то ты крёсна и получаешься* (Бич., Бич.); *Принимат крёсна, не мать. Родители и усе можуть где-то там стоять* (М.-Тала, Заигр.). Если же были оба крестных, то девочку принимала крестная, а мальчика — крестный. В с. Хонхолой Мухоршибирского района зафиксирован обычай иметь при крещении трех крестных: двух взрослых — мужчину и женщину и подростка — *закрёстника*: *Крёсная, крёсный и потом ишо закрёсник — самый малый*.

Крестных выбирали, чаще всего это были родственники. *Крёсные отец и мать — это ково любят, по душе выбирают* (Бич., Бич.). Быть крестным у семейских обозначало породниться с этой семьей, следовательно, их дети уже не могли вступить между собой в брак. С этого времени крестные вторые родители и несут наряду с родными ответственность за воспитание ребенка в христианском духе, а в случае смерти отца и матери полностью отвечают за крестника. Приглашение в крестные считалось у забайкальских старообрядцев почетным и в то же время налагало большую ответственность перед Богом и людьми.

В день крещения крестная приносила из проруби или из колодца воду, приносила, а после уносила купель: *Крёсна сходить на речтю, если зямой, то лёд разобьёт и воды набярёт из проруби, да принясёт* (Б. Кун., Тарб.). После завершения обряда воду из купели выливали не куда попало, а в определенное место: *Уливают воду из купели в одно место, чтоб не ходили по ей, в углышко уливают* (М.-Тала, Заигр.).

Среди семейских бытовало поверье, что во время крещения уставщик мог определить, кто будет жить, а кто — нет: *Окунёт, а потом рассказывает: этот вот будет жить, этот — нет* (Нов., Бич.).

Обряд крещения обязательно включал надевание креста, пояса и имянаречение. На шею только что окрещенного ребенка вначале уставщик (или священник) надевал крестик на *гайтане* (тканом шнурке или веревочке для ношения креста на шее) и говорил: *«Молоденец Ивован окряишаецца крястом и поясом награждаецца. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа ныне, и присно и вовеки вяком. Аминь!»* Причем различались «мужской» и «женский» крестики: первый был с прямоугольными краями, второй — более округлых, мягких очертаний. Затем крестная надевала ребенку рубашку (*крещёнку, хрещёную рубашку*), которую для этого случая специально шили, подпоясывала ее пояском или просто *вязочкой* и на голову надевала шапочку: *Кряишонка новая, не стираная ничо, а новая, шытая* (Б. Кун., Тарб); *Рубаху одеваля и запоясываля. Запоясываля и девочку, и мальчика — усё едино. Так и растёт с поясочком* (М.-Тала, Заигр.).

Затем крестная с ребенком на руках, а также крестный, мать и отец ребенка, держа в руках свечи, должны обойти купель три раза в честь Святой Троицы. Перед совершением этого обряда происходило первое причастие: *Потом причастие давали: сухарики да вода чистая* (Бич., Бич.). Священник мазал ребенка вначале простым освященным маслом, а затем мирром, через последнее происходило посвящение младенца «в воины Христовы». По нашим данным, забайкальские старообрядцы не всегда обходили купель, чаще они просто поворачивались на месте «по со(л)нцу» три раза.

Крест являлся символом веры и оберегом от нечистой силы. Особое сакральное значение имел у семейских поясок: отныне младенец *«опояхивался верой Христовой»*. Среди забайкальских старообрядцев было распространено мнение, что человек, который носит пояс более защищен, от разных стихийных бедствий, чем тот, кто его не носит. Особенно боялись семейские грома, говорили: *«Вот гром грянет и может убить, а когда опоясанный, то сохранён»*. Поясок не снимался с ребенка до трех или даже до пяти лет, по достижению этого возраста его не выбрасывали, а сжигали в печке. Во многих местах было принято носить этот поясок всю жизнь. В Мухоршибирском районе после смерти человека поясок клали ему в гроб или сжигали.

Во время обряда крещения, руководствуясь древними святыми, уставщик (или священник) давал младенцу имя, и с этого времени ребенок находился под покровительством своего святого: *Раньше-то уставшыки по книгам церковным глядели, у какой день родилась, так тебя и называют* (Бич., Бич.). При чем девочке имя могли дать на восемь дней вперед и назад от даты рождения, а мальчику — только на восемь дней вперед. Имена у семейских, особенно у представителей старшего поколения, до сих пор отличаются своей архаичностью. Это объясняется тем, что в святцы включены имена святых, канонизированных еще

IV. Обрядовая лексика

до раскола в русской православной церкви. Типичными мужскими именами являются, например, Агафон, Евсей, Евстигней, Калистрат, Куприян, Митрофан, Тит, Феоктист, Фокей, женскими — Агафья, Афимья, Марфа, Матрёна, Февронья, Фёкла, Феония, Пелагея, Степанида, Харитинья. До крещения ребенка называли *молоденец*.

Если ребенок рождался настолько слабым, что некогда было даже посмотреть в Святы, то мальчика называли именем отца, а девочку именем матери: *Если слабый ребёнок, то мальчика отцовым именем погружая, а девочку — материным. А непогружённый если умрёт — грех* (М.-Тала, Заигр.).

Обряд крещения, крестины называются у семейских *крёзьбины, крёзьбины, крёзьбы, крестьбины, крестьбины*. Кроме того, данные слова широко употребительны в значении ‘домашнее угощение по случаю крещения новорожденного ребенка’: *А яды на крестьбинах усякой-то разной наделают, аж стол ломитца от ей* (У.-Удэ). Крестильный обед устраивался в каждой старообрядческой семье, но отличался обычно скромностью. *После крящения угощенья скромны были, шырко не гуляли — стряпня: тарочки, пироги с грибами* (Бич., Бич.).

За совершение обряда крещения уставщика (или священника) благодарили пирогами (*лепёшками*), дарили полотенце, которым он во время обряда вытирал руки: *Благодарили полотенцем. Если руки обтирает, значить, ево полотенце* (Шарал., Мухор.). Оплата деньгами не практиковалась, это считалось грехом.

Свадебный обряд

Свадебный обряд относится к обрядам единого замкнутого семейного цикла, в котором все взаимосвязано и взаимопроницаемо. Изучение свадебного обряда имеет давнюю и богатую традицию. Известны описания свадебных обрядов старообрядцев, проживающих как в России, так и за рубежом. В основном это работы историко-этнографического характера¹. По свадебным обрядам старообрядцев (семейских) Забайкалья также имеется, хотя и незначительная, но ценная литература: этнографическая² и фольклористическая¹. С языковедческой точки зрения до наших исследований лексика свадебного обряда семейских не изучалась².

¹ Макашина Т. С. О браке и свадебном обряде старообрядцев Северного Приуралья в конце XIX — начале XX в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 223–235; Чагин Г. Н. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 162–167; Аргудяева Ю. В. Культура и быт старообрядцев Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998; Она же. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000.

² Охрименко Г. И. Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 189–220; Лебедева А. А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975; Маслова Г. С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX–XX вв.) Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 48–70; Болонев Ф. Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII — начале XX века (Семейские Забайкалья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996.

Браки семейские заключали исключительно внутри своей конфессии, высчитывая родство до восьмого колена, чтобы избежать кровосмешения. Препятствием к вступлению в брак могла служить и принадлежность к разным старообрядческим толкам: *Пришли сватать, засватали да привяли, а баушка: «Ня надо принимать, поповку нам ня надо»* (Н. Жир., Тарб.). Браки семейских с представителями русского сибирского старожильского населения (православными) и иноверцами (бурятами, эвенками и др.) были крайне редки, при этом обязательным условием было обращение последних в старообрядческую веру. Так, до конца 50-х — начала 60-х гг. XX века не было зарегистрировано ни одного брака между семейскими и бурятами³.

Свадебный обряд семейских Забайкалья можно традиционно разделить на три периода: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный. Основным этапом предсвадебного периода является *сватовство*. У забайкальских старообрядцев было принято предварительно перед сватовством *сговариваться* ‘договариваться о сватовстве’, полагалось спросить и саму невесту, согласна ли она: *Приходили свататца жаних и оба ево родителя, один-два близких. Сядут за стол, поспросють, согласна — не согласна. Три раза меня запивали: я сначала посулилась, потом отказалась, а потом-то «согласна» сказала* (Дес., Тарб.).

Однако, по рассказам информантов, раньше родители зачастую не спрашивали согласия молодых на брак, решали всё сами, молодые люди могли даже не знать друг друга: *А по-старинному сватали не спрашивая, вот как в кино кажут* (Уд., Хор.).

Следующим этапом предсвадебного периода были *смотрины*, на которых родители жениха, а иногда и сам жених, «знакомились» с невестой: *Жаних сначала смотрины устраивал, должен был своим батьке и матке нявесту показать* (Шарал., Мухор.).

После смотрин происходило собственно сватовство. Сам процесс сватовства передавался у семейских глаголами *высватывать (высватать), засватывать (засватать), просватывать (просватать)*: *Ну, вот пойдуть сватать, просватают девку, уговорютца, када её взять, какой время там* (В. Саян., Тарб.). Просватанная девушка (*запитая девка*) уже не ходила гулять. Если с ней хотел познакомиться парень, говорили: *«Вой, не знакомься, она просватанная»*.

Сватами обычно выступали родители жениха, один-два уважаемых родственника, чаще дяди, иногда сам жених и товарищи жениха, «профессиональных»

¹ Элиасов Л. Е., Ярневский И. З. Фольклор семейских. Улан-Удэ, 1963; Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969; Потанина Р. П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья: (конец XIX — 70-е годы XX в.). Улан-Удэ, 1977; Она же. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск: Наука, 1981; Она же. Украинские и белорусские традиции в свадьбе семейских // Русский фольклор и фольклористика Сибири: Тез. докл. всерос. научн. конф., посв. 80-летию со дня рожд. известного сибирского фольклориста Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1994.

² Юмсунова Т. Б. Лексика свадебного обряда в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Материалы международного съезда славистов в Красноярске. Т. I. Красноярск, 1997. С. 128–130; Она же. Лексика свадебного обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. С. 119–131.

³ Лебедева А. А. Там же. С. 91.

IV. Обрядовая лексика

свах у семейских не было. При сватовстве не полагалось переходить потолочную балку (*матницу, матку*). Существовало поверие: если сел у порога, значит — жених: *При сватовстве жаних должен у порога сесть, а коли в другом каком месте, то значить не жаних пришёл.*

Войдя в избу, сваты заводили примерно такой разговор: *Мы приехали за товаром: у вас — товар, у нас — покупатель* и т. д. В случае согласия родителей невесты сватов приглашали за стол, в противном случае — за стол не приглашали, не принимали принесенное ими вино, бывало, что даже выгоняли. В знак своего согласия выйти замуж невеста давала жениху какую-нибудь ценную для нее вещь (*задаток*): *Жаних у нявесты задатки возьмёт, значить усё, свадьба скоро* (Калин., Мухор.). В некоторых районах, например, в Тарбагатайском, этот этап свадебного обряда назывался *зарученье*, говорили *заручать невесту*: *Нявесту заручат, слово с неё возьмут, по рукам ударют.*

Первый раз сваты могли появиться затемно и тихо (*крадчи*), чтобы никто не мог им помешать (было принято в Бичурском районе). Про первое сватовство никто из посторонних не должен был знать: родителей девушки могли отговорить от этих сватов (*расхулить*). Невесту старались выбрать по роду (*родове*).

Во время сватовства происходило *рукобитье*, на котором подробно обсуждались экономические вопросы: расходы с обеих сторон, количество гостей, размер приданого и др. После совершившегося сватовства невесту увозили в дом жениха, говорили *брать (взять) со стола*: *Едут за невестой, делают выкуп. Выкуп сделают, зайдут в избу, сядут за стол. Брали невесту со стола* (Уд., Хор.).

В Красночико́йском районе в значении ‘разрешать (разрешить) выйти замуж’ зафиксирован глагол *увольнять (уволить)*: *Ты, дедушка, сам скажы: Лариске можно идти замуж, дак уволь ей* (Урл., Красночик.).

В Тарбагатайском районе в момент сватовства в косу невесты вплетали украшение, сшитое из атласных лент, которое убирала перед обрядом надевания кички. Оно называлось *коса*: *Как сосватали девку-то, ей косу одевают. Енто украшенне тако у косу упрятаецца, а сшито из ленд атласных* (Б. Кун., Тарб.).

Удачное сватовство обычно завершалось выпивкой. Этот заключительный этап предсвадебного периода назывался у семейских Бурятии словом *запивка*, а у семейских, проживающих в Красночико́йском районе Читинской области, — *сведенье*: *Тут запивка происходит. Договариваютца о свадьбе, день назначают, сколько народу приглашать* (Б. Кун., Тарб.); *Оны кажный день ходяты: «Давайте сведенье пить»* (Урл., Красночик.).

У семейских, проживающих в Бурятии, сам процесс завершения выпивкой обряда сватанья невесты передавался глаголами *запивать (запить), пропивать (пропить)*: *Сваты придут: «Мы приехали за товаром: у вас — товар, у нас — покупатель». Выпьют вино, договорятца и уходят. Время обговорят и место, агде, значить, свадьбу ладить* (Б. Кун., Тарб.).

Обручившегося жениха в некоторых районах, например, в Бичурском, называли *обручник*, невесту — *обручница*.

После сватовства молодые ездили кататься на тройках. Затем жених уезжал, а невеста оставалась у себя дома.

В предсвадебные дни все желающие (родственники и знакомые) могли прийти с поздравлениями к жениху и невесте, которые должны были их встречать, угощать вином и орехами. Это называлось *смотреть (глядеть) молодуху (неве-*

сту): Молодую глядели: они у перяде сидять. Парень ребятам на подносе стаканчики наливает, а девкам чашку орех молодуха подаёт (Шарал., Мухор.). Данный обряд символизировал общественное признание брака, он мог совершаться и в первый день свадьбы: *Первый день гуляли у жениха, невесту садили под иконы* (С. Брянь, Заигр.).

Поскольку брак с официальным церковным венчанием признавался не всеми старообрядческими толками Забайкалья, большую роль у них играли бытовые свадебные обряды, среди которых наиболее распространенным было родительское благословение, которое проходило следующим образом. Невесту встречали родители жениха, молодых обсыпали зерном, чтобы был достаток в доме, и цветами, заводили в избу. Жених и невеста становились на колени в *переднем углу* и просили у родителей благословения, невесту благословляли еще с одной косой, т. е. в девках: *Перед расплетаньем невеста с женихом на потник* (войлок из бараньей шерсти, заменяющий матрац) *становилась, а родители их благословляли — читали молитву, дряжали хлеб-соль, иконы, отец — мужскую, а мать — женскую* (Б. Кун., Тарб.)¹.

В тот же вечер подружки расплетали невесте косу, заплетали две и повязывали на голове *кичку* (головной убор замужней семейской женщины): *Подружсти расплетали косу, заплетали две. На вянчанне невеста уже шла в кичте* (Дес., Тарб.). Иногда *кичку* повязывали наутро: *Тебе косу расплетут, потомача назавтра, как переспшишь, заплетали две косы* (Н. Жир., Тарб.). Старообрядцы-поповцы прибегали к церковному венчанию, но поскольку священник не всегда был, нередко молодые жили невенчанными годами. «Лишь спустя несколько лет навернется откуда-нибудь батюшка, наложит епитимию на сошедшихся и повенчает»².

Ни священника, ни уставщика на свадьбу не приглашали. Если в деревне был колдун, то его приглашали на свадьбу, поскольку боялись, что он может «спортить молодых». Колдуна садили в *передний угол* рядом с молодыми и оказывали ему почести: *Вот вы сидите за столом и на людей меньше обращаете внимания, виё на яво обращаете. Говорите: «Вот поядайте, поядайте, попивайте, попивайте, дорогой ты наш дедынька»*. В с. Мотня Бичурского района в значении ‘колдун’ зафиксировано слово **сильный**: *Де сильный ляжыть [на кладбище], даже фосфор вылетает*.

Незадолго до свадьбы в доме невесты мог быть **девичник**, подобную вечеринку с приглашением друзей делал у себя дома и жених (записано в с. Хасурта Хоринского района от семейских, ранее проживавших в Красночикийском районе Читинской области).

Свадьба должна была проходить только в сроки, издавна отведенные для этого в христианском календаре — между постами: от Покрова до Филиппова поста

¹ Во время экспедиции 2002 г. в с. Урлук Красночикийского района мы с Л.Л. Касаткиным записали рассказ Татьяны Алексеевны Фёдоровой, 1927 года рождения, о том, что свекровь благословила их, когда они отделялись, расколотой иконой. Это привело, по мнению информанта, к неудавшейся семейной жизни: *Матка богословила ево, когда отделялись, расколоной иконой — так тебе на всю жысь раскол будеть. Ни (о)дново дня ня жыли, ни (о)дново*.

² Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1920. С. 20.

IV. Обрядовая лексика

(*Филипповки*) и от Крещения до Масленицы (*Масленки, Маслены*). В Красночи- койском районе время свадьбы определяли по *молодику* (молодому месяцу): благо- приятным для женитьбы было время, когда *молодик* наполнялся, и неудачны- ми оказывались браки, когда женились на ущербе месяца.

Среди семейских существовало поверие, что на свадьбе часто «портили» мо- лодых. Для того, чтобы избежать этого, «*один одново за руку держали крепко*», когда проходили за стол.

Гуляли свадьбу ‘устраивали, справляли свадьбу’ обычно широко, с размахом, поэтому говорили *гулять в полный стол*: *Тяперешню свадьбу ня сравнишь с нашыми. На свадьбу созывали пошти усё сяло, гуляли в полный стол.* (Шал., Тарб.).

День, в который проходила непосредственно свадьба, включал в себя не- сколько этапов. Это, прежде всего, увод невесты из родительского дома и соб- ственно свадьба, т. е. празднество по поводу вступления в брак. В Заиграевском районе зафиксирован обычай мыть невесту перед свадьбой в бане, при этом она должна была причитать. Баню готовила специальная женщина (*истопленница*), для которой сваты ритуально оставляли пару поленьев: *Сваты договорятца о дне свадьбы, пару поленьев оставляют для нявестинай бани, а сами уяжжают. Баню-то готовить истопленница* (С. Брянь, Заигр.). Однако в целом обычай устраивать предсвадебную баню для невесты, а также проведение *девичника* и *мальчишника* не характерны для семейских.

Когда невесту забирали из родительского дома и везли к жениху, то вплетали в косу или закрепляли на голове *красу, красоту, красату* (картонную коробоч- ку, картонку, расшитую бисером), украшенную *кистями* (лентами с бисером) (в Мухоршибирском, Заиграевском районах). Следом за невестой специальные лю- ди (*постельник, постельница*) везли приданое, уложенное в сундуки (*яшишки*): *Потом нявесту вязли к жаниху, нескоко раз провозили по дяревне, показывали. На голове у ей украшенне — краса, следом вязли приданое — яшишты.* В прида- ное невесты обязательно входила *постель*: одеяла, подушки, *потники*, несколько полных комплектов одежды, прежде всего сарафаны (у богатых до 20—30), *руш- ники* (полотенца). Кроме того, невеста обязательно готовила подарки жениху и его родным. По обычаю невесте полагалось иметь самопрялку (*санопрядку, са- мопрядку*), *швейку* (деревянное приспособление для шитья на руках). В зависи- мости от достатка семьи невесте выделяли корову, кобылу, трех-четырёх овец (*баранух*): *Ну како раньше приданое давали? Катали потнити, баран состря- гуть. У ково вярблужжа шерс(т)ь ес(т)ь, одеяла делали. Санопрядку любой це- ной давали, швейку* (Корд., Тарб.).

Существовавший у семейских обычай преграждать путь свадебной процессии к дому невесты, требуя у жениха за нее выкуп, передавался устойчивыми слово- сочетаниями *заламывать (заломить) ворота, заваливать (завалить) ворота* и словом *заколотить*: *Брёвна привязуть усятие, камни наложуть, штоб конь ня мох заехать в ограду. Усё, раз заколодили, значить, надо рашиштыватца* (Дес., Тарб.). С жениха требовали выкуп (*заоколичну, околичну, окольницу, околь- ничну*): *Окольнишину срывали, када невесту увозют. Ребята караулят их — да- ром же вино. Кто три четверти поставит, кто две четверти поставит* (Таш., Заигр.). Выкуп с жениха брали и подруги невесты, которые *продавали косу* при этом они *рядились за косу*: *Нявесту садили посряди избы, подружсти дяргались*

за косу и просили выкуп у жениха. Говорили «*рядитца за косу*» (Дес., Тарб.). Процесс символического выкупа невесты выражался устойчивым словосочетанием *выкупать косу*.

В первый же день свадьбы невеста представляла в наряде замужней женщины: в сарафане, *запоне* (переднике), кичке. Поверх кички надевался *кокошник* (головной убор невесты с дном овальной формы) и *круговик, круговой цветок* (венчик из бумажных цветов): *У первый день свадьбы одяют тичку, круговик — гужмажныя цвяты, висюльти у яво наткают и кокошник* (Дес., Тарб.). Причем если в Бурятии (Мухоршибирский, Тарбагатайский и др. районы) на невесту *кокошник* надевали только один раз в жизни, в первый день свадьбы, то в Красночичкойском районе Читинской области в будние дни женщины носили специальные *будничные кокошники*: *На голову нявесте надевали кокошник. Ево один раз в жызни носили, у первый день свадьбы, а со уторово дня тичку нявесте носить усю жысь* (Дес., Тарб.); *В будни тоже носили будничный кокошник, жарёлок* (украшение в виде полоски ткани с нашитыми на нее бусинами, обычно речной жемчуг, бисером, которое носили на шее). Отличался и сам праздничный кокошник: в Бурятии семейские обычно расшивали его золотыми и серебряными нитями, в Читинской области — стеклярусом и бисером. На шею невесте вешали до 12–13 ниток янтарных бус или бус под янтарь (*антари, винтарины, винтарь, мониста, монисты, янтари, янтарины, янтарька*), дутые стеклянные бусы (*дудики, дутики*) и др.; на плечи накидывали большие, обычно шелковые, платки с кистями (*атласы*): *У первый день свадьбы антари уного нарядют и два атласа на плечи, накинеш так, штоб один с-под другово виднелся. Бравы были атласы!* (Дес., Тарб.).

Однако в 1950–1960 гг. наметилась тенденция к утрате семейскими традиционной старообрядческой одежды, в том числе и свадебной.

Когда невесту *обряжали* в одежду замужней женщины, она могла плакать, *голосить*. Иногда вместе с ней плакали и голосили (*приплакивали, приголашывали*) и подружки.

В некоторых селах Красночичкойского района молодые в первый день свадьбы за стол не садились, а стояли возле него и собирали подарки: *Невеста запон свой за углы брала, как бы мяшок, туды все гости должны подарки складать* (Малоарх., Красночич.). Кроме того, гости по существующему обычаю «выкупали» первую рюмку: *Рюмку с подноса бярут и на нево деньги кладут* (Малоарх., Красночич.).

Главным распорядителем на свадьбе являлся *тысячный, тыжыцкий*. Друга жениха, сопровождавшего его во время всего свадебного обряда, забайкальские старообрядцы называли *дружка, дружок, подженишник, поженишник, товариш*, подругу невесты — *провожатка, свашка*: *От я када свадьбу гулял, в поджанишники свово друга брал* (Шарал., Мухор.); *Нявеста сядить, и провожатка рядом* (С. Брянь, Заигр.). Гости на свадьбе, а в Заиграевском районе гости на свадьбе со стороны жениха назывались *поезжане, поезжаны, поезжанные*. Приходили на свадьбу и без приглашения, из любопытства, в таком случае не участвовали в общем застолье, а лишь наблюдали за происходящим. Это называлось *смотреть свадьбу*.

В Тарбагатайском и Мухоршибирском районах отмечен обычай на свадьбе невесте (или одному из свидетелей) подбрасывать в посуду кусочек хлеба, пиро-

IV. Обрядовая лексика

га, конфетку, монетку и т. п. и под крики «Заколodить!», «Заколodило!» требовать поцелуя жениха с невестой (или свидетеля со свидетельницей).

В конце первого дня свадьбы принято было кататься на лошадях (*свадьба на лошадях, гулять на конях*): *День просидать. Вечером подгоняют ходок и с гармониями катаютца* (Дес., Тарб.).

После первого дня свадьбы говорили: *первый стол отсидели (просидели)*.

В Тарбагатайском районе существовало поверие: чтобы в браке рождались дети, на свадьбе жениху в карман насыпали мак, при этом он не должен был знать об этом. Маку приписывалась способность повлиять на деторождение¹. Чтобы рождались мальчики, жениху в первую брачную ночь под подушку клали нож или топор, а «девочки сами родятца».

В том случае, если невеста оказывалась не девственницей (*дыровитая, нечестная невеста*), на следующий день либо жених *стакан ломал (бил)* (бросал на пол рюмку с водкой), либо родителям или сватам наливали водку в рюмки с подпиленной ножкой, а затем их могли разбить: *Если нявеста была нечестная, жаних бил стакан* (В. Жир., Тарб.); *Езли девка нечестная, в зломаные рюмки наливают сватам, а потом разбивают* (Тарб., Тарб.).

Последний период свадебного обряда — послесвадебный. Праздничное гулянье на второй день свадьбы могло проводиться в доме невесты. Если свадьбу справляли три дня, второй день свадьбы назывался *похмельный*: *Раньче-то свадьбы гуляли три дни: первый день по домам ходили, второй — похмельный. На третий уж тама* [у родителей жениха] *усе свои опять* (Хас., Хор.). В этот день *молодуха* надевала уже другой сарафан, попроще. С нее снимали *кокошник, круговик* и повязывали кичку, в которую втыкали одну *маковку* (бумажный цветок в виде мака): *На следушый день кокошник сымутъ, тичку оденуть и святок, маковку, примкнуть* (Дес., Тарб.). Если свадьба длилась дольше (например, неделю), то *похмельный стол* был в предпоследний день.

По бытующему у семейских обычаю каждый из участников свадьбы (а это преимущественно родственники) должен в свою очередь *поднять и вывести свадьбу* (пригласить к себе всех гостей одновременно): *На следушый день родные выводили всю свадьбу в гости. Например, счас ко мне идут, потом идут на следушый конец улицы, потом опять на этот. Строго подавали по три рюмки* (Хас., Хор.). Ходить из дома в дом на угощенье к родственникам жениха и невесты называлось *ходить свадьбу, коштывать*: *Нявеста с жанихом со всеми ребятами коштуютца со двора на двор. У жениховой родни пять дворов обойдутъ, потом у нявестинай — пять* (Дес., Тарб.). Таким образом могли ходить по домам неделю, пока *не отгуляют родню*, и везде готовили обильные столы.

Заканчивали свадьбу у невесты (*тушыли (гасили) свадьбу*): разжигали из соломы или сена небольшой костер, и молодежь прыгала через него, топтала ногами до тех пор, пока он не потухнет. Первыми прыгали молодожены: *Тушыть свадьбу едутъ к родителям, к жаниху. Свадьба гложнетъ — жысь начинаетца* (Урл., Красночик.).

Кроме свадеб с родительского согласия на брак (*свадьба в воротах, свадьба с честью*), среди семейских, особенно беспоповцев, были повсеместно распро-

¹ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. Т. 3 (Круг) — П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 170–174.

странены тайные браки (*свадьба бегом (бёгом, убегом, убёгом), воровская свадьба*): *Бувало, сватал с честью, а, бувало, бегом. У мене была свадьба бегом. А потом уж после гуляли свадьбу, када мы признались и проишення попросили* (С. Заг., Мухор.). Когда девушка выходила замуж по доброй воле, говорили *с добра*, с согласия родителей — *с честью*: *Которы с добра вячались, а которых силком батька с маткой отдавали. Посодють дочку на коня и говорят: «Дочка моя созрела, забирайте яё»* (Дес., Тарб.). Брак без родительского согласия на то, мог быть как по взаимному согласию парня с девушкой, так и без согласия невесты — силой. В первом случае, как правило, это было вызвано тем, что браку противились родители невесты. Невеста обычно убегала из родительского дома в дом жениха. Спустя некоторое время молодые приходили к родителям невесты, падали им в ноги и просили прощения. Происходили *простины, процины*, завершающиеся в случае благополучного исхода гулянкой: *Прошшыны были, езли убёгом сошлись: придуть к родителям и бухают в ноги: «Прости, батюшка, прости, матушка!» А оне молчат. И так раз десять. Потом батька скажет: «Бох простит». Вот так и проишались* (Куг., Мухор.).

Кража невесты силой (*жыводёром, насилком*) совершалась тогда, когда она не давала согласия на брак. Среди старообрядцев Забайкалья такие случаи были редки. Вообще браки «уводом» чаще всего были вызваны экономическими соображениями: являлись своеобразным способом избежать непосильных свадебных расходов.

Расторгать брак (*рушить (ломать) венцы*) считалось у семейских большим грехом. Если молодые все же расходились, то их родителям могли *отказать от мира* ‘властью священника или уставщика отстранить от участия в жизни деревни; лишить всех прав’. В настоящее время разводы возможны.

Погребально-поминальный обряд

Погребально-поминальная обрядность рассматривалась и рассматривается в разных аспектах этнографами, лингвистами, фольклористами¹.

Погребально-поминальный обряд семейских Забайкалья отражен в работах фольклористов², этнографов³, языковедов¹.

¹ См.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1927/1991; Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале курского региона): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997; Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; Невская Л. Г. Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 135–146; Толстой Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 119–128; и др.

² См.: Элиасов Л. Е., Ярневский И. З. Фольклор семейских. Улан-Удэ, 1963; Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.

³ См.: Лебедева А. А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975; Матвеева Т. И. Пространственно-временные связи в похоронных голошениях конца XX века старообрядцев Забайкалья (дихотомия «жизнь — «смерть»)) // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. всерос. науч. конф. (Сер. «Мир культуры, истории и философии»). СПб., 1999. С. 151–154; Она же. Отражение мифопоэтической системы представ-

IV. Обрядовая лексика

В погребальном обряде традиционно выделяется два основных этапа: подготовка умершего к захоронению и похороны. Перед смертью старообрядцы старались исповедаться и причаститься (*сдать грехи, справиться*). *Справлял* обычно *уставщик*. Причащали крещенской водой, а также водой после обмывания иконы, креста. Такая вода считалась освященной: *Хто у тяжолом состоянни, можно икону, крест обмыть да попоить* (Шарал., Мухор.).

В случае, если смерть наступала где-то в пути, то разрешалось исповедоваться перед землей: *Ежыли смерть пристигла, ну, никово нету, и некому гряхи сдать, и зямелькой. Языком лизни зямельку три раз, да скажы: «Я нагрязыла много, зямля-матушка, я тебе сдаю свои гряхи»* (Шарал., Мухор.). На похороны приходили те уставщики, которые *справляли*, говорили: *«Я, паря, ево не справлял, хто справлял, тот пускай и хоронит»*. Человека, умершего без исповеди и причащения, называют **неисправленным**.

Первый этап начинается с того, что после смерти человека, его родственники завешивают в доме все зеркала. Зеркало воспринимается как некая граница между двумя мирами: «этим светом» и «тем светом». Если этого не сделать, то, по поверию, *«смерть может ишо ково-то со своих высмотреть»*. О случившемся обычно специально не оповещают.

Далее следует обряд **обмывания (омовения) усопшего (упокойника, мертвяка)**. Обычно еще «теплого» покойника сажают на чурочку или на стул посреди избы, реже обмывают прямо на полу: *Обмыть надо с мыльцем, штоб чистенький там был*. Женщине расплетают косу, моют волосы. Мужчин обмывали мужчины, женщин — пожилые женщины (**обмывальщицы, обмывахи**). Чаще это делают не кровные родные, а соседи, специально нанятые люди.

В некоторых районах мыло, которым обмыли покойного, спускают в речку или разрезают на кусочки и раздают родным, поскольку считается, что это оберегает их от сглаза и разных болезней: *Помоють покойника, мыло в речку пустють* (Дес., Тарб.). В с. Архангельском Красночикокойского района считают, что мылом после покойного можно лечиться от эпилепсии. В Бичурском районе зафиксирован обычай посылать мыло, которым обмыли покойного, родственникам, находящимся в местах заключения. Это якобы способствует их быстрому освобождению. В с. Верхний Жирим Тарбагатайского района существовало поверие, что если от одежды покойного оторвать полоску ткани (**вязочку**) и привязать ее себе на запястье, когда болят руки, то это снимет боль.

После обмывания покойника воду выливали где-нибудь *«под стенку, под пряслице, штоб там люди не ходили, не топтались»*. Такая вода считалась опасной, она могла принести вред живым. Посуда, в которую наливается вода, больше не используется. Ее бьют, портят. Например, делают дырки в тазу. В Красночикокойском районе Читинской области эту посуду, закапывают в могилу или пускают по воде (Нижний Нарым), но, как правило, ее просто выбрасывают: *Таз на воду пускали, остальное жгли* (Н. Нар., Красночикокойский). Хотя в некоторых селах

лений в похоронных голошениях старообрядцев Забайкалья // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Вып. 2. Ч. 1. Улан-Удэ: БНЦ СЦ РАН, 1999. С. 52–55.

¹ См.: Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Лексика погребального обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 80–88; Они же. Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000, № 1. С. 10–13.

Тарбагатайского района (с. Десятниково, Верхний Жирим), ее убирают до следующего покойника в семье.

Покойника нужно одеть (*собрать, нарядить*). Так и говорили, «*пришли собирать*». Одежда, которая надевается на усопшего, называется *смерётная одёжа, смертная одёжа (одежда), смертный узел, мертвецкая одёжа, могильная одёжа*, ее готовят для себя заранее: *В смертной одёже боры на рубахе по-другому собираютца — как-то через край* (Бич., Бич.); *Счас во всех зараньше приготовивши смярётную одежду* (Арх., Красночик.) и др.

Вначале на покойного (если это женщина) надевали *смерётную рубаху, смерётный сарафан, смерётную кичку*, на ней был крест на *гайтане*. Эта одежда, как и саван, шилась преимущественно из *домотканины* (ткани домашней работы) и имела свои отличия от повседневной и праздничной одежды. Так, рубаха шилась цельная, без *станушки* (юбки, пришитой к женской нижней рубахе): *Смерётная рубаха была сквозная, без станушки* (Бил., Бич.). Сарафан был обычного покроя, но на нем должно было быть как можно меньше сборок, складок (*борков, боров, складов*), чтобы он был легким. Смерётный сарафан шили без *подбойки* (полоски ткани, которая пришивается с изнаночной стороны на низ женской одежды). Ленты на подол сарафана не нашивались, подпоясывался он не на левый бок, как при жизни, а на правый. Не было традиционного *запона* (фартука): *Зачем имя запон. Тута наробились, туда отдыхать идуть* (В. Саян., Тарб.). На голове особая кичка — *сорочка* или *гумажная калмычка*. Сверху на кичку надевали платок концами вперед, под подбородок, концы платка не завязывали: *На голову гумажные калмыцьки одедали, кичьку нельзя було* (В. Саян., Тарб.). Однако в с. Верхний Саянтуй Тарбагатайского района нами зафиксирован обычай повязывать на кичку покойной два платка: один — концами вперед, второй — назад. Платок концами вперед завязывался на два узла, а концами назад — на один, получалось три узла, «три креста». Два платка на покойную надевали и в с. Верхний Жирим Тарбагатайского района, при этом кичку не надевали. В с. Урлук Красночикойского района покойную «*шалей обшаливали*». Косу заплетали по-старинному, прядками вниз.

Мужчинам обычно надевали белые штаны и длинную белую рубаху без пуговиц.

На ноги женщинам надевали чулки, мужчинам — носки, а также специальные тапочки, сшитые из темной материи, войлока или связанные из шерсти — *каллишки, калышки* (Бурятия) или *опушни, чарки* (Читинская область): *На ноди вязаные чулти надедали и каллишти из сукна — как тапочти* (Б. Кун., Тарб.); *На покойника надедали опашни, раньше ни тапок, никова ведь не было* (Кр. Чик., Красночик.).

Затем надевался саван. Саван шьют иголкой от себя, «*штобы себя к нямю не пришьить*». После этого покойного *пеленают* ‘обвязывают тело умершего тесьмой или пряжей’. Обычно *пеленают*, чтобы было три креста в пелене: «*один крест на груди, второй крест — на пупу и третий крест выше коленок*», при этом руки и ноги должны быть свободны. Однако *пеленают* не повсеместно: *У нас мертвеца не пеленают — вера не пелёнутая* (В. Саян., Тарб.).

В левую руку семейским вкладывают *лестовку* (старообрядческие четки), под правую руку или около правой руки кладут небольшую подушечку, подкладывая ее под руки или под лоб при земных поклонах (*подручник, подружник, по-*

IV. Обрядовая лексика

дружницу), в правую руку или подмышку — бумажку с разрешительной молитвой (*писание, рукописание, рукопишие*): *Ежыли молился человек при жывно-сти, то в гроб ложуть лестовку* (Хас., Хор.). Причем в с. Верхний Жирим Тарбагатайского района кладут новую *лестовку*, а в отстоящем от него всего на 6–7 км. с. Нижний Жирим того же района кладут *лестовку*, по которой молились при жизни. На лоб усопшего надевают *венчик* (полоску бумаги или ленту с молитвой): *Венчик-то на лоб одёётся, узенька полоска. Там воскресна молитва, распятте* (В. Жир., Тарб.).

Вначале покойного кладут на лавку в *передний угол*, головой к иконам, на грудь ему кладут распятие и вкладывают в руки свечку. Руки умершего старообрядца складывают на груди крестом, правую руку на левую, пальцы правой руки складывают двуперстием. Лавка, на которой лежит усопший, должна быть обязательно застелена. Раньше стелили домотканую холстину, теперь — *товар* (ткань промышленного, фабричного производства). Под лавку иногда ставили ведро с известью: *Штоб шыбко не разнесло человека, ставят извёску* (Урл., Красночик.).

Затем зажигают свечи и начинают читать *Начал*. Причем «*сколь стариков отпевают, столь свечек ставят*». На лавке усопший лежит обычно два дня, на третий день после того, как «*отчитают усю лестовку*» и отпоют «Положение», его разворачивают по солнцу, перекадывают в гроб и продолжают отпевать. Когда покойного перекадывают в гроб (*ставят под иконы, ставят мертвеца*), крест с его груди убирают, оставляют только нательный крестик. Большой крест потом несут на кладбище.

В гроб кладут так, чтобы лицо его было обращено к иконам (*богам, богуш-кам*), т. е. ногами к *переднему углу*, говорили, «*он должен дали с нами, с людьми, стоять*». Гроб у семейских выдалбливается из части бревна необходимого размера (*сутунка*) и называется *домовина* (Бурятия), *домовище, долблянка* (Читинская область): *Раньше сутунок выколачивают как корытце, положут упокойника и закроют крышкой, тоже выдолбят. Домовина* (Кр. Чик., Красночик.).

Для *домовин* обычно выбирали сосну или кедр. *Сутунки* хранили под сараем по 10–15, случалось и по 30–40 лет, за это время бревно высыхало и становилось легким. Некоторые старообрядцы готовили заранее и *домовины*, а чтобы они не рассыпались, ставили на чердак и засыпали зерном: *Отец сам себе домовину выбил, на вышке* (на чердаке) *хранил и зёрнами набил, штоб не разорвало* (Дес., Тарб.).

Домовину заносят в дом, когда отпевают усопшего, а крышку от нее оставляют в сенях или во дворе на лавке. Стружки от *домовины* собирают и выносят на речку или сжигают за воротами. Дно устилают «успокаивающими» травами (богородская трава, ромашка, мята и др.), ветками от березовых веников; подушечку набивают травами и березовыми листьями: *Клади раньше в гроб богородскую траву — для успокоения души* (Кр. Чик., Красночик.); *Веники бярёзовые шалуиуть туды у гроб, подушечку с веников шьют* (Дес., Тарб.). Сейчас на дно *домовины* иногда насыпают стружку. В гроб кладут также лоскутки от *смерётной одёжы*, зубы покойного, чёсанные волосы. Все это застилается сверху тканью.

В с. Шаралдай Мухоршибирского района мы записали, что покойника у них кладут в *домовину* так, чтобы ногами он лежал к тому концу, который на стволе дерева был ближе к корню, а головой — к вершине: *В зямле-то ляжыт, а вдруг прорасть? Так он чо, ногами вверх расти будет, ежели х комлю головой ляжыт?* В этом обычае отчетливо прослеживаются следы язычества.

Поместив в гроб умершего, его накрывают до груди *крышкой, крышечкой, погробышной, покрывалом, покрывкой* (тканью): *Крышкой закрывают до груди, а уж на кладбище закрывают лицо. Токо белым товаром, ни святошным никаким, токо белым* (Дес., Тарб.).

По бокам домовины зажигают четыре свечи, которые как бы образуют крест: *На домовине с чатырѣх сторон свечти горят: это у головы одна, у ног — одна и по бокам — по одной* (Куйт., Тарб.). Ставят свечи и к иконам. Отпевает усопшего уставщик (может быть два или три уставщика). Молитвы у гроба всю ночь по очереди читают мужчины, умеющие читать церковнославянские тексты (*граммотные мужыки*). Могут читать и женщины, но таких было мало.

Все, кто пришел проститься с умершим, заходят в дом, *кладут Начал*, молятся, держа в руках свечки. Огарочки от свечей кладут в гроб. На ночь покойного не оставляют одного, около него сидят близкие родственники.

Хоронить в гробу из досок, сколоченных гвоздями, считалось у забайкальских старообрядцев грехом: *Из досок нельзя гроб готовить. Гвоздями ведь Спасителя Господа нашево Исуса Христа к кресту приколачивали. Ишо говорят, штоб душа покойника могла на волю выйтить* (Шарал., Мухор.). В настоящее время хоронят обычно в гробах.

На похороны одевались повседневно, только женщины завязывали кичку узлами концов назад. После смерти матери девушки не плели косу до 40 дней, а чтобы она не мешала, завязывали *косником* (тканой вручную узкой лентой или просто обычной лентой, шнурком, полоской ткани). После смерти отца косу заплетали до середины. За покойного полагалось отмаливаться 40 дней.

В значении 'умереть' старообрядцы Забайкалья употребляют ряд слов и словосочетаний: *кончаться, прибраться, решиться, уйти домой, хануть*, а также *задрать ноги* (ирон.), *откопытиться* (зруб.), *припшыться* (зруб.).

Вторая часть погребального обряда — похороны (*похороны, погребение*). После прощания родственников и близких с покойным гроб выносят. Перед выносом семейские поворачивают его по солнцу и выносят покойного ногами вперед.

При погребении покойного обязательно читается молитва «Погребенье». Могилу копают рано утром в день похорон. Могила называется *могилка*. Считается, что пустая могила, оставленная на ночь, «накличет» еще чью-нибудь смерть. В Красночикийском районе зафиксирован обычай в нижней части могилы делать боковое углубление (*подлаз*) и хоронить в нем, а саму могилу оставлять для следующего покойника в семье. Например, в *подлазе* хоронят мужа, а могилу сохраняют для вдовы и наоборот.

Когда идут на кладбище (*могилки, кладбе*), то впереди *домовины* несут крест и *кутью* в *туесках*. Однако *кутью* на кладбище несут не во всех семейских селах. Крест берется из дома усопшего и после захоронения возвращается в этот же дом. Несут крест обычно уставщик или старушка. Большой крест на могилу несут мужчины или везут на машине. *Домовину* несут на деревянной раме с кольцами по бокам, в которые вставляют жерди, или просто на жердях (*носилках*), а к ним привязывают веревки: *Носили домовину на носилках, жырдушти выстружутъ* (Бил., Бич.). За домовиной несут ее крышку, накрытую *атласом* (большим, обычно шелковым, женским платком с кистями, яркой расцветки), который с кладбища приносят домой. В некоторых местах использовали сразу

IV. Обрядовая лексика

три *атласа*: одним накрывали крест, другим — крышку гроба, третьим — самого усопшего (Тарбагатайский район).

Когда хоронили невинных девушек и старых дев, т. е. девственниц, то гроб несли девушки, а на жерди под домовину стелили большой платок с кистями, обязательно белого цвета, что свидетельствовало об их чистоте и непорочности. Это называлось *хоронить на атласе*.

Люди, попавшиеся навстречу траурной процессии, стоят и ждут, когда пронесут покойника: *Люди дожыдают, чтобы пронесли упокойника, все дожыдают, хоть пняком, хоть машины* (Дес., Тарб.). Каждый должен наложить на себя три креста и поклониться.

Семейские, как это вообще принято во всех славянских традициях, обязательно оплакивали покойного: *голосили, голосом голосили, куковали, приголашивали, причитали*: *На похоронах голосуют так, ажно морозом обдирает* (Кр. Чик., Красночик.); *Когда муж-то помёр, я уж голосом голосила* (Ник., Мухор.); *Вы сядьте да покукуйте возле матки* (Урл., Красночик.) и др. Считалось, что покойному будет легче, если по нему будут голосить и будет гореть много свечей.

Обычно голосили три раза. Начинали голосить только после того, как положат покойного в гроб. Как правило, это делала жена или кто-нибудь из близких родственников, если же они не умели голосить, то приглашали специальных плакальщиц (*голосух*), остальные стояли со свечами у гроба.

Второй раз голосили, когда шли за гробом, и, в третий раз, — когда приходили на кладбище. Говорили: *«Ой, она bravo приголашивала»* или *«Ой, гадко хоронили, два раз токо пикнули* (Уд., Хор.). Если *голосили* плохо, то говорили, *«мало провяли голосок»*.

Семейские Забайкалья, как это вообще принято у восточных славян, на следующий день после захоронения обязательно приходят на кладбище и приносят с собой еду. Перед этим жгут костры.

Затем до сорока дней как голосить, так и посещать кладбище запрещалось, так как душа усопшего должна была «определиться» в потустороннем мире и покинуть земной мир, поэтому ее нельзя было тревожить.

С музыкой забайкальские старообрядцы не хоронили, это считалось за грех: *Езли кто с музыкой хоронит человека, черти уярёд литят с музыкой, а мертвеца ташишат за чертями* (Мухор., Мухор.).

Пол после выноса тела полы в доме мыли не все старообрядцы: где-то не мыли вообще, где-то мыли после *горячих поминок* (поминок в день похорон). Это называлось *замывать следы*.

В Тарбагатайском районе (сс. Верхний Саянтуй, Верхний Жирим, Нижний Жирим) и Красночикойском районе (сс. Урлук, Нижний Нарым) зафиксирован обычай после выноса гроба переворачивать лавки и табуреты, на которых он стоял: *Когда гроб понесут, табуретти переворачивают. Это уж первым делом — табуретти опрокинуть и полы смыть* (В. Саян., Тарб.).

Похоронный обряд обязательно включает отпевание покойного. Старообрядцев отпевают в доме. Если по каким-то причинам, например, не оказалось поблизости уставщика, покойного не отпели, то отпевают землю с его могилы. Это нужно сделать к сорока дням. В этом случае берут землю с могилы в узелок, а потом, после отпевания, ее приносят назад на могилу. Если человек сильно тос-

ковал по покойному, то за шиворот ему сыпали землю с могилы усопшего. Считалось, что это должно принести успокоение.

Перед тем как опустить гроб в могилу, лицо покойного покрывают саваном и *товаром*, закрывают, но не забивают гвоздями крышку гроба. Два человека спускаются в могилу, *«уставляют домовину, поправляют, може, сбилась крышка»*. Веревки вытаскивают назад, их положено *«расподать старухам»* или повесить на оградке, *«кто нужда (бедняк), подберёт»*.

Гроб опускают таким образом, чтобы человек как бы молился на солнце (на восход ногами. Затем присутствующие обходят могилу по солнцу и каждый бросает в могилу по три горсточка земли и крестится. Могилу закапывают чужие люди, им за это полагалось заплатить. Забайкальские старообрядцы не употребляют глагол *закапывать (закопать)*, они говорят *определять в сырой земле, загребать, пригребать*.

Крест ставится наискось в ногах, раньше его делают без гвоздей. Иногда делали надгробный крест с покрытием, такой крест называли *домовинка*: *У моей матки на кладбище домовинка стоит: деревянный крес(т) вбивали в листовую чурку, а сверху крышу делали, чтоб не гнил — вот домовинка* (В. Жир., Тарб.). В Красночуйском районе на могилу клали *колодочку* (небольшой деревянный брусок с записью фамилии, имени, отчества, года рождения и года смерти), старушки просили: *Мене одну колодочку положьте, чтоб мене на том свете лёхко ходить было*. Иногда на могилу клали камень (например, в с. Верхний Саянтуй Тарбагатайского района).

Семейские просят не огораживать их могилу, говорят: *«Зачем мене огораживатца, я и так не убягу* (Дес., Тарб.). По свидетельству информантов, раньше могилы не огораживали. В целом не было принято ухаживать за могилами: *Мы могилти не обихажывали. Чо нарастёт, то нарастёт, зарастёт травой и затеряетца* (Бил., Бич). Венки на кладбище не приносили, говорили: *«Вянки — это хомуты, на том свете тяжело таскать их будеть»*. Если кто-то сажал на могиле цветы, говорили: *«На могилку-то их не надо ткать, это в глаза бу(д)еш ткать, на тело усё»* (Н. Нар., Красночуйск.). Приносили только полевые цветы.

Как правило, *носилки* были одни на все село и хранились на кладбище. Их обычно клали с правой стороны могилы или сверху могилы и прикапывали. Там же стоял столик, который переносился с могилы на могилу.

Самоубийство у забайкальских старообрядцев, как и у христиан вообще, считалось тяжким грехом, случаи самоубийства среди них были крайне редки. Таких людей хоронили отдельно, часто не на общем кладбище, выносили гроб через *задний двор*. Гроб и крест им не отесывали, иногда крест делали просто из палок. Фамилию и имя не писали. Хоронили без отпевания, *без стариков*. Отпевали их только на 40-й день. Поминали самоубийц (*утопников, удавников* и др.) один раз в год, на Троицу.

Некоторые различия в погребальном обряде были связаны и с тем, к какому старообрядческому толку принадлежал покойный: *Хоронили-то ишию по-разному. Вот темноверы они свечей ни зажыгали* (Шарал., Мухор.); *У темноверцев свечей не было, они кутью на поминки ня делали, иконам письменным не поклонялись, токо медным* (Дес., Тарб.); *Когда посыпали крест песком — песочники* (Хас., Хор.). Самоубийц из *темноверов* хоронили так, чтобы на них не падало солнце. *Темноверы* поминали до восхода солнца. Отказ от свечей инфор-

IV. Обрядовая лексика

манты из темноверов объясняют тем, что свечи делают чаще всего курящие люди, т. е. по их понятиям грешные, *никояне*.

После захоронения тела усопшего все, кто был на кладбище, приглашаются на поминки (на *обед*). Поминки в день похорон называются *горячий обед*, *горячие поминки*, *горячий стол*. Как правило, за первый стол сажают попов или уставщиков, стариков, старух, потом мужчин, а потом уже всех остальных. Однако в с. Урлук Красночикокойского района зафиксирован обычай: если умрет мужчина, то первыми поминают мужчины, а если женщина, то — женщины.

Столы готовят в зависимости от того, в какое время умер человек — в пост или в мясоед. На стол подавались также любимые блюда покойного. На божницу ставят стакан с водой, который стоит там до сорока дней. Затем его «*кто уливать (в) угол, кто на кладбишше нясёт*».

У семейских, проживающих в Бурятии, в первую очередь на стол ставилась *кутья* ‘пшеница с разведенным водой медом’. Каждому, кто поминал, полагалось съесть по три ложки *кутьи*: *Кутью делали со пшаницы, дескать надо человека помянуть хлебушком, а рис дескать трава* (Бич., Бич.). Зерна пшеницы, находящиеся в *кутье*, символизировали нескончаемость круговорота жизни. Обязательно ставили на стол *оладьи*, редко *блины*, поскольку считалось что их вместе с хозяевами вкушали и покойники.

У старообрядцев Красночикокойского района в число обязательных поминальных блюд входили: *панафида*, *бурдук*, *блины*: На поминки почти всегда стряпали *дрочону*.

Раньше подавать вино на поминках было не принято. Говорили, что водка или вино образуют на небесах озёра и реки, и покойнику их будет не преодолеть по дороге в рай. Сейчас обычно подают по три рюмки водки, ставят рюмку с водкой и покойному.

Раньше не устраивались пышные поминальные обеды, поскольку по христианским воззрениям перед смертью все люди равны.

Порядок поминального цикла связан с представлениями о времени и этапах блуждания души в загробном мире. Семейские поминают усопшего на девятый день (*девятины*), на 40-й день, так как к этому времени «душа определяется», и на год: *Через сорок дней душа приходит на место, а како место — Господь знает* (Улан–Удэ). Зафиксированы случаи, когда поминают и на третий день (*третины*), на 20-й день, через полгода.

У семейских Забайкалья было принято подавать деньги: *После поминок давали деньги, «копейсти клали»: кто могилу копал, обед готовил, да старухе, котора читат* (Хилх., Красночик.).

Имя покойного записывается в специальную книжечку для поминовения или на листок с именами усопших для панихиды (*поминанник*, *поминальник*) и поминается в установленные дни (*родители*, *родительский день*). Поминали усопших четыре раза в год: после Пасхи, на Фоминой неделе во вторник, в родительские субботы перед Троицей, перед Масленицей и в родительский день 24 октября перед Дмитриевым днем. В с. Урлук Красночикокойского района принято ходить на кладбище на первый день Пасхи.

Раньше семейские ходили на кладбище один раз в год, в родительский день под Троицу. *Троицкие родители* считались у них самыми почитаемыми. В этот день поминали всех без исключения. Самоубийц, убийц поминали молитвой, не

называя их имени: *«Хто утопленник али обивца именем не поминали, а молитвой: «Отче, помолись об ём грешном»* (Дес., Тарб.); *«Под Троицу усё у нас говорили, што утопленники и удавленники видют свет* (Арх., Красночик.). В ночь с пятницы на субботу служили всенощную (*авсеношную, сеношную*). В другие родительские дни обычно на кладбище не ходили, всенощную не служили, а служили **вечерню** и **часы** ‘утренняя служба’, поминали в церкви или *моленне*. Если в деревне не было *моленны*, то семейские молились в родительский день в пустой избе, несли туда *кутью* и свечи. *Кутью* после службы приносили домой и все домашние после совершения молитвы должны были съесть по три ложки.

В родительские дни у семейских было принято **подавать**. Подавали деньгами, яйцами, **сгибнями** (пирог без начинки), их еще в шутку называли **пирог с молитвой**. Например, на троицкую субботу старушкам в церкви подавали по сорок яиц от семьи. Яйцо рассматривалось как зачаток жизни, символ бессмертия и соответствовало в растительном мире зерну-семени. В с. Архангельском Читинской области было принято подавать на *третины, девятины* и на сорок дней трем старушкам: *«От и подай, трём старушычкам подай. Если ты подаёшь, не подавай одново чаю, а подай пачечку чаю и чо-нибудь, штобы хлебушко было. Йись чем помазать, дак и сверху помажь маслицем или журком.*

Как видим, в погребальном обряде забайкальских старообрядцев четко прослеживается ориентация на солнце: покойного перекадывают с лавки в *домовину*, разворачивая по солнцу; перед выносом из избы гроб разворачивают по солнцу и выносят усопшего ногами вперед; в могилу умершего кладут так, чтобы его лицо было обращено к солнцу; участники похорон обходят могилу по солнцу; «нечистого» покойника хоронят в таком месте, чтобы на него не падало солнце.

Как известно, современные погребальные обряды у большинства народов сформировались под влиянием религиозных представлений о жизни и смерти человека.

Так, семиотику ритуальных действий и предметов погребального обряда забайкальских старообрядцев можно соотнести с концептом *дороги, пути*. В основе концепта лежит христианское представление о смерти как переселении человека в иной мир. В этом денотатном пространстве загробный мир представляется как вечное пристанище, дом, где душа человека обитает постоянно, а земной мир — это временное пристанище; в земной жизни человек является «гостем»¹.

В народном сознании смерть близкого человека не столько безвозвратная потеря, сколько расставание до встречи в мире ином. В говорах забайкальских старообрядцев это представление получает выражение в таких словах и словосочетаниях, как **домой, уйти домой, кочёвка**. Так, слово **домой** выступает в значении ‘на тот свет’: *«Старик-от умирать стал и говорит: «Я домой, плохо стало, домой надо». А ведь там наша жызнь, здесь не живём, а так гостюем* (Куг., Мухор.).

Словосочетание **уйти домой** употребляется в значении ‘умереть’: *«Жена-то моя пять лет уж как домой ушла, вот я один и мыкаю* (Н. Заган, Мухор.).

В данном случае слово **кочёвка** употребляется в переносном значении — ‘о смерти’: *«Мне уж девяносто лет, голова болит, всё болит, скорей бы кочёвку дождатца* (Мухор., Мухор.). Слово **кочёвка** является производным от глагола

¹ Невская Л. Г. Там же. С. 135.

IV. Обрядовая лексика

кочевать, который широко бытует в Забайкалье в значении ‘переезжать, переселиться в новый дом’. В последнем примере это значение ‘переселение на новое место’, а не ‘возвращение домой’ актуализируется. Иными словами слово *кочёвка* в представленных выражениях, возможно, репрезентирует несколько иное представление о смерти, чем слово *домой*.

Элементы концепта дороги, пути в иной мир семиотически выражены уже на первом этапе погребального обряда старообрядцев Забайкалья. Так, этап подготовки умершего к захоронению в свете этого концепта представляется как *сборы в дорогу*. Сами ритуальные действия обмывания, одевания, положения в гроб называются *собирать (собрать)*, *наряжать (нарядить)* покойника. Следует отметить, что *наряжать (нарядить)* в данном случае употребляется в значении ‘одевать (одеть) соответственно какому-либо событию’. В ситуации «сборов в дорогу» значимым становится мотив перехода, переселения в отличный от земного, иной мир.

Н.И. Толстой, анализируя обычай переворачивания предметов в славянском погребальном обряде, отмечает, что «переворачивание предмета есть действие, включающееся в более широкую семантическую и семиотическую сферу преобразования, превращения, метаморфозы, принятия иного обличья, перехода из одного состояния в другое, наконец, в сферу общения “этого света” с “тем светом”»¹.

На первом этапе погребального обряда оппозиция «этот свет — тот свет» представляется семантически и семиотически двуплановой. Во-первых, это противопоставление опирается на признак нового в характеристике «того света». Загробный мир — это новая жизнь, «паки бытие», как он назван еще в словепроповеди древнерусского митрополита Кирилла Туровского. Понятие нового в христианских воззрениях предполагает очищение, уничтожение старого. В связи с этим значимым является обряд обмывания у старообрядцев, когда покойника тщательно мыли, чтобы очистить от земных грехов. В этом же ряду следует рассматривать обряды исповедания умирающего, отпевания покойника, зажигания свечей у гроба и т. п.

Во-вторых, в оппозиции «этот свет — тот свет» актуализируется необычность «того света», его несхожесть с земной жизнью, иногда прямая противоположность одного другому. В этом случае знаками — символами иного мира выступают элементы обрядовой одежды, называемой *смерётная одёжа*: смерётная рубаха без станушки, смерётный сарафан без запона, платок, повязываемый на смерётную кичку концами вперед, и пр. На «этом свете» эти детали одежды семейской женщины — *станушка*, *запон* — являются обязательными.

Кроме того, символикой иного, неземного мира являются атрибуты одежды, не используемые при жизни — *саван*, *пелена*, *калишки*.

Относительной сохранности обрядовых действий этой группы русского населения Забайкалья в значительной степени способствовала, на наш взгляд, вынужденная самоизоляция семейских.

Все три обряда объединяет идея бытия человека как бесконечно продолжающегося пути, а **рождение — брак — смерть** осмысливаются как переходы из одного мира в другой.

¹ Толстой Н. И. Там же. С. 126.

Сопоставление диалектной лексики родильно-крестильного, свадебного и похоронно-поминального обрядов семейских Забайкалья с говорами Европейской части России, т. е. с материнскими говорами, выявило ее параллели с говорами Юго-Западной и Северо-Западной диалектных зон, прежде всего с курскими, орловскими, смоленскими, псковскими и новгородскими говорами. Вместе с тем определенная часть лексики одновременно употребляется в ряде южнорусских, среднерусских и севернорусских говоров. Так, в значении ‘повивальная бабка’ слово *бабка*, свойственное говорам Южного наречия и среднерусским псковским говорам, известно также в архангельских и вологодских говорах Северного наречия, а названия *бабушка*, *баушка* с аналогичной семантикой зафиксированы в южнорусских тульских и ставропольских говорах, среднерусских новгородских и владимирских, а также в вятских, вологодских и костромских говорах Северного наречия¹. Производный глагол *бабничать* ‘заниматься ремеслом повивальной бабки, помогать при родах’ для говоров Юга в целом не характерен, он зафиксирован в псковских и тверских среднерусских говорах, а также в архангельских, вятских говорах Севера и широко представлен в говорах Урала и Сибири², в то время как обряд *размывания рук* исследователи фиксируют на Юге — в курских говорах и на Дону³.

В значении ‘крестины’ в говорах семейских Забайкалья бытуют акцентологические варианты *крэзьбины/крэзьбины*, *крэстьбины/крэстьбины* и слово *крэзьбы*. На территории Европейской части России вариант *крэзьбины* отмечается в ряде южнорусских, среднерусских и севернорусских говорах, а акцентологический вариант *крэзьбины* — в новгородских и калининских говорах⁴. Вариант *крэстьбины* в указанном значении представлен в псковских, смоленских и орловских говорах, *крэстьбины* — в смоленских и тобольских говорах⁵. Бытование в XIX в. варианта *крэсьбины* в новгородских, владимирских говорах, а варианта *крэсьбины* — в тверских говорах регистрировал В. И. Даль⁶. Функционирующее в исследуемых говорах слово *крэзьбы* соотносится с вариантами *крэзьба/крэсьба/крэстьба*, бытующими с тем же значением в новгородских говорах⁷.

Для диагностирования материнской основы исследуемых говоров показательным является слово *купеля* ‘купель’. Его отмечают в смоленских и псковских говорах Западной диалектной зоны, а также в архангельских говорах Севера. Свойственно оно и русским говорам Прибалтики⁸. Как известно, для определе-

¹ Словарь русских народных говоров (далее — СРНГ) / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52 — (А–Ц –). М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 2. С. 20, 29.

² СРНГ. Вып. 2. С. 25.

³ см.: Ларина Л. И. Лексика родильного обряда Курского региона // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 94–98; СРНГ. Вып. 34. С. 30; Словарь русских донских говоров, т. 3. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1976. С. 80, 81.

⁴ СРНГ. Вып. 15. С. 208.

⁵ СРНГ. Вып. 15. С. 208, 226.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (далее — Даль). Т. II. М., 1995. С. 192.

⁷ СРНГ. Вып. 15. С. 208, 237.

⁸ СРНГ. Вып. 16. С. 100.

IV. Обрядовая лексика

ния диалектной основы говоров именно слова, имеющие незначительные ареалы, представляют особую ценность.

Из названий *родилка*, *родиха* и *родильница* ‘роженица’ первое на территории Европейской России зафиксировано в южнорусских брянских говорах, второе — в смоленских, курских, воронежских, калужских говорах Южного наречия, в среднерусских псковских, новгородских, тверских, московских, владимирских говорах, свойственно русским говорам Прибалтики, третье, по данным СРНГ, для говоров Европейской России не характерно. В говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока распространено слово *родиха*, слово *родилка* отмечено в говорах Урала, Приамурья, *родильница* — в свердловских говорах¹. В исследуемых нами говорах название *родилка* воспринимается носителями говоров как исконное, но наиболее употребительно в настоящее время в говорах слово *родиха*.

Названиями *крёсна*, *крёстка* ‘крестная мать’ исследуемые говоры соотносятся с говорами Северного наречия и Сибири². В этом, возможно, сказывается влияние на них соседних сибирских старожильческих говоров, имеющих севернорусскую основу.

Слово *крещёнка* и словосочетание *крещёная рубашка* ‘специальная рубашка, надеваемая на ребенка после крещения’, а также глаголы *довершать* (*довершить*), *завершать* (*завершить*), *навершать* (*навершить*) ‘совершать (совершить) обряд крещения у попа дополнительно к крещению, исполненному уставщиком’, относящиеся сугубо к обрядовой лексике старообрядчества, в имеющихся в нашем распоряжении диалектных словарях не обнаружены.

Исконная для семейских лексика представлена также во всей своей историко-языковой сохранности и в свадебном обряде. Например, лексика, имеющая соответствия в говорах Юго-Западной и Западной диалектных зон, преобладает в названиях свадебного наряда невесты, в основном украшений: *дутики/дудики* ‘дутые стеклянные бусы’³, *жерёлок* ‘женское шейное украшение в виде полоски ткани с нашитыми на нее бусинами (обычно речной жемчуг), бисером’⁴, *кучери/кучери/кучери* ‘изогнутые перышки селезня, гуся, тетерева, которыми оторачивали снизу *пояску*’⁵, *мониста* и *монисты* ‘женское украшение из нескольких ниток бус, различных по форме и цвету; монисто’ и ‘бусы из янтаря или стекла под янтарь’⁶ и др.

Ближе к южнорусским говорам такие слова и словосочетания, как *атлас* ‘большой, обычно шелковый платок’, *атласик* ‘небольшой шелковый платок’⁷, *заколична*, *околична*, *окольница*, *окольнична* ‘условный выкуп за невесту, который берут с жениха ее подруги’⁸, *ленды* ‘ленты’⁹, *запивать* (*запить*) ‘завер-

¹ СРНГ. Вып. 35. С. 132, 138; Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 471; и др.

² СРНГ. Вып. 15. С. 224.

³ СРНГ. Вып. 8. С. 274.

⁴ СРНГ. Вып. 9. С. 139.

⁵ СРНГ. Вып. 16. с. 189.

⁶ Даль. II, с. 345; СРНГ. Вып. 18. С. 253.

⁷ СРНГ. Вып. 1. С. 290.

⁸ СРНГ. Вып. 23. С. 140.

⁹ СРНГ. Вып. 16. С. 351.

шить выпивкой обряд сватанья невесты'¹, *ковроты* 'небольшие ворота, у которых встречали сватов'², *коштоваться* 'ходить из дома в дом на угощение к родственникам жениха и невесты после первого дня свадьбы'³, *поднять свадьбу* 'пригласить к себе всех гостей одновременно'⁴, *провожатка* 'подруга невесты'⁵ и др.

Вместе с тем, например, в лексике свадебного обряда семейских немало слов и устойчивых словосочетаний, распространенных в русских говорах Сибири, некоторые из них бытуют в северно- и среднерусских говорах Европейской России: *задаток* 'вещь, которую невеста дает жениху в знак своего согласия выйти за него замуж'⁶, *заламывать ворота* 'преграждать путь свадебной процессии к дому невесты, требуя у жениха за нее выкуп'⁷, *обручник* 'обручившийся жених', *обручница* 'обручившаяся невеста'⁸, *подженишник*, *поженишник* 'товарищ жениха, сопровождающий его во время свадебного обряда'⁹, *похмельный стол* 'угощение на второй день свадьбы в доме жениха'¹⁰, *приглашивать*, *приплакивать* 'исполнять обрядовые песни-плачи (на свадьбах, похоронах)¹¹, *выкупать косу* 'дарить подарки родственникам и подругам невесты'¹², *свадьба бегом (бёгом, убегом, убёгом)* 'свадьба без родительского согласия на брак'¹³ и др.

В целом лексика свадебного обряда семейских, проживающих в разных районах Забайкалья, относительно однородна, хотя наблюдаются некоторые отличия. Так, для обозначения удачного сватовства, сговора старообрядцы Красночикийского района Читинской области употребляют слово *сведенье*, а семейские, проживающие в Бурятии, — слово *запивка*. Из слов *дружка* и *подженишник* первое известно повсеместно, хотя в настоящее время и малоупотребительно, второе зарегистрировано в Мухоршибирском районе; слова *поезжане*, *поезжаны*, *поезжаные* 'гости на свадьбе' зафиксированы повсеместно, 'гости на свадьбе со стороны жениха' — в Заиграевском районе. Только в Красночикийском районе Читинской области отмечено слово *увольнять (уволить)* 'разрешать (разрешить) выйти замуж'. Бытование таких слов, как *истопленница* характерно для тех районов (например, Заиграевского), где существовал обычай предсвадебной бани невесты и т. д.

В лексике похоронно-поминального обряда семейских наблюдаются слова, не имеющие, по данным СРНГ, широкого распространения в русских говорах Европейской России и зафиксированные исключительно в говорах, которые мы считаем материнскими для семейских. Так, в смоленских говорах функционирует

¹ СРНГ. Вып. 10. С. 317.

² СРНГ. Вып. 14. С. 34.

³ СРНГ. Вып. 15. С. 157.

⁴ СРНГ. Вып. 28. С. 98.

⁵ СРНГ. Вып. 32. С. 99.

⁶ СРНГ. Вып. 10. С. 43.

⁷ СРНГ. Вып. 10. С. 194.

⁸ СРНГ. Вып. 22. С. 216.

⁹ СРНГ. Вып. 28. С. 7.

¹⁰ СРНГ. Вып. 30. С. 352.

¹¹ СРНГ. Вып. 31. С. 167, 345.

¹² СРНГ. Вып. 15. С. 43.

¹³ СРНГ. Вып. 2. С. 171.

IV. Обрядовая лексика

глагол *покуковать* ‘поплакать’ и словосочетание *смеретная одежда* ‘одежда, которую надевают на покойника’¹, в брянских говорах употребляется глагол *поголоситься* ‘поплакать, поголосить по кому-л.’². Соотносит говоры семейских с южнорусскими смоленскими, курскими, орловскими и другими южнорусскими говорами и слово *голос* в значении ‘громкий плач, плач с причитаниями’, хотя оно свойственно и ленинградским говорам³.

В лексике данной тематической сферы наблюдаются также слова, характерные для Юго-Западной и Северо-Западной диалектных зон, и вместе с тем бытующие в других русских говорах Европейской России. К ним относятся, например, названия *домовина*, *домовище* ‘гроб’. СРНГ фиксирует слово *домовина* в указанном значении в ряде русских говоров, в том числе и в смоленских, брянских, курских, орловских, псковских, а слово *домовище* — в псковских, тверских, новгородских среднерусских, в южнорусских рязанских и широко в говорах Севера⁴. Раньше семейские употребляли названия *домовина*, *домовище* только для обозначения гроба, выдолбленного из цельного дерева, теперь так могут назвать и обычный гроб, сколоченный гвоздями.

По данным ДАРЯ, в значении ‘плакать над покойником’ глагол *голосить* наряду с глаголами *голосить* и *голосовать* имеет распространение в Юго-Западной и Северо-Западной диалектных зонах. Наиболее значительный ареал данного явления наблюдается в южной части Юго-Западной диалектной зоны к югу от Калуги и немного заходит на смежную территорию Юго-Восточной диалектной зоны. Второй компактный ареал в пределах данной диалектной зоны расположен приблизительно южнее линии Новоржев — Холм и доходит, прерываясь глаголом *плакать* в том же значении, до Велижа. Глагол *голосить* ‘плакать над покойником’ отмечается также в Новозыбковско-Стародубском “выступе”. В сосуществовании с глаголом *плакать* ‘причитать над покойником’ он распространен и в Северо-Западной диалектной зоне. В других русских говорах глагол *голосить* ‘причитать над покойником’ отмечается в виде небольших разбросанных островков⁵. Отмеченные выше ареалы слова *голосить* в указанном значении подтверждаются и данными СРНГ⁶.

Широко распространенное в южнорусских говорах слово *могилки* ‘кладбище’, отмечается также в среднерусских владимирских говорах, в русских говорах Прибалтики, в костромских, ленинградских говорах Европейского Севера, в русских говорах Сибири⁷. Соотносится с южнорусскими смоленскими, орловскими, рязанскими, тамбовскими, пензенскими говорами слово *помин*, функционирующее в исследуемых говорах в значении ‘обрядовое угощение, поминки’, наблюдается оно также в новгородских и костромских говорах⁸.

¹ СРНГ. Вып. 29. С. 21; Вып. 23. с. 10.

² СРНГ. Вып. 27. С. 302.

³ СРНГ. Вып. 6. С. 325.

⁴ СРНГ. Вып. 8. С. 119, 120.

⁵ Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. III, Ч. 2. Лексика. Синтаксис. Карты (Далее — ДАРЯ. Вып. III. Ч. 2). М., 2004. Карта 96.

⁶ СРНГ. Вып. 6. С. 327.

⁷ СРНГ. Там же. С. 327.

⁸ СРНГ. Вып. 29. С. 213.

Вместе с тем в лексике похоронно-поминального обряда семейских встречаются слова и устойчивые словосочетания, распространенные преимущественно в русских говорах Севера и Сибири: *приголашивать* 'причитать, голосить над покойником'¹, *причитать* 'причитать, голосить над покойником'², *мертвяк* 'покойник'³ и др. С русскими говорами Урала и Сибири говоры семейских соотносятся такими словами и словосочетаниями, как: *грехи сдать* 'исповедаться'⁴, *следы замывать* 'наскоро мыть пол в избе после уноса покойника на кладбище'⁵, *обед* 'поминки в день похорон'⁶, *пеленать* 'обвязывать тело умершего плоской ткани'⁷, *покрышка* 'покрывало для покойного'⁸ и др.

Наблюдаются некоторые различия в погребально-поминальном обряде у старообрядцев Бурятии и Читинской области. Так, только в Читинской области зафиксирован обычай хоронить в *подлазе* 'боковом углублении в нижней части могилы'. Различается и набор поминальных блюд. У старообрядцев Красночичкойского района в число обязательных поминальных блюд входят *панафида* 'кутья', *бурдук* 'кисель из муки', *блины*. Причем *панафиду* делают не из пшеницы, как семейские Бурятии, а из риса. На поминки старообрядцы, проживающие в Читинской области, почти всегда стряпают *дрочону* 'кушанье из запеченной смеси муки, молока и яиц'.

У семейских Бурятии в первую очередь на поминальный стол ставится *кутья* 'пшеница с разведенным водой медом', *оладыи*, редко *блины*, и *кисель*.

Влияние соседних бурятских говоров на лексику сферы семейных обрядов не наблюдается, что объясняется, на наш взгляд, религиозными убеждениями старообрядцев, отсутствием в прошлом смешанных (между семейскими и бурятами) браков.

¹ СРНГ. Вып. 31. С. 167.

² ДАРЯ. Вып. III. Ч. 2. Карта 96.

³ СРНГ. Вып. 18. С. 123.

⁴ СРНГ. Вып. 37. С. 51.

⁵ СРНГ. Вып. 10. С. 269.

⁶ СРНГ. Вып. 22. С. 26.

⁷ СРНГ. Вып. 25. С. 327.

⁸ СРНГ. Вып. 29. С. 18.

А. П. Майоров

ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИХ НОСИТЕЛЕЙ¹

Введение. Лексика говоров семейских, как и словарный состав любого другого вторичного диалектного образования, включает генетически разнородные слова, многие из которых являются результатом междиалектных контактов, неизменно сопутствующих процессу материальной и социальной адаптации носителей этих говоров в новых условиях.

Большинство ученых, изучавших говоры семейских, признают их южнорусскую материнскую основу (В. А. Белькова, Н. А. Дарбанова, П. Ф. Калашников, О. М. Козина, В. И. Копылова, А. М. Селищев, Е. И. Тынтуева, Т. Б. Юмсунова). При этом говоры семейских Забайкалья характеризуются как биостровные — по причине иноязычного окружения в виде бурятского языка и инодиалектного окружения в виде старожильческих говоров². Своеобразие говорам семейских придавало религиозное мировоззрение предков носителей этих говоров — старообрядцев, обусловившее особый уклад их жизни и отличительные черты их языка.

В связи с уникальностью говоров семейских выдвигаются положения относительно их взаимодействия с другими языковыми образованиями, в каком-то смысле противоречащие друг другу. С одной стороны, утверждается, что говоры семейских испытали сильное влияние сибирских старожильческих говоров³. С другой стороны, считается, что эти говоры отличаются минимальной степенью междиалектного контактирования в силу глубокой конфессиональной обособленности и полной сознательной изоляции семейских от других социальных групп забайкальского региона⁴.

Особо следует отметить стремление разграничить степень инодиалектного и иноязычного воздействия на говоры семейских по отдельным тематическим группам (ТГ) словарного состава говоров. Так, констатируется, что наибольшему влиянию со стороны старожильческих говоров подверглись ТГ «Природа», «Животноводство», «Домашнее хозяйство и быт». В них преобладает лексика севернорусского и сибирского происхождения. В то же время малую проницаемость со стороны внешнего влияния обнаруживают ТГ «Огородничество» и «Обрядовая сфера»⁵.

¹ Майоров А. П. Обрядовая лексика говоров семейских Забайкалья в свете социокультурной адаптации их носителей // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные связи: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 ноября 2021 г.). (в печати).

² Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. С. 11.

³ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 8; Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 134.

⁴ Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. С. 137.

⁵ Юмсунова Т. Б. Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа // Славянское языкознание: доклады XII Международного съезда славистов. М.: Наука, 1998. С. 607.

Для решения проблемы историко-генетической природы говоров семейских отдельного внимания заслуживает анализ обрядовой лексики. Слова, связанные с реалиями из сферы традиционной культуры, относятся к культуuroобразующей лексике, а она играет решающую роль в характеристике культурной идентичности людей в рамках той или иной социальной группы и определяет ключевые моменты исторического развития данного идиома, выступающего средством трансляции культуры в процессе межкультурной коммуникации.

Обозначенный Т. Б. Юмсуновой более глубокий подход к исследованию проблемы тем не менее не решает ее полностью. Во-первых, с точки зрения «историко-языковой сохранности» рассматривается только лексика свадебного обряда, при этом возникают вопросы более точной лингвогеографической характеристики некоторых терминов свадебной обрядности. Во-вторых, одна констатация факта преобладания исконных слов и наличия отдельных инодиалектных слов не объясняет причин изменения явлений традиционной культуры семейских и наименований этих явлений. В-третьих, тезисы об исконности определенных лингвокультурных явлений в обрядовой сфере должны обосновываться сопоставительным анализом семантики и структуры обрядов разных регионов в соотношении с языковыми средствами наименования их компонентов.

В настоящей статье предпринимается попытка (а) более глубокого исследования происхождения ключевых терминов не только свадебной обрядности, но и похоронного обрядового комплекса; (б) анализа данной лексики в соотношении с наименованиями элементов свадебной и похоронной обрядности в других российских регионах; (в) рассмотрения причин заимствования обрядовых слов в свете адаптогенных факторов. Большинство обрядовых действий, свойственных практически всем региональным русским традициям, имеют общерусские названия, и описание этих языковых средств, равно как глубокий анализ семантики и структуры обрядовых комплексов не входит в задачу настоящего исследования. Будут рассматриваться только наименования тех отдельных элементов обрядовых действий, представленных в традиционной культуре семейских, которые могут квалифицироваться как локальные явления в говорах этой этнокофессиональной группы.

Поскольку анализ историко-генетических корней обрядовой лексики неразрывно связан с изучением самих обрядовых действий, методика исследования предусматривает характеристику варьирования культурных реалий свадебной и похоронной обрядности по территориальному признаку и характеристику наименований этих реалий, допускающих в свою очередь региональное варьирование языковых средств при обозначении одного и того же обрядового явления. При этом следует принимать во внимание то, что варьирование и лексических средств, и их денотатов носит динамический характер, поэтому даже в говорах, материнских по отношению к говорам территорий вторичного заселения, определенные номинации обрядовых элементов могут применяться или отсутствовать в ритуалах сел одного и того же региона.

Лексика свадебной обрядности. Среди известных обрядов жизненного цикла у большинства этносоциальных групп, в том числе у семейских, свадебный обряд обладает, пожалуй, наиболее явными диагностирующими признаками этнокультурной идентичности. В этом случае лексика свадебного обряда может служить надежным способом ее описания, с одной стороны, и средством анализа

IV. Обрядовая лексика

динамики ключевых элементов традиционной культуры под давлением внешних и внутренних факторов, с другой стороны.

Русский свадебный обряд в принципе имеет универсальную структуру, в которой выделяются досвадебный, свадебный и послесвадебный этапы. На каждом этапе также обнаруживаются общие для различных региональных традиций компоненты: например, сватовство, рукобитье, девичник в досвадебном обряде, выкуп косы, венчание, привоз в дом жениха, свадебное застолье на свадебном этапе, буженье молодых, испытание молодых в послесвадебный период.

В процедуре сватовства знаковым выступает место, отводимое сватающимся для предстоящей беседы, — под или перед матицей, как в севернорусской и сибирской традиции¹, так и в южнорусской обрядности, в частности в воронежских, курских, липецких, пензенских, рязанских, тамбовских говорах². Потолочный брус также используется в роли обрядового элемента у семейских, и в их говорах он имеет местные диалектные наименования *мáтка*, *мáтница*³. Если первое слово широко представлено в северно-, средне-, южнорусских и сибирских говорах, то второе ограничено в территориальном функционировании больше: фонетический вариант *мáтница* употребителен в севернорусских и сибирских говорах, а *матница* — исключительно в иркутских говорах и, судя по контексту, в указанном обрядовом значении⁴. Характерно, что даже такой значимый символ свадебной обрядности способен утрачивать свою актуальность в пределах локально близких территориальных образований. Например, усаживание сватов под матицу (*мáтку*) в свадебном обрядовом комплексе населения Тамбовской области в одних селах может быть обязательным, а может не быть таковым⁵. У семейских похожим образом в одних селах какой-то обрядовый элемент действителен, в других селах он не актуален: так, девичник где-то мог устраиваться, а где-то нет, не у всех семейских был распространен обычай устраивать обрядовую баню и т. п.

Сам процесс сватовства у семейских именовался посредством словообразовательных вариантов *высвáтывать/засвáтывать/просвáтывать*, имеющих общерусское распространение. Обряд рукобитья, в широком смысле слова представ-

¹ См.: Петриченко Ж. Пир на весь мир: свадебные традиции Русского Севера // <http://www.7mostov.info/menu-item-root/podgotovka-k-svadbe/shag-za-shagom/svadebnyetseremonii/219-pir-na-ves-mir-svadebnye-traditsii-russkogo-severa>; Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII первой половине XIX века // Б.м., 1977. С. 91–103.

² Ануркина Е. Н. Свадебный обряд Среднеокского «Кутуковского» локального стиля. URL: <http://www.cnt-ryazan.ru/cultural-heritage/texts/2013/svadebnyy-obryad-sredneokskogo-kutukovskogo-lokalnogo-stilya.html>; Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 77; Бузин В. С. Этнография и математика: опыт статистической типологии южнорусской свадебной обрядности. Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 200–202.

³ Здесь и далее все примеры наименований обрядовых элементов у семейских приводятся по [Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 201–212 и Словарь говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999].

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 18, с. 33.

⁵ Бузин В. С. Этнография и математика: опыт статистической типологии южнорусской свадебной обрядности. Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 201–202.

ляющий собой соглашение между родителями жениха и невесты о браке, является общерусским, однако некоторые его содержательные элементы и номинации в севернорусской и южнорусской свадебной обрядности различаются: на севере и в Сибири распространены наименования *рукобѣтье*, *рукодѣнье*, *запѣй*, *пропѣвки*, *пропѣины*, *уговорки*, *богомолье*, *молье*, *запорѣки*, *заручѣны*, *заручѣнье* и др.¹, на юге — *запѣй*, *пропѣй*, *выпивѣшки*, *пропивѣшки*, *ладѣй*, *сгѣвор* и др.². Строгое разграничение обрядовых элементов, в частности элемента сговора-рукобѣтья, провести трудно: даже в пределах одной локации, как уже было отмечено выше, они могут сильно варьироваться. В говорах семейских употребляются севернорусско-сибирские названия *рукобѣтье*, *заручѣнье*. Завершаемый выпивкой обряд сватовства семейских назывался словом *запѣвка* как образование от глагола *запѣвать* в обрядовом значении, данный термин также встречается в вятских и свердловских говорах³, а в форме мн.ч. *запѣвки* — в ярославских, псковских, курских, вологодских говорах. В статусе просватанной девушка в воронежских селах именовалась *запѣтая дѣвка*⁴, и это выражение знакомо говорам семейских.

Наиболее яркой чертой, сближающей севернорусскую свадьбу со свадьбой семейских, является ритуал прощания с девичеством, ознаменованным символом вплетенной в косу ленты, либо головного убора различного вида. Данный символ в севернорусской традиции получил вариативные наименования *краса*, *дѣвья краса*/*дѣвѣчья краса*, *красота*/*красота*/*крѣсота*⁵. Наследие севернорусской традиции обнаруживает себя в говорах русского старожилого населения Приамурья: слово *красота* ‘украшение из цветов и лент на голове невесты’ употребляется в устойчивых словосочетаниях *раздавать красоту*, *развозить красоту*, обознача-

¹ Ведерникова Т. И. Севернорусский традиционный свадебный обряд (по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ 1973 г. в Архангельскую область) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016; Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII первой половине XIX века // Б.м., 1977. С. 91–103. https://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1977/no3/1977_no3_091_Minenko.pdf. (дата обращения: 05.08.2021); Дмитриева Л. С., Шахнович А. Г. О свадебном ритуале русских крестьян Енисее-Ангаро-Ленского междуречья (конец XIX начало XX в.). URL: <http://www.pribaikal.ru/talci-item/article/2118.html>.

² Ануркина Е. Н. Свадебный обряд Среднеокского «Кутуковского» локального стиля. URL: <http://www.cnt-ryazan.ru/cultural-heritage/texts/2013/svadebnyy-obryad-sredneokskogo-kutukovskogo-lokalnogo-stilya.html>; Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 79; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 10. С. 336.

³ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 10. С. 317.

⁴ Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 91–92.

⁵ Ведерникова Т. И. Севернорусский традиционный свадебный обряд (по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ 1973 г. в Архангельскую область) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. <https://cyberleninka.ru/article/n/severorusskiy-traditsionnyy-svadebnyy-obryad-po-materialam-ekspeditsii-kafedry-etnografii-istoricheskogo-fakulteta-mgu-1973-g-v>. (дата обращения: 31.07.2021).

IV. Обрядовая лексика

ющих элементы свадебного обряда¹. В свадебной обрядности семейских представлен этот же атрибут с той же функцией и теми же названиями: вплетали в косу ленту, либо надевали головной убор в виде расшитой бисером и украшенной кистями картонной коробки, называемые *краса́, кра́сотá/крóсота*. В данном случае не должна смущать широта предметной отнесенности вариативных наименований (головной убор разной формы, лента, вплетенная в косу): она считается характерной чертой обрядовой терминологии². Водружение на голове *девьей красы (красоты/кросоты)* и ритуал ее раздачи являются ключевыми в драматургии севернорусской традиционной свадьбы, поскольку характеризуют переход невесты из одной социальной группы в другую³. Обычно противопоставляют севернорусскую свадебную обрядность, в которой акцент делается на инициации невесты, прощании ее с девичеством и близкими родными в связи с уходом из семьи (свадьба-похороны), южнорусской свадебной обрядности, в которой доминирует праздничный настрой (свадьба-веселье). Инициационная символика предельно емко и выразительно представлена в элементе «красоты», который присутствует в свадебном обряде семейских. Надо сказать, этот яркий севернорусский свадебный атрибут был заимствован и в южнорусских похоронных традициях: в частности, в воронежских обрядах и, соответственно, в воронежских говорах отмечается удивительное сочетание севернорусских элементов с южнорусскими, объясняемое особенностями исторического развития региона⁴.

Ряд специфических выражений, характеризующих дни свадьбы, можно встретить не только в говорах семейских и их материнских южнорусских идиомах, но и в севернорусских и сибирских говорах. Описывая первый день свадьбы, семейские говорили *отсидеть (просидеть) стол*. Аналогичный устойчивый оборот *сидеть (отсидеть) стол* употребляется для описания угощения в день свадьбы после венчания в костромских говорах⁵.

Для наименования угощения на 2-й день свадьбы в говорах семейских используется составное наименование *похмельный стол*. Данное выражение широко распространено в сибирской свадебной обрядности — оно употребительно в томских, новосибирских, красноярских говорах⁶.

Очевидно сходство своеобразного завершения свадьбы у семейских и у населения отдельных регионов Сибири, а также юга европейской части России: данное сходство обнаруживается в описании обрядового действия в словарной ста-

¹ Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007. С. 373; Галуза О. Ю. Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. С. 215.

² Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 23.

³ Ведерникова Т. И. Севернорусский традиционный свадебный обряд (по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ 1973 г. в Архангельскую область) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severorusskiy-traditsionnyu-svadebnyu-obryad-po-materialam-ekspeditsii-kafedry-etnografii-istoricheskogo-fakulteta-mgu-1973-g-v>. (дата обращения: 31.07.2021).

⁴ Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 204, 284.

⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 41. С. 196.

⁶ См. там же.

ть глагола *тушить*, которое употребляется в устойчивом выражении *тушить овин* ‘заканчивать, завершать свадьбу’ в говорах Среднего Прииртышья¹: *Завтра вечером тушить овин будут: кто солому принесет, кто тряпку зажжет, а молодые заливают потом, и уже конец свадьбы*. Устойчивое словосочетание *тушить овин* в этом значении употребляется в воронежских говорах², в белгородских говорах³. В говорах семейских устойчивое словосочетание *тушить свадьбу* обозначает похожие особенности обряда завершения свадьбы⁴, и каким путем сформировалось данное обрядовое явление в свадебном ритуале семейских, однозначно ответить нельзя.

Если из наименований участников свадебного обряда в говорах семейских слова *дружка*, *подженишник* являются практически повсеместными, то синоним *товариш*⁵ употребляется, помимо говоров семейских, только в говорах Ср. Прииртышья⁶, а термин *тысячный* ‘главный распорядитель на свадьбе’ известен исключительно в архангельских, пермских, прииртышских и амурских говорах⁷. Здесь уместно вспомнить замечание А.С. Герда о том, что «обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни»⁸. Синонимы *дружка* — *подженишник* — *товариш* — *тысячный* не только подтверждают важность таких элементов свадебного обряда, как его участники, но указывают на неизбежную динамику ключевых единиц обрядового лексикона, которая предопределяется адаптогенными факторами в условиях обустройства старообрядцев на территориях позднего заселения. Обратим внимание на еще один немаловажный факт, связанный с фонетико-морфологическим варьированием слова *дружка/дружко*. В ареалах употребления данных вариантов прослеживается достаточно последовательное дополнительное распределение. Произношение *дружка* (соответственно, принадлежность слова к существительным муж.рода с окончанием *-а/-я*) распространено в севернорусских, северо-западных и среднерусских говорах — ярославских, владимирских, ленинградских, новгородских, вятских⁹. Наименование же *дружко* употребительно в южнорусских говорах — белгородских¹⁰, курских¹, терских, рязанских, смоленских². В говорах семейских употребляется только севернорусский вариант *дружка*.

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 45. С. 309.

² Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019.

³ Жиров М. С., Жирова О. Я. Региональная специфика свадебной обрядности: опыт фольклорно-этнографических изысканий // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 103–116.

⁴ Словарь говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. С. 480.

⁵ В пользу севернорусского происхождения этого обрядового слова может говорить произношение твердого [ш] на месте долгого мягкого [шш’].

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 44. С. 162.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 45. С. 342.

⁸ Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. С. 65.

⁹ Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 213.

¹⁰ Барбарин Л. Н. Свадьба в селе Подсереднее Белгородской области // Живая старина. 1995. № 3. С. 37–39.

IV. Обрядовая лексика

Употребление в свадебном обрядовом лексиконе семейских распространенных в русских говорах Сибири и средне-, севернорусских говорах слов и устойчивых словосочетаний *обручник* и *обручница*, *провожа́тка*, *зала́мывать воро́та*, *продава́ть ко́су*, *зада́ток*, *свадьба убе́гом* отмечала Т.Б. Юмсунова³.

Таким образом, сопоставительный анализ языковых средств, участвующих в номинации элементов свадебного обрядового комплекса разных регионов, показывает, что обрядовая терминология семейских насыщена севернорусскими, среднерусскими и сибирскими заимствованиями больше, чем представлялось раньше.

Названия ключевых атрибутов и элементов свадебного обрядового комплекса, обрядовых действий на разных этапах (*ма́тница*, *заруче́нье*, *запи́вка*, *красо́та/красо́та/кросо́та*, *зала́мывать воро́та*, *дру́жка*, *това́риш*, *ты́сячный*, *сиде́ть стол*, *туши́ть сва́дьбу* и др.) свидетельствуют об интенсивном влиянии севернорусской традиции через посредство сибирских свадебных обрядов на свадебную обрядность семейских. Тем самым опровергается тезис о слабой проницаемости обрядовой сферы семейских со стороны внешнего воздействия, минимальной степени междиалектного контактирования в силу их конфессиональной обособленности.

Аргументом в пользу открытости для заимствования инокультурных элементов свадебной обрядности и их номинаций у семейских служит функционирование синонимов *ма́тка* — *ма́тница*, *рукоби́тье* — *запи́вка* — *заруче́нье*, *дру́жка* — *подже́нишник* — *това́риш* — *ты́сячный*. В данных синонимических рядах последний член является словом севернорусского происхождения, и это по умолчанию указывает на возможность интерпретации самих обрядовых действий и их атрибутов как претерпевших изменения в результате межкультурной коммуникации.

Изменчивость свадебного ритуала семейских обнаруживается в отсутствии в современных обрядах семейских некоторых характерных следов традиционной южнорусской обрядности. В частности, устойчивой чертой южнорусской свадьбы выступает каравайный обряд, и хлеб как кодовый элемент свадебной обрядности выступает с разными символическими функциями практически на всех этапах южнорусской свадьбы: булка хлеба во время сватовства (*хлеб ре́зать* значит 'свататься'⁴); изготовление обрядовых мучных изделий — *карава́я*, *иши́ек*, накануне девичника⁵; украшение калача во время девичника (*цветковáть*, *уби-*

¹ Токмакова О. С. Заключительные обряды свадьбы в южных районах Курской области // Живая старина. 2001. № 2. С. 6.

² Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 214.

³ Юмсунова Т. Б. Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа // Славянское языкознание: доклады. XII Междунар. съезд славистов. М.: Наука, 1998. С. 607.

⁴ Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 75.

⁵ Барбарин Л. Н. Свадьба в селе Подсереднее Белгородской области // Живая старина. 1995. № 3. С. 37.

rátʹ kaláč)¹; одаривание гостей в обмен на подарок булочками (*шúшками*) во время свадебного застолья² и др.

Скорей всего, отсутствие в свадебной обрядности семейских этих и других традиционных южнорусских элементов — результат динамики свадебной обрядности, обусловленной различными адаптогенными факторами.

Лексика похоронно-поминальной обрядности. В похоронно-поминальной обрядности семейских можно проследить те же тенденции существенного влияния севернорусской и сибирской традиций. Наблюдаются похожие закономерности: универсальный характер обрядовых действий находит выражение в вариативных региональных наименованиях, а локальные элементы похоронной обрядности обозначаются теми языковыми средствами, которые генетически восходят к материнским говорам.

Региональные особенности в терминологии данного обрядового комплекса у семейских выявляются с учетом двух прямо противоположных концепций. С одной стороны, во многих исследованиях подчеркиваются однородность указанных обрядов жизненного цикла и отсутствие их ярко выраженных локальных вариантов, что ученые связывают с консерватизмом обрядности, отражающей архаичные представления о смерти как форме перехода в инобытие³. С другой стороны, утверждается, что традиционная культура существует только в локальных формах, и локальность рассматривается как базовая характеристика погребально-поминальной обрядности русских⁴. В фундаментальном исследовании погребальной обрядности восточных славян утверждается, что наличие локальных черт всегда определяется доминированием одной из функций обрядовых действий⁵.

По-видимому, одно не должно исключать другого: наличие универсальных черт в каком-либо обрядовом комплексе не отменяет формирование в нем локальных черт и наоборот. Те или иные явления в местной обрядовой культуре, как правило, сводящиеся к отдельным элементам обрядовых действий или их атрибутам, восходят к архаичным универсальным явлениям, подобно бродячим (блуждающим) сюжетам в литературе, фольклоре — как, например, передача

¹ Гревцова Т. Е. Хлеб как элемент предметного кода в свадебной обрядности бывшего Донецкого округа Области Войска Донского (на материале юртов Луганской и Митякинской станиц) // *Лінгвістика*. №3 (27). 2012. С. 76–77.

² Гревцова Т. Е.. См. там же. С. 77–78.

³ Подюков И. А., Свалова Е. Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // *Научный диалог*. 2019. №11. с.48; *Русский Север: этническая история и народная культура XII–XIX века*. Глава 11. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: Наука, 2001, с. 661 с.: ил. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/29.htm>; Чухина А. А. Похоронно-поминальный обряд у русского населения Архангельского Севера в конце XIX — начале XX вв. // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohoronno-pominalnyy-obryad-u-russkogo-naseleniya-arhangel'skogo-severa-v-kontse-xix-nachale-xx-vv/viewer>.

⁴ Межевикин И. В. Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья // *Вестник Омского университета*. Омск, 2012. № 1. С. 309.

⁵ Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 79.

IV. Обрядовая лексика

курицы через гроб в южнорусской и тобольской обрядности, пеленание покойника у семейских и часовенных старообрядцев Дальнего Востока и т. п.

Обычно в погребально-поминальном обряде у восточных славян выделяют трехчленную структуру: 1) приготовление к смерти, 2) собственно похороны, 3) поминавание¹ (в иной терминологии — предпогребальный, погребальный и поминальный этапы). Общей чертой, объединяющей семейский похоронный обряд с другими традициями, является приготовление на случай смерти одежды. В русских говорах представлена широкая вариативность наименования этого обязательного для похорон атрибута: например, в смоленских говорах — *смерётная одёжа (одежда)*², в новгородских говорах — *смерётное платье*³, в амурских говорах — *смертная одёжа*⁴, в архангельских говорах — *одежда на смерть, умиральное платье*⁵, в пермских говорах — *смертная сряда, смертельная одёжа, мёртвая лопоть*⁶, в нижегородских говорах — *смёртная одёжда (одежда), смертёльная рубáха, смёртное бельё, погребáльная одёжа*⁷. Одежда для покойника, завязанная в кусок ткани, могла называться отдельным, отмеченным во многих говорах устойчивым словосочетанием *смёртный узел (узёлóк)*. Погребальная одежда в составе с другими необходимыми для покойного вещами в пермских говорах называлась *смёртная котомочка*⁸.

В говорах семейских одежда для погребения имеет вариативные наименования, общие с ее названиями в средне-, южнорусских и сибирских говорах: *смерётная одёжа, смёртная одёжа (одежда), мертвёцкая одёжа, могильная одёжа*; точно так же в этих говорах используется составное наименование *смёртный узел*.

На случай смерти в большинстве обрядовых традиций гроб готовили заранее. Его самое употребительное наименование *домовiна* встречается как в севернорусской, так и южнорусской похоронной обрядности. Однако сам обозначаемый предмет мог иметь отличительные региональные черты, в частности специфическими могли быть его изготовление и материал для гроба. К сожалению, дефи-

¹ Чухина А. А. Похоронно-поминальный обряд у русского населения Архангельского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2012, с. 212. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohoronno-pominalnyu-obryad-u-russkogo-naseleniya-arhangel'skogo-severa-v-kontse-xix-nachale-xx-vv/viewer>.

² Словарь русских народных говоров. Вып.38, с.357.

³ См. там же.

⁴ Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007, с.418.

⁵ Русский Север: этническая история и народная культура XII–XIX века. Глава 11. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: Наука, 2001. 848 с.: ил. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/29.htm>; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 47. С. 187.

⁶ Подюков И. А., Свалова Е. Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // Научный диалог. 2019. № 11. С. 52.

⁷ Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 491.

⁸ Подюков И. А., Свалова Е. Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // Научный диалог. 2019. № 11. С. 52.

ниция слова *домовина* в СРНГ не содержит описания реалии, между тем как гроб в разных традициях сооружался разными способами. Помимо распространенного гроба из досок в похоронном обряде применялся гроб, выдолбленный из цельного массивного бревна. Эта архаичная форма гроба, характерная еще для некоторых доисторических захоронений, использовалась не только старообрядцами, но и крестьянами, не являющимися староверами на Русском Севере, в Вологодской губернии¹. Такой гроб-домовина известен в похоронной обрядности семейских Забайкалья. Упоминание гроба-колоды, выдолбленного из цельного ствола кедра, встречаем в описании похоронно-поминальных обрядов часовенных старообрядцев Дальнего Востока².

На этапе приготовления к погребению практически во всех похоронных традициях умершего обмывают. Каких-то явных регионализмов, характеризующих этот элемент обрядности, не выявляется. Исключение представляют термины *обмываха* в говорах семейских и *омывальщица* в нижегородских говорах. Эти варианты выступают в качестве словообразовательных вариантов общерусского термина *обмывальщица*. Особенность в данном случае может усматриваться в главном участнике этого обрядового акта, в роли которого в иных традициях (как правило, севернорусских) выступала только женщина, а в иных, как и у семейских, мужчина (*обмывальщик*) и женщина (*обмывальщица*).

Следующая процедура на этом этапе, известная во всех российских регионах, — обряжение покойника. Называться она могла по-разному: *нарядить, снарядить* — в нижегородских говорах³; *обрядить* — в архангельских, костромских, псковских, владимирских, нижегородских, смоленских, брянских говорах⁴; *сдобить* — в новгородских говорах⁵; *собрать* — в оренбургских, нижегородских, костромских говорах⁶; *срядить* — в архангельских, пермских, костромских

¹ Русский Север: этническая история и народная культура XII–XIX века. Глава 11. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: Наука, 2001. 848 с.: ил. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/29.htm>.

² Аргудяева Ю. В. Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока // Словесница Искусств. Философия обряда. Хабаровск, 2007. № 19. С. 54.

³ Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 490.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 22. С. 224; Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 490.

⁵ Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индик, 2004. С. 86.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 39, с.161; Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015, № 2 (2). С. 490.

IV. Обрядовая лексика

говорах¹; *убр́ать* — в калужских, рязанских, пермских, нижегородских говорах²; *уку́тать* — во владимирских говорах³.

В говорах семейских для наименования этой процедуры употребляются глаголы *собра́ть/собира́ть*, *наряди́ть/наряжа́ть*. Рассматривая региональные черты номинации этого процесса, нельзя не отметить связанную с концептом пути в иной мир семантическую аналогию севернорусских глаголов *наряжа́ть/наряди́ть*, *снаряжа́ть/снаряди́ть* со среднерусским глаголом *собира́ть/собра́ть* в указанном значении. В архангельских говорах *наряжа́ть/наряди́ть* употребляется в значении 'собирать в путь', а в олонечских говорах *снаряжа́ть/снаряди́ть* — в значении 'приготавливать лошадь к поездке'⁴. Скорей всего, уже в сибирских говорах, согласно представлению о смерти как пути в иной мир, у данных глаголов закрепился перенос значения по аналогии с глаголом *собира́ть/собра́ть*. Мысль о смерти-пути отражается также в севернорусских фольклорных причитаниях *собира́ться-снаряжа́ться во матушку-сыру землю*⁵.

Из других отдельных элементов обрядовых действий, отличающихся региональной спецификой, стоит выделить довольно редкое в русской обрядности явление — пеленание покойника. Этот обычай был известен среди населения по нижнему и среднему течению р. Урал⁶, в Пермской губернии⁷, у часовенных старообрядцев Дальнего Востока⁸ и у семейских Забайкалья. Общим для всех названных традиций атрибутом был саван, в который одевали умершего. Различия заключались в деталях — материале савана, способе пеленания. Например, на Дальнем Востоке обряженного в саван покойника пеленали «пеленами», сплетенными из трех льняных ниток и перетягивали тело умершего так, чтобы получилось три креста⁹. В Пермской губернии облаченного в саван покойника опоясывали большим нитяным поясом, ноги обертывали холщовыми тряпками и завязывали нитками¹⁰. Все эти обрядовые действия обозначались глаголом *пелена́ть*.

С обрядовой традицией севернорусского населения связано представление семейских об обуви, надеваемой на покойника. Одной из примечательных черт такой обуви является то, что она должна быть новой, нехоженой. В архангель-

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 40. С. 334.

² Словарь русских народных говоров. Вып. 46. С. 122; Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 490.

³ Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 86.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 39. С. 88.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же. Вып. 25. С. 327.

⁷ Голикова С. В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2012. № 4(19). С. 118.

⁸ Аргудяева Ю. В. Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока // Словесница Искусств. Философия обряда. Хабаровск, 2007. № 19. С. 54.

⁹ Аргудяева Ю. В. Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока // Словесница Искусств. Философия обряда. Хабаровск, 2007. № 19. С. 54.

¹⁰ Голикова С. В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2012. № 4(19). С. 118.

ских, онежских, а также в пермских, уральских, амурских говорах для наименования полотняной, кожаной, суконной или бумажной обуви, надеваемой на покойника, используется слово *калѣшкѣ*¹. Это же слово употребляется в говорах семейских, но прослеживается небольшое отличие в характеристике материала изготовления обуви — она могла быть сшита из войлока или связана из шерсти².

Видимо, влияние сибирской обрядности проявляется в обычае семейских надевать на лоб усопшему бумажную ленту с молитвой, которая называлась *вѣнчик*. Известный историк Приморского края А. П. Георгиевский отмечает функционирование в 20-х гг. XX в. этого слова со значением ‘молитва об отпущении усопшему грехов’ в местных говорах³. Производящее слово *венѣц* в значении ‘бумажная лента с надписью, накладываемая на лоб покойника’ и производное от него *венѣчик* в этом же значении употреблялись в уральских говорах⁴. Существует также точка зрения, что венчик, наряду с поясом с молитвой и рукописанием, в похоронной обрядности старообрядцами вообще не признавались⁵.

Ритуал причитания, присущий всем русским похоронным традициям, обозначается глаголами *голосѣть* и *причитѣть*, которые входят в словарный состав литературного языка и используются на похоронах семейскими. Наряду с ними употребляются два диалектных слова *приголѣшивать* и *куковѣть* (с производными *закуковѣть*, *покуковѣть*). Глагол *приголѣшивать* характеризует обрядовые плачи в олонекских говорах⁶ и нижегородских говорах⁷. Глагол *куковѣть* в значении ‘горевать, тосковать, печалиться’ употребляется в терских, воронежских, олонекских говорах, а глаголы *закуковѣть* ‘загоревать’⁸, *покуковѣть* кать⁹ — в смоленских говорах. Скорей всего, обрядовое значение в говорах семейских на базе семантики южнорусских глаголов сформировалось позже. Синонимия в описании обрядового плача также свидетельствует в пользу динамики обрядового словаря, отражающей социокультурную адаптацию семейских.

Суть исторических изменений обрядовых действий и их номинаций проявляется и в других явлениях похоронно-поминального обрядового комплекса семейских. После выноса покойного в каких-то селах семейских мыли полы, в каких-

¹ Словарь русских народных говоров. Вып.12, с.354; Голикова С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2012. № 4(19). С. 118.

² Словарь говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. С. 189.

³ Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке: фольклорно-диалектологический очерк. Вып. V. Говоры Приамурья (б. Амурского и Зейского округов ДВК). Труды Дальневост. пединститута, сер. III, №1. Владивосток, 1990.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. С. 113.

⁵ Ясинская М. В. Похоронные обряды в Уржумском районе Кировской области // Живая старина. 2000. № 1. С. 16.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 31. С. 167.

⁷ Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 490.

⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 10. С. 174.

⁹ Там же. Вып. 20. С. 21.

IV. Обрядовая лексика

то это не было принято вообще, в каких-то мыли после поминального обеда¹. Данное ритуальное действие в основном фиксируется в северных областях европейской части России, на Урале и в Сибири². Историческую связь указанных традиций подчеркивает термин *замывать следы (дорóжки)*, употребляющийся в уральских, севернорусских говорах³ и в говорах семейских.

Южнорусский след похоронной обрядности прослеживается в наименовании кладбища *могілками*⁴. Так же кладбище называют семейские.

Традиционное поминальное блюдо под названием *кутья* распространено повсеместно⁵, в том числе в похоронно-поминальной обрядности семейских. В то же время у семейских отмечается употребление синонимического наименования *панафіда*, имеющего сибирское происхождение: в значении 'кутья — род каши из пшеницы с медом' слово *панафіда* употребляется в иркутских и новосибирских говорах⁶.

Наконец, для наименования поминального обряда в день похорон семейские используют устойчивые словосочетания *горячий стол, горячий обед, горячие поминки*. Данные фразеологизмы нельзя однозначно характеризовать как южнорусское наследие, поскольку составное наименование *горячий обед* в значении 'поминки в день похорон' употребительно в курских, орловских, сибирских, дальневосточных (амурских) говорах⁷, *горячий стол* — в нижегородских [Никифорова 2015: 491], пензенских, казанских говорах⁸. Выражение *горячие поминки* в других диалектных идиомах, кроме говоров семейских, не встречается: вариант данного устойчивого словосочетания *горячий помин* употребляется в нижегородских говорах⁹. Как уже подчеркивалось выше, сам факт синонимии при наименовании этого обрядового элемента больше говорит о динамике обрядового лексикона,

¹ Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 222.

² Межевикин И.В. Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья // Вестник Омского университета. Омск, 2012. № 1. С. 311; Голикова С. В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 419. С. 121.

³ Словарь русских народных говоров. Вып. 10. С. 268.

⁴ Межевикин И. В. Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья // Вестник Омского университета. Омск, 2012. № 1. С. 313.

⁵ В истории похоронно-поминального обряда *кутья* в виде каши с медом и изюмом во многих регионах севера европейской части России раньше была не знакома: она либо изготавливалась в виде «красного меда», растворенного в воде (Арх.обл.) [Антон Орлов. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. URL: <https://pandia.ru/text/80/128/51833.php>], либо под этим названием были известны кушанья из гороха (гороховый кисель или гороховая каша в Арх.обл.) [Словарь русских народных говоров]. Главным же поминальным блюдом был рыбный пирог [Русский Север: этническая история и народная культура XII-XIX века. Глава 11. Похоронно-поминальные обычаи и обряды].

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 25. С. 193.

⁷ Там же. Вып. 77. С. 88.

⁸ Там же.

⁹ Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 491.

отражающей влияние внешних и внутренних факторов социокультурной адаптации семейских.

Динамика обрядового лексикона и социокультурная адаптация семейских.

Функционирование в говорах семейских обрядовых терминов севернорусского происхождения, заимствованных из сибирских говоров, объяснять как результат междиалектных контактов представляется недостаточным, поскольку слова обрядовой сферы действительно относятся к наиболее консервативному пласту лексики, с трудом поддающемуся изменениям, и активность динамики обрядового лексикона семейских вызывает вопросы.

Проникновение в относительно замкнутый обрядовый словарь говоров семейских инодиалектной лексики было обусловлено факторами социокультурной адаптации носителей этих говоров. Переселение старообрядцев с района Ветки в Забайкалье вызвало необходимость приспособления элементов их традиционной материальной и духовной культуры к новым условиям внешней среды, под которой понимается «совокупность природных и социальных условий жизнедеятельности группы, оказывающих влияние на ее существование, жизнедеятельность и воспроизводство»¹. Это не могло не проявиться в трансформации некоторых элементов культуры, включении инноваций, в изменении некоторых форм речевого поведения, речевой коммуникации семейских и связанных с этими формами языковых единиц.

Из базовых адаптационных стратегий, выделяемых в концепции американского антрополога Ф. К. Бока, у семейских выбор пал на интеграцию (аккультурацию), являющуюся «наиболее предпочтительной и успешной стратегией адаптации, при которой этноменьшинства сохраняют приверженность своей культуре и параллельно интернализируют инокультурные атрибуты»².

Как известно, развитию потенциальных адаптивных способностей группы способствует такое явление этнокультурных отношений, как «межгрупповая дискриминация»³, которая может выражаться в виде социального давления или ущемления. В силу воздействия в XVII–XVIII вв. на старообрядцев их религиозной дискриминации — важнейшего антропогенного фактора, можно говорить о первоначальной ориентации семейских на стратегию пассивной автаркии, по Ф. К. Боку, подразумевающую отказ адаптантов от прямых контактов с элементами иной культурой в новом окружении и обусловленных этими контактами негативных симптомов культурного шока. Следы данной стратегии отражаются в уходящей ныне практике запретов на совместные трапезы с иноверцами, использование с ними одной посуды, на чем строится достаточно стереотипное восприятие старообрядцев у современных россиян.

Новая стратегия интеграции, опирающаяся на конструктивный диалог культур, переосмыслила место семейских в оппозиции «свой-чужие» и сместила границы их культурного пространства как средства идентичности семейских.

¹ Повод Н.А. Некоторые аспекты процесса этнокультурной адаптации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып.3. С. 183.

² Цит. по: Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 17.

³ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ. С. 78–80.

IV. Обрядовая лексика

И именно осознание амбивалентной разделяющей и объединяющей функции границы является отправной точкой в «структурировании» освоенного. Любопытно описание специфики такого осознания как системы оппозиций «семейский — русский», «семейский — сибиряк», «семейский — православный» в¹.

Установление в традиционной культуре семейских относительно новых границ и функций обрядовых действий проявляется в двух тенденциях. С одной стороны, происходит забвение тех элементов обрядового комплекса, которые были присущи материнской южнорусской обрядности. Так, в свадебном обряде семейских не сохранилось никаких следов каравайного обряда, отдельных элементов как диагностирующих признаков (скакание по лавкам невесты, глядение в печку сватов и др.).

С другой стороны, у семейских в свадебном обряде обрел черты типичности севернорусский по происхождению элемент *дэвья красá* (*красотá/ красота/крóсота*), стала обычной открытостью для межкультурного взаимодействия, проявляющаяся в говоре в виде синонимических рядов типа *дру́жка — подже́ннишник — товáриш — ты́сячный*. В похоронно-поминальном обряде семейских на первый план выступают изначально не присущие их традиционной культуре севернорусские или сибирские обрядовые элементы, получающие соответствующее языковое выражение — *пеленáть* (покойника), *замывáть следы́, вéнчик, калéшки*.

Если в XVIII–XIX вв. конфессиональная обособленность и социокультурная изоляция семейских были продиктованы адаптационной стратегией пассивной автаркии, отвечавшей в целом «культурному перфекционизму», который в русской истории в целом отвечал масштабу национально-культурных притязаний русских, представленных, например, еще в формуле русской идеи «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». В XX столетии происходит переход семейских от культурного перфекционизма к диалогу культур, к дрейфу идентичности, что и выражается в модификациях ключевых элементов обрядов жизненного цикла и в динамике обрядового лексикона.

¹ Дарбанова Н. А. Парадоксальность самоидентификации в речи семейских Забайкалья // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 106–111.

V. MORFOLOGIJA

П. Ф. Калашников

MORFOLOGIČESKIE OSOBNOSTI GOVORA SEMEJSKIX¹

В области морфологии рассмотрим характерную для южнорусского наречия черту — разрушение среднего рода имен существительных, которая находит свое отражение в семейских говорах.

Как и на западе Орловской области, в качестве заменителя среднего рода в наших говорах употребляются формы мужского и женского рода, но чаще мужского.

Примеры: настајашаја с'алò, сèрце заболèла, привёт с Д'ес'атн'иковой и: бòтал пустòй, сухалицьий сèно (сено, заготовленное поздней осенью, когда трава сухая на корню и не требует сушки), тот крыл'цò и тот крыл'èц (чаще второе), паганый в'адрò, наш с'алò...

Эта морфологическая черта присуща всем родственным говорам.

Существительные мужского рода в родительном падеже ед. ч. оканчиваются на **-у**, **-а**. Первая форма употребляется шире, чем в литературном языке: з городу, б'ис харчù, дл'а приплòду, гарад'ба из лèсу, н'и слб'иху ни пòслыху, инт'арèсу н'и былò, с кирпичù печка, от жару и кам'ин' лòпаица (жар — сущ. м.р.), да Пет-рòвскава завòду. Существительное „день“ в род. пад. ед.ч. в говоре семейских имеет форму — дни: Да Петрòва дни.

В предложном падеже существительные ед.ч. муж. рода получают окончание **-у**, если ударение падает на конечный гласный, и окончание **-е**, **-и** под ударением и без ударения: у клубù, на кустù, в аднèm часù, порьх у рајù, на схадù, на кр'уч'кù, на замкù, на первьм этажù, на трахтù, деушка у платкù; у гòрод'и, у гарòх'и, на л'еси и т. д. Окончание **-у**, в отличие от литературного языка, принимают существительные одушевленные: на канù, на быкù, при цар'ù.

В родительном падеже ед. числа существительных женского рода отмечаем форму на **-е**, наряду с формами на **-и**, **-ы**: кал гар'è, ат с'астр'è, кал пл'ит'è, ушла с работ'и, са шкùр'и л'èз'ит', Малашка с бригад'и, вакрùх шкòл'и, у н'ав'èст'и.

В дательном, предложном падежах существительных женского рода употребляется форма на **-ы**, наряду с формой на **-е**, **-и** (в безударном положении): г зимы, к свад'бы, к т'ур'мы, жаны, карòвы сèна н'асù; радиво у гòрницы, о с'астры дùмају и т. д.

Существительные женского рода III склонения в форме предложного падежа выступают иногда с ударным окончанием **-è**: на ст'ап'è, на пад'è, у гр'аз'è, у груд'è, у част'è служит', у ноч'è.

Описанные формы характерны для традиционного говора и все чаще и чаще в речи современных носителей говора вытесняются формами литературного произношения.

¹ Калашников П. Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1966. С. 26–36.

V. Морфология

По особенностям склонения существительных мужского и женского рода единственного числа наши говоры сближаются с родственными.

Из форм склонения существительных во множественном числе отметим формы дательного и творительного падежей. Еще П.А. Ровинский отмечал: «Очень употребительна форма творительного падежа множественного числа на *мъ* вместо *ми*: продают хлеб мешкам, вперед гляди глазам, а назад ушам»¹.

А. М. Селищев констатировал: «Говор села Десятникова и в отношении форм склонения удалился от прочей семейщины: там форма дательного и творительного падежей множественного числа одинакова на *-м*: рукам, нагам, дефки с р'аб'атам. Так передаются эти падежные окончания во многих говорах Сибири»².

Вывод, сделанный предшествующими исследователями, подтверждается нашими материалами. Однако его нельзя распространять на говор всех семейских сел. Совпадение форм дательного и творительного падежей мн. числа характерно для говора с. Десятникова, Окино-Ключей, Нижнего Жирима: са старикам жила, м'астам глыбòкија калòтцы, лапатам капàли, касам кас'йли, гналис' за д'ен'гам; в поговорке: када хамутам шев'ел'ат', дугам не л'ежат'.

В говоре остальных сел такое совпадение не наблюдается. Обратной замены дательного падежа творительным в говоре не отмечено.

Замена творительного падежа множественного числа дательным не отмечена в материнских курско-орловских и брянских говорах, в говорах Добруджи³, Ветки. В говоре переселенцев-старообрядцев Подолья это явление прослеживается непоследовательно. В говоре с. Слободка Женишковецкая эта замена прослеживается последовательно (автор полагает, что это село основали старообрядцы, выходцы из средневеликорусских областей), в говоре других сел она отсутствует.

В говоре «липован» Буковины флексии указанных падежей идентичны с литературным языком. Говорам алтайских «поляков» эта замена свойственна⁴.

Данное явление можно объяснить или севернорусским влиянием на южнорусскую основу говора семейских и «поляков», или тем, что среди переселенцев-старообрядцев были выходцы из среднерусских областей.

Теперь о форме глагола 3 лица ед. и мн. числа. В говорах метрополии глагол в форме 3 л. ед. и мн. числа имеет окончание *-т'* (мягкое). В восточной половине орловщины без *т'*. Это явление ухватывает, прежде всего, глаголы с ударением на основе: ёдя, знаја, мòжа, вьдя, пòмня, слыша. Спорадически (на востоке орловщины) с ударением на тематическую *-е*, (*-ё*): нисè или нис'ò.

В говоре семейских употребляется преимущественно окончание *-т'* (мягкое). Только в селах Тарбагатай, Мухоршибирь, Десятниково, Окино-Ключи «среди прочих наносных явлений отражается и черта сибирсковеликорусских говоров — твердое *-т*, хотя и эта черта свойственна речи не всех старообрядцев указанных сел»⁵. Форма без *-т'*: мòжа (может быть). Говору тех сел, где наблюдается окон-

¹ Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской обл. // Изв. СОРГО. 1872. Т. 3, № 3. С. 120–131.

² Селищев А. М. Указ. соч. С. 59.

³ См.: Агульникова З. Я. Из наблюдений над говором русского населения на территории Молдавии. Уч. зап. МГПИ «Русские говоры». М., 1964. С. 78–101.

⁴ См.: соч., указанные выше.

⁵ Селищев А. М. Указ. соч. С. 61.

чание **-m** (твердое) в 3 л. ед. числа, в этих формах, а также во 2 л. ед. числа и окончаниях прилагательных свойственна утрата интервокального *j* и стяжение гласных: знат, умёт, знаш, умёш, накапл'ёца (накапливается), атапл'аца, быва́т, умёт; у мавò старика, бу́ф'ерна государства, кра́сна лента, плаха́ трава.

Окончания I и II спряжения в 3 лице обычно не различаются. Большинство глаголов имеет окончание **-у** после твердых и после мягких согласных: вы́дут', ре́жут', да́езд'и́ют', ко́рм'ут', харо́н'ут' и т. д.

В говоре Ветки, Подолья употребляется **-m'** (мягкое), в говоре «поляков» **-m'** (мягкое) встречается повсеместно, а формы же, равные основе, sporadически.

Для говора «липован» Буковины характерно «чересполосное», по выражению С. П. Обнорского, употребление то **-m** (твердое), то **-m'** (мягкое).

Вышесказанное подводит нас к следующим предварительным выводам:

1. Говоры семейских, по своей основе южнорусские, генетически восходят к западным курско-орловским и брянским говорам.

2. По происхождению, месту формирования, а также условиям дальнейшего развития семейские говоры роднятся с говорами старообрядцев Ветки, Подолья, Алтая и сближаются с говорами старообрядцев русских поселений Молдавии, Буковины.

3. В течение почти трехсотлетнего пребывания в Забайкалье семейские говоры подверглись значительному влиянию со стороны старожильческих сибирских говоров.

4. Современные семейские говоры неоднородны. Условно делим их на две группы:

а) говоры с хорошо сохранившимися архаическими южнорусскими чертами (говоры сел Большой Куналей, Бичура, Никольское, Хонхолой, Новый Заган);

б) говоры южнорусские, со значительным среднерусским наслоением (говоры сел Десятниково, Тарбагатай, Мухоршибирь, Нижний Жирим).

Т. Б. Юмсунова

МАТЕРИНСКАЯ ОСНОВА ГОВОРОВ СЕМЕЙСКИХ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ. МОРФОЛОГИЯ¹

1. В говорах старообрядцев Забайкалья имена существительные могут иметь иную по сравнению с литературным языком родовую принадлежность. Существительные, относящиеся в литературном языке к среднему роду, могут переходить в мужской род. Согласующиеся с такими существительными определения имеют форму мужского рода в И. и В. пп.: *Ён очень укусный — масло ореховый* (Урл., Красночик.).

Глагол-сказуемое прошедшего времени в сочетании с такими существительными также употребляется в форме мужского рода: *Яичко лопнул* (Бурн., Тарб.).

¹ Материал взят из монографии Т. Б. Юмсуновой «Язык семейских-старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры», 2005. С. 191–230, доработан и сокращен автором.

V. Морфология

Таким образом, в традиционном слое говоров наблюдается расширение класса имен существительных мужского рода за счет среднего. Данное явление представлено в говорах в Юго-Западной диалектной зоны¹.

2. У существительных 1-го склонения (на *-а*) с основой на твердый согласный в форме Р. п. ед. ч. с предлогами представлено окончание *-е/* (под ударением *-[е]*, без ударения *-[и]*): *у жане, кол плите; у маме, с работи* и др. Звук *[и]* в окончании представляет здесь фонему */е/*, на это «указывает смягчение твердого согласного основы»².

Без предлогов выступают формы с окончанием *-и (-ы)*: *нет жаньы, нет сястры*. Такое распределение окончаний этого типа склонения сближает исследуемые говоры с говорами Юго-Западной диалектной зоны³.

3. У существительных ж. р. на *-а* (1-е склонение) в Д. и П. пп. ед. ч. зафиксировано наряду с окончанием *-е/* окончание *-и/ (-[ы] || -[и])*. В безударных окончаниях после мягкого конечного согласного основы противопоставление окончаний *-е/* и *-и/* нейтрализовано.

Д. п.: *Теперь к старой веры повярнулись* (Дес., Тарб).

В целом в исследуемых говорах окончание Д. п. *-и/* не отличается регулярностью; чаще встречается окончание *-е/*: *пойду к сястре, косить по жаре* и др.

В П. п. окончание *-и/* более частотно, чем в Д. п.: *Две сястры помёршы на чужой стороны* (Н. Нар., Красночик.); *На клюки колдовки ездили* (Урл., Красночик.).

Приведенные примеры показывают, что в традиционном слое изучаемых говоров представлена следующая подсистема окончаний Р., Д., П. пп. ед. ч.: Р. п. с предлогами: *-е/* (редко *-и/*), Р. п. без предлогов, счетная форма: *-и/*, Д.-П. пп. *-и/,-е/*. Представленная в говорах семейских система окончаний наблюдается, с одной стороны, в отдельных северо-западных говорах, разбросанных в южной части Псковской и Тверской областей, а с другой — в Юго-Западной диалектной зоне⁴.

4. У слов типа *вода, душа, земля* в В. п. ед. ч. может происходить выравнивание места ударения по окончанию: *Икону поновишь, эту воду усю соберёшь* (Дес., Тарб.).

Распространение подобных форм характерно для говоров Западной диалектной зоны⁵.

¹ Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989 (далее — Русская диалектология 1989). С. 82; Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р. И. Аванесова. Вып. II. Морфология (далее — ДАРЯ, вып. II). М., 1989. Карта 12.

² Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. С. 55.

³ Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964 (далее — Русская диалектология 1964). С. 104; ДАРЯ, вып. II, карта 1.

⁴ ДАРЯ, вып. II, карты 1, 2; Тер-Аванесова А. В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных а-склонения // Восточнославянские изоглоссы. 1998. М., 1998. С. 202.

⁵ Русская диалектология 1964, с. 256; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. С. 100; Образование среднерусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. Карта 108.

5. У неодушевленных существительных м. р. Р. п. ед. ч. возможны формы с -у: *Ни скота у нас, ни живота, девять соток **огороду** да старик больной* (Дес., Тарб.).

Данное явление в говорах семейских Забайкалья фиксировал в начале XX в. А. М. Селищев¹. Оно характерно для многих русских говоров, как южнорусских, так и севернорусских².

6. Сфера употребления окончания -у в П. п. ед. ч. значительно шире, чем в литературном языке. Окончание -у (наряду с -е) наблюдается у существительных м. р. не только неодушевленных, но иногда и у одушевленных.

Чаще всего П. п. имеет обстоятельственное значение места: *Разуй глаза, книжка твоя ево**н на столику** и ляжыть* (Бич., Бич.).

Реже форма П. п. имеет другие значения: ***На** этом **месяцу** два раз в больницу ложылась* (Куйт., Тарб.); *Раньше в армию провожали **на коню*** (С. Заг., Мухор.); ***На** одним **луку** жыли* (Калин., Мухор.).

Данная диалектная черта соотносит исследуемые говоры с говорами Юго-Западной диалектной зоны³. Ее отмечал в говорах семейских в начале XX в. и А. М. Селищев⁴.

7. Широко распространено образование формы И. п. мн. ч. существительных с твердой основой, относящихся в литературном языке к ср. р., с помощью безударного окончания -и (-ы): *пятны, вокны, сёлы* и т. п. Данная диалектная черта охватывает южнорусские и среднерусские говоры⁵.

8. Наряду с различием форм Т. п. и Д. п. мн. числа существительных, прилагательных, местоимений, числительных наблюдается совпадение формы Т. п. с формой Д. п. Это представлено у существительных: *Вот как наших посослали, они тоже там **сямьям** уехали* (Дес., Тарб.); *Прялка баушкина была с **вырискам*** (Новодес., Кяхт.).

Те же окончания наблюдаются в Т. п. личных местоимений *мы, вы*: *Она [бабушка] с **нам** три года прожыла вместе* (Арх., Красночик.); *Я за **вам** не приеду* (Урл., Красночик.).

То же явление наблюдается при склонении имен прилагательных, местоименных прилагательных и количественных числительных: *Снег вот **таким шапкам** пошол* (Бурн., Тарб.); *Костыль бяру да по избы скакаю, с **двум костылям** на двор иду* (Н. Нар., Красночик.).

В 1920-е гг. А. М. Селищев отмечал в с. Десятниково совпадение у существительных мн. числа Т. п. с Д. п.⁶

Как известно, наличие общей формы для Д. и Т. п. мн. числа существительных и прилагательных — черта, характеризующая большинство говоров Север-

¹ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. ун-т, 1920. С. 58.

² Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Там же. С. 67–71.

³ Русская диалектология 1964, с. 108–109; Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Там же. С. 77; ДАРЯ, вып. II, карты 14–19.

⁴ Селищев А. М. Там же. С. 58.

⁵ Русская диалектология 1964. С. 239; ДАРЯ. Вып. II. Карта 33.

⁶ Селищев А. М. Там же. С. 86.

V. Морфология

ного наречия (кроме Архангельской группы Северного наречия), широко распространена она и в говорах Северо-Западной диалектной зоны¹.

9. Возможно употребление прилагательных с утратой звука на месте /j/ в интервокальном положении и ассимиляцией и стяжением возникших в результате этого соседних гласных в ударных и безударных окончаниях. Данное явление наблюдается также и в формах местоименных прилагательных: *друго, евонна, каку, котора, само, тако* и др. и в формах порядковых числительных: *втора, четвёрту, пяты* и др.

Такие формы, подобно именам существительным, имеют односложные окончания в И. и В. пп. Так, в ед. ч. ж. р. наблюдается окончание *-а* в И. п. и окончание *-у* в В. п.: *банна судомойка, кака система; долгу гору, евонну бабу*; в И. и В. пп. ср. р. — окончание *-о, -е: открыто вокошко*; во мн.ч. — окончание *-и (-ы): избы гадки, таки дяла*.

Наряду со стяженными формами в исследуемых говорах широко распространены и нестяженные формы, особенно это характерно для речи старшего поколения: *Кондырь у кички торчит, семейская кичка такая, особе* (Шарал., Мухор.).

В исследуемых говорах наблюдаются некоторые закономерности в распределении нестяженных (полных) и стяженных (кратких) форм. Так, полные формы употребляются под фразовым ударением или при акцентном выделении слова, поэтому если в конце предложения употребляются два прилагательных, как правило, это местоименное прилагательное и прилагательное знаменательное, то первое, будет кратким, а второе полным: *Ково она стряпает! Алякушы каки-то выхают, таки нявкусные* (Бич., Бич.).

Выпадение интервокального *j* и стяжение гласных А. М. Селищев квалифицировал как «наносные севернорусские черты», считая, что «семейские сочетания: краснај пагода, плахоја лета, краснаја лета»². Однако такие формы прилагательных свойственны не только Северному наречию — они широко распространены и в Северо-Западной диалектной зоне³.

10. В говорах семейских отмечены случаи произношения [э] (а после заднеязычных и [е]) на месте *о* под ударением перед /j/ в окончаниях прилагательных и неличных местоимений. Это наблюдается в формах И. п. м. р. и Р., Д., Т., П. пп. ж. р.:

а) после твердых шипящих или конечных парных твердых согласных на конце основы — *большэй, чужэй, молодэй* и др.: *Он приехал на тэй, на грузовэй машине* (Б. Кун., Тарб.); *Ермила ишо молодэй* (Калин., Мухор.);

б) после твердых и мягких заднеязычных на конце основы: *другэй — другей, какэй — какей, такэй — такей* и др.: *Завожжаеш коня с однэй стороны, а другово — с другей стороны* [когда пахали плугом] (Арх., Красночик.).

¹ Русская диалектология 1964, с. 237; ДАРЯ, вып. II, карты 41, 51; Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М: Диалог МГУ, 1977. С. 193–194; Касаткин Л. Л. Русские диалекты // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского языка / отв. ред. И. В. Власова. М., 1998. С. 76.

² Селищев А. М. Там же. С. 61.

³ ДАРЯ. Вып. II. Карты 53–56.

После мягких заднеязычных согласных отмечено и окончание *-uj*: *С другий сошолся* (Арх., Красночик.).

Произношение типа *молодэй, глухей* и т. п. в И. п. ед. ч. прилагательных м. р. представлено в говорах Юго-Западной диалектной зоны, особенно компактно на территории, пограничной с Белоруссией, а произношение типа *с молодэй, без глухей* и т. п. в косвенных падежах ед. ч. прилагательных ж. р. занимает значительно большую территорию Юго-Западной диалектной зоны¹.

11. Личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч., а также возвратное местоимение в Р. и В. пп. имеют окончание *-е*: *у мене, у тебе, у себе; видишь мене, тебе, себе* (произносится [*м'ин'е, т'иб'е, с'иб'е*]). В Д. и П. пп. наряду с формой *мне* возможны также форма *мине*. Данный тип соотношения падежных форм характеризуется совпадением окончаний Р., В., Д. и П. пп. в едином окончании *-е*: Р., В. *мене*, Д., П. *мне* и *мене*. Он наиболее характерен для говоров Южного наречия и псковских говоров².

Формы личных местоимений *мине, тебе, себе* отмечал в Р. и В. пп. в начале XX в. по всей семейщине, кроме тарбагатайцев, А. М. Селищев³.

12. Наблюдаются формы личного местоимения ед. ч. 3 л. И. п. м. р. *вон* и *жон* наряду с *он*: *Вон на мотоцикле хлэс(т)ко побежал да разбился у тут, на мосту* (Б. Кун., Тарб.); *Ён карманы украл только, ево на Кольму угнали за это* (Урл., Красночик.).

Их активное употребление в речи семейских в 1920-е гг. регистрировал и А. М. Селищев. Он отмечал тенденцию вытеснения формы *жон* формой *вон*⁴.

Во мн. ч. И. п. 3 л. личных местоимений зафиксированы формы *жоны, оны, оне* наряду с *они*: *И яны уехали* (Урл., Красночик.); *Оны* [дети], *когда кучкой растут, бравей, не болеют дали* (Ник., Мухор.); *Да оне* [дети] *таперь к мене ня цясто заходят* (В. Жир., Тарб.).

Употреблением форм *жон, жона, жоны* и *оны* говоры семейских соотносятся с говорами Западной диалектной зоны, причем форма мн. числа *жоны* отмечается исключительно в пределах данной зоны. Форма *оне* широко распространена в говорах Северо-Восточной диалектной зоны, имеет рассеянный островной характер распространения в Западной диалектной зоне⁵.

13. В исследуемых говорах личное местоимение *я* в Р. и В. пп. наряду с наиболее распространенной формой *меня* может иметь форму *мне* (реже *ме, ми*). Форма *мне* (*ме, ми*) наблюдается в речи старшего поколения семейских:

Р. п.: *Молодуха маленько мне помоложе; Скота дяржу: корову продала, (у) ме две коровы быля; (У) ми зямли нету.*

В. п.: *А ён пошёл мне провожать; Я пригоняю корову, а мне ребятишты встречают: «Мама, тятка приехал!»*

Форма *мне* характерна для всего Южного наречия, хотя встречается в рассеянном распространении и в Северо-Западной диалектной зоне и на других территориях⁶.

¹ Русская диалектология 1964. С. 121–122; ДАРЯ. Вып. II. Карта 42.

² Русская диалектология 1964. С. 117; ДАРЯ. Вып. II. Карта 60.

³ Селищев А. М. Там же. С. 59.

⁴ Селищев А. М. Там же. С. 60.

⁵ Русская диалектология 1964. С. 126, 244; ДАРЯ. Вып. II. Карты 64, 68.

⁶ ДАРЯ. Вып. II. Карта 62.

V. Морфология

14. Личное местоимение *она* имеет форму *ей* наряду с формами *её, неё (ней)* в Р. п. и наряду с формой *её* в В. п. Форма *ей* отмечена в речи семейских старшего поколения.

Р. п.: *Я у ей сё выпросила.*

Явление отсутствия начального *н* в форме Р. п. ед. ч. местоимения 3 л. ж. р. после предлога распространено в русских народных говорах¹.

В. п.: *Изба токо стоить под крышей она, так от толкани ей, и она вся раскатитца.*

Наибольшее распространение местоимение В. п. ед. ч. 3 л. ж. р. в форме *ей* имеет в говорах Северо-Западной диалектной зоны, исключая говоры вокруг Пскова, и переходит в соседнюю Северо-Восточную. В разбросанном распространении оно наблюдается в Юго-Западной диалектной зоны².

15. В традиционном слое говоров семейских личное местоимение *они* в Т. п. чаще имеет форму *имя*, чем форму *ими (ними)*: *Када отвеиваешь зерно, сначала идёть мятина, а потом — отвейки, имя свиней кормили* (Б. Кун., Тарб.).

16. Отмечаются следующие формы указательного местоимения 'этот': *етот, этой, эта, етая, ето, етое, еты, етые, ети; тэтот, тэта, тэто, тэти; этой, этый, этая, этое, эты, этые*: *У ей был старинный сундук, большой такой, и жалезным клеткам оббита етот сундук* (Н. Нар., Красночик.); *Тэтот дед завдовел, мы объединились* (Дес., Тарб.); *Три нядели шырыкали этый лес* (Калин., Мухор.) и др.

Употребление местоимений *етот, этой, эта, еты, етые, тетот* в речи семейских отмечал А. М. Селищев³.

17. В традиционном слое говоров забайкальских старообрядцев употребляются следующие формы указательного местоимения 'тот': И. п. ед. ч. м. р. *той, тый, тэй*; И. п. ед. ч. ж. р. *тая, В. п. тую*; И. п. ед. ч. ср. р. *тое, тэе*; И. п. мн. ч. *тые (тыё), тэи, тее* (и *теи, тея*) наряду с *тот, та, то, те*: *Той хлеб я бравый сладила, а это какой-то нявкусный* (Калин., Мухор.); *Тая улица — большанка, по ней автобузы ходють* (Куйт., Тарб.); *Шкобуру с картошты счишиай, да у ведро бросай, вон в тэе для свиней* (Ник., Мухор.); *Она соскочила да на двор: сенца поло, к воротам — запёршы, к тым — запёршы, она под сарай* (Арх., Красночик.) и др.

Распространение местоимений *той, тая, тоя, тыи, тэи, теи* в говорах старообрядцев Забайкалья регистрировал А. М. Селищев и проводил параллели с говорами липован Добруджи⁴. Особенности в употреблении форм этих местоимений сближают говоры семейских с говорами Западной и Юго-Западной диалектных зон⁵.

Местоимения *той* и *тый* наблюдаются в Западной диалектной зоне, а также в виде небольших островков за ее пределами. Местоимение *тэй* употребляется в говорах Юго-Западной диалектной зоны вдоль границы с Белоруссией, наиболее значительный его ареал наблюдается в районах, прилегающих к Стародубу⁶.

¹ ДАРЯ. Вып. II. карта 66.

² ДАРЯ. Вып. II. карта 67.

³ Селищев А. М. Там же. с. 60.

⁴ Селищев А. М. Там же. с. 60.

⁵ Русская диалектология 1964. С. 129; ДАРЯ. Вып. II. Карты 69, 70, 71, 74, 75.

⁶ ДАРЯ. Вып. II. Карта 69.

Особенно широко по всей территории Западной диалектной зоны распространено местоимение ед. ч. ж. р. И. п. *тая*, В. п. *тую*¹. Широко распространено в Западной диалектной зоне местоимение *тое*. Местоимение *тэе* имеет незначительное распространение в русских говорах Европейской России².

Указательные местоимения мн. числа в говорах Европейской части России распределены следующим образом. Широкое распространение в Западной диалектной зоне имеет местоимение *тые*. Местоимение *тэе* напротив не имеет каких-либо значительных ареалов. Местоимение *тее* (*теи*, *тея*) встречается в рассеянном распространении на территории всей Западной диалектной зоны. Несколько небольших островков с местоимением *теи* отмечается в Северо-Западной диалектной зоне³.

18. В традиционном слое говоров семейских отмечено сосуществование окончаний *-ой* и *-ей* в Р., Д., Тв., П. пп. ед. ч. ж. р. местоимения *тот* и местоимения (или числительного) *один*: *той*, *одной* и *тэй*, *однэй*: *Ой, чо зимой у нас от тэй улицы до нас каток* (М.–Тала., Заigr.); *С однэй пожыл, потом с другой* (Куйт., Тарб.). Формы *тэй*, *однэй* характерны для Юго-Западной диалектной зоны⁴.

19. Повсеместное распространение в говорах семейских имеют притяжательные местоимения ед. ч. м. р. *евонный*, *евоинный* (*евоиний*), *ённый*, ж. р. — *еённый*, *еёинный* (*еёиний*), *ейный* (*ейний*), мн. ч. — *ихий*, *ихный* (*ихний*): *Дятей евоинных пять штук вырастила* (Б. Кун., Тарб.); *Вон евоиний дом с высоким крыльцом, валите туды* (Бич., Бич.); *Ихная тётка за нашим дядей быдто* (Н. Брянь, Заigr.).

20. Наблюдается употребление форм местоимения *кто* вместо *что*: *Ты ково там стоишь-то? Проходи сюда* (Калин., Мухор.); *С кем (чем) будешь мыть?* (Арх., Красночик.).

Это явление характерно для Юго-Западной диалектной зоны⁵.

21. Широко распространено употребление [т'] в окончаниях 3 л. глаголов ед. и мн. числа независимо от спряжения, что является яркой чертой говоров Южного наречия, свойственно большей части псковских говоров⁶.

В ед. числе: *У нас у (в)сех, у каку избу не зайдёшь, у (в)сех у переднем угле боженька (икона) стоить* (Бич., Бич.); *Дош бусить, быдто пыль идёт* (Б. Кун., Тарб.).

Во мн. числе: *Я чо буду с-под рук глядеть, когда мне дадут чо поись, я уж лучше в престарелый дом уеду, всё равно меня возьмут* (Мот., Бич.).

22. Безударные окончания 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения могут совпадать с соответствующими окончаниями глаголов I спряжения: *видють, держють, ездють, крестють, ходють* и др.: *Набуть нечево, тряпкам закрутют* (Урл., Красночик.); *Постом уже замуж ня ходють* (Мот., Бич.).

Данная диалектная черта сближает говоры семейских с говорами Южного наречия и псковскими говорами¹.

¹ ДАРЯ. Вып. II. Карты 70, 71.

² ДАРЯ. Вып. II. Карты 74, 75.

³ ДАРЯ. Вып. II. Карта 75.

⁴ ДАРЯ. Вып. II. Карта 73.

⁵ Русская диалектология 1964. С. 258; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. С. 101.

⁶ Русская диалектология 1964. С. 239; ДАРЯ. Вып. II. Карта 79.

V. Морфология

23. В исследуемых говорах широко распространено вводное слово *може*, которое возникло из глагольной формы *может* и лексикализовалось: *Иной, може, хто потрапитца* (попадется), *расскажет вам чево новово, а я уж ничо не помню* (Мухор., Мухор.); *Я, може, много глаголю?* (Арх., Красночик.).

24. В речи старшего поколения семейских у глаголов с основой на *г/к* отмечены формы инфинитивов на *-кчи, -гчи* — *берегчи, пекчи, помогчи* и др.: *Берегчи себя надо с молоду* (Ник., Мухор.); *Пякчи счас никто не бярётца* (Бич., Бич.).

Данное явление характерно для говоров Северо-Восточной диалектной зоны, наблюдается в отдельных говорах в западной части Северо-Западной диалектной зоны². Употребление форм типа *пекчи, берегчи* в некоторых ленинградских, новгородских и псковских говорах Т. В. Попова объясняет воздействием белорусского языка³.

25. Возможно отсутствие чередования согласных в конце основы в форме 1 л. ед. ч. глаголов II спряжения: *водюсь, крестю, пустю* и др.: *Я теперь чо, вот с внуками водюсь* (Калин., Мухор.); *Пустю постояльцев на фатеру, а потом и маюсь* (У.–Удэ).

26. Возможно употребление глагольных форм 2 и 3 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. с утратой звука на месте /*г*/ в интервокальном положении и ассимиляцией и стяжением возникших в результате этого соседних гласных. Наиболее последовательно это явление наблюдается в глагольных формах с ударным и безударным сочетанием *-а́йе*: *быва́шь, зна́шь; быва́т, зна́т; быва́м, зна́м* и др.: *Ты токо всё зна́шь, угляда́шь!* (Дес., Тарб.); *Так быва́т* (Хас., Хор.); *Мы всё уже зна́м* (Бич., Бич.).

Реже данное явление наблюдается в глаголах с сочетанием *-е́йе*: *боле́шь, уме́шь; бо́лет, уме́т; бо́лем, уме́м* и др.: *Ты-то чо уме́шь пряс(т)ь?* (Бич., Бич.); *В этом году Вася хлёс(т)ко бо́лет* (Дес., Тарб.); *Да как живём, усё бо́лем* (Мот., Бич.).

Стяженные формы глаголов занимают почти все севернорусские говоры и большую часть восточных среднерусских, наблюдаются также в Северо-Западной диалектной зоне, в частности, в районе Пскова⁴.

27. Зафиксированы формы инфинитива глагола *идти* — *итить, иттить* и *идить*: *А если итить по тэй улице, то и до сошэйти (шоссе) дойдёшь* (Мухор., Мухор.); *Подымали-то нас рано, отправляли на лес(о)заготовку, а иттить-то было далёко* (Бич., Бич.); *Куда идить-то мене?* (Над., Тарб.).

Те же формы и у производных глаголов: *До чурочки не можю дойтить* (Урл., Красночик.).

Эта черта характерна для всего Южного наречия, Северо-Западной диалектной зоны, исключая говоры вокруг Пскова, встречается и в других русских говорах⁵.

28. В исследуемых говорах в возвратных глаголах наблюдается зависимость постфикса от его положения после гласного или согласного: после гласных

¹ Русская диалектология 1964. С. 240; ДАРЯ. Вып. II. Карта 84.

² Образование севернорусского наречия ... С. 96; ДАРЯ. Вып. II. Карта 101.

³ См.: Попова Т. В. Формы инфинитива от глаголов с основой на /*к, г*/ типа рус. лит. *печь, беречь* // Восточнославянские изоглоссы. 2000. Вып. 3. М., 2000. С. 108.

⁴ Русская диалектология 1964. С. 236–237; ДАРЯ. Вып. II. Карты 87–93.

⁵ ДАРЯ. Вып. II. Карта 102.

обычно выступает постфикс *-ся*, после согласных — *-си*, *-са*: *Мы с ём дружили, потом жанилися* (Урл., Красночик.); *Унук-то у школи училси плоховасто, лянилси* (Б. Кун., Тарб.); *А ён [муж] и удавилса* (Урл., Красночик.).

Однако в исследуемых говорах такая позиционная прикрепленность выдерживается не всегда.

Подобное явление наблюдается в говорах Северо-Западной и Юго-Восточной диалектных зон, но там оно имеет более строгую позиционную прикрепленность, чем в исследуемых говорах¹.

29. На месте возвратных глаголов литературного языка возможны невозвратные глаголы и наоборот: *У нас вишня сидить. Свьяла браво, налила* (налилась) *браво, и вся на полу упала* (Калин., Мухор.); *Так-то сама всё: и стираюсь помаленьку, убираюсь сама мало дело* (Дес., Тарб.).

30. В речи семейских старшего поколения наблюдаются формы деепричастий на *-вши* (*-вша*), *-миши* (*-мша*), *-ши* (*-ша*): *Прясла у нас все упавшы* (Бич., Бич.); *Яичко лопнувши* (Бурн., Тарб.); *Я уж чай пить ня буду, а то тижало поемшы* (М.-Тала, Заигр.); *У таку пору, а он уж убьяжамши* (Бурн., Тарб.); *Корм нынче добрый наросшы* (Урл., Красночик.); *Трое этим летом помёрши* (Н. Нар., Красночик.).

В настоящее время употребление форм на *-миши*, *-вши*, *-ши* не отличается регулярностью, хотя еще в 1920-е гг. А. М. Селищев отмечал это явление «по всей семейщине»².

Данное явление свойственно говорам Западной диалектной зоны. Формы на *-вши* в целом широко распространены в западных среднерусских и севернорусских говорах, а формы на *-миши* — в восточных среднерусских и южнорусских говорах³.

От глаголов с древним корнем **-hod-/*-šed-* возможны формы деепричастий на *-дчи*: *А вы откель приехадчи?* (В. Жир., Тарб.).

Отмечаются формы деепричастия на *-дши*: *Он уж дивно как ушодшы* (Б. Кун., Тарб.).

С формами на *-дчи* совпало образованное от деепричастия наречие *крадчи* (из *крадучи*): *Раньше-то жанихи нявест воровали. Крадчи увязуть куды-нибудь* (О.-К., Бич.). Еще А. М. Селищев отмечал его бытование «от Западной Сибири до Анадыри», хотя не исключал, что «у семейских это образование могло быть принесено их дедами из Европы», поскольку наречие *крадчи* широко распространено на Ветке и в Добрудже⁴.

Большинство этих форм употребляется в качестве сказуемого и имеет значение перфекта. Такие формы характерны для Западной диалектной зоны⁵.

¹ Русская диалектология 1964. С. 249, 261.

² Селищев А. М. Там же. С. 62.

³ ДАРЯ, вып. II, карта 111; Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. С. 136.

⁴ Селищев А. М. Там же. С. 62.

⁵ ДАРЯ. Вып. II. Карты 111, 112; Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. С. 136; Лопатина Л. Е. Карта 10. Предикативное употребление деепричастий на *-ши* // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995. С. 83.

V. Морфология

В области морфологии исследуемые говоры обнаруживают близость с говорами Юго-Западной и Западной диалектных зон. Диагностирующими чертами, свидетельствующими о связях говоров семейских с Юго-Западной диалектной зоной, являются: более широкая, чем в литературном языке и многих других говорах, сфера употребления окончания -у в П. п. ед. ч. – у существительных м. р. и ср. р., причем не только у неодушевленных, но и у одушевленных; формы личного местоимения м. р. ед. ч. И. п. 3-го лица *won* и *jon*; формы указательного местоимения *той, тая, тую, тое, тые, тэи, теи* (и *тее, тея*); окончание *-ей* в Р., Д., Тв., П. пп. ед. ч. ж. р. местоимений *тот, один: тэй, однэй*; формы местоимения *кто* вместо *что*.

С говорами **Западной диалектной зоны** исследуемые говоры соотносятся следующими явлениями: окончание *-ей/* в формах прилагательных И. п. ед. ч. м. р.: *молодэй, другэй (другей)*; форма местоимения И. п. мн. числа 3-го лица *jоны*; система окончаний Р., Д., П. пп. ед. ч. у существительных ж. р. на *-а* (I-е склонение): Р. п. с предлогами *-/е/* (редко */и/*), Р. п. без предлогов, счетная форма: *-/и/*, Д.-П. пп. *-/и/ || -/е/*; окончание *-/еј/* в косвенных падежах ед. числа прилагательных ж. Р.; формы личного местоимения *jon, jона*; форма личного местоимения *оны*; формы указательного местоимения И. п. ед. ч. м. р. — *той, тый*; ж. р. — *тая*, (В. п. *тую*); ср. р. — *тое*; мн. числа — *тые*; окончание *-/еј/* в формах косвенных падежей ж. Р. местоимения ‘тот’ и местоимения (или числительного) один: *тэй, однэй*; формы личного местоимения *jon, jона, jоны*; выравнивание места ударения на окончании в форме В. п. ед. ч. у слов типа *вода, голова, душа* и др.

О. М. Козина

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОВОРОВ Д, НК, НД И СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ¹

Таблица 12

Основные грамматические особенности говоров

Грамматические особенности	Д	НК	НД	Ст
1	2	3	4	5
Формы м. и ж. р. прилагательных в сочетаниях с существительными исконно с. р. с ударными и безударными окончаниями в И. п. ед. ч.: <i>комóлый селó, тво́я письмó, большáя плáтье, бусовóй сáто</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма ж. р. прилагательных в сочетании с существительными исконно с. р. с безударным в В. п. ед. ч.: <i>полéз в подпóлью</i> и т. п.	+	+	+	-
Форма Д. и П. падежей ед. ч. существительных на <i>-а</i> с ударными окончаниями и основой на парный твердый согласный <i>-/и/</i> : <i>к воды́, дай сестры́, в воды́</i> и т. п.	+	+	+	+

¹ Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во. ИМБит СО РАН, 2006. С. 115–119.

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

Окончание <i>-е/</i> в Р. п. ед. ч. существительных на <i>-а</i> с ударенными окончаниями и основой на парный твердый согласный в сочетаниях с предлогом <i>у</i> : <i>у женé, у сестрé</i> и т. п.	+	+	+	
Формы ед. ч. существительных м. р. с суффиксом <i>-ушк-</i> по I склонению: <i>дéдушка, от дéдушки, к дéдушке, с дéдушкой</i> и т. п.	+	+	+	+
Окончание <i>-у/</i> в П. п. ед. ч. одушевленных существительных м. р.: <i>при сынú, об отцú, на быкú</i> и т. п.	+	+	+	+
Основа без <i>-ен-</i> в косвенных падежах существительных на <i>-мя</i> : <i>без íмя, ко врéмя</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма на <i>-е</i> Д. п. ед. ч. односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением в сочетании с предлогом <i>по</i> : <i>по грязé, по степé</i> и т. п.	4 ⁴	+	+	+
Форма на <i>-е</i> П. п. ед. ч. односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением: <i>в грязé, на степé</i> и т. п.	+	+	+	+
Грамматический род и форма И. п. ед. ч. существительного <i>мышь</i> : <i>сéрая мышá</i>	+	+	+	+
Основа мн. ч. с суффиксом <i>-й/</i> у существительных <i>брат — братья, сват — свáтья, стакан — стакáнья</i>	+	+	+	-
Форма И. п. мн. ч. существительных с. р. с основой на парный твердый согласный <i>-[ы]</i> : <i>ókны, сéлы, вéдры</i> и т. п.	+	+	+	-
Окончание <i>-ов</i> Р. п. мн. ч. существительных ж. р. с основой на парный твердый согласный: <i>ягодов, бáбочков, пáлков</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма на <i>-а[м]</i> Т. п. мн. ч. существительных I и II склонения, совпадающая с формой Д. п.: <i>за домáм, рукáм, сéлам</i> и т. п.	+	-	+	+
Форма па <i>-а[м'и]</i> Т. п. мн. ч. существительных I и II склонения: <i>за домá[м'и], рукá[м'и], сéла[м'и]</i> и т. п.	-	+	-	-
Согласная <i>/в/</i> в окончании Р. и. ед. ч. м. и с. р. прилагательных: <i>бело/в/о, такó/в/о</i>	+	+	+	+
Твердость задненебных согласных в исходе основы перед безударным окончанием И. и. ед. ч. прилагательных: <i>рускáй, крéпкый, турéцкый</i> и т. п.	+	4-	+	*+•
Окончание <i>-ей/</i> в формах косвенных падежей прилагательных ж. р.: <i>с молодéй, с какéй</i>	-	+	-	-
Двусложное безударное окончание <i>-[ьи]</i> И. п. мн. ч. прилагательных: <i>бéл[ьи], рóвн[ьи]</i> и т. п.	+	+	+	-
Стяжение гласных в безударном окончании И. и. ед. ч. прилагательных ж. р. <i>-/а/</i> : <i>красна, хорóша</i> и т. п.	+	-	+	+
Суффикс сравнит, <i>-éе</i> : <i>добрéе, веселéе, удобнéе</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма И. п. мн. ч. местоимения 3-го лица <i>-онý</i>	-	+	-	-
Форма И. п. ед. ч. ж. р. местоимения <i>тот — тáя</i>	+	+	+	-
Форма И. п. мн. ч. местоимения <i>тот — тэé</i> ([тýйé]), ([тэйá]), ([тэйá])	+	+	+	—
Форма В. и. ед. ч. ж. р. местоимения <i>тот — тýю</i>	+	+	+	-
Окончание <i>-е/</i> Р. и В. падежей личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. и возвратного: <i>у менé, у тебé, у себé: вíдишь менé, тебе</i> и т. п.	+	+	+	+

V. Морфология

Окончание /ей/ Р., Д., П. и Т. падежей ед. ч. ж. р. местоимений <i>один, другой: той, одной, другой</i>	-	+	-	-
Совпадение окончаний Т. и Д. падежей мн. ч. прилагательных, местоимений, числительных: <i>чашки с краём брёвам, кудрявам, с четверьём (взял замуж), шумятник — эта такйм кучам бываёт толстым, рядом с нам жьбли, с нам гуляли, с платкам брёвам, с нам с трём осталиси и т. п.</i>	+	-	+	+
Основа в формах настоящего времени и повелительного наклонения глаголов типа <i>крыть</i> : <i>м[о́]ю, м[о]й, кр[о́]ю >, кр[о]й, р[о́]еишь, р[о]й</i> и т. п.	+	+	+	+
Гласный [у] в безударном окончании 3-го лица мн. ч. глаголов II спряжения — только окончание <i>-ут</i> : <i>но́сут, лю́бют</i> и т. п.	+	+	+	+
/т'/ в окончаниях 3-го лица глаголов: <i>несё/т', несут'/, знае/т', знаю/т'; спи/т', спят'/: люби/т' любя/т'</i> и т. п.	28%	72 %	28 %	-
Форма 3-го лица ед. ч. глаголов I спряжения с ударными окончаниями <i>-от'</i> : <i>несёт, берёт</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма 2-го лица ед. ч. глаголов <i>дать, есть — дайшь, еишь</i>	+	+	+	+
Форма инфинитива глаголов с основой на задненебный согласный: <i>секчи́, берегчи́</i> и т. п.	-	-	-	+
Основа в формах настоящего времени глагола <i>лечь</i> : 1-я позиция — <i>ля/ж/у, ля/ж/ут</i> ; 2-я позиция — <i>ля/ж/еишь, ля/ж/ет</i> и т. и.; 3-я позиция — <i>ля/г/еишь, ля/ж/ут</i>	+	+	+	+
Основа в формах настоящего времени глаголов типа <i>печь, беречь</i> : 1-я позиция — <i>пе/к/у, пе/к/ут...</i> , <i>бере/г/у, бере/г/ут</i> ; 2-я позиция — <i>пе/к'о/ишь, пе/к'о/т, бере/г'о/ишь, бере/г'о/т</i> ; 3-я позиция — <i>пе/к'о/м, бере/г'о/м</i> и т. п.	+	+	+	+
Форма инфинитива глагола <i>идти — ийтишь</i>	+	+	+	-
Форма инфинитива глаголов типа <i>плести, грести: плести, грести</i> и Т. II.	+	+	+	-
Безударное сочетание /aje/ на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения: <i>рабо́т/aje/ишь, рабо́т/aje/т, рабо́т/aje/м, дё́л/aje/ишь</i> и т. п.	-	+	-	-
Сочетание /aje/ и его основа соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения: <i>зн/aje/ишь, зн/aje/т, зн/aje/м, быв/aje/ишь</i> и т. п.	-	+	-	-
Гласный [а] в соответствии с <i>aje</i> на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения: <i>зн/а/ишь, зн/а/т, зн/а/м, быв/а/ишь</i> и т. п.	+	-	+	+
Гласный /е/ в соответствии с <i>eje</i> на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения: <i>бел/е/ишь, бел/е/м</i> и т. п.	-	-	-	+
Причастия на <i>-вши</i> от глаголов с основой прошедшего времени на гласный: <i>скипéвши</i>	+	+	+	+
Причастие на <i>-миши</i> от глаголов с основой прошедшего времени на гласный: <i>уе́та́миши, вэ́я́миши, оде́миши. э́миши</i> и т. п.	4”	4“	+	+
Предложения со сказуемым (или главным членом) — причастием на <i>--ши</i> типа <i>.тес зазелене́вши, все оде́вши кругом</i> и т. п.	+	+	+	+
Пространственные конструкции с предлогом <i>з</i> : <i>вытащи́ть</i>	4*	4“	4“	+

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

<i>з озера, приехать з города</i> и т. п.				
Объектно-целевые конструкции с предлогом <i>по</i> с одушевленными существительными: <i>пойти по врачá, по бабушку, по овéц</i> и т. п.	+	+	+	+

4. Выводы

Современные морфологические процессы в говорах Д, Нк, НД, как и фонетические, определяются с одной стороны, внутренними закономерностями развития диалектной системы, а с другой — внешними по отношению к этой системе факторами: междиалектными контактами и влиянием литературного языка.

Среди внутренних закономерностей развития в говорах действует тенденция к объединению парадигм существительных мн. ч. в единый тип, к изменению нерегулярных словоизменительных типов имен и глаголов под влиянием регулярных. Общая направленность всех этих процессов заключается в усилении стандартности выражения одних и тех же грамматических значений. Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее продуктивным типом склонения существительных в ед. ч. в говорах Д, Нк и НД является I тип склонения, менее продуктивным II, наименее продуктивным — III тип склонения.

В говорах Д, Нк и НД выделяются нерегулярные типы склонения: существительные *мать, дочь*; существительные на *-мя*.

В говорах Д, Нк и НД выделяется тип I склонения с синкретизмом форм Р., Д. и П. падежей и их совпадением в форме с флексией *-ы* (в твердом варианте склонения) и *-и* (у существительных с основой на мягкий и заднеязычный согласный) и в форме с флексией *-е* (фонетические варианты *[-е], [-и]*) вне зависимости от синтаксических конструкций, т. е. система склонения с сосуществованием форм типа *жене, жены* в Р., Д., П. (М.) падежах.

Вследствие выравнивания места ударения по косвенным падежам в ряде существительных в говорах Д, Нк и НД возникла парадигма I склонения с неподвижным ударением на окончании.

В П. п. у существительных I склонения самым употребительным является окончание *-у*, менее употребительным — *-е*.

Существительные с. р. с ударным окончанием в говорах Д, Нк, НД образуют особый согласовательный класс. Существительные с. р. с безударным окончанием перешли в ж. р., но непоследовательно, как правило, только в И. и В. падежах ед. ч.

В говорах Д, Нк и НД наблюдается тенденция к объединению типов склонения: а) III тип склонения малопродуктивен, отмечается тенденция сближения его с I типом, т. е. тенденция к объединению всех существительных ж. р. в один тип склонения; б) существительные, относящиеся в русском литературном языке к нерегулярным типам склонения, или относятся к какому-либо регулярному типу, или заменяются существительными, относящимися к регулярному типу; в) существительные на *-мя* употребляются без наращения в косвенных падежах и склоняются по II типу.

В И. п. мн. ч. у существительных всех родов наиболее широко представлена флексия *-и(-ы)*.

V. Морфология

Флексия *-а* встречается в говорах Д, Нк и НД у существительных м. и с. р. и существительных *pluralia tantum*, но значительно более редко, чем окончание *-м(-ы)*, при этом отмечается только ударенная флексия *-а*.

Существительные с суффиксом основы ед. ч. *-енок-* во мн. ч. в говорах Д, НД изменяют суффикс на *-ат* (*~ят*) в говоре Нк — на *-енят-*; в И. п. мн. ч. эти существительные употребляются с флексией *-и(-ы)*.

В Р. п. мн. ч. флексия *-ов* встречается не только у большинства существительных м. р. с флексией *-а* в И. п. ед. ч., но и у существительных с. и ж. р.

2. Парадигма склонения прилагательных и некоторых неличных местоимений м. р. ед. ч.:

И. п. *молодóй, какóй*

В. и. = И. п. или Р. п.

Р. п. *молодóго, какóго* *-[овъ] //-[ова]*

Т. п. *с молодóйм, с какóйм*

Д. п. *молодóму, какóму*

П. п. *об молодóым, об какóйм*

Безударное окончание И. п. ед. ч. прилагательных м. р. *-ой* представлено в соответствии с фонетической системой говоров вариантами *-[ъй]*, *-[ый]*, при этом заднеязычный в исходе основы является твердым.

В говоре Нк в единичных примерах в Р. п. наряду с обычной флексией *-ово* выявлено *-оуо*, которое можно рассматривать как наследие материнской основы.

Парадигма склонения прилагательных и неличных местоимений ж. р. совпадает с соответствующей парадигмой русского литературного языка и большей частью русских говоров. Отклонение от парадигмы зафиксировано в говоре Нк там sporadически употребляется форма прилагательных и неличных местоимений с ударенной флексией *-ей* с несмягченным предшествующим согласным, которая ранее, по-видимому, в говорах семейских была более распространенной.

Особенностью прилагательных м. р. является совпадение окончаний Т. и П. падежей ед. ч. заднеязычный основы перед ударенным окончанием *-[ш/]* является позиционно мягким; безударное окончание прилагательных м. р. *-[ам]* или *-[ъи]*, заднеязычный в исходе основы — твердый.

Парадигма склонения прилагательных и неличных местоимений мн. ч.:

И. п. *молодóье, какóие*

Р. п. = П. п. *молодóых, какóих* Д. п. — Т. п. *молодóыми, какóими*

Безударное окончание И. п. мн. ч, прилагательных и неличных местоимений с основой на заднеязычный реализуется как *-[ии]*.

Безударное окончание Р. П. падежей мн. ч. *-[ах]* прилагательных с основой на парный твердый является фонетическим репрезентантом окончания *-[их]*, окончания Д. и П. падежей *-[ым]* *-[ам]* — фонетические репрезентанты окончания *-[им]*.

В Р. — П. и Д. — Т. падежах прилагательных с основой на заднеязычный окончания *-[ах]*, *-[ъх]* и *-[ам]*, *-[ъм]* представляют гиперфону непереднего ряда.

В говорах Д и НД особенностью формообразования прилагательных ж. р. и местоимений является наличие стяжения гласных в безударных окончаниях И. и В. падежей ед. ч. и И. п. мн. ч. (односложные окончания *-а*, *-у* сосуществуют в речи одних и тех же лиц с нестяженными двусложными окончаниями *-аја*, *-ују*). В говоре Нк стяженные формы отмечены только единичными примерами в форме И. и мн. ч.

3. По характеру основ и флексий в говорах Д, Нк и НД противопоставлены три падежные формы: И. — Р., В., Д., И. — Т. Падежи Р. — В. и Д. — П. имеют

общее окончание *-e*. Наиболее распространено в В., Р., Д. и П. падежах окончание *-e*; спорадически отмечается *-a* Р. — В. и Д. — П. падежей, в этом случае противопоставлены не три, а четыре падежные формы: И. — Р., В. — Д., П. — Т.

4. Местоимения III лица мн. ч. *они́* [ан'и], *они́* [аны] или *онé* [ан'е] сосуществуют в речи одних и тех же лиц; употребление их не зависит от родовой принадлежности.

В формах косвенных падежей у местоимений *он, она, они* с предлогами отсутствует приставной /н/, но в начале основы отмечается [й] (перед [и], [й] может исчезать: происходит чередование основ И. п. и косвенных падежей (*он — с j-им (им)*). *он-а — сj-еи, он-ы — без j-их (их)* и т. п.

Исследуемые говоры характеризуются специфическими формами указательного местоимения *тот*, содержащими в основе /j/.

5. В говорах Д, Нк, НД наблюдается тенденция к «выравниванию» основы глаголов настоящего времени, т. е. к устранению чередования согласных, предшествующих основообразующему суффиксу.

Глагольные формы с морфонологическим чередованием <P1~ P'> = <1~ 2, 3> в исходе основы преобладают. Формы с отсутствием чередования <P'> = <1, 2, 3> встречаются спорадически только в речи старшей и средней возрастных групп.

В парадигме глаголов II спряжения с основой на зубной отсутствует морфонологическое чередование: унификация глагольной основы в говорах Д, Нк, НД — черта реликтовая, один из показателей материнской основы говоров.

В глаголах с основой на заднеязычный согласный обнаружено морфонологическое чередование того же типа, что и у глаголов на парный твердый: <к >~<к'> = <1>~<2, 3>.

Глаголы исконно II спряжения с ударением на основе образуют вместе с глаголами исконно I спряжения с ударением на основе одно «общее спряжение»: (в 3-м лице мн. ч. в большинстве случаев они имеют окончание *-ут*).

В говорах Д и НД последовательно употребляются стяженные формы глаголов на *-<а́йе>* и *-<а́йе>* (реже *-<э́йе>*), стяжение отсутствует в формах глаголов на *-<о́йе>*, *-<у́йе>*, *-<а́йу>* (ударных и безударных); в говоре Нк стяженные формы единичны.

В речи представителей старшей и малограмотной средней возрастных групп говоров Д, Нк и НД сосуществуют глагольные формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени с флексиями [т] и [т']; при этом говоры различаются между собой по относительной употребительности глагольных форм с [т] и [т']: в Нк значительно преобладают формы с [т']. в говорах Д и НД — формы с [т].

В говорах Д, Нк и НД система форм инфинитива характеризуется ударением на основе и наличием неслогообразующих окончаний *-сть, -чь, -ть*. Форма инфинитива глаголов типа *плести́, грести́* образуется при помощи неслогообразующего суффикса *-ть* вместо слогообразующего *-ти*. а форма инфинитива глаголов с основой на заднеязычный согласный — при помощи неслогообразующего *-чь*. Инфинитив глагола *идти* образуется со вторичным [т'].

В говоре Нк возвратная форма глагола образуется с постфиксом [с'а], где он следует за гласным; в говорах Д и НД — образование возвратной формы с суф-

V. Морфология

фиксом [с'] после гласного и с постфиксом [с'а] после согласного, как и в литературном языке.

6. В говоре Д отмечено образование причастий с суффиксом *-т-* от тех глаголов на *-ать*, которые в других говорах и литературном языке образуют причастия с суффиксом в говорах Нк и НД преобладает суффикс с суффиксом *-ден-* в говоре Д образуются причастия от глагола *дать*.

7. Деепричастия выполняют в речи предикативную функцию: сосуществуют деепричастные формы на *-вши*, *-миши*, при этом формы на *-миши* значительно преобладают; употребительны приставочные деепричастные формы с суффиксом *-дчи* и корнем *-ид-*.

8. В исследуемых говорах употребление предлога *с* не ограничивается пространственным значением и используется во всех тех случаях, где в литературном языке выступает только предлог *из*.

В говоре Нк для обозначения объекта, на который направлено действие при глаголах движения, встречается конструкция с предлогом *да* и Д. п. имени (в отличие от соответствующих синтаксических конструкций с предлогом *к* с Д. п. имени в литературном языке).

9. В исследуемых говорах конструкции *стали поить кони*, *пасты кони* свидетельствуют о замедленности языковых процессов — развитии категории одушевленности — неодушевленности — на периферийных территориях, бывших реликтовыми для старообрядческих говоров; не исключено и иноязычное влияние.

10. Характерной чертой грамматической системы старообрядческих говоров является употребление деепричастных форм в функции предиката; деепричастия в говорах также входят в состав предиката в качестве именной части и выполняют функцию атрибута в сочетании с глаголом состояния, обозначая признак, который является результатом законченного в прошлом действия.

11. Частица *-то* употребляется в говорах Д, Нк, НД с любым именем, а также с глаголом, подчеркивая особую значимость того слова, к которому она присоединяется; в НД употребление постпозитивной частицы *-ка* вызвано, скорее всего, стремлением к созвучию элементов речи.

VI. СИНТАКСИС

О. М. Козина

ГЛАВА 2. СИНТАКСИС¹

1. Словосочетание

В говорах Д, Нк и НД отмечаются особенности построения словосочетаний, в которых глагол управляет именем (существительным, местоимением) с помощью предлога. Эти особенности касаются: а) употребления другого предлога, в отличие от аналогичных конструкций в литературном языке; б) иной падежной формы существительного при общности предлога; в) различия всего предложно-падежного сочетания (иной предлог и иная падежная форма имени).

Рассмотрим каждую из этих особенностей.

1. В исследуемых говорах широко представлены конструкции с предлогом *с*, который в результате ассимиляции по глухости — звонкости может выступать в варианте [с] и [з]. Употребление предлога *с* в говорах не ограничивается пространственным значением и используется во всех тех случаях, где в литературном языке выступает только предлог *из*: *с^крышачкám, с^ладошкам (кушают), з^гóроду (приехали), халат с^сат^и́нцу* и т. п. (Д); *хлеба с^калхóза, колбаса с^крóв^и, вышли с^л^ёсу, приехали з^гóроду, хоть с^куп^ёл^и вады пей, шíла с^куска, пить с^чáшк^и, заплот с^плах, муцугун с^кост^и* и т. п. (Нк); *каша с^муки́, мёд з^гр^ичус^и, з^емл^у с^маг^и́лы, закваску с^атруб^ей, батв^ин^:у д елайу́т с^атруб^ей* и т. п. (НД); в значении 'от': *ум^ирла с радóф* (Нк).

Словосочетания с предлогом *с* или *з* характерны для западной диалектной зоны русских говоров. В говорах «Смоленской и Брянской обл. — распространены на небольшой территории, прилегающей к Белоруссии и Украине (предлог *з* является общенародным как для белорусского, так и для украинского языка)². «Как древнерусскому, так и старославянскому языку было известно два предлога — *из* и *с*. И еще для начала XVIII в. было обычным, в частности, сочетание предлога с существительными, называющими населенные пункты»³. Современные синтаксические конструкции с предлогом *с* в говорах Д, Нк, НД соотносимы с конструкциями старорусского периода, которому была присуща семантическая индифферентность в выборе предлогов *из* или *с*. Ареалы распространения предлога *с* диагностируют происхождение говоров или являются свидетельством былых языковых контактов.

2. Особая предложно-падежная форма sporadически употребляется в говоре Нк для обозначения объекта, на который направлено действие при глаголах движения: встречается конструкция с предлогом *да* и Д. п. имени (в отличие от со-

¹ Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 112–115.

² Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С. 129.

³ Там же. С. 130.

VI. Синтаксис

ответствующих синтаксических конструкций с предлогом *к* с Д. п. имени в литературном языке): *б'игі да'дбму* и т. п. (Нк).

Конструкции с предлогом *да* последовательно представлены в западной части Белоруссии¹.

3. Помимо диалектных конструкций, касающихся моделей словосочетаний, говоры Д, Нк, НД имеют различия, которые выражают неодинаковый круг смысловых отношений. Проиллюстрируем этот тип примерами.

Так, в говорах широко распространены глагольные словосочетания с зависимой частью — существительным в В. п. и предлогом *по*, которые выражают объектно-целевую семантику: *па'дрбву йезд'иль*, *па'с'ілас паіла*, *па'хл'еп хад'іла*, *па'м'аса хад'іл*, *валі па'старуху*, *па'д'ён'г'й паіла* и т. п. (Д, Нк, НД). Такие словосочетания построены по модели — глагол целенаправленного движения и существительное, называющее предмет, способный быть объектом этого движения. При этом с предлогом *по* сочетаются любые существительные, как неодушевленные, так и одушевленные, не выделяющиеся в определенную семантическую группу.

Конструкции с предлогом *по*, семантически соотносимые с общерусскими конструкциями типа *сходить за бабушкой*, *отправиться за ягодой*, известны большей части севернорусских говоров, восточным среднерусским и части южнорусских. Говоры, в которых с предлогом *по* сочетаются любые существительные, как неодушевленные, так и одушевленные, распространены на северо-восточной территории и юго-западной части Брянской области².

4. Из беспредложных конструкций интересны словосочетания с переходными глаголами и прямым объектом, в которых в функции прямого объекта выступает форма И. и. одушевленного существительного во мн. ч. *кони*: а) *кón'и запр'агáл'и*, *кón'и п'утал'и*, *стал'и паіть кón'и*, *брóс'им кón'и* и т. п. (Д, Нк, НД), наряду с ними отмечаются такие конструкции с Р.п.: *кón'иф угнáл'и*, *кón'иф д'иржáл'и* (Д, Нк, НД), *скатá д'иржáл'и*, *скатá р'эзал'и* и т. и. (Д, Нк, НД).

Данное явление по происхождению — морфологическое. Вариативность таких падежных конструкций в говорах отражает остаточные явления процесса формирования морфологической категории одушевленности — неодушевленности, который, по мнению исследователей, относится к XIV в., т. е. к концу общего древнерусского периода и началу истории отдельных восточнославянских языков³. Однако материалы современных говоров дают основание для рассмотрения указанных словосочетаний и в ряду синтаксических явлений.

Исследованию этого явления в русских говорах посвящен ряд работ⁴, кроме того, для территории восточнославянских диалектов конструкции с И. — В. падежами в функции прямого объекта анализируются Л. Е. Лопатиной¹.

¹ Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 167.

² Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С. 133.

³ Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. С. 170.

⁴ Карский Е. Ф. Язык белорусского народа. Вып.2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып.3. Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956; Пеньковский А. Б. Заметки о категории одушевленности в русских гово-

Существует несколько точек зрения на генезис таких синтаксических конструкций. А. Б. Пеньковский квалифицирует сохранение архаичной падежной конструкции в функции прямого объекта в русских говорах «как результат не до конца осуществившегося на периферийных территориях процесса формирования категории одушевленности, т. е. о возможном отставании периферийных диалектов от основного направления развития данного языкового явления»².

Такая точка зрения находит подтверждение в неравномерной представленности этой категории в восточнославянских диалектах³. Сопоставляя ареалы распространения конструкций типа *пасти кони* на территории русских говоров⁴ и конструкций типа *вода надо, кот надо*⁵, учитывая почти полное совпадение обеих территорий, Л. Е. Лопатина делает вывод о том, что «употребление вин.-им. п. одушевленных сущ. нельзя объяснить только архаичностью и юго-западным влиянием. По-видимому, здесь имеет место влияние русских конструкций с предикативным наречием *надо*»⁶. Кроме того, по ее мнению, в различных восточнославянских диалектах употребление разных форм В. п. подвергалось и другим влияниям: например, укрепление с конца XIV в. политико-государственной связи украинских и белорусских земель с польскими способствовало языковому взаимовлиянию, поэтому «белорусский и украинский языки⁷ могли испытывать влияние польского языка, в котором развивалась специфическая лично-мужская (*męsko-osobowa*) категория, не свойственная другим славянским и, в частности, восточнославянским языкам, что способствовало сохранению в соседних говорах старого вин. п. при обозначении животных и замедлению в них процесса замены старого вин. п. личных существительных формой род. п. вплоть до XVII в.»⁸.

На территории русских диалектов сочетания типа *кони запрячь, кони посла, надо кони поить* имеют наибольшее распространение в Псковской, Смоленской, Брянской, Курской и Белгородской областях, расположенных большей частью вблизи белорусской и украинской границ⁹.

В отношении сибирских диалектов А. М. Селищев писал, что «...дополнение для имен одушевленных предметов находится в форме винительного падежа: *бéйти звéри, бíли звéри, стригу́ овцы...*», при этом подчеркивал: «...у семейских такая конструкция обычна в сочетании *с кони-...пасти́ ко́ни, ни видал мо́их ко́ни?*.. Но дополнение *скот* передается в говорах Сибири формой родительного: *пасти скота*»¹⁰.

рах // Русские говоры. М., 1975; Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993; и др.

¹ Лопатина Л. Е. Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3.

² Пеньковский А. Б. Указ. соч. С. 157.

³ Лопатина Л. Е. Указ. соч. Карта 2. С. 148.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Кузьмина И. Б. Указ. соч. Карта 6. С. 109.

⁶ Лопатина Л. Е. Указ. соч. С. 146.

⁷ Как отмечает Л. Е. Лопатина, на белорусской и украинской территориях сочетания *кони запрячь, кони посла, надо кони поить* наиболее распространены.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Кузьмина И. Б. Указ. соч. С. 22–27.

¹⁰ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 129.

Принимая во внимание определенный консерватизм говоров Д, Нк, НД, можно с полным основанием утверждать, что, с одной стороны, конструкции *стали поить кони, пасти кони* — это результат замедленности языковых процессов — развитие категории одушевленности — неодушевленности — на периферийных территориях, бывших реликтовыми для старообрядческих говоров, а с другой — эти формы можно объяснять влиянием польского языка, учитывая историю данной архаической падежной конструкции и столетнее пребывание старообрядцев — потомков семейских на территории Речи Посполитой.

2. Предложение

Диалектные структурные схемы простых предложений различаются в говорах лексико-грамматическим наполнением своих компонентов и семантическими возможностями образованных на их основе предложений.

Так, ряд особенностей в говорах Д, Н, ПД связан со способом выражения сказуемого:

1. Отличительной чертой грамматической системы старообрядческих говоров является употребление деепричастных форм в функции предиката: *самовár скипéмиши?, онí оба скипéмиши!* и т. п. (Д); *я вóсемь раз у árмию брámши* и т. п. (Нк); *все одéвши кругóm, у меня máма одна остámши, столб свалéмиши* и т. д. (НД).

«Употребление деепричастных форм в предикативной функции характерно для говоров западной диалектной зоны»¹. При помощи предикативных деепричастий выражается состояние предмета, вызванное предшествующим действием: деепричастия с нулевой формой служебного глагола или со словоформой *есть* выражают значение состояния в момент речи (*все есть одéвши кругóm*); деепричастия с формами прошедшего времени служебного глагола *быть* — значение состояния, отнесенного в прошлое (*все бýли одéвши кругóm* и т. п.); деепричастия со служебным глаголом в форме будущего времени — значение состояния, отнесенного в будущее (*все бýдут одéвши кругóm*). Предикативная функция свойственна только деепричастным формам совершенного вида.

Часть предложений с предикативными деепричастиями составляют такие, где называется состояние предмета, вызванное действием самого же этого предмета, ср.: *у меня máма одна остámши. столб свалéмиши* и т. п. В страдательных конструкциях выступают деепричастия, образованные от переходных глаголов.

Деепричастия в говорах входят в состав предиката в качестве именной части и выполняют функцию атрибута в сочетании с глаголом состояния, обозначая признак, который является результатом законченного в прошлом действия: *бéгают разúмиши, раздéмиши, ушёл не éмиши* и т. и. (Д); *сизжу́ не éмиши* и т. п. (Нк); *разúмиши не ходí, а то шигэн в пýтку залéзет* и т. и. (НД).

Как видно из примеров, предикативные деепричастия функционируют по преимуществу в предложениях, построенных на основе подлежащно-сказуемостной структурной схемы. Но возможны и односоставные предложения с предикативными деепричастиями (они образуются на основе однокомпонентных и двухкомпонентных структурных схем): *у ей погíбиши муж, у ей лежáла в больни́це — не рожóвши была* и т. и. (НД).

Таким образом, деепричастия в старообрядческих говорах Д, Нк, НД, как и в большинстве русских говоров, отличаются от деепричастий литературного языка

¹ Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С. 130.

в функциональном отношении, поскольку в диалектной речи «употребляясь предикативно, т. е. выступая в сочетании с формами глагола *быть*, образования на *-ши* не выходят... из тех границ, которые определены общей грамматической традицией для форм, относящихся к числу причастных (срв. аналогичное употребление форм с суффиксами *-т* в русском языке). Данное положение остается справедливым при любом понимании места сочетаний типа (*есть, был*) *вставши* в грамматической системе — как форм именного сказуемого. перфекта или прошедшего времени»¹.

2. Особенности говоров Д, Нк, НД связаны с употреблением частиц.

Для выделения в речи отдельных слов используется постпозитивная частица *-то*, подчеркивающая особую значимость того слова, к которому она присоединяется; частица употребляется с любым именем, а также с глаголом: *этъ^т цв'ит'откам цв'ит'от* и т. п. (Д); *к'ат'иццъ-тъ к'учкь-тъ, с'им'ан-тъ н'ету* и т. п. (Нк); *мал'од'ин'ка-тъ, н'атрушку-тъ вот, а этъ-тъ как в'ис'ил'ок-тъ, ш'ипкь-тъ н'и звал* и т. и. (НД).

Стремлением к созвучию элементов речи вызвано, скорее всего, употребление постпозитивной частицы *-ка*: *я р'ыкайу-ка, гавар'у-ка, не знайу-ка, сматр'у-ка* и т. п. (НД). Частица *-ка* имеет преимущественное распространение в говоре НД.

Употребление постпозитивных частиц свойственно севернорусским и южно-русским говорам, исключая говоры «территории, примыкающей к БССР и УССР»².

Список сокращений географических названий Республики Бурятия

Д — с. Десятниково Тарбагатайского района

НД — с. Новодесятниково Кяхтинского района

Нк — Никольск Мухоршибирского района

Т. Б. Юмсунова

МАТЕРИНСКАЯ ОСНОВА ГОВОРОВ СЕМЕЙСКИХ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ. СИНТАКСИС³

1. В традиционном слое говоров семейских в значении сказуемого зафиксировано употребление деепричастий на *-вши, -вши, -ши*: *Были все наевши* (Хас., Хор.); *Сын был забравши в армию* (В. Сут., Мухор.); *А эти дома все утонувши были* (Новодес., Кяхт.); *А покос был выкосивши, а шию не убравши* (Урл., Красночик.) и др. Возможно употребление вспомогательного глагола *есть*: *У меня тоже ес(т)ь купивши венчик, пригатовивши всё — дело только за помиранием* (Урл., Красночик.).

¹ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971. С.308.

² Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С.143.

³ Материал взят из монографии Т. Б. Юмсуновой «Язык семейских-старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры», 2005. С. 191–230, доработан и сокращен автором.

VI. Синтаксис

Проходите, самовар скипемшы (Бич., Бич.); *Мы за отпуск не отдохнули, а совсем охлямышы* (обессиливши) (Б. Кун., Тарб.); *Мы у Ташылан приехала, дома редки была. Усё згнимшы, мохом узямышы* (Таш., Заигр.) и др.;

Ково жыли, хватили мурцовки: батька был умёршы, а матка шыбко уж больная была (Покр., Бич.); *Я замуж вышла, а свёкор помёршы уж был* (Б. Кун., Тарб.); *Стехван тогда уже умёршы был* (Урл., Красночик.) и др.

Данное явление характеризует говоры Западной диалектной зоны¹.

2. В значении сказуемого в говорах семейских старшего поколения может употребляться деепричастие на *-дчи*: *А эти разошедчи были* (Нов., Бич.); *Никольско-то — большой сяло, моя золовка там вышедчи была* (Калин., Мухор.); *Она за китайца была вышедчи* (Арх., Красночик.) и др.

Среди деепричастий прошедшего времени отмечены образования от глагола *идти* и однокоренных приставочных глаголов: *ушодчи, пришодчи, ушедчи, пришедчи*, а также от глаголов, производных от *ехать*, свойственные говорам Юго-Западной диалектной зоны: *Внук с армии пришодчи был* (Бил., Бич.); *Она уж второй год замуж ушедчи была, мы уж одни жыли* (Дес., Тарб.); *Лёнька был с Бама приехадчи* (Дес., Тарб.); *Нашы предки с западу были приехадчи* (Куйт., Тарб.); *Врачица у нас была, шяц уехадчи* (Калин., Мухор.); *Родители у Чикой уехадчи были* (Арх., Красночик.) и др.².

3. В исследуемых говорах широко распространено употребление предлога *по* с В. п. в объектно-целевых конструкциях при глаголах движения не только с неодушевленными, но и с одушевленными существительными: *ходили по святуую воду, пришол по деньги, по дровы едеть, по землянику ходили, пошла по извёс(т)ку, по крапиву схожу, по пырей ходили, приедем по сало, поехать по сено, пошла по траву, по уголь ходили, ехать по чярёмуху; по коня уехал, по корову ушла, побежала по телят, по бабку бежыть, по бабушку сбегали, по Ленку съездием* и др.

Данное явление имеет широкое распространение в Северо-Восточной диалектной зоне, затем сужается и переходит в Юго-Западную диалектную зону, занимая ее центральную часть. По всей остальной картографируемой территории оно разбросано небольшими островками, наблюдается в части псковских и новгородских говоров³.

4. Повсеместно в говорах забайкальских старообрядцев наблюдается употребление конструкций с предлогом *с* вместо предлога *из*: *С утятинны котлеты бравые получаюцца* (Бич., Бич.); *Потники катали с шерсти* (Мот.,

¹ Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред.

Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. III, Ч. 2. Лексика. Синтаксис. Карты (Далее — ДАРЯ, вып. III, ч. 2). М., 2004, карта 1; Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971, карта 3; Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, с. 136.

² Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964 (далее — Русская диалектология 1964), с. 104; Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989 (далее — Русская диалектология 1989). С. 123; Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР (далее — ДАРЯ, вып. 2) / под ред. Р. И. Аванесова. Вып. II. Морфология. М., 1989. Карта 112.

³ Русская диалектология 1989, с. 133; ДАРЯ. Вып. III, ч. 2. Карта 9.

Бич.); *Стайка* — коровья постройка. *Рубят с лесу, с сосны, и даже с плах делают* (Нов., Бич.); *Рабоцих доставляли с Москвы* (Дес., Тарб.); *Жанихи-то с Бряни, Нэгэтэя и других сёл приязжали* (Хас., Хор.); *Помню, у последний день Масленти ходили с дому у дом* (Дес., Тарб.); *Смотри, ни шагу никуда с дому* (Урл., Красночик.) и др.

Распространение подобных конструкций характерно для Западной диалектной зоны, хотя они встречаются и в других регионах¹.

5. В говорах семейских в воспоминаниях о давних событиях отмечена форма давнопрошедшего времени, состоящая из глагола *быть* и знаменательного глагола (оба в форме прошедшего времени) и обозначающая действие в отдаленном прошлом: *Господь на земле жыл и был давал этот хлеб нишишым* (Бич., Бич.); *Были мы жыли в тое время ишо в Куналее, а уж потом суды приковались* (Калин., Мухор.) и др.

6. В исследуемых говорах наблюдаются случаи употребления И. п. существительных на *-а* в позиции дополнения при глаголе и слове *надо*: *На Троицу, бывало, пихта привязуть и нарядють дома все этой пихтой, у ей запах бравый* (Бич., Бич.); *Я, бабушка, прииол к тебе переменить икона* (Урл., Красночик.); *Парень прииол: «Дай бульба, косить хочу покос, а поись нечево»; Хрѣс(т)ная подарила рубашка; В угуроде во, бывало, редька это насодишь, с магазина-то ничо у нас не було* (Н. Нар., Красночик.); *Да рюмка тая Лариска выпила, но я рюмку выпила, а четыре рюмки этот зять выпил* (Урл., Красночик.); *Уторой год дадут премия* (Дес., Тарб.); *Мене надо земля* (Арх., Красночик.); *Домой придеть — тут мы не надо, особенно я не надо* (Урл., Красночик.); *Батьки нету — кому я надо* (Мот., Бич.) и др.

Данное явление шире представлено в говорах семейских, проживающих в Красночикийском районе Читинской области, в речи же семейских Бурятии, напротив, зафиксированы лишь единичные примеры.

Сочетание глаголов с прямым объектом — существительным 1-го склонения в форме И. п. ед. ч. наблюдается в некоторых говорах Западной диалектной зоны, распространено в Северной диалектной зоне, особенно конструкции с формой инфинитива².

7. В говорах старообрядцев Читинской области зафиксированы единичные случаи употребления предложений с главным членом причастием на *-но*, образованным от переходного глагола. При этом субъект действия стоит в Р. п.: *И прожыли мы с им десять годов. У нас было пять ребятишек. Два в нас похоронено маленьтиё; Дяденька, спашы нам, ну у нас же не пахано. Все пашуть, а у нас не сожено* (Урл., Красночик.).

Это черта характерна для Северо-Западной диалектной зоны и переходит в соседнюю Северо-Восточную. В рассеянном незначительном распространении отмечается и в Юго-Западной диалектной зоне³.

¹ Русская диалектология 1964, с. 178–179, 244; Русская диалектология 1989, с. 129–130; Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993, с. 82–89; ДАРЯ, вып. III, ч. 2, карта 8.

² Русская диалектология 1964, с. 182; Русская диалектология 1989, сс. 130–132; 135; ДАРЯ, вып. III, ч. 2, карты 5, 6.

³ ДАРЯ, вып. III, ч. 2, карта 3.

8. В исследуемых говорах отмечаются конструкции с повторяющимися предлогами. Повторение предлогов в словосочетании перед определением и определяемым словом обычно наблюдается при смысловом выделении, чаще всего это отмечается в сочетаниях «местоимение + существительное» или «существительное + местоимение»: *Туды приезжаем, я шо там поторговала на этом на вокзале же; Я приехал проститца с тобой, штоб ты не подавала на этот на суд; А я сижу на это на плиты вот так, плиту склала тут без яво, до этово ну печка-то была битая; Мне зло взяло тут, я ево уж (в)о(т) так (в)от дёрнула за этот за ремень суды; Я приезжаю суды к бабушке к евонной; А там оны через дорогу жылё с женихом-то с этим и др.*

9. В исследуемых говорах зафиксированы отдельные случаи употребления конструкций с повторяющимся союзом *да*: *Так мы и жыли: сеяли да, убирали да; А которые вышли из колхозу, их давай уселять да, ссылать да* (Калин., Мухор.); *В другу дяревню не поехала учитца, што надо у чужьх людей жыть да хватеру надо да* (Дес., Тарб.) *Придётся в сажы, там у кочегарки чо ж извес(т)но вывалитца да; А потом сё куды-то смясило, ничо не понять, всё с грязей с землёй да* [при наводнении] (Урл., Красночик.).

Данное явление распространено в говорах Северной диалектной зоны¹.

10. В говорах семейских Забайкалья отмечено употребление частицы *дак*, которая может выступать и в функции союза².

Частица *дак* может иметь значение ‘ведь’ и употребляться для пояснения, объяснения содержания высказывания: *«А вон как раз балахлыс(т)ка идёт»*. — «Пошто?» — *«Дык она хотя и замужы давно, а всё Фёкла, свекрова её, делат по дому, даже, однако, и корову её сама доить. А та — не-е, ничем ничо: «Не умею», — го(во)рит»* (Куйт., Тарб.); *Вот молоко стоить крынка, тарелкой закрытая, по горшку кругом тараканы, ну ой! Квашня растворивши, кругом квашни тараканы. «А муку де спасать?» — «Дак а мука в ядре, муку обвязываю», — говорит* (Урл., Красночик.).

Частица *дак* может быть усилительной и иметь значение ‘ну’: *Налупасит, настябает хорошенько, рёв только стоит. Дак, конечно, лупасит хорошенько* (Шал., Тарб.).

Частица *дак* может употребляться при развитии событий и иметь значение ‘так, следовательно’: *Я Ларисте г(о)в(о)рю: «Лариска, а тебе дедушка замуж увольняет. Пойдём, г(о)в(о)рю, к яму». Зашли, а я г(о)в(о)рю: «Ты, дедушка, сам скажы: Ларисте можно итеть замуж, дак уволь ей»* (Урл., Красночик.).

Это может быть частица, оформляющая вопрос (возможно в сочетании с другими частицами): *Дак а ты пошто замаралса-то?* (Урл., Красночик.).

Частица *дак* может стоять в конце повествовательного предложения для усиления смысловой завершенности: *Ой, мне показалось: у такая вярёвка у яво, я так шо взялась за ей дак* (Урл., Красночик.). Однако это единичный пример. Для исследуемых говоров такая позиция для частицы *дак* не характерна.

Частица *дак* может употребляться в конструкциях с повторением формы инфинитива, например: *Дать дак дать зямли, а то (о)на бу(д)ет дальше ходатарствовать* (ходатайствовать) (Урл., Красночик.).

¹ Русская диалектология. 1964. С. 246; ДАРЯ. Вып. III. Ч. 2, карта 11.

² О частице *дак* см.: Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 10. М.: Наука, 1999. С. 232–241.

Частица *дак* может иметь значение ‘так’ и вводить вторую часть текста, выполняя связующую функцию союза: *Яшка был, дак браво умел в колколы звянуть. Бывало, так подводит — так бы и заплакался* (Б. Кун., Тарб.); *У школе мы учились, кресток, я говорю, с шеи чуть не (о)трывали, увидють этот крес(т), дак чо делали над нами* (В. Сут., Мухор.); *Вот Евангиле я почитала, дак у меня волосы чуть прямком не становятыца, как в последнее чо будет пришествие* (Бич., Бич.); *У мово внука больки на лице обьявились, дак мы не знаем, чем вывести эти прыщишы-то* (Мухор., Мухор.); *Я (в)от лони у город ездила с зятьком своим, дак и, паря, усякая усячина у лавках продаётца* (Бич., Бич.); *А матка-то там одна и говорить: «Вы говорите всё, скажите правду. Ён чо ж уехал один, ён там женицыца, а у ей трое дятей». Дятей, дак ми зямли нету, мне токо на вышках (на чердаке дома) зямля — отобрали усадьбу уж* (Урл., Красночик.); *Нас у матери двое было: я да братка мойный, дак мы с им весь день бегали на пруд* (Куйт., Тарб.); *Перва жана у ево была, дак он развёлси с ей, на брачохе (на бурятке) потом жанилси* (Дес., Тарб.) и др.

Частица *дак* может выступать в роли союза ‘но’: *Субсидию вышытытали, дак мы деньги-то не получали на дрова, вы жа нам ня дали* (Дес., Тарб.).

Может выступать в роли союза для выражения причинно-следственных отношений: *Усе говорють, адали мы, сямейстие, сярдитые, дык это поди уж от доброй жызни сярдытым ня будешь* (Бич., Бич.); *Какой рушник побравей, дык ево на зеркала вешають, а чо поплоче, ево коло рукомойника ложуть* (Куйт., Тарб.).

Может выступать в функции союза следствия, нередко второй его части: *если — дак* и иметь значение ‘то’: *Если мухлый мужык, дак он и колот шышки бить сделает лёхкий, если хорошый колот сделать, дак он и не подымет* (Леон., Киж.); *Но уж по(й)дёт [замуж], дак (в) воскресенье* (Урл., Красночик.).

Может выступать в роли союза для соединения предложений, обозначающих временную последовательность событий: *Када я замуж уходила, дак сильно нарядные были подружнители-то* (небольшая подушечка, подкладываемая под руки или под лоб при земных поклонах во время молитвы), *большие, даже вот в приданое их давали* (В. Сут., Мухор.).

11. В исследуемых говорах отмечаются пропуски предлогов *у, в, к, на, с*. Наиболее часто пропущен предлог *в* (*у*):

Это было (в) шысятом году; И один по (о)дному, хто сидел там (в)квартиры, и все ушли; (В) Читу яво свозилё, тэта дочка возила в Читу; Оны (в) воскресенне к нам приязжають со сведенем; А одны тараканы были, ой дыхат нечем. Потом после я (в) подполле залезла ды чо-т(о) (в)от так глянула — ой, ды я как пробка оттэль вылетела; На мельницу поехалё с Пашкой, с братом своим, (в) Ус(т)ь-Урлук надо было; (В) машкары-то наши девки наряжанытыца (рядятся в Святки). Вон в семейскую одёжу нарядитца, сумку возьмёт, маску каку-нибудь и пошла;

Сколько (у) тебе пахотной зямли?; Ён чо ж уехал один, ён там жэныцыца, а (у) ей трое дятей; Ты по(й)дём мене проводи, (у) мене же две банти краски взявши; Мне на суд подават, (у) мне трое детей, а я не знаю, как подават; (У) мене тоже тут семья; (У) мне деньги ес(т)ь, я кляёнок набрала, кляёнкам закрыла этот хлеб; А тут и Лёнька-то мой братан был, да (у) ево пер(е)хватил бутылку, да (в)от суды торнул, а (у) яво так шрам всё время был; Заболел ён, (у)

йево заболела печень, желудок, яда ему не пошла; Я таперя слышу, змея (у) мне за спиной стебает хвостом, а я думала — собака ляжыть и др.;

Езли б я жанился на ушербе, я б (к) тебе сроду не приехал, но я жанился на пути, молодик наполнялся шо; Раньше же дус(т) был, краялин был, карболка была, но дёготь мы потом сидели сами тут я (с) одной; А ён потома (на) мене глянул, што я к стяны (о)твярнута, вот эту лампочку зажог и ушол на двор, а тую не зажыгал и др.

В некоторых случаях возможно фонетическое стяжение долгого согласного: *Оны ряшыли по-своему жанитца: сёдня (в)от растворим, завтра настряпым, а (в) воскресенне жанитца, а молодик оторвало; А Маруську отправили (в) вагончик; А ён прокос зашол да шшо пошол, а потом (к) кусту одхо(д)ить: «Ой,— г(о)в(о)рит,— глянь на ей [на змею]».*

12. Повсеместно и широко представлен в исследуемых говорах диалектный предлог *коло* (*кол*), употребляющийся с Р. п. Он отмечен в значениях: 1) ‘возле, вблизи кого-, чего-л.; около’: *У нас коло цэркви свяшэник схоронен был. Коло них там могилки, а коло могилок ключь хороший был* (Ник., Мухор.); *А это Богородица стоить одна медная на калтушечке, там святые коло ей все: Микола там Преподобный, отче Паусий, Иван Златоус(т)* (Бич., Бич.); *Но чо раньше на кухне было? Посудный шкап, после бухветы адали (вроде бы) стали, стулля были, табуретки кол стола* (Дес., Тарб.); *Я пришла, села коло вокошка и даже не (о)торбалась никуды; (В)от она [змея] тут в лоскутьях спить, вы спите и она коло вас калачом свярнулась. Но мы и не знали, и не видели её, и тожо, може, спали кол змей; А мне тут осталса [пахотной земли] кол двора маленько* (Урл., Красночик.); 2) ‘почти, приблизительно, около’: *Коло двух часов тебя прождал да ушол домой* (Дес., Тарб.); *Слыхал, што сямейские в Польше кол веку жыли, а потом Катерина* (Екатерина II) *суды попёрла* (Бич., Бич.).

Предлог *коло* с пространственным значением имеет в русских говорах Европейской России широкое распространение; с временным значением он наблюдается в южнорусских смоленских, среднерусских псковских и новгородских, в севернорусских архангельских, онежских, костромских, вятских говорах, в русских говорах Карелии¹. По данным СРНГ, вариант *кол* менее употребителен в говорах Европейской России. В пространственном значении он отмечен в смоленских, псковских, новгородских, тверских, ленинградских, онежских говорах, в русских говорах Латвии; с временным значением бытует в псковских и вологодских говорах². В псковских, тверских, новгородских говорах отмечен также вариант *кул* ‘около’³.

Несомненно, предлог *коло* (*кол*), широко распространенный в говорах Западной диалектной зоны, был известен предкам семейских на материнской территории и затем перенесен ими в Сибирь.

13. Повсеместно в исследуемых говорах распространена постпозитивная частица *то* без согласования, которая не отличается от ее употребления в литературном языке. Она может употребляться с именами и местоимениями, но может

¹ Словарь русских народных говоров (далее — СРНГ) / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1 — 52 — (А — Ц —). М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2021; Вып. 14. С. 139–140.

² СРНГ. Вып. 14. С. 139–140.

³ СРНГ. Вып. 16. С. 50.

употребляться с глаголами, с наречиями: *Раньше мужык-то* кухни не касался, *ево* дело — *во дворе* (Бич., Бич.); *Иде лес-то* потрапишь, когда яво нет: *ведь степь кругом* (Калин., Мухор.); *Вот на похоронах люди добрые какие званы, а незваные-то* лезут нахрапом (нагло, дерзко; нахрапом) (Бич., Бич.); *А и девять-то* [соток пахотной земли] посадила, лопаткий скопала; *Сослали их, кулаков, у этот-то* край (Мухор., Мухор.); *Раньчи жыли-то* на молоко. *Надоишь* молока в лагун да *продавать* поедешь, *мало-мало всё копейка* (Сар., Тарб.); *Ты чо пырскаяешь-то* (брызгаешь)? (Бич., Бич.); *Заговорила, заразмузыкавала* (начала долго объяснять), *говори быстрой-то* (Б. Кун., Тарб.); *Тапере-то* усе хлеб в мисках пякут, а в стары времена — в макоторах (широкий сужающийся к низу глиняный горшок (объемом до 10 литров), в котором топили и хранили молоко, масло и т. д., ставили опару, пекли хлеб) (Калин., Мухор.) и др.

Постпозитивная частица *то* и ее варианты свойственны большинству русских говоров, исключая говоры Юго-Западной диалектной зоны, примыкающие к Белоруссии и Украине¹.

14. Широко распространены в говорах семейских указательные диалектные частицы *ево*, *эво* ‘вот’, которые употребляются: а) для указания на кого-, что-л., находящееся или происходящее в непосредственной близости перед глазами или (при рассказывании) как бы перед глазами: *Ево* ейные подарту у нас лежать, а мне можно я к им сам уташу?; *Я ево* вам гостинцы привезла, ён [отец] шо в хрябёт ходил, ореити хорошие; *А мы за воротам сидим — аны* [змеи] *ево*, де хмель, а тут змяёнок приполоз (Урл., Красночик.); б) для усиления, уточнения и т. п.: *Ево*, глянь-ка, цыплят учара купила, они ишо ничо не ели (В. Жир., Тарб.); *Дева, послухай, эво* чо я про Мишиху-то узнала (Бич., Бич.); *Эво* в мяшке-то лук назад поташыла (Урл., Красночик.) и др.

15. Повсеместно в говорах семейских представлены указательные диалектные частицы *евон*, *эвон* ‘вон’. Они могут указывать на наличие предмета на некотором расстоянии: *Песни ходили пели, идёшь — евон* де тебя слышно (Б. Кун., Тарб.); *Он, гыть* (говорит), *евон* на вторым ытажу. *Такой, гыт, здоровый дядька* (Урл., Красночик.); *Одной-то чаёвничать неохота, дак я сваттю позову, она эвон* живёт, *тоже одна* (О.-К., Бич.). Могут иметь значение усиления, уточнения и т. п.: *Евон* кати (какие) *цапочти* носят таперь девки. *И тонти, и большы, шыроты — усяти* (Дес., Тарб.); *Думали ли гадали, эвон* чо получилось. *Дивья им ня жыть было, а таперь одной рябёночка-то подымать придётца* (Нов., Бич.) и др.

16. В исследуемых говорах зафиксирована вопросительная частица *неужо* ‘неужели’: — *Ты шо замуж по(й)дёшь, бу(де)шь пер(е)бирать женихов. — Ой, неужо правда?* (Урл., Красночик.).

По данным СРНГ, частица *неужо* в указанном значении наблюдается в псковских и тверских говорах, а также в говорах Западной Брянщины². Такие слова, имеющие незначительное распространение в говорах Европейской России, показательны для определения материнской основы говоров семейских.

17. В исследуемых говорах широко употребителен диалектный условный союз *езли* в значении ‘если’: *Прошыны были, езли* убёгом сошлись: *придуть* к

¹ Кузьмина И. Б. Там же. С. 184–187.

² СРНГ. Вып. 21. С. 191.

VI. Синтаксис

родителям и бухают в ноги: «Простите, батюшка, простите, матушка!» (Куг., Мухор.); *Уот нам надо усё тярпеть. Езли тебя обидют, ты стярпи. И голод тярпи, и холод тярпи* (В Жир., Тарб.).

Кроме союза *езли* в указанном значении, в исследуемых говорах отмечены варианты *ежли*, *езлив*, *ежлив*, но они употребляются значительно реже: *Однолетник, он на сязон один идёт, на зиму не годитца, а ежли надолго надо, сади бутун. Этот лук рано вясной ись начинаешь* (Бич., Бич.); *Приходять сваты и смотрють, езлив возле печти мусора нету, то девка акуратна* (Шарал., Мухор.).

По данным СРНГ, союз *езли* употребителен в южнорусских тамбовских говорах, распространен в говорах Сибири¹. Шире ареал варианта *ежли*: наблюдается в южнорусских — курских, калужских, рязанских, воронежских, пензенских говорах, в среднерусских владимирских, в севернорусских вятских, пермских, ленинградских. Варианты *езлив*, *ежли* и *ежлив* распространены в сибирских говорах².

Исследуемые говоры несмотря на более чем двухсотпятидесятилетнее контактирование с окружающими сибирскими старожильческими говорами, средне- и севернорусскими в своей основе, и говорами местного бурятского населения, а также на все возрастающее воздействие литературного языка, сохраняют в своем традиционном слое основные черты материнских говоров. По грамматическим чертам исследуемые говоры обнаруживают большую близость к говорам Западной и Юго-Западной диалектных зон.

С говорами Западной диалектной зоны говоры семейских соотносятся следующими явлениями в области **синтаксиса**: предложения со сказуемым — причастием на *-ши*; употребление конструкций с предлогом *с* вместо предлога *из*; предложения с предикативной основой, состоящей из наречия *надо* и существительного в форме И. п. ед. ч; объектно-целевые конструкции с предлогом *по* с семантически неограниченным кругом неодушевленных и одушевленных существительных и др.

¹ СРНГ. Вып. 8. С. 332.

² СРНГ. Там же. С. 332, 327.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ ПО ЯЗЫКУ СЕМЕЙСКИХ

Архипова Н. Г. Наименования женских рубах в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы пятой международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 41 мая — 1 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 346–352.

Архипова Н. Г. Наименования элементов сарафанного комплекса женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Актуальные проблемы в области искусства, дизайна, текстильной и легкой промышленности: доклады конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. С. 88–95.

Архипова Н. Г. Оппозиция «свой — чужой» как категория осознания родства в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Амурская область: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области (Благовещенск, 21–24 октября 2008 г.). Ч. II. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 145–147.

Архипова Н. Г. Оппозиция «свой — чужой» как категория осознания мира амурскими старообрядцами // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 36–43.

Архипова Н. Г. О старовеерах Сибири, Забайкалья, Приамурья (по материалам источников конца XIX — начала XX вв.) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 72–77.

Архипова Н. Г. Речевой портрет семьи старообрядцев (семейских) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 85–132.

Архипова Н. Г. Особенности наименований одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области: региональный аспект // Проблемы региональной лингвистики: материалы международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 15–20.

Архипова Н. Г. Термины родства в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Амурская область: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области (Благовещенск, 21–24 октября 2009 г.). Ч. II. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 145–157.

Архипова Н. Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских): семантический аспект // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 37–40.

Архипова Н. Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике говоров старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: Фольклорно-

диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 23–34.

Архипова Н. Г. Амурские старообрядцы в аспекте языка и культуры // Языковой портрет Приамурья: коллективная монография / под ред. Л. М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 65–78.

Архипова Н. Г. Внутрисистемные процессы в лексике старообрядческих говоров амурской области: на материале наименований женского головного убора // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. № 58. С. 67–69.

Архипова Н. Г. Наименования элементов женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2013. № 1. С. 70–81.

Архипова Н. Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2013. № 10. С. 17–22.

Архипова Н. Г. Лексико-семантическая группа «Пища» в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2013. № 62. С. 130–136.

Архипова Н. Г. Программа спецкурса «Старообрядцы Амурской области в аспекте языка и культуры» // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2014. № 11. С. 248–255.

Архипова Н. Г. Старообрядцы (семейские) Амурской области: история расселения, особенности говора // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2014. № 11. С. 11–15.

Архипова Н. Г. Рассказы об эмиграции в Китай в диалектном дискурсе старообрядцев — семейских Амурской области // Научный диалог. Екатеринбург, 2014. № 4(28). С. 58–73.

Архипова Н. Г. Говоры старообрядцев — семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2–1(32). С. 30–33.

Архипова Н. Г. К вопросу о функционировании прилагательного «бравый» в системе русского языка // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2014. № 64. С. 162–66.

Архипова Н. Г. Особенности I склонения имен существительных в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10–4. С. 83–87.

Архипова Н. Г. Особенности склонения имен существительных единственного числа в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2015. № 12. С. 8–14.

Архипова Н. Г. Наименование недугов в говорах и фольклоре старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2015. № 68. С. 172–176.

Архипова Н. Г. Особенности предупредительного вокализма после мягких согласных в говорах старообрядцев — семейских Амурской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1–2(43). С. 23–26.

Архипова Н. Г. Особенности лексической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2015. № 3(15). С. 83–90.

Архипова Н. Г. Лексика говора села Новоандреевка Белогорского района Амурской области как материал для лингвогеографического исследования // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тезисы докладов международной конференции. Москва: Изд-во Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2015. С. 5–7.

Архипова Н. Г. Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 158–166.

Архипова Н. Г. Сочетаемость как средство определения лексического значения диалектного слова: на материале многозначного прилагательного «парной» в говорах старообрядцев Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2016. Т. 2. № 3. С. 5–14.

Архипова Н. Г. Динамика лексической системы старообрядческих говоров (на примере речи одной семьи) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2016. № 13. С. 11–16.

Архипова Н. Г. Грамматические особенности имен прилагательных и адъективных местоимений в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5–2 (59). С. 45–49.

Архипова Н. Г. Говоры старообрядцев как форма сохранения языка и культуры // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2016. С. 5–15.

Архипова Н. Г. Представление о теле человека в духовных песнях старообрядцев амурской области // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции. Чита: Изд-во Заб. гос. ун-та, 2016. С. 83–85.

Архипова Н. Г. Старообрядцы (семейские) Амурской области: история и особенности языкового существования // Emigrantologia Slowian. Opole: Uniwersytet Opolski, 2018. Vol. 3. S. 41–53.

Белькова В. А. Судьба южновеликорусского говора в условиях инодиалектного окружения: Фонетико-морфологический очерк: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Белгород, 1970. 439 с.

Белькова В. А. К характеристике говора сёл среднего Чикоя Красночикойского района Читинской области // Ученые записки Читинск. гос. пед. ин-та им. Н. Г. Чернышевского. Вып. 23. Вопросы русского языка и литературы. Чита, 1971. С. 101–118.

Дарбанова Н. А. Материалы к «Словарю русских старообрядческих говоров Забайкалья» // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. С. 100–111.

Дарбанова Н. А. Отражение некоторых фрагментов «картины мира» в сознании забайкальских старообрядцев // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXIII Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. С. 15–17.

Дарбанова Н. А. Отражение религиозных взглядов забайкальских старообрядцев (семейских) в лексике // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXIV Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1996. С. 5–6.

Дарбанова Н. А. Мотивационные отношения экспрессивных лексических единиц в говорах забайкальских старообрядцев (семейских) // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998. С. 3–5.

Дарбанова Н. А. Материалы к Словарю экспрессивной лексики говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998. С. 143: Новосибирский госуниверситет, 149.

Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): автореферат диссертации на оискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул, 2000. 22 с.

Дарбанова Н. А. К проблеме формирования говоров старообрядцев Забайкалья: ареальная характеристика экспрессивной лексики говоров семейских // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 80–82.

Дарбанова Н. А. Экспрессивные лексические единицы с общим значением «работать» в говорах семейских (когнитивный аспект) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 26–28 июня 2001 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 226–229.

Дарбанова Н. А., Цыренова А. Б. Образ человека в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Россия-Азия: проблемы интерпретации текстов русской и восточной культур: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 1–5 июля 2002 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 49–51.

Дарбанова Н. А. Говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья // Сборник программ по истории и культуре семейских (старообрядцев) Забайкалья для высших учебных заведений. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. С. 65–77.

Дарбанова Н. А. О механизмах формирования экспрессивности лексических единиц (на материале говорів забайкальских старообрядцев) // Русский язык и литература в исследованиях филологов Азии. Сер. Русский национальный текст. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 25–41.

Дарбанова Н. А. Об отражении национальных стереотипных представлений в зооморфной лексике говорів забайкальских старообрядцев // Россия–Азия: становление и развитие национального самосознания: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 21–23 июня 2005 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. С. 202–204.

Дарбанова Н. А. Территориально-сопоставительная характеристика экспрессивной лексики говорів забайкальских старообрядцев (семейских) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 5. Вып. 2: Филология / Новосибирский госуниверситет. Новосибирск, 2006. С. 104–114.

Дарбанова Н. А. Синхронно не мотивированные экспрессивные лексические единицы забайкальских старообрядцев (семейских) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сборник научных трудов / Труды гуманитарного факультета. Сер. II. Сборники научных трудов / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 81–91.

Дарбанова Н. А. Экспрессивные лексические единицы с парадоксальной внутренней формой как средство отражения представлений о мире забайкальских семейских // Старообрядчество: история, современность, местная традиция, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 31 мая — 3 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 352–358.

Дарбанова Н. А. Мотивация экспрессивности лексических заимствований из бурятского языка в говорах забайкальских семейских // Филологическое образование: Проблемы и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 17 мая 2006 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 13–15.

Дарбанова Н. А., Амбуева С. В. Фонетические средства выражения экспрессивности лексических единиц в говорах забайкальских старообрядцев // Филологическое образование: Проблемы и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 17 мая 2006 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 15–17.

Дарбанова Н. А. Механизмы экспрессивности (на материале лексики говорів забайкальских старообрядцев): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 208 с.

Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говорів старообрядцев Забайкалья: словарь. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 223 с.

Дарбанова Н. А. Образы движения в языковой картине мира старообрядцев Забайкалья (на материале экспрессивной лексики) // Вестник Новосибирского

государственного университета. Сер. История, филология. Т. 7. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2008. С. 10–15.

Дарбанова Н. А. Время в языковой картине мира забайкальских старообрядцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 8. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2009. С. 38–45.

Дарбанова Н. А. Формирование говоров старообрядцев в Забайкалье // Языковая картина мира Байкальского региона: материалы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 27–28 мая 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. С. 134–148.

Дарбанова Н. А. Репрезентация языковых моделей времени в говорах старообрядцев Забайкалья // Языковая картина мира Байкальского региона: материалы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 27–28 мая 2009 г.). Улан-Удэ, 2019. С. 12–17.

Дарбанова Н. А. Взаимодействие тенденций к дискретности и континуальности в экспрессивной лексике говоров забайкальских старообрядцев // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.) / редкол. В. А. Тишков [и др.]. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 457.

Дарбанова Н. А. «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» как источник этнокультурной информации: репрезентация представлений о времени // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 77–79.

Дарбанова Н. А. Представления о перемещении в пространстве в языковой картине мира забайкальских старообрядцев // Евразийский фронт: концепт «национальное» в русском, монгольском и бурятском языках и литературах: сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 182–189.

Дарбанова Н. А., Майоров А. П. А. Б. Соктоев и «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» // Филологические чтения памяти А. Б. Соктоева: сборник научных статей / науч. ред. С. С. Имixelова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 50–54.

Дарбанова Н. А. «Словарь экспрессивной лексики русских говоров старообрядцев Забайкалья»: опыт диалектного аспектного словаря // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы всероссийской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2009 г.) / отв. ред. В. Д. Черняк. Санкт-Петербург: САГА, 2010. С. 92–96.

Дарбанова Н. А. Век сакральный и век профанный в языковой картине мира старообрядцев Забайкалья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 9. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2010. С. 20–25.

Дарбанова Н. А. Семантика пространственных предикатов в говорах забайкальских старообрядцев (семейских) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: материалы международной научной конференции (Псков, 22–24

апреля 2010 г.) / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. Псков: Изд-во ПГПУ, 2010. Т. I. С. 53–58.

Дарбанова Н. А. Представления о форме предметов в языковой картине мира забайкальских старообрядцев // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. А. Воробьевой (Барнаул, 6–9 октября 2010 г.) / под ред. Л. И. Шелеповой. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2011. С. 60–66.

Дарбанова Н. А. Полихронность восприятия мира в традиционной народной культуре (на материале лексики забайкальских семейских) // Евразийский фронт: концепт «национальное» в русском, монгольском и бурятском языках и литературах: сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 211–217.

Дарбанова Н. А. Ценностный аспект темпоральных представлений забайкальских старообрядцев // Россия — Азия: Ценностные установки и социальный опыт: сборник научных статей по результатам международной научной конференции (Улан-Удэ, 16–19 июня 2011 г.). Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 100–102.

Дарбанова Н. А. Отражение восприятия времени в говорах забайкальских старообрядцев (семейских) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XI Региональной конференции (г. Уфа, 19–21 октября 2011 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ, 2011. С. 83–86.

Дарбанова Н. А. На рубеже дня и ночи: семантика номинаций вечернего времени и в русских говорах // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 115–118.

Дарбанова Н. А., Лархаев В.Л. Семантика пространственных наречий, употребляющихся в русских говорах Забайкалья // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 85-летию проф. В. И. Золхоева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 203–208.

Дарбанова Н. А. Пространство в зеркале наречий (на материале диалектно-разговорной речи жителей Забайкалья) // Вестник БГУ. Сер. Филология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. № 10–4. С. 88–93.

Дарбанова Н. А. Круглый угол, косой угол, чистый угол в наивной геометрии русских говоров Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 167–171.

Дарбанова Н. А. Заимствованная лексика // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С. 163–164.

Дарбанова Н. А. Лексика говоров // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С.164–166.

Дарбанова Н. А. Религиозная лексика // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С.169–170.

Дарбанова Н. А. Устаревшая и новая лексика // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С.173.

Дарбанова Н. А. Фонетическая система // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С.173–174.

Дарбанова Н. А. Репрезентация оппозиции «свой — чужой» в лексике говора забайкальских старообрядцев // Славянская культура в зеркале языка: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28 мая 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 25–28.

Дарбанова Н. А. Наивная геометрия русских говоров Бурятии: круглое в восприятии носителей народной культуры // Славянский альманах. Москва, 2016. № 3–4. С. 371–379.

Дарбанова Н. А. Парадоксальность самоидентификации в речи семейских Забайкалья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 16. Вып. 9: Филология. Новосибирск, 2017. С. 106–111.

Дарбанова Н. А. Словообразовательные модели экспрессивных имен существительных в говорах забайкальских старообрядцев // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. Вып. 6. С. 37–45.

Дарбанова Н. А. К проблеме самоидентификации забайкальских семейских (на материале говоров) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов международной научно-практической конференции (Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Изд-во Тувинск. гос. ун-та, 2018. С. 151–156.

Дарбанова Н. А. Репрезентация представлений об эгоцентрическом времени в лексике говоров забайкальских старообрядцев // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 25–31.

Дарбанова Н. А. Выражение этнокультурной и конфессиональной идентичности в речи старообрядцев (семейских) Бурятии // Minderheiten in der slawischen Welt (Sprechkontakte und kulturelle Identitäten). Philologica Slavica Vindobonensia. Band 5. Berlin, 2019. С. 23–33.

Дарбанова Н. А. Говоры забайкальских семейских как источник информации о русской традиционной культуре // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: материалы трудов IV Международной научной конференции. Сер. «Серия II: Труды ис-

торического факультета МГУ. Исторические исследования, XX» / состав. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. 2019. С. 669–678.

Дарбанова Н. А. Сквозь призму речи: взаимодействие забайкальских старообрядцев (семейских) с окружающим населением // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) [Текст] / [отв. ред. Захаров В. Н.]. Москва: Институт Российской истории РАН, 2020. С. 196–202.

Дарбанова Н. А. Гомогенные и гетерогенные субстантивные метафоры в говорах забайкальских старообрядцев (семейских) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2021. Вып. 1. С. 8–15.

Калашиников П. Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Ж. С. Сажин. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. Вып. 4. С. 26–36.

Касаткин Л. Л. Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. Вып. IV. Москва: Наука, 2002. С. 251–256.

Козина О. М. Вторичные заимствования в лексической системе семейских говоров Бур. АССР // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1983. С. 28–36.

Козина О. М. К изучению фонетики говора семейских сел Тарбагатай и Куйтун Бур. АССР // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1986. С. 91–96.

Козина О. М. Особенности произношения сибиряков в речи русских старожилов Бурятии // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1987. С. 109–116.

Козина О. М. Закономерности морфологических изменений бурятизмов в русских говорах Забайкалья (имена существительные) // Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ: Изд. БФ СО АН СССР, 1987. С. 23–45. В соавторстве с Э. Д. Эрдынеевой.

Козина О. М. Губные спонты в семейских говорах // Русские говоры. Москва: Наука, 1991. С. 35–42.

Козина О. М. Определение генезиса переселенческих говоров с помощью Автоматизированного варианта Диалектологического атласа русского языка I этап // Актуальные проблемы современной науки 90-х: материалы XII Научной конференции болгарских аспирантов с международным участием. Москва, 1989. С. 17–18.

Козина О. М. Лексические черты семейских говоров южной части Бурятии // Слово в русской народной речи. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО РАН, 1991. С. 14–22.

Козина О. М. Старообрядчество: современная проблематика (об этнониме «семейские») // Филологический сборник. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 272–276.

Козина О. М. Диалектная лексикография Байкальского региона: историко-культурный аспект // Традиционная культура Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 117–124.

Козина О. М. Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. III. Языки, Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 92–98.

Козина О. М. Говоры старообрядцев Забайкалья: генезис, диалектный тип // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 87–90.

Козина О. М. Живая речь старообрядцев Забайкалья // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научной конференции. Улан-Удэ, 2000. С. 135–143.

Козина О. М. Старообрядческие говоры Забайкалья: проблема классификации // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 26–27 июня 2001 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 200–212.

Козина О. М. Межъязыковые контакты на диалектном уровне (на материале фонетики русского, бурятского и эвенкийского языков) // Мир Центральной Азии: тезисы международной конференции (Улан-Удэ, 28–29 июня 2002 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 68–75.

Козина О. М. Определение диалектного типа старообрядческих говоров Сибири с помощью АВ ДАРЯ (автоматизированный вариант Диалектологического атласа русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2004 г.): труды и материалы. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 477.

Козина О. М. Межъязыковые контакты на диалектном уровне (на материале лексики русского, бурятского, эвенкийского языков) // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 73–85.

Козина О. М. Русские говоры Бурятии: история формирования, проблематика исследований // Гуманитарные исследования. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2004. С. 45–68.

Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во ИМБиТ СО РАН, 2006. 166 с.

Козина О. М. Русская диалектная речь в Бурятии // Этнокультурная концептосфера: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2006. С. 227–337.

Козина О. М. Предударный вокализм некоторых старообрядческих (семейских) говоров Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 31–1 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 313–323.

Козина О. М. Библиография научных трудов по теме «Старообрядческие говоры» // Этнокультура семейских Забайкалья. Справочно-библиографический CD диск. Улан-Удэ: Изд-во Нац. библ. Республики Бурятия, 2005.

Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип // Этнокультура семейских Забайкалья: справочно-библиографический CD диск. Улан-Удэ: Изд-во Нац. библ. Республики Бурятия, 2007.

Козина О. М. Фонотека старообрядческих говоров (аудиоматериалы экспедиционных исследований) // Этнокультура семейских Забайкалья. Справочно-библиографический CD диск. Улан-Удэ: Изд-во Нац. библ. Республики Бурятия, 2007.

Козина О. М. Об этнониме «семейские» // Имя. Социум. Культура: материалы международной II Байкальской ономастической конференции (Улан-Удэ, 4–6 сентября 2008 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С.115–116.

Козина О. М. Особенности функционирования гласных ударных фонем как отражение специфики старообрядческих (семейских) диалектов // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 85-летию проф. В. И. Золхоева (Улан-Удэ, 6–7 декабря 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С.24–31.

Козина О. М. История и динамика развития старообрядческих (семейских) говоров Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 31–1 июня 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2015. С. 201–210.

Копылова В. И. Именное склонение в говоре семейских Красночикойского района Читинской области // Исследование бурятских и русских говоров / Отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ин-та общ. наук, 1977. С. 143–183.

Копылова В. И. О картографировании русских говоров Забайкалья // Проблемы фонетики и истории сибирских говоров / Отв. ред. Н. А. Цомакион. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ин-та, 1977. С. 58–65.

Копылова В. И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 83 с.

Майоров А. П. Варианты заимствованных слов в русских старообрядческих говорах Забайкалья // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тезисы международной конференции. Новосибирск, 1995.

Майоров А. П. Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья // Живая старина. Москва, 2000. №1. С. 10–14 (в соавторстве с Т. Б. Юмсуновой).

Майоров А. П. «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» как источник по истории русского языка // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2000. С. 90–94.

Майоров А. П. Лексика погребального обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 80–88 (в соавторстве с Т. Б. Юмсуновой).

Майоров А. П. Семиотика погребального обряда семейских Забайкалья // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные свя-

зи: материалы III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2001. С. 242–245.

Майоров А. П. Гомогенные лексические омонимы в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 31 мая–1 июня 2007 г.). Улан-Удэ, 2007. С. 339–346 (в соавторстве с Е. В. Федоровой).

Майоров А. П. А. Б. Соктоев и «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» // Филологические чтения памяти А. Б. Соктоева / под редакцией С. С. Имихеловой. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 50–55 (в соавторстве с Н. А. Дарбановой).

Майоров А. П. Забайкальские старообрядцы — они же *поляки*, они же *семейщики*, они же *семейские* // VI Международная научно-практической конференция «Старообрядчество: история и современность, местные традиции и зарубежные связи» (Улан-Удэ, 6–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 211–216.

Майоров А. П. Говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья // Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», посвященный 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев. Улан-Удэ: Экос, 2015. С. 160–162.

Майоров А. П. Морфология говоров семейских Забайкалья // Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», посвященный 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев. Улан-Удэ: Экос, 2015. С. 166–167.

Майоров А. П. Обрядовая лексика в говорах семейских Забайкалья // Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», посвященный 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев. Улан-Удэ: Экос, 2015. С. 167–169.

Майоров А. П. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья // Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», посвященный 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев. Улан-Удэ: Экос, 2015. С. 171–173.

Майоров А. П. Семейские // Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», посвященный 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев. Улан-Удэ: Экос, 2015. С. 170–171.

Майоров А. П. Языковая идентичность семейских в историческом аспекте // Материалы респ. научно-практ. конф. «Первые Болоневские чтения», г. Улан-Удэ, 19 декабря 2019 г. Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2019. С. 23–26.

Майоров А. П. Инодиалектные слова в говорах семейских Забайкалья // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы международной конференции, посв. 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской, 29–31 октября 2021 г. Москва: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 139–141.

Майоров А. П. Обрядовая лексика говоров семейских Забайкалья в свете социокультурной адаптации их носителей // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные связи: материалы VII Международной научно-практической конференции (17–18 ноября 2021 г.) (в печати).

Матанцева М. Б. Лексические контакты говоров семейских с сибирскими старожильческими говорами и русским литературным языком // Русские народные говоры Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. пед. ин-та, 1995.

Матанцева М. Б. Глагольная лексика охотничьего промысла в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXV Международной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997.

Матанцева М. Б. Архаическая лексика праславянского происхождения в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXVI Международной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998.

Матанцева М. Б. Типы архаической диалектной лексики в говорах забайкальских старообрядцев (семейских) // Студент и научно-технический прогресс: материалы XXXVII Международной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999.

Матанцева М. Б. Исконнославянская лексика охотничьего промысла в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // История языка. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999.

Матанцева М. Б. Лексико-фонетические архаизмы праславянского происхождения в говорах забайкальских старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Наука, 1999. № 4.

Матанцева М. Б. Архаическая лексика в русских говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999.

Матанцева М. Б. К истории некоторых лексико-семантических архаизмов праславянского происхождения в говорах забайкальских старообрядцев // История, культура, язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000.

Матанцева М. Б. Исторические варианты праславянских лексико-фонетических архаизмов в русских говорах старообрядцев Забайкалья // Высшая школа. Проблемы словесности: материалы региональной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000.

Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.

Матанцева М. Б. Лексико-словообразовательные архаизмы праславянского происхождения в русских говорах забайкальских старообрядцев // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи. Материалы III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ИМБит СО РАН, 2001.

Матанцева М. Б. Лексико-морфологические архаизмы праславянского происхождения в говорах старообрядцев // История языка. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003.

Матанцева М. Б. Заимствованная лексика охотничьего промысла в говорах забайкальских старообрядцев // Материалы республиканской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ж. С. Сажинова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003.

Матанцева М. Б. Универсальные языковые категории в диалектной концептосфере забайкальских старообрядцев: прилагательные положительной оценки // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С.358–366.

Матанцева М. Б. Исторические варианты праславянских исторических явлений в говорах забайкальских старообрядцев // Теквн үрэмцэтигнэ (Искусство грамматики). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 259–266.

Матанцева М. Б. Динамические тенденции в архаической лексике говоров забайкальских старообрядцев // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 217–220.

Матанцева М.Б. Хронологически маркированная лексика в говорах забайкальских старообрядцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып.10. С. 66–71.

Пляскина Е. И. Говор семейских // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (Горизонты комплексного изучения). Чита, 1995. С. 63–65.

Пляскина Е. И. Диалектная лексика, репрезентирующая мясные блюда в одном из говоров семейских Забайкальского края // Старообрядчество: История и современность, местные традиции и зарубежные связи: материалы VII Международной научно-практической конференции (17–18 ноября 2021 г.) (в печати).

Ровинский П. А. Об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества, издаваемые под редакцией правителя дел отдела А. Ф. Усольцева. Том IV. №1 (26-го марта 1873 года). Иркутск: Печатано типографией Н. Н. Сеницына, 1873.

Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. 297 с.

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой; сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, Е. И. Тынтуева, О. М. Козина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 540 с.

Степанова И. Ж. Отражение фрагментов языковой картины мира в диалектной лексике старообрядцев (семейских) Забайкалья // Студент и научно-

технический прогресс: Филология. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998.

Степанова И. Ж. Диалектная лексика в романах И. Калашникова // Лингвистическое краеведение Забайкалья. Чита: Изд-во Чит. гос. пед. ун-та, 1998.

Степанова И. Ж. Отражение фрагментов фразеологической картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идиостиле романов И. Калашникова // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000.

Степанова И. Ж. Отражение фрагментов картины мира забайкальских старообрядцев (семейских) в романе И. Калашникова «Разрыв-трава» (на материале сравнений): сборник памяти А. Б. Соктоева. Новосибирск: Наука СО РАН, 2001.

Степанова И. Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идиостиле романов И. Калашникова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул, 2001.

Степанова И. Ж. Фразеологизмы романов И. Калашникова как отражение фрагментов языковой картины мира семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

Степанова И. Ж. Некоторые особенности языкового менталитета забайкальских старообрядцев (семейских) (на примере с. Никольск Мухоршибирского района Республики Бурятия) // Россия — Азия: проблемы и интерпретации текстов русской и восточных культур. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002.

Степанова И. Ж. Живая речь старообрядцев Забайкалья // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001 / Т.Б. Юмсунова, О. М. Козина, И. Ж. Степанова.

Степанова И. Ж. Фрагменты картины мира семейских в идиостиле романов И. Калашникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. 186 с.

Степанова И. Ж. Ценностные приоритеты семейских Забайкалья: взгляд по две стороны российско-монгольской границы // Евразийский фронт: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах: материалы круглого стола. Улан-Батор, 2006. С. 66–69.

Степанова И. Ж. Узкорегionalные фразеологические единицы в романах И. Калашникова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международного научно-практической конференции (Улан-Удэ, 31 мая — 1 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 366–371.

Степанова И. Ж. Тематическое деление фразеологизмов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» как отражение фрагментов языковой картины мира семейских // Языковая картина мира Байкальского региона: материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 27 мая 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 149–163.

Степанова И. Ж. Способы образования сложных наименований в говоре старообрядцев (семейских) Забайкалья // Евразийский фронт: концепт «нацио-

нальное» в русском, монгольском, китайском и бурятском языках и литературах: сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 189–196.

Степанова И. Ж. Семантическая классификация фразеологизмов в романах И. Калашникова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 248–254.

Тынтуева Е. И. Влияние бурятского языка на говор «семейских» Забайкалья (на материале говоров сёл «семейских» старообрядцев Бурятской АССР) // Научные доклады межкандидатского семинара аспирантов-языковедов (8–9 октября 1973 г.). Л., 1973.

Тынтуева Е. И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1974. 271с.

Тынтуева Е. И. Работа над диалектными ошибками в речи учащихся в условиях двуязычия // Вопросы преподавания русского языка в условиях русско-бурятского двуязычия. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. пед. ун-та, 1981. С. 91–105.

Тынтуева Е. И. Из истории слов *омианик* и *голбец* в диалектном языке (на материале бытовой лексики говора «семейских» старообрядцев Забайкалья) // Диалектная лексика. Л., 1982.

Тынтуева Е. И. О фонетических явлениях в говорах забайкальских старообрядцев // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. фил. СО АН, 1985. С. 19–28.

Тынтуева Е. И. Фонетические особенности говоров «семейских» Забайкалья // Научные исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986.

Тынтуева Е. И. О фонетических явлениях в говорах забайкальских старообрядцев // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. Улан-Удэ, Изд-во Бурят. фил. СО АН, 1987. С. 116–121.

Тынтуева Е. И. Материалы для словаря семейских говоров Забайкалья // Слово в русской народной речи. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. фил. СО АН, 1991. С. 22–30.

Тынтуева Е. И. Иноязычные тюркские элементы в говоре «семейских» старообрядцев Забайкалья, относящиеся к лексике одежды // Интерактивные связи филологии: труды Бурятского госуниверситета. Улан-Удэ, 1996.

Тынтуева Е. И. Названия «подпольного помещения» в говоре «семейских» Забайкалья и в истории русского языка (*голбец, подполье, подпол, подвал*) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 26–28 июня 2001 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 230–234.

Тынтуева Е. И. Неизвестная страница истории поселения старообрядцев в Забайкалье // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической

конференции (Улан-Удэ, 31 мая — 1 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С.146–149.

Юмсунова Т. Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1992. 196 с.

Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. Москва, 2005. 286 с.

Юмсунова Т. Б. Названия построек для скота при доме в говорах «семейских» Бичурского района Бурятской АССР // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. Красноярск, 1984. С. 88–101.

Юмсунова Т. Б. Лексические контакты семейских говоров с бурятским языком и русскими старожильческими говорами (На материале названий диких животных) // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ, 1988. С. 108–121.

Юмсунова Т. Б. Лексика, обозначающая огородные растения, в говоре семейских Забайкалья // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск, 1988. С. 106–115.

Юмсунова Т. Б. Междиалектные и межъязыковые контакты говора «семейских» (На материале названий овец и их производных) // Современные русские говоры. Москва, 1991. С. 163–169.

Юмсунова Т. Б. О проекте «Словаря русских старообрядческих говоров Забайкалья» // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология) / под ред. Т. Б. Юмсуновой, А. П. Майорова. Улан-Удэ, 1995. С. 3–16.

Юмсунова Т. Б. Бурятские лексические заимствования в говорах забайкальских старообрядцев // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тезисы докладов международной научной конференции (г. Новосибирск, 26–30 июня 1995 г.). Новосибирск, 1995. Т. I: Филология. С. 257–260.

Юмсунова Т. Б. Лексика свадебного обряда в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Материалы международного съезда русистов (г. Красноярск, 1–4 октября 1997 г.). Красноярск, 1997. Т. I. С. 128–130.

Юмсунова Т. Б. Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание / Доклады Российской делегации (г. Краков, 1998 г.). Москва, 1998. С. 592–614.

Юмсунова Т. Б. Лексика погребального обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 80–88 (в соавторстве с А. П. Майоровым).

Юмсунова Т. Б. Лексика родильно-крестильного обряда в говорах старообрядцев Забайкалья // Фольклор и литература Сибири. Памяти А. Б. Соктоева. Новосибирск, 2001. С. 203–218.

Юмсунова Т. Б. Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья // Живая старина. М., 2000. № 1. С. 10–13 (в соавторстве с А. П. Майоровым).

Юмсунова Т. Б. Системные отношения в диалектной лексике русских старообрядческих говоров Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 26–28 июня 2001 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 220–226.

Юмсунова Т. Б. Вариативность слова в говорах старообрядцев Забайкалья // Материалы и исследования по русской диалектологии: к 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва, 2002. Т. I (VII). С. 262–276.

Юмсунова Т. Б. Лексика свадебного обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург, 2001. С. 119–131.

Юмсунова Т. Б. Родильно-крестильный обряд у семейских Забайкалья // Живая старина. Москва, 2001. № 2. С. 2–5.

Юмсунова Т. Б. Русские старообрядческие говоры Забайкалья: история, современное состояние и перспективы изучения // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 74–77.

Юмсунова Т. Б. Живая речь старообрядцев Забайкалья // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы региональной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 19–20 октября 2000 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 118–135.

Юмсунова Т. Б. Особенности консонантизма говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья // Проблемы фонетики / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. Вып. IV. С. 283–292.

Юмсунова Т. Б. Язык забайкальских старообрядцев — семейских и их языковая прародина // Славянское языкознание: материалы XIII Международного съезда славистов (Москва, июнь 2002 г.). Москва, 2003. С. 368–379.

Юмсунова Т. Б. An Acoustic Data Base of Russian Dialects the Baikal Region // Methods XI. Eleventh International Conference on Methods in Dialectology (Abstracts, Finland, 5–9 August 2002). Joensuu, 2002. S. 69–70 (в соавторстве с Л. Л. Касаткиным и К. Саппоком).

Юмсунова Т. Б. Русские говоры семейских — старообрядцев Забайкалья // Abstracts of Scholarly Papers Thesen der Vortrage Resumes des communications / IV Международный конгресс диалектологов и геолингвистов: тезисы докладов (Riga, 2 August). Riga, 2003. С. 249–251.

Юмсунова Т. Б. Точные синонимы в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). Москва, 2004. С. 59–61.

Юмсунова Т. Б. Квазисинонимы в говорах семейских — старообрядцев Забайкалья // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва, 2004. Вып. II (VIII). С. 241–252.

Юмсунова Т. Б. Сложные слова в говорах забайкальских старообрядцев // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования. 2001–2004). Санкт-Петербург, 2004. С. 102–115.

Юмсунова Т.Б. Празднование Троицы у семейских Забайкалья // Живая старина. Москва, 2004. № 2. С. 29–32.

Юмсунова Т. Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских – старообрядцев Забайкалья // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва: Наука, 2004. С. 83– 94 (в соавторстве с Л. Л. Касаткиным).

Юмсунова Т. Б. Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современное состояние: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2005. 49 с.

ПЕРСОНАЛИИ

Архипова Нина Геннадьевна

Нина Геннадьевна Архипова закончила Благовещенский государственный педагогический институт имени М. И. Калинина по специальности «русский язык и литература» (1993 г.).

В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Значение слова в лексикографическом описании» на кафедре общего языкознания Московского государственного педагогического университета (руководитель проф. В. И. Зимин). В 2006 г. ей было присвоено ученое звание доцента.

Архипова Н. Г. — автор более 100 научных работ, в том числе соавтор 2-х монографий.

Является редактором научного издания «Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций» (выпуски 1–17). В течение двадцати лет участвует в диалектологических экспедициях в села Амурской области. Под ее руководством ведется работа по формированию архива диалектных и фольклорных текстов старообрядцев Амурской области (семейских).

Дарбанова Надежда Александровна

Надежда Александровна Дарбанова — доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», кандидат филологических наук. Закончила Бурятский государственный педагогический институт имени Доржи Банзарова по специальности «Русский язык и литература» (1988 г.).

11 апреля 2000 г. в Алтайском государственном университете ею была успешно защищена кандидатская диссертация «Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты)», выполненная в аспирантуре при кафедре общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета (научный руководитель — проф. Н. А. Лукьянова). В 2007 г. ей присвоено ученое звание доцента.

Н. А. Дарбанова — автор более 60 научных работ, в том числе 2-х монографий. Один из соавторов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999).

Более тридцати лет она является участником и руководителем диалектологических экспедиций в старообрядческие поселения Республики Бурятия.

Калашников Пётр Фомич

Пётр Фомич Калашников (1941–2016 гг.) — редактор, книгоиздатель, краевед. В 1963 г. окончил с отличием историко-филологический факультет БГПИ им. Д. Банзарова. Прошёл аспирантуру на кафедре русского языка Московского пединститута (МОПИ) им. Н. К. Крупской.

В начале 1960-х гг., изучая семейские говоры, повторил маршрут, проделанный А. М. Селищевым в 1919 г. и опубликовал статьи:

К изучению говора «семейских» // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ. 1966. С. 26–36;

Фонетические особенности «семейских» говоров // Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 136. Русский язык. Вып. XII. М. 1966. С. 315–335;

А. М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (к 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. конф. Улан-Удэ. 2000. С. 82–87;

Юлиан Талько-Гринцевич о семейских. К 150-летию со дня рождения // Там же. С. 11–14.

Им опубликованы книги: Были прожитых лет: очерки о современниках и минувших событиях: Улан-Удэ: Изд. дом «Буряад унэн», 2006, 2007 (Первая глава книги называется «Семейские от века к веку»).

Золотой народ в Еравне: История родов коренных жителей Еравнинского района Республики Бурятия во 2-й половине XIX века и в XX веке. Воспоминания представителей родов и очерки о земляках-еравнинцах: Улан-Удэ, 2013 (496 с.). Одна глава книги посвящена истории русских крестьянских родов выходцев из семейских — староверов Забайкалья.

П. Ф. Калашников — автор свыше 100 научных и публицистических статей о знаменитых выходцах из среды семейских: об учёных — Афанасии Селищеве, Фирсе Болоневе, о писателях Илье Черневе, Исае Калашникове, Анатолии Байбородине.

Козина Ольга Михайловна

Ольга Михайловна Козина — кандидат филологических наук, доцент. Окончила историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (1983 г.). В 1986–1990 гг. училась в аспирантуре Института русского языка им. В. Виноградова РАН (г. Москва). С 1983 по 2006 г. — научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 2004 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Говоры старообрядцев»

Бурятия — семейских: генезис, диалектный тип». С 2000–2010 гг. — старший преподаватель, доцент, с 2010 по 2015 г. — заведующая кафедрой русского и китайского языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации БГСХА им. Филиппова.

О. М. Козина — автор свыше 60 научных и учебно-методических трудов, из них — 2 монографии и 7 учебных пособий. Ее научно-исследовательские проекты поддерживались грантами Федеральной целевой программы «Интеграция» (2000–2001); СО РАН «Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона» (2006–2007); Европейского союза «Эрасмус Мундус» (2010–2011). Она научный редактор ряда сборников статей, материалов конференций. Эксперт, методист ЕГЭ по русскому языку, «Тестор русского языка как иностранного» (все уровни). Работала преподавателем РКИ в университетах КНР, Монголии, Италии.

Награждена Почетным знаком «Заслуженный ветеран СО РАН».

Копылова Валентина Игнатьевна

Валентина Игнатьевна Копылова — младший научный сотрудник Бурятского института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (1970–1980 гг.), кандидат филологических наук. Закончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, отделение русского языка и литературы (1962 г.).

В 1976 г. в Красноярском государственном педагогическом институте ею была успешно защищена кандидатская диссертация «Фонетическая система говора семейских Красночико́йского района Читинской области», выполненная под руководством проф.

Н. А. Цомакион.

Копылова В. И. — автор около 20 научных работ, в том числе автор монографии «Фонетическая система говора семейских Красночико́йского района Читинской области» (1973 г.).

Майоров Александр Петрович

Александр Петрович Майоров — профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова, доктор филологических наук. Окончил русское отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1979 г.). После окончания очной аспирантуры Института русского языка АН СССР им. В. В. Виноградова защитил кандидатскую диссертацию «Явочные челобитные как памятники русского языка XVI–XVII вв.» (1988 г.). В 2006 г. на заседании диссертационного совета Института русского языка им. В. В. Виноградова

РАН защитил докторскую диссертацию «Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья)».

А. П. Майоров — автор свыше 140 научных и учебно-методических трудов. В их числе 5 учебных пособий и хрестоматий, 3 монографии и 2 научных словаря — «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (в соавторстве) и словарь «Русский язык XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье». Его научно-исследовательские и издательские проекты поддерживались грантами РФФИ (2000 г.), РГНФ (2004–2005 гг., 2007–2008 гг., 2011 г.), БГУ (2011–2012, 2017–2018 гг.). Являлся инициатором и организатором первой в Республике Бурятия поддержанной грантом РФФИ Межрегиональной научно-практической конференции «История, культура и язык старообрядцев Забайкалья» (2000 г.).

А. П. Майоров — научный редактор ряда сборников статей, материалов конференций и монографий, в том числе сборников материалов II, V, VI, VII Международных научно-практических конференций «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи» (2001, 2007, 2015, 2021 гг.).

Награжден нагрудным знаком Министерства образования РФ «За развитие научно-исследовательской работы студентов». В 2015 г. был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» за заслуги в области образования.

Матанцева Марина Борисовна

Марина Борисовна Матанцева — кандидат филологических наук, доцент. В 1986 г. закончила историко-филологический факультет БГПИ имени Доржи Банзарова по специальности «Русский язык и литература». Работает на филологическом факультете с 1992 г. и по настоящее время.

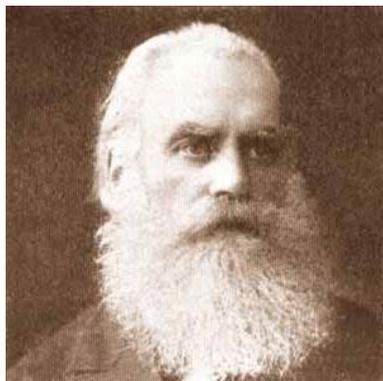
Обучалась в очной аспирантуре с 1996 по 1999 гг. при кафедре древних языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. В 1999 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Архаическая лексика праславянского происхождения в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья» в докторском диссертационном совете Алтайского государственного университета (научный руководитель — проф. Л. Г. Панин).

Научные интересы определили общий характер деятельности. Марина Борисовна являлась исполнителем в экспедиционных, научно-исследовательских и издательских грантах РФФИ (РГНФ) 1994, 1995, 1996, 1997, 2000 гг., участвовала в научных экспедициях в рамках сотрудничества с ИФ СО РАН в 1998, 1999, 2001 гг. Автор более 50 научных работ, в том числе одной монографии. Является одним из соавторов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999).

Работала заместителем декана по учебной работе, начальником организационно-методического отдела Учебно-методического управления, ныне заведует кафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии, ино-

странных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета.

Ровинский Павел Аполлонович

Павел Аполлонович Ровинский (22.2 (6.3).1831, Саратов — 15 (28). 1. 1916, Петроград) — русский историк-славист, этнограф и публицист. Окончил филологический факультет Казанского университета (1852 г.).

Придерживался революционно-демократических взглядов. В 1861 году был арестован австрийской полицией в Моравии по подозрению в опасной для Австрии агитации, и после десятидневного заключения выслан на русскую границу. Активный участник «Земли и воли». Был связан с участниками Польского восстания 1863–1864 гг. и русской секцией 1-го Интернационала. В 1871 предпринял неудачную попытку освобождения Н. Г. Чернышевского из Александровского острога (близ Нерчинска). В 1878 г. выступил с протестом против австрийской оккупации Боснии и Герцеговины.

В 1870 году П. А. Ровинский отправился в Сибирь для изучения русского типа на далекой восточной окраине и совершил из Иркутска несколько экскурсий, в том числе в Китай (новой дорогой через Долон-Нор и Маньчжурию). Около полтора лет прожил в Тункинской долине (Тунка, Зактуй). В Сибири и Монголии (1870–1873 гг.) собрал археологические и этнографические материалы и опубликовал описание путешествий: «Мои странствования по Монголии» (1874 г.), «Очерки Восточной Сибири» (1875 г.) и др.

Большая научная подготовка, наблюдательность, необыкновенное умение сходить с народом создают в лице Ровинского превосходного исследователя-этнографа. Эти черты придают особую ценность и его этнологическим исследованиям в Сибири, появившимся в «Известиях Сибирского отдела Русского географического общества» за 1870–1872 гг. В сибирском характере Ровинский находил черты, способные к здоровому развитию при условиях лучшего управления и распространения образования. Особенно важны почти единственные в своем роде исследования Ровинского о русско-сибирском наречии (в тех же «Известиях» за 1873 г.), которое, по его замечанию, чем дальше на восток, тем больше испещряется чужими примесями. Исследователь старался определить особенности этого наречия в звуках, ударениях, словообразовании, управлении слов, наконец, в словаре и наметить исторические условия, при которых образовались странные формы, нередко поражающие в сибирском наречии.

Селищев Афанасий Матвеевич

Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942 гг.) — член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.), член-корреспондент Болгарской АН (с 1931 г.). В 1910 г. окончил Казанский университет и остался работать на кафедре славянского языкознания, приват-доцент с 1913 г.

В 1918 г. А. М. Селищев защитил магистерскую диссертацию «Очерки по македонской диалектологии», основанную на результатах диалектологической научной экспедиции на Балканах. В том же году он был приглашен профессором на только что созданный историко-филологический факультет Иркутского государственного университета (1918–1920 гг.), затем был профессором Казанского университета (1920–1921 гг.). С 1922 г. работал в Москве: сначала на кафедре славянских языков МГУ, затем — в Институте языка и литературы РАНИОН (до 1931 г.). В 1929 г. избран член-корреспондентом АН СССР по Отделению гуманитарных наук по разряду языков и литератур европейских народов (славянская филология). С 1939 г. — профессор Московского государственного педагогического института, Московского городского педагогического института.

А.М. Селищев — один из крупнейших русских славистов XX века, автор работ по истории русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, по славянским говорам в Албании и Македонии (впоследствии легшим в основу литературного македонского языка), по балканистике, славянской палеографии и топонимике.

А. М. Селищеву принадлежит первое лингвистическое описание языка старообрядцев Забайкалья. В начале XX в. появились известные его работы «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920) и «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск, 1921), которые внесли бесценный вклад в развитие русской диалектологии. Он первым дал описание говоров семейских на всех языковых уровнях и поставил вопрос об их материнской основе. Все последующие исследователи говоров старообрядцев Забайкалья считают эту работу основополагающей.

Он также автор социолингвистических работ об изменениях в русском языке после Октябрьской революции: «Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» (М., 1928), «О языке современной деревни» (1939). Посмертно была издана книга «Старославянский язык» в двух частях (1951–1952) — одно из лучших описаний языка древнейших письменных памятников, используемая в качестве учебника для подготовки современных филологов в настоящее время.

Степанова Ирина Жамсарановна

Ирина Жамсарановна Степанова — доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», кандидат филологических наук. С отличием окончила Бурятский государственный педагогический институт имени Д. Банзарова по специальности «Русский язык и литература» (1984 г.). В 2001 г. защитила диссертацию в докторском диссертационном совете Алтайского госуниверситета на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идиостиле романов И. Калашникова» (специальность 10.02.01).

В 2003 г. утверждена Ученым советом Бурятского государственного университета в должности доцента по кафедре русского языка. С 2005 г. имеет звание доцента.

И. Ж. Степанова — автор более 60 научных работ, в том числе одной монографии. Также она входит в состав авторских коллективов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999), «Русская разговорная речь Бурятии», «Тексты в орфографической записи: хрестоматия» (сост. А. П. Майоров, И. Ж. Степанова), «Русская разговорная речь Бурятии: лингворегионоведческий аспект» (А. П. Майоров, И. Ж. Степанова, Е. В. Зырянова).

Тынтуева Екатерина Иннокентьевна

Екатерина Иннокентьевна Тынтуева (1932–2012 гг.) — кандидат филологических наук, доцент. Окончила филологическое отделение Иркутского государственного университета (1957 г.). С 1964 по 1997 г. работала на филологическом факультете Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (ныне Бурятский госуниверситет).

Основные направления ее научной деятельности — история русского языка, русская диалектология. Является одним из первых исследователей лексики говора семейских (старообрядцев) Забайкалья. В 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Бытовая лексика говора «семейских» Забайкалья» в Ленинградском государственном педагогическом институте им.

А. И. Герцена.

Многие годы Е. И. Тынтуева руководила диалектологической практикой студентов, осуществляя сбор и обработку материалов, которые потом частично вошли в «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999). Она является одним из соавторов Словаря.

Уйдя на заслуженный отдых, продолжала читать лекции по истории языка для студентов Восточно-Сибирской академии культуры и искусства, Восточно-Сибирского государственного технологического университета, для учителей в Бурятском институте повышения квалификации работников образования.

Юмсунова (Моррис) Тамара Балданова

Тамара Балдановна Юмсунова (Моррис) — courtesy профессор факультета славянских, восточно-европейских и евразийских исследований Орегонского университета (г. Юджин, штат Орегон, США), доктор филологических наук. Закончила историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (1975 г.), аспирантуру при кафедре русского языка Красноярского педагогического института (1984 г.). В 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лексика говора семейских Бичурского района Бурятской АССР (на материале трех тематических групп)» в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва). В 2005 г. в этом же Институте защитила докторскую диссертацию «Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современное состояние».

Т. Б. Юмсунова — автор свыше 150 научных работ, в том числе двух монографий. В ее монографии «Язык семейских — старообрядцев Забайкалья» (М., 2005) содержится комплексный анализ разноуровневых языковых черт говоров забайкальских старообрядцев и делается вывод об их генетической основе. При ее активном участии и под ее редакцией создан «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья». Новосибирск, 1999 (50 п.л.). Получала поддержку как на коллективные работы, так и на индивидуальные от РФФИ и РГНФ.

С 2005 г. и по настоящее время занимается говорами староверов Орегона (США). Полученные результаты исследований говоров семейских Забайкалья и говоров староверов Орегона неоднократно излагались ею на научных конференциях в разных странах мира.

В 2007 году по просьбе староверов вместе проф. Ричардом Моррисом открыли в Орегоне частную школу для детей и внуков староверов, где обучали их русскому и церковнославянскому языкам на широком культурном и историческом фоне. Школа просуществовала до 2020 г. и через нее прошло более 100 человек.

Т. Б. Юмсунова — полевой диалектолог, сделавший большое количество многочасовых магнитофонных записей диалектной речи не только семейских Забайкалья и староверов Орегона, но и липован Украины и Румынии, казаков-некрасовцев Ставропольского края.

Т. Б. Юмсунова — «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия».

Научное издание

*Надежда Александровна Дарбанова,
Александр Петрович Майоров,
Марина Борисовна Матанцева,
Ирина Жамсарановна Степанова*

ЯЗЫК СЕМЕЙСКИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ

ХРЕСТОМАТИЯ

*В оформлении обложки использована
картина С. Д. Милорадовича, 1898 год.
Государственный музей истории религии*

Дизайн обложки А. Б. Дашиевой
Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 07.12.2021. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 23,52. Тираж 200. Заказ 167.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а